Н. Я. ГРОТЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА БИБЛІОТЕКА

ФИЛОСОФІЯ

И

ЕЯ ОБЩІЯ ЗАДАЧИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА-ФОТОТИПІИ АВТОРА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1904

В. 4170
Гро

Н. Я. ГРОТЪ

ФИЛОСОФІЯ

И

ЕЯ ОБЩІЯ ЗАДАЧИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОРТРЕТА-ФОТОТИПІИ АВТОРА

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1904

В

Николай Ярош

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Отъ Московскаго Психологическаго Общества V

Н. Я. Гротъ. Біографическій очеркъ, статья В. И. Шенрока. . . . IX

Философскіе взгляды и научная дѣятельность Н. Я. Грота. Статья П. П. Соколова. LXVII

«Философскіе этюды (А. А. Козлова)» Критическій очеркъ 1

Философія, какъ вѣтвь искусства. 27

Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству 32

Къ вопросу о критеріяхъ истины. Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма 43

Къ вопросу о классификаціи наукъ

I. О научномъ значеніи классификаціи наукъ 65

II. Общій принципъ классификаціи наукъ 70

III. Спеціальные принципы классификаціи наукъ. 77

IV. Критика классификаціи наукъ Конта и Спенсера. 82

V. Исправленіе и объединеніе классификаціи наукъ Конта и Спенсера въ одной общей системѣ 90

VI. Дополнительныя сообщенія по поводу наложенной классификаціи наукъ. 104

Къ вопросу объ истинныхъ задачахъ философіи 122

*

стр.

О направленіяхъ и задачахъ моей философіи (по поводу статьи архіепископа Никанора). 146
Значеніе чувства въ познаніяхъ и дѣятельности человѣка 162
Дополненіе къ предыдущей статьѣ 187
Что такое метафизика? 194
Критическая замѣтка (о книгѣ Л. Лопатина) 212
О времени (критическое изслѣдованіе). 220

ОТЪ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Выпуская настоящій сборникъ трудовъ Николая Яковлевича Грота, Московское Психологическое Общество приноситъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, оказавшимъ ему содѣйствіе для выполненія этой задачи,—и прежде всего А. С. Суворину, давшему средства для изданія, и К. Я. Гроту, который далъ Психологическому Обществу возможность вложить свой посильный трудъ въ это столь цѣнное для него изданіе. Равнымъ образомъ мы высказываемъ величайшую признательность В. И. Шенроку за его прекрасный біографическій очеркъ и нашему уважаемому сочлену П. П. Соколову—за превосходную статью, которая служитъ лучшимъ введеніемъ къ философскимъ трудамъ Н. Я. Грота и незамѣнимымъ руководствомъ для читателя, помогая ему въ оцѣнкѣ произведеній, относящихся къ различнымъ періодамъ дѣятельности Николая Яковлевича, и отражающихъ различныя, измѣнявшіяся точки зрѣнія.

Проектъ изданія трудовъ Н. Я. Грота составлялся въ редакціонномъ комитетѣ Психологическаго Общества еще при участіи покойнаго редактора журнала и трудовъ Общества В. П. Преображенскаго, не долго пережившаго Николая Яковлевича. Не видя возможности немедленно издать многотомное полное собраніе сочиненій Н. Я. Грота—что̀ до сихъ поръ составляетъ наше общее завѣтное желаніе,—Психологическое Общество воспользовалось представившейся возможностью издать, согласно плану самого автора, найденному въ его бумагахъ [1]), хотя бы

[1]) Н. Я. распредѣлилъ въ немъ свои труды по слѣдующимъ отдѣламъ: I. Философія (Общія задачи). II. Исторія философіи. III. Психологія. IV. Этика и соціологія. V. Статьи на разныя темы.

всѣ разбросанныя по періодическимъ изданіямъ работы Николая Яковлевича, на основаніи которыхъ читатель могъ бы составить себѣ понятіе о послѣдовательномъ развитіи его философской мысли, о пройденномъ имъ умственномъ пути отъ позитивизма—къ идеализму.

Въ виду этого мы не могли ограничиться въ предпринятомъ изданіи лучшими и наиболѣе значительными произведеніями Николая Яковлевича: главныя изъ нихъ, какъ напр., его диссертаціи о «реформѣ логики» и «психологіи чувствованій» не могутъ войти въ него уже по самому своему объему; за то читатель найдетъ въ немъ и многое такое, что въ развитіи нашего философа имѣло значеніе лишь временной ступени, преходящаго момента. Мы надѣемся однако, что никто за это на насъ не посѣтуетъ: иначе намъ пришлось бы отказаться отъ слишкомъ многаго и притомъ иногда наиболѣе характернаго и яркаго. Николай Яковлевичъ никогда, до самаго конца, не зналъ въ философіи окончательныхъ ступеней, догматическихъ непреложныхъ и готовыхъ результатовъ; вся его умственная жизнь была однимъ кипучимъ порывомъ, однимъ неудержимымъ стремленіемъ впередъ, стремленіемъ иногда какъ будто даже слишкомъ поспѣшнымъ, но всегда юношески-свѣжимъ, горячимъ, увлекательнымъ. Это-то и составляло главный секретъ его вліянія и обаянія на всѣхъ вообще и молодежь въ особенности,—обаянія, о которомъ тѣ, кто не знали лично Николая Яковлевича, могутъ составить себѣ лишь весьма несовершенное представленіе по его сочиненіямъ. И хотя онъ написалъ чрезвычайно много—у насъ хватило бы матеріала на много томовъ—ни въ какой сборникъ, ни въ какую книгу нельзя было бы втиснуть его вѣчно-подвижную, вѣчно стремящуюся мысль, согрѣтую юношеской вѣрой въ философскій идеалъ. Успокоившійся метафизикъ или успокоившійся позитивистъ могутъ съ самодовольной ироніей относиться къ этой неустанной ломкѣ и перестройкѣ, къ этому быстрому неугомонному движенію, подобному бѣгу горнаго ручья,—къ этимъ перемѣнамъ, противорѣчіямъ, смѣлымъ гипотезамъ, постоянно новымъ мыслямъ и взглядамъ, которыя стремятся неудержимо высказаться и отъ которыхъ самъ авторъ нерѣдко отказывается, вступивъ на высшую ступень философскаго сознанія. И однако въ этой кипучей дѣятельности и движеніи, въ этой изумительной универ-

сальной отзывчивости ко всѣмъ теченіямъ и запросамъ нравственной и философской мысли чувствуется горячее, молодое біеніе жизни, которой чужда всякая схоластика, чѣмъ бы она ни прикрывалась — все равно метафизикой или позитивизмомъ.

Да послужитъ же настоящій сборникъ началомъ ознакомленія русскихъ читателей съ плодами этой безвременно угасшей жизни, а за нимъ да послѣдуютъ другіе, которые должны обнять въ себѣ остальныя сочиненія и курсы дорогого Николая Яковлевича.

Л. М. Лопатинъ.

Кн. С. Трубецкой.

Н. Я. ГРОТЪ.

(1852—1899).

(Біографическій очеркъ [1]).

Въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей послѣднихъ десятилѣтій будущій историкъ просвѣщенія, безъ сомнѣнія, отведетъ почетное мѣсто Н. Я. Гроту. Не только его учено-литературныя заслуги, но также основанный по его иниціативѣ философскій журналъ и организованное имъ Московское Психологическое Общество [1]), котораго онъ съ 1888 г. былъ безсмѣннымъ предсѣдателемъ, даютъ ему безспорное право на вниманіе и требуютъ справедливой оцѣнки. Много было дано ему отъ природы, и онъ широко воспользовался ея щедрыми дарами, хотя нельзя съ другой стороны не пожалѣть, что онъ слишкомъ неумѣренно расходовалъ свою кипучую энергію и что безпощадная смерть застигла его въ самую пору расцвѣта духовныхъ силъ, въ то время, когда пріобрѣтенная имъ въ ученомъ мірѣ почетная репутація и обширныя сношенія съ представителями философской науки въ Европѣ и Америкѣ, казалось, должны были открыть передъ нимъ новую блестящую будущность.

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка авторъ пользовался письмами покойнаго Н. Я. Грота къ роднымъ, особенно къ брату Константину Яковлевичу, также письмами лично къ нему, автору, статьями (гг. Ивановскаго, Викторова, Айхенвальда, П. Соколова) о Н. Я. Гротѣ въ посвященной его памяти книжкѣ (51-ой, 1900 г.) журнала «Вопросы Философіи и Психологіи», наконецъ, собственными воспоминаніями и особенно сообщеніями К. Я. Грота.

[1]) Оно было основано проф. М. М. Троицкимъ въ 1885 г.

Живую и добрую память оставилъ по себѣ Гротъ также и какъ общественный дѣятель и какъ человѣкъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ исключительныхъ натуръ, на которыя суровая проза жизни не въ силахъ наложить свою угрюмую печать. Онъ какъ будто родился подъ счастливой звѣздой. Проходя блестяще жизненное поприще, онъ не уставалъ до самаго конца создавать обширные планы и рисовать роскошныя перспективы. На его душевномъ горизонтѣ всегда ясно и привѣтливо сіяло ласковое солнышко ранней весны, и весь онъ былъ полонъ поэзіи увлеченія. Въ обществѣ такихъ людей сѣрыя краски жизни превращаются въ яркія и розовыя и получается какой-то волшебный оптическій обманъ. Воодушевленный свѣтлыми надеждами, онъ бодро смотрѣлъ въ даль будущаго и въ другихъ поднималъ энергію и давалъ имъ крылья. Онъ имѣлъ завидный даръ невольно повышать во всѣхъ душевный діапазонъ, заражая своей жизнерадостностью, въ чемъ, вмѣстѣ съ беззавѣтной преданностью идеѣ, и крылась собственно тайна производимаго имъ обаянія и его общепризнаннаго организаторскаго таланта. Въ то же время онъ былъ въ высокой степени доступенъ чувству задушевной общительности и теплаго, сердечнаго участія. Въ некрологѣ его, напечатанномъ въ «Вѣстникѣ Европы», покойный Вл. С. Соловьевъ называетъ его добрымъ, дорогимъ товарищемъ и въ концѣ своей замѣтки обращаетъ къ своему умершему другу нѣсколько трогательныхъ, глубоко прочувствованныхъ строкъ, а графъ Л. Н. Толстой по смерти Грота однажды выразился, что ему «недостаетъ» этого даровитаго и высоко-симпатичнаго «молодого человѣка». Хотя Гротъ далеко уже не былъ молодымъ человѣкомъ (онъ умеръ 47 лѣтъ), но обмолвка эта знаменательна и характерна: дѣйствительно до послѣднихъ минутъ онъ былъ весь—жизнь и молодость.

I.

По отцу Николай Яковлевичъ происходилъ отъ голштинскаго выходца 2-ой полов. XVIII в., Іоакима Христіана Грота, человѣка высокой преданности долгу и разумной общественной иниціативы. Богословъ по призванію, онъ скромное званіе пастора предпочелъ каѳедрѣ въ родномъ университетскомъ городѣ въ Германіи и, переселившись потомъ въ Россію, въ томъ же

званіи продолжалъ всю жизнь работать надъ самоусовершенствованіемъ. Своей всегдашней готовностью приносить пользу ближнимъ, онъ скоро пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Знаменитый Шлецеръ печатно называлъ его своимъ другомъ, а императрица Екатерина пожаловала ему большую золотую медаль. Его сынъ, Карлъ Ефимовичъ (такъ передѣлали его отчество въ Россіи) 14 лѣтъ былъ приглашенъ ко двору для упражненія великихъ князей (старшихъ сыновей Павла Петровича) въ иностранныхъ языкахъ, а по окончаніи курса въ Петропавловскомъ училищѣ въ Петербургѣ публично произнесъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ, удостоившуюся упоминанія въ извѣстномъ трудѣ Бакмейстера «Russiche Bibliothek». Обоимъ сыновьямъ его уже было суждено значительно выдвинуться и пріобрѣсти большую извѣстность. Мы не станемъ здѣсь говорить о всѣмъ памятной дѣятельности академика Я. К. Грота, а также и брата его, Константина Карловича [1]); замѣтимъ только, что особенное достоинство Якова Карловича заключалось въ томъ, чего болѣе или менѣе недоставало всему современному русскому обществу,—въ высокой программѣ жизни и въ строжайшемъ отношеніи къ себѣ и къ своему долгу и въ глубокомъ пониманіи евангельскаго завѣта о достойномъ примѣненіи данныхъ человѣку талантовъ. Это была личность скромная и симпатичная. Говорятъ, что императоръ Александръ III въ спорѣ по одному литературному вопросу, на возраженіе противника, который ссылался на Якова Карловича, однажды сказалъ: «Ну, въ такомъ случаѣ это такъ же вѣрно, какъ Евангеліе». Въ извѣстной перепискѣ съ Плетневымъ особенно ярко рисуется личность покойнаго академика и глубокая, разумная преданность двухъ душевно уважавшихъ другъ друга людей, связанныхъ умственными и эстетическими интересами.

Другого истиннаго друга, въ лучшую пору жизни Я. К. Гротъ нашелъ въ своей женѣ, Натальѣ Петровнѣ. Она была дочь капитана П. Н. Семенова, автора нѣсколькихъ остроумныхъ пародій, свидѣтельствующихъ объ его недюжинномъ умѣ и бойкомъ, веселомъ юморѣ. Его пародію на оду «Богъ» всѣ знали наизусть въ томъ полку, гдѣ онъ служилъ, и даже самъ шефъ

[1]) Статсъ-секретаря, члена Государственнаго совѣта, основателя Попечительства и многихъ учрежденій для слѣпыхъ († 1897).

полка, императоръ Николай. Въ домашнемъ кругу онъ отличался такой живостью и веселостью, что уже въ пожилыхъ годахъ охотно игралъ съ дѣтьми и забавлялъ ихъ. Такой же живостью и добродушной привѣтливостью обладали и другіе члены даровитой семеновской семьи; это была ихъ родовая черта.

Такимъ образомъ въ стихію образцоваго гротовскаго трудолюбія и неуклоннаго служенія долгу свѣтлой струей влилась семеновская живость и жизнерадостность, и оба эти элемента гармонически соединились въ лицѣ Николая Яковлевича.

II.

Николай Яковлевичъ родился 18 апрѣля 1852 г. въ Гельсингфорсѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ русской литературы и исторіи. Уже въ первые мѣсяцы ребенокъ поражалъ необыкновенной живостью и, какъ всѣ впечатлительныя дѣти, требовалъ усиленныхъ попеченій. Онъ скоро сдѣлался любимцемъ всей семьи и былъ окруженъ общими заботами. Но на первомъ году ему уже пришлось вынести трудное для его возраста путешествіе во время переѣзда его родителей изъ Финляндіи въ Петербургъ, гдѣ Яковъ Карловичъ, при содѣйствіи Плетнева, получилъ каѳедру въ Александровскомъ Лицеѣ и вскорѣ началъ также занятія съ Августѣйшими дѣтьми В. К. Александра Николаевича. Это было въ началѣ 1853 года. Въ концѣ того же года Гроты поселились въ домѣ Сазонова въ Первой линіи Васильевскаго Острова, гдѣ протекло все дѣтство и юность Николая Яковлевича въ самой благопріятной семейной обстановкѣ. Родители его сразу сумѣли найти то прочное счастье, о которомъ люди такъ много мечтаютъ и которое такъ рѣдко дается; но оно не было случайнымъ лотерейнымъ выигрышемъ, а создавалось и поддерживалось неослабными заботами и напряженнымъ трудомъ. Общее довольство и спокойствіе обусловливалось единодушіемъ главныхъ членовъ семьи, гдѣ жена была истинной помощницей и вѣрнымъ товарищемъ мужа. Въ воспитаніи дѣтей они держались строгой системы: здѣсь не было и тѣни безпечной распущенности, предоставляющей выработку характеровъ на волю случая. Во многомъ воспитаніе носило даже почти спартанскій характеръ; дѣтямъ не давали долго спать и никакая изнѣженность не допускалась. Во всемъ они встрѣчали не-

уклонныя требованія и поблажекъ не дѣлалось, но въ усвоеніи требуемой выдержки много помогала строгая послѣдовательность режима и постоянный примѣръ старшихъ, относившихся къ нимъ, при всей настойчивости, съ любовью и лаской. Но не слѣдуетъ думать, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло шло совершенно плавно и гладко.

Напротивъ, воспитаніе Николая Яковлевича представляло значительныя трудности. Это была какъ разъ натура всего менѣе способная подчиняться режиму, вѣчно куда-то рвущаяся, никогда не успокоивающаяся, неугомонная и неукротимая. Необыкновенная живость ребенка, требовавшая неослабнаго и напряженнаго наблюденія, сама по себѣ причиняла много хлопотъ: но кромѣ того страстность пылкаго темперамента и инстинктивное, но чрезвычайно сильное и раннее стремленіе къ самостоятельности сильно затрудняли послѣдовательное проведеніе педагогическихъ началъ, — особенно въ виду того, что это былъ первенецъ, на которомъ родителямъ впервые приходилось примѣнять свои педагогическіе пріемы. Съ другой стороны нравственная отвѣтственность сильно осложнялась выдающейся даровитостью ребенка. Но Гроты были люди съ большой выдержкой и самообладаніемъ. Имѣя передъ глазами ясно поставленную цѣль и всей трудовой жизнью приготовленные къ своей высокой задачѣ, они не терялись при встрѣчѣ съ трудностями и продолжали послѣдовательно и бодро проводить строго обдуманную систему. Въ этомъ имъ помогала склонность къ семейной жизни и равнодушіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ. Большую помощь находили они также и въ добрыхъ наклонностяхъ ребенка, обладавшаго натурой привязчивой и доброй. Увѣщанія и ласки родителей легко получали доступъ къ его сердцу и смягчали вспышки гнѣва и упорства. Николай Яковлевичъ обладалъ горячимъ, любящимъ, привязчивымъ сердцемъ и душой, расположенной къ самымъ высокимъ, чистымъ и благороднымъ порывамъ и стремленіямъ и отличался высшей степенью прямоты, откровенности и правдивости въ словахъ и дѣйствіяхъ. Всѐ это значительно облегчало задачу обузданія его страстности и стремительности; приходилось сдерживать его порывы, но не было основанія бояться какого-нибудь неожиданнаго и вреднаго вліянія со стороны. «Добрые и свѣтлые порывы всегда быстро и рѣшительно торжествовали надъ дурными и низмен-

ными, и это относится какъ къ самому первому, нѣжному дѣтству, такъ и къ юности и къ молодости», свидѣтельствуетъ его братъ Константинъ Яковлевичъ, бывшій его товарищемъ и другомъ дѣтства и до конца связанный съ нимъ тѣсной дружбой.

III.

Въ раннемъ дѣтствѣ самое рѣшительное вліяніе въ воспитаніи, какъ извѣстно, принадлежитъ матери, а Наталья Петровна Гротъ всегда придавала великое значеніе роли женщины въ семьѣ, и особенно какъ воспитательницы, и проводила это убѣжденіе въ жизни. Она высоко ставила материнскую сердечность и ласку, а въ скромной долѣ и самоотверженности видѣла особенную высоту женскаго призванія. Она обладала душой, беззавѣтно преданной всему, что было связано не только съ ея личной судьбой, но и съ прошлымъ близкихъ людей и отечества. Въ натурѣ ея особенно поражало умѣнье быть благодарной, а къ холодному скептицизму она питала органическое отвращеніе. «Простота и правда», говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ, «были завѣтными идеалами моей души, а безыскусственная патріархальность русской жизни въ моемъ дѣтствѣ навсегда осталась живою въ моихъ воспоминаніяхъ». Всѣми указанными сторонами своей личности она имѣла благотворное вліяніе на дѣтей, и хотя Николай Яковлевичъ по натурѣ своей былъ созданъ піонеромъ будущаго и всегда неудержимо и страстно рвался впередъ, но и ему также былъ несимпатиченъ равнодушный и холодный скептицизмъ, и онъ живо сознавалъ кровную связь съ родными людьми и мѣстами, скрѣпленную свѣтлой памятью счастливаго дѣтства.

Такимъ образомъ, хотя и многихъ заботъ требовало моральное воспитаніе Николая Яковлевича, но добрыя сѣмена падали на хорошую почву, а въ отношеніи развитія и обученія ребенокъ шелъ самъ навстрѣчу заботамъ старшихъ, и ученье давалось ему такъ легко, онъ такъ охотно за все принимался, что не нужно было мучиться заботами о пробужденіи въ немъ любви къ занятіямъ и къ труду. Однако родители не полагались на эти счастливые задатки и всѣми силами старались входить во всѣ подробности обученія, ведя его по возможности лично, а постороннему попеченію предоставляя лишь практику въ иностранныхъ языкахъ и препо-

даваніе такихъ предметовъ, какъ чистописаніе. Когда время позволяло Якову Карловичу, онъ самъ занимался съ дѣтьми и много читалъ имъ; Наталья Петровна съ своей стороны учила ихъ французскому языку и русскимъ предметамъ, а ариѳметикѣ и нѣмецкому языку—учила любящая, но строгая и требовательная сестра Якова Карловича, Роза Карловна. Рядомъ съ ученьемъ важное значеніе придавалось и физическому воспитанію, развитію и укрѣпленію въ дѣтяхъ всякой практической сноровки и умѣнья ко всему приложить руки. И результатъ получился цѣнный: Николай Яковлевичъ умѣлъ превосходно выполнить всякую практическую задачу и всегда практически устраивался въ домашнемъ быту, со вкусомъ и недорого; онъ всякія хлопоты бралъ на себя безъ малѣйшаго неудовольствія, и дѣло такъ и кипѣло въ его рукахъ. Хотя упражненія во всякихъ практическихъ умѣньяхъ, ремеслахъ и искусствахъ относятся, главнымъ образомъ, къ годамъ позднѣйшаго школьнаго ученія, но основа этой практической приспособленности заложена была еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Тогда же стали находить себѣ поощренія дѣтскіе вкусы и способности въ искусствахъ—рисованіи и музыкѣ.

IV.

Въ лѣтніе мѣсяцы ослаблялись, но не забрасывались учебныя занятія, а уступали главнымъ образомъ мѣсто физическимъ упражненіямъ, чему способствовало раннее знакомство съ деревенской жизнью; эта жизнь была полезна и для ранняго укрѣпленія національнаго чувства и любви къ родинѣ. Въ этомъ отношеніи на нихъ оказывали благотворное вліяніе какъ заботы Якова Карловича, въ которомъ любовь къ Россіи воспитала благодарная своему второму отечеству мать его, такъ и Наталья Петровна, коренная русская женщина, глубокая и убѣжденная патріотка. Несмотря на лютеранское исповѣданіе, будучи истинно-русскимъ человѣкомъ, Яковъ Карловичъ все же до самой женитьбы мало еще зналъ внутреннюю Россію, но позже онъ былъ окончательно захваченъ и увлеченъ русской стихіей. Братья Натальи Петровны, Николай и Петръ Петровичи Семеновы [1]) дружески сошлись съ ея мужемъ, котораго привлекало къ нимъ, кромѣ личныхъ нравственныхъ достоинствъ, также то обстоятельство, что они были просвѣ-

[1]) Нынѣ сенаторы; П. П.—и членъ Государственнаго совѣта.

щенными представителями своего круга, съ которыми онъ могъ дѣлиться своими литературными и научными интересами.

Лѣтнія поѣздки въ деревню участились съ 1860 года, когда Яковъ Карловичъ, по окончаніи занятій въ царской семьѣ, поѣхалъ лѣтомъ одинъ за границу, а семья его проводила лѣто въ имѣніи Н. П. Семенова въ Рязанской губерніи (прежде въ выборѣ дачныхъ мѣстъ Гроты должны были сообразоваться съ лѣтними царскими резиденціями). То же повторилось и въ 1862 г., когда онъ одинъ предпринялъ путешествіе съ ученой цѣлью по разнымъ городамъ Россіи для собиранія матеріаловъ по изданію сочиненій Державина. Тогда дѣти были еще очень малы и рано было думать о серьёзномъ образовательномъ значеніи поѣздокъ. Напротивъ позднѣе, когда сыновья его подросли, онъ охотно бралъ ихъ съ собой (въ 1863 г. въ Новгородъ и Олонецк. губ., въ Петрозаводскъ и на Кивачъ). Когда лѣтомъ 1861 г. Я. К. предпринялъ новое заграничное путешествіе, то, въ виду удобныхъ условій заграничныхъ поѣздокъ, нашелъ возможнымъ взять съ собой всю семью, и это былъ первый опытъ такого сложнаго передвиженья, вполнѣ оправдавшій своими результатами его педагогическія соображенія. Гроты ѣздили тогда на воды въ Чехію и на морскія купанья въ Сѣверномъ Нѣмецкомъ морѣ. Это интересное путешествіе и пребываніе въ Теплицѣ (въ Чехіи), а потомъ у Сѣвернаго моря въ Нордернеѣ не могло не оказать сильнаго развивающаго дѣйствія на девятилѣтняго мальчика и не оставить въ немъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній. Передъ нимъ открылся новый міръ, интересный и высоко поучительный. Впечатлѣнія заграничной жизни и быта поглощались имъ съ жадностью и глубоко западали въ воспріимчивую дѣтскую душу. Впечатлительнаго ребенка очаровала новая природа съ невиданными еще красотами: его заинтересовали новые люди съ ихъ языкомъ, нравами и обычаями. Съ этой ранней поры онъ сильно полюбилъ путешествія, которыя до конца жизни доставляли ему глубокія и долго не забываемыя наслажденія; въ путешествіяхъ онъ какъ-бы почерпалъ новую жизнь и всегда вспоминалъ о нихъ съ увлеченіемъ; въ чертахъ лица его играла тогда жизнь и глаза свѣтились радостнымъ блескомъ. Но особенно нравились ему путешествія цѣлой семьей, и тутъ, въ этомъ отношеніи, нельзя также не видѣть слѣдствія впечатлѣній его раннихъ поѣздокъ.

V.

По возвращеніи изъ этой поѣздки занятія и ученье дѣтей были организованы серьёзнѣе и систематичнѣе, чѣмъ прежде. Съ осени рѣшено было посылать ихъ въ училище и надо было ихъ подготовить. Самъ Яковъ Карловичъ принималъ участіе въ этихъ занятіяхъ: онъ проходилъ съ ними исторію, читалъ разсказы изъ русской исторіи по Нестору и русскій пересказъ «Иліады». Въ Петербургѣ въ это время славилось полунѣмецкое училище доктора Видемана, отличнаго педагога и прекрасно образованнаго человѣка. Яковъ Карловичъ, познакомившійся съ педагогической опытностью Видемана и заведеннымъ имъ порядкомъ, вполнѣ оцѣнилъ это училище и рѣшилъ отдать туда приходящими своихъ двухъ сыновей. Видеманъ, исходившій изъ принципа, что съ ученіемъ и сообщеніемъ знаній должно быть тѣсно соединено воспитаніе дѣтей, нравственная и умственная подготовка ихъ къ труду и образованіе ихъ характера, умѣлъ согласовать съ этой цѣлью весь строй школы и вдохнуть въ нее духъ долга, трудолюбія и энергіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его гимназіи господствовало начало семейственности, взаимнаго довѣрія, единодушія, сердечности, простоты отношеній. Училище было прекрасно обставлено и съ внѣшней, матеріальной стороны. Особенно важно было въ немъ отношеніе къ родителямъ, съ которыми Видеманъ старался поддерживать близкія отношенія и много бесѣдовалъ, а также заботы о физическомъ воспитаніи дѣтей, чего тогда не было и въ поминѣ въ казенныхъ гимназіяхъ. Въ этомъ заведеніи царилъ духъ товарищества, а также отношенія педагоговъ къ воспитанникамъ были патріархально-дружескія и отеческія.

Въ этой школѣ духовное развитіе Николая Яковлевича быстро двинулось впередъ. Духъ заведенія какъ нельзя больше гармонировалъ съ его прирожденной дружелюбной общительностью; любимецъ семьи и родныхъ, онъ скоро сдѣлался также любимцемъ школьныхъ товарищей. Наставники, въ свою очередь, полюбили привѣтливаго, веселаго и способнаго мальчика, хвалили и ласкали его, такъ что и онъ могъ чувствовать себя привольно и имъ были довольны. Быстро освоившись въ новой средѣ, Николай Яковлевичъ незамѣтно получилъ извѣстный авто-

ритетъ и голосъ среди товарищей, который, по внушенію своей доброй натуры, онъ употреблялъ на благородное заступничество за слабыхъ и обижаемыхъ. Воспитанный въ хорошей семьѣ и ея попеченіями спасенный отъ знакомства съ грустными, ожесточающими сторонами жизни, онъ былъ полонъ доброжелательства и чуждъ тѣхъ инстинктовъ, которые отталкиваютъ и поселяютъ вражду. Съ другой стороны спокойная увѣренность въ себѣ и легко достававшееся первенство избавило его отъ зависти и соревнованія. Но въ задорной дѣтской средѣ не обходилось безъ ссоръ и притѣсненій. Вотъ здѣсь и нашли примѣненіе рыцарскія чувства маленькаго Грота: онъ вступался за слабенькихъ, за что многіе товарищи были ему благодарны. Между прочимъ былъ порученъ его защитѣ слабый здоровьемъ и робкій мальчикъ В. К. Ернштедтъ, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета и академикъ.

VI.

Въ 1863 году Яковъ Карловичъ, взявъ съ собой сыновей, предпринялъ для работъ по своему капитальному изданію сочиненій Державина путешествіе въ сѣверный край Россіи, въ тѣ мѣстности, которыя прославлены жизнью и твореніями этого поэта: онъ посѣтилъ Новгородъ, Званку, знаменитое имѣніе Державина на Волховѣ, Петрозаводскъ и поэтическій Кивачъ. Такое путешествіе подъ руководствомъ высоко образованнаго и нѣжно-заботливаго отца во многихъ отношеніяхъ было для дѣтей превосходной школой, начиная съ могучаго дѣйствія на душу величавыхъ картинъ дикаго сѣвера и кончая практической пользой въ томъ, что они впервые пріучались обходиться безъ женскаго ухода и приспособляться къ дорожнымъ неудобствамъ и лишеніямъ.

Обычно же семья ѣздила на лѣтній отдыхъ въ Рязанскую губернію, сперва въ имѣніе сенатора Н. П. Семенова, брата Натальи Петровны, а съ 1864 г. въ пріобрѣтенное Я. К. Гротомъ по сосѣдству небольшое имѣніе Красную Слободку. Здѣсь, на лонѣ природы, среди сельскихъ занятій и развлеченій, среди коренного русскаго люда и при простой деревенской обстановкѣ дѣти пользовались здоровымъ отдыхомъ. Впрочемъ, при живой и дѣятельной натурѣ, Николай Яковлевичъ всегда находилъ надъ чѣмъ поработать и позаняться и непремѣнно чѣмъ-нибудь увлекался,

напр., рисованіемъ, къ которому имѣлъ большія способности. Его природное влеченіе и вкусъ ко всякимъ механическимъ и техническимъ работамъ, архитектурѣ, строительству и проч. нерѣдко находили себѣ приложеніе въ деревенской обстановкѣ, подобно тому, какъ зимой, въ городѣ, родители давали возможность сыновьямъ развивать сноровку и ловкость рукъ и примѣнять ее къ разнымъ полезнымъ занятіямъ, напр. столярному, переплетному, картонажному и проч., для чего пріобрѣтались приборы и для обученія приглашались мастера.

Въ гимназіи Видемана дѣти оставались до весны 1867 г.; но такъ какъ она не имѣла еще правъ казенныхъ гимназій и при томъ въ ней не достаточно серьёзно преподавались древніе языки (греческій даже вовсе не преподавался), а также такъ называемые «русскіе предметы», то родители рѣшили перевести сыновей въ казенную Ларинскую гимназію, съ которою Яковъ Карловичъ былъ знакомъ по ревизіи преподаванія русскаго языка въ 1865 г. Однако, разница въ программахъ оказалась настолько значительной, что пришлось серьёзно подумать о подготовкѣ къ экзамену.

VII.

Лѣто 1867 г. было снова посвящено путешествіямъ, но на этотъ разъ оно далеко не было увеселительной прогулкой: предпринятое для поправленія пошатнувшагося здоровья Натальи Петровны, оно было омрачено недоровьемъ какъ Якова Карловича, такъ и Николая Яковлевича. Наши путешественники направились черезъ Варшаву въ Вѣну, гдѣ пробыли нѣкоторое время, въ теченіе котораго успѣли ознакомиться съ ея достопримѣчательностями, посѣтили Зальцбургъ съ его окрестностями, Ишль, Траунское озеро и другіе живописные уголки этого края. Отсюда отправились въ Чехію, сперва въ Франценсбадъ (гдѣ схватилъ перемежающуюся лихорадку Я. К.), потомъ въ Маріенбадъ. Въ первомъ изъ этихъ курортовъ Николай Яковлевичъ сильно помучился лихорадкой, первые приступы которой онъ выдержалъ еще въ Вѣнѣ. Къ счастью, горная мѣстность Маріенбада, этого живописнаго уголка, значительно помогла его скорому выздоровленію, послѣ чего семья снова продолжала прерванное путешествіе; но эта болѣзнь все таки была, вѣроятно, началомъ и причиной его послѣдующихъ страданій маляріями. Черезъ Пльзно

(Пильзенъ) Гроты проѣхали въ Прагу, знакомство съ которой произвело на молодежь глубокое и отрадное впечатлѣніе, особенно же радушный и сердечный, почти родственный пріемъ, сдѣланный чехами семьѣ русскаго академика.

Это былъ годъ сильнѣйшаго патріотическаго возбужденія, годъ знаменитаго общеславянскаго съѣзда и этнографической выставки въ Москвѣ. Русско-славянское національное чувство и одушевленіе не могли не отозваться въ воспріимчивой душѣ Николая Яковлевича. Несомнѣнно, въ смыслѣ развитія національнаго самосознанія и патріотическихъ чувствъ, это пребываніе въ Чехіи и Прагѣ не могло не оставить слѣдовъ въ его душѣ. Оно имѣло и практическій результатъ: здѣсь для подготовки мальчиковъ въ Ларинскую гимназію былъ приглашенъ въ домъ молодой человѣкъ, чехъ, О. А. Шеборъ. Человѣкъ недюжинныхъ способностей, умный и тактичный, педагогъ по призванію, онъ скоро сдѣлался другомъ семьи и любимцемъ своихъ питомцевъ, на которыхъ имѣлъ прекрасное воспитательное вліяніе. Но при всей успѣшности его занятій, ему удалось подготовить Николая Яковлевича изъ Tertia Видемановской гимназіи только въ соотвѣтственный, третій сверху, т. е. въ пятый классъ Ларинской гимназіи: до того расходились программы казенныхъ гимназій съ курсомъ училища Видемана. Въ Ларинской гимназіи въ концѣ 60-хъ годовъ дѣйствовали выдающіеся педагоги и дѣятели литературы и науки: В. Д. Сиповскій, Г. С. Лыткинъ, В. С. Парамоновъ, А. А. Адамовъ, А. П. Рудаковъ, И. Ѳ. Рашевскій, И. А. Коссовичъ, и другіе.

Во главѣ заведенія стоялъ опытный и авторитетный педагогъ, И. Ѳ. Кнорринъ. И директоръ, и лучшія педагогическія силы были на высотѣ призванія и воспитательныхъ задачъ. Даже въ сравненіи съ гимназіей Видемана здѣсь было больше образцовыхъ дѣятелей школы, но зато здѣсь не было уже той патріархальной сердечности обращенія и безусловнаго отсутствія формализма, которымъ была вправѣ гордиться гимназія Видемана. Во время ученія въ Ларинской гимназіи Николай Яковлевичъ, благодаря блестящимъ способностямъ, неизмѣнно шелъ первымъ ученикомъ и кончилъ курсъ съ золотой медалью. Въ эту пору онъ съ особеннымъ увлеченьемъ предавался чтенію, поглощая книгу за книгой въ такомъ неумѣренномъ количествѣ, что это обстоятельство вызывало пререканія съ роди-

телями, которые не ожидали добра отъ такого чтенія безъ разбора. Но удержать Николая Яковлевича въ границахъ благоразумія въ данномъ отношеніи было очень трудно; онъ любилъ чередовать чтеніе серьёзныхъ сочиненій (особенно по общественнымъ наукамъ) съ беллетристикой и отчасти увлекался современнымъ тогда матеріалистическимъ направленіемъ, которое оставило замѣтный слѣдъ въ его увлекающемся и впечатлительномъ умѣ и опредѣлило до нѣкоторой степени направленіе его интересовъ и изученій въ университетѣ. Въ послѣднее время ученія въ гимназіи Николай Яковлевичъ сталъ горячо мечтать объ университетѣ, составляя обширные планы своихъ будущихъ занятій. Не безъ вліянія окружавшей его съ дѣтства ученой атмосферы и преобладающихъ историко-литературныхъ интересовъ отца, онъ выбралъ историко-филологическій факультетъ.

VIII.

Теперь намъ пора сказать нѣсколько словъ о вліяніи на Николая Яковлевича семьи въ самый важный періодъ развитія личности. Вся семья производила весьма отрадное впечатлѣніе своей любовью къ порядку и привлекательными нравственными качествами. Здѣсь было царство честнаго труда и полнѣйшей корректности во всемъ. Всѣ члены семьи относились другъ къ другу съ любовью и полнымъ уваженіемъ. Самъ Я. К. Гротъ, бодрый и дѣятельный, былъ образцомъ трудовой жизни и разумнаго употребленія времени: у него были строго опредѣленные часы для занятій и отдыха и для прогулокъ, и ни одна минута не пропадала даромъ; онъ держался во всемъ методическаго режима, основаннаго на строго обдуманныхъ гигіеническихъ и иныхъ соображеніяхъ, такъ что оставалось только удивляться строго проводимой имъ послѣдовательности и системѣ въ его планѣ жизни.

Много помогала въ томъ раціональномъ устройствѣ жизни Якова Карловича его супруга Наталья Петровна, заботливо и искусно отстранявшая отъ него непроизводительную трату времени, неизбѣжную при обширныхъ знакомствахъ. Всевластная рука времени, незамѣтно и плавно подвигая колеса фортуны, постепенно вносила перемѣны и въ этотъ счастливый уголокъ, но общій режимъ оставался тотъ же: съ одной стороны пріемы,

оживленіе, множество гостей, съ другой—тихая, трудовая, кабинетная атмосфера. Для молодого поколѣнія было, конечно, полезно и полирующее вліяніе свѣтскихъ отношеній и живой примѣръ неустаннаго добросовѣстнаго труда. Поэтому къ университетской порѣ Гротъ былъ дѣльнымъ и развитымъ и вмѣстѣ изящнымъ молодымъ человѣкомъ.

IX.

Сдѣлавшись студентомъ, Гротъ необыкновенно скоро, можно сказать тотчасъ же, обратилъ на себя общее вниманіе своего курса замѣчательной жизнерадостностью, соединенной съ чрезвычайной общительностью и привѣтливостью ко всѣмъ товарищамъ; онъ скорѣе другихъ знакомился съ однокурсниками и, неотразимо привлекая къ себѣ всѣхъ своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, значительно способствовалъ на первыхъ порахъ общему взаимному ознакомленію. На первыхъ же порахъ обнаружилъ онъ и весьма замѣтную любовь къ наукѣ, проявившуюся и въ слушаніи необязательныхъ курсовъ, напримѣръ санскритскаго языка (между прочимъ, вмѣстѣ съ нынѣшнимъ профессоромъ Московскаго университета Р. Ѳ. Брандтомъ и другими) и даже самыхъ разнообразныхъ лекцій, случайно имъ посѣщаемыхъ въ свободные часы на своемъ и другихъ факультетахъ, но особенно въ какомъ-то чувствѣ счастья быть студентомъ, которымъ онъ былъ тогда весь преисполненъ. Оживленной, быстрой походкой, съ постоянно ликующимъ видомъ, не столько озабоченный своими постоянными хлопотами, сколько счастливо настроенный и полный бодраго возбужденія, онъ вихремъ носился въ промежутки между лекціями по длинному университетскому коридору, вѣчно въ суетѣ и движеніи. Въ массѣ товарищей, большей частью съѣхавшихся изъ дальнихъ городовъ, удрученныхъ нуждой и насущными житейскими заботами, группировавшихся въ небольшіе и тѣсные кружки, какъ-то сильно выдѣлялся этотъ привѣтливый юноша, съ виду совсѣмъ почти мальчикъ, отъ души наслаждавшійся и новой для него университетской обстановкой, и профессорскими лекціями и общеніемъ съ товарищами, и наконецъ всѣми впечатлѣніями жизни, радостно имъ воспринимаемыми. Онъ одинъ чувствовалъ себя вполнѣ привольно, какъ рыба въ водѣ, никого не сторо-

нился и не хотѣлъ замкнуться ни въ какомъ уединенномъ кружкѣ, но совершенно просто и естественно сближался со всѣми. Благодаря этому, незамѣтно вокругъ Грота создавалась атмосфера тѣснаго товарищескаго общенія. Съ самаго начала Гротъ полюбилъ перипатетическія бесѣды съ болѣе близкими товарищами гдѣ-нибудь по Кадетской линіи или по Среднему проспекту Васильевскаго острова, когда, по нѣсколько разъ провожая другъ друга, молодые люди, увлеченные разговоромъ, никакъ не хотѣли разойтись и все чувствовали потребность подѣлиться другъ съ другомъ мыслями и впечатлѣніями. Вскорѣ нѣсколько товарищей стали собираться у Грота для совмѣстнаго чтенія Тита Ливія, которымъ рѣшили заняться — Гротъ ради изученія древней исторіи, которую онъ хотѣлъ избрать своей спеціальностью, а другіе два его товарища (въ томъ числѣ П. О. Морозовъ, извѣстный впослѣдствіи издатель сочиненій Пушкина) для лучшаго ознакомленія съ самимъ римскимъ писателемъ. Изъ всѣхъ университетскихъ предметовъ Гротъ особенно увлекался сначала исторіей, которую полюбилъ еще воспитанникомъ Ларинской гимназіи. Вскорѣ замѣтивъ затрудненія большинства товарищей, чувствовавшихъ нужду въ картѣ древней Италіи при слушаніи лекцій по древней исторіи, онъ весь предался со свойственнымъ ему рвеніемъ дѣлу изданія ея, примѣнительно къ лекціямъ профессора, цѣлыя недѣли проводя за черченіемъ, всевозможными справками и хлопотами по литографированію и конечно безъ всякихъ матеріальныхъ разсчетовъ, единственно по побужденіямъ товарищескаго чувства. Въ слѣдующемъ году онъ составилъ такую же карту древней Греціи.

X.

Упомянутымъ совмѣстнымъ товарищескимъ изученіямъ Тита Ливія, начатымъ съ великимъ увлеченіемъ, не суждено было долго продолжаться: виновникомъ нарушенія составившагося тріо оказался П. О. Морозовъ, быстро и рѣзко перешедшій отъ восторженнаго преклоненія передъ классической древностью къ полнѣйшему къ ней охлажденію и всецѣло посвятившій себя изученію русской и новыхъ иностранныхъ литературъ. Онъ же сталъ энергично агитировать между товарищами въ пользу болѣе живыхъ и увлекательныхъ предметовъ университетскаго

преподаванія, показывая соблазнительный примѣръ посѣщенія, вмѣсто нѣкоторыхъ обязательныхъ, но менѣе привлекательныхъ лекцій, аудиторій профессоровъ Сухомлинова, Миллера и Веселовскаго. Имѣвшія тогда огромный успѣхъ лекціи О. Ѳ. Миллера по литературѣ XIX вѣка вскорѣ устремили многихъ юношей, занимавшихся классической древностью, на путь изученія словесности, исторіи и философіи. Гротъ же въ годы студенчества, не увлекаясь древними языками, не былъ и ихъ противникомъ. Къ концу перваго года Гротъ сталъ уже, кромѣ исторіи, интересоваться и философіей. Онъ занимался въ университетѣ порывами и съ большимъ увлеченіемъ, но отнюдь не принадлежалъ къ числу тѣхъ студентовъ, которые благоразумно и равномѣрно изучаютъ всѣ предметы ради экзамена и диплома. Послѣдняго побужденія у Грота не было вовсе, потому что онъ имѣлъ способность передъ экзаменомъ, такъ сказать, брать приступомъ тѣ курсы, въ знаніи которыхъ долженъ былъ отдавать отчетъ, съ живымъ интересомъ слушая впрочемъ вообще всѣ предметы университетскаго преподаванія, кромѣ спеціально филологическихъ, напримѣръ, славянскихъ нарѣчій; но и въ этихъ предметахъ онъ успѣвалъ въ короткіе передэкзаменные сроки стать наравнѣ съ лучшими знатоками курса. Такъ передъ экзаменомъ со второго курса на третій по древней исторіи Гротъ съ непостижимой быстротой впитывалъ въ себя имена, факты и генеалогическія таблицы. Напряженіе памяти доходило до виртуозности. Еще поразительнѣе было, когда Гротъ, отчаянно запустившій занятія по славянскимъ нарѣчіямъ, послѣ непродолжительной подготовки далъ на экзаменѣ (при переходѣ на четвертый курсъ) одинъ изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ отвѣтовъ у профессоровъ Срезневскаго и Ламанскаго.

Приготовленія къ экзаменамъ у Грота никогда не сопровождались тѣмъ тревожнымъ и озабоченнымъ настроеніемъ, какъ у многихъ другихъ студентовъ; за освобожденіе отъ платы или за стипендію ему бояться было нечего, а заботиться объ отличіи передъ товарищами было не въ его характерѣ: объ этомъ онъ и не думалъ, но это давалось ему само собой, какъ что-то неизмѣнно и законно ему принадлежавшее. Но все же усиленныя занятія во время экзаменовъ требовали отдыха и освѣженія, и вотъ здѣсь снова къ услугамъ его являлись лѣтнія путешествія.

XI.

Въ 1873 г., послѣ перехода на третій курсъ, Гротъ ѣздилъ съ остальной семьей въ Швецію на морскія купанья въ Марстрандъ (островъ у Гётеборга). Опять ему представилась возможность наслаждаться новыми впечатлѣніями при осмотрѣ такихъ городовъ, какъ Стокгольмъ, Упсала, Христіанія съ ихъ достопримѣчательностями; его сильно заинтересовали шведская природа и населеніе, новые нравы и обычаи, ознакомленіе съ шведскимъ языкомъ и особенностями шведской жизни. Высокая культурность шведской націи очаровала его. Особенно же пріятна и поучительна была поѣздка въ Христіанію и сосѣдніе съ нею края Норвегіи. Не мало прелести представляли также случайныя путевыя встрѣчи и знакомства, которыя Николай Яковлевичъ умѣлъ легко завязывать. Въ это время, постоянно пользуясь обществомъ своего отца, не отвлекаемаго теперь въ путешествіи научными занятіями, онъ практиковался подъ его руководствомъ въ англійскомъ языкѣ, которымъ отецъ его владѣлъ вполнѣ. Въ пути Николай Яковлевичъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать для памяти наброски карандашомъ и акварелью въ своемъ дорожномъ альбомѣ и такимъ образомъ иллюстрировалъ все путешествіе. Какъ мы говорили, у него былъ большой природный талантъ къ живописи.

Въ слѣдующемъ, 1874 г., Гроту представился случай во время каникулъ совершить съ братомъ путешествіе по Волгѣ. Это путешествіе устроилъ имъ дядя К. К. Гротъ на свои средства; онъ же снабдилъ ихъ рекомендательными письмами въ приволжскіе города, гдѣ у него были большія связи и знакомства. Юные путешественники отправились изъ Петербурга по желѣзной дорогѣ до Рыбинска, а оттуда ѣхали по Волгѣ до Астрахани и обратно до Царицына, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ вернулись въ свою рязанскую деревню. Памятникомъ этого путешествія остался, кромѣ множества нарисованныхъ видовъ, любопытный дорожный альбомъ Николая Яковлевича, гдѣ онъ съ свойственной ему живостью воспроизводилъ свои встрѣчи, впечатлѣнія и маленькія приключенія. Въ каждомъ городѣ они находили знакомыхъ, пріятно проводили время и продолжали путь въ счастливомъ настроеніи безпечной и не испытавшей жизнен-

ныхъ невзгодъ ранней юности. Николай Яковлевичъ наслаждался патріархальностью и простотой отношеній провинціальной жизни, не забывая естественныхъ чистыхъ наслажденій возраста—увлеченій обаятельной прелестью веселой, плѣнительной бесѣды съ молодыми представительницами прекраснаго пола.

XII.

Въ послѣдніе два года своего студенчества нашъ молодой философъ былъ уже вѣрнымъ и исключительнымъ рыцаремъ избранной спеціальности. Читалъ Гротъ, будучи студентомъ, очень много, особенно по двумъ наиболѣе любимымъ своимъ предметамъ—философіи и исторіи. Увлеченію его философіей способствовалъ занимавшій въ свое время многихъ и, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересный ученый турниръ между двумя свѣтилами первой величины—Сѣченовымъ и Кавелинымъ. Съ пользой слушая систематично составленныя и обработанныя лекціи профессора Владиславлева, Гротъ былъ, однако, больше всего захваченъ и увлеченъ названной полемикой, ареной которой былъ «Вѣстникъ Европы». Съ малыхъ лѣтъ хорошо зная Кавелина, какъ близкаго друга своего дяди, Константина Карловича, Гротъ юношей-студентомъ обратилъ на себя сочувственное вниманіе Кавелина, предоставившаго въ его распоряженіе свою библіотеку и, несмотря на разницу возрастовъ, а особенно на цѣлую пропасть въ отношеніи научныхъ познаній, отдѣлявшую одного изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ своего времени отъ юноши-новобранца науки, Кавелинъ находилъ замѣтное удовольствіе въ бесѣдѣ съ молоденькимъ студентомъ, нерѣдко принимавшимъ сторону его противника—Сѣченова. Обычнымъ мѣстомъ ихъ перипатетическихъ бесѣдъ былъ Румянцевскій скверъ близъ Академіи Художествъ, гдѣ любилъ прогуливаться Кавелинъ. Онъ обыкновенно съ любовью и ожидавленно слушалъ своего собесѣдника, часто воодушевленно съ нимъ говорившаго или даже споришаго. Несомнѣнно, что живой интересъ, возбужденный въ Гротѣ споромъ Кавелина и Сѣченова, не только имѣлъ рѣшительное вліяніе на развитіе въ немъ вкуса къ философіи, но и привелъ къ мысли заняться для изученія психологіи естественными науками, которыя онъ принялся усердно штудировать по курсамъ и книгамъ своихъ знакомыхъ сту-

дентовъ-естественниковъ. Этимъ занятіямъ Гротъ отдавался съ тѣмъ большей горячностью, что считалъ, вмѣстѣ со многими, существеннымъ недочетомъ въ занятіяхъ тогдашнихъ спеціалистовъ-психологовъ ихъ недостаточную освѣдомленность въ области естествознанія. Грота особенно воодушевляла мысль, что онъ пойдетъ по болѣе широкому и болѣе соотвѣтствующему требованіямъ времени пути. Кстати здѣсь напомнить, что то была пора сильнаго и весьма распространеннаго, по истинѣ трогательнаго увлеченія естественными науками. Имена Менделѣева, Сѣченова и другихъ свѣтилъ естествознанія внушали молодежи какой-то священный трепетъ. На университетскомъ актѣ, 8 февраля, провозглашеніе именъ студентовъ, получившихъ не только медали, но даже похвальные отзывы за сочиненія по естественнымъ наукамъ, сопровождались такими шумными и демонстративно-восторженными овваціями, что, казалось, стѣны тряслись. Воодушевленіе молодежи имѣло въ себѣ какую-то волшебную, околдовывающую силу, и едва ли кто изъ старыхъ студентовъ не помнитъ этого. Если-бы Гроту кто-нибудь сказалъ тогда, что онъ не останется всегда позитивистомъ, онъ просто не могъ бы даже представить себѣ этого.

XIII.

Въ ту пору молодежь переживала чудные годы, когда юность бываетъ озарена блестящимъ сіяньемъ солнечнаго свѣта, когда вся предстоящая жизнь представляется сплошнымъ счастьемъ, когда ярче свѣтитъ солнце, нѣжнѣе благоухаютъ цвѣты и птицы поютъ волшебныя пѣсни,—когда еще не извѣдана проза незамѣнимыхъ утратъ и горькихъ разочарованій. Самое общественное настроеніе было тогда свѣтлое и жизнерадостное... Въ средѣ студенчества преобладало сильное демократическое направленіе: молодежь была проникнута необыкновеннымъ энтузіазмомъ; горячія головы мечтали о жертвахъ, о посвященіи всей жизни благу «меньшей братіи», скорбѣли о неоплатномъ долгѣ передъ нею и рисовали въ своемъ воображеніи картину радикальнаго переустройства всей личной и общественной жизни на началахъ альтруизма и разумнаго, безкорыстнаго труда, опирающагося на изученіе реальныхъ наукъ. Студенты одѣвались плохо и носили длинные волосы, но горѣли желаніемъ отдать свои

силы и молодость любимой идеѣ служенія народу. Бывали примѣры, что блистательно окончившіе курсъ кандидаты бросали все и шли въ учителя въ народную школу; нѣкоторые же бредили гражданской свободой, и были даже случаи, ради осуществленія этой мечты, бѣгства въ Америку, въ Соединенные Штаты... Воодушевленіе было такъ велико, что, казалось, тогдашнему поколѣнію свѣтила заря еще небывалой, разумной и честной, прекрасной будущности. Прошли десятки лѣтъ, и мечты не оправдались... «И нынѣ все пусто и дико кругомъ!»... Теперь даже крайности того далекаго времени имѣютъ въ воспоминаніи какую-то особую прелесть, какой-то трогательный отпечатокъ.

XIV.

Общій духъ тогдашняго студенчества отразился въ Гротѣ рѣшеніемъ посвятить свою жизнь правильной постановкѣ философскихъ знаній въ Россіи на плодотворной и разумной почвѣ опытнаго изслѣдованія, опирающагося на результаты, добытые естествознаніемъ. Намъ кажется совершенно необходимымъ отмѣтить связь между этими юношескими планами и позднѣйшими реформаторскими стремленіями Грота по отношенію къ логикѣ и психологіи. Въ московскомъ профессорѣ Троицкомъ онъ отчасти находилъ отголосокъ своему направленію. Съ другой стороны извѣстная диссертація Вл. С. Соловьева (впослѣдствіи друга Грота), озаглавленная: «Кризисъ западной философіи», съ полемическимъ подзаголовкомъ: «Противъ позитивистовъ», сильно волновала Грота, но оппонировать на диспутѣ онъ не рѣшился или не приготовился. Относительно ясно обозначившихся уже въ студенческіе годы свойствъ личнаго характера Грота необходимо отмѣтить необыкновенную ясность и бодрость духа. Все, что приходилось ему переносить горькаго или тяжелаго, онъ всегда умѣлъ какъ-то незамѣтно для другихъ перерабатывать въ себѣ. Одно обстоятельство тяготило его: многочисленныя родственныя и свѣтскія отношенія его семьи неотразимо требовали отъ него затраты массы времени и налагали обязательства; невниманіе же къ установившимся требованіямъ было не всегда удобно, потому что могло быть перетолковано какъ невѣжливость и пренебреженіе. Поэтому Гротъ говаривалъ иногда, что лучше было бы, если бы университеты и другія высшія учеб-

ныя заведенія находились не въ центрахъ, а по близости отъ нихъ. Но всѣ эти неудобства легко забывались, да и кому не приходилось терпѣть отъ стѣсненій того или другого рода! Студентомъ Гротъ бывало ободрялъ другихъ, если кто-нибудь изъ его товарищей наканунѣ какого-нибудь экзамена смущался духомъ, устрашаясь кары за пробѣлы въ знаніяхъ. Случалось, что Гротъ также, подобно другимъ, сознавалъ за собой кое-какіе недочеты въ передэкзаменный день, но онъ все таки охотно отдавалъ крохи остававшагося свободнаго времени на ободреніе товарищей. Во время прогулокъ по окрестностямъ Петербурга (въ Царское Село, Павловскъ, Ораніенбаумъ) весной, въ пору экзаменовъ, иногда даже наканунѣ или за день, Николай Яковлевичъ весь отдавался столь свойственной ему, особенно въ первой молодости, живости и веселью и воодушевлялъ все общество товарищей-спутниковъ. Грота отъ души любили товарищи, за исключеніемъ очень немногихъ, не имѣвшихъ къ нему близкихъ отношеній, изъ другихъ факультетовъ, фанатически радикальнаго образа мыслей, избѣгавшихъ сближенія съ нимъ, единственно потому, что, какъ сынъ академика, слѣдовательно лица, занимавшаго высокое общественное положеніе, онъ являлся въ ихъ глазахъ какимъ-то аристократомъ, хотя симпатіи его были скорѣе демократическія. Во всякомъ случаѣ здѣсь уже дѣйствовало явное предубѣжденіе, о которомъ, въ виду его слишкомъ очевидной несправедливости и неустранимости, Гротъ не особенно заботился. Въ семьѣ же своей ему приходилось наоборотъ иногда выступать защитникомъ взглядовъ, казавшихся тогда слишкомъ смѣлыми, и защищать новыя теченія, а также болѣе позднихъ представителей русской литературы, Писемскаго, Достоевскаго, Щедрина.

Необходимо еще, въ заключеніе рѣчи о студенчествѣ Грота, указать одинъ примѣръ, въ которомъ особенно выразилась теплая отзывчивость его къ нуждамъ и интересамъ товарищей. Онъ сумѣлъ сильно заинтересовать свою семью, а затѣмъ и профессоровъ, судьбой одного бѣднаго и одинокаго студента—пермяка, который, какъ говорили, послѣ смерти жены и дѣтей, уже послѣ того, какъ онъ служилъ гдѣ-то на родинѣ, пришелъ пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ. Это былъ уже человѣкъ лѣтъ двадцати семи. Благодаря участію Грота быстро распространилось въ сущности даже преувеличенное пред-

ставленіе объ этомъ «второмъ Ломоносовѣ», тогда какъ студентъ этотъ отличался преимущественно добросовѣстностью и трудолюбіемъ, но и только. Во всякомъ случаѣ и здѣсь Гротъ является человѣкомъ рѣдкой доброты и рѣдкаго въ такой мѣрѣ стремленія быть полезнымъ ближнему.

XV.

Въ маѣ 1875 года Гротъ готовился къ выпускнымъ экзаменамъ. Теперь наступала пора разлуки съ родной семьей. Однажды сидя наверху съ однимъ изъ товарищей, съ которымъ онъ обыкновенно вмѣстѣ готовился къ экзаменамъ, Николай Яковлевичъ, несмотря на явный недостатокъ времени, видимо отдалялъ время возобновленія занятій послѣ обѣденнаго перерыва. Вдругъ послѣ нѣкотораго размышленія онъ предложилъ своему коллегѣ хлопотать о совмѣстномъ занятіи каѳедры русскаго языка въ русской филологической семинаріи въ Лейпцигѣ, основанной для приготовленія учителей древнихъ языковъ. Онъ такъ увлекательно сталъ рисовать картину предстоящей совмѣстной жизни и путешествій по Германіи, что планъ его совершенно очаровалъ слушателя. Оказалось, что планъ этотъ былъ уже извѣстенъ Якову Карловичу и имъ одобренъ. Надо было приводить его въ исполненіе. Сначала дѣло уладилось, но потомъ Николай Яковлевичъ получилъ предложеніе и изъявилъ согласіе занять каѳедру во вновь открывавшемся тогда и организуемомъ Н. А. Лавровскимъ Историко-Филологическомъ Институтѣ въ Нѣжинѣ.

Мысль о Лейпцигѣ не была, однако, оставлена Гротомъ, и онъ собирался туда теперь уже въ качествѣ слушателя университетскихъ лекцій для подготовки къ ожидавшей его каѳедрѣ, а свой лѣтній досугъ по окончаніи курса посвятилъ усовершенствованію въ англійскомъ языкѣ и съ этой цѣлью читалъ даже какой-то англійскій переводъ «Дворянскаго Гнѣзда» и перечитывалъ любимыхъ своихъ романистовъ, Диккенса и Уильки Коллинза, поджидая между тѣмъ болѣе опредѣленныхъ извѣстій отъ директора Нѣжинскаго института. «Сегодня утромъ я наконецъ получилъ давно желанное письмо отъ Лавровскаго»— писалъ онъ въ половинѣ іюня 1875 г., — «въ которомъ онъ подтверждаетъ всѣ свои прежнія условія, но въ добавокъ еще старается склонить меня сейчасъ же, т. е. въ августѣ, ѣхать

въ Нѣжинъ, а не ждать года за-границей. Я, однако же, отказался: надо приготовиться». Между тѣмъ Гротъ занимался штудированіемъ «Логики» Владиславлева, «Психологіи» Чистовича и набрасывалъ собственныя замѣтки «по вопросамъ философскаго круга», а также читалъ разныя вновь выходившія книги, между прочимъ и многихъ интересовавшую тогда новую книгу Погодина «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ» и проч.

Въ эту счастливую пору планы и предположенія роились одинъ за другимъ въ воображеніи нашего молодого ученаго: онъ мечталъ о германской наукѣ, о путешествіяхъ, о будущемъ своемъ устройствѣ въ Нѣжинѣ и объ ожидавшей его дѣятельности. Онъ блисталъ лучезарнымъ настроеніемъ и горѣлъ нетерпѣніемъ оправдать то довѣріе и тѣ надежды, которыя на него возлагали. Передъ самымъ отъѣздомъ заграницу до него дошелъ и очень его утѣшилъ лестный для него отзывъ о немъ одного изъ самыхъ уважаемыхъ имъ бывшихъ профессоровъ К. Я. Люгебиля, который при одномъ его товарищѣ и нѣсколькихъ молодыхъ профессорахъ отозвался о немъ, какъ объ «очень, очень даровитомъ и дѣльномъ человѣкѣ». При своемъ живомъ характерѣ Гротъ не могъ, однако, совершенно потонуть въ книгахъ и, живя въ деревнѣ, чередовалъ напряженную умственную работу съ практическими дѣлами, съ посѣщеніями родственниковъ и разными развлеченіями, даже охотой. Наконецъ пришла пора отъѣзда заграницу, но первоначальный планъ Грота нѣсколько измѣнился, и Лейпцигъ былъ замѣненъ Берлиномъ.

XVI

Въ сохранившейся перепискѣ Грота того времени живой вереницей проходятъ разнообразныя пережитыя впечатлѣнія отъ описанія грусти, охватившей его при проѣздѣ черезъ Петербургъ во время отсутствія остальной семьи, до широкихъ плановъ и надеждъ. Этимъ письмамъ онъ придавалъ даже значеніе путевого дневника. При всей глубокой любви ко всему родному, онъ съ юношеской жаждой впечатлѣній неудержимо стремится вдаль. Въ письмахъ его этой поры бушуетъ вихрь разнородныхъ чувствъ молодой души, рвущейся навстрѣчу заманчивому житейскому водовороту и съ наслажденіемъ упивающейся калейдоскопомъ впечатлѣній; такъ и чувствуется, какъ юноша, съ без-

граничнымъ довѣріемъ смотрящій въ будущность, съ захватывающимъ интересомъ развертываетъ первыя страницы той книги, которая называется жизнью. «Ты спрашиваешь»—пишетъ онъ брату,—«здоровъ ли я и доволенъ ли я. На то и другое отвѣчаю «да», но не могу умолчать, что и на свѣтломъ небѣ теперешней беззаботной жизни есть тоже облачко—совсѣмъ безоблачнаго неба не бываетъ—это облачко есть разлука съ вами». Но и эти маленькія облачка не сгущались въ тучу, а скоро уносились, когда въ своихъ заграничныхъ скитаніяхъ Гротъ получалъ случайно возможность встрѣтиться съ родными. Вообще это была самая завидная пора его жизни, когда его все радовало и увлекало и счастье привѣтствовало его доброй улыбкой; понятно, что и настроеніе его было свѣтлое и оптимистическое. Со свѣжей, неистощимой энергіей пустился онъ заграницу и съ самаго начала странствованій все хочетъ видѣть и всюду поспѣть. «Изъ Нѣжина»—пишетъ онъ брату—«не успѣлъ написать тебѣ, да и въ Кіевѣ насилу урвалъ минутку — такъ много осмотровъ и хожденій, что не успѣваешь опомниться». Благодаря обширнымъ связямъ родителей, онъ всюду по пути въ Россіи находитъ самый радушный пріемъ и пользуется обществомъ высоко образованныхъ и полезныхъ людей. Въ Москвѣ онъ останавливается у П. И. Бартенева, въ Конотопѣ у извѣстнаго библіографа С. И. Пономарева, съ которымъ потомъ осматриваетъ въ Кіевѣ городъ и пещеры; въ Нѣжинѣ его ласково принимаетъ его будущій начальникъ, а потомъ и тесть, Н. А. Лавровскій.

Въ самомъ ликующемъ настроеніи пролетѣлъ Гротъ всю дорогу, набираясь впечатлѣній въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Львовѣ, Краковѣ, при чемъ осмотрѣлъ соляныя копи Велички (чрезвычайно интересно описанныя имъ въ письмѣ къ брату), въ Вреславлѣ, и даже смотрѣлъ маневры въ Лигницѣ.

XVII.

Отъ сентября до половины апрѣля продолжалась жизнь Грота въ Берлинѣ, откуда весной онъ перебрался въ Страсбургъ. Первыя впечатлѣнія берлинскія были самыя пріятныя. Счастливая звѣзда, казалось, не хотѣла покидать своего любимца: кромѣ внѣшнихъ удобствъ берлинской жизни ему на первыхъ

же порахъ посчастливилось встрѣтить цѣлый рядъ лицъ, появленіе которыхъ на его горизонтѣ было большой удачей. Сперва онъ встрѣтилъ своего будущаго коллегу по нѣжинской каѳедрѣ П. И. Люперсольскаго, потомъ знакомится и сближается съ однимъ московскимъ магистрантомъ [1]), уже успѣвшимъ освоиться съ условіями берлинской городской и университетской жизни, а также съ работавшимъ тогда въ Берлинѣ Х. С. Головинымъ [2]), и наконецъ, недѣли двѣ послѣ пріѣзда, случайно, къ величайшей радости, на знаменитой Unter den Linden встрѣчаетъ одного изъ своихъ бывшихъ университетскихъ товарищей З., съ которымъ его впослѣдствіи связывала тѣсная дружба [3]). Объ этомъ лицѣ, имѣвшемъ несомнѣнно въ ту пору вліяніе на умственную жизнь Грота, онъ писалъ брату: «Онъ въ высшей степени умный, образованный и дѣльный молодой человѣкъ. Когда съ нимъ побесѣдуешь часа два, то стыдишься своего невѣжества въ иностранныхъ литературахъ, въ исторіи, даже... въ философіи—чего онъ только не читалъ, чего только не знаетъ! И кромѣ того онъ легитимистъ по убѣжденію, человѣкъ воззрѣній весьма умѣренныхъ и здравыхъ». Съ своими новыми друзьями Гротъ прошелъ формальности матрикуляцій и вступилъ въ трудовую университетскую жизнь. Вначалѣ восторженное благоговѣніе передъ свѣтилами германской науки внушало новичку-студенту нѣкоторый страхъ. Но это неизбѣжное смущеніе скоро уступило мѣсто сознанію собственныхъ силъ и не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, мы видимъ Грота центромъ общаго вниманія на разныхъ философскихъ собраніяхъ, гдѣ его уже успѣли замѣтить и оцѣнить, какъ молодую, много обѣщающую силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему уже начинаютъ относиться съ симпатіей какъ къ человѣку. Его разспрашиваютъ о состояніи философской науки въ Россіи, произносятъ въ честь его привѣтственные тосты въ застольныхъ бесѣдахъ и вообще относятся къ нему сердечно и дружески; нѣкоторые берлинскіе ученые приглашаютъ его къ себѣ и завязываютъ съ нимъ частное знакомство. Въ одномъ письмѣ къ брату онъ очень интересно описываетъ вступленіе свое какъ гостя—въ Берлинское Философское общество, на засѣданіе кото-

[1]) П. А. З—въ, нынѣ профессоръ И. Варшавскаго университета.
[2]) Нынѣ попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго округа.
[3]) Онъ былъ впослѣдствіи его коллегой въ Нѣжинѣ.

раго, соединенное съ обѣдомъ (28-го октября), онъ былъ введенъ однимъ своимъ знакомымъ. Здѣсь въ числѣ 15 человѣкъ присутствовали выдающіеся философы, напр. Мишеле, Меркеръ, Кирхманъ, Шасслеръ, Фредерикъ и др., отнесшіеся къ молодому русскому ученому съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Предсѣдательствующій профессоръ Меркеръ, представивъ обществу Н. Я., предложилъ за него (единственный въ этотъ разъ) тостъ, какъ за представителя русской философской науки въ берлинскомъ Философскомъ обществѣ. «Чокнувшись со всѣми», разсказываетъ Н. Я., «я обратился къ собранію съ выраженіемъ благодарности и сказалъ небольшую рѣчь о состояніи философской науки въ Россіи. рѣчь, которая имъ очень понравилась, такъ что они выразили надежду, что я когда-нибудь буду держать болѣе подробный Vortrag по этому предмету»... Вскорѣ Гротъ завоевалъ въ философскомъ кругу Берлина такое сочувствіе и возбудилъ такія надежды, которыя обязывали оправдать составившееся о немъ лестное мнѣніе и заставляли его усиленно работать. Особенно тепло отнесся къ нему извѣстный Лацарусъ, выразившій желаніе, чтобы Гротъ сдѣлался сотрудникомъ по русскому отдѣлу издаваемаго имъ «Zeitschrift für Völkerpsychologie».

Къ Берлинскому періоду относится также не оставшееся для него безслѣднымъ сближеніе съ Ю. Ѳ. Самаринымъ, который провелъ въ Берлинѣ нѣсколько времени незадолго до своей кончины (1876), и о которомъ Н. Я. набросалъ тогда же свои воспоминанія. Не будемъ останавливаться на пересказѣ сообщеній Грота объ его участіи въ философскихъ собраніяхъ, о произносимыхъ имъ рѣчахъ и получаемыхъ привѣтствіяхъ; замѣтимъ только, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, стосковавшись по родинѣ, онъ пріѣхалъ къ Пасхѣ въ Петербургъ повидаться съ родными, а затѣмъ уже рѣшилъ перебраться въ Страсбургъ.

XVIII.

Отдохнувъ въ семейной обстановкѣ, обновившись душой, онъ снова волнуется надеждами и предвкушеніемъ новыхъ научныхъ наслажденій. Здѣсь снова былъ моментъ колебанія въ выборѣ университета. Какъ прежде онъ колебался между Берлиномъ и Лейпцигомъ, такъ теперь его тянутъ къ себѣ Гейдельбергъ и Страсбургъ. Въ Гейдельбергъ его манили лекціи знаменитаго

Куно Фишера; въ Страсбургъ его привлекали Либманъ, Лаасъ и Веберъ и прекрасно поставленные психологическіе семинаріи.

Впечатлѣнія отъ берлинскаго и страсбургскаго университетскаго преподаванія были у Грота далеко неодинаковыя: въ нѣкоторыхъ берлинскихъ профессорахъ-философахъ онъ отчасти разочаровался, тогда какъ страсбургская академическая жизнь имѣла на него самое отрадное и возбуждающее вліяніе. Единственно одно грустное письмо было получено отъ него изъ Берлина, откуда онъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей: «Вы, вѣрно, вдали представляете мою жизнь въ розовыхъ краскахъ. Но я принужденъ васъ разочаровать». Затѣмъ слѣдуютъ не совсѣмъ сочувственные отзывы о профессорахъ, изъ которыхъ одинъ отличается односторонностью направленія и эклектизмомъ, другой—краснорѣчивымъ многословіемъ, а большинство—переставшіе работать старики. «Но свѣтила въ Берлинѣ»—оговаривается Гротъ,—«историки и физики». Совсѣмъ не то было въ Страсбургѣ, гдѣ къ Гроту тотчасъ же снова вернулось его обычное, свѣтлое и жизнерадостное настроеніе. «Занятія мои»—писалъ онъ—«идутъ успѣшно, въ десять разъ успѣшнѣе, чѣмъ въ Берлинѣ. Дѣло въ томъ, что тутъ отличные, молодые профессора, даже выше берлинскихъ, ибо въ Берлинѣ читаютъ все старики, тайные совѣтники, которымъ бы пора на покой... Недаромъ Страсбургъ славится теперь лучшимъ германскимъ университетомъ: тутъ всѣ учатся, интересуются живыми вопросами науки. По субботамъ, утромъ, въ философскомъ семинаріи (7—9 ч. утра) мы ведемъ, подъ руководствомъ Либмана, оживленныя пренія о философскихъ вопросахъ; одинъ готовитъ рефератъ о какой-нибудь психологической проблемѣ, остальные критикуютъ и спорятъ.

«Въ одну изъ первыхъ субботъ и я держалъ такой рефератъ о метафизическихъ направленіяхъ въ наукѣ о душѣ, и очень удачно; съ этого дня Либманъ все ко мнѣ обращается съ вопросами во время лекціи. Живо и весело идетъ дѣло». По письмамъ Грота видно, что онъ прилагалъ немало труда на обработку своего Vortrag'a, съ одной стороны потому, что общее научное воодушевленіе его товарищей по психологическимъ семинаріямъ захватывало его и возбуждало въ немъ усиленную энергію и желаніе съ своей стороны принять дѣятельное участіе въ дружной работѣ, а съ другой ему, хотя и съ дѣтства хорошо знавшему нѣмецкій языкъ, но все же не имѣвшему

привычки вести на немъ серьёзные диспуты и излагать сложныя и отвлеченныя разсужденія, приходилось усиленно работать надъ нѣмецкой литературной рѣчью. «Въ Страсбургѣ»— говоритъ онъ—«я со страстью принялся за дѣло, чему способствуютъ и добрыя вѣсти о состоявшемся моемъ назначеніи. Постоянно участвую въ философскомъ семинаріи и принимаю живое участіе въ дебатахъ. Либману я уже вручилъ часть моего сочиненія, переработаннаго и отдѣланнаго». Кромѣ спеціальныхъ философскихъ занятій онъ работалъ надъ рисунками микроскопическихъ размѣровъ малаго мозга подъ руководствомъ доктора Денисенки въ лабораторіи въ Faculté de Médecine для журнала, издаваемаго проф. Вальдэйеромъ. Онъ уже чувствуетъ себя подготовленнымъ къ каѳедрѣ и жалѣетъ, что Лавровскій извѣстилъ его объ отсрочкѣ начала лекцій по случаю перестроекъ въ Нѣжинскомъ Институтѣ.

XIX.

Съ начала сентября 1876 г. Николай Яковлевичъ становится экстраординарнымъ профессоромъ Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института.

Въ бытность свою за границей, какъ мы говорили, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ начать свою профессорскую дѣятельность, но минутами на него нападало безпокойство за свою юность и недостаточность подготовки, чувство совершенно понятное при отвѣтственной перспективѣ въ столь ранніе годы. И вдругъ въ дѣйствительности все оказалось несравненно легче и благополучнѣе, нежели онъ себѣ представлялъ. Онъ сразу встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны директора и товарищей, которые почтили его полнымъ довѣріемъ и, оцѣнивъ его, отвели ему не только видное, но и почетное мѣсто въ своей корпораціи. Вообще трудно представить себѣ болѣе радостное и счастливое начало общественной дѣятельности. Причиной такого успѣха былъ необычайный энтузіазмъ и пламенное, неудержимое стремленіе къ дѣятельности и даръ иниціативы. Благодаря этимъ качествамъ онъ невольно внесъ свѣжую струю въ жизнь провинціальной профессорской корпораціи, удрученной мертвымъ застоемъ уѣзднаго существованія. Еще раньше, чѣмъ успѣли оцѣнить въ Гротѣ созрѣвавшую крупную научную силу,

онъ уже всѣмъ полюбился какъ человѣкъ и вселилъ во всѣхъ довѣріе къ своей разносторонней даровитости. Въ это солнечное утро своей жизни онъ испытывалъ хроническое упоеніе успѣхами своей дѣятельности.

Въ первомъ письмѣ изъ Нѣжина къ одному пріятелю Гротъ сообщаетъ: «Начну съ того, что я вполнѣ счастливъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Судьба меня балуетъ незаслуженно. Я только два мѣсяца въ Нѣжинѣ, а между тѣмъ по тому положенію, которое я занимаю въ здѣшнемъ кружкѣ, можно подумать, что я жилъ здѣсь годы. Лекціи мои съ самой первой пошли удачно,—удачнѣе, чѣмъ я желалъ и надѣялся». Вскорѣ онъ писалъ еще: «Только что прочиталъ лекцію и нахожусь подъ обаяніемъ этого чарующаго занятія, лучше котораго я себѣ ничего вообразить не могу, причемъ трудно рѣшить, что̀ лучше—читать или готовить лекцію: и то и другое чудесно». О своей будущей работѣ надъ диссертаціей онъ мечтаетъ какъ о какомъ-то невыразимомъ счастьѣ. Спѣша подѣлиться своими тріумфами съ родными, Николай Яковлевичъ писалъ: «Хоть мнѣ, по правиламъ закрытаго заведенія, и не апплодировали, но по отзывамъ моихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ одинъ хвалилъ голосъ, другой—слогъ, третій—систему, четвертый—богатство содержанія, я могу заключить объ успѣхѣ». Далѣе слѣдуетъ сообщеніе: «Вчера меня выбрали членомъ трехчленной комиссіи, долженствующей выработать положеніе объ общихъ артельныхъ вечерахъ по субботамъ. Такія практическія дѣла придаютъ разнообразіе жизни, и я чувствую, что безъ нихъ Нѣжинъ могъ бы скорѣе надоѣсть». Затѣмъ Гротъ тотчасъ же былъ избранъ ревизоромъ институтской библіотеки, редакторомъ «Извѣстій Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Института», старостой хозяйственныхъ профессорскихъ артелей и на него же было возложено произнесеніе академической рѣчи на торжественномъ актѣ слѣдующаго года: «Я счастливъ»—скромно говорилъ онъ—«общей любовью и выказываемымъ мнѣ уваженіемъ, которое трудно носить на плечахъ, зная, что ничѣмъ его не заслужилъ». За это довѣріе и неожиданный почетъ самолюбивый молодой человѣкъ считалъ себя обязаннымъ отблагодарить блестящимъ выполненіемъ всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей. «Не могу не считать счастьемъ то обстоятельство»—писалъ онъ,—«что я началъ свое профессорское поприще въ такомъ скромномъ мѣ-

стечкѣ, какъ Нѣжинъ; все въ немъ благопріятствуетъ самовоспитанію профессора. Остальные профессора и лица, съ которыми вхожу въ соприкосновеніе, тоже полюбили меня и особенно уважаютъ во мнѣ энергію, что по-русски означаетъ расторопность». Это счастливое сознаніе блестящаго успѣха внушаетъ Гроту горячую благодарность родителямъ за заботливое воспитаніе и за все, чѣмъ они помогли ему въ жизни. Описывая устройство своей чистенькой и уютной холостой квартирки, онъ пишетъ: «Я устроилъ у себя самый уютный уголокъ: около двери шумитъ вентиляторъ; дверь закрыта красивой портьерой; подъ ногами вездѣ коврики; на стѣнахъ портреты и картинки; въ углу желѣзный шестъ для гимнастики; окна вечеромъ сплошь закрыты шторами—уютно, тепло, мило—всѣ любуются порядкомъ, а секретъ въ томъ, что я сынъ Якова Карловича и Натальи Петровны».

XX.

Неугомонная жажда труда молодой, неуходившейся натуры и задушевное отношеніе къ товарищамъ не могли не возбуждать сочувствія; Гротъ рьяно, не щадя силъ, выполнялъ всѣ возлагаемыя на него дѣла и порученія, и весело было смотрѣть на эту неугомонную готовность служить общимъ интересамъ. Даже въ чисто практической сферѣ, напр. въ организаціи общаго артельнаго хозяйства холостыхъ профессоровъ онъ былъ находкой: замѣтивъ неумѣлость и безконтрольность въ веденіи этого дѣла благодаря общей безпечности, онъ, самый младшій по годамъ и по службѣ, вскорѣ успѣлъ многое поправить и привести въ порядокъ. Понятно, что и въ практическихъ дѣлахъ онъ немедленно пріобрѣлъ прочную репутацію и что во всѣхъ отношеніяхъ на него стали возлагать обширныя надежды, а онъ съ ущербомъ для здоровья напрягалъ всѣ силы, чтобы оправдать ихъ.

Методическому и уравновѣшенному Якову Карловичу не по душѣ было такое неблагоразумное расходованіе силъ его сыномъ. Первые успѣхи сына были имъ приняты, конечно, съ сердечной радостью, но онъ не мирился съ тѣмъ, что сынъ его живетъ на всѣхъ парахъ,—понимая, что жизнь не можетъ быть фантастической фееріей и что вѣчное лихорадочное возбужденіе и расточительная трата энергіи опасны и вредны. Вѣчно по-

бѣдный, ликующій тонъ писемъ, волшебное обаяніе какого-то азартнаго энтузіазма, дававшаго яркую окраску всему существованію молодого ученаго,—все это наводило на грустную мысль о возможности ранняго надрыва и истощенія. Въ цѣломъ рядѣ писемъ Грота къ родителямъ неизмѣнно слышится упоеніе успѣхомъ: то онъ сообщаетъ, какъ студенты послѣ одной изъ первыхъ лекцій во множествѣ бросились въ библіотеку, уже заинтересованные философіей, то мы читаемъ такія строки: «Занятія мои идутъ очень хорошо. Студенты, судя по ихъ привѣтливымъ поклонамъ, по усердному записыванію и внимательному слушанію, любятъ мои лекціи и меня, своего юнаго профессора». Предостереженія отца Николай Яковлевичъ выслушивалъ съ любовью и желаніемъ слѣдовать имъ, но не могъ сдержать свою неугомонную натуру и продолжалъ кипѣть и волноваться.

Въ своей частной жизни Николай Яковлевичъ испытывалъ одинъ недочетъ: его тяготило чувство одиночества послѣ долговременной привычки къ семьѣ и отчасти начинала давать себя знать томительная прозаическая сторона уѣзднаго прозябанія. Прежде всего возникъ вопросъ, какъ держать себя въ отношеніи провинціальныхъ обычаевъ. Слѣдуя примѣру отца, Николай Яковлевичъ сразу и категорически объявилъ, что въ карты играть не станетъ, и только изрѣдка соглашался играть въ шахматы. «Всего печальнѣе»—писалъ онъ отцу, «что я очень люблю общество и вслѣдствіе этого долженъ приносить ему въ жертву массу своихъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій. Россійскій обычай ложиться поздно производитъ на меня давленіе. Теперь я по будниямъ живу правильно, но по субботамъ и средамъ, когда бываютъ вечера или собранія у одного изъ товарищей, ложишься всегда позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Все это меня огорчаетъ, а между тѣмъ слѣдовать извѣстнымъ принципамъ трудно, когда всѣхъ моложе и рискуешь заслужить упреки въ педантичности, желаніи рисоваться и проч».

Но вскорѣ установившійся строй жизни радикально измѣняется благодаря его женитьбѣ. Необходимо однако прежде, чѣмъ перейти къ этому періоду жизни Грота, прослѣдить дальнѣйшіе успѣхи его профессорской и ученой карьеры.

XXI.

Гротъ очень скоро освоился съ каѳедрой и, по его выраженію, чувствовалъ себя на ней такъ свободно, какъ за обѣденнымъ столомъ среди друзей и родныхъ, и удивлялся, что еще недавно могъ бояться аудиторіи. Такой же успѣхъ онъ имѣлъ въ профессорской конференціи и тотчасъ же получилъ особую благодарность за разработку по просьбѣ педагогическаго совѣта институтской гимназіи вопроса о преподаваніи логики и психологіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Темой для магистерской диссертаціи онъ выбралъ вопросъ «Объ отношеніяхъ силлогизма къ индукціи и дедукціи» и началъ уже заготовлять матеріалы, которые послѣ были употреблены имъ въ дѣло не въ магистерской, а въ докторской диссертаціи. Вскорѣ ему было суждено дебютировать и въ качествѣ оппонента въ Кіевскомъ университетѣ на диспутѣ Козлова, гдѣ онъ возражалъ очень удачно, но нѣсколько рѣзко и горячо, о чемъ послѣ жалѣлъ. Поѣздка въ Кіевъ на диспутъ Козлова подала поводъ къ знакомству Грота съ кіевскимъ профессоромъ Гогоцкимъ, а сдѣланныя на диспутѣ возраженія были сгруппированы и обработаны въ особой брошюрѣ.

Посвящая все время упорной работѣ, Николай Яковлевичъ, однако, не могъ сразу остановить выборъ на опредѣленной темѣ для диссертаціи: послѣ изданія отдѣльной брошюрой своего возраженія Козлову онъ напечаталъ актовую рѣчь «О сновидѣніяхъ, какъ предметѣ научнаго анализа» и приготовилъ къ печати статью «О классификаціи чувствованій», вскорѣ напечатанную во французскомъ журналѣ «Revue philosophique». Отъ послѣдней статьи былъ уже естественный переходъ къ его магистерской диссертаціи «Психологія чувствованій». Несмотря на быстрые успѣхи научной дѣятельности, скоро обратившей на себя вниманіе ученаго міра, Гротъ говорилъ однако: «всего этого мало; хочется больше, мечтаешь о томахъ, а пишешь страницы».

Вскорѣ разносторонніе занятія Грота осложнились вслѣдствіе избранія его ученымъ секретаремъ и секретаремъ комиссіи по разработкѣ печатнаго каталога библіотеки. Тутъ уже онъ работалъ, не зная праздниковъ и засиживаясь часовъ до трехъ ночи, но

постоянный успѣхъ поддерживалъ его энергію. «Я все болѣе и болѣе»—говорилъ онъ—«укрѣпляюсь въ надеждѣ кое-что сдѣлать по своему предмету: силы не ослабѣваютъ и энергія воли тоже. Только бѣситъ медленность всѣхъ дѣлъ человѣческихъ. Какъ я ни скоро работаю, а вотъ уже болѣе года сижу надъ диссертаціей! Сколько труда, времени и терпѣнія потрачено, а все недоволенъ! Моя работа будетъ имѣть историко-психологическій характеръ, и тутъ я долженъ былъ изучить бездну премудрости древней, средневѣковой и новой».

XXII.

Между тѣмъ слухи объ успѣшной дѣятельности Грота достигли Москвы, гдѣ уже тогда возникло предположеніе пригласить его на каѳедру, осуществившееся лишь семь лѣтъ спустя. Не теряя времени, онъ спѣшилъ, кромѣ спеціальныхъ занятій философіей, запастись цѣлымъ рядомъ элементарныхъ руководствъ по главнымъ отдѣламъ высшей математики для самообразованія. Такими широкими планами нашъ молодой философъ могъ задаваться благодаря тому, что уединенная нѣжинская жизнь давала широкій просторъ для научныхъ занятій: обстановка, въ которой онъ находился, была очень благопріятна для начала учено-литературной дѣятельности. Къ услугамъ юнаго профессора, безъ всякой конкурренціи, былъ весь обширный отдѣлъ фундаментальной библіотеки по части философіи и другихъ наукъ, пополнявшійся по его указаніямъ. Единственная помѣха со стороны мелочныхъ требованій провинціальнаго общества была скоро устранена нашимъ молодымъ ученымъ, рѣшившимъ во что бы то ни стало отстоять свою самостоятельность въ этомъ отношеніи, руководясь при этомъ примѣромъ отца, умѣвшаго не дѣлать уступокъ толчеѣ праздной жизни. Н. Я. вращался, главнымъ образомъ, въ кругу своихъ коллегъ, изъ которыхъ особенно полюбилъ преподавателя исторіи П. И. Люперсольскаго и почтеннаго директора института, Н. А. Лавровскаго, на дочери котораго, Натальѣ Николаевнѣ, онъ вскорѣ женился.

Увлеченіе избранницей сердца скоро заставило Николая Яковлевича дать себѣ отчетъ во всемъ строѣ своей личной жизни. Онъ писалъ родителямъ: «Прошла пора, когда я смо-

трѣлъ на жизнь, какъ на чашу славы и богатства. Самая лучшая цѣль жизни—уравновѣсить умственные, теоретическіе моменты съ моментами спокойнаго семейнаго счастья. Нѣмцы давно это поняли, и они на женитьбу смотрятъ какъ на долгъ, въ тотъ моментъ, когда они пріобрѣтутъ первую трудовую копѣйку. Это стимулъ къ новой работѣ. Вотъ и теперь у меня серьёзная цѣль въ жизни—сдѣлаться достойнымъ милой, идеальной дѣвушки. Я знаю, что меня ждетъ награда въ будущемъ и это удесятеряетъ энергію моихъ добрыхъ намѣреній». Онъ чувствуетъ, что любовь оказываетъ вліяніе и на его даръ краснорѣчія: «Сегодня читалъ лекціи съ особеннымъ воодушевленіемъ. Законы Вебера, Фехнера, Вундта излагались мною самымъ краснорѣчивымъ образомъ».

XXIII.

Наконецъ диссертація была окончена и напечатана, и оставался магистерскій экзаменъ, по поводу котораго Гротъ обратился съ запросами въ Москву и Кіевъ. «Изъ обоихъ мѣстъ пришли отвѣты благопріятные. Троицкій написалъ, что онъ находитъ диссертацію достойной и другой степени (докторской). Изъ Кіева тоже пишутъ, что достоинство диссертаціи всѣми безъ спору признано, что Козловъ считаетъ ее единственнымъ полнымъ историческимъ изложеніемъ вопроса, какое только существуетъ, что экзаменъ будетъ только формальностью etc». Гротъ защищалъ диссертацію, однако, не въ Москвѣ, а въ Кіевѣ, потому что, благодаря близости разстоянія, ему удобнѣе было пріѣзжать туда на каждый экзаменъ и тотчасъ же снова возвращаться къ семьѣ. Въ это время онъ былъ единогласно избранъ въ конференціи института ординарнымъ профессоромъ, но его уже манила мечта о профессурѣ въ одной изъ столицъ.

Сдѣлавшись магистромъ послѣ блистательнаго успѣха диссертаціи, Гротъ, повидимому, имѣлъ больше основаній расчитывать на приглашенія со стороны столичныхъ университетовъ, но вышло иначе. «Съ Троицкимъ мы уговорились»—сообщалъ онъ—«отложить мой переходъ лишь на время, но я, признаться, плохо вѣрю въ возможность улаженія дѣла черезъ годъ. Теперь я уже доцентомъ не пойду, а профессорскихъ вакансій у нихъ нѣтъ». При такихъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать

инымъ путемъ: испросивъ заграничную командировку, онъ почти безъ отдыха послѣ усиленнаго напряженія многихъ лѣтъ снова погружается съ головой въ работу надъ докторской диссертаціей, темой для которой послужили вопросы, занимавшіе его въ началѣ профессорства, когда онъ стазилъ ихъ на очередь для своей магистерской диссертаціи. Теперь онъ снова намѣтилъ мѣстомъ своего ученаго подвижничества Лейпцигъ, куда его особенно привлекала перспектива занятій подъ руководствомъ знаменитаго Вундта, но потомъ выборъ его остановился на Тюбингенѣ.

XXIV.

Выѣхавъ заграницу, Гротъ, какъ всегда, не вытерпѣлъ, чтобы не совершить небольшого путешествія со всей семьей по слѣдующему маршруту: Вѣна, Трієстъ, Венеція, Флоренція, Генуя, Миланъ, Мюнхенъ, Штуттгартъ.

Тюбингеномъ Гротъ остался въ высшей степени доволенъ, даже еще больше, нежели когда-то Страсбургомъ: «Вы не можете себѣ представить» — писалъ онъ, — «какъ здѣсь легко и удобно живется. Вездѣ честность, аккуратность, взаимное довѣріе, на все таксы и правила и, благодаря такой строгой регламентаціи, остается только выговорить слово — и все, какъ изъ земли, растетъ и готовое лѣзетъ въ ротъ. Уже черезъ десять дней по пріѣздѣ въ этотъ незнакомый городъ и край вся жизнь потекла такимъ ровнымъ, правильнымъ и пріятнымъ теченіемъ, точно нѣсколько лѣтъ прошло, какъ мы здѣсь поселились. Но вы спросите, почему я выбралъ Тюбингенъ. Во-первыхъ, это одинъ изъ лучшихъ университетскихъ городовъ по климату, воздуху и живописному положенію. Во-вторыхъ, тутъ богатѣйшая философская библіотека. Въ третьихъ, тутъ извѣстный своими сочиненіями по логикѣ профессоръ Зигвартъ, наконецъ, отсюда рукой подать во всѣ лучшія мѣста Германіи и вообще средней Европы, въ Шварцвальдъ, на Рейнъ и въ Швейцарію, куда я надѣюсь пробраться лѣтомъ. Я вполнѣ доволенъ своимъ выборомъ: городокъ тихій и скромный, но жизнь удобна и дешева. Климатъ прекрасный, мѣстность поэтическая—мы окружены горами, съ вершины которыхъ восхитительные виды на долину Неккара. Люди все хорошіе и очень любезные. Я познакомился съ нѣсколькими профессорами, и связи быстро рас-

ширяются. Вообще вся обстановка благопріятствуетъ успѣшному труду». Всѣ эти первыя впечатлѣнія потомъ все болѣе оправдывались, и Тюбингенъ оставилъ навсегда въ душѣ Николая Яковлевича пріятныя воспоминанія. «Тюбингенъ»—не устаетъ повторять онъ въ своихъ письмахъ—«все болѣе насъ очаровываетъ: мы устроились и живемъ гораздо удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Нѣжинѣ. И что за чудное время: въ концѣ октября 15° въ тѣни, солнце, свѣтъ, очарованіе! Что за чудныя мѣста въ окрестностяхъ: вездѣ горы и лѣса, Неккаръ вьется въ живописной долинѣ! Много деревьевъ и вся трава имѣютъ еще свѣжій зеленый цвѣтъ, картина чудная! Народъ все прелюбезный и милый!» Въ довершеніе всего поразительными оказались дешевизна квартиръ и припасовъ. Но особенно Николай Яковлевичъ былъ въ восторгѣ отъ профессорской корпораціи. «У меня здѣсь знакомствъ, какъ всегда, уже множество», писалъ онъ. «Всѣхъ профессоровъ знаю лично и со многими очень сошелся. Всѣ они любезны ко мнѣ и ввели меня въ свой кругъ, какъ своего, родного. Я бываю по вторникамъ на ихъ собраніяхъ, гдѣ читаются по очереди рефераты ученые по всѣмъ наукамъ... Прекрасный обычай! Онъ поддерживаетъ энергію въ работѣ, и самолюбіе заставляетъ каждаго слѣдить за своей наукой... Нравы профессоровъ очень просты: они и танцуютъ, и на конькахъ катаются, и дѣлаютъ большія прогулки, вообще ведутъ себя, какъ всѣ смертные, хотя составляютъ здѣсь аристократію и богаче и лучше всѣхъ живутъ. Недавно былъ маскарадъ въ клубѣ, устроенный профессорскимъ обществомъ, и на немъ самые почтенные ученые, европейскія знаменитости, были въ костюмахъ и дурацкихъ колпакахъ заодно со своими студентами и слушателями. Вообще я убѣждаюсь, что истинная наука не драпируется въ тогу ученой серьёзности и глубокомыслія. Эта драпировка нужна только пустоголовымъ, которые боятся, чтобы ихъ не смѣшали съ толпой. Здѣсь, несмотря на отсутствіе всякой внѣшней выставки, студенты глубоко уважаютъ своихъ профессоровъ, и никакіе скандалы немыслимы, ибо внутреннее содержаніе не подлежитъ сомнѣнію и внушаетъ къ себѣ почтеніе».

XXV.

Въ Тюбингенѣ Николай Яковлевичъ приступилъ къ работѣ надъ докторской диссертаціей «Къ реформѣ логики», которую онъ рѣшилъ напечатать въ одной изъ лейпцигскихъ типографій, гдѣ всегда много русскаго шрифта. Онъ слушалъ по четыре лекціи въ недѣлю проф. Зигварта, съ которымъ близко сошелся и у котораго часто бывалъ въ свободное время, дѣлясь съ нимъ сообщеніями о ходѣ своей работы. Этимъ профессоромъ онъ былъ особенно доволенъ, и послѣдній, въ свою очередь, съ большимъ сочувствіемъ относился къ нему. Между прочимъ Зигварту понадобились для изданія сочиненій Джіордано Бруно два списка сочиненій итальянскаго философа, пожертвованные Московскому Румянцевскому музею бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. Норовымъ. Положивъ въ основу своего изданія подлинныя рукописи Бруно, хранящіяся въ Штутгартской королевской библіотекѣ, профессоръ Зигвартъ желалъ выписать на время и списки Румянцевскаго музея. По просьбѣ Грота, удалось, благодаря содѣйствію покойнаго хранителя рукописей, А. Е. Викторова, выслать каталогъ Норовской библіотеки и фотографическій снимокъ съ одной страницы подлинной рукописи Бруно, но выслать самый оригиналъ было невозможно по уставу музея. Зигвартъ остался весьма благодаренъ музею и съ своей стороны далъ слово прислать въ подарокъ экземпляръ будущаго своего изданія.

При самой благопріятной обстановкѣ, диссертація, разумѣется, успѣшно подвигалась впередъ. Вскорѣ Гротъ писалъ родителямъ: «Хожу на лекціи проф. Зигварта и много работаю дома. Все тутъ поощряетъ къ работѣ: квартира веселая, погода чудная, виды восхитительные, люди милые и любезные, много спеціалистовъ по моей наукѣ, съ которыми завожу интереснѣйшія знакомства и веду продолжительные разговоры»... Онъ горячо убѣждаетъ мать, чтобы она пріѣхала насладиться тюбингенскимъ климатомъ и тишиной.

Работа надъ диссертаціей продолжала подвигаться съ большимъ успѣхомъ и поразительной быстротой. Онъ пишетъ по этому поводу одному пріятелю: «Много оригинальнаго и новаго найдете въ моей теперешней работѣ. Теорія сужденій и выво-

довъ поставлена въ зависимость отъ теоріи ассоціаціи и диссоціаціи, интеграціи и дифференціаціи, о которой я говорю въ «Психологіи чувствованій».

Быстро пролетѣла зима въ Тюбингенѣ, и приходилось подумать о лѣтней резиденціи и о возвратѣ на родину. Весну и начало 1882 г. Николай Яковлевичъ провелъ въ своемъ любимомъ Баденъ-Баденѣ, который онъ называлъ «божественнымъ», а вторую половину лѣта — въ Чехіи (Теплицѣ) и въ августѣ возвратился въ Нѣжинъ съ оконченной и напечатанной въ Лейпцигѣ диссертаціей.

XXVI.

Вскорѣ для нетерпѣливаго и вѣчно рвущагося впередъ Николая Яковлевича, избалованнаго постояннымъ успѣхомъ, наступила година тоскливаго ожиданія диспута. Дѣло въ томъ, что у него все было готово и желательно было поскорѣе пройти черезъ этотъ искусъ, но явилась досадная задержка вслѣдствіе опасенія непріязненной манифестаціи противъ университетскаго начальства. Въ это время его усиленно приглашали въ Новороссійскій университетъ и самъ онъ рвался изъ Нѣжина, тѣмъ болѣе, что его другъ и тесть, Н. А. Лавровскій, уже покинулъ тогда институтъ и что жизнь въ Нѣжинѣ, особенно въ виду измѣнившихся условій, становилась для него все тяжелѣе. Нѣжинъ былъ для Грота мѣстомъ временнаго заточенія, съ которымъ можно было мириться на первыхъ порахъ, но засидѣться тамъ было не въ его интересахъ и не по его натурѣ. Въ ноябрѣ 1882 г. Николай Яковлевичъ писалъ родителямъ: «Я получилъ письмо изъ Кіева отъ декана Историко-Филологическаго факультета Антоновича съ извѣщеніемъ, что диспутъ мой еще болѣе откладывается по случаю опасенія безпорядковъ. Поэтому попечитель округа и ректоръ сами потребовали отъ факультета отсрочки диспута до окончанія лекцій, т. е. до второй половины декабря. Это очень досадно, ибо выборы мои въ Одесскомъ университетѣ до Рождества уже не могутъ состояться». Но тутъ же онъ прибавляетъ о Нѣжинѣ: «Охъ, ужъ нужно терпѣніе право, чтобы на всю эту мерзость смотрѣть и съ нею мириться»! Притомъ замѣститель Н. А. Лавровскаго [1]), всѣми искренно люби-

[1]) Скворцовъ.

маго и уважаемаго, безъ церемоніи заявилъ, что «поставилъ себѣ задачею ломать все, что было создано его предшественникомъ».

Наконецъ 2 февраля 1883 г. состоялся давно ожидаемый диспутъ. По окончаніи диссертаціи, снова съ большимъ успѣхомъ защищенной въ Кіевѣ, послѣ чего въ знакъ почета, студенты вынесли Грота изъ зала на рукахъ, послѣдній еще сильнѣе сталъ стремиться изъ Нѣжина. Дѣло о переходѣ въ Москву почему-то затянулось, и это особенно жаль потому, что въ злосчастномъ 1883 г. Николай Яковлевичъ схватилъ въ Нѣжинѣ жесточайшій ревматизмъ, послужившій началомъ недуговъ, растатавшихъ его прежде крѣпкій организмъ. Между тѣмъ, имѣя приглашеніе и отъ Новороссійскаго университета, Гротъ рѣшилъ принять его, какъ единственный выходъ изъ нѣжинскаго заточенія, тѣмъ болѣе тяжелаго, что недостатокъ людей въ уѣздной глуши какъ-бы обязывалъ его принимать на себя исполненіе разныхъ мелкихъ общественныхъ обязанностей, какъ по институту, такъ и въ городѣ; такъ въ клубѣ его избрали однимъ изъ старшинъ, а, какъ членъ правленія института, онъ долженъ былъ взять на себя ревизію казеннаго имущества и проч.

XXVII.

Весной 1883 г., Николай Яковлевичъ былъ единогласно выбранъ въ Одессѣ ординарнымъ профессоромъ, но долженъ былъ отложить переѣздъ туда до осени. Вообще это былъ для него годъ томительныхъ ожиданій. «Мы весь годъ»—жаловался онъ—«все чего-нибудь ждемъ и нетерпѣливо жаждемъ. Сначала ждали рѣшенія вопроса о принятіи моей диссертаціи и о допущеніи ея къ защитѣ, потомъ ждали диспута, потомъ я заболѣлъ, и мы ждали долго моего выздоровленія, потомъ опять ждали назначенія диспута, потомъ выборовъ въ Одессѣ, тоже затянувшихся; наконецъ будемъ ждать еще моего утвержденія. Странный годъ! весь какой-то неопредѣленный и выжидательный»! Да и въ Одессу Гротъ ѣхалъ за неимѣніемъ лучшаго и, по его признанію, «былъ бы готовъ промѣнять одесскую ординатуру не только на экстраординатуру въ Москвѣ, но даже, пожалуй, и на доцентуру».

Осенью 1883 г. Гротъ уже переселился въ Одессу, куда поспѣшилъ переѣхать,—еще до полученія офиціальнаго утвер-

женія, и хотя въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться, но его сильно разстраивала канцелярская проволочка, погрузившая его на время въ столь несвойственную ему апатію. Наконецъ утвержденіе пришло, а съ нимъ вернулась и энергія Грота. Съ первой же лекціи онъ сдѣлался, какъ прежде на диспутѣ въ Кіевѣ, предметомъ самыхъ горячихъ и восторженныхъ овацій. Однако вмѣстѣ съ розами вскорѣ обозначились и шипы: популярность, особенно усплившаяся послѣ ряда публичныхъ чтеній, дорого обошлась Гроту, втянувъ его во множество знакомствъ, отвлекавшихъ его отъ работы и скоро ему наскучившихъ. Одесское общество своей меркантильностью произвело на него удручающее впечатлѣніе, и онъ скоро понялъ, что здѣсь самый громкій успѣхъ и самыя горячія похвалы большой цѣны не имѣютъ и щедро расточаемыя овація носятъ совершенно внѣшній характеръ.

Достаточно было замѣтить это и понять, что, несмотря на всѣ привѣтствія, ему не найти въ своей аудиторіи задушевнаго отклика его идеямъ и стремленіямъ, какъ впечатлительнаго Грота охватилъ душевный холодъ и гнетущая тоска. Мишурная слава стала ему претить. Въ интимномъ письмѣ къ родителямъ у него вырвались однажды такія строки: «Положимъ, я здѣсь гремлю, но что толку! Вы часто меня предостерегаете противъ увлеченія овацiями, а если бы вы знали, какъ я въ душѣ къ нимъ равнодушенъ и какъ онѣ мнѣ даже противны. Если я иногда радуюсь увлеченію своего авторитета, то только ради идей, которыя я защищаю и которыя мнѣ святы».

Къ этому присоединялась тоска по роднымъ: «вотъ, увы, уже девять лѣтъ я въ изгнаніи; время идетъ, родители старѣютъ, а я все дальше и дальше отъ родного крова».

Вскорѣ своими публичными и университетскими лекціями Гротъ вызвалъ два противоположныхъ теченія, изъ которыхъ одно было за Грота, а другое—противъ него.

У Грота оказались ярые поклонники и враги. Даже студенты стали выступать въ мѣстныхъ газетахъ противъ него и въ его защиту; стали издаваться направленныя противъ него полемическія брошюры, появленіе которыхъ почти совпало съ враждебной Гроту статьей въ «Дѣлѣ», «Обыкновеннаго читателя» (В. В. Лесевича), на которую Гротъ отвѣчалъ въ слѣдующемъ же № журнала, полемикой съ г. Н. И. Карѣевымъ и проф. Козло-

вымъ, выступившимъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (редакціи г. Обо-ленскаго) съ рѣзкой критикой докторской диссертаціи Грота «Къ реформѣ логики». Все это показываетъ, до какой степени Гроту удалось заинтересовать своими трудами людей, занимающихся философскими вопросами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ своего рода искусъ, быть можетъ, полезный для подготовки къ предстоявшей ему вскорѣ широкой дѣятельности въ Москвѣ, гдѣ, какъ извѣстно, онъ явился уже во всеоружіи зрѣлаго философскаго развитія. Между тѣмъ, горячо принимая къ сердцу всѣ выходки противъ него и сильно тяготясь одесской жизнью, Николай Яковлевичъ въ нетерпѣніи составлялъ довольно рискованные, впрочемъ мимолетные, планы перехода въ одну изъ столицъ хотя-бы подъ условіемъ временной перемѣны карьеры. Кромѣ того, открывъ широкій доступъ въ свой домъ студентамъ и посвящая бесѣдамъ и спорамъ съ ними массу времени, онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что установившійся строй жизни сильно вредитъ его научнымъ работамъ; отъ замкнутой, отшельнической жизни въ Нѣжинѣ онъ по общительности своей натуры слишкомъ поспѣшилъ окунуться въ омутъ одесскаго круговорота. Студенты охотно посѣщали любимаго профессора и имъ полюбилась простота и свобода отношеній и возможность вести споры и поучаться; но черезчуръ напряженная нервная жизнь и трудность сосредоточенія на любимыхъ занятіяхъ требовали перемѣны внѣшнихъ условій. Притомъ самолюбіе Грота жестоко страдало отъ равнодушія къ нему петербургскаго университета, гдѣ онъ первый былъ оставленъ по каѳедрѣ философіи и всегда считался блестящимъ и выдающимся студентомъ, подававшимъ большія надежды. Между тѣмъ, когда надежды эти какъ нельзя лучше оправдались, когда его имя упоминалось въ литературѣ наряду съ общепризнанными авторитетами науки, факультетъ забылъ о немъ и былъ глухъ къ его громкимъ успѣхамъ. Это было тѣмъ болѣе обидно, что одна изъ философскихъ каѳедръ давно пустовала послѣ смерти проф. Сидонскаго. Причиной такого неблаговоленія было несочувствіе его бывшаго учителя проф. Владиславлева къ научному направленію Грота.

XXVIII.

Постоянное стремленіе Грота на сѣверъ вскорѣ получило болѣе опредѣленный характеръ: его стало тянуть въ Москву, гдѣ ему было удобнѣе устроиться по сравнительной близости къ деревнѣ родителей (въ Рязанской губерніи) и собственной (въ Харьковской) и куда его привлекали болѣе благопріятныя условія климата, нежели въ Петербургѣ. Поэтому Гротъ очень желалъ и хлопоталъ, чтобы министерство, не навязывая его профессорской коллегіи въ Москвѣ и не называя его кандидатуры, только предложило выбрать второго профессора по философіи, потому что одна каѳедра въ Москвѣ была свободна. Въ промежуткахъ этихъ волненій Николай Яковлевичъ съ увлеченіемъ продолжалъ философскія работы, плодомъ которыхъ были статьи, появлявшіяся въ періодическихъ изданіяхъ или выходившія отдѣльными брошюрами. Въ числѣ этихъ работъ онъ особенное значеніе придавалъ статьѣ «Эгоизмъ и альтруизмъ передъ судомъ здраваго смысла и науки», о которой писалъ, что «главная ея идея та, что наука, въ вопросахъ морали, только и можетъ оправдать и методически обосновать принципы морали здраваго смысла, христіанской религіи и разумной философіи». Вскорѣ затѣмъ послѣдовала статья «О классификаціи наукъ» и статья о Джордано Бруно, прочитанная въ видѣ публичной лекціи. Хотя на эту лекцію по причинѣ наступленія лѣтняго времени собралось немного слушателей, но она произвела глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и газеты дали о ней восторженные отзывы.

Пришлось, однако, пробыть еще годъ въ Одессѣ. Это былъ годъ введенія новаго университетскаго устава, согласно которому Николай Яковлевичъ обязанъ былъ обратить особенное вниманіе на изученіе Платона и одинъ изъ своихъ курсовъ цѣликомъ посвятить великому философу древности. Большой для него неожиданностью было послѣ этого полученіе офиціальной благодарности министерства ему одному изъ всей профессорской корпораціи. Хотя такое офиціальное поощреніе усугубляло надежды на переходъ въ Москву, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекало непріятности. «Многіе»—писалъ онъ родителямъ,—«кажется, завидуютъ, другіе подтруниваютъ; я же размышляю о странности всего происходящаго на свѣтѣ: я получилъ похвалу за то, что исполнилъ

уставъ и подчинился закону. Видно, плохо у насъ исполняются законы, если исполненіе ихъ рѣдкій случай и особо отмѣчается». Задѣтый за живое, Гротъ просилъ отца при свиданіи заявить министру, что онъ благодаритъ за поощреніе, но назначилъ чтеніе Платона по собственному убѣжденію, признавая для студентовъ желательнымъ близкое знакомство съ этимъ великимъ мыслителемъ, но что въ то же время онъ читаетъ съ ними Канта и другихъ великановъ философской мысли: Николаю Яковлевичу было обидно, что новый уставъ унизилъ преподаваніе философіи и ея исторіи, исключивъ этотъ предметъ изъ программы испытанія на государственномъ экзаменѣ.

Вскорѣ Николай Яковлевичъ съ большимъ успѣхомъ прочелъ публичную лекцію «О душѣ, въ связи съ современными ученіями о силѣ». Лекція привлекла такую массу слушателей, что университетскій залъ и хоры были буквально переполнены, и на ней присутствовали всѣ высокопоставленныя лица города. По окончаніи много апплодировали, а одно почтенное духовное лицо при выходѣ изъ зала привѣтствовало Грота словами: «Ну, слава Богу, душа опять народилась на свѣтъ! Спасибо, Николай Яковлевичъ!».

Чрезвычайно интересовали Грота новѣйшія религіозно-философскія статьи гр. Л. Н. Толстого. Позволимъ себѣ привести нѣкоторыя любопытныя замѣчанія его на книгу Толстого «Ma religion». Сильно сочувствуя Толстому, онъ сначала указываетъ, однако, слабыя стороны его труда, именно: «1) чрезвычайный радикализмъ, т. е. непризнаніе никакихъ компромиссовъ и сдѣлокъ, неизбѣжныхъ для человѣческаго общества при несовершенномъ нравственномъ его развитіи, 2) отсутствіе объективности, а именно то, что онъ дѣлаетъ подборъ фактовъ, который ему нуженъ, игнорируя тѣ, которые противорѣчатъ его выводамъ, 3) отсутствіе историческаго критерія, заставляющаго его прилагать слишкомъ абсолютную мѣрку при оцѣнкѣ внѣшней формы и устройства жизни христіанскаго общества, выражающихся въ организаціи церкви».

«Толстой» — продолжаетъ Гротъ — «вообще смѣшиваетъ идеалъ съ его выполненіемъ и степенью возможнаго практически приближенія къ нему, и отсюда всѣ натяжки и несообразности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ высшей степени высоко и ясно истолковалъ искаженный и утраченный современнымъ обще-

ствомъ христіанскій идеалъ и сумѣлъ указать правильно на способъ примиренія христіанскаго ученія съ научно развитымъ современнымъ разумомъ. Въ этомъ и состоитъ его заслуга. Масса, слѣпо вѣрующая и стоящая на точкѣ зрѣнія непосредственнаго религіознаго сознанія, не поймет его конечно; для нея и для церкви Толстой останется еретикомъ; но для философствующаго ума ереси вѣдь вовсе и не существуетъ, а существуютъ только истина и заблужденіе или, еще лучше, только различныя ступени приближенія къ истинѣ. Для него названіе Толстого еретикомъ не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе ереси соотносительно понятію догмата: одно безъ другого невозможно, а догмата для философа не существуетъ. Для философа Толстой— мыслитель, достигшій высокой степени приближенія къ истинѣ и подорвавшій въ корнѣ философскую аргументацію атеистовъ и узкихъ матеріалистовъ. Въ этомъ именно смыслѣ и слѣдуетъ понимать его значеніе: онъ писалъ для мыслителей, а не для массы, не для людей чувства. Онъ мыслитель-аристократъ; его ученіе надо демократизировать, чтобы оно сдѣлалось достояніемъ народа»...

XXIX.

Въ началѣ 1886 года стали доходить до Грота сначала смутныя, а потомъ все болѣе опредѣленныя извѣстія о предстоявшемъ назначеніи его въ Москву ординарнымъ профессоромъ. «Тихонравовъ»—сообщаетъ онъ родителямъ—«говорилъ, что ординатура есть и ждетъ меня. Еще кто-то говорилъ Кочубинскому[1]) о достовѣрности моего назначенія осенью. Смирновъ, профессоръ философіи въ Казани, стремится въ Одессу перейти изъ-за болѣзни дочери».

Наконецъ онъ получилъ каѳедру въ Москвѣ осенью 1886 года, и съ этихъ поръ началась лучшая пора его жизни и ученой дѣятельности. Теперь онъ могъ себя чувствовать твердо ставшимъ на ноги ученымъ и руководить другими, тогда какъ прежде его отвлекали то полемика, то разные обязательные искусы, черезъ которые слѣдовало пройти по установленнымъ правиламъ. Те-

[1]) Профессоръ Новороссійскаго Университета, товарищъ Н. Я., которому принадлежитъ починъ въ привлеченіи его въ Одессу и записка о немъ: «Очеркъ учено-литературной дѣятельности профессора Н. Я. Грота», Одесса, 1883.

перь онъ могъ дѣйствовать безъ всякой сковывающей по рукамъ и ногамъ внѣшней регламентаціи. Еще недавно онъ мечталъ: «О, если бы я въ Москву попалъ! Какъ бы я расширилъ свою дѣятельность и сколько новыхъ силъ привлекъ бы изъ молодежи къ занятіямъ философіей»! Невольно вспоминается, какъ блестяще оправдались эти надежды.

Вступительная лекція опять прошла блистательно, хотя и не было здѣсь такихъ необычайныхъ овацій, какими сопровождались диспуты въ Кіевѣ и вступительная лекція въ Одессѣ. Во всякомъ случаѣ его привѣтствовали громкими, долго несмолкавшими рукоплесканіями; новые коллеги наперерывъ поздравляли его съ успѣхомъ; редакторъ «Русской Мысли» [1]) тутъ же пригласилъ помѣстить его лекцію въ своемъ журналѣ, а Н. С. Тихонравовъ, бывшій тогда предсѣдателемъ Общества Любителей Россійской Словесности, предложилъ баллотировать его въ это общество, дѣйствительнымъ членомъ котораго Гротъ съ тѣхъ поръ и сдѣлался. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ предсѣдателемъ Психологическаго Общества, которое до тѣхъ поръ существовало лишь номинально, но съ избраніемъ Грота, какъ извѣстно, необычайно оживилось и быстро пріобрѣло довѣріе и симпатіи публики. Все это, конечно, требовало напряженной энергіи. Вскорѣ послѣ вступительной лекціи онъ писалъ: «Это время для меня самое критическое, рѣшающее мою судьбу въ Москвѣ на нѣсколько лѣтъ. Мало блеснуть вступительной лекціей, чтобы завоевать прочныя симпатіи студентовъ и всѣхъ окружающихъ. Надо поддержать репутацію, а для этого много тратится силъ. До сихъ поръ все идетъ хорошо». Въ то же время Гротъ почувствовалъ себя въ водоворотѣ большого города: быстро составился у него обширный кругъ знакомства и завязались самыя разнообразныя отношенія, начиная съ генералъ-губернатора, изъ представителей официальнаго міра, и гр. Л. Н. Толстого, изъ тузовъ міра мысли и идеаловъ. Гротъ постоянно получалъ множество приглашеній, отъ которыхъ не могъ и не хотѣлъ отказываться, а между тѣмъ все это поглощало массу времени, а на первыхъ порахъ онъ даже едва поспѣвалъ сдѣлать то, что считалъ безусловно необходимымъ. Особенно было для него пріятно и имѣло важное значеніе, послѣ сближенія съ Тол-

[1]) В. А. Гольцевъ.

стымъ, знакомство съ Вл. С. Соловьевымъ, который, въ свою очередь, поспѣшилъ познакомить его съ Фетомъ, какъ переводчикомъ Шопенгауера. «Мы, кажется, очень сойдемся съ Соловьевымъ»,—писалъ Гротъ,—«и затѣваемъ съ нимъ издавать философскій журналъ: онъ берется достать денегъ, а я буду редакторомъ и организаторомъ».

Теперь, когда мысль Грота получила удачное осуществленіе, трудно представить себѣ, какъ въ свое время она показалась рискованной и безумно смѣлой. До тѣхъ поръ было нѣсколько робкихъ и неудачныхъ попытокъ создать что-либо вродѣ философскаго журнала, напр. «Философскій трехмѣсячникъ» Козлова, но всѣ онѣ оканчивались полнѣйшимъ фіаско. Родители опасались за Грота какъ въ отношеніи успѣха его предпріятій, такъ и боялись за его здоровье, но онъ утверждалъ противное. «Болѣе года я страдалъ отъ апатіи, вытекавшей изъ безнадежнаго моего положенія по отношенію къ Москвѣ. Я былъ нравственно боленъ, ослабѣлъ и утратилъ бодрость духа, вслѣдствіе боязни, что моя ученая карьера (въ лучшемъ смыслѣ) будетъ разбита необходимостью бросить профессуру и всѣ любимыя занятія. Я страдалъ и болѣлъ отъ униженій и отъ уязвленнаго чувства собственнаго достоинства, страдавшаго отъ мысли, что я, имѣющій право на мѣсто въ Москвѣ, долженъ кланяться и просить. Я уже начиналъ терять вѣру въ себя и думать, что я ненуженъ Москвѣ. Но я собралъ силы—и побѣдилъ. И чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе вижу величину побѣды. Я вижу, что инстинктъ меня не обманулъ, что я былъ нуженъ Москвѣ, какъ и она мнѣ; что я могу быть полезенъ и необходимъ. Я доказалъ, что имѣю право стремиться въ Москву и что я достоинъ каѳедры въ здѣшнемъ университетѣ. Я ожилъ, недуги слетѣли съ плечъ, силы удесятерились, здоровье и молодость обновились—я сталъ другимъ человѣкомъ. Мнѣ нужно дѣйствовать. Я чувствую, что отъ меня ждутъ «дѣйствія», что слабое дѣйствіе несоразмѣрно положенію; хочу упрочить свое положеніе и не дать остыть симпатіямъ».

XXX.

Послѣдствія показали, что непоколебимая вѣра Грота въ свои силы и въ свою «счастливую звѣзду», какъ онъ любилъ выражаться, были чрезвычайно благотворны. Въ приведен-

ныхъ выше строкахъ могло бы показаться преувеличеннымъ одно выраженіе: «я могу быть Москвѣ полезенъ и необходимъ». Безъ сомнѣнія, Гротъ имѣлъ право сказать первое; но какъ утверждать заранѣе, что онъ будетъ Москвѣ необходимъ? Но на дѣлѣ вышло именно такъ, потому что его бодрой иниціативѣ чрезвычайно было обязано Московское Психологическое Общество и русская философская наука. Если часто дѣлу вредитъ неосмотрительность и необдуманный рискъ, то съ другой стороны, когда оно назрѣло, смѣлая, самоувѣренная иниціатива составляетъ огромную заслугу.

Со времени предсѣдательства Грота (въ 1888 г.) Психологическое Общество, благодаря энергіи своего главы и соединенію въ Москвѣ многихъ молодыхъ, но уже весьма почтенныхъ и много обѣщавшихъ силъ, начало функціонировать съ неслыханнымъ у насъ оживленіемъ; закипѣла работа дружная и бодрая. Разумѣется, если бы Гротъ не могъ опираться на такія солидныя силы, на такое множество надежныхъ и преданныхъ дѣлу сотрудниковъ, то его планы остались бы на степени самонадѣянной затѣи; въ свою очередь, нелегко было сплотить разрозненныхъ дѣятелей и дружно двинуть хорошо организованное дѣло; но не случайно то, что именно Гротъ рѣшился взять на свои плечи иниціативу и своей вѣрой въ успѣхъ и даромъ организаціи вложить душу въ задуманное предпріятіе. Новость дѣла была очень серьёзной помѣхой. Но вотъ Общество стало часто собираться, и засѣданія его настолько заинтересовали московскую интеллигенцію, что актовый залъ университета въ годичныя торжественныя засѣданія (24 января) и юбилейныя, напримѣръ, посвященное памяти Шопенгауера, бывалъ переполненъ публикой и на нѣкоторыя было весьма трудно достать билеты. Рефераты печатались большей частью въ «Трудахъ Психологическаго Общества», но скоро обиліе ихъ стало уже наводить на мысль о созданіи философскаго журнала (мысль о которомъ, какъ мы видѣли, уже мелькала раньше у Грота), и вотъ являются въ 1889 г. «Вопросы философіи и психологіи». Предпріимчивый и бодрый, свѣтлый взглядъ Грота на будущее и здѣсь оказалъ большую пользу. Силъ философскихъ было достаточно, но важно было дать имъ рѣшимость бороться съ равнодушіемъ и недовѣріемъ къ новому дѣлу. Особенно страшила предпринимателей непривычка нашего общества къ фи-

лософскому чтенію. Даже въ печати мысль о философскомъ журналѣ встрѣтила далеко не единодушное сочувствіе, а нѣкоторые органы прямо предсказывали неуспѣхъ и насмѣшливо качали головой. Особенно «Сѣверный Вѣстникъ» (редакція г-жи Евреиновой) прямо говорилъ, что интересно молъ будетъ посмотрѣть, что-то изъ этой затѣи выйдетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не одобрялъ заявленія редакціи вновь возникающаго философскаго журнала о томъ, что въ немъ будутъ помѣщаться статьи одинаково всѣхъ философскихъ направленій. Казалось, что философскій журналъ, не преслѣдующій никакихъ публицистическихъ цѣлей и ставящій единственной своей задачей познаніе отвлеченныхъ философскихъ истинъ, и долженъ отличаться отъ политическихъ и литературныхъ журналовъ, но новость дѣла мѣшала въ то время многимъ отрѣшиться отъ привычной точки зрѣнія.

Вскорѣ однако дѣятельность Психологическаго Общества и изданіе философскихъ сборниковъ, а затѣмъ и журнала увѣнчались полнымъ успѣхомъ, который превысилъ ожиданія самого Грота. Зато его безпощадно терзали другія заботы и волненія. Уже въ концѣ 1886 г., когда Гротъ только началъ свои завоеванія въ сферѣ литературно-философской дѣятельности въ Москвѣ, ему пришлось волноваться по поводу статьи Одесскаго преосвященнаго Никанора, представлявшей собой съ одной стороны какъ бы доносъ на Грота предержащимъ властямъ и обвиненіе въ неблагонадежности, а съ другой—упрекъ въ измѣнѣ прежнему направленію яко-бы ради карьеры и успѣха въ официальныхъ сферахъ. И то и другое было одинаково несправедливо и обидно. «Ничего такого, что онъ мнѣ приписываетъ»—говорилъ Гротъ—«я никогда и не думалъ, а въ концѣ на счетъ поворота онъ уже совсѣмъ зарапортовался. Никогда я никуда не поворачивалъ, а шелъ все прямо и неуклонно впередъ, но такъ какъ сфера мысли похожа на сферу земли, то неудивительно, что я, какъ путешественникъ вокругъ свѣта, сталъ нынѣ въ отношеніи къ исходной точкѣ «антиподомъ» своимъ. Большинство критиковъ моихъ никакъ не хочетъ понять этого и, вѣроятно, изумилось бы, если бы я сказалъ, что ни отъ одного изъ своихъ утвержденій въ прежнихъ сочиненіяхъ я не отказываюсь и не имѣю нужды отказываться. Ограничены мною только нѣкоторыя отрицанія, но это уже неизбѣжный процессъ развитія, и переходъ отъ односторонности къ разносторонности не есть, конечно, «поворотъ».

Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Никанорова статья тѣмъ скверна, что даетъ религіозно-политическое истолкованіе тѣмъ мыслямъ, которыя у меня не имѣли никакого отношенія къ религіи и политикѣ»... Гротъ написалъ своему противнику возраженіе, которое помѣстилъ въ «Православномъ Обозрѣніи». Выходка Никанора тѣмъ больше раздражала его, что Никаноръ считалъ и называлъ его своимъ «другомъ». «Это ужъ не дружба и расположеніе, въ которомъ Никаноръ меня увѣряетъ»—говорилъ Гротъ—«если онъ полицейскій рапортъ начальству превращаетъ въ статью».

Постоянная напряженная дѣятельность, множество связей и свѣтскихъ отношеній и полемика мѣшали Гроту отдаваться вполнѣ впечатлѣніямъ жизни, но сознаніе достигнутаго успѣха и осуществленіе давней мечты о Москвѣ наполняло его душу отрадой. «Съ какимъ удовольствіемъ»—говоритъ онъ—«я иногда проѣзжаю черезъ Кремль и размышляю, что нахожусь въ Москвѣ, въ сердцѣ Россіи, составляя одинъ изъ кусочковъ ткани этого сердца. Но я еще не наслаждаюсь Москвой вполнѣ. Сначала надо потрудиться хорошенько, чтобы пріобрѣсти досугъ и возможность жить посвободнѣе. Я еще ни разу не имѣлъ времени пойти погулять безъ цѣли въ Кремль и насладиться спокойно видомъ Москвы—ни разу еще мы не были ни въ музеяхъ, ни на выставкахъ и въ галлереяхъ».

XXXI.

Чтобы понять и оцѣнить значеніе научной и профессорской дѣятельности Грота во всемъ ея объемѣ, необходимо, кромѣ изученія его печатныхъ трудовъ, принять во вниманіе его горячее, задушевное отношеніе къ взятымъ на себя занятіямъ и особенно живое вліяніе на сотрудниковъ и учениковъ; надо почувствовать то обаяніе его личности, о которомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя воспоминанія; надо знать, что онъ безъ расчета жертвовалъ своими силами и успѣшно справлялся одновременно со многими задачами и во всякое дѣло влагалъ душу. По словамъ г. Викторова, «его чтеніе одушевлялось обыкновенно животрепещущей и увлекательной непосредственностью. Онъ ни разу не читалъ стараго курса. Онъ самъ неоднократно указывалъ на то, что считаетъ для себя совершенно

невозможнымъ предлагать слушателямъ уже разъ прочитанныя записки и что ему всегда трудно готовиться къ курсамъ, такъ какъ онъ составляетъ ихъ заново изъ года въ годъ». «Мы присутствовали»—продолжаетъ тотъ же авторъ—«всегда при живомъ ростѣ философской мысли, видѣли, что самъ профессоръ живо заинтересованъ тѣмъ, какъ складываются его воззрѣнія, къ какимъ возможнымъ выводамъ они приведутъ». Особенно полезны были для студентовъ практическія занятія, такъ называемыя «семинаріи». По свидѣтельству того же лица, «Николай Яковлевичъ снабжалъ студента литературными указаніями, давалъ свои книги, бралъ книги изъ университетской библіотеки, недоступной для студента, совѣтовался о деталяхъ сочиненія. Онъ неотступно слѣдилъ за работой студента и постоянно поднималъ его энергію. При этомъ онъ обладалъ удивительной способностью внушать студенту довѣріе къ собственнымъ силамъ. Онъ послѣдовательно проводилъ въ своей педагогической дѣятельности то правило, что слишкомъ трудныхъ темъ для студентовъ не существуетъ». Несмотря на испытанное въ Одессѣ неудобство отъ чрезмѣрной доступности для студентовъ, невыгодной съ точки зрѣнія экономіи силъ и времени, по добротѣ и живости своего характера Гротъ и въ Москвѣ широко раскрылъ для своихъ слушателей двери квартиры. Какъ въ аудиторіи онъ предлагалъ студентамъ свободно критиковать каждую прочитанную имъ лекцію (на практическихъ занятіяхъ), при чемъ «обаятельныя черты его личности создавали такую атмосферу, благодаря которой эти практическія занятія привлекали къ себѣ много охотниковъ», такъ даже на улицѣ, по дорогѣ домой, онъ охотно велъ оживленныя бесѣды со студентами и иногда горячо съ ними спорилъ. Словомъ, его отношенія къ студентамъ носили совершенно свободный, товарищескій характеръ; онъ «охотно выслушивалъ всякія замѣчанія, вступалъ въ споръ съ аудиторіей». Добрымъ хозяиномъ и наставникомъ-товарищемъ онъ былъ также для своихъ гостей-студентовъ во время лѣтняго отдыха на своей дачѣ въ с. Кочеткѣ (Харьковской губ.). «Онъ свободно вводилъ насъ въ семью»—говоритъ г. Викторовъ—«охотно дѣлился съ нами неистощимымъ запасомъ заразительной веселости. Николай Яковлевичъ былъ мастеръ устраивать разнаго рода пикники, поѣздки верхомъ, катанья на лодкѣ, уженье рыбы, охоту». Однимъ словомъ, «онъ былъ близокъ къ осуществле-

нію идеала всесторонняго, искренняго, тѣснаго общенія и взаимодѣйствія профессоровъ и студентовъ. Онъ былъ профессоръ-товарищъ».

XXXII.

Философію Гротъ любилъ, по выраженію одного изъ его слушателей, какъ живое существо, и особенно живо интересовался вопросами этики и психологіи. По словамъ г. Айхенвальда, «для двойной бухгалтеріи души онъ былъ слишкомъ искренній, прямой и чувствующій мыслитель, и при всемъ динамизмѣ его философіи, при всѣхъ колебаніяхъ его отвлеченной мысли, всегда оставался неизмѣннымъ и внятнымъ одинъ основной тонъ, одинъ пребывающій и жгучій мотивъ: это рѣшеніе нравственной проблемы. Всего дороже было то, что Гротъ всегда оставался искреннимъ искателемъ добра и истины и невольно импонировалъ этими качествами молодежи, всегда чуткой ко всему правдивому какъ въ сферѣ практической, такъ и въ научной. Поэтому профессорскій авторитетъ его нисколько не умалялся даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ это случалось сплошь и рядомъ, участники спора стояли не на сторонѣ профессора». При своей обширной эрудиціи и искренней любви къ философіи и къ студентамъ, Гроту пріятно было держать себя въ сношеніяхъ съ аудиторіей просто и свободно, и онъ всегда могъ считать себя застрахованнымъ отъ неподобающихъ казусовъ или необдуманныхъ выходокъ. Въ послѣдніе годы ему случалось, не безъ серьёзнаго личнаго риска, съ свойственной ему горячностью вступаться за интересы университетской молодежи, а съ другой стороны, когда нужно, онъ не стѣснялся откровенно высказывать ей непріятныя вещи, какъ это бывало впрочемъ еще въ Новороссійскомъ университетѣ. Иногда въ надеждѣ на его поддержку, по юношеской неопытности, студенты заявляли ему такія вожделѣнія во время такъ называемыхъ «студенческихъ исторій», что ему приходилось съ улыбкой отвѣчать: «господа, какъ вы хотите отъ насъ, профессоровъ, *требовать* того, о чемъ мы можемъ только *просить* у высшаго начальства». Въ торжественные дни университетской годовщины, какъ бывало и прежде въ Одессѣ, Гротъ нерѣдко былъ предметомъ овацій въ видѣ привѣтственныхъ кликовъ и традиціоннаго качанія.

XXXIII.

Въ качествѣ редактора журнала Николай Яковлевичъ, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, работалъ горячо и съ беззавѣтной энергіей: ему вообще всегда былъ по душѣ организаторскій и творческій трудъ. Успѣхъ журнала радовалъ его, какъ заслуженная награда и какъ источникъ нравственнаго самоудовлетворенія; онъ чрезвычайно любилъ также роль двигателя и воодушевителя полезнаго предпріятія; наконецъ въ его натурѣ было кипѣть и волноваться и жертвовать всѣмъ для идеи. Поэтому читатель заранѣе могъ бы предугадать слѣдующую характеристику его какъ редактора, сдѣланную г. Ивановскимъ. «Здѣсь»—говоритъ онъ—«какъ и во всей его дѣятельности въ Психологическомъ Обществѣ, проявились тѣ черты его характера, которыми онъ отличался всю свою жизнь: его энергія и предпріимчивость, его живой характеръ, способный всякаго увлечь и заставить работать, наконецъ его выдающійся организаторскій талантъ и большіе литературные и издательскіе навыки. Николай Яковлевичъ во все входилъ самъ; онъ вникалъ во всѣ мелочи—иногда до такой степени, что забота его объ этихъ деталяхъ начинала со стороны казаться просто утомительной. Но зато надо отдать ему справедливость: никто, вѣроятно, не могъ бы, когда было нужно, проявлять такую дѣятельность, объѣзжать массу лицъ, упрашивая ихъ, настаивая на томъ, чтобы они сдѣлали все, что могутъ, сноситься съ такой массой официальныхъ учрежденій, съ цензурой, типографіями и т. д. и т. д. Николай Яковлевичъ все заранѣе предвидѣлъ; онъ предусматривалъ всякую мелочь практической постановки вопроса, доходя до ничтожной опечатки въ выходившихъ подъ его редакціей изданіяхъ,—опечатки, заставлявшей его по истинѣ страдать, огорчавшей его до глубины души. Это-то *живое* отношеніе къ дѣлу и дѣйствовало такъ обаятельно на всѣхъ, кому приходилось имѣть съ Николаемъ Яковлевичемъ дѣло».

XXXIV.

Послѣ сказаннаго нѣтъ нужды долго останавливаться на характеристикѣ задушевныхъ отношеній Грота къ товарищамъ и сотрудникамъ по журналу и Психологическому Обществу.

Довольно сказать, что со всѣми ними онъ былъ въ истинно дружескихъ отношеніяхъ. Въ числѣ его ближайшихъ друзей нельзя не назвать Вл. Соловьева, Лопатина, Преображенскаго, братьевъ Трубецкихъ, Астафьева, Звѣрева и проч. Вообще, къ чести Московскаго Психологическаго Общества, надо сказать, что главные его двигатели и представители были всегда не только связаны живыми научными интересами, но самой задушевной и благородной дружбой. На семейныхъ праздникахъ Николая Яковлевича всегда можно было встрѣтить этихъ искреннихъ его друзей, какъ самыхъ дорогихъ и почетныхъ гостей, такъ же задушевно относившихся другъ къ другу, какъ и къ самому хозяину. Здѣсь царствовала простота и искренность отношеній, среди которой пріятно было отдыхать душой. И нельзя вспомнить безъ грусти, какъ эта дружная и прекрасная семья идеалистовъ, по волѣ неумолимаго рока, распалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда большинство лучшихъ ея членовъ, одинъ за другимъ, но товарищески, словно сдѣлавшись жертвой какой-то эпидеміи, или какъ-будто не вынося разлуки, дружной вереницей преждевременно сошли въ могилу. И все люди молодые, полные энергіи и высокихъ, благородныхъ стремленій! Гротъ, сплотившій и организовавшій эту дружную философскую семью, проникнутую однимъ духомъ и одними идеалами, какъ-будто увлекъ ее за собой въ другой, лучшій міръ. Еще недавно всѣ они цвѣли надеждами и бодро работали вмѣстѣ, а теперь отъ этой кипучей жизни остались однѣ могилы, да память свѣтлая и назидательная для оставшихся и для будущихъ тружениковъ на томъ же полѣ.

Кромѣ связи съ сверстниками Гротъ также былъ связанъ дружескими отношеніями и съ нѣсколькими замѣчательными людьми другихъ поколѣній, какъ гр. Л. Н. Толстой и Фетъ-Шеншинъ. Глубокое нравственное сближеніе его съ Толстымъ было уже давно подготовлено той высокой, но не лишенной критики и чуждой фанатизма, глубоко осмысленной оцѣнкой ученія, проповѣдуемаго Толстымъ. Для Грота, какъ и для Толстого, выше всего имѣли значеніе вопросы этики, и на этомъ они сошлись. Любимымъ предметомъ размышленій Грота одно время было сопоставленіе Толстого и Ницше. «Когда ему надо было высказаться о духовномъ богатырѣ Толстомъ и о потухшей мысли Фридриха Ницше»—говоритъ г. Айхенвальдъ—«онъ не

могъ долго колебаться въ своемъ выборѣ и оцѣнкѣ». Толстой, въ свою очередь, цѣнилъ въ Гротѣ живого, увлекательнаго собесѣдника, въ бесѣдѣ съ которымъ, какъ съ спеціалистомъ, онъ могъ провѣрять нѣкоторые философскіе факты и положенія и въ которомъ онъ видѣлъ ученаго, горячо интересовавшагося тѣми же вопросами, которые его самого совершенно захватывали и волновали. Объ этихъ-то вопросахъ у Грота обычно шла оживленная бесѣда съ величайшимъ современнымъ русскимъ художникомъ и мыслителемъ, а съ Фетомъ они имѣли соединительное звено въ общемъ любимцѣ—философѣ Шопенгауерѣ.

Такимъ образомъ въ Москвѣ Гротъ нашелъ живой отголосокъ завѣтнымъ запросамъ своей души, начиная съ такого колосса мысли и слова, какъ Л. Н. Толстой, и кончая цѣлой философской колоніей, пріютившейся въ самомъ сердцѣ Россіи, откуда и подобало блеснуть снопу первыхъ философскихъ лучей въ нашемъ отечествѣ.

XXXV.

Борьба съ препятствіями и всякія волненія попрежнему давали пищу дѣятельному темпераменту Грота, но конечно, не могло не быть вредно для него сплошное, чрезмѣрное напряженіе; какъ мы видѣли, до сихъ поръ у него еще не было полосы спокойной и нормальной дѣятельности, а это должно было рано или поздно отозваться на его организмѣ. Если съ одной стороны на Грота имѣло отрадное и воодушевляющее дѣйствіе сближеніе его съ графомъ Л. Н. Толстымъ, а также большое сочувствіе его дѣятельности со стороны университетской корпораціи и лучшей части московской интеллигенціи, то съ другой ни Гроту, ни вообще Психологическому Обществу нельзя было избѣжать яростнаго ожесточенія одного органа печати, не поскупившагося на грубыя оскорбленія предсѣдателя Общества и его членовъ. Николай Яковлевичъ, получавшій даромъ «университетскую» и часто враждебную университету газету, относился къ ея недостойнымъ выходкамъ весьма благодушно, но скоро пересталъ въ нее заглядывать. Тѣмъ не менѣе онъ волновался за любимое имъ Психологическое Общество, подвергшееся настоящей травлѣ. Поводомъ къ походу на этотъ разъ послужилъ рефератъ Вл. С. Соловьева. «Искренно васъ благодарю»—писалъ Гротъ одному пріятелю—«за сочувствіе по поводу травли «Московскихъ Вѣдо-

мостей». Потому ли, что я обтерпѣлся ужъ очень, или потому, что по темпераменту оптимистъ, но я отъ этой травли предвижу только хорошіе результаты и для Общества, и для журнала, и для себя лично». Слова эти вскорѣ вполнѣ подтвердились: значительное большинство публики и вся высшая интеллигенція были безусловно на сторонѣ Психологическаго Общества. Но судьбѣ неугодно было оставлять Николая Яковлевича безъ испытаній, и сравнительно ничтожныя волненія должны были уступить мѣсто очень тяжкимъ ударамъ и серьёзному разстройству здоровья. Когда-то Гротъ въ письмѣ въ редакцію «Вѣстника Европы» (1880, XII) проводилъ теорію объ ошибочности распространеннаго взгляда на неравномѣрное распредѣленіе счастья между людьми. По теоріи Грота, самое устройство организма человѣка, самая его природа, неизбѣжно обусловливаетъ уравновѣшеніе наслажденій и страданій, и въ концѣ концовъ сумма всѣхъ наслажденій и страданій у всѣхъ людей одинакова, такъ какъ напр. страданія отъ голода и холода,—по терминологіи Грота «положительныя»—уравновѣшиваются «отрицательнымъ удовольствіемъ при насыщеніи и согрѣваніи, а «отрицательными» страданіями отъ пресыщенія уравновѣшиваются предшествующія «положительныя» наслажденія. Притомъ, по тогдашней теоріи Грота, люди, раньше счастливые, послѣ должны будутъ испытать много горя и проч. Теорія эта, по поводу которой можно было бы возразить, что трудно признать равноцѣннымъ уравновѣшеніе «положительныхъ» страданій «отрицательными» наслажденіями и съ другой стороны «отрицательныхъ» страданій «положительными» наслажденіями, полагая, что при свободномъ выборѣ едва-ли кто предпочелъ бы первую комбинацію второй,—теорія эта слишкомъ жестоко сбылась надъ самимъ ея авторомъ: его постоянные успѣхи, бодрое, какъ-бы побѣдное прохожденіе имъ жизненнаго поприща, постоянныя овація и общая любовь какъ-будто должны были искупиться рядомъ тяжелыхъ ударовъ, болѣзнями и смертью многихъ близкихъ людей. Въ маѣ 1893 года послѣ непродолжительной болѣзни умеръ его всѣми уважаемый отецъ Яковъ Карловичъ, о похоронахъ котораго Николай Яковлевичъ писалъ: «все было торжественно и хорошо, но какъ грустно было провожать въ могилу такого хорошаго и всѣми любимаго отца». Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ этого Николаю Яковлевичу пришлось похоронить также другихъ близкихъ родныхъ и

пережить много тяжелыхъ испытаній; здоровье его неудержимо слабѣло, но запасъ неистощимой внутренней душевной энергіи мѣшалъ ему самому, а также окружающимъ и близкимъ людямъ понять настоящее положеніе дѣла. Онъ таялъ, какъ свѣча, но свѣча эта горѣла ярко и горячо, и постоянная взвинченность, искусственный подъемъ энергіи Грота уже на счетъ запасныхъ, а не основныхъ силъ организма вводили всѣхъ въ заблужденіе. Какъ всю жизнь онъ привыкъ брать приступомъ всѣ препятствія, такъ продолжалъ поступать и тогда, когда организмъ его былъ уже сильно надломленъ и нуждался въ бережномъ обращеніи. Уже съ 1891 г. онъ почти каждую зиму подвергался нервнымъ припадкамъ удушья, сопровождавшимся упадкомъ силъ, но не придавалъ этому серьёзнаго значенія. Онъ уже не всегда былъ въ послѣдніе годы бодрымъ и жизнерадостнымъ, но духовный складъ его въ общемъ оставался тотъ же, и признакъ этотъ оказался обманчивымъ; вѣдь и послѣ кончины его случалось слышать, что смерть его особенно поразительна тѣмъ, что и представить себѣ трудно, что нѣтъ больше этого полнаго жизни человѣка [1]).

Въ послѣднія двѣ зимы здоровье Николая Яковлевича сильно пошатнулось, и дошло до того, что доктора запрещали ему серьёзное умственное напряженіе, вслѣдствіе чего ему приходилось, особенно благодаря сильно мучившимъ его лихорадкамъ, ревматизму и ларингиту, часто пропускать лекціи. Но усиленная переписка съ заграничными учеными и необходимость работать, кромѣ исполненія профессорскихъ обязанностей, въ архивѣ московскаго дворянства—для нуждъ своей большой семьи, неумолимо подтачивали его силы. Предстоявшая ему въ 1900 году новая годичная командировка, открывавшая возмож-

---

[1]) Проф. Айхенвальдъ прекрасно выразилъ съ своей стороны это общее впечатлѣніе въ слѣдующихъ строкахъ: «Онъ былъ воплощенной жизнью и добротой, весь—порывъ, энергія и бодрость. Есть люди, которымъ смерть приходитъ тогда, когда они уже и безъ того мертвы,—Николай Яковлевичъ умеръ живымъ». «Поэтому»—продолжаетъ онъ—«мы всѣ и испытываемъ такую горькую и жгучую обиду этой безвременной кончины мыслителя, который не досказалъ своихъ мыслей, прервалъ свой горячо любимый трудъ и въ раннюю могилу унесъ неосуществленныя возможности и обманувшія надежды; поэтому мы и не можемъ привыкнуть къ его отсутствію и какъ-то странно намъ и больно безъ него»...

ность работать безъ обремененія и на привольѣ, необычайно подняла въ немъ энергію: въ послѣдніе мѣсяцы въ Гротѣ воскресло жизнерадостное настроеніе его юности и жажда возрожденія къ новой жизни и къ новой дѣятельности и планы, множество плановъ... Лѣто, однако, онъ рѣшилъ посвятить безусловному отдыху, отчасти подъ вліяніемъ требованій докторовъ, отчасти подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ трагическаго конца его товарища, профессора Корелина, сдѣлавшагося жертвой переутомленія. «Вы не смотрите»—говорилъ Гротъ,—«что я бодръ и веселъ; у меня всѣ органы поражены, и я нуждаюсь въ основательномъ отдыхѣ, чтобы меня не постигла участь Корелина. Все лѣто буду лежать на травѣ, подъ деревомъ и только отдыхать, отдыхать»... Видно было, однако, что онъ считалъ опасность благополучно миновавшей. Другую тяжкую для него уступку Гротъ рѣшилъ сдѣлать своему утомленію. Онъ покидалъ Москву и хотѣлъ устроиться въ Харьковѣ, гдѣ ему удобнѣе было бы беречь свои силы, которымъ въ Москвѣ, благодаря условіямъ его жизни, хлопотамъ по журналу и Обществу, во всякомъ случаѣ многое угрожало. Къ этому присоединялись и практическія соображенія: близость Харькова къ его лѣтнему убѣжищу, возможность болѣе дешеваго устройства и проч. Носились слухи, что къ пріѣзду Грота осенью въ Москву рѣшено было почтить его прощальнымъ обѣдомъ... Многіе были поражены невѣроятной новостью: «Гротъ оставляетъ Москву!»—«Какъ же это», спрашивали многіе: «создалъ Психологическое Общество, создалъ журналъ, заслужилъ огромную популярность и уваженіе—и все бросаетъ»! Когда эти слова были переданы Гроту, онъ, уже чувствуя себя серьёзно больнымъ, нетерпѣливо возразилъ: «Ну да, ну да! создалъ и Общество и журналъ, а теперь усталъ; что же тутъ непонятнаго?!»... Послѣднія недѣли Гроту пришлось много хлопотать съ переѣздомъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ возможности выѣхать изъ Москвы къ раньше его переселившейся въ деревню семьѣ. Лѣчившій его докторъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что, несмотря на строжайшія предостереженія, Николай Яковлевичъ по привычкѣ, собираясь въ отъѣздъ, хлопоталъ обо всемъ самъ, поднялъ весь домъ и гордился тѣмъ, что скоро и хорошо все устроилъ. Но по пріѣздѣ въ деревню онъ вдругъ почувствовалъ себя нехорошо—и дней черезъ десять его не стало (23 мая 1899 г.). «Какъ громомъ поразило всѣхъ это грустное из-

вѣстіе!» сказалъ о смерти Грота на похоронахъ [1]) депутатъ отъ Психологическаго Общества, и едва-ли мы ошибемся, если прибавимъ къ этимъ словамъ, что исчезновеніе съ жизненной сцены такой свѣтлой личности, такого хорошаго человѣка, внушавшаго всѣмъ, встрѣчавшимся съ нимъ на жизненной дорогѣ, бодрость духа и любовь къ честному труду, оставитъ надолго въ сердцѣ людей, его знавшихъ, глубокій слѣдъ, а исторія нашего просвѣщенія, конечно, также его не забудетъ.

В. Шенрокъ.

---

[1]) Н. Я. похороненъ въ церковной оградѣ въ с. Кочеткѣ на крутомъ лѣсистомъ берегу живописнаго Донца, гдѣ ему было всегда такъ по душѣ на своей скромной дачѣ, окруженному многочисленной дружной семьей.

ФИЛОСОФСКІЕ ВЗГЛЯДЫ И НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Я. ГРОТА [1]).

Существуетъ два типа мыслящихъ людей. Одни скоро находятъ свою истину и, счастливые этою находкой, всю жизнь развиваютъ одну и ту же систему идей, или перепѣваютъ одну и ту же старую пѣсню, не зная внутреннихъ противорѣчій и вмѣстѣ съ тѣмъ не вѣдая сомнѣній и душевныхъ терзаній. Другіе только ищутъ истины, но не находятъ ея: колеблясь и сомнѣваясь, измѣняя свои взгляды и часто противорѣча себѣ, они тревожно стремятся къ идеальной цѣли познанія, а эта цѣль ускользаетъ отъ нихъ какъ мечта. Николай Яковлевичъ Гротъ принадлежалъ къ послѣднему типу. Впечатлительный и увлекающійся, онъ никогда не могъ вполнѣ остановиться на какой-нибудь одной точкѣ зрѣнія, и его короткая жизнь была длинною исторіей философскихъ исканій. Его живой и дѣятельный умъ постоянно выдвигалъ предъ нимъ новыя проблемы; постороннія вліянія и его собственныя внутреннія потребности неудержимо влекли его въ міръ новыхъ замысловъ. Это былъ многодумъ, какъ назвалъ его покойный Вл. С. Соловьевъ, въ противоположность его старшему коллегѣ по Московскому университету, однодуму Троицкому [2]). Какія же проблемы занимали Грота

[1]) Въ основѣ настоящаго очерка лежитъ рѣчь «Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель», произнесенная авторомъ въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 6 ноября 1899 года и напечатанная въ 51 кн. Вопросовъ философіи и психологіи. Болѣе подробный критическій обзоръ трудовъ Грота читатель можетъ найти въ статьѣ автора «Философскій скиталецъ. Памяти Н. Я. Грота», Богословскій Вѣстникъ, 1899 г., іюнь—іюль, ноябрь—декабрь.

[2]) Вл. Соловьевъ, Три характеристики, Вѣстникъ Европы, 1900, январь.

и какъ рѣшала ихъ его тревожная мысль? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно прослѣдить постепенный ходъ его философскаго развитія въ связи съ тѣми сложными логическими и психологическими мотивами, которыми опредѣлялась смѣна его взглядовъ.

I.

Въ философскомъ развитіи Н. Я. Грота можно различить три главныхъ періода, которые гегельянецъ могъ бы подвести подъ извѣстную схему тезиса, антитезиса и синтезиса: періодъ позитивизма, періодъ метафизическаго идеализма и періодъ примиренія позитивизма и идеализма въ духѣ современной научной философіи. Первый изъ этихъ періодовъ онъ пережилъ сполна, второй онъ оборвалъ самъ, третій прервала въ самомъ началѣ его преждевременная смерть. Эти три эпохи его философской жизни существенно различаются по своимъ основнымъ принципамъ и имѣютъ опредѣленныя хронологическія границы; но въ предѣлахъ каждой изъ нихъ можно въ свою очередь наблюдать смѣну различныхъ идей и настроеній. Онѣ представляютъ собой только общую канву, на которой мы могли бы разсмотрѣть узоры довольно различныхъ рисунковъ и стилей.

Первоначальное философское міросозерцаніе Н. Я. Грота сложилось подъ вліяніемъ четырехъ умственныхъ теченій: позитивизма Конта, натуралистической философіи Спенсера, «философіи дѣйствительности» Дюринга и отчасти критическаго идеализма Альберта Ланге. Онъ вступилъ на свою профессорскую каѳедру съ страстной вѣрой въ положительную науку и съ такою же страстной враждой къ метафизикѣ. Все существующее раздѣлилось для него на два міра: міръ дѣйствительности, непосредственно очевидной и понятной, и міръ мечты, прекрасной, но неуловимой и непостижимой. Дѣйствительность—это природа и наше сознаніе, внѣшній и внутренній опытъ; мечта—это тѣ понятія и идеалы, при помощи которыхъ человѣчество вѣчно пытается разрѣшить проблемы, лежащія за предѣлами опыта, уяснить сущность сознанія и природы. Если дѣйствительность принадлежитъ наукѣ и познается разумомъ на основаніи объективныхъ воспріятій, то метафизикѣ остается только мечта, опирающаяся на наше субъективное чувство и понятная лишь для

этого чувства. Конечно, каждый вправѣ грезить о сверхчувственныхъ и сверхъопытныхъ идеалахъ, если онъ не можетъ обойтись безъ нихъ; но для мыслящаго наблюдателя такія грёзы могутъ имѣть значеніе только болѣе или менѣе интереснаго психологическаго явленія. Всѣ философскія проблемы въ основѣ суть психологическія проблемы. Ихъ ставитъ наше неугомонное сердце, вѣчно недовольное дѣйствительностью и вѣчно увлекающее насъ въ заоблачную даль; ихъ рѣшаютъ наши склонности и чувства, невольно подчиняющія себѣ умъ и заставляющія насъ вѣрить въ то, чего мы желаемъ. Чувство, это—источникъ нашего счастія и нашихъ страданій, нашихъ запросовъ и нашихъ убѣжденій. Но что же такое оно, это чувство? Научное изслѣдованіе показываетъ, что чувство есть только субъективное выраженіе физіологическихъ измѣненій въ нашемъ тѣлѣ,—родъ внутренняго рефлекса, въ которомъ роковымъ образомъ отражается всякое столкновеніе организма съ окружающею средой. Оно возникаетъ и исчезаетъ, какъ волна, среди круговорота остальныхъ психическихъ и физическихъ явленій и ничего не говоритъ намъ о существѣ вещей. Если философія возможна, то она не можетъ быть ни наукой, ни метафизикой, ни познаніемъ опытной дѣйствительности, ни познаніемъ сверхъопытныхъ сущностей. Научная дѣйствительность не имѣетъ ничего общаго съ интуиціями личнаго чувства, а метафизическія сущности суть лишь продукты досужей фантазіи самихъ метафизиковъ. Философія есть такой-же результатъ субъективнаго творчества, какъ искусство; она имѣетъ общій съ нимъ психологическій корень въ эмоціональной природѣ человѣка, и потому по справедливости должна быть названа вѣтвью искусства. Философія—это своеобразная поэзія, Ideendichtung, какъ говорятъ нѣмцы. Подобно поэзіи, она лишена объективной или реальной цѣны и имѣетъ лишь идеальную цѣнность. Она не есть познаніе міра и путь къ достиженію истины; она есть только субъективная оцѣнка міровыхъ явленій и средство для удовлетворенія субъективныхъ запросовъ сердца и ума. А такъ какъ субъективное есть то же, что личное, то философская оцѣнка дѣйствительности имѣетъ значеніе, строго говоря, только для той личности, которая создаетъ ее себѣ и которой она служитъ принципомъ міропониманія и жизнедѣятельности. Если философія

можно приписывать общее или общественное значеніе, то лишь настолько, насколько его можно усвоять и искусству [1]).

Вотъ міросозерцаніе, къ которому пришелъ Гротъ въ первомъ періодѣ своего философскаго развитія. Въ духѣ этого позитивнаго міросозерцанія написана его магистерская диссертація—Психологія чувствованій,—одна изъ наиболѣе цѣнныхъ его работъ, до сихъ поръ изумляющая читателя богатствомъ знаній, стройностью изложенія, остроуміемъ и блескомъ идейныхъ комбинацій. Тѣми же взглядами проникнутъ другой выдающійся его трудъ—его докторская диссертація—Къ вопросу о реформѣ логики. Наконецъ, тѣ же идеи лежатъ въ основѣ всѣхъ его статей и лекцій по теоріи познанія, этикѣ, соціологіи и исторіи философіи до 1885 г. Въ психологіи Н. Я. Гротъ стоитъ преимущественно на точкѣ зрѣнія Спенсера, разсматривая душевную жизнь какъ «одинъ изъ видовъ взаимодѣйствія организма съ окружающею средою съ цѣлью приспособленія внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Подъ вліяніемъ біологическихъ идей Спенсера и психологическихъ концепцій Горвича онъ создаетъ свою теорію «психическаго оборота», по которой душевные процессы представляются такимъ же цикломъ автоматическихъ реакцій, какъ обмѣнъ веществъ въ организмѣ: начинаясь внѣшними впечатлѣніями и «ихъ осложненіями въ сферѣ ума», они превращаются во внутреннія впечатлѣнія или чувства и, пройдя чрезъ стадію вызванныхъ чувствами внутреннихъ же волевыхъ стремленій, вновь разрѣшаются во внѣшнихъ движеніяхъ или дѣйствіяхъ. Наконецъ, въ связи съ этими схемами, онъ вырабатываетъ, подъ сильнымъ вліяніемъ Дюмона, свое физіологическое ученіе о чувствованіяхъ, какъ «субъективной оцѣнкѣ внутренней гармоніи или дисгармоніи между тратой веществъ въ нашемъ организмѣ и ихъ накопленіемъ», опредѣляетъ отсюда законы ихъ генезиса и осложненій и устанавливаетъ принципы ихъ классификаціи. Наблюдая, какъ измѣняются эмоціи при переходѣ отъ потребностей къ ихъ удовлетворенію и отъ удовлетворенія къ истощенію и отдыху, онъ находитъ, что въ ихъ ритмической смѣнѣ повторяется съ извѣстными особенностями общій типъ «психи-

[1]) Сравн. Критическій очеркъ о философскихъ этюдахъ А. А. Козлова, 1877. Философія какъ вѣтвь искусства, 1880. Отношеніе философіи къ наукѣ и искусству, 1883.

ческаго оборота»: каждое чувствованіе начинается отрицательнымъ страданіемъ, переходитъ въ положительное удовольствіе, затѣмъ превращается въ положительное страданіе и заканчивается отрицательнымъ удовольствіемъ, получая ту или иную спеціальную форму въ зависимости отъ различныхъ органическихъ и психическихъ состояній, которыми оно обусловливается [1]). Въ логикѣ Гротъ примѣняетъ тѣ же біологическіе принципы Спенсера и ту же теорію «психическихъ оборотовъ» къ явленіямъ умственной жизни. Разсматривая логическіе процессы какъ способъ превращенія внѣшнихъ «впечатлѣній» во внутреннія «движенія» мысли, онъ старается доказать, что въ своемъ развитіи они проходятъ четыре главныхъ стадіи: изъ безсознательно-непроизвольныхъ они становятся сначала сознательно-непроизвольными, потомъ сознательно-произвольными и, наконецъ, произвольно-методическими. Это та умственная эволюція, путемъ которой наши ощущенія преобразуются въ представленія, представленія въ конкретныя и абстрактныя понятія, а понятія въ научныя идеи. По своей природѣ всѣ умственные процессы суть не что иное, какъ рядъ болѣе или менѣе сложныхъ ассоціацій. Однѣ изъ этихъ ассоціацій имѣютъ механическій характеръ и состоятъ въ простомъ соединеніи, раздѣленіи или разъединеніи психическихъ элементовъ, въ «ассоціаціи», «диссоціаціи» и «дизассоціаціи» ихъ; другія имѣютъ характеръ органическій и выражаются въ образованіи, разложеніи и расчлененіи болѣе сложныхъ умственныхъ продуктовъ, т. е. совпадаютъ съ явленіями «интеграціи», «дезинтеграціи» и «дифференціаціи». Къ этимъ шести видамъ ассоціацій сводятся, по мнѣнію Грота, не только всѣ формы сужденій и умозаключеній, но и самые законы мышленія [2]). Въ теоріи познанія Гротъ защищаетъ «наивный реализмъ», ищетъ объективнаго критерія истины и находитъ

[1]) Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ, 1880. Essai sur les principes d'une nouvelle classification des sentiments, 1878.—Въ числѣ условій, опредѣляющихъ возникновеніе чувствованій, Н. Я. Гротъ между прочимъ выдвигаетъ на первый планъ процессы кровообращенія, дыханія, пищеваренія и выдѣленія. Съ этой стороны его теорія имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ модною въ настоящее время физіологическою теоріей эмоцій Ланге-Джемса.

[2]) Къ вопросу о реформѣ логики. Опытъ новой теоріи умственныхъ процессовъ, 1882.

этотъ критерій въ законѣ однообразія природы [1]). Въ этикѣ онъ отвергаетъ идею свободы воли, для доказательства которой ему пришлось впослѣдствіи потратить такъ много усилій, и понимаетъ подъ свободою личности лишь освобожденіе ея отъ власти среды и организма для новаго подчиненія власти идей; отрицаетъ оптимизмъ и пессимизмъ, какъ метафизическія проблемы, и признаетъ за ними только значеніе одинаково необходимыхъ и законныхъ практическихъ міросозерцаній, отдавая въ жизни преимущество пессимизму; разсматриваетъ въ теоріи эгоизмъ и альтруизмъ, какъ два полюса нравственныхъ отношеній, не допускающіе одинаковой этической оцѣнки, но считаетъ ихъ на практикѣ одинаково законными и необходимыми факторами общественнаго развитія [2]). Въ соціологіи онъ слѣдуетъ формуламъ Спенсера и отвергаетъ субъективный методъ въ построеніи теоріи прогресса, но ставитъ для прогресса субъективную цѣль,— счастіе человѣчества и всего живого міра [3]). Наконецъ, въ исторіи философіи онъ держится взгляда, что различныя философскія системы суть лишь удовлетворенія субъективныхъ потребностей ума отдѣльныхъ личностей, имѣющія одинаковую психологическую цѣнность и смѣняющія другъ друга по законамъ психологическаго развитія [4]). Къ метафизикѣ онъ относится безусловно отрицательно, считаетъ ее источникомъ всѣхъ пагубныхъ заблужденій человѣческаго ума, объясняетъ ея господство въ прошломъ только инерціей человѣческой мысли и видитъ задачу мыслителя въ томъ, чтобы очистить знаніе отъ метафизическаго сора. И въ стремленіи къ этому «очищенію» онъ доходитъ до такой наивной крайности, что въ своихъ психологическихъ и логическихъ изслѣдованіяхъ избѣгаетъ даже употреблять слова: «душа» и «сознаніе», замѣняя ихъ болѣе «научнымъ» терминомъ: «сензоріумъ». Единственный путь къ правильному рѣшенію высшихъ проблемъ мысли и жизни онъ ви-

---

[1]) Къ вопросу о критеріяхъ истины, 1883.

[2]) Къ вопросу о свободѣ воли, 1884. О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міросозерцаній, 1884. Эгоизмъ и альтруизмъ предъ судомъ здраваго смысла, 1884. О нравственной отвѣтственности и юридической вмѣняемости, 1885.

[3]) Опытъ новаго опредѣленія понятія прогресса, 1883. Прогрессъ и наука, 1883. О субъективизмѣ въ соціологіи, 1884.

[4]) Основные типы философскихъ построеній въ разныя эпохи, 1884.

дитъ въ натуралистической психологіи, основанной на біологіи и физіологіи и освобожденной отъ всякихъ метафизическихъ элементовъ. Его увлекаетъ идея психической эволюціи, и онъ примѣняетъ эволюціонныя схемы ко всѣмъ явленіямъ человѣческаго духа. Въ этихъ схемахъ нѣтъ мѣста для творческой свободы и самостоятельной дѣятельности моральныхъ факторовъ: въ нихъ все сведено къ механизму и, въ концѣ концовъ, къ простой игрѣ біологическихъ силъ. Механически создаются этими силами тѣ «психическіе обороты», изъ которыхъ слагается наша душевная жизнь и возникаютъ формы нашей мысли; механически идетъ развитіе человѣческой жизни и смѣна человѣческихъ идеаловъ. Въ подробностяхъ теоретическихъ операцій Н. Я. Грота немало недочетовъ и противорѣчій. Выясняя генезисъ душевныхъ явленій, онъ не всегда даетъ намъ возможность прослѣдить ихъ истинную связь и часто замѣняетъ психологическія наблюденія и анализъ фактовъ искусственною діалектикой и отвлеченными построеніями. Сближая въ своихъ схемахъ акты воли и мысли съ матеріальными движеніями, онъ доводитъ эту аналогію почти до отождествленія и впадаетъ въ невольные софизмы. Пытаясь свести логическія формы и отношенія къ простымъ ассоціативнымъ процессамъ, онъ не замѣчаетъ, что идеей «органическихъ» ассоціацій онъ вводитъ въ свою теорію новый принципъ, не совпадающій съ ея исходною точкой. Отстаивая объективные методы въ теоріи познанія и въ соціологіи, онъ незамѣтно для себя самого прибѣгаетъ здѣсь къ субъективнымъ критеріямъ и цѣлямъ. Но каковы бы ни были колебанія его мысли, они не касаются его основной точки зрѣнія на дѣйствительность. При всѣхъ частныхъ противорѣчіяхъ, его міровоззрѣніе проникнуто одною общею мыслью, однимъ убѣжденіемъ, что познаніе существа вещей невозможно, что сверхчувственные идеалы только мечты, что философія, за предѣлами психологіи и связанныхъ съ нею проблемъ, есть только идейное творчество, не лишенное поэтической прелести, но не приближающее насъ ни на шагъ къ недоступному царству истины. Въ этотъ періодъ умственнаго броженія и позитивныхъ увлеченій, Гротъ, подобно Ренану, считалъ философію только приправой, безъ которой, быть можетъ, всѣ блюда безвкусны, но которая сама по себѣ не составляетъ пищи. Это былъ философъ, отрицавшій философію.

II.

Рѣшительный поворотъ въ міросозерцаніи Н. Я. Грота совершается въ 1885 и 1886 годахъ, которые служатъ хронологическимъ рубежомъ второго періода его философскаго развитія, метафизическаго періода. Былъ ли этотъ поворотъ неожиданнымъ? Логически—да, но психологически—нѣтъ. Онъ былъ подготовленъ смѣною настроеній и чувствъ, сначала неясныхъ, но очень глубокихъ; онъ возникъ изъ этическихъ потребностей и мотивовъ, которые всегда оказываютъ вліяніе на человѣческую мысль и съ особенною силой пробиваются наружу въ моменты умственныхъ кризисовъ. Придя къ убѣжденію, что сверхчувственные идеалы только иллюзіи, Гротъ почувствовалъ себя на краю нравственной пропасти. Вѣдь эти идеалы не пустые капризы нашего недовольнаго сердца и безпокойнаго ума. Съ ними связаны самые важные моральные интересы нашего существованія, наши представленія о смыслѣ жизни человѣка и вселенной, наши понятія о добрѣ и злѣ, о нравственномъ и безнравственномъ, наша вѣра въ святость долга, въ возможность счастія и въ торжество справедливости. Что же станется съ этими лучшими убѣжденіями человѣчества, если они лишены реальной основы, если идеалы истины, добра и красоты, о которыхъ всегда мечтали люди, только субъективные призраки, если идеи Бога, души, свободы воли, безсмертія суть пустыя суевѣрныя слова? Не превратится ли тогда наша жизнь въ нелѣпый хаосъ, въ безумную и жалкую комедію, въ шумную суету безъ смысла, безъ цѣли и безъ надежды? Сверхчувственные идеалы рождаются изъ нѣдръ нашего субъективнаго чувства,—это, безъ сомнѣнія, правда; но слѣдуетъ ли отсюда, что они лишены объективнаго значенія и имѣютъ только личную цѣнность? Неужели природа дала намъ идеальныя стремленія лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать насъ жертвами вѣчнаго самообмана и иллюзій? Вѣдь чувство, это—наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Почему же мы не вправѣ вѣрить его голосу точно такъ же, какъ мы вѣримъ внѣшнему опыту, нашимъ глазамъ и ушамъ? Не служитъ ли чувство, какъ и вся наша личность, обнаруженіемъ всеобщихъ и вѣчныхъ законовъ природы и не говоритъ ли въ немъ та же дѣйствительность, которая открываетъ

часть своихъ тайнъ нашему уму? Насъ смущаетъ субъективный характеръ сужденій чувства; но что значитъ этотъ субъективный характеръ? Субъективное не то же, что личное; субъективное есть внутреннее—въ насъ самихъ и въ вещахъ. И если чувство показываетъ намъ идеальныя основы нашей субъективной жизни, то не обнаруживаетъ ли оно этимъ самымъ реальныя основы внутренней жизни цѣлой вселенной? Философія есть видъ искусства, идейное творчество,—это также правда; но можно ли заключать отсюда, что она не имѣетъ реальной цѣны и ничего не даетъ для познанія міра? Не воплощается ли въ ея творческихъ построеніяхъ то, что вѣчно творитъ сама природа? Не отражается ли въ ея мечтахъ объ истинѣ, добрѣ и красотѣ дѣйствительная сущность и цѣль міровой жизни? Вѣдь, искусство даетъ намъ не только произведенія, имѣющія относительную цѣнность, но и такія созданія, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не исчезаетъ. Значитъ, при всей субъективности художественнаго творчества и при всей условности эстетической оцѣнки, въ этихъ созданіяхъ есть какой-то объективный, безусловный и вѣчный элементъ; значитъ, есть красота и внѣ чувства красоты. Не слѣдуетъ ли отсюда, что и въ произведеніяхъ философскаго творчества можетъ заключаться такой же объективный и вѣчный элементъ, что существуютъ объективное добро и объективная истина за предѣлами нашихъ личныхъ чувствъ и представленій? Не въ правѣ ли мы думать, что философія, творчески возсоздающая эти идеалы, угадываетъ въ нихъ дѣйствительность, что она есть не только субъективная оцѣнка вещей, но и познаніе ихъ дѣйствительной природы? Мы привыкли считать дѣйствительностью только то, что мы видимъ и осязаемъ, и все, недоступное внѣшнему воспріятію, кажется намъ призрачнымъ явленіемъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Не есть ли этотъ видимый и осязаемый нами міръ только сумма нашихъ собственныхъ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеній? Не есть ли онъ, именно онъ, призрачное явленіе, субъективная греза, красивый, но обманчивый миражъ? Не лежитъ ли дѣйствительность скорѣе тамъ, за предѣлами этого миража, тамъ, гдѣ заложены вѣчные устои мірозданія, гдѣ сіяетъ вѣчный свѣтъ истины, добра и красоты? Философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, называется презрительнымъ именемъ метафизики и противополагается наукѣ, какъ опытному познанію

чувственныхъ явленій. Но заслуживаетъ ли метафизика того пренебреженія, какимъ она пользуется въ нашъ позитивный вѣкъ? Развѣ она не основывается также на опытѣ, на внутреннемъ опытѣ нашего чувства? Развѣ науки внѣшняго опыта представляютъ единственный типъ научнаго знанія? Возьмите математику: она не основывается на внѣшнемъ опытѣ, и ни одна ея аксіома не выводима изъ природы чувственныхъ явленій. Подобно метафизикѣ, она построяется нашимъ мышленіемъ и коренится въ его внутреннихъ апріорныхъ законахъ. Между тѣмъ, это самая точная изъ наукъ, и ея апріорныя формулы количественныхъ отношеній обязательны для всякаго опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, какъ настоящаго, такъ и будущаго. Почему же не должна быть наукой и метафизика, эта теорія качественныхъ отношеній дѣйствительности? Почему ея апріорныя категоріи не должны имѣть такой же очевидности и такой же обязательности для всякаго опыта? Развѣ метафизическое положеніе: «нѣтъ объекта безъ субъекта», менѣе очевидно, чѣмъ математическая истина, что «дважды-два—четыре»? Развѣ метафизическій законъ: «нѣтъ явленія безъ причины», менѣе обязателенъ для внѣшняго опыта, чѣмъ математическая аксіома, что «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками?» Да, философія, какъ познаніе сверхчувственной дѣйствительности, есть метафизика, и, какъ метафизика, она есть наука. Это «наука о качественныхъ отношеніяхъ явленій внутренняго и внѣшняго опыта, абсолютно достовѣрныхъ и обязательныхъ не только для нашего ума, но и для объективной дѣйствительности, не только идеальныхъ, но и реальныхъ, — наука о формахъ и нормахъ мышленія, дѣйствованія и самаго бытія всего, что существуетъ».

Вотъ длинная цѣпь тѣхъ «психологическихъ размышленій» и логическихъ доводовъ, которые привели Грота къ новому міросозерцанію и которые онъ съ полною ясностью формулировалъ лишь позднѣе, послѣ многихъ сомнѣній и колебаній [1]). Мы видимъ, какой радикальный переворотъ произошелъ теперь въ его идеяхъ. То, что прежде было для него только мечтой, онъ

[1]) О направленіи и задачахъ моей философіи (Отвѣтъ архіепископу Никанору), 1886. Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, 1889. Что такое метафизика? 1890.

признаетъ теперь высшею дѣйствительностью, а то, что онъ считалъ дѣйствительностью, онъ готовъ назвать простою мечтой. Если ранѣе онъ видѣлъ въ чувствѣ только источникъ субъективныхъ иллюзій, то теперь онъ видитъ въ немъ средство къ постиженію объективной истины. Если ранѣе онъ считалъ философію только идейнымъ творчествомъ, аналогичнымъ искусству, то теперь онъ признаетъ ее познаніемъ существа вещей. Если ранѣе онъ утверждалъ, что философія не есть ни метафизика, ни наука, то теперь онъ объявляетъ, что она есть и метафизика и наука. И еще прежде, чѣмъ эти идеи вполнѣ скристаллизовались въ его умѣ, онъ смѣло пускается въ тотъ волшебный міръ «метафизическихъ грезъ», который раньше казался ему такимъ гибельнымъ обманомъ, а теперь представляется истинною дѣйствительностью.

Изъ всѣхъ метафизическихъ идей, которыя когда-либо привлекали къ себѣ человѣческій умъ и волновали человѣческое сердце, самыми важными являются идеи Бога, души, свободы, долга и безсмертія. Убѣдиться въ реальности этихъ идей значитъ создать незыблемыя основы для мысли и жизни, и Гротъ ставитъ философское оправданіе ихъ своею задачей. Философскій опытъ тысячелѣтій приходитъ къ нему на помощь: идеалистическія системы Платона, Джордано Бруно, Канта, Шопенгауэра освѣщаютъ ему путь и даютъ элементы для его философскихъ построеній.

Съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество стало сознательно мыслить, предъ его взоромъ раскрылись два міра, вѣчно различныхъ и вѣчно враждебныхъ,—міръ духа и міръ матеріи. Какъ понять эти противорѣчія дѣйствительности? Какъ примирить ихъ? Вотъ метафизическая проблема, съ которою связаны всѣ другія, и которая прежде всего привлекла къ себѣ вниманіе Грота. Существуютъ двѣ философскихъ доктрины, пытающіяся разрѣшить эту вѣчную проблему,—доктрины монизма и дуализма. Первая сливаетъ міръ духа и міръ матеріи въ одномъ всеобъемлющемъ началѣ, въ которомъ оба они исчезаютъ безслѣдно; вторая раздѣляетъ ихъ, какъ два субстанціально различныхъ принципа, совершенно несоединимыхъ и непримиримыхъ другъ съ другомъ. Не есть ли это призрачныя и ложныя рѣшенія? Нашу мысль можетъ удовлетворить только такая философская теорія, которая примиряетъ противоположности бытія, не уничтожая

ихъ; наши сомнѣнія можетъ разрѣшить только синтезъ монизма и дуализма,—«монодуализмъ». Чтобы понять вселенную, мы должны допустить въ ней единое, вѣчное и личное начало, которое объединяетъ двѣ стороны существующаго своею безконечною мыслью и волей, которое объемлетъ все бытіе и управляетъ имъ, не отожествляясь съ его явленіями. Это-то вѣчное начало, о которомъ училъ Платонъ, какъ о высшемъ благѣ, идеѣ идей и міровой душѣ, о которомъ мечталъ восторженный пантеистъ-мученикъ XVI вѣка, Джордано Бруно, какъ о безконечномъ сознаніи вселенной, и которое исповѣдуется всѣмъ человѣчествомъ, какъ Божество. Объ этомъ безконечномъ Божественномъ началѣ говоритъ наше внутреннее чувство и весь строй мірозданія; оно проповѣдуется религіями и предполагается наукой, которая за міромъ извѣстныхъ явленій оставляетъ высшій міръ непзвѣстнаго. Это вѣчное начало проникаетъ весь организмъ природы, подобно тому, какъ наша душа проникаетъ нашъ тѣлесный организмъ. Оно есть сознаніе вселенной, обнаруживающееся въ разумности ея законовъ и въ гармоніи ея явленій такъ же ясно, какъ наше собственное сознаніе обнаруживается въ нашихъ разумныхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Это личное сознаніе вселенной обладаетъ безконечною мыслью, чувствомъ и волей, которыя живутъ въ нашей конечной мысли, волѣ и чувствѣ; оно является безконечною силой, которая отражается въ конечныхъ силахъ природы [1]).

Вопросъ о существованіи Божественнаго Духа во вселенной стоитъ въ тѣсной логической связи съ вопросомъ о существованіи духовнаго начала въ человѣкѣ. Но существуетъ ли человѣческая душа? Вотъ вторая метафизическая проблема, надъ которой задумался Гротъ. Современный матеріализмъ сводитъ понятіе души къ понятію силы, которую онъ разсматриваетъ, какъ продуктъ матеріи. Но знаемъ ли мы, что такое сила по своей природѣ? Внѣшній опытъ не даетъ намъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Изъ внѣшняго опыта мы знаемъ не сущность силы, а только ея энергію, ея работу, ея физическія дѣйствія или проявленія. Единственнымъ средствомъ для уясненія этой идеи служитъ наше самосознаніе, нашъ внутренній опытъ. Все

[1]) Дж. Бруно и пантеизмъ, 1885. Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно, 1885.

что намъ извѣстно о свойствахъ активной силы, заимствовано изъ этого именно источника. Мы сами—активная сила, причина движеній, и чрезъ самосознаніе мы узнаемъ сущность этой активной силы, какъ причины движеній, жизни и сознанія. Но если такъ, то не природа силы должна объяснить намъ природу души, а наоборотъ, природа души природу силы. Душа, это—самое извѣстное намъ, самое очевидное и самое реальное бытіе во вселенной, и если правиломъ научнаго объясненія должно быть выведеніе неизвѣстнаго изъ извѣстнаго, то всѣ физическія силы, насколько онѣ сходны съ нашею душой, должны быть также духовны. Основной законъ современнаго естествознанія, законъ «сохраненія энергіи» гласитъ, что всѣ модификаціи естественныхъ силъ состоятъ лишь въ переходѣ ихъ изъ скрытаго состоянія въ дѣятельное. Не видимъ ли мы тѣхъ же превращеній и въ душевномъ мірѣ человѣка? Не являются ли всѣ эти трансформаціи силъ только освобожденіемъ духовныхъ энергій въ природѣ и постепеннымъ преобразованіемъ ихъ въ высшія формы технической активности? Даже самая матерія, при всей ея эмпирической противоположности духу, можетъ быть, имѣетъ въ основѣ ту же духовную природу. Она открывается намъ въ опытѣ лишь какъ сила сопротивленія и инерціи; поэтому она отличается отъ активной силы духа только какъ пассивная сила. Такимъ образомъ, если идея Бога является монодуалистическимъ принципомъ примиренія духа и матеріи, то идея человѣческой души служитъ такимъ же монодуалистическимъ принципомъ примиренія матеріи и силы [1]).

Одно изъ основныхъ убѣжденій человѣчества состоитъ въ томъ, что наша душа обладаетъ свободною волей. Но эта свободная воля, не есть ли она только иллюзія? Таковъ былъ третій метафизическій вопросъ, стоявшій въ философской программѣ Грота. Противники ученія о свободѣ воли убѣждены въ томъ, что наши волевыя дѣйствія опредѣляются тѣмъ же неумолимымъ закономъ причинности, которому подчинены всѣ явленія міра. Но откуда возникъ самый этотъ законъ? Вотъ вопросъ, который они должны разрѣшить прежде всего. Законъ причинности, подобно закону достаточнаго основанія, есть законъ нашего мышленія, т.-е. субъективный законъ, и если мы попы-

[1]) О душѣ въ связи съ современнымъ ученіемъ о силѣ, 1886.

таемся изслѣдовать его субъективное происхожденіе, то мы найдемъ, что его источникомъ служитъ не что иное, какъ воля. Понятіе необходимой причины есть лишь понятіе о волѣ, необходимо «причиняющей» или производящей изъ себя дѣйствіе актомъ хотѣнія. Если же воля сама является основой закона причинности, то можетъ ли она подчиняться ему? Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы служить причиной волевыхъ дѣйствій, кромѣ самой воли? Окружающій насъ внѣшній міръ? Но онъ есть для насъ лишь совокупность нашихъ воспріятій. Наши воспріятія? Но они лишь состоянія нашей психической энергіи, т.-е. продукты воли, обусловленные особенностями нашей физической организаціи. Наша физическая организація? Но она создана наслѣдственностью, въ которой консолидировались результаты волевыхъ привычекъ и волевыхъ усилій нашихъ предковъ, т.-е. въ концѣ концовъ является также продуктомъ воли. Эмпирическій дуализмъ необходимости и свободы состоитъ въ томъ, что въ нашей душѣ борются два враждебныхъ стремленія: индивидуальное стремленіе къ самосохраненію и универсальное стремленіе къ идеалу, къ вѣчности, къ внѣиндивидуальному бытію. Первое стремленіе служитъ условіемъ нашей личной жизни въ предѣлахъ пространства и времени, и потому представляется необходимымъ; второе—противорѣчитъ интересамъ личнаго эгоистическаго существованія и потому является свободнымъ. Но въ основѣ этихъ двухъ противоположныхъ волевыхъ стремленій лежитъ одно свободное міровое начало, избравшее нашу личность сосудомъ своей жизни и средствомъ для достиженія своихъ вѣчныхъ цѣлей. Это начало—міровая воля къ жизни,—не слѣпая, злая и роковая воля Шопенгауэра, а разумная, добрая и свободная воля. Эта міровая воля вложила въ насъ свою свободу, какъ высшій даръ, который долженъ вести насъ путемъ длиннаго процесса духовнаго развитія къ побѣдѣ надъ ограничивающими ее слѣпыми силами природы. Она сама свободнымъ актомъ вдвинула себя въ индивидуальныя рамки нашего физическаго существованія, для того, чтобы новымъ свободнымъ актомъ сбросить съ себя это добровольное ярмо и возвратиться къ своему безконечному бытію въ идеальныхъ стремленіяхъ человѣчества [1]).

[1]) Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности, 1889.

Идея міровой воли, вскрывающая передъ нами глубочайшіе корни человѣческой свободы, даетъ Гроту рѣшеніе и четвертой поставленной имъ метафизической проблемы.—проблемы нравственнаго долга. Всѣ попытки обосновать идею долга на почвѣ эмпирическихъ началъ удовольствія и пользы неудачны и полны недоразумѣній. Между тѣмъ, эта идея становится совершенно понятной съ точки зрѣнія метафизической теоріи міровой воли. Вѣдь, если міровая воля къ жизни сдѣлала человѣческую личность орудіемъ своего освобожденія отъ индивидуальныхъ ограниченій и возвращенія въ царство вѣчности, то величайшая нравственная задача человѣка въ томъ именно и состоитъ, чтобы всѣми силами трудиться для достиженія этой цѣли. Бороться съ своею эгоистическою индивидуальностью и жить для вѣчнаго идеала добра, погасить въ своей душѣ пламень корыстныхъ страстей и зажечь въ ней яркій свѣточъ добра и безкорыстной любви къ людямъ, отречься отъ всѣхъ интересовъ личнаго существованія и всецѣло посвятить себя созиданію и развитію высшей, духовной жизни въ себѣ самомъ и во вселенной,—вотъ нравственный долгъ человѣка, свободный и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательный долгъ. Этотъ долгъ ставитъ намъ міровая воля къ жизни, и она же неудержимо влечетъ насъ къ его исполненію. Среди всѣхъ превратностей нашего существованія, среди всѣхъ моральныхъ коллизій, ошибокъ и паденій она указываетъ намъ нравственный идеалъ и приковываетъ къ нему нашу мысль и сердце. Она говоритъ въ нашемъ чувствѣ, какъ міровая любовь, и открывается въ нашемъ сознаніи, какъ міровая идея обязанности [1]).

Человѣчество вѣритъ, что душа не только свободна и призвана къ нравственному долгу, но и безсмертна. Эта вѣра въ безсмертіе живетъ въ томъ или иномъ видѣ почти въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ; она утѣшаетъ людей среди страданій жизни и окрыляетъ мечты мыслителей и поэтовъ; но можетъ ли она найти себѣ философское оправданіе? Приступая къ рѣшенію этой пятой метафизической проблемы, Гротъ встрѣтилъ на первыхъ же шагахъ почти непреодолимое затрудненіе. Идея безсмертія есть идея вѣчнаго или, по его мнѣнію, внѣвременнаго существованія нашего духа; между тѣмъ, мысль о возможности душевной жизни внѣ времени противорѣчитъ самымъ ос-

[1]) Основаніе нравственнаго долга, 1892. Устои нравственной жизни и дѣятельности, 1895.

новнымъ принципамъ современной психологіи и теоріи познанія. Современная психологія признаетъ душевныя состоянія явленіями во времени и на этой аксіомѣ основываются всѣ ея методы и всѣ ея результаты; теорія познанія еще устами Канта провозгласила, что время есть форма внутренняго опыта, т.-е. неизбѣжное условіе нашей психической жизни, и этотъ взглядъ сталъ съ тѣхъ поръ непоколебимымъ догматомъ. Такимъ образомъ, чтобы прійти къ философскому убѣжденію въ безсмертіи души, нужно расчистить почти непроходимый путь: нужно, съ одной стороны, въ корнѣ реформировать всю современную психологію, съ другой—опровергнуть Кантовское ученіе о времени, господствующее въ современной теоріи познанія. И Гротъ рѣшается на это смѣлое и трудное предпріятіе. Онъ обрушивается на современную психологію съ безпощадною и страстною критикой. Если когда-то, въ началѣ своей философской карьеры, онъ считалъ эту науку единственнымъ ключомъ ко всѣмъ проблемамъ знанія и жизни, то теперь онъ отрицаетъ за нею почти всякое значеніе. Ни эмпирическая, ни физіологическая, ни экспериментальная психологія нашего времени не проливаютъ, по его мнѣнію, ни малѣйшаго свѣта на сущность душевной жизни и ея истинные законы; ни одно изъ этихъ направленій не даетъ намъ ничего для разрѣшенія нашихъ важнѣйшихъ жизненныхъ задачъ. Пріемы и методы современныхъ психологическихъ изслѣдованій такъ же химеричны и безплодны, какъ и ихъ результаты. Любое великое произведеніе художественной литературы можетъ дать намъ больше знаній о человѣческой душѣ, чѣмъ всѣ схоластическія формулы и схемы, съ которыми оперируетъ психологія. И причиной такого печальнаго состоянія этой науки служитъ тотъ самый теоретическій предразсудокъ, который заставляетъ современныхъ психологовъ считать душевныя состоянія «явленіями» во времени. Только этотъ близорукій психологическій феноменизмъ мѣшаетъ имъ разглядѣть за психическими явленіями психическую сущность и понять законы душевной жизни такъ же ясно и просто, какъ ихъ понимали всѣ великіе практическіе сердцевѣды и знатоки человѣческой души [1]).

[1]) Жизненныя задачи психологіи, 1890. La causalité et la conservation de l'énergie dans le domaine de l'activité psychique, 1890. Къ вопросу о значеніи идеи параллелизма въ психологіи, 1894.

Современная идея явленія и современный взглядъ на природу времени составляютъ философское наслѣдіе Канта, и Гротъ обращаетъ свое критическое оружіе противъ этого великаго мыслителя. Изслѣдуя его ученіе о времени и пространствѣ, онъ находитъ въ немъ цѣлый рядъ вопіющихъ логическихъ противорѣчій и недоразумѣній. Кантъ называетъ пространство и время «воззрѣніями» и формами нашего опыта, но онъ опредѣляетъ ихъ какъ «понятія», какъ простые логическіе элементы нашей мысли. Онъ считаетъ эти интуиціи только субъективными представленіями нашего разума, и въ то же время объективируетъ ихъ въ области внѣшняго и внутренняго міра. Онъ признаетъ время формою внутреннихъ, душевныхъ процессовъ, пространство формою внѣшнихъ, матеріальныхъ явленій; но онъ забываетъ, что все, существующее во времени, существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ пространствѣ, и наоборотъ. Такимъ образомъ, Кантъ невольно ставитъ себя въ тиски такой неразрѣшимой для него дилеммы: если психическія явленія совершаются во времени, то они пространственны; если же они непространственны, то они не могутъ совершаться во времени. Между тѣмъ, выходъ изъ этой роковой дилеммы можетъ быть только одинъ. Непространственность душевныхъ процессовъ есть очевиднѣйшій фактъ нашего опыта, и нѣтъ такихъ аргументовъ, которые могли бы опровергнуть этотъ несомнѣнный фактъ; отсюда становится такимъ же очевиднымъ фактомъ и ихъ безвременность. Идея времени, какъ и идея пространства, есть наше субъективное представленіе, и если для нея существуетъ извѣстный объективный коррелятъ, то не въ области внутренняго опыта, а во внѣшнемъ, пространственномъ мірѣ: мы представляемъ въ формѣ времени только послѣдовательную смѣну физическихъ движеній и физіологическихъ процессовъ, связанныхъ съ нашими душевными состояніями. Что же касается нашей внутренней, психической жизни, то она протекаетъ безусловно за предѣлами времени, и, различая въ ней временные моменты, мы только искусственно переносимъ сюда эту форму внѣшняго опыта по тому же психологическому закону, по которому мы переносимъ во внѣшній міръ наши собственныя душевныя состоянія и свойства. Время и пространство псп-

хическихъ процессовъ не дѣйствительныя, а только кажущіяся: это—«псевдо-время» и «псевдо-пространство» [1]).

Таковы были выводы Н. Я. Грота, и можно было ожидать, что, опираясь на нихъ, онъ создастъ теорію безсмертія въ духѣ тѣхъ метафизическихъ идей, которыя положены имъ въ основу его изслѣдованій о душѣ и свободѣ воли. Можно было даже думать, что онъ объединитъ интересовавшія его проблемы метафизики и переработаетъ свои построенія въ цѣльную идеалистическую систему. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться. Въ ту минуту, когда Гроту оставалось сдѣлать послѣдніе, рѣшительные и, можетъ быть, самые трудные шаги за предѣлами опыта, его отвлекли другія идеи и интересы, давшіе совсѣмъ иное направленіе его мысли. Несмотря на то, что проблема безсмертія не переставала занимать его до конца жизни, онъ пережилъ эпоху своихъ метафизическихъ увлеченій, и его метафизика осталась недопѣтою пѣсней. Вмѣсто цѣльной метафизической доктрины получился лишь рядъ философскихъ эскизовъ, очень интересныхъ, часто глубокихъ и въ основѣ не лишенныхъ принципіальнаго единства, но не законченныхъ и не приведенныхъ въ систему.

III.

Два факта останавливаютъ на себѣ наше невольное вниманіе въ философскихъ произведеніяхъ второго періода дѣятельности Грота: настойчивая тенденція къ примиренію самыхъ различныхъ метафизическихъ гипотезъ и почти непримиримая враждебность къ тѣмъ позитивнымъ кумирамъ, которымъ онъ самъ когда-то приносилъ свои жертвы. Желая создать возможно болѣе широкій метафизическій синтезъ дѣйствительности, Гротъ включаетъ въ него такія точки зрѣнія, которыя иногда кажутся несовмѣстимыми. Въ каждомъ рѣшеніи метафизическихъ проблемъ онъ стремится найти долю истины и пытается согласить ихъ даже въ томъ случаѣ, когда эта цѣль можетъ быть достижима только при помощи чисто вербальныхъ формулъ. Чтобы разрѣшить коренное противорѣчіе природы и духа, онъ хочетъ быть одновременно и монистомъ, и дуалистомъ, связывая эти два противо-

[1]). О времени, 1894.

положныхъ міровоззрѣнія однимъ магическимъ словомъ: «монодуализмъ». Чтобы уяснить себѣ идею Божества, онъ старается соединить пантеизмъ Джордано Бруно съ представленіемъ личнаго Бога и называетъ Божество «личнымъ сознаніемъ вселенной». Онъ идетъ по прямому пути къ абсолютному идеализму, пытаясь превратить всѣ силы матеріальной природы въ духовныя энергіи; но въ то же время онъ не считаетъ возможнымъ пожертвовать реальностью матеріи и примиряетъ ее съ идеей души посредствомъ теоріи «активныхъ» и «пассивныхъ» силъ. Онъ полагаетъ въ основу мірового процесса «міровую волю къ жизни» и видитъ въ ней источникъ всякаго бытія и развитія; но она, по его представленіямъ, не безконечный принципъ, а скорѣе конечная сила, созданная Божественною волей и вложенная ею въ нѣдра природы. Онъ называетъ міровую волю единой и, въ противоположность Шопенгауэру, надѣляетъ ее свойствами разумности и добра; но въ предѣлахъ этой единой, разумной и доброй міровой стихіи у него царитъ вѣчный раздоръ двухъ противоположныхъ стремленій: ирраціональнаго стремленія къ личному эгоистическому существованію и разумнаго тяготѣнія къ идеалу вѣчнаго универсальнаго бытія. Онъ усвояетъ міровой волѣ всю полноту свободы и жизни, оставляя на долю человѣка скромную роль быть фатальнымъ исполнителемъ ея велѣній; человѣческая личность съ его точки зрѣнія есть только временная оболочка или временный этапъ этой вѣчной силы, и весь смыслъ ея существованія можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы въ концѣ концовъ исчезнуть, растворившись въ океанѣ безконечности. Но для него слишкомъ дороги идеалы личной свободы и личнаго безсмертія и, чтобы спасти ихъ, онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ компромиссамъ: міровая воля не поглощаетъ собою нашей личной жизни, а напротивъ сама становится въ насъ личною волей; она не отнимаетъ у насъ нашей свободы, а наоборотъ уступаетъ намъ свою, какъ высшій «даръ», который мы должны развить и осуществить путемъ нашихъ личныхъ усилій; она не обрекаетъ нашу личность на временное существованіе, а открываетъ ей путь къ вѣчности, вложивъ въ нее часть своей безвременной природы. Всѣ метафизическія построенія Н. Я. Грота проникнуты динамическимъ воззрѣніемъ на вселенную: сила, какъ основа міровой жизни.—вотъ та центральная идея, вокругъ которой вращаются

его интересы и которая служитъ объединяющимъ принципомъ всѣхъ его философскихъ этюдовъ. Безконечное «сознаніе вселенной», съ которымъ онъ отожествляетъ понятіе Божества, есть безконечная сила, управляющая движеніями природы и соединяющая ея элементы въ цѣльный живой организмъ; «міровая воля» есть міровая сила, изъ которой, какъ изъ общаго резервуара, вытекаютъ всѣ потоки жизни; человѣческая душа есть также сила, по образцу которой мы должны объяснить себѣ всю систему физическихъ силъ. Прежній біологическій и психологическій эволюціонизмъ съ его принципомъ механическаго взаимодѣйствія явленій замѣняется у него философскою идеей развитія, съ точки зрѣнія которой жизнь вселенной представляется ему постепеннымъ освобожденіемъ активнаго начала вещей отъ узъ пассивной матеріи и непрерывнымъ процессомъ реализаціи духа и свободы. Но съ этимъ динамическимъ міровоззрѣніемъ онъ стремится примирить также идеи онтологической метафизики. На ряду съ понятіемъ измѣнчивой и непрестанно развивающейся «силы» въ его теоріяхъ играетъ почти такую же роль понятіе неизмѣнной и вѣчно пребывающей «сущности». На ряду съ Аристотелевской идеей «развитія» его увлекаетъ идеалъ Платоновскаго «бытія», въ которомъ уже отъ вѣчности осуществлены всѣ цѣли вселенной, и бываютъ минуты, когда сложныя движенія міровой эволюціи кажутся ему лишь какой-то призрачной игрой на фонѣ вѣчнаго покоя.

И вотъ, въ то время, какъ Н. Я. Гротъ принимаетъ съ распростертыми объятіями почти всѣ направленія метафизической мысли, онъ относится съ нескрываемою враждебностью не только къ своему прежнему позитивизму, но и вообще къ научной философіи. Тѣ три основныхъ принципа, на которыхъ покоится современное позитивно-научное міросозерцаніе,—феноменизмъ, эмпиризмъ и механизмъ,—представляются ему теоретическими суевѣріями, столько же ложными, какъ и вредными. Ограничивать область изслѣдованія міромъ явленій и признать напередъ невозможною всякую попытку проникнуть въ сущность вещей, значитъ, по его мнѣнію, намѣренно отказаться отъ истинныхъ задачъ познанія и составить себѣ совершенно фантастическое представленіе о дѣйствительности. Сосредоточить вниманіе исключительно на фактахъ опыта, предавъ

забвенію вѣчные вопросы о нашей свободѣ, о нашемъ происхожденіи и нашей будущей судьбѣ, значитъ пожертвовать ради незначительной и въ сущности недостижимой цѣли тѣмъ, что для насъ единственно цѣнно и дорого, — высшими нравственными интересами человѣческой жизни. Превратить живой духъ и живую природу въ механическое сцѣпленіе роковыхъ причинъ, значитъ не понимать ни духа, ни природы. Мы видѣли, какимъ ожесточеннымъ нападкамъ подвергалъ Гротъ современную психологію, усвоившую себѣ эти принципы. Онъ находитъ въ ней почти одни только «схоластическія и поверхностныя умствованія», «наносный схоластическій хламъ», «искусственныя хитросплетенія тенденціозныхъ и произвольныхъ теорій», систему словъ, замысловатыхъ терминовъ и безсодержательныхъ схемъ. Онъ убѣжденъ, что Платонъ и Аристотель сдѣлали гораздо больше для познанія нашего духа, чѣмъ всѣ новѣйшіе психологи-эмпирики; онъ готовъ предпочесть любой романъ Достоевскаго всѣмъ психологическимъ теоріямъ Спенсера, — того самаго Спенсера, который былъ властителемъ его думъ въ молодые годы.

Нѣтъ надобности говорить, какъ много справедливаго и законнаго было въ этомъ страстномъ протестѣ Н. Я. Грота противъ крайностей современнаго научно-позитивнаго міровоззрѣнія. Этотъ протестъ вытекалъ не изъ случайныхъ настроеній увлекавшагося писателя: онъ основывался на глубокихъ запросахъ мысли и нравственнаго чувства. Но вооружаясь противъ крайностей своихъ противниковъ, не впадалъ ли самъ Гротъ въ противоположную крайность? Отвергая ложь позитивизма, не забылъ ли онъ его правды? Пусть область познанія не ограничивается міромъ явленій или эмпирическихъ фактовъ; но отдѣленіе эмпирическихъ фактовъ отъ метафизическихъ сущностей не есть ли необходимое условіе всякаго плодотворнаго научнаго метода? Пусть за предѣлами опыта лежитъ царство сверхъопытныхъ идеаловъ и цѣлей; но какъ мы найдемъ дорогу въ это царство, если намъ не укажетъ ее опытъ? Пусть ошибочны и безплодны усилія позитивистовъ изгнать изъ вселенной скрытую въ ней свободу и внутренній ея разумъ; но развѣ открытая нашему наблюденію поверхность природы и духа не подвластна господству механизма и не закована въ рабскія цѣпи причинности? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ вопро-

сами о нашей свободѣ, о нашемъ происхожденіи и о нашей будущей судьбѣ связаны самые важные моральные интересы нашего существованія; но значитъ ли это, что проблемы эмпирической дѣйствительности такъ безконечно ничтожны въ сравненіи съ ними и такъ безразличны для нашихъ нравственныхъ задачъ? Если эмпирическое изслѣдованіе не даетъ намъ средствъ проникнуть въ таинственную сущность вещей, то оно открываетъ намъ ихъ законы,—вѣчные законы природы, духа и безконечно развивающейся человѣческой жизни, — а знаніе этихъ законовъ не поможетъ ли намъ въ концѣ концовъ уяснить смыслъ нашего бытія и понять наше высшее назначеніе? Въ настоящее время мы, конечно, очень далеки отъ полнаго знанія законовъ дѣйствительности; не только наука о духѣ, но даже науки о природѣ достигли весьма неполныхъ результатовъ и располагаютъ весьма несовершенными средствами; современныя естественнонаучныя и психологическія теоріи дѣйствительно заключаютъ въ себѣ немало ошибокъ, немало недоразумѣній и, — зачѣмъ скрывать правду? — немало «поверхностныхъ умствованій», «схоластическаго хлама,» «тенденціозныхъ хитросплетеній», безсодержательныхъ словъ и формулъ, которыя часто лишь усыпляютъ мысль и заставляютъ ее, по выраженію Лейбница, «prendre la paille des termes pour le grain des choses». Но, при всемъ томъ, можно ли все таки серьезно утверждать, что эмпирическое изслѣдованіе и основанныя на немъ теоріи нисколько не приближаютъ насъ къ идеальной цѣли познанія? Развѣ недостатки современной психологіи даютъ намъ право отвергать ея заслуги? Развѣ они позволяютъ забыть о тѣхъ превосходныхъ наблюденіяхъ, глубокихъ анализахъ и плодотворныхъ идеяхъ, какими обогатило насъ въ новѣйшее время опытное изученіе душевной жизни? Эмпирическіе факты и метафизическія гипотезы, опытное изслѣдованіе и философское умозрѣніе имѣютъ одинаково законныя права, и мыслитель долженъ стремиться только къ тому, чтобы устранить ихъ противорѣчія и понять ихъ истинное взаимное отношеніе. Если возможенъ высшій философскій синтезъ дѣйствительности, то развѣ ограничиваются его задачи однимъ примиреніемъ различныхъ метафизическихъ идей? Не ставитъ ли онъ намъ еще болѣе широкую цѣль,—примирить область опыта съ областью умозрѣнія? Не обязываетъ ли онъ насъ выработать такое философ-

ское міросозерцаніе, въ которомъ эмпирическое изслѣдованіе служило бы опорой для метафизическихъ обобщеній, а метафизическіе выводы покоились бы на широкомъ эмпирическомъ фундаментѣ? Вотъ вопросы, надъ которыми рано или поздно не могъ не задуматься Гротъ; а задумавшись надъ ними, онъ не могъ не почувствовать односторонности своихъ взглядовъ. Тѣ крайности и преувеличенія, къ какимъ привела его критика позитивно-научныхъ теорій и эмпирическихъ методовъ познанія, уже заключали въ себѣ зародышъ реакціи и подготовляли будущій поворотъ въ сторону этихъ самыхъ теорій и методовъ. Понявъ ошибочность позитивныхъ увлеченій своей молодости, онъ пришелъ когда-то къ метафизическому идеализму; понявъ одностороннее направленіе своей метафизики, онъ долженъ былъ прійти теперь къ сближенію съ позитивными теченіями мысли.

Этотъ новый поворотъ въ настроеніи и міросозерцаніи Н. Я. Грота произошелъ въ 1895 году. Послѣ десятилѣтняго странствованія по волшебной странѣ метафизическихъ идеаловъ и грёзъ, Гротъ вновь возвращается въ міръ эмпирическихъ явленій и вновь находитъ въ немъ ту дѣйствительность, которая когда-то такъ глубоко разочаровала его умъ и сердце. Въ этой эмпирической дѣйствительности онъ не видитъ теперь обманчивыхъ миражей и неразрѣшимыхъ загадокъ; но она не кажется ему и такимъ очевиднымъ фактомъ, который былъ бы понятенъ самъ собою. Она озаряется для него свѣтомъ идей, которыя онъ такъ долго созерцалъ въ царствѣ сверхчувственныхъ сущностей; она сплетается у него съ идеалистическою мечтой, въ которую онъ хотѣлъ бы вѣрить, какъ во вторую дѣйствительность. У него еще нѣтъ опредѣленной теоріи, которая могла бы согласить эти двѣ сферы бытія и познанія; но у него уже есть формула, способная выразить ихъ взаимныя отношенія. Метафизическіе идеалы онъ называетъ оцѣнкой и познаніемъ дѣйствительности съ точки зрѣнія внутренняго опыта, а эмпирическое изслѣдованіе явленій признаетъ оцѣнкой и познаніемъ этой дѣйствительности съ точки зрѣнія внѣшнихъ воспріятій [1]). Въ этомъ синтетическомъ воззрѣніи выражается основная идея послѣдняго періода его философскаго развитія, — періода примиренія позитивизма и идеализма.

[1]) Понятія души и психической энергіи въ психологіи. Сравн. Критика понятія прогресса.

Толчокъ къ этому новому умственному кризису дала та самая наука, противъ которой Н. Я. Гротъ недавно велъ такую ожесточенную борьбу,—психологія. Изучая современную психологію въ критическихъ и метафизическихъ цѣляхъ, Гротъ невольно убѣдился, что ея пріемы и результаты далеко не такъ безплодны, какъ это показалось ему въ полемическую минуту. Онъ увидѣлъ, что современная психологія, не ограничиваясь тѣми безполезными біологическими аксесуарами, въ которыхъ онъ когда-то искалъ гарантіи ея научности, стремится стать на почву дѣйствительно объективнаго изслѣдованія и усвоиваетъ новые методы, обѣщающіе ей, быть можетъ, блестящую будущность. Онъ нашелъ, что она уже теперь сдѣлала такія открытія, которыя способны измѣнить многія изъ нашихъ научныхъ представленій. Но что было для него всего важнѣе, онъ пришелъ къ выводу, что она нисколько не противорѣчитъ тѣмъ философскимъ задачамъ, которыя онъ себѣ ставилъ. Гротъ упрекалъ современныхъ психологовъ въ томъ, что они изучаютъ только душевныя явленія и не хотятъ разгадать намъ психическую сущность; но былъ ли справедливъ этотъ упрекъ? Въ душевномъ мірѣ нѣтъ границъ между сущностью и явленіемъ. То, что мы называемъ психическими «явленіями» и психическою «сущностью», суть лишь двѣ стороны одного и того же психическаго факта: это двѣ стороны нашего сознанія,—внѣшняя и внутренняя, эмпирическая и метафизическая. Изучите этотъ живой, конкретный психическій фактъ, и вамъ можетъ открыться широкій кругозоръ въ обѣ стороны: вамъ могутъ стать понятны и эмпирическія соотношенія въ мірѣ сознательныхъ явленій, и ихъ метафизическая природа. Такой именно взглядъ на задачи психологіи Гротъ нашелъ у представителей новѣйшаго, — экспериментальнаго направленія этой науки. Экспериментальная психологія, по его мнѣнію, занимаетъ нейтральную зону между метафизикой и феноменизмомъ. Она имѣетъ дѣло не съ «субстанціями» и не съ «явленіями»: она изслѣдуетъ реальныя событія душевной жизни, одинаково доступныя и эмпирическому наблюденію, и метафизической оцѣнкѣ [1]). Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ

[1]) Не трудно догадаться, кѣмъ внушены были Н. Я. Гроту эти мысли: онъ, очевидно, почерпнулъ ихъ въ ученіи Вундта о единствѣ опыта и въ его теоріи «психической актуальности».

выводовъ и соображеній Гротъ незамѣтно для себя самого очутился въ плѣну у того врага, котораго онъ считалъ побѣжденнымъ: изъ ожесточеннаго противника экспериментальной психологіи онъ превращается въ самаго горячаго ея сторонника. Вмѣсто того, чтобы продолжать разгромъ этой науки, онъ ставитъ теперь своею задачею уяснить ея методы и создать для нея новыя теоретическія основы. Вмѣсто того, чтобы строить на ея развалинахъ зданіе метафизическихъ идей, онъ хочетъ теперь примѣнить ея принципы къ рѣшенію соціологическихъ вопросовъ.

Экспериментальная психологія еще очень молодая наука. Она заимствовала свои методы у естествознанія, но она еще не успѣла дать имъ полной теоретической разработки. Что такое психологическій экспериментъ и въ какой мѣрѣ онъ возможенъ,—вотъ вопросъ, съ котораго принужденъ начинать современный психологъ. Въ настоящее время психологическій экспериментъ часто противополагается старому самонаблюденію и отожествляется съ методами психофизіологіи и психофизики. Гротъ протестуетъ противъ этихъ недоразумѣній. Онъ соглашается съ тѣми психологами, по мнѣнію которыхъ психологическій экспериментъ есть форма самонаблюденія; только это самонаблюденіе не индивидуальное, а коллективное, не случайное, а методическое, не предвзятое и сомнительное, а обставленное всѣми научными гарантіями достовѣрности. Психофизику и психофизіологію онъ считаетъ необходимыми средствами научнаго изслѣдованія душевной жизни; но онъ не думаетъ, чтобы ими исчерпывалось понятіе экспериментальной психологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Можетъ существовать чисто психологическій экспериментъ, и его возможность уже доказана практикой жизни и наукой. Имъ пользуются педагоги, юристы и врачи для своихъ профессіональныхъ цѣлей; имъ пользуемся на каждомъ шагу всѣ мы, когда намъ приходится искусственно и намѣренно вызывать у себя или другихъ новыя душевныя состоянія; имъ начинаютъ, наконецъ, пользоваться въ послѣднее время и сами психологи. Задача науки состоитъ лишь въ томъ, чтобы дать этому могущественному орудію возможно болѣе точное и плодотворное примѣненіе, и въ этихъ видахъ Гротъ признаетъ настоятельно необходимымъ учрежденіе при русскихъ университе-

тахъ психологическихъ лабораторій, существующихъ уже всюду, въ Европѣ и въ Америкѣ [1]).

Но достаточно ли для экспериментальной психологіи выработать точные методы изслѣдованія? Ей нужно еще имѣть общій теоретическій принципъ, который могъ бы связать ее съ остальными точными науками и далъ бы психологу путеводную нить въ лабиринтѣ измѣнчивыхъ психическихъ явленій. Такимъ принципомъ можетъ быть лишь тотъ великій законъ, на которомъ зиждется все современное естествознаніе, — законъ сохраненія энергіи. До сихъ поръ большинство психологовъ и натуралистовъ было убѣждено, что распространеніе этого закона на душевную жизнь невозможно. Природа душевныхъ явленій и ихъ взаимныя отношенія такъ своеобразны и такъ глубоко различны отъ процессовъ матеріальнаго міра, что ввести ихъ въ круговоротъ матеріальнаго движенія и подчинить механическимъ аксіомамъ естествознанія казалось напередъ неразрѣшимой задачей. Однако, какъ бы то ни было, съ этою задачей, повидимому, связана вся научная будущность психологіи, и Н. Я. Гротъ смѣло берется за ея разрѣшеніе. Его прежнія метафизическія гипотезы облегчаютъ ему это предпріятіе, а новѣйшія теченія научно-философской мысли идутъ навстрѣчу его замысламъ. Какъ мы видѣли, онъ уже ранѣе вводилъ законъ сохраненія энергіи въ сферу своихъ философскихъ умозрѣній; теперь онъ находитъ новую опору для своихъ взглядовъ въ энергетическихъ теоріяхъ Оствальда и Ласвица. Примыкая къ этимъ теоріямъ и отчасти исправляя ихъ, онъ доказываетъ, что понятіе психической энергіи такъ же законно и реально, какъ и понятіе физическихъ энергій. Онъ отстаиваетъ тезисъ, что психическія энергіи могутъ переходить въ физическіе процессы, а физическіе процессы могутъ превращаться въ психическую работу. Наконецъ, онъ старается обосновать гипотезу, что количество психической энергіи во всѣхъ этихъ превращеніяхъ остается такимъ же постояннымъ, какъ и количество физической энергіи въ ея метаморфозахъ. Въ каждомъ нормальномъ человѣкѣ существуетъ количественный балансъ психическихъ энергій. Эти энергіи могутъ существовать въ видѣ потенціальныхъ дарованій или въ видѣ актуальной творческой дѣя-

[1]) Основанія экспериментальной психологіи, 1895.

тельности; онѣ могутъ колебаться между извѣстнымъ максимумомъ и минимумомъ, принимать различныя формы и развиваться однѣ въ ущербъ другимъ, — но въ цѣломъ онѣ представляютъ для даннаго индивидуума приблизительно одну и ту же постоянную величину. Такой же количественный балансъ долженъ существовать и при переходѣ психическихъ энергій въ физическія или обратно. Въ какихъ бы явленіяхъ ни выражалась работа извѣстнаго дѣятеля,—въ физическихъ или психическихъ,—она всегда остается равной себѣ, и всѣ ея формы эквивалентны другъ другу. Человѣкъ получаетъ отъ своего организма и среды столько же психической энергіи, сколько отдаетъ имъ, и отдаетъ столько же, сколько получаетъ. Вмѣстѣ съ организмомъ и окружающею средой онъ составляетъ психофизическую систему, въ которой общая сумма психическихъ и физическихъ энергій при всѣхъ возможныхъ превращеніяхъ ихъ другъ въ друга сохраняется неизмѣнной. Вотъ методологическая гипотеза, которая должна лечь въ основу экспериментальной психологіи. Правда, эта гипотеза пока еще не можетъ быть названа научнымъ закономъ. Мы слишкомъ мало знаемъ механическіе эквиваленты психической работы и совсѣмъ не можемъ выразить ихъ въ точныхъ математическихъ величинахъ. Но будущее разрѣшитъ и эту проблему [1]).

Н. Я. Грота упрекали въ томъ, что, допуская превращеніе физическихъ энергій въ психическія, онъ впадаетъ въ грубый матеріализмъ и ставитъ крестъ надъ тѣми идеями души и безсмертія, для доказательства которыхъ онъ потратилъ ранѣе такъ много труда. Но онъ отвергаетъ этотъ упрекъ, и, какъ мнѣ кажется, справедливо. Его можно было бы назвать матеріалистомъ, если бы онъ въ своей теоріи психической энергіи рѣшалъ метафизическій вопросъ объ отношеніи духа и матеріи. Но онъ не касается этой проблемы и хочетъ остаться въ предѣлахъ чисто эмпирическаго изслѣдованія. Подъ именемъ физическихъ и психическихъ энергій онъ разумѣетъ не сущности или силы, а только работу или дѣятельность этихъ предполагаемыхъ силъ. Поэтому, допуская возможность перехода физическихъ энергій въ психическія и обратно, онъ признаетъ возможными всѣ метафизическія гипотезы о природѣ дѣйствующихъ въ нихъ

[1]) Понятіе души и психической энергіи въ психологіи. 1897.

агентовъ. Могутъ, конечно, спросить, какова же должна быть его собственная гипотеза? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Гротъ ссылается на свои прежніе взгляды; и если мы попытаемся согласить эти взгляды съ его психологическою энергетикой, то мы найдемъ, что онъ, несмотря на всѣ свои противорѣчія, скорѣе абсолютный идеалистъ, чѣмъ матеріалистъ. Съ его точки зрѣнія будетъ логичнѣе приписать духовную природу физическимъ силамъ, чѣмъ усвоять психическимъ энергіямъ матеріальный характеръ. Гротъ находитъ возможнымъ оправдать на почвѣ своей энергетики даже идею безсмертія. По его мнѣнію, наша психическая энергія послѣ смерти тѣла можетъ быть цѣликомъ перенесена въ другую систему элементовъ, въ которой она можетъ вѣчно существовать. Такою системой онъ считаетъ эѳирную среду, которая, можетъ быть, является носительницей этой энергіи и въ нашемъ организмѣ. Мы не обязаны, конечно, придавать особенно серьезное значеніе этой гипотезѣ «эѳирнаго безсмертія», напоминающей намъ фантастическіе романы Камилла Фламаріона; но не служитъ ли она блестящимъ доказательствомъ того, какъ гибкая человѣческая мысль можетъ связать всякую научную теорію съ тѣми идеалами, которыхъ жаждетъ человѣческое сердце?

Если общее количество физической и психической энергіи въ каждой системѣ элементовъ и, слѣдовательно, въ цѣлой вселенной сохраняется неизмѣннымъ, то значитъ ли это, что *остается неизмѣннымъ и ея качество*? Такой взглядъ противорѣчилъ бы фактамъ. Закономъ жизни человѣчества и вселенной является духовный прогрессъ, который есть не что иное, какъ непрерывное возрастаніе психической энергіи въ мірѣ. Чѣмъ далѣе идетъ исторія, тѣмъ сложнѣе и богаче развивается умственная и нравственная дѣятельность людей, тѣмъ яснѣе и глубже становится ихъ сознаніе и самосознаніе, тѣмъ высшую нравственную цѣнность получаетъ ихъ жизнь. Этотъ ростъ психической энергіи въ мірѣ возможенъ лишь на счетъ физическихъ энергій подъ условіемъ ихъ качественнаго измѣненія. Такимъ образомъ, при количественномъ постоянствѣ энергіи вообще, во вселенной происходитъ непрерывный процессъ качественнаго превращенія ея изъ низшихъ, физическихъ формъ въ высшія, психическія, и это-то превращеніе служитъ основой мірового прогресса. Вотъ идея, съ точки зрѣнія которой Н. Я.

Гротъ хочетъ разрѣшить одну изъ важнѣйшихъ философскихъ и соціологическихъ проблемъ нашего времени,—послѣднюю проблему, какую ему удалось поставить.

Вопросъ о прогрессѣ занималъ его, какъ мы видѣли, еще въ 1883 г. Въ то время Гротъ отвергалъ субъективный методъ въ построеніи этого понятія и пытался создать для него чисто объективную формулу, опредѣливъ прогрессъ въ духѣ соціологіи Спенсера, какъ «экономизацію энергій природы». Но онъ незамѣтно для себя самого внесъ въ эту формулу субъективный элементъ, признавъ цѣлью прогресса увеличеніе удовольствія и счастія на землѣ. Теперь Гротъ измѣняетъ свой взглядъ. Онъ подчиняетъ жизнь вселенной высшимъ нравственнымъ цѣлямъ и, опираясь на свое ученіе о превращеніи энергій, хочетъ выработать такую формулу прогресса, которая объединяла бы всѣ опредѣленія этого понятія, какъ субъективныя, такъ и объективныя. По его мнѣнію, цѣлью прогресса является увеличеніе нравственной цѣнности жизни на землѣ, а ближайшимъ средствомъ для этой цѣли служитъ ростъ сознанія и самосознанія во вселенной, для которыхъ только и можетъ быть понятна эта цѣнность. Но въ свою очередь ростъ сознанія и самосознанія въ мірѣ всецѣло обусловливается превращеніемъ физическихъ формъ энергіи въ психическія путемъ ихъ экономизаціи въ природѣ и накопленія ихъ свободныхъ запасовъ въ организмѣ. Такимъ образомъ въ цѣломъ прогрессъ есть «увеличеніе нравственной цѣнности жизни во вселенной, происходящее отъ роста въ ней сознанія и самосознанія, который зависитъ отъ превращенія міровыхъ энергій изъ низшихъ формъ въ высшія чрезъ ихъ экономизацію и накопленіе». Первая половина этой формулы субъективная, а вторая—объективная; въ первой выражается телеологическая сторона прогресса, а во второй—механическая [1]).

Н. Я. Гротъ считалъ вопросъ о прогрессѣ тѣмъ узломъ, въ которомъ сходятся всѣ нити философскаго міросозерцанія человѣка, такъ какъ, по его мнѣнію, это въ сущности вопросъ о нравственномъ назначеніи и смыслѣ всей нашей человѣческой и міровой жизни. Поэтому онъ намѣревался посвятить ему нѣ-

[1]) Критика понятія прогресса, 1898.

сколько философскихъ статей. Онъ хотѣлъ всесторонне выяснить и обосновать свои взгляды; онъ хотѣлъ разработать ихъ психологическія, этическія и метафизическія предпосылки и показать ихъ философскія слѣдствія; онъ хотѣлъ защитить ихъ отъ всѣхъ возраженій, какія онъ слышалъ или предполагалъ. Но въ минуту этихъ замысловъ безпощадная смерть погасила его неугомонную мысль, и вмѣсто новыхъ идей и остроумныхъ построеній намъ остались только глубокія сожалѣнія объ ихъ утратѣ...

Къ чему привелъ бы Н. Я. Грота дальнѣйшій ходъ его философскаго развитія, этотъ вопросъ долженъ остаться безъ отвѣта. Но его послѣднія произведенія показываютъ, какъ расширялись его интересы и усложнялись его задачи. Попытка объяснить всю душевную жизнь и все развитіе человѣчества на почвѣ научнаго принципа сохраненія и превращенія энергіи поражаетъ широтою и смѣлостью замысла. Если мы сравнимъ эту попытку съ его прежними философскими теоріями, то, безъ сомнѣнія, мы найдемъ между ними тѣсную идейную связь. Понятіе силы, ея развитія и ея метаморфозъ было, какъ намъ извѣстно, основною идеей его метафизическихъ концепцій: элементы для новой теоріи прогресса отчасти уже содержались въ работахъ его перваго, позитивнаго періода; проблема психической эволюціи не переставала такъ или иначе занимать его впродолженіе обѣихъ предшествовавшихъ эпохъ. И тѣмъ не менѣе предпринятая имъ задача не укладывается въ старыя рамки. Мы видимъ теперь у него иную постановку вопросовъ, иныя стремленія и иные взгляды. Его мысль пробиваетъ себѣ новое русло среди двухъ прежнихъ теченій, стараясь захватить отчасти и то, и другое.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ Гротъ придавалъ идеѣ силы почти исключительно метафизическій смыслъ: онъ видѣлъ въ ней внутреннюю сущность вещей и облекалъ ее то въ форму «абсолютнаго сознанія вселенной», то въ форму «міровой воли къ жизни». Если естественно-научный законъ сохраненія энергіи и входилъ въ сферу его интересовъ, то лишь въ качествѣ подспорья для чисто метафизическихъ построеній. Теперь онъ стремится спустить эту идею изъ заоблачныхъ высей философскаго умозрѣнія на уровень эмпирической дѣйствительности. Несмотря на нѣкоторыя колебанія и противорѣчія, онъ хочетъ

свести понятіе силы къ научной формулѣ «энергіи» и разумѣетъ подъ нею, какъ уже замѣчено выше, не сущность, а работу, не скрытаго агента, а простой актъ. Онъ хочетъ понять психическую жизнь и человѣческій прогрессъ какъ непрерывный процессъ качественнаго замѣщенія низшихъ, физическихъ формъ дѣятельности высшими, духовными формами, при неизмѣнномъ сохраненіи ихъ общаго количества. Принципъ субстанціальности замѣняется у него принципомъ актуальности; метафизическій динамизмъ переходитъ въ научно-философскую энергетику. Включая въ свою новую теорію прогресса старыя эволюціонныя формулы, онъ сближается съ своимъ прежнимъ позитивизмомъ; но ему уже тѣсно въ этихъ формулахъ, и прежній механическій взглядъ на человѣческое развитіе не можетъ вполнѣ его удовлетворить. На ряду съ механическою стороной прогресса онъ признаетъ телеологическую; на ряду съ слѣпымъ взаимодѣйствіемъ физическихъ силъ онъ открываетъ широкій просторъ для самостоятельной дѣятельности нравственныхъ факторовъ. Въ природѣ онъ видитъ только пьедесталъ духа; біологическая эволюція представляется ему лишь необходимымъ средствомъ для той реализаціи разума и свободы, которая была предметомъ его метафизическихъ грезъ. Въ своихъ новыхъ концепціяхъ онъ не рѣшаетъ послѣднихъ вопросовъ; но онъ не только не отвергаетъ возможности ихъ рѣшенія, а прямо предполагаетъ его необходимость. Ему даже кажется, что эти вопросы вполнѣ исчерпаны въ его метафизическихъ трудахъ. Словомъ, онъ стремится къ возможно болѣе полному философскому синтезу, пытаясь объединить въ немъ элементы научнаго опыта съ результатами метафизическаго умозрѣнія.

Разумѣется, Гротъ намѣтилъ лишь путь къ разрѣшенію этой гигантской задачи. Его метафизика, какъ мы видѣли, не получила послѣдовательныхъ и законченныхъ формъ; его энергетика представляетъ не столько настоящую научную теорію мірового процесса, сколько простую мечту о ней. При дальнѣйшей разработкѣ этой теоріи онъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы массу философскихъ и научныхъ затрудненій. Въ области философскихъ проблемъ ему пришлось бы прежде всего поставить себя въ болѣе опредѣленное отношеніе къ идеѣ матеріи, которая во всѣхъ его работахъ играетъ очень двусмысленную

роль. Въ области научныхъ вопросовъ ему пришлось бы столкнуться съ современнымъ пониманіемъ закона сохраненія энергіи, который находитъ свое научное оправданіе исключительно въ явленіяхъ физическаго міра и считается безусловно неприложимымъ къ процессамъ душевной жизни. Но можно ли признать непобѣдимыми всѣ эти трудности? Не есть ли понятіе матеріи ненужный балластъ философскихъ и научныхъ теорій? Не видимъ ли мы, какъ Оствальдъ пробиваетъ своими блестящими гипотезами брешь въ общепринятыхъ представленіяхъ о законѣ сохраненія энергіи? И не дастъ ли будущая наука подтвержденій догадкамъ нѣмецкаго химика и мечтѣ русскаго философа?..

IV.

Вотъ краткая и, можетъ быть, немножко схематичная исторія этого богатаго и разнообразнаго ума. Мы видимъ, какую смѣну идей и настроеній онъ пережилъ, какіе логическіе и психологическіе мотивы имъ руководили. Онъ началъ позитивизмомъ, чтобы перейти къ идеалистической метафизикѣ, и покинулъ метафизику, чтобы отчасти снова возвратиться къ прежнему позитивизму. Онъ шелъ въ своемъ развитіи не по прямой линіи, а по окружности и, пройдя эту окружность, дважды сдѣлался своимъ собственнымъ антиподомъ. Эта своеобразная философская эволюція навлекла на Н. Я. Грота не мало упрековъ и обвиненій. Его упрекали въ томъ, что онъ мѣнялъ свои философскіе взгляды подъ вліяніемъ духа времени и смѣны общественныхъ настроеній; его обвиняли въ неустойчивости мысли и въ отсутствіи искреннихъ и твердыхъ убѣжденій; его считали даже философскимъ хамелеономъ, готовымъ приспособить свой символъ вѣры къ любому умственному теченію. Какъ много ложнаго и несправедливаго въ этихъ суровыхъ приговорахъ! Безъ сомнѣнія, всѣ мы находимся подъ вліяніемъ той умственной атмосферы, въ которой мы живемъ и которою мы дышемъ. Духъ времени налагаетъ неизгладимую печать на наше міросозерцаніе; господствующія умственныя теченія, борьба идей и смѣна впечатлѣній невольно отражаются на нашей мысли и незамѣтно увлекаютъ ее за собою. Но если мыслитель подчиняется этому роковому закону, то развѣ это значитъ, что у него нѣтъ искреннихъ убѣжденій и все его духовное развитіе

есть только процессъ идейнаго приспособленія? Въ дѣйствительности трудно было бы найти человѣка болѣе искренняго и болѣе беззавѣтнаго въ своихъ философскихъ увлеченіяхъ, ошибкахъ и мечтахъ, чѣмъ Гротъ. Онъ былъ неподдѣльно убѣжденъ въ правильности всѣхъ своихъ идей и, измѣняя свои взгляды, упрямо думалъ, что онъ лишь точнѣе формулируетъ и дополняетъ ихъ. Онъ честно мыслилъ и среди всѣхъ своихъ философскихъ метаморфозъ сохранилъ эту честность мысли. Общественныя настроенія и новыя идеи глубоко вліяли на его впечатлительный и отзывчивый умъ; но они вліяли на него только потому, что проходили чрезъ его собственную душу и претворялись въ его личные настроенія и запросы. Гротъ стремился къ познанію дѣйствительности; онъ хотѣлъ разгадать тѣ тайны бытія, которыя насъ окружаютъ; но онъ жилъ не только разсудкомъ, но и сердцемъ, и въ борьбѣ этихъ-то двухъ стихій нужно искать истинную причину его измѣнчивыхъ міросозерцаній. Смотря по тому, въ какую сторону склонялись его душевные вѣсы, онъ или выходилъ на позитивную дорогу опытнаго изслѣдователя, о которомъ говорилъ ему холодный разсудокъ, или рвался въ область метафизическихъ идеаловъ, которыхъ просило его сердце. Въ его философскомъ развитіи вполнѣ осуществился тотъ законъ, при помощи котораго онъ когда-то хотѣлъ понять исторію человѣческой мысли: философскія проблемы были для него психологическими проблемами. Его идеи были подсказаны не только научными стремленіями, но и сложными моральными запросами; его работы представляютъ не только логическія построенія, но и «психологическіе документы». Нѣтъ, это не былъ философскій хамелеонъ: это былъ философскій скиталецъ, искавшій себѣ во вселенной уголка, гдѣ могли бы отдохнуть его мысль и чувство. Онъ шелъ, какъ странникъ, по пустынѣ міра навстрѣчу мерцавшему впереди свѣту истины; и когда, подходя, онъ убѣждался, что этотъ свѣтъ былъ только блуждающимъ огонькомъ его собственной мечты, онъ поворачивалъ въ другую сторону, чтобы снова стремиться и искать. Гротъ пережилъ много увлеченій и много разочарованій. Но эти разочарованія не ослабляли его энергіи и не уменьшали его увѣренности въ себѣ и въ своихъ цѣляхъ. Въ самыхъ своихъ заблужденіяхъ онъ открывалъ долю истины, и минувшія неудачи были для него только ступенями на пути къ успѣху. Онъ го-

рячо вѣрилъ въ достижимость идеала истиннаго знанія, и эта вѣра вселяла въ него бодрость, окрыляла его воображеніе и дѣлала его способнымъ къ неистощимой творческой работѣ.

Читатель спроситъ: но каковы же результаты этой работы? Быть можетъ, тѣ вопросы, которые рѣшалъ Гротъ, были неразрѣшимы; быть можетъ, тѣ отвѣты, которые онъ давалъ на нихъ, были ложны; быть можетъ, тѣ философскія видѣнія, которыя предъ нимъ проносились, были только миражи. Не потратилъ ли онъ свои богатыя духовныя силы только на погоню за призраками? Вопросы, которые рѣшалъ Гротъ, суть величайшія загадки дѣйствительности, и человѣчество не можетъ отказаться отъ нихъ, пока оно будетъ жить сознательною жизнью. Въ нихъ блаженство и мука, проклятіе и искупленіе человѣческой мысли. Въ тотъ мигъ, когда гордый человѣческій умъ поставилъ себѣ эти вопросы, онъ,—пусть позволятъ мнѣ употребить прекрасную метафору Фихте,—лишилъ себя рая своей первобытной невинности; они раскрыли ему его наготу, и онъ понялъ, что только въ рѣшеніи ихъ заключается его спасеніе. Посвятить свою жизнь этимъ проблемамъ—благородная задача; сдѣлать что-нибудь для ихъ разрѣшенія—большая заслуга. Правда, большинство этихъ вопросовъ не можетъ быть рѣшено чисто научнымъ путемъ, но научный путь есть ли единственная дорога въ заколдованное царство истины? Тамъ, гдѣ факты не хотятъ объяснить самихъ себя, возможны гипотезы, которыя ихъ объясняютъ, и эти гипотезы могутъ быть вѣроятны для мысли и убѣдительны для сердца. Гротъ оставилъ намъ цѣлый рядъ такихъ философскихъ гипотезъ, разнообразныхъ, какъ его интересы, блестящихъ, какъ его собственная мысль. Однѣ изъ этихъ гипотезъ основываются на элементахъ опыта, другія выходятъ за его предѣлы; однѣ изъ нихъ стоятъ въ согласіи съ остальными, другія противорѣчатъ имъ; однѣ дополняютъ другъ друга, другія устраняютъ и замѣняютъ своихъ предшественницъ. Философскія идеи не находятъ себѣ всеобщаго признанія, и гипотезы Грота, безъ сомнѣнія, раздѣлятъ ту же участь; но, можетъ быть, найдется немало людей, которымъ онѣ прольютъ новый свѣтъ на міровыя тайны и будутъ служить источникомъ нравственнаго удовлетворенія. Такіе люди почерпнутъ въ нихъ живую силу пытливой мысли и благородныхъ настроеній; они будутъ такъ же вѣрить въ познаніе истины и дѣйствительности,

какъ вѣрилъ самъ Гротъ, и кто могъ бы сказать, что они будутъ неправы? Благородныя вѣрованія не заключаютъ ли въ себѣ самихъ гарантіи своей истинности? Міръ вѣчныхъ идеаловъ, не есть ли онъ вѣчная дѣйствительность, живая, прекрасная, властно царствующая надъ окружающимъ насъ міромъ измѣнчивыхъ вещей и явленій?..

Впрочемъ, какъ бы мы ни относились къ философскимъ гипотезамъ Н. Я. Грота, мы не можемъ отказать имъ въ одномъ выдающемся качествѣ: онѣ были остроумны и оригинальны. Грота нельзя назвать простымъ популяризаторомъ чужихъ философскихъ доктринъ: онъ обладалъ творческимъ умомъ и былъ мыслителемъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Какихъ бы вопросовъ онъ ни касался въ своихъ работахъ, онъ почти всюду умѣлъ сказать новое слово или бросить плодотворную мысль. Ему принадлежалъ даръ ткать изъ себя тонкую паутину идей и создавать изъ нихъ теоретическія построенія, можетъ быть не всегда прочныя по своему выполненію, но всегда своеобразныя, смѣлыя и красивыя по своему замыслу. Даже въ томъ случаѣ, когда онъ заимствовалъ чужія мысли, онъ налагалъ на нихъ печать своей индивидуальности и таланта; даже тамъ, гдѣ онъ повторялъ старыя пѣсни, онъ вносилъ въ нихъ новые мотивы, иногда совершенно измѣнявшіе ихъ характеръ. Чужія идеи онъ умѣлъ поставить въ иную связь и приспособить къ своимъ собственнымъ схемамъ; старые вопросы онъ освѣщалъ съ новой точки зрѣнія. Его гибкій умъ былъ почти одинаково способенъ какъ къ аналитической, такъ и къ синтетической философской работѣ и находилъ выходъ изъ самыхъ рискованныхъ теоретическихъ положеній, а его талантливое перо могло облекать наиболѣе трудныя вещи въ простую, ясную и привлекательную форму. Если онъ чувствовалъ у себя подъ ногами твердую фактическую или идейную почву, онъ шелъ къ своей цѣли съ неуклонною логическою послѣдовательностью, и ему принадлежитъ очень милый афоризмъ: «бояться логики логически мыслящему существу по меньшей мѣрѣ не логично» [1]). Если же логика и факты не могли оказать ему своихъ услугъ, онъ не боялся также парадоксовъ и—противорѣчій. Ему не всегда удавалось быть убѣдительнымъ, но онъ почти всегда умѣлъ быть интереснымъ.

[1]) Критика понятія прогресса.

Вотъ почему его сочиненія возбуждали такъ много споровъ; и вотъ почему они привлекали къ себѣ вниманіе не только среди спеціалистовъ, но и въ болѣе широкомъ интеллигентномъ кругу.

Когда-то Н. Я. Гротъ мечталъ о возможности національной русской философіи. По его проекту, мы, русскіе, призваны выдвинуть на первый планъ нравственные интересы жизни и дать новый синтезъ дѣйствительности подъ этическимъ угломъ зрѣнія: наша философія должна быть ни больше, ни меньше, какъ «философіей спасенія міра отъ зла» [1]). Гротъ не создалъ этой «національной» русской философіи, и самая мысль о ней была лишь кратковременнымъ эпизодомъ въ исторіи его философскихъ увлеченій. Но мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что никто не содѣйствовалъ въ такой мѣрѣ успѣхамъ философіи въ Россіи, какъ онъ. Его значеніе состоитъ не только въ томъ, что онъ былъ талантливый и разнообразный философскій писатель, но и въ томъ, что онъ былъ энергичный и отзывчивый дѣятель. Чтобы понять его заслуги, достаточно вспомнить, что съ его именемъ тѣсно связана исторія перваго русскаго философскаго Общества и что ему же принадлежитъ честь основанія единственнаго русскаго философскаго журнала. Московское Психологическое Общество, возникшее въ 1885 году по иниціативѣ проф. М. М. Троицкаго, въ первые годы существовало такъ же, какъ существуетъ большинство русскихъ университетскихъ Обществъ: его собранія были рѣдки, его дѣятельность не отличалась оживленіемъ и не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія. Но оно совершенно преобразилось, когда три года спустя во главѣ его сталъ Гротъ. Изъ незамѣтнаго и малолюднаго кружка оно быстро превратилось въ одинъ изъ самыхъ живыхъ и интересныхъ умственныхъ центровъ Москвы. Въ немъ сходились люди самыхъ различныхъ убѣжденій и профессій,—метафизики и позитивисты, философы и врачи, психологи и математики, натуралисты и историки, юристы и педагоги, ученые и писатели. На его собраніяхъ обсуждались вопросы и спеціальнаго, и общаго характера, сближались родственныя точки зрѣнія и примирялись враждебные взгляды, затроги-

[1]) Вступительная статья къ первой книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи», О задачахъ журнала. Сравн. Что такое метафизика?

вались живыя темы, о которыхъ иногда говорила потомъ вся интеллигентная Москва. Въ его изданіяхъ и журналѣ нашли себѣ мѣсто и превосходные переводы выдающихся произведеній европейской мысли, и самостоятельныя работы русскихъ авторовъ. Дѣятельность Московскаго Психологическаго Общества не пройдетъ безслѣдно для русской философской мысли, и будущій историкъ оцѣнитъ, въ какой степени оно обязано своимъ значеніемъ Гроту. Лишь такой энергичный, многосторонній и горячо преданный своей задачѣ человѣкъ, какъ онъ, могъ привлечь столько разнородныхъ силъ къ дружной и плодотворной совмѣстной работѣ; лишь такой прирожденный организаторъ могъ сгладить ихъ противорѣчія и связать въ живое цѣлое эти membra disjecta. Та «энергія», въ которой онъ видѣлъ источникъ всѣхъ явленій и качествъ, была его собственнымъ качествомъ; то стремленіе къ синтезу, которое побуждало его искать примиренія враждебныхъ философскихъ идей, проявилось и въ его отношеніяхъ къ людямъ. Въ настоящее время, когда журналъ Вопросы философіи и психологіи существуетъ уже второй десятокъ лѣтъ, его основаніе можетъ показаться очень простымъ и естественнымъ дѣломъ. Но не такимъ оно представлялось въ самомъ началѣ. Философскіе журналы нигдѣ не пользуются особеннымъ процвѣтаніемъ; даже заграницей они нерѣдко переживаютъ тяжелые кризисы и не всегда могутъ существовать безъ посторонней поддержки. Тѣмъ болѣе нужно было ожидать этого у насъ въ Россіи. Кругъ людей, занимающихся философіей или по крайней мѣрѣ серьезно интересующихся ею, у насъ незначителенъ. Условія русской печати всего менѣе благопріятствуютъ свободному развитію философской мысли, а русское общество слишкомъ мало образовано или слишкомъ поглощено другими, практическими задачами, чтобы понимать смыслъ отвлеченныхъ проблемъ. Если философія у насъ и привлекаетъ къ себѣ общественное вниманіе, то въ большинствѣ случаевъ лишь тогда, когда она откликается на существенные запросы русской жизни или стоитъ въ какой-нибудь связи съ случайными злобами дня. Вотъ почему А. А. Козловъ, предпринявшій въ 1885 году изданіе своего Философскаго Трехмѣсячника, не нашелъ себѣ ни сотрудниковъ, ни читателей: его журналъ по неволѣ сдѣлался простымъ сборникомъ его собственныхъ статей и самъ собой прекратился послѣ четырехъ выпусковъ. Когда Н. Я.

Гротъ задумалъ издавать Вопросы философіи и психологіи, нѣкоторыя газеты прямо называли его намѣреніе химерой и пророчили ему неминуемую неудачу. Нуженъ былъ большой запасъ мужества и энергіи, чтобы рѣшиться при подобныхъ условіяхъ на такое трудное предпріятіе, и нужно было много умѣнья и любви къ дѣлу, чтобы благополучно осуществить его. И дѣйствительно, если Вопросы философіи и психологіи возникли, имѣли успѣхъ и достигли теперешняго сравнительно прочнаго положенія, то мы обязаны этимъ прежде всего личной энергіи Грота, его способности привлечь къ журналу въ первые трудные дни безкорыстнаго и просвѣщеннаго издателя, его усиліямъ объединить сотрудниковъ всѣхъ направленій и заинтересовать публику, его терпимости къ чужимъ взглядамъ и умѣнью ладить съ людьми, его готовности жертвовать для общаго дѣла своимъ временемъ, своимъ трудомъ, даже своимъ самолюбіемъ. Этихъ его заслугъ исторія русской философіи не забудетъ.

Н. Я. Гротъ оставилъ намъ цѣнное литературное наслѣдство, и можно надѣяться, что мысль издать настоящее собраніе его статей встрѣтитъ сочувствіе у всѣхъ, кому дороги интересы русской философіи. Его труды принадлежатъ не только прошедшему, но и будущему. Прошлое оставило въ нихъ слѣды минувшей борьбы идей, былыхъ сомнѣній, увлеченій и разочарованій; будущее найдетъ въ нихъ поучительный опытъ идейныхъ исканій, критику отжившихъ точекъ зрѣнія и элементы для новыхъ философскихъ построеній.

П. Соколовъ.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА. БИБЛІОТЕКА

ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ.

(Сочин. А. А. Козлова).

Критическій очеркъ [1]).

«Тотъ, кто несогласенъ съ положеніемъ, что философія есть противоядіе противъ умственной и нравственной анархіи общества, не можетъ ограничиться только однимъ опроверженіемъ его; онъ долженъ указать на что либо другое, что, по его мнѣнію, должно служить противодѣйствіемъ умственной и нравственной анархіи. Въ противномъ случаѣ, онъ долженъ или отрицать самый фактъ анархіи, или не считать его зловреднымъ».

(Козловъ. Философскіе этюды, ч. I, Спб. 1876. Пред. стр. VII).

Какъ видно изъ нашего девиза, мы рѣшились принять вызовъ, сдѣланный авторомъ недавно вышедшихъ «Философскихъ этюдовъ». Мы рѣшились на это главнымъ образомъ вслѣдствіе глубоко сознаваемой нами важности затронутыхъ въ книгѣ вопросовъ.

Философія, какой бы объемъ ни придавать этому понятію, въ нашемъ отечествѣ только еще зарождается. Поэтому нельзя не привѣтствовать сочувственно каждое сочиненіе, которое пытается дать направленіе стволу молодого дерева, едва показавшагося на поверхности рус-

[1]) Извѣстія ист.-филолог. инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ за 1877 г.

ской умственной почвы. Но если важна всякая попытка создать русскую философію, то еще важнѣе, послѣ каждой такой попытки, оглянуться назадъ и посмотрѣть, не брошено ли сѣмя на безплодную, каменистую почву.

Книга г. Козлова обнаруживаетъ въ авторѣ серьезныя стремленія, глубокія убѣжденія и вѣрованія,—серьезный разборъ ея, основательная провѣрка его положеній не могутъ не имѣть интереса для русскихъ читателей.

I.

Изъ предисловія автора видно, что мотивъ, положившій начало его сочиненію, былъ практическаго свойства. Подъ вліяніемъ своего житейскаго опыта, г. Козловъ усвоилъ себѣ пессимистическое воззрѣніе на современный міръ, и вотъ сталъ искать отвѣта на вопросъ: «чѣмъ поправить зло?» Изъ «Философскихъ этюдовъ» видно, что онъ нашелъ связующій цементъ для развалившихся кирпичей соціальнаго зданія—въ философіи. Отсюда его взглядъ на задачи и предметъ этой науки: «философія, говорится въ его первомъ тезисѣ[1]), имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое». Исходя изъ мысли объ *увеличивающемся растлѣніи общества*, переходя отъ нея къ вопросу: *что* можетъ спасти человѣчество?, находя отвѣтъ въ положеніи: *только философія можетъ выполнить это назначеніе*, г. Козловъ приходитъ къ предположенію, что философія должна быть наукою о мірѣ, какъ цѣломъ. На первый случай остановимся на этихъ четырехъ моментахъ его изслѣдованія.

Во-первыхъ спросимъ, что разумѣетъ авторъ подъ умственной и нравственной анархіей общества? Прочитавъ книгу, мы не нашли въ ней точнаго разъясненія этихъ понятій. Очевидно, г. Козловъ не считаетъ возможнымъ подвергнуть сомнѣнію фактъ указанной анархіи. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, термины «умственная» и «нравственная» анархія весьма условные и неизбѣжно требуютъ комментарія. Жила Европа почти въ томъ видѣ, какъ она теперь существуетъ, около полуторы тысячи лѣтъ, жила, развивалась, колоссально подвинула впе-

[1]) Рѣчь идетъ о тезисахъ, которые были предложены публикѣ при защитѣ г. Козловымъ его сочиненія pro venia legendi, въ Кіевскомъ университетѣ, 27-го октября 1876 года.

редъ человѣческія знанія, значительно увеличила безопасность человѣческой жизни, и вотъ въ XIX-мъ вѣкѣ мыслители открыли въ обществѣ признаки умственной и нравственной анархіи. Что это значитъ? Значитъ ли это, что подобной анархіи ранѣе не было, или ея только не замѣчали, не сознавали. Въ послѣднемъ случаѣ можно было бы предположить, что указываемый авторомъ фактъ неизбѣжно сопровождаетъ жизнь человѣчества, какъ гніеніе мертвой органической матеріи сопровождаетъ явленіе теплоты, распространяемой солнечными лучами. Но тогда упомянутая выше анархія, по самой неизбѣжности своей, была бы неизлѣчима, и вся идея автора лишилась бы фундамента... Нѣтъ, очевидно не то разумѣетъ онъ,—не потому умалчивали въ прежніе вѣка объ умственномъ и нравственномъ растлѣніи общества, что оно не сознавалось, а потому что его не было. Но если это явленіе новое, то какія же формы оно приняло, гдѣ факты, его обнаруживающіе?

Очевидно, исходной точкой пессимизма г. Козлова были факты, въ родѣ умноженія числа самоубійствъ, въ родѣ увеличенія жадности человѣчества къ деньгамъ и къ матеріальному благосостоянію, въ родѣ упадка въ людяхъ религіозной вѣры и т. д. Этихъ фактовъ мы не отрицаемъ безусловно, но спрашиваемъ себя, даютъ ли они поводъ къ образованію разбираемыхъ нами понятій?— Мы привели самыя «печальныя» стороны современнаго общественнаго быта,—и позволяемъ себѣ все таки думать, что эти явленія недостаточны для того, чтобы служить основою пессимистическихъ взглядовъ, выражаемыхъ въ «Философскихъ этюдахъ».

По нашему убѣжденію, зло въ человѣчествѣ не растетъ, а только облекается съ теченіемъ времени въ иныя формы. Не было прежде такого числа самоубійствъ,—были за то чаще безнаказанныя убійства, что еще печальнѣе, ибо общество отъ послѣднихъ находилось въ болѣе шаткомъ положеніи, чѣмъ въ какое его приводятъ первыя. Здравый смыслъ заставляетъ признать вѣрность мысли, что убійствъ въ наше время меньше, чѣмъ было прежде: сравнимъ только бытъ современной Турціи, представляющей образецъ погаснувшаго въ Европѣ кулачнаго права, съ сравнительной безопасностью нашей Европейской жизни, и выводъ явится самъ собой. Притомъ прежде убійства въ большинствѣ случаевъ проходили даромъ и даже не поступали въ лѣтопись человѣческихъ дѣйствій, какъ явленія обыденныя, да и недоступныя повѣркѣ. Теперь въ большинствѣ случаевъ они такъ или иначе наказываются, и люди нашли даже средства облекать подобнаго рода событія въ опредѣленныя рамки статистическихъ цифръ. Не было прежде такихъ слу-

чаевъ колоссальной наживы на чужой счетъ путемъ обмѣна вексельныхъ и другихъ бумагъ,—зато былъ грабежъ на открытой дорогѣ, представляющійся теперь явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и въ общей сложности гораздо болѣе невиннымъ, и т. д.

Итакъ, зло въ человѣчествѣ принимаетъ только новыя формы и, приблизительно по крайней мѣрѣ, равновѣсіе между здоровыми и больными сторонами соціальной жизни не нарушается. Но положимъ даже, что анархія въ обществѣ увеличилась (чего мы отнюдь не допускаемъ),—можно ли назвать её и «умственной» и «нравственной» анархіей? Намъ кажется, что съ практической точки зрѣнія автора эти два термина выражаютъ одно и то же—отсутствіе твердыхъ принциповъ поведенія, и что г. Козловъ отчасти увлекся звучностью словъ въ ущербъ точности. Самъ Контъ говорилъ только объ anarchie intellectuelle, и этого вполнѣ достаточно.—Затѣмъ если даже предположить, что въ современномъ западно-европейскомъ обществѣ, какъ разумѣетъ самъ авторъ книги [1]), есть признаки анархіи, то поведетъ ли это неизбѣжно къ распространенію таковой и въ нашемъ отечествѣ? Намъ кажется, что Россія, по своей молодости и политическому положенію, роковымъ образомъ призвана реагировать противъ западно-европейскаго растлѣнія и «чѣмъ глубже мы будемъ втягиваться въ водоворотъ Европейской жизни» [2]), тѣмъ интенсивнѣе будетъ противодѣйствіе нашего здороваго организма сгнившимъ основамъ западнаго быта [3]).

Нужна ли намъ для этого философія, какъ наука?

Вопросъ переходитъ отнынѣ на почву серьезной, теоретической критики. Онъ прежде всего сводится къ вопросу,—можетъ ли вообще философія дать общественной жизни какія-нибудь основы нравственности? Авторъ смотритъ на философію, какъ на науку, строющую сначала общія идеи о значеніи міровыхъ событій и потомъ изъ этихъ общихъ идей выводящую нравственные принципы [4]). Но можетъ ли еще философія имѣть значеніе науки, строющей общую идею міра? Если окажется, что философія не способна выполнить такую роль, то очевидно она должна будетъ потерять и значеніе науки, дающей фундаментъ для общественной морали.

---

[1]) Пред., VI.

[2]) Собственныя слова г. Козлова, пред. VI.

[3]) Н. Я. Данилевскій уже доказалъ эту мысль съ исторической точки зрѣнія.

[4]) Стр. 109: «Философія, какъ это увидимъ мы въ другомъ изслѣдованіи, всегда даетъ, или по крайней мѣрѣ имѣетъ своею цѣлью дать фундаментъ для морали».

Разберемъ сначала, какія основы даетъ г. Козловъ своему положенію о предметѣ философіи. По его мнѣнію, философія, какъ наука о мірѣ, въ его цѣломъ, есть особая наука. Доказательства его историческія. Характеръ ихъ всего лучше выражается слѣдующими заключительными словами автора въ концѣ его перваго этюда: «только въ такомъ случаѣ, говоритъ онъ [1]), можно примирить всѣ философскія системы и направленія въ понятіи философіи, когда мы примемъ за ея предметъ міръ; только тогда эти направленія образуютъ виды по отношенію къ общему родовому понятію: міросозерцаніе. Я предлагаю, кому угодно, попытаться подвести подъ одно понятіе философа: Гегеля и Дюринга, Шеллинга и Конта, Фихте и Спенсера, Тренделенбурга и Фейербаха, при томъ условіи, что предметъ философіи есть не міръ, а что либо другое: я съ своей стороны считаю это невозможнымъ». Этотъ выводъ есть совершенно послѣдовательный итогъ всему предыдущему изслѣдованію. Не считая важнымъ для нашихъ цѣлей немедленное рѣшеніе вопроса о вѣрности его съ исторической точки зрѣнія, мы позволимъ себѣ только спросить читателей, достаточно ли: собрать всѣ сходныя черты въ дѣятельности людей, случайно или не случайно «признаваемыхъ общественнымъ сознаніемъ за философовъ» [2]), выразить эти сходныя черты въ одномъ опредѣленіи и приставить это опредѣленіе къ термину философія, чтобъ доказать, что такое-то содержаніе философія дѣйствительно можетъ и должна имѣть въ будущемъ? Для того, чтобъ согласиться съ такимъ пріемомъ доказательства, необходимо было бы признать непогрѣшимость абсурднаго принципа, «что то, что существовало прежде, этимъ самымъ фактомъ своего пропедшаго существованія доказало свои права на неизмѣнное существованіе въ будущемъ»,—такое положеніе есть явное πρῶτον ψεῦδος. Такимъ пріемомъ можно бы было, пожалуй, доказать и права схоластическихъ бредней на вниманіе современнаго общества. Мало ли было заблужденій, которыя прошли, чтобъ не возвращаться. Между тѣмъ, кромѣ этого доказательства, «Философскіе этюды» не даютъ никакихъ другихъ, болѣе убѣдительныхъ, основаній вышеприведенному опредѣленію г. Козлова касательно предмета философіи. Можетъ быть, эти основанія явятся въ слѣдующихъ этюдахъ, но тогда,—имѣлъ ли авторъ право облечь свой выводъ въ рядъ тезисовъ?

Тѣмъ не менѣе представляется существеннымъ рѣшить такъ или

---

[1]) Стр. 69.
[2]) Стр. 3.

иначе, но положительно, вопросъ о возможности будущаго существованія философіи, какъ науки о мірѣ,—къ этому мы и приступимъ теперь. Условимся сначала о томъ, что мы будемъ разумѣть подъ «философіей». Г. Козловъ, какъ видно изъ его труда и какъ обнаружилось и въ теченіи его диспута, выдѣляетъ изъ области философіи психологію и психологическую теорію познанія [1]). Это науки спеціальныя,—его же философія трактуетъ о мірѣ, какъ цѣломъ. Авторъ поступаетъ въ этомъ случаѣ опять совершенно послѣдовательно: одно изъ двухъ,—или «философія» есть только общее названіе для извѣстнаго круга частныхъ, спеціальныхъ наукъ (какъ психологія, теорія познанія, исторія развитія мысли, т. е. исторія философіи, и т. д.), или «философія» есть не одинъ только flatus vocis, а имя науки съ извѣстнымъ особымъ содержаніемъ, которое, при настоящемъ распредѣленіи научнаго матеріала, можетъ только состоять въ построеніи знаній о мірѣ, какъ цѣломъ. Г. Козловъ становится на вторую точку зрѣнія, мы стоимъ на первой и постараемся опровергнуть положеніе автора «Философскихъ этюдовъ».

Философія есть наука «о мірѣ, какъ цѣломъ изъ всѣхъ вещей, явленій, событій, входящихъ въ сознаніе человѣческое». Всѣ эти вещи, явленія, событія, какъ извѣстно, разбираются уже спеціально въ разныхъ частныхъ наукахъ; слѣдовательно особаго фактическаго матеріала на долю особой науки философіи не выпадаетъ [2]). Съ другой стороны авторъ не признаетъ возможнымъ для философіи изслѣдованія вопросовъ, составлявшихъ ея содержаніе въ до-Кантовскомъ, догматическомъ періодѣ ея развитія: ни Богъ, ни душа, ни другія какія либо сущности не могутъ быть предметомъ философскихъ построеній, думаетъ г. Козловъ [3]).—Но если простыя явленія, какъ они наблюдаются

---

[1]) Стр. 48: «Далѣе, философія вовсе не занимается изслѣдованіемъ общихъ законовъ логики или законовъ процесса познанія вообще: эти изслѣдованія по праву составляютъ предметъ логики и психологіи, которыя могутъ быть разработываемы отдѣльно отъ нея, подобно математикѣ, тоже близко соприкасающейся съ философіею». Ср. также стр. 73: «ученіе о сознаніи составляетъ въ сущности психологію, а не философію»!

[2]) Срав. соч. Козлова, стр. 104: «Наблюденія частныхъ фактовъ и выводъ частныхъ законовъ никогда не должны входить въ кругъ спеціальныхъ занятій философа».

[3]) Стр. 15: «Съ точки зрѣнія раціон. деизма можетъ быть сдѣлано возраженіе, что предметъ философіи есть не только міръ, но и Богъ. На это можно было бы отвѣтить простымъ указаніемъ на существованіе науки, называемой Богословіемъ или теологіей.....» ср. также стр. 52—59.—О невозможности познанія «сущностей» вообще въ философіи авторъ говоритъ въ своихъ разсу-

органами спеціальныхъ наукъ, и съ другой стороны—идеи сущностей, не составляютъ предмета философскихъ изслѣдованій, то какія же исходныя точки философіи, на какихъ основахъ она строитъ свои понятія о мірѣ, какъ цѣломъ? Авторъ считаетъ такими исходными точками высшія обобщенія другихъ наукъ, высшія понятія, до которыхъ онѣ доходятъ [1]). Отсюда совершенно выясняется его взглядъ: работа, которая должна выпасть на долю философіи, при раздѣленіи труда между науками, при дифференціаціи ихъ задачъ,—есть синтезъ результатовъ, добытыхъ всѣми прочими отраслями знанія.—Возможна ли и нужна ли подобная наука, которая имѣла бы спеціальностью своей—такой высшій синтезъ? Историческій опытъ показалъ противоположное. Самъ авторъ замѣчаетъ однажды: «предметы естественныхъ наукъ, особенно въ новѣйшее время, обозначаются точно, ясно, однообразно, не подавая повода къ недоразумѣніямъ; между тѣмъ какъ изъ вышеизложеннаго очевидно, что ученые философы разногласятъ въ обозначеніи предмета своей науки» [2]). Наука, въ которой предметъ еще не опредѣлился, не есть наука въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ,—она можетъ сдѣлаться таковою развѣ въ будущемъ. Но, по отношенію къ философіи, слѣдуетъ еще спросить себя: нужна ли она въ будущемъ?

Частныя науки, какъ и вообще всякое индуктивное познаніе, всѣ стремятся къ обобщеніямъ и къ синтезу. Если факты даютъ возможность, то въ ихъ нѣдрахъ являются даже такія широкія идеи, которыя проливаютъ свѣтъ далеко за предѣлы той области знанія, въ которой онѣ возникли. Гипотеза развитія, напр., появившаяся сперва въ области строго-біологической науки, можетъ, какъ оказывается, быть руководящей идеей и въ другихъ областяхъ науки, каковы языкознаніе (Шлейхеръ), психологія и соціологія (Спенсеръ) и т. д. Точно тоже было и съ «закономъ» Ньютона, который нашелъ себѣ приложеніе не въ одной астрономіи, но и въ геологіи и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ механики и физики... Стало быть, объединяющій синтезъ есть уже идеальная цѣль частныхъ наукъ. Если же синтезъ этотъ не является въ каждую минуту

жденіяхъ о различіи понятій бытія и міра, напр. стр. 34: «значитъ, философія не можетъ быть познаніемъ о бытіи, а только познаніемъ о мірѣ, ибо въ противномъ случаѣ она была бы познаніемъ о самыхъ возможностяхъ, число которыхъ безконечно и которыя всетаки, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, представляютъ не болѣе, какъ ничто для познанія», ср. также стр. 23, 28 и 29.

[1]) Стр. 59: «Важно для насъ то, что задача философіи есть постройка изъ данныхъ наукъ единаго міросовершанія и т. д.» ср. стр. 47.

[2]) Стр. 22.

въ видѣ законченной теоріи міровыхъ процессовъ; если онъ напротивъ только періодически всплываетъ на поверхность моря науки; если научныя изслѣдованія, какъ капли морской волны, по очереди погружаются въ глубокія бездны кропотливаго анализа и потомъ смѣло возвышаются въ орлиныя области синтеза для того только, чтобы тотчасъ затѣмъ опять спуститься въ тѣ же бездны,—то не зависитъ ли это отъ свойствъ самого научнаго матерьяла,—свойствъ, производящихъ извѣстное давленіе и на философа?! Но, скажетъ авторъ, мы можемъ, и не имѣя полнаго фактическаго матерьяла, построить по аналогіи и въ формѣ плодотворной гипотезы общую идею міра. Такой отвѣтъ былъ бы одностороненъ: уже частныя науки наполнены гипотезами и недоказанными—хотя и плодотворными—теоріями. Какая же была бы достовѣрность той науки, которая, взявъ за основаніе эти первичныя гипотезы, синтезировала бы ихъ во вторичное, еще болѣе гипотетическое, представленіе о мірѣ, какъ цѣломъ! Очевидно, что и частныя науки иногда заходятъ за предѣлъ строго индуктивнаго синтеза и этимъ самымъ уже, съ излишкомъ, удовлетворяютъ всѣмъ синтетическимъ потребностямъ науки, такъ что философія, какъ особая наука, съ этой точки зрѣнія совершенно излишня. Но этого мало, она была бы и невозможна, еслибъ даже ея задачи и не выполнялись другими спеціальностями.

Не говоря уже о той шаткости, которую бы она имѣла, какъ гипотеза, построенная на гипотезахъ,—она, по простой логикѣ здраваго смысла, не могла бы имѣть никакой самостоятельности въ характерѣ своихъ построеній.

Въ частныхъ наукахъ исходныя точки — твердые, неизмѣнные по существу, факты, но и въ ихъ разработкѣ часто нужны поправки, вслѣдствіе возможнаго измѣненія наблюдаемыхъ формъ предметовъ, а вмѣстѣ съ ними и точекъ зрѣнія науки. Въ философіи матеріаломъ были бы неустойчивыя гипотезы другихъ вѣтвей знанія. Еслибъ задача философіи состояла въ синтезѣ этихъ гипотезъ, то, очевидно, съ каждымъ новымъ открытіемъ науки, философія должна была бы механически перестраивать свои теоріи [1]). Будучи равнодѣйствующей массы слагающихъ элементовъ, она принуждена была бы лавировать, смотря по направленію, какое принимаютъ частныя науки въ ту или другую пору [2]).

---

[1]) Г. Козловъ самъ не хотѣлъ бы такого положенія философской науки (ср. стр. 110), а между тѣмъ оно неизбѣжно съ его же точки зрѣнія.

[2]) Эта мысль, по странному противорѣчію, высказывается и самимъ авторомъ «Фил. эт.»; онъ говоритъ: «Если міръ не есть готовый объектъ самъ по себѣ, и если понятія міра, какъ цѣлаго, строятся по мѣрѣ нашего научнаго проник-

И такъ именно было въ ея исторіи. Всякая философская система, какъ продуктъ разносторонних умовъ времени, всегда была, болѣе или менѣе, выразительницею современнаго состоянія эмпирическихъ наукъ; поэтому она жила, пока не измѣнялось это состояніе, и вытѣснялась новой системой, когда эмпирическія науки вступали въ новый возрастъ своей жизни. Желательно ли продолженіе такого порядка вещей? Не въ силу того ли самаго и отвергается нынѣ значеніе философіи, что философскія построенія неизбѣжно вводятъ въ самообманъ и заставляютъ дедуцировать руководящіе принципы нравственнаго поведенія изъ эфемерныхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, теорій? Даже и та философія, которая всего болѣе выходила изъ прочныхъ, фактическихъ основъ познанія, т. е. философія Конта, и эта философія потеряла вскорѣ свое значеніе, какъ таковая, т. е. какъ система, и отъ нея осталось лишь извѣстное настроеніе частныхъ наукъ, предшествовавшее впрочемъ ἐν δυνάμει твореніямъ Конта и бывшее даже безсознательно подкладкой его ученія. Стало быть философія, какъ прочная спеціальность, могущая дать какіе нибудь неопровержимые и устойчивые принципы человѣчеству, невозможна по самому отношенію своему къ другимъ наукамъ; но она невозможна и потому еще, что, съ увеличивающимся запасомъ фактическихъ знаній, задачи философа дѣлаются практически неосуществимыми. Хорошо было философствовать Ѳалесу и Пиѳагору, когда почти весь эмпирическій фундаментъ, на которомъ они возводили свое зданіе, былъ ими же и положенъ. Но гдѣ же намъ и нашимъ потомкамъ обнять всѣ области науки, когда мы рѣдко обнимаемъ, какъ слѣдуетъ, одну вѣточку ея вѣтви! Уже въ Кантѣ, величайшемъ мыслителѣ нашей эпохи, который просидѣлъ почти 50 лѣтъ на одномъ стулѣ, не поднимая глазъ съ книги, уже въ Кантѣ критики замѣчаютъ поверхностное отношеніе къ фактамъ и къ исторіи. Между тѣмъ, послѣ Канта-то собственно и создалась вся современная наука съ ея микроскопическими работами надъ каждымъ волоскомъ фактическаго матеріала. Г. Козловъ, впрочемъ, и не разумѣетъ необходимости для философіи—знакомства со всѣми фактами частныхъ наукъ; по его мнѣнію, послѣднему достаточно знать «одни выводы». А ну какъ они невѣрны? Авторъ ссылается на «авторитетъ»; но для каждой изъ взаимно исключающихъ и противорѣчащихъ другъ другу теорій суще-

---

новенія въ предѣлы вещей и явленій, и изслѣдованія ихъ связи, то въ разныя эпохи неизбѣжно должны были явиться и являлись различныя міросозерцанія»... (стр. 70).

ствуютъ свои, столь же сильные, авторитеты,—которому изъ нихъ вѣрить? Считать ли Дарвина или Бэра за авторитетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи видовъ? Вѣрить ли Фолькману и Нагелю, или Іоганну Мюллеру и Герингу, при изученіи напр. бинокулярности зрительныхъ ощущеній? Вѣдь необходимо же принять, или теорію тожества (Identitätstheorie), или теорію проекціи (Projectionstheorie)? А главное, какому авторитету вѣрить, при рѣшеніи самаго важнаго современнаго спора—между теоріей матеріалистической и спиритуалистической? Авторитетовъ множество и съ той и другой стороны! Авторитетъ, по нашему мнѣнію, несогласному съ мнѣніемъ г. Козлова [1]), понятіе совершенно субъективное. Мы вѣримъ извѣстному авторитету, потому что онъ точно, въ научной или литературный формѣ, выражаетъ нашу же собственную мысль, или фактъ, эту мысль подтверждающій. Послѣдняя могла образоваться и съ вѣтру, какъ результатъ нашихъ душевныхъ влеченій, но могла быть добыта и собственной индуктивной работой. Такъ какъ изъ двухъ путей только послѣдній можетъ считаться научнымъ, то только во второмъ случаѣ авторитетъ имѣетъ какую нибудь цѣну, но разумѣется цѣну чисто формальную: авторитетъ только вѣнчаетъ нашу собственную повѣрку вопроса, — повѣрку, недоступную для философа, желающаго обнять всѣ явленія міра.

Выводъ изъ всего предыдущаго ясенъ самъ собой:

Философія, какъ особая наука о мірѣ въ его цѣломъ, выходящая изъ общихъ положеній другихъ наукъ, не только не нужна, но и невозможна, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія.

Но тогда можетъ быть войдетъ въ силу мнѣніе автора «Философскихъ этюдовъ», что «кто отрицаетъ возможность философскаго построенія понятія о мірѣ, тотъ отказывается отъ реальнаго единства познанія» [2]). Нѣтъ, скажемъ мы, это положеніе не войдетъ въ силу; такъ было бы, еслибъ наукой исчерпывалась вся наша мыслительная работа, еслибъ внѣ науки невозможны были никакія убѣжденія, никакая познавательная дѣятельность; но вѣдь наука служитъ только частнымъ выраженіемъ послѣдней. По нашему мнѣнію, пока частныя вѣтви знанія не пришли въ естественномъ ходѣ своей эволюціи къ удовлетворительному синтезу законовъ, управляющихъ міромъ, до тѣхъ поръ каждый развитой человѣкъ непремѣнно обязанъ—самъ про себя—подве-

[1]) Стр. XVIII пред.

[2]) Стр. 31.

сти итоги своимъ знаніямъ, отдать себѣ отчетъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающей его сферѣ явленій, и онъ не только обязанъ стремиться къ такому личному синтезу, но и на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, совершаетъ его иногда безсознательно, такъ какъ чувствуетъ къ этому непреодолимую потребность [1]). Не слѣдуетъ только возводить эти субъективные итоги мышленія въ объективныя нормы науки. При ограниченности того, что человѣкъ можетъ узнать и изучить въ теченіе всей жизни, даже изъ умѣреннаго количества фактовъ, извѣстныхъ наукѣ вообще,—нѣтъ сомнѣнія, что наши общія идеи о мірѣ всегда будутъ субъективны, условны, годны для насъ однихъ, пока онѣ не разовьются въ средѣ самой науки, создаваемой десятками вѣковъ и сотнями поколѣній. Муравей не можетъ одинъ построить муравьиной кучи..... Что наши общія идеи дѣйствительно субъективны, видно изъ ежедневнаго видоизмѣненія нашихъ взглядовъ, по мѣрѣ накопленія новыхъ цифръ, долженствующихъ войти въ сложеніе; видно это и изъ примѣра лицъ, живущихъ почти въ одной обстановкѣ, въ однихъ условіяхъ познанія и дѣятельности, и носящихъ всетаки индивидуальный отпечатокъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Итакъ, «философскій» синтезъ долженъ считаться дѣломъ праздным и ни къ чему не ведущимъ только въ томъ случаѣ, если придавать синтетической работѣ нашего ума объективную, научную цѣну; но если такъ называть только эксотерическій по отношенію къ наукѣ — умственный процессъ, то этотъ процессъ такъ же необходимъ для каждой развитой личности, какъ необходима крыша для каждаго обитаемаго зданія, какихъ бы она ни была—цвѣта и очертаній.

Всѣ предыдущія разсужденія приводятъ насъ къ слѣдующему:

1) Анархія общества, о которой говоритъ г. Козловъ, по меньшей мѣрѣ преувеличенное, если не вовсе лишенное основанія, понятіе.

2) Но если и предположить въ современномъ обществѣ такую анархію, то всеже философія, какъ наука о «цѣломъ мірѣ», не можетъ устранить зла, ибо такая наука невозможна. Это не мѣшаетъ намъ однакоже удовлетворять вполнѣ своей потребности къ синтезу—субъективному, внѣнаучному.

Поставленная нами выше задача исполнена [2]). Но дѣло нами еще

---

[1]) Ср. стр. 50 «Этюдовъ»: «..... и радъ бы человѣкъ обойти неблагодарную повидимому работу строить понятіе о мірѣ, т. е. философствовать (?), да ничего не подѣлаешь съ неизбѣжными влеченіями».

[2]) См. выше стр. 2.

не выгранo.... Г. Козловъ находитъ недостаточнымъ опроверженіе его мысли о значеніи философіи, какъ ряда первыхъ посылокъ при дедуктивномъ построеніи принциповъ нравственности, — онъ требуетъ, чтобъ критикъ, устранивъ эти посылки «философскаго» характера, далъ другія, новыя основы для созданія правилъ человѣческаго поведенія [1]); при этомъ авторъ естественно можетъ выйти изъ мысли, что если зло въ мірѣ и не возрасло, всѣже оно есть, а потому его слѣдуетъ и лѣчить.... Для лѣченія должны существовать «лѣкарства»... Гдѣ же они, если философія не есть та аптека, въ которую они заключены? Если не признавать общаго міросозерцанія за основу нравственной устойчивости общества, то — по мнѣнію г. Козлова—«одно только лицемѣріе и близорукость могутъ оспаривать всю силу положеній Гоббса: homo homini lupus, bellum omnium contra omnes» [2]). Постараемся обсудить эту мысль безпристрастно и разносторонне.

Нравственные принципы для общества имѣютъ только значеніе орудій, охраняющихъ его отъ зла и гибели,—подпорокъ, не дозволяющихъ обвалиться ненадежнымъ стѣнамъ зданія. Еслибъ зло въ мірѣ было невозможно, то были бы излишни и нравственные принципы, такъ какъ это значило бы, что природа человѣка, помимо извнѣ навязанныхъ правилъ, указывала бы ему во всякомъ данномъ случаѣ только на одинъ, и притомъ лучшій, способъ дѣйствованія. Слѣдовательно, чтобы понять, гдѣ источникъ нравственныхъ принциповъ, надо выяснить себѣ напередъ, какое зло точитъ общество. Общество состоитъ изъ единицъ; каждая единица можетъ дѣлать зло или себѣ или другимъ единицамъ. Зло можетъ еще въ одно и тоже время быть зломъ по отношенію къ себѣ и по отношенію къ другимъ, но этотъ видъ его распредѣляется, при анализѣ, между выше указанными двумя категоріями.

Разберемъ сначала, какія формы можетъ принимать вредъ, причиняемый человѣкомъ самому себѣ. Онъ можетъ быть вообще разсматриваемъ, какъ результатъ ненормальнаго пользованія потенціально присущими нашему организму силами (даже самоубійство подходитъ подъ это опредѣленіе, такъ какъ оно состоитъ въ злоупотребленіи данной намъ возможности содѣйствовать столько же продленію, сколько и сокращенію нашей жизни). Ненормальное пользованіе нашими силами можетъ быть двоякое: качественное,—если мы нарушаемъ существенныя условія какой нибудь нашей дѣятельности, и количественное,—

---

[1]) См. «Этюды», пред. стр. VII (нашъ девизъ).

[2]) Пред. стр. V.

если мы не соблюдаемъ въ ней должной мѣры. То и другое одинаково ведетъ къ истощенію, болѣзни [1]), или преждевременной смерти организма. Что можетъ предупредить подобныя несчастія? Съ одной стороны, вліяніе той науки, которая указываетъ человѣку на всю сумму послѣдствій, вытекающихъ изъ ненормальнаго функціонированія его органовъ; съ другой стороны, вліяніе науки, благодаря которой въ организмѣ нашемъ закладываются здоровыя привычки и здоровыя потребности. Иначе сказать,—предупредить наши грѣхи противъ самихъ себя могутъ только: 1) науки, указывающія на причинныя отношенія нашихъ физическихъ и психическихъ процессовъ въ ихъ разнообразной послѣдовательности, т. е. науки антропологическія въ обширномъ смыслѣ слова; 2) науки, содѣйствующія безсознательному укорененію въ насъ задатковъ инстинктивно-соразмѣрныхъ дѣйствій, т.е. науки педагогическія въ томъ-же общемъ значеніи [2]). Такъ какъ науки педагогическія суть таже антропологія въ практическомъ примѣненіи, то мы не ошибемся, если скажемъ, что разумными, по отношенію къ себѣ, можетъ сдѣлать насъ только антропологическая наука, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ ея вліяніи. Поясникъ это на примѣрѣ: медики въ наше время единогласно приходятъ къ выводу, что причина умножающагося въ наше время числа самоубійствъ и умопомѣшательствъ лежитъ въ чрезмѣрномъ распространеніи пьянства; послѣдній фактъ зависитъ отъ большей доступности и безнаказанности этого порока, сравнительно съ прежними временами. Что можетъ положить предѣлъ этому патологическому явленію въ жизни общества? По мнѣнію вышеупомянутыхъ медиковъ,—полицейская расправа, какъ палліативъ, и просвѣщеніе массы, какъ радикальное средство. Просвѣщеніе массы естественно должно состоять въ распространеніи среди нея добрыхъ привычекъ — путемъ раціональныхъ воспитательныхъ пріемовъ, и разумнаго самосознанія—чрезъ обученіе народа основнымъ даннымъ біологической науки. Какъ могла бы замѣнить, въ настоящемъ случаѣ, философская система о мірѣ предписанія здравой гигіены и результаты нормальнаго воспитанія,—мы рѣшительно не можемъ себѣ представить.

---

[1]) Болѣзнь, мы разумѣемъ, какъ физическую, такъ и психическую.

[2]) Г. Аландскій, возражая г. Козлову въ статьѣ «Философія и Наука» (Кіевъ, Университетскія извѣстія, январь 1877) высказываетъ сходную мысль: «прежде чѣмъ обращаться къ философіи за помощью противъ умственнаго безначалія и розни въ той области, которая отвоевана наукой, надобно исчерпать всѣ средства энергическаго и правильнаго воспитанія.» (стр. 98).

Стало быть принципы личнаго поведенія лежатъ не такъ высоко, какъ полагаетъ г. Козловъ.

Остановимся теперь на принципахъ общественной жизни, начавъ тоже съ патологическихъ сторонъ послѣдней. Зло, причиняемое нами другимъ людямъ, можетъ быть зломъ нравственнымъ и физическимъ. Въ сущности, ни то ни другое зло не можетъ явиться отъ человѣка, который самъ живетъ на здоровыхъ началахъ. Поэтому, строго говоря, вредъ личности устраняется тѣми самыми мѣрами, какими устраняется вышеуказанное расположеніе ея къ саморазрушенію. Но положимъ даже, что человѣкъ самъ умѣетъ хорошо жить, а между тѣмъ не считаетъ дурнымъ посягать на чужую личность и собственность,— такіе люди рѣдки: обыкновенно дурными ближними бываютъ люди, уже сами по себѣ испорченные. Для насъ довольно, что можно себѣ представить людей упомянутой категоріи (точно такъ же, какъ есть возможность вообразить себѣ наоборотъ людей, вредныхъ себѣ, но безвредныхъ для общества), чтобы спросить себя, нѣтъ ли особыхъ мѣръ для самостоятельнаго устраненія вреда, наносимаго ими окружающимъ лицамъ. Такія особыя мѣры несомнѣнно есть: посягательство на чужую личность или собственность можетъ быть предотвращено или внушеніемъ страха передъ законнымъ наказаніемъ, или пробужденіемъ въ человѣкѣ добрыхъ чувствъ къ ближнему, или наконецъ образованіемъ въ немъ здравыхъ идей о человѣческихъ отношеніяхъ, о взаимныхъ обязательствахъ между членами общества.

Всѣ эти результаты очевидно могутъ быть достигнуты исключительно воспитаніемъ, — воспитаніемъ не только въ дѣтскомъ возрастѣ, но и тогда, когда уже извѣстное зло сдѣлано личностью, и она попала подъ отвѣтственность передъ людьми; иначе сказать,—воспитывать въ одномъ изъ означенныхъ направленій можно какъ дѣтей, такъ и преступниковъ. Конечно воспитаніе во всѣхъ трехъ случаяхъ изберетъ особыя точки отправленія; страхъ передъ законной карой можетъ быть внушенъ воспитателемъ только при отправленіи его изъ идеи нравственной отвѣтственности, построенной на религіозномъ принципѣ высшаго авторитета; любовь къ ближнимъ можетъ быть пробуждена только при искусственномъ уходѣ за извѣстными психическими инстинктами воспитывающагося, которые могутъ легко заглохнуть безъ надлежащей культуры, но существуютъ въ зародышѣ у всѣхъ людей. Наконецъ здравый взглядъ на соціальныя отношенія можетъ быть развитъ только при сообщеніи человѣку извѣстныхъ соціологическихъ понятій, обставленныхъ строгими юридическими и историческими доказательствами. Послѣднее направле-

ніе всего труднѣе выдержать, такъ какъ соціологія, не отвергаемая вполнѣ и авторомъ «Философскихъ этюдовъ» [1]), еще слишкомъ молодая, неустановившаяся наука. Но еслибъ даже воспитаніе безвредныхъ членовъ общества основывалось пока исключительно на религіозной и психологической почвѣ, то и тогда «философская система» опять-таки излишня рядомъ съ такими реальными основами, какъ напр., психологическая педагогика... Итакъ человѣчество можетъ совершенно обойтись безъ философскихъ системъ при устройствѣ разумнаго соціальнаго быта.

И это тѣмъ болѣе справедливо, что до сихъ поръ въ исторіи мы не видимъ ни одного примѣра—практической приложимости философскихъ міросозерцаній къ осуществленію указанной задачи. Были, правда, философы, которые являли собой примѣръ особенно высокаго нравственнаго совершенства (Сократъ, Спиноза, Мендельсонъ...), но они были рѣдкими исключеніями, да и притомъ не такихъ односторонніхъ результатовъ желаетъ г. Козловъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ эти міросозерцанія проливали согрѣвающій свѣтъ не на однихъ только творцовъ своихъ, но и на озябшую нравственно толпу «меньшей братіи»—мысль хорошая, но не осуществимая...

Мы кажется выполнили задачу, начертанную буквальнымъ пониманіемъ взятаго нами за девизъ положенія г. Козлова. Но мы этимъ не покончили съ критикой всей книги почтеннаго философа. Разобравъ главную мысль, составляющую содержаніе перваго этюда, окинемъ бѣглымъ взглядомъ общія положенія его второго изслѣдованія «о методахъ философіи».

II.

Къ несчастію второй этюдъ не оконченъ авторомъ [2]). Пользуясь тѣмъ же «историческимъ путемъ», онъ доводитъ обзоръ методовъ мышленія, которые употребляли люди, «признаваемые общественнымъ сознаніемъ за философовъ», только до Сократа. Выводы автора находятъ себѣ выраженіе въ слѣдующемъ 7-мъ тезисѣ его защиты: «въ основаніи метода, посредствомъ котораго строили философскія познанія греки до Сократа, лежатъ преимущественно слѣдующіе логическіе пріемы: ана-

---

[1]) Стр. 65.

[2]) Авторъ не исполняетъ напр. многихъ обѣщаній, данныхъ имъ въ этомъ изслѣдованіи, стр. 108 и др.

логія, гипотеза, дедукція изъ установленныхъ понятій». Намъ бы не хотѣлось подробно затрагивать этого положенія, такъ какъ мы намѣрены посвятить анализу логическихъ пріемовъ особое изслѣдованіе. Но мы не можемъ отказаться отъ нѣсколькихъ второстепенныхъ вопросовъ г. Козлову, по поводу этого тезиса.

Во-первыхъ, что разумѣетъ авторъ при сопоставленіи трехъ означенныхъ пріемовъ? Ставитъ ли онъ ихъ, какъ три однородныя понятія? или хочетъ отмѣтить какое-нибудь подчиненіе между ними? По нашему мнѣнію, логика допускаетъ только постановку рядомъ, безъ повѣрки, нѣсколькихъ цѣлыхъ, взаимно—исключающихъ другъ друга или нѣсколькихъ частей, находящихся въ подобномъ же отношеніи,—вообще всякое перечисленіе предполагаетъ единство признаковъ, служащихъ показателями различія предметовъ. Въ логикѣ аналогія и гипотеза считаются обыкновенно вспомогательными индуктивными пріемами, ихъ коррелатомъ признаются главные индуктивные методы (согласія, различія и т. д.); понятіе коррелативное дедукціи есть индукція. Очевидно, что если г. Козловъ стоялъ на обыкновенной логической точкѣ зрѣнія, то онъ долженъ былъ дать совершенно иную форму своему перечисленію... Если же онъ имѣетъ на данный вопросъ свое собственное воззрѣніе, то ему необходимо было не только обозначить его въ тезисѣ, но и въ книгѣ своей—историческому изслѣдованію предпослать точный анализъ терминовъ, имъ употребляемыхъ; это представляется тѣмъ болѣе желательнымъ, что отношеніе между собою методологическихъ понятій еще весьма темное и сбивчивое, и точно установленнымъ можно считать только различіе между индукціей и дедукціей, въ самомъ общемъ смыслѣ слова.—Послѣднее доказывается и самымъ текстомъ второго этюда, гдѣ авторъ то обнаруживаетъ склонность причислить гипотезу къ пріемамъ индуктивнымъ [1]), то приравниваетъ ее дедукціи [2]). Но эти замѣчанія только мимоходомъ... Гораздо существеннѣе—остановиться (во вторыхъ) на разборѣ значенія, придаваемаго авторомъ «дедукціи», которую онъ принимаетъ въ смыслѣ «критики понятій» [3]).

Отъ «критики понятій» г. Козловъ ожидаетъ весьма важныхъ услугъ въ будущемъ развитіи философіи. «На ряду съ аналогіей и гипотезой,

---

[1]) Ср. стр. 104.

[2]) Стр. 102: «Истина, по Демокриту, давалась только размышленію, а не чувственному воспріятію; послѣднее должно быть переработано путемъ математическаго построенія, гипотезы и дедукціи, чтобы получить правильное понятіе о бытіи».

[3]) Стр. 105.

говоритъ онъ, имѣетъ приложеніе въ философіи дедукція, къ которой въ наше время относятся черезъ чуръ подозрительно. Выводъ изъ понятій или положеній проходитъ черезъ всю исторію философіи... Если вообще въ познаніи однимъ изъ главныхъ рычаговъ прогресса служитъ критика или повѣрка понятій и сужденій посредствомъ основныхъ законовъ логики, то всего болѣе эта критика должна имѣть мѣсто въ дедукціи...; въ этомъ пріемѣ критика понятій составляетъ существенную часть цѣлой мыслительной операціи, ибо сужденія состоятъ изъ понятій» [1]). Ту же мысль онъ развиваетъ и въ другихъ мѣстахъ книги [2]). По его мнѣнію «критика понятій есть для познанія тоже, что правильная бухгалтерія для торговаго и промышленнаго дѣла» [3]).

Съ послѣдней параллелью мы совершенно согласны; но потому-то мы и не согласны съ положеніемъ, что критика понятій можетъ дать какую-нибудь вѣрную философскую систему. Цѣль всякой критики понятій есть установленіе точныхъ названій для предметовъ и ихъ отношеній. Такое установленіе не можетъ совершаться однимъ апріорнымъ примѣненіемъ логическихъ законовъ. Послѣднее должно регулироваться повѣркою словъ со стороны ихъ адекватнаго конкретнаго содержанія; такая повѣрка требуетъ спеціальнаго знакомства съ матеріаломъ науки, къ области которой принадлежитъ анализируемое понятіе. Слѣдовательно критика понятій есть дѣло всѣхъ частныхъ спеціальныхъ наукъ, каковыя только и компетентны въ рѣшеніи вопроса о степени гармоніи, существующей между «именемъ» и «именуемымъ». Конечно, философъ «по профессіи» можетъ помогать въ этомъ дѣлѣ спеціалисту, но не какъ философъ, а просто какъ знающій данную спеціальность (conditio sine qua non) человѣкъ. Поэтому въ области научныхъ терминовъ, составляющихъ формальное содержаніе частныхъ наукъ, «философская» критика опять-таки не имѣетъ мѣста. Другихъ же, метафизическихъ, понятій философія не должна касаться, по мнѣнію г. Козлова! Правда, послѣднюю мысль онъ принимаетъ съ ограниченіемъ: онъ полагаетъ, что такія понятія (всецѣло метафизическія, какъ скоро рѣчь идетъ о ихъ содержаніи, а не о психологическомъ ихъ происхожденіи въ умѣ человѣческомъ), какъ «истина, причина, цѣль, реальность, пространство, время, движеніе, субъектъ и объектъ всегда были и будутъ

[1]) Стр. 105.
[2]) Ср. стр. 92, 108 и 109.
[3]) Стр. 109.

достояніемъ философіи» [1]). Но метафизическому анализу ихъ онъ, очевидно, и самъ придаетъ не очень-то высокую цѣну, какъ можно заключить изъ приводимыхъ имъ, безъ всякой оговорки, словъ Тренделенбурга о зеноновскомъ анализѣ «движенія»: «доводы Зенона, по заявленію Тренделенбурга, были оставлены послѣ въ сторонѣ, какъ излишнія преутонченности, хотя никто рѣшительно не одолѣлъ ихъ (?) [2]). Не будутъ ли такими излишними преутонченностями и дальнѣйшія метафизированья по поводу содержанія этихъ понятій? [3]).

Итакъ, если критика научныхъ понятій и можетъ быть сравнена съ правильной бухгалтеріей, то она должна принадлежать спеціальнымъ вѣтвямъ знанія, подобно тому, какъ и бухгалтерія есть дѣло спеціальныхъ отраслей мануфактурнаго и промышленнаго дѣла. Считать полезной апріорную критику понятій, внѣ спеціальныхъ наукъ, значило бы считать возможною и апріорную бухгалтерію, которая въ видѣ особой спеціальности открыла бы свою лавочку и вела бы счеты мнимымъ оборотамъ надъ мнимыми величинами. Такая спеціальная бухгалтерія была бы еще возможна, какъ школа, которая бы указывала схематически на способы веденія различныхъ сторонъ дѣла при настоящихъ торговыхъ оборотахъ; но кто же отрицаетъ возможность и «логической школы», подготовляющей человѣка къ разностороннему пользованію его умственными силами въ разработкѣ индуктивнаго матеріала? Не слѣдуетъ только тѣмъ схемамъ мышленія, которыя даетъ логика, приписывать объективное, реальное содержаніе, видѣть въ нихъ объектъ для особой науки философіи. Величины, все-таки, въ упомянутыхъ выше

[1]) Стр. 12.

[2]) Стр. 106.

[3]) Вотъ что Кантъ говоритъ по этому поводу (Критика чистаго разума, пер. Владиславлева, стр. 547): «собственно говоря, нельзя опредѣлять ни одного понятія a priori, напр., сущность, причину, право, справедливость. Ибо здѣсь нельзя быть увѣреннымъ, что наше личное ясное представленіе даннаго (еще смутнаго) понятія имѣетъ совершенную полноту, и нельзя поручиться, что оно совершенно равно своему предмету. Такъ какъ въ содержаніи этихъ понятій есть, между прочимъ, темныя представленія, на которыя мы не обращаемъ вниманія при анализѣ, тѣмъ не менѣе нужныя при употребленіи понятія, то подробность нашего анализа остается сомнительной и можетъ быть достигнута путемъ примѣровъ только предположительно, а не аподиктически... Если, такимъ образомъ, ни опытныя понятія, ни понятія a priori не могутъ быть опредѣляемы, то остаются только совершенно произвольныя понятія, на которыхъ можно пробовать это искусство... Опредѣленію могутъ подлежать только такія понятія, которыя заключаютъ въ себѣ произвольный синтезъ, построяемый a priori; значитъ только математика имѣетъ опредѣленія».

логикѣ и бухгалтеріи, будутъ мнимыя; дѣйствительными будутъ только различные пріемы операцій, совершаемыхъ надъ ними; между тѣмъ, философія склонна приписывать реальность не этимъ пріемамъ, а самимъ величинамъ, считая ихъ выразителями конкретныхъ событій... На эту-то ошибочную точку зрѣнія философіи и становится г. Козловъ въ своихъ разсужденіяхъ о пользѣ дедукціи, говоря, что «если понятія, послѣ критики, окажутся правильными, то мы, при предположеніи правильной логической дедукціи, можемъ надѣяться на выводъ изъ нихъ истинныхъ положеній»[1]).

III.

Очеркъ нашъ былъ бы неполнымъ, еслибъ мы ограничились только оцѣнкою общихъ выводовъ, главной завязки, разбираемаго сочиненія. Необходимо остановиться и на нѣкоторыхъ частныхъ его недостаткахъ. При этомъ мы разсмотримъ послѣдовательно вопросы: 1) о неточныхъ историческихъ выводахъ автора, 2) о невѣрности нѣкоторыхъ фактическихъ его указаній, 3) о неопредѣленностяхъ и противорѣчіяхъ въ его изложеніи. Эта часть очерка, конечно, не будетъ имѣть въ виду безусловной полноты,—она только коснется типическихъ формъ, въ которыхъ выразились упомянутые недостатки книги, такъ какъ анализъ этихъ типическихъ формъ не можетъ не быть принятъ въ расчетъ при окончательной оцѣнкѣ сочиненія.

1) Что касается до неправильности нѣкоторыхъ историческихъ выводовъ г. Козлова, то она обнаруживается въ главномъ же изслѣдованіи—о предметѣ философіи въ разныхъ фазахъ ея историческаго развитія. Задавшись идеей — доказать, что философія всегда занималась построеніемъ понятій о мірѣ, какъ цѣломъ, авторъ «Этюдовъ» рѣшительно насилуетъ многіе историческіе факты. Мы не оспариваемъ того, что иные философы, напр., дософистическаго періода, занимались только синтезомъ общихъ представленій о мірѣ; но, начиная съ софистовъ и Сократа, предметъ философскихъ умозрѣній рѣшительно раздвоился и даже растроился. Положимъ, умозрѣнія о Богѣ и душѣ можно еще, съ извѣстной точки зрѣнія, подвести, какъ видовое понятіе, подъ родовую идею умозрѣній о мірѣ, но вопросъ о критеріѣ познанія, затронутый впервые софистами, уже совсѣмъ не подходитъ подъ категорію вопросовъ о мірѣ... «Мы не остановимся на софистахъ, говоритъ г. Коз-

[1]) Стр. 109.

ловъ, потому что, подвергая сомнѣнію достовѣрность знанія вообще и философскаго въ частности, они, конечно, не указывали на какой-либо особый предметъ философіи (?)»[1]). По нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать совершенно наоборотъ: что именно, разрѣшая эту задачу, софисты дали содержанію такъ называемой философіи совершенно новое направленіе,—направленіе, изъ котораго вышла впослѣдствіи та самая школа, которая отвергла возможность философіи какъ науки о мірѣ, т. е. школа, сначала ощупью и безсознательно говорившая устами Бэкона и Локка, а потомъ выразившаяся законченно и опредѣленно въ ученіяхъ Конта и Милля. Направленіе, которое въ концѣ концовъ погубило философію, какъ науку о мірѣ, не могло быть частью этой самой науки о мірѣ. Между тѣмъ совсѣмъ игнорировать, при обзорѣ предметовъ философіи, кругъ вопросовъ, поднятыхъ софистами, тоже невозможно, ибо со времени этихъ «философовъ» изслѣдованія о критеріѣ познанія составляли всегда одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ умозрѣній[2]). Какъ мы намекнули выше, и Кантъ главнымъ образомъ сосредоточился на томъ же вопросѣ; но такъ какъ Кантъ, подъ вліяніемъ традиціи Вольфовской школы, не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ взгляда на философію, какъ науку о мірѣ, то и выходитъ нѣкоторое противорѣчіе между тѣми двумя опредѣленіями философіи, которыя приводитъ г. Козловъ и которыя онъ неправильно старается слить въ одно. Очевидно, говоря, что «философское познаніе есть познаніе разума на основаніи понятій», Кантъ понимаетъ философію, какъ науку объ этомъ особомъ родѣ нашей познавательной дѣятельности; говоря же, что «философская система соединяетъ въ себѣ философію природы и философію нравовъ (первая касается всего, что существуетъ, вторая того, что должно быть)», Кантъ въ первой половинѣ этого опредѣленія разумѣетъ философію, какъ науку о мірѣ. Удивляемся, какъ авторъ «Этюдовъ» не замѣтилъ этого различія[3]). Во второй половинѣ опредѣленія Кантъ намекаетъ на тре-

[1]) Стр. 13.

[2]) Автора можно справедливо упрекнуть въ такомъ игнорированіи, ибо онъ совершенно не излагаетъ ученій, ни Бэкона, ни Локка, ни Беркли, ср. «Этюды», стр. 73.

[3]) Оно вытекаетъ изъ самыхъ словъ Канта: «Критика чистаго разума» перев. Владиславлева, стр. 618: «Философія чистаго разума есть или наука подготовительная (Propädeutik), изслѣдующая способность разума ко всѣмъ чистымъ познаніямъ a priori и называющаяся критикой, или система чистаго разума (наука), т. е. философское познаніе изъ чистаго разума въ систематической связи и называющаяся метафизикой». (Если A=a+b, а b=m+n, то а отнюдь не есть еще m+n, какъ выходитъ у г. Козлова).

тій кругъ вопросовъ, составлявшихъ предметъ философскихъ ученій. Этотъ кругъ вопросовъ былъ впервые затронутъ Сократомъ. Г. Козловъ справедливо замѣчаетъ, что Сократъ продолжалъ съ одной стороны изслѣдованія софистовъ о критеріѣ познанія [1]). Не отвергая той доли правды, которая заключалась въ положеніи софистовъ—о субъективномъ элементѣ въ нашихъ разсужденіяхъ о мірѣ, и соглашаясь съ тѣмъ, что построеніе окончательнаго понятія о мірѣ, какъ цѣломъ, должно быть, по крайней мѣрѣ на время, оставлено въ сторонѣ, Сократъ нашелъ болѣе правильнымъ сосредоточиться на вопросѣ о нравственномъ самовоспитаніи человѣка. Этотъ вопросъ ввелъ философію опять въ новую фазу развитія, и разрѣшеніе его, по мнѣнію Сократа, могло быть достигнуто совершенно независимо отъ построенія какихъ-либо космологическихъ теорій, единственно осуществленіемъ извѣстнаго его психологическаго принципа: γνῶθι σεαυτόν [2]). Начало, данное Сократомъ, было развито далѣе въ ученіяхъ Стоиковъ, Эпикурейцевъ и Скептиковъ въ древнее время, а затѣмъ этическіе вопросы были снова подняты христіанской философіей и въ ней нашли себѣ новую, обширную и независимую, разработку. Но авторъ не обратилъ должнаго вниманія и на эту сторону дѣла, а потому и не разобралъ ни одного философскаго ученія съ практическими задачами; отсюда является и заключеніе его, что послѣ разбора Аристотелевскихъ теорій «было бы безполезно останавливаться далѣе на каждомъ философѣ и на каждой школѣ въ историческомъ движеніи философіи (до Канта)...., потому что онѣ представляютъ очень мало самостоятельнаго (?) [3])».

Вотъ самый крупный образчикъ односторонности историческихъ выводовъ въ разбираемомъ сочиненіи.

2) Есть у автора промахи и въ фактическихъ сообщеніяхъ. Такъ, напр., онъ, по смерти Ланге, не исправилъ того мѣста въ своемъ предисловіи, гдѣ выражается имъ надежда, что «вѣроятно не долго заставитъ себя ждать философская система этого ученаго [4])». Такое предположеніе, высказанное въ книгѣ, помѣченной 76 годомъ, является нѣкоторымъ анахронизмомъ! Далѣе, повторяя мнѣніе В. Соловьева, онъ говоритъ о «блестящемъ успѣхѣ, который получила въ Германіи фило-

[1]) Стр. 13.

[2]) Сократъ не только не выводилъ своихъ нравственныхъ принциповъ изъ понятій о Богѣ и мірѣ, но, напротивъ, изъ первыхъ дедуцировалъ свою идею о божествѣ, какъ нравственномъ постулатѣ.

[3]) Стр. 16.

[4]) Пред. стр. X.

софская система Гартмана [1])». Между тѣмъ, Гартманъ, какъ извѣстно, не создалъ ни въ Германіи, ни въ какой-либо иной странѣ сколько-нибудь стоющей вниманія школы, и сочиненіе его «die Philosophie des Unbewussten» не пользуется даже среди нѣмецкихъ ученыхъ слишкомъ лестной репутаціей. Если же сочиненіе Гартмана разошлось уже въ семи изданіяхъ, то это слѣдуетъ приписать не сочувствію къ нему дѣльныхъ умовъ, а только крайней парадоксальности его выводовъ,—парадоксальности, которая всегда рождаетъ любопытство въ публикѣ. Этого ли рода успѣхъ долженъ быть названъ блестящимъ?

Г. Козловъ говоритъ, что, по ученію Пиѳагора, сущность вещей есть «гармонія чиселъ» [2]). Показаніе это неточно: сами вещи, по Пиѳагорейскому ученію, представляютъ гармонію тѣхъ или другихъ чиселъ, сущности же вещей суть просто сами «числа», какъ видно изъ многочисленныхъ мѣстъ Аристотелевской метафизики [3]), главнаго источника въ данномъ случаѣ. Конкретный предметъ, какъ совокупность извѣстныхъ качествъ, есть гармонія нѣсколькихъ чиселъ [4]), но первичныя сущности вещей суть «не приведенныя еще въ гармонію» числа. Это различіе при оцѣнкѣ Пиѳагорейскихъ теорій весьма существенно [5]). Значеніе Анаксагоровскаго «ума» тоже не вполнѣ вѣрно передано въ «Этюдахъ». При разъясненіи этого понятія авторъ [6]), въ скобкахъ, приводитъ переводъ собственнаго опредѣленія Анаксагора; но переводъ этотъ очень далекъ отъ текста, такъ какъ «καθαρώτατον καὶ λεπτότατον πάντων χρημάτων» [7]) значитъ не «чистый и тончайшій духъ», а «чистѣйшая и тончайшая изъ вещей». Это различіе очень важно, потому что слово χρῆμα, вещь, подало ученымъ поводъ предположить, что Анаксагоръ смотрѣлъ на умъ матеріалистически, т. е. именно считалъ его не духомъ, въ томъ значеніи слова, которое укоренилось за симъ послѣднимъ въ наше время, а только особенно тонкимъ веществомъ въ родѣ нашихъ газовъ.

Наконецъ, излагая ученіе Платона, авторъ говоритъ: «еще и до

---

[1]) Стр. VIII пред.

[2]) Стр. 7.

[3]) См. I, 5, 28. διὸ καὶ ἀριθμὸν εἶναι οὐσίαν ἁπάντων (ср. VII. 2, 3 и XIV, 3, 9). далѣе εἶναι μὲν ἀριθμοὺς ἐποίησαν τὰ ὄντα, XIV, 3, 2.

[4]) См. XIV, 3, 2: τὰ πάθη τὰ τῶν ἀριθμῶν ἐν ἁρμονίᾳ ὑπάρχει καὶ ἓν τῷ οὐρανῷ καὶ ἐν τοῖς πολλοῖς ἄλλοις.

[5]) Авторъ впрочемъ самъ, въ другомъ мѣстѣ книги, выражается правильно, стр. 87 (Этюды).

[6]) Стр. 8.

[7]) Ср. Ritter u. Preller, Hist. philos. ex f. l. c. Ed. quinta, стр. 83, № 123 (ap. Simpl.).

сихъ поръ ученые не пришли къ соглашенію относительно значенія идей у Платона: разумѣлъ ли онъ подъ ними то, что мы разумѣемъ подъ родовыми понятіями, или же совершеннѣйшіе типы, идеальные первообразы, которыхъ копіи суть вещи;—это еще вопросъ, подлежащій спору»[1]). Не въ этомъ сущность спора ученыхъ. То, что идеи суть, по Платону, первообразы, которыхъ вещи суть копіи, не можетъ подлежать сомнѣнію, въ виду такихъ выраженій Платона, какъ μέθεξις[2]), ὁμοίωσις, κοινωνία, для обозначенія отношеній между вещами и идеями; какъ εἴδωλα, ὁμοιώματα, для наименованія вещей, въ нихъ отношеніи къ идеямъ; какъ παραδείγματα, для обозначенія роли идей, которыя существуютъ αὐτὸ καθ' αὑτό, т.е. сами по себѣ, независимо отъ вещей, и т.д.[3]); рѣчь идетъ только о томъ, что подало Платону поводъ создать ученіе объ идеяхъ, наши ли родовыя понятія (такъ думаетъ Аристотель и ученые, къ нему примыкающіе), или что либо другое, какъ напр. «исключительно эстетическое воззрѣніе на міръ и его содержаніе (Шопенгауеръ»[4]).

3) Говоря о неопредѣленностяхъ и противорѣчіяхъ въ изложеніи г. Козлова, мы должны прежде всего спросить его: какія «особенныя силы духа человѣческаго», о которыхъ онъ упоминаетъ въ предисловіи[5]), создаютъ философію? Утверждая, что философія строится въ сущности на тѣхъ же основахъ, объективныхъ и субъективныхъ, какъ и прочія науки[6]), авторъ самъ какъ будто отвергаетъ возможность признанія указанныхъ выше «особенныхъ силъ».— Нѣсколько далѣе рѣчь идетъ о людяхъ, «спеціально разрабатывающихъ философію въ Германіи съ 60-хъ годовъ». Разумѣетъ ли авторъ подъ этими людьми такихъ ученыхъ, какъ Вундъ, Гельмгольцъ, и т. д., которые, какъ извѣстно, имѣютъ въ виду въ своихъ трудахъ только психологію или психологическую теорію познанія; или такихъ, какъ Целлеръ, Куно-Фишеръ, Штёкль, Ибервергъ, которые всецѣло посвятили себя разработкѣ исторіи философіи, или наконецъ мыслителей, въ родѣ Гартмана или Ульрици, которые въ сущности представляютъ своими ученіями послѣдніе вздохи

---

[1]) Стр. 13.

[2]) Ср. Аристот. Метаф., изложеніе ученій Платона, I, 6, 4: κατὰ μέθεξιν γὰρ εἶναι τὰ πολλὰ τῶν συνονύμων τοῖς εἴδεσι.

[3]) Ср. Ueberweg, Grundriss d. Gesch. d. Philos. 1 Th. 1876. (5-te Aufl.), стр. 139 и слѣд.

[4]) Ср. Dühring, Krit. Gesch. d. Philos. B. 1873 (2-te Aufl), стр. 99.

[5]) Стр. VI.

[6]) Стр. 30.

умирающей, но еще не испустившей духа германской метафизики? Во всѣхъ трехъ случаяхъ нѣмецкая философія, какъ наука о мірѣ, окажется не въ блестящемъ положеніи, если сравнить наше время съ временемъ дѣятельности Лейбница, Канта, и даже Гегеля. Затѣмъ г. Козловъ считаетъ г. Кавелина отголоскомъ англійской эмпирической школы [1]). Вѣроятно, авторъ «Задачъ Психологіи» самъ откажется отъ такой параллели, ибо направленіе и пріемы его скорѣе германскіе, чѣмъ англійскіе. Это доказывается и тѣмъ самымъ мѣстомъ «Задачъ психологіи», на которое указывается въ «Этюдахъ» [2]) и которое отнюдь не служитъ отголоскомъ идей Милля, Бэна или Спенсера [3]). — Мы желали бы знать далѣе, какъ согласить почтеніе г. Козлова передъ авторитетомъ съ мнѣніемъ, имъ же высказываемымъ, что «истина, какъ и всякое благо, нигдѣ не лежитъ готовою: она вырабатывается путемъ борьбы и страданій» [4])? Наконецъ, намъ кажутся странными слова: «итакъ не время намъ еще оригинальничать и измышлять восточныя міросозерцанія» [5]). Авторъ, очевидно, намекаетъ въ послѣднихъ своихъ выраженіяхъ на одно, недавно появившееся у насъ, сочиненіе по философіи. Не входя въ разборъ того, на сколько точенъ оборотъ рѣчи, употребленный г. Козловымъ, и на сколько законны тенденціи этого новаго сочиненія, мы замѣтимъ только, что критическое и свободное отношеніе русскихъ ученыхъ къ воззрѣніямъ представителей западно-европейской науки не должно состоять непремѣнно въ измышленіи восточныхъ міросозерцаній, и что, въ виду этого, оно не только не заслуживаетъ порицанія, но напротивъ того составляетъ весьма утѣшительное явленіе. Намъ кажется, что задача русскихъ мыслителей состоитъ не въ томъ, чтобъ рабски развивать воззрѣнія западныхъ школъ, а именно въ томъ, чтобъ, воспользовавшись опытомъ чужихъ народностей, пробить свой собственный путь и прямо начать строить науку по тому идѣальному плану, который создается изъ критической оцѣнки столько же достоинствъ, сколько слабостей и односторонностей, работъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ.

Этими замѣчаніями мы прерываемъ анализъ какъ крупныхъ, такъ

---

[1]) Пред. стр. X.

[2]) Ib. стр. XI.

[3]) Г. Кавелина уже потому нельзя считать послѣдователемъ англійской эмпирической школы, что онъ пытается дать новое рѣшеніе вопросу о сущности души, отъ чего давно уже отказались мыслители означенной школы.

[4]) Пред. стр. XVIII.

[5]) Ib. стр. XIX.

и мелкихъ недостатковъ, подмѣченныхъ нами въ сочиненіи г. Козлова, и позволимъ себѣ, въ заключеніе, подвести итоги предыдущему, т. е. соединить въ одну общую оцѣнку разрозненные результаты нашей критики.

IV.

Изъ предыдущаго не трудно вывести, что мы считаемъ руководящую идею автора именно за то «сѣмя, брошенное на безплодную почву», о которомъ мы упомянули въ нашемъ краткомъ предисловіи.

Мы полагаемъ, что философія, какъ спеціальность, изучающая міръ въ его цѣломъ и занимающаяся синтезомъ результатовъ, добытыхъ частными вѣтвями знанія, уже невозможна въ будущемъ. Конечно, наука вообще будетъ проходить въ своемъ развитіи, снова и не разъ, фазы философскаго, синтетическаго характера, но это будетъ совершаться по почину существующей совокупности частныхъ наукъ, направленныхъ только къ разрѣшенію иныхъ вопросовъ, чѣмъ какіе ихъ занимаютъ теперь. Признавая влеченіе къ философіи за «высшее по моменту влеченіе въ эволюціи человѣческой психической дѣятельности[1])», г. Козловъ въ сущности очень близко подходитъ къ нашему толкованію. Философія, какъ синтезъ, есть неизбѣжная ступень въ развитіи познавательной дѣятельности, потому-то она и является характернымъ направленіемъ частныхъ изслѣдованій въ отдѣльные періоды времени, слѣдующіе за переполненіемъ научныхъ архивовъ всевозможнымъ, какъ драгоцѣннымъ, такъ и сорнымъ матеріаломъ анализа; но какъ явленіе, наступающее періодически, синтезъ конечно не можетъ составлять задачи особой, вѣчно пребывающей спеціальности,—отсюда и полная неудача тѣхъ философовъ, которые являлись съ своимъ синтезомъ не во̀ время... Нашъ вѣкъ есть именно такое неподходящее для синтеза время; оттого всѣ столпы, такъ называемой, современной философіи суть либо реалисты-психологи, либо историки.

Въ наше время, если смотрѣть на дѣло съ строго-логической точки зрѣнія, правильно пониманіе философіи, только какъ родового термина для нѣсколькихъ сходныхъ по предмету наукъ. Какъ таковой, онъ можетъ быть употребляемъ въ двухъ значеніяхъ: или для объединенія частныхъ наукъ психологическаго характера (психологія, теорія познанія, педагогика, соціологія), — такой смыслъ, придаваемый ука-

[1]) Стр. 50.

занному понятію, оправдывается историческимъ фактомъ отдѣленія означенныхъ спеціальностей послѣ всѣхъ прочихъ отъ «философіи», какъ общей матери наукъ; или же этотъ родовой терминъ можетъ получить еще большій объемъ, если обозначать имъ всѣ спеціальности, изслѣдующія данныя субъективной жизни, сознанія, въ противоположность объективнымъ фактамъ,—и тогда философію будутъ составлять столько же психологическія науки, какъ и науки историческія, филологическія, юридическія; философія, въ противоположность къ естествознанію, будетъ означать всѣ гуманитарныя науки. Основою такого толкованія будетъ потребность отыскать наиболѣе подходящее имя для всѣхъ научныхъ изслѣдованій, имѣющихъ предметомъ факты сознанія. Есть еще способъ пониманія анализируемаго термина, способъ «школьный», объединяющій въ названіи «философія» кругъ наукъ полуисторическаго и полутеоретическаго характера, преподаваемыхъ въ неразрывной связи въ университетахъ. Не имѣя строгаго логическаго значенія, это употребленіе оправдывается академическими традиціями, которыя имѣютъ тоже неоспоримое право на вниманіе.

Видя въ терминѣ «философія»—въ первомъ и третьемъ случаяхъ только извѣстный flatus vocis, а во второмъ всетаки не болѣе, какъ conceptus mentis, мы естественно также мало можемъ признать возможность особой науки философіи, которая бы не была ни психологіей, ни логикой, ни исторіей философіи, какъ и возможность естественной науки αὐτὸ καθ'αὐτό, которая бы не была ни физіологіей, ни анатоміей, ни химіей, ни вообще какой либо изъ частныхъ вѣтвей природовѣдѣнія. Г. Козловъ держится совершенно противоположнаго убѣжденія; но можно ли изъ за этого одного отнять всякую цѣну у его труда? Конечно нѣтъ!

Послѣдовательность развитія мыслей въ «Философскихъ этюдахъ», выдержанность въ характерѣ всего сочиненія, наконецъ высоко-нравственныя стремленія, послужившія мотивомъ его появленія въ свѣтъ,—все это заставляетъ забыть мелкіе недостатки въ исполненіи главной идеи и признать серьёзность разобраннаго труда. Нельзя не пожелать, чтобъ продолженіе «Этюдовъ» появилось вскорѣ и чтобъ оно вызвало въ читателяхъ столько же размышленій, какъ два разсмотрѣнные очерка. Мы только позволяемъ себѣ думать, что не въ этомъ направленіи должны работать русскіе «философы», желающіе создать «русскую философію». Всякій народъ, какъ и всякая личность, долженъ стремиться начинать тамъ, гдѣ кончили его предшественники. Философскія системы отжили свое время; русскимъ философамъ по профес-

сіи не только надо навсегда отказаться отъ построенія подобныхъ системъ, но на время воздерживаться и отъ спеціальнаго разбора таковыхъ съ исторической точки зрѣнія. Онѣ—не наши, онѣ намъ чужды; предоставимъ ихъ анализъ соотечественникамъ ихъ создателей. Эти ученые соотечественники имѣютъ передъ нами всѣ преимущества историографовъ и критиковъ. Мы же, вмѣсто этого, устремимся прямо на вопросы дня, а вопросы дня въ философіи—суть спеціальные психологическіе вопросы. Спеціальныя работы надъ этими вопросами, на ряду съ переводомъ и популяризаціей лучшихъ западныхъ сочиненій той же категоріи—вотъ наша задача. Только выполненіемъ ея мы можемъ надѣяться избѣгнуть переливанія изъ пустого въ порожнее.

ФИЛОСОФІЯ, КАКЪ ВѢТВЬ ИСКУССТВА [1]).

Въ № 7 журнала «Мысль», въ статьѣ N. N. «Опытъ построенія научно-философской религіи», мы встрѣтили одно, вполнѣ сочувственное намъ, сопоставленіе, которое желаемъ развить съ большею подробностью. «Философія, говоритъ авторъ, есть, какъ и поэзія, лирическій порывъ человѣка къ синтезу, и въ этомъ смыслѣ съ философомъ можно пережить его міровую поэму, какъ вы съ поэтомъ переживаете его поэму, вовсе не соглашаясь вѣрить всему, что тамъ написано». Въ той же статьѣ авторъ старается объяснить разнообразіе философскихъ системъ раздѣленіемъ труда въ проникновеніи человѣческою мыслью міроваго устройства въ его цѣломъ. Намъ кажется однакоже, что если подробнѣе развить мысль о соотношеніи философіи и поэзіи, то вторая гипотеза окажется излишнею. Впрочемъ и сама по себѣ эта гипотеза едва-ли правильна: дифференцировка умственной работы можетъ объяснять разнообразіе задачъ, надъ которыми трудится умъ человѣческій, а также различіе направленій въ способѣ разработки фактовъ, но никакъ не противоположность и даже противорѣчіе выводовъ при рѣшеніи одного и того же вопроса. Въ одной только мысли не найдешь объясненія противорѣчіямъ и несовмѣстимости выводовъ различныхъ умовъ о томъ же самомъ предметѣ. Такія противорѣчія могутъ быть выяснены только вліяніемъ на умственную работу посторонняго эле-

---

[1]) Журн. «Мысль» 1880, № 8.

мента—элемента чувства [1]). Чувство—вотъ что всего болѣе сближаетъ философа и поэта и что служитъ исходнымъ мотивомъ и конечною цѣлью въ построеніяхъ того и другого. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, полемизируя съ А. А. Козловымъ, авторомъ «Философскихъ этюдовъ» [2]), мы старались доказать, что философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, излишня и невозможна, рядомъ съ другими, частными науками. Мы, однако же, признавали вмѣстѣ съ тѣмъ, что личная философія, личный синтезъ—вполнѣ возможная и законная вещь, ибо удовлетворяютъ субъективнымъ потребностямъ человѣческаго ума. Въ настоящее время мы остаемся при тѣхъ же убѣжденіяхъ, да и едва-ли когда-нибудь ихъ измѣнимъ, но намъ представляется возможнымъ значительно расширить и развить свой взглядъ именно при помощи сравненія философіи съ поэзіей. Подъ философіей мы, конечно, будемъ разумѣть только старую «метафизику», исключая изъ этого понятія всѣ частныя науки, каковы психологія, логика, этика и др. Спрашивается, какъ примирить тѣ два факта, что философія невозможна какъ синтетическая наука о мірѣ въ его цѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта самая философія или синтезъ понятій составляетъ самую коренную потребность человѣческаго ума, которую не могутъ искоренить никакія логическія разсужденія и доказательства? Примиреніе этихъ двухъ фактовъ возможно только однимъ способомъ, именно—постановкою философіи на новое мѣсто въ системѣ занятій и интересовъ человѣческаго ума. Раздѣленіе послѣднихъ на науки и искусства давно признано и вполнѣ законно. Задача наукъ—проникнуть во всѣ отношенія внѣшнихъ предметовъ и явленій, съ тѣмъ чтобы вполнѣ подчинить ихъ управленію человѣка. Задача искусствъ—пользуясь результатами познанія и науки, искусственно воспроизвести дѣйствительныя или только возможныя отношенія вещей съ цѣлью удовлетворить высшимъ, субъективнымъ потребностямъ человѣческой природы, т. е. потребностямъ чувства. Въ сущности науки и искусства составляютъ только два послѣдовательные и тѣсно связанные момента при взаимодѣйствіи человѣка съ окружающею природою, но смѣшивать эти моменты все-таки невозможно въ виду

---

[1]) Въ нашей статьѣ, упоминаемой почтеннымъ авторомъ, различіе системъ объясняется, кромѣ сложности предмета, различіемъ организацій самихъ мыслителей, т. е. ихъ индивидуальностями, которыя, въ свою очередь, могутъ располагаться въ типы. Отсюда ясно, что нашъ взглядъ подобенъ взгляду автора. Ред. «Мысли».

[2]) См. критическій очеркъ въ «Извѣстіяхъ института кн. Безбородко». Г. I. Кіевъ, 1877 г. См. выше.

ихъ различнаго механизма и назначенія. Науки—это анализъ, основа ихъ—усвоеніе, орудіе—наблюденіе; искусства—это синтезъ, ихъ основа—творчество, орудіе—воображеніе. Эти черты слишкомъ существенны, чтобы ихъ можно было смѣшивать. До сихъ поръ думали, что синтезъ есть тоже дѣло науки, но это невѣрно: наука есть объективное знаніе, а синтезъ уже не есть знаніе, а лишь конечный его результатъ, продуктъ, что̀ и есть искусство. Синтезъ въ наукѣ служитъ только вспомогательнымъ орудіемъ—для расширенія и повѣрки анализа. Синтезъ непремѣнно имѣетъ какую-нибудь практическую подкладку, тогда какъ анализъ всегда стоитъ на теоретической почвѣ. Конечнымъ же мотивомъ для практической подкладки синтеза неизбѣжно служитъ какое-нибудь чувство и въ этомъ состоитъ отличительная черта искусства. Выяснивъ въ точности отношеніе искусства и науки, уже не трудно прійти къ выводу, что философія, какъ синтезъ, какъ отраженіе субъективнаго, какъ результатъ творчества и есть искусство, а не наука. Такая перемѣна клички не сводится лишь къ простому спору о словахъ: она способна произвести коренной переворотъ во взглядахъ на философію. Всѣ недостатки, въ которыхъ упрекали эту послѣднюю, пока считали ее за науку, окажутся естественными ея свойствами и отчасти даже достоинствами, съ той минуты какъ она признана будетъ вѣтвью искусства. Общество сейчасъ же примирится съ философіей и съ философами, какъ скоро узнаетъ въ этихъ послѣднихъ братьевъ поэтовъ и художниковъ, которые не истину должны ему открывать, а только изображать предъ нимъ внутренній міръ человѣческаго сознанія съ его высшими потребностями, влеченіями и идеалами. То, что должно быть, а не то, что есть—вотъ что раскрываетъ философія. Изъ абсолютныхъ ея истины дѣлаются относительными, противорѣчія и разногласія становятся въ ней естественными и даже неизбѣжными, служа признакомъ уже не бѣдности, а богатства; наконецъ диллетантизмъ многихъ философовъ въ наукахъ дѣлается вещью извинительною и понятною: въ дѣлѣ творчества талантъ и геній всегда еще важнѣе, чѣмъ положительныя знанія, хотя извѣстная доля послѣднихъ конечно необходима. Теперь сравнимъ же поэзію и философію болѣе обстоятельно, какъ двѣ вѣтви одного дерева. Во первыхъ разберемъ сходныя ихъ черты.

И поэтическія произведенія, какъ и философскія, всегда удовлетворяютъ только извѣстныхъ лицъ и въ извѣстныя эпохи, а другихъ не удовлетворяютъ,—иначе сказать и тѣ и другія составляютъ дѣло вкуса, тогда какъ въ наукѣ о вкусахъ смѣшно было бы говорить.

Отсюда извѣстный круговоротъ и преемство въ господствѣ различ-

ныхъ философскихъ системъ, какъ и въ преобладаніи различныхъ школъ музыки и живописи или извѣстныхъ видовъ и направленій въ поэзіи и изящной словесности вообще. Тѣмъ не менѣе, не смотря на разнообразіе и перемѣнчивость вкусовъ въ отношеніи къ произведеніямъ живописи, музыки, поэзіи и философіи, всѣ они обладаютъ въ одинаковой мѣрѣ способностью, если только они хороши, всегда вызывать въ насъ впечатлѣніе чего-то великаго или высокаго, волновать насъ чувствомъ красоты и гармоніи, хотя бы мы вовсе не раздѣляли общую ихъ идею и не одобряли ея исполненія въ частностяхъ: Платонъ, Аристотель, Декартъ, Спиноза, Кантъ во всякомъ человѣкѣ возбуждаютъ такое же изумленіе и уваженіе къ своимъ твореніямъ, какъ Фидій, Софоклъ, Еврипидъ, Рафаэль, Моцартъ и Шекспиръ. Кстати замѣтить, что и философскія системы, какъ всѣ творенія художниковъ и поэтовъ, всегда остаются достояніемъ личности и неразрывно связаны съ именемъ своего творца. Это — одно изъ послѣдствій ихъ субъективности, и нельзя не сравнить съ этимъ противоположную черту научныхъ созданій, всегда безличныхъ и составляющихъ какъ бы общее достояніе всего человѣчества. Имена ученыхъ связываются съ извѣстными теоріями только при жизни ихъ, а послѣ смерти переходятъ въ трактаты по исторіи наукъ и забываются массою. Притомъ почти всякое научное открытіе связывается съ именами нѣсколькихъ тружениковъ, при жизни тщетно спорящихъ изъ-за первенства идеи. Имена Ньютона и Лейбница въ математикѣ, Канта и Лапласа въ астрономіи, Ламарка и Дарвина въ естественной исторіи служатъ прекрасной иллюстраціей безличности научныхъ теорій, изъ которыхъ самыя важнѣйшія связываются по крайней мѣрѣ съ именами двухъ свѣтилъ. Зато, когда мы скажемъ: монадологія Лейбница, трансцендентальный идеализмъ Канта, Фаустъ Гёте, Гамлетъ Шекспира, Реквіемъ Моцарта, Лоэнгринъ Вагнера, Мадонна Рафаэля и т. д., то всякій знаетъ хорошо, что здѣсь споръ и сомнѣнія о творцѣ невозможны. Таковы общія черты между философіей, поэзіей и другими областями искусства. Опредѣлимъ теперь ихъ различія, т. е. особое мѣсто, которое принадлежитъ каждой изъ нихъ. Подобно тому, какъ и науки, искусства различаются главнымъ образомъ по матеріалу, который обрабатываютъ. Но разница въ томъ, что матеріалъ наукъ разнообразится объективно — въ связи съ различіемъ предметовъ и ихъ качествъ; матеріалъ же искусствъ разнообразенъ субъективно, т. е. смотря по сторонамъ и областямъ сознанія, какія она обрабатываетъ. Это уже ясно изъ различія музыки и живописи, дѣйствующихъ даже на разные органы воспріятія. По по-

мимо того, явленія сознанія могутъ быть различной сложности и непосредственности, и нельзя не замѣтить, что разныя вѣтви искусства разработываютъ явленія различной степени высоты и сложности. Не трудно видѣть, напр., что музыка и ваяніе по преимуществу творятъ въ сферѣ ощущеній: звуки и формы мы ощущаемъ. Музыка и ваяніе—самыя чувственныя формы искусства; пробуждать въ насъ сильную дѣятельность представленій и понятій они всего менѣе претендуютъ. Живопись стоитъ уже выше: ея царство есть царство представленій, ея содержаніе составляютъ конкретные образы отдѣльныхъ предметовъ и сценъ изъ жизни. Но зато въ область понятій живопись рѣдко переходитъ. Только новѣйшая школа жанра пытается перешагнуть въ область конкретныхъ понятій, работая надъ типами. Поэзія стоитъ еще ступенью выше. Она только мимоходомъ пробуждаетъ ощущенія и представленія. Ея главная сила въ изображеніи типическихъ сторонъ жизни и сознанія. Лирическая и драматическая поэзія всецѣло вращается въ сферѣ конкретныхъ понятій. Но зато, какъ наивны попытки нѣкоторыхъ ученыхъ поэтовъ дѣлать поэзію орудіемъ творчества въ области отвлеченныхъ идей! Ученыя поэмы всегда кажутся смѣшными. Творчество въ сферѣ отвлеченныхъ понятій всецѣло принадлежитъ философіи, и такъ какъ отвлеченныя понятія всего сложнѣе и труднѣе для пониманія, то сфера доступности философіи самая узкая. Пониманіе живописи менѣе доступно, чѣмъ пониманіе музыки; пониманіе поэзіи менѣе, нежели живописи; пониманіе философіи и наслажденіе ея созданіями еще менѣе доступно и еще болѣе рѣдко. Міръ ея идей доступенъ только избраннымъ!

Таково значеніе философіи въ ряду искусствъ. Значеніе это выяснилось естественно и наглядно. Откажемся же отъ тысячелѣтней иллюзіи, что философія есть наука, и преклонимся предъ нею въ новой, болѣе идущей къ ея лицу, одеждѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ перестанемъ вѣрить въ абсолютную цѣну ея созданій и ожидать, что она откроетъ намъ тайну мірозданія. Этой цѣли чрезъ сотни или тысячи лѣтъ достигнетъ, быть можетъ, настоящая наука въ ея медленномъ поступательномъ движеніи. Къ философіи же станемъ прислушиваться съ вниманіемъ какъ къ вѣчно юной изобразительницѣ нашей внутренней жизни и выразительницѣ высшихъ потребностей нашего чувства. Безъ чувства жить нельзя—будемъ же сознательно платить ему дань въ этой, хотя и старой, но до сихъ поръ невѣрно понятой формѣ.

ОТНОШЕНІЕ ФИЛОСОФІИ КЪ НАУКѢ И ИСКУССТВУ [1]).

Мм. гг.! Предлагая на судъ вашъ сочиненіе, затрогивающее цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ изъ той сферы познанія, которая называется философскою, я считаю необходимымъ познакомить васъ, прежде всего, хотя бы въ общихъ чертахъ, со взглядомъ своимъ на философію вообще.

Исторія мысли человѣческой воспроизводитъ передъ нами много различныхъ взглядовъ на значеніе философіи, но всѣ они имѣютъ одну черту, общую, неизмѣнную, съ самымъ существомъ дѣла связанную. Эта черта состоитъ въ томъ, что понятіе философіи опредѣлялось всегда въ связи съ понятіемъ науки, ибо оба они ставились въ то, или другое отношеніе къ болѣе общему понятію «знанія». Въ иныя времена и для иныхъ мыслителей понятіе философіи представлялось почти синонимомъ понятія науки: терминъ философіи выражалъ, впрочемъ, болѣе стремленіе къ пріобрѣтенію знанія, терминъ же науки—самый процессъ этого пріобрѣтенія; но это небольшое различіе иногда совершенно ступшевывалось. Въ другія времена и для другихъ мыслителей философія и наука являлись въ отношеніи части и цѣлаго: или философія представлялась частью науки, ея отдѣломъ,—обыкновенно лучшимъ и высшимъ,—или наука признавалась частью философіи, ея орудіемъ или моментомъ. Затѣмъ были и такіе мыслители, которые противопоставляли другъ другу философію и науку, какъ двѣ совершенно различныя вещи, но при этомъ обыкновенно относились къ одной изъ нихъ съ чрезмѣрнымъ пристрастіемъ, къ другой—съ полнымъ пренебреженіемъ: или философія возвеличивалась на счетъ науки и считалась единственно вѣрнымъ путемъ къ знанію, или наука возвеличивалась на счетъ философіи и считалась единственно возможнымъ орудіемъ изслѣдованія истины. Въ первомъ случаѣ наука считалась лишь ступенью къ философіи, во второмъ философія признавалась въ своемъ родѣ уже устраненною ступенью къ наукѣ.

Но рядомъ съ этими пятью воззрѣніями возможно еще шестое, которое, какъ мы увидимъ ниже, и есть единственно правильное и высшее,

---

[1]) Вступительная рѣчь, произнесенная на докторскомъ диспутѣ въ Кіевскомъ университетѣ, 2-го февраля 1883 года. Газ. «Заря» 1883, № 27 и 28, и отдѣльно (Кіевъ).

потому что въ немъ примиряются всѣ прежнія разногласія на счетъ значенія и взаимныхъ отношеній философіи и науки. Это высшее воззрѣніе то же выходитъ изъ предположенія, что философія и наука двѣ совершенно различныя и даже противоположныя другъ другу области, но въ то же время оно признаетъ ихъ одинаково законными явленіями дѣйствительности, не считаетъ ихъ ни хуже, ни лучше одна другой и объединяетъ ихъ въ высшемъ понятіи человѣческаго сознанія, задачи котораго философія и наука подѣлили между собою и выполняютъ независимо другъ отъ друга, но въ полной гармоніи, въ полномъ, хотя бы и безсознательномъ, союзѣ другъ съ другомъ.

Это послѣднее воззрѣніе на отношеніе философіи и науки, какъ уже видно изъ сказаннаго только-что, конечно можетъ быть оправдано только съ психологической точки зрѣнія. Но эта точка зрѣнія и должна быть признана единственно правильною при опредѣленіи содержанія понятій, относящихся къ сферѣ дѣятельности человѣка. Наука и философія суть только виды человѣческой дѣятельности,—какъ внѣшнія, самобытныя реальности онѣ не существуютъ. Въ томъ-то и состояла ошибка прежнихъ мыслителей, что они ставили философію и науку внѣ человѣка, какъ нѣчто само по себѣ существующее, и опредѣляли философію и науку въ связи съ знаніями, а не съ процессами ихъ пріобрѣтенія. Знанія, какъ внѣшнія выраженія нашихъ идей, собранныя въ книгахъ и другихъ документахъ, суть результаты философіи и науки, а не сама философія и наука, представляющія собою лишь виды человѣческой дѣятельности. Вся сумма знаній человѣчества, въ извѣстный моментъ уже пріобрѣтенныхъ, составляетъ нѣчто цѣлое и единое, и потому-то распредѣленіе суммы знаній человѣка между философіей и наукой всегда приводило къ абсурдамъ: инстинктивное сознаніе контраста философіи и науки обыкновенно заставляло искать основанія для этого контраста въ различіи знаній общихъ и частныхъ, но противоположеніе общихъ знаній частнымъ, какъ чего-то самостоятельно существующаго и независимо добываемаго, можетъ быть оправдано только съ точки зрѣнія средневѣковаго, давно отжившаго реализма. Общія знанія въ такой же степени могутъ существовать самостоятельно отъ частныхъ знаній, въ какой общій человѣкъ, или человѣкъ вообще, могъ бы существовать въ природѣ отдѣльно и независимо отъ частныхъ, индивидуальныхъ людей. Для насъ теперь совершенно ясно, что «человѣкъ вообще» есть только понятіе человѣческаго ума, что рядомъ съ каждымъ индивидуальнымъ человѣкомъ реально существуетъ только сумма всѣхъ индивидуальныхъ людей, часть которой и онъ составляетъ. Но точно

также ясно, что и рядомъ съ отдѣльными знаніями существуетъ только сумма всѣхъ знаній, которая неразложима на общее и частное, какъ два различные объекта созерцанія человѣческаго ума, ибо общее знаніе внѣ и независимо отъ частнаго совершенно немыслимо. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія состава знаній, мы не имѣемъ основанія для противоположенія философіи и науки, иначе, какъ если мы признаемъ, что философія вмѣщаетъ въ себѣ знанія недостовѣрныя, несовершенныя, наука же—знанія достовѣрныя и совершенныя, или наоборотъ. Отсюда-то и вытекаетъ тотъ фактъ, что разграниченіе философіи и науки, съ точки зрѣнія состава знаній, всегда приводило къ ожесточенному спору о взаимныхъ достоинствахъ ихъ,—спору нелѣпому и праздному.

Этотъ споръ немыслимъ, какъ скоро мы станемъ на точку зрѣнія психологическую, какъ скоро мы будемъ опредѣлять философію и науку лишь какъ виды человѣческой дѣятельности.

Всякая дѣятельность человѣка обусловливается его стремленіями. Въ основѣ философіи и науки лежитъ несомнѣнно одинъ и тотъ же классъ стремленій человѣческихъ—стремленій человѣка познать міръ. Но познавать міръ можно, такъ сказать, въ нѣсколькихъ измѣреніяхъ: въ ширину и въ глубину, экстенсивно и интенсивно.

Человѣкъ по природѣ своей стремится познать его во всѣ стороны: познать его весь, въ его цѣломъ, и познать его во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ, другими словами, человѣкъ стремится познать его полно и точно. Между тѣмъ опытъ убѣждаетъ его вскорѣ, что та и другая задача одновременно невыполнима: чтобы достигнуть точности знаній, надо на время и даже на долго поступиться ихъ полнотой и цѣльностью, чтобы достигнуть полноты и цѣльности знаній, надо на время отказаться отъ ихъ точности. Какъ быть? Если бы упомянутыя два стремленія человѣка, входящія какъ элементы въ общее стремленіе его къ познанію міра, были бы простымъ капризомъ человѣческой природы, а не вытекали бы изъ органическихъ ея потребностей, то дѣятельность его могла бы принять сначала одно направленіе, и затѣмъ уже, достигнувъ одной цѣли, человѣкъ видоизмѣнилъ бы свою познавательную дѣятельность въ другомъ направленіи. Напр. онъ могъ бы сначала успокоиться на точныхъ единичныхъ знаніяхъ и затѣмъ уже, черезъ десятки вѣковъ, перейти къ синтезу ихъ въ одно цѣлое, полное знаніе о мірѣ. Но дѣло то въ томъ, что оба стремленія человѣка, къ полнотѣ и къ точности знаній, органически связаны съ его природою и положеніемъ въ окружающей средѣ. Совокупность чувствъ человѣка, весь складъ его субъ-

ективнаго или, какъ говорятъ обыкновенно, нравственнаго міра, требуетъ немедленной полноты и цѣльности, единства и гармоніи знаній, ибо безъ нихъ человѣкъ не имѣлъ бы никакой опоры для своихъ стремленій, для своей внутренней, индивидуальной жизни. Съ другой стороны, необходимость взаимодѣйствовать съ внѣшней природой, вступать съ нею въ безпрестанное и непосредственное соприкосновеніе, необходимость бороться съ нею и побѣждать ее, требуетъ не столько полноты, сколько точности знаній: безъ этой точности нельзя было бы предвидѣть явленій природы и успѣшно справляться съ ними. Вслѣдствіе такого органическаго характера обоихъ упомянутыхъ выше стремленій, человѣку остается лишь одно—раздвоиться: служить по возможности одновременно и совмѣстно своимъ чувствамъ, своему личному внутреннему міру, своей индивидуальной, субъективной природѣ, и затѣмъ внѣшней необходимости, природѣ общей, міру объективному. И вотъ онъ раздвояется: въ наукѣ онъ стремится удовлетворить требованіямъ внѣшней, объективной необходимости, т. е. старается хотя бы медленно, но вѣрно и навсегда закрѣпостить міръ точнымъ знаніемъ его; въ философіи онъ стремится удовлетворить требованіямъ своей внутренней, личной природы, т. е. обнять міръ весь, въ его цѣломъ значеніи, хотя бы и не съ такою точностью и отчетливостью.

Очевидно, что съ этой точки зрѣнія, мм. гг., совмѣстное существованіе философіи и науки не только возможно, но и необходимо! Но въ такой же степени очевидно и то, что философія при такихъ условіяхъ не можетъ быть ни наукою, ни частью науки. Наукой давно принято называть ту дѣятельность человѣка, которая направлена къ пріобрѣтенію вполнѣ достовѣрныхъ и точныхъ знаній. Философія же, по самой идеѣ своей, не можетъ задаваться ни совершенною достовѣрностью, ни совершенною точностью знаній, ибо тогда она собственной своей цѣли не выполнитъ, т. е. не достигнетъ той полноты и единства идей о мірѣ, которыя необходимы для субъективной, нравственной природы человѣка.

Но если философія не есть наука или часть науки, то что же она такое? Вы скажете: «она есть философія—и только». Но понятіе науки противополагается часто еще одному понятію—понятію искусства и, если мы уже признали раньше философію противоположной наукѣ, то должны выяснить теперь отношеніе понятій философіи и искусства. Прежде всего замѣтимъ, что въ самомъ общемъ смыслѣ конечно и наука есть искусство, т. е. искусственная дѣятельность человѣка. Но въ тѣсномъ значеніи, въ которомъ эти два понятія ставятся въ отношеніе другъ къ другу, искусствомъ называется не вся вообще искусственная дѣятель-

ность человѣка, а только та, которая служитъ чувствамъ его и удовлетворяетъ субъективнымъ, нравственнымъ потребностямъ его природы. Такъ какъ мы признали, что и философія имѣетъ тѣ же задачи, т. е. служитъ индивидуальнымъ, внутреннимъ потребностямъ человѣческаго сознанія, то мы, очевидно, должны признать въ концѣ концовъ, что философія есть или само искусство или часть искусства. Мы думаемъ, что она есть и то, и другое: часть искусства, какъ послѣдній моментъ или высшая ступень въ его развитіи, т. е., какъ искусство будущаго; само же искусство, какъ единственная истинная его основа и единственно законная его подкладка, другими словами, какъ безсознательная основа искусства не только въ будущемъ, но и въ прошедшемъ.

Это двоякое отношеніе искусства и философіи можетъ быть постигнуто вполнѣ лишь при соображеніи съ исторіей развитія человѣческой дѣятельности не только въ сферѣ искусства и философіи, но и въ сферѣ науки. Искусство и наука, вмѣстѣ съ развитіемъ человѣческаго сознанія, претерпѣвали цѣлый рядъ превращеній и достигали все болѣе и болѣе совершенныхъ формъ. Наша нынѣшняя точная наука—наука лабораторій и обсерваторій, физическихъ, анатомическихъ и другихъ кабинетовъ не есть наука Демокрита и Аристотеля, наука Телесія и Рожера Бэкона, не есть даже наука Франциска Бэкона и Декарта; она есть часть, моментъ, высшая для насъ ступень науки вообще, къ которой относились и труды Аристотеля, и обоихъ Бэконовъ, и Декарта, и другихъ древнихъ, средневѣковыхъ и болѣе новыхъ ученыхъ. Но, будучи частью, моментомъ науки вообще, въ ея постепенномъ историческомъ развитіи, наука точная, наука естественная, есть для насъ въ то же время вся наука, наука не только настоящаго и будущаго, но и прошедшаго, единственно правильная и законная наука. Точно также и искусство современное—искусство Вагнеровъ и Чайковскихъ, Верещагиныхъ и Крамскихъ, искусство Тургеневыхъ, Некрасовыхъ, Толстыхъ, Достоевскихъ, не есть искусство грековъ и римлянъ, искусство Моцарта и Бетховена, Рафаэля и Мурильо, Данта и Торквато Тассо, не есть даже искусство Гете и Шиллера. Слѣдовательно, если бы можно было доказать, что современное искусство стремится обратиться въ философію, а современная философія—облечься въ новѣйшія формы искусства, то понятно было бы, что философія можетъ быть одновременно и частью или моментомъ искусства, т. е. искусствомъ будущаго, и самимъ искусствомъ, т. е. не только настоящею и будущею, но и прошедшею, единственно законною его основою. Что современное искусство стремится къ обновленію на почвѣ философіи, доказывается уже его наклонностью къ реа-

лизму, къ истинному и безпристрастному изображенію жизни подъ угломъ зрѣнія художника. Этотъ реализмъ конечно иногда принимаетъ уродливыя формы въ своемъ внѣшнемъ осуществленіи—это вопросъ особый—но въ той, болѣе искренней и высокой формѣ, въ какой онъ проявляется, напр., въ нашей новѣйшей русской литературѣ, онъ дѣйствительно выполняетъ иногда истинныя задачи философіи. У каждаго русскаго художника-реалиста вы найдете болѣе или менѣе законченное и ясное философское міровоззрѣніе—и Некрасовы, Тургеневы, Достоевскіе, Щедрины, Верещагины, Крамскіе и цѣлый рядъ другихъ нашихъ художниковъ философовъ въ своемъ родѣ не ниже Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и Гартмана. Въ произведеніяхъ упомянутыхъ художниковъ искусство именно стремится обновить себя посредствомъ философіи. Но точно также и философія стремится облечься въ симпатичныя и дорогія для человѣка формы искусства, ибо не даромъ же величайшіе философы нашего времени оказываются въ рядахъ художниковъ, а геніальныхъ философовъ, которые бы держались старыхъ формъ изложенія своихъ міровоззрѣній, уже нѣтъ. Но какъ объяснить въ такомъ случаѣ, что въ прежніе вѣка философія не чувствовала родства своихъ задачъ съ задачами искусства? Это явленіе происходитъ, конечно, болѣе всего оттого, что философы долго питали въ себѣ печальный предразсудокъ, что философія есть наука или часть науки и что она должна выражать свои идеи именно въ формѣ научныхъ трактатовъ. За то же эти quasi научные трактаты, эти неестественныя, сухія изложенія философскихъ міровоззрѣній и были всегда такъ неудобоваримы,—и если многія прекрасныя идеи философовъ скоро затеривались и пропадали для человѣчества даромъ, то это происходило именно отъ ложной оболочки, въ которую онѣ облекались. Спиноза, излагавшій свою метафизическую систему въ видѣ математическихъ теоремъ, довелъ это стремленіе, влить философію въ форму научныхъ трактатовъ, до наибольшаго абсурда, а Платонъ и нѣкоторые другіе философы того же типа, избравъ для выраженія своихъ философскихъ убѣжденій діалогическую, разговорную форму изложенія, конечно всего вѣрнѣе предугадали истинныя формы, въ которыя философія должна облечься въ будущемъ. Они не сознавали только того, что передавая философскія бесѣды и споры людей, возникшіе на почвѣ субъективныхъ, нравственныхъ ихъ стремленій, они должны были изображать и самыхъ этихъ людей, въ ихъ жизни, обстановкѣ и личной судьбѣ. Ихъ философствующіе Критоны и Федоны были не живыми людьми, а мертвыми куклами, манекенами, тѣнями живыхъ людей. Когда философія и искусство поймутъ свои истинныя задачи, онѣ

должны слиться воедино, и философія станетъ содержаніемъ искусства и дастъ ему сознательный внутренній смыслъ, искусство же станетъ формой выраженія философіи и сдѣлаетъ ее болѣе доступною человѣчеству и тѣмъ самымъ болѣе плодотворною. При этомъ замѣчу однако, что искусство не только въ будущемъ, но все-таки и во всѣ эпохи своего существованія, хотя и безсознательно, было лишь орудіемъ для выраженія философскихъ міровоззрѣній. Развѣ Венера Милосская и Мадонна Рафаэля, развѣ Божественная комедія Данта, Гамлетъ Шекспира, Фаустъ Гете и Разбойники Шиллера, не заключаютъ въ себѣ цѣлыхъ философій міра, выраженныхъ болѣе или менѣе законченно и ясно? На этотъ вопросъ, конечно, всякій безпристрастный и глубокій цѣнитель искусства отвѣтитъ утвердительно. Старое, такъ называемое чистое искусство, было лишь безсознательнымъ орудіемъ философіи, новое реальное искусство, въ лучшемъ значеніи этого понятія, будетъ напротивъ сознательнымъ орудіемъ философовъ.

Но какъ же, скажете вы, въ такомъ случаѣ, понимать разнообразныя формы искусства: не будетъ ли по крайней мѣрѣ впредь форма искусства—философіи одна? На это отвѣтъ простъ: философія должна служить всѣмъ чувствамъ человѣка и слѣдовательно, должна выражаться во всѣхъ тѣхъ формахъ творчества, которыя дѣйствуютъ на различныя сферы чувствъ и настроеній человѣка и отражаются на его индивидуальной, нравственной жизни. Неточно ли также и наука, служа взаимодѣйствію человѣка съ внѣшнимъ міромъ, изучаетъ всѣ области этого міра, съ которыми онъ входитъ въ какое-либо соприкосновеніе. Искусства весьма разнообразны, но и науки также разнообразны, и, подобно тому какъ всѣ современныя науки стремятся объединиться и слиться въ точномъ естествознаніи, такъ всѣ искусства стремятся слиться и достигнуть единства въ философіи. Только съ этой точки зрѣнія и объясняется истинный смыслъ всѣхъ превращеній, которыя испытывали науки и искусства, и то различное вниманіе и вліяніе, которыми различныя науки и искусства въ разное время пользовалисъ. Сначала сознаніе господствующей массы людей сосредоточивалось на низшихъ чувствованіяхъ и потому господство принадлежало тѣмъ искусствамъ, которыя воспроизводили и вызывали эти непосредственныя чувствованія: архитектура и ваяніе въ древности имѣли поэтому среди искусствъ значеніе преобладающее; они такъ сказать искали смысла міровой жизни въ самыхъ грубыхъ и непосредственныхъ чувствованіяхъ человѣческихъ. Затѣмъ масса человѣчества дозрѣла до первичныхъ, болѣе сложныхъ чувствъ и преобладающую роль получили искусства живописи и музыки, т. е.

искусства, воспроизводящія уже цѣлыя картины окружающей среды и цѣлые эпизоды жизни человѣческой. Далѣе масса человѣчества въ своемъ развитіи достигла чувствъ еще болѣе высокихъ, общихъ или обобщенныхъ и отвлеченныхъ, принадлежащихъ не единицамъ, а всему человѣчеству, и господство перешло къ поэзіи и литературѣ, всего полнѣе воспроизводящимъ эти общія, отвлеченныя чувства. Но въ развитіи этихъ общихъ чувствъ можно указать еще нѣсколько частныхъ періодовъ: чувства интеллектуальныя предшествовали развитію чувствъ нравственныхъ, индивидуальныя нравственныя чувства—соціальнымъ, и каждый такой прогрессъ въ развитіи субъективнаго самосознанія человѣческой массы вызывалъ новые моменты въ развитіи не только преобладающихъ, но даже и всѣхъ прочихъ, такъ сказать, дополнительныхъ искусствъ. Настоящій моментъ—господства соціальныхъ чувствъ въ человѣчествѣ—и долженъ привести къ полному воплощенію философіи во всѣхъ искусствахъ, ибо философія и есть по преимуществу объединеніе знаній о мірѣ въ интересахъ человѣческой личности, какъ элемента человѣческаго общества. Такова въ общихъ чертахъ исторія развитія искусствъ. Конечно, во всѣ времена, вслѣдствіе различія ступеней самосознанія отдѣльныхъ людей, господствовали разомъ почти всѣ искусства, и искусство въ его цѣломъ выполняло параллельно различной степени задачи, но мы говорили только о преобладающей степени самосознанія человѣчества, о преобладающихъ искусствахъ и о преобладающемъ значеніи отдѣльныхъ искусствъ. Не такимъ же ли точно способомъ и различныя науки, возникнувъ почти всѣ разомъ, тѣмъ не менѣе, соотвѣтственно общему уровню человѣческаго ума, т. е. его объективнаго сознанія, въ различное время пользовались значеніемъ весьма различнымъ.

Конечно, изъ предложеннаго нами взгляда на философію вытекаетъ, что она имѣетъ существованіе, независимое отъ науки. Наука и философія—это двѣ безконечно длинныя параллельныя линіи, которыя никогда не сойдутся. Между ними связь только та, что онѣ одновременно возникли и одновременно исчезнутъ съ земли, ибо условія для ихъ существованія одни и тѣ-же. Источникъ ихъ появленія заключается въ стремленіи человѣка знать, а знать ему нужно, чтобы жить; слѣдовательно, философія и наука одновременно возникли въ тотъ моментъ, какъ человѣчество сознало въ себѣ стремленіе къ знанію, какъ орудію жизни; исчезнуть же онѣ могутъ лишь тогда, когда это стремленіе къ знанію или уничтожится, или будетъ удовлетворено, т. е. или когда уничтожится само человѣчество, или когда внѣшняя и внутренняя

жизнь его, благодаря достигнутой полнотѣ и точности знаній, будутъ вполнѣ устроены и организованы.

Независимость и въ то-же время все-таки единство философіи и науки, какъ двухъ различныхъ моментовъ одной и той-же дѣятельности человѣка, можно уподобить отношеніямъ уха и глаза, какъ органовъ внѣшняго опыта: глазъ не видитъ уха и не можетъ его замѣнить, ухо не слышитъ глаза и неспособно выполнять его отправленія,—ухо и глазъ дѣлаютъ каждый свое дѣло, но дѣятельность ихъ согласна и не исключаетъ одна другую: напротивъ, оба органа выполняютъ части одной общей работы и потому возникаютъ одновременно съ рожденіемъ человѣка на свѣтъ и уничтожаются одновременно со смертью его.

Изъ такой идеи объ отношеніи философіи и науки понятна и вся ихъ прошедшая и будущая судьба,—въ ней, какъ я уже сказалъ, примиряются и всѣ прежнія разногласія мыслителей о значеніи философіи и науки. Во-первыхъ, изъ нея явствуетъ, почему и какъ философія и наука все-таки составляютъ нѣчто единое, неразрывное; во-вторыхъ, изъ нея-же вытекаетъ, что если философія и не есть часть науки, а наука—не часть философіи, то онѣ объ все-таки части одного высшаго цѣлаго—той дѣятельности человѣка, которая направлена къ познанію міра. Наконецъ, изъ упомянутой идеи можно выяснить также, въ какомъ смыслѣ философія выше науки, а наука, въ свою очередь, выше философіи, и въ какомъ смыслѣ, параллельно, наука является ступенью къ философіи, а философія—ступенью къ наукѣ. Философія выше науки настолько, насколько полнота и единство знаній и идей нашихъ о мірѣ выше ихъ точности и насколько для насъ самихъ наши чувства и весь нашъ нравственный складъ выше природы объективной и взаимодѣйствія съ этой природой. Наука, въ свою очередь, выше философіи въ той степени, въ какой, съ другой уже точки зрѣнія, точность знаній выше и важнѣе ихъ полноты, а природа объективная выше нашей собственной личности. Другими словами, философія выше науки въ смыслѣ «субъективномъ», наука выше философіи въ смыслѣ «объективномъ», т. е. внѣ нашего субъекта. Одно другого стоитъ! Далѣе: насколько наша личность въ субъективномъ смыслѣ выше цѣлаго міра и полнота знаній выше ихъ точности, наука является, конечно, только ступенью къ философіи и слугою ея, ибо точность знаній качественно улучшаетъ ихъ общій синтезъ, увеличиваетъ ихъ органическое единство. И точно также, по скольку дѣлый міръ, въ объективномъ смыслѣ, выше нашей личности и точность знаній выше ихъ полноты,—философія является лишь ступенью къ наукѣ и орудіемъ

къ улучшенію ея, ибо единеніе знаній, ихъ синтезъ въ цѣлое даетъ возможность лучше достигать ихъ дальнѣйшаго углубленія, т. е. увеличенія ихъ точности. Поэтому-то именно вся наука въ ея цѣломъ и каждая наука въ частности зарождаются въ философіи и затѣмъ опять ею вѣнчаются, а философія въ ея цѣломъ и каждое философское міровоззрѣніе въ частности рождаются изъ нѣдръ науки и въ ней же снова растворяются. Взаимодѣйствіе науки и философіи вѣчно и нельзя сказать, чтобъ было когда-либо, или что будетъ время, когда одна была или будетъ, а другая нѣтъ. Человѣкъ, по самой природѣ своей, всегда искалъ и будетъ искать одновременнаго удовлетворенія своихъ потребностей къ личной жизни и къ общенію съ міромъ. Въ настоящее время наступилъ только моментъ, когда онъ этимъ двоякимъ потребностямъ своимъ будетъ служить вполнѣ сознательно, т. е. произвольно и методично, отказавшись отъ старыхъ предразсудковъ, крайностей и преувеличеній.

Таковъ мой взглядъ на значеніе философіи, мм. гг., и этотъ взглядъ вполнѣ опредѣляетъ мою дѣятельность въ качествѣ философа, хотя и я лично—долженъ въ томъ сознаться—дѣйствовалъ сначала тоже инстинктивно и даже непроизвольно и лишь постепенно понялъ, къ чему иду и—что еще важнѣе—къ чему приду. Я понялъ нынѣ, что предо мною двѣ задачи—отрицательная и положительная; я понялъ также, что выполняю нынѣ лишь отрицательную, по отношенію къ философіи, задачу, а именно очищаю ее отъ того, что ей уже не принадлежитъ, и стараюсь передать наукѣ такія области знанія, которыя прежде совершенно правильно и законно, а нынѣ уже незаконно и неправильно, хочетъ вѣдать философія. Эта отрицательная, по отношенію къ философіи, задача есть, очевидно, въ то же время задача положительная по отношенію къ наукѣ, ибо выполненіе ея должно увеличить содержаніе этой послѣдней. Такая задача представляетъ нынѣ насущную потребность и я не одинъ въ полѣ воинъ: насъ очень много и каждый работаетъ по мѣрѣ силъ и способностей: Бэны, Спенсеры, Вундты, Горвицы, Рибо, Тэны и многіе другіе современные философы того же направленія, въ сущности всѣ служатъ болѣе или менѣе сознательно той же цѣли, которой и я служу, а именно стремятся обратить прежнія «отвлеченныя фантазіи», т. е. продукты отвлеченнаго искусства, философіи, которые назывались психологіей, логикой, этикой и т. д., въ истинныя и подлинныя науки. Но не надо забывать, что, какъ философы, мы этимъ способомъ выполняемъ только часть задачи и что на насъ лежитъ выполненіе, по мѣрѣ силъ, еще и другой проблемы,—по-

ложительной по отношенію къ самой философіи и состоящей въ построеніи цѣльнаго міровоззрѣнія. Я лично эту задачу свою вполнѣ сознаю, приберегаю ее на будущее и ищу нынѣ той формы, въ которую могло бы облечься достойно искусство будущаго, т. е. настоящая философія, какъ я ее понимаю. Задача трудная, къ которой надо вполнѣ приготовить себя.

Въ прежнихъ трудахъ своихъ я инстинктивно стремился расчистить путь, разрушить старое, негодное зданіе, ибо, только расчистивъ путь, можно двинуться по нему,—только разрушивъ старое, ветхое зданіе, можно начать строить новое.

Въ своемъ трудѣ «Психологія чувствованій» я пытался поставить на дѣйствительно научную почву нѣкоторые вопросы психологіи человѣка. Въ своемъ трудѣ «Къ вопросу о реформѣ логики» я пытаюсь найти способъ и изъ логики сдѣлать науку естественную, одну изъ наукъ объ организмѣ человѣка, т. е. найти методы и основы для точнаго изученія нашей познавательной дѣятельности. Для этого я становлюсь на современную точку зрѣнія всѣхъ наукъ объ организмѣ, на точку зрѣнія идеи «развитія», и пытаюсь расширить и сдѣлать вполнѣ научною старую, но весьма еще несовершенную, психологическую теорію ассоціаціи. Въ этихъ немногихъ словахъ исчерпывается вся задача моего труда. Можетъ быть, я ошибочно и дурно ее выполнилъ, можетъ быть я избралъ ложный путь и не достигъ никакихъ существенныхъ результатовъ,—объ этомъ не мнѣ судить. Я самъ знаю только одно, что я выполнялъ задачу своего времени,—задачу, повидимому вполнѣ созрѣвшую и вполнѣ сознаваемую лучшими представителями и носителями современнаго знанія,—и это убѣжденіе, что я иду не одинъ и поставилъ себѣ цѣль, не мнимую, а дѣйствительную, даетъ мнѣ бодрость и силу вынести всевозможныя порицанія и—пусть даже—насмѣшки. Я все-таки надѣюсь, что, потративъ массу труда и энергіи на свое сочиненіе по логикѣ, я прибавилъ хоть кое-какія крупицы истины къ содержанію этой науки и что, если не я, то другой, выходя изъ моего направленія, собравъ и умноживъ эти крупицы истины, дѣйствительно достигнетъ той высшей цѣли, которую я себѣ поставилъ. Если же и эта надежда не исполнится, то мой грѣхъ окажется лишь въ томъ, что я безсознательно еще былъ слишкомъ «философомъ» и что я, можетъ быть, еще рано задумалъ вырвать изъ оковъ субъективной, личной сферы сознанія идеи, до извѣстной степени ей еще принадлежащія, что я «субъективно творилъ» тамъ, гдѣ воображалъ, что объективно изслѣдую. Такая ошибка вполнѣ возможна, и я увѣренъ лишь въ од-

номъ, что если мой трудъ не будетъ признанъ научнымъ, въ строгомъ смыслѣ слова, то онъ будетъ по крайней мѣрѣ признанъ философскимъ. Подъ одну изъ этихъ категорій должно подойти всякое литературное произведеніе, являющееся продуктомъ истиннаго и безкорыстнаго стремленія къ знанію.

КЪ ВОПРОСУ О КРИТЕРІЯХЪ ИСТИНЫ.

Возможность научнаго оправданія наивнаго реализма.

(Этюдъ изъ области науки о познаніи [1]).

Почти одновременно съ развитіемъ въ человѣкѣ стремленія отдать себѣ отчетъ въ окружающемъ и постигнуть законы, управляющіе міромъ, возникъ въ его умѣ вопросъ и о томъ, какими способами онъ добываетъ свои знанія о мірѣ и какую онъ можетъ найти въ себѣ опору для увѣренности, что знанія его правильны и достовѣрны. Поэтому уже съ начала V в. до Р. Хр. греческіе философы совершенно опредѣленно ставятъ себѣ вопросы объ органахъ познанія, какими обладаетъ человѣкъ, и о степени достовѣрности знаній, доставляемыхъ этими органами. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ, конечно, заключался уже безсознательно и вопросъ объ основахъ нашей увѣренности, что тотъ или другой органъ познавательной дѣятельности доставляетъ намъ истинныя и достовѣрныя знанія, т. е. вопросъ о критеріяхъ истины. Но вполнѣ сознательно и самостоятельно отъ другихъ этотъ послѣдній вопросъ былъ поставленъ впервые лишь Стоиками и Эпикурейцами въ концѣ IV в. до Р. Хр. и съ тѣхъ поръ онъ сталъ однимъ изъ основныхъ вопросовъ философіи.

Предшественники Стоиковъ и Эпикурейцевъ, разсуждая объ органахъ или орудіяхъ познанія міра, которыми мы обладаемъ, и объ ихъ относительной цѣнѣ для познанія истинной природы вещей, приходили почти всѣ, начиная съ Гераклита (жившаго около 500 г. до Р. Хр.), къ тому заключенію, что мы обладаемъ двумя главными орудіями познанія—внѣшними чувствами и умомъ, и что показанія внѣшняго чувства, т. е. органовъ внѣшняго чувственнаго опыта (глаза, уха и т. д.), обманчивы и недостовѣрны, такъ что настоящимъ и единственно досто-

---

[1]) «Русское Богатство», 1888, № 4 и 5.

вѣрнымъ орудіемъ знаній нашихъ о мірѣ является умъ (νόος). Выходя изъ такого положенія, Парменидъ Элейскій (род. ок. 510 г.) отождествилъ мышленіе съ истиннымъ бытіемъ, а Анаксагоръ (род. ок. 500 г.) призналъ умъ началомъ, управляющимъ всей вселенной.

Сравнительно большую цѣну за чувственными воспріятіями признавали изъ древнѣйшихъ греческихъ философовъ только Эмпедоклъ и Демокритъ. Эмпедоклъ (род. ок. 490 г.), выходя изъ глубоко вѣрной мысли о тождествѣ нашего организма, по матеріальному его составу, съ прочей природой, утверждалъ, что мы, при помощи органовъ чувствъ, познаемъ равное равнымъ и, повидимому, не сомнѣвался въ достовѣрности такого познанія. Демокритъ (род. ок. 470 г.), хотя и различалъ ясное познаніе, даваемое умомъ, отъ темнаго или смутнаго, доставляемаго внѣшними чувствами, тѣмъ не менѣе высказывался въ такомъ смыслѣ, что мышленіе не можетъ быть чѣмъ-либо независимымъ отъ чувственнаго опыта и что умъ только перерабатываетъ ощущенія.

Но такъ какъ одновременно съ этимъ софисты, во главѣ которыхъ стоялъ Протагоръ (род. ок. 481 г.), весьма убѣдительно, повидимому, доказывали относительность и измѣнчивость нашихъ ощущеній и, признавъ зависимость отъ нихъ нашихъ понятій и выводовъ, пришли къ убѣжденію, что человѣкъ является мѣрою всѣхъ вещей и что истинное познаніе міра и его законовъ невозможно, то въ послѣдующій періодъ греческой философіи, главными представителями котораго являются Сократъ, Платонъ и Аристотель и который изображаетъ собою реакцію противъ скептическаго ученія софистовъ, возстановляется и развивается съ еще большею рѣзкостью противоположеніе ума, какъ орудія открытія истины, т. е. настоящихъ основъ всего существующаго,—чувственному опыту, знакомящему насъ только съ обманчивымъ міромъ явленій. Всего рѣзче выраженъ этотъ контрастъ въ философской системѣ Платона, въ которой міръ настоящаго бытія, міръ сущностей вещей или ихъ прототиповъ, міръ «идей» всего существующаго, какъ непосредственныхъ объектовъ созерцанія ума, органа истиннаго познанія, совершенно отдѣляется отъ міра обманчиваго, феноменальнаго бытія, служащаго объектомъ ощущеній. Аристотель значительно смягчилъ этотъ контрастъ, признавъ общія сущности вещей пребывающими въ нихъ самихъ, т. е. нераздѣльными отъ явленій, но и онъ все-таки противополагалъ другъ другу міръ феноменальный или индивидуальный, отражающійся въ нашихъ ощущеніяхъ, міру общихъ сущностей, какъ объектовъ понятій нашего ума, а потому, въ свою очередь, различалъ и первую философію, какъ науку объ общихъ сущ-

ностяхъ вещей, отъ второй, т. е. отъ науки объ индивидуальномъ ихъ существованіи. Вопросъ же о критеріяхъ истины, т. е. о средствахъ повѣрки достовѣрности нашихъ знаній, онъ считалъ столь же праднымъ, какъ вопросъ о томъ, спимъ ли мы или бодрствуемъ.

Стоики и Эпикурейцы такимъ образомъ впервые сознательно отнеслись къ вопросу, какія мы имѣемъ средства для повѣрки истинности нашихъ знаній и въ разрѣшеніи этого вопроса пришли къ результатамъ, частію сходнымъ, частію различнымъ. Сошлись они въ признаніи того, что умъ только перерабатываетъ продукты чувственнаго опыта и не имѣетъ никакихъ особыхъ объектовъ созерцанія, но критеріемъ истины Стоики признали именно такую правильную и всестороннюю переработку ощущеній, Эпикурейцы же—самыя ощущенія, служащія матеріаломъ для этой переработки.

Но одновременно съ такимъ уже сознательнымъ эмпиризмомъ снова развился и скептицизмъ (Пиррона и его послѣдователей), также болѣе сознательный, опять провозгласившій еще болѣе настойчиво, чѣмъ софисты, что всѣ наши воспріятія и идеи имѣютъ относительный характеръ и носятъ на себѣ индивидуальный отпечатокъ, и приводившій въ доказательство относительности и индивидуальности, основанныхъ на чувственномъ опытѣ знаній существенныя разногласія геніальныхъ философовъ предшествующей эпохи въ истолкованіи природы и управляющихъ ею началъ.

Этотъ скептицизмъ развивался и укрѣплялся въ теченіе пяти вѣковъ и породилъ то поверхностное, чисто внѣшнее, а въ сущности вполнѣ апатичное отношеніе къ наукѣ и истинѣ, которое выразилось въ римскомъ эклектизмѣ, въ произвольномъ и механическомъ подборѣ различныхъ выводовъ древнихъ философовъ съ цѣлью блеснуть знаніемъ и остроуміемъ, а при случаѣ и достигнуть тѣхъ или другихъ практическихъ, эгоистическихъ цѣлей. Лучшимъ представителемъ этого эклектизма, этой софистики римскаго періода, этого внѣшняго, равнодушнаго къ истинѣ просвѣщенія былъ ораторъ Цицеронъ.

Въ III в. послѣ Р. Хр. явилась новая сильная реакція противъ скептицизма и попытка возвращенія къ раціонализму Платона, т. е. къ ученію, признающему за орудіе открытія истины—умъ, непосредственно созерцающій настоящее, внутреннее бытіе вещей. Представительницею этой реакціи была школа Новоплатониковъ, основателемъ которой былъ Плотинъ (204—269). Но подъ вліяніемъ различныхъ религіозныхъ ученій, шедшихъ съ Востока, раціонализмъ Платона въ этой школѣ переродился въ чистѣйшій мистицизмъ, въ ученіе о не-

посредственномъ общеніи человѣка съ Богомъ и вообще сверхчувственнымъ міромъ.

Этотъ мистицизмъ уже оставилъ въ сторонѣ всякую критику орудій нашего познанія и призналъ возможность непосредственнаго созерцанія внутренняго бытія вещей непоколебимымъ догматомъ.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ, а именно до XI в., всецѣло господствовала эта мистическая теорія познанія, ибо вліяніе Новоплатоновской философіи на представителей христіанской церкви несомнѣнно было преобладающимъ.

Съ XI в. впервые начало ясно выражаться сомнѣніе нѣкоторыхъ духовныхъ мыслителей (Росцелинъ, Абеляръ въ XII в. и др.) въ возможности существованія особыхъ реальныхъ объектовъ для нашихъ общихъ понятій, въ смыслѣ отдѣльныхъ отъ индивидуальныхъ свойствъ «сущностей» вещей, и провозглашено было положеніе, что понятія нашего ума суть только «имена» (nomina), обнимающія совокупности означенныхъ индивидуальныхъ свойствъ. Это ученіе, являющееся возрожденіемъ эмпиризма и называвшее себя «номинализмомъ», вызвало опять,—вслѣдствіе нѣкоторыхъ смѣлыхъ приложеній его къ критикѣ религіозной догматики,—сильную реакцію въ видѣ Платоновскаго и Аристотелевскаго «реализма» или раціонализма, утверждавшаго, что умъ нашъ въ своихъ понятіяхъ имѣетъ особые реальные объекты, сущности вещей, пребывающія или въ особомъ мірѣ въ видѣ «идей» (крайній, Платоновскій реализмъ), или въ самыхъ вещахъ (умѣренный, Аристотелевскій реализмъ). До XIV в. реализмъ господствовалъ въ той или другой формѣ среди богослововъ, хотя и были попытки примиренія его съ номинализмомъ (арабскіе философы, Альбертъ Великій, Ѳома Аквинатъ). Только въ XIV в., благодаря англійскому мыслителю, Вильгельму Оккамскому, доказавшему несовмѣстимость номинализма съ реализмомъ и научную несообразность этого послѣдняго, номинализмъ одержалъ уже, повидимому, окончательную побѣду, и ученіе о существованіи идей внѣ человѣческаго ума было на вѣки погребено.

Но раціонализмъ вмѣстѣ съ средневѣковымъ реализмомъ не погибъ, а вскорѣ вновь ожилъ, хотя и въ новой формѣ. Объекты сверхчувственнаго познанія ума или разума, правда, уже перестали называться «идеями» и понятіе «идей» окончательно было закрѣплено за извѣстными психическими состояніями или явленіями, но особые внѣшніе объекты идей, общія сущности или субстанціи вскорѣ опять были признаны истинною основою всего существующаго, а познаніе этихъ сущностей разумомъ—основою вполнѣ достовѣрнаго и безошибочнаго изученія міра.

Впрочемъ, отнынѣ уже взгляды мыслителей на критеріи истиннаго познанія раздѣлились. Въ Англіи эмпиризмъ Вильгельма Оккамскаго нашелъ себѣ дальнѣйшихъ послѣдователей, преемство которыхъ не прерывается и до настоящаго времени и благодаря которымъ создались всѣ нынѣ существующія науки и, въ томъ числѣ, эмпирическая, т. е. научная, психологія. Даже эпоха возрожденія (въ XV и XVI в.), вызвавшая повсемѣстно на материкѣ (а отчасти и въ Англіи: Томасъ Морусъ) новый энтузіазмъ къ философскимъ системамъ Платона и Аристотеля, неспособна была поколебать убѣжденія большинства англійскихъ мыслителей въ правильности эмпирической теоріи познанія и новымъ геніальнымъ защитникомъ ея является въ началѣ XVII в. Франциск Бэконъ, задумавшій реформу всѣхъ наукъ на основахъ усовершенствованнаго чувственнаго наблюденія и опыта, какъ единственныхъ прочныхъ основъ для изученія природы и человѣка.

Эмпирическая теорія познанія Бэкона нашла себѣ въ Англіи новыхъ талантливыхъ приверженцевъ и истолкователей въ лицѣ Гоббса, Локка и Ньютона, въ XVII в., Гертли, Юма, Пристли и др., въ XVIII в. Правда, всѣ эти мыслители, вслѣдствіе младенческаго еще состоянія научной психологіи, весьма различно понимали и обосновывали эмпиризмъ, примѣшивая къ нему и нѣкоторыя метафизическія доктрины, напр., матеріалистическую (Гертли, Пристли) и скептическую (Юмъ).

Но все-таки необходимость постановки чувственнаго опыта въ основу познанія для всѣхъ ихъ не подлежала сомнѣнію, а идеи признавались ими въ томъ или другомъ смыслѣ лишь продуктами переработки ощущеній, внѣшнихъ или внутреннихъ (важное значеніе внутренняго опыта впервые понялъ еще Локкъ, а дальнѣйшія изслѣдованія его содержанія и значенія произвели Юмъ и Ридъ).

Такимъ образомъ эмпиризмъ, со времени побѣды номинализма надъ реализмомъ уже имѣлъ прочное положеніе въ теченіе всего новаго періода развитія мысли, а въ XVIII в. уже нашелъ себѣ приверженцевъ и на материкѣ, особенно во Франціи, въ школѣ французскихъ сенсуалистовъ. Но рядомъ съ нимъ развивался, какъ я уже упомянулъ, и принималъ всевозможныя новыя формы и преобразованный раціонализмъ, т. е. скрытый средневѣковый реализмъ. Въ расцвѣтѣ этого раціонализма несомнѣнно играла свою роль и эпоха возрожденія наукъ, приведшая къ новому изученію философскихъ системъ Платона и Аристотеля и вызвавшая опыты усовершенствованія началъ, лежащихъ въ основѣ этихъ системъ. Главнымъ творцомъ новаго раціонализма является французскій философъ-математикъ XVII в., Декартъ. Пораженный точностью

и достовѣрностью математическихъ наукъ, Декартъ пришелъ къ мысли о возможности распространенія дедуктивныхъ математическихъ методовъ изслѣдованія на всѣ прочія науки и прежде всего на изученіе самыхъ общихъ началъ всего существующаго. Чтобы оправдать такой тезисъ, Декартъ, разумѣется, прежде всего доказываетъ обманчивость чувственнаго опыта, употребляя при этомъ весьма шаткую и даже невѣрную аналогію, а именно проводя параллель между чувственнымъ опытомъ на яву и нашими грезами во снѣ. Декартъ, конечно, не сознаетъ, что уже самое различіе понятій «на яву» и «во снѣ», изъ котораго онъ выходитъ, служитъ препятствіемъ для такой параллели, такъ какъ въ понятіи «на яву» лежитъ идея полноты обладанія нашими познавательными средствами, а въ понятіи «сна» идея неполноты такого обладанія, откуда вытекаетъ уже несоизмѣримость воспріятій нашихъ на яву и во снѣ. Но выразивъ свой софизмъ въ такой обольстительной и изящной формѣ, которая и до настоящаго времени многихъ прельщаетъ, онъ уже считаетъ себя совершенно въ правѣ искать критерія истины внѣ чувственнаго опыта, въ нашемъ самосознаніи, въ процессѣ созерцанія умомъ его собственной природы и тѣхъ идей, которыя ему прирождены. Результатомъ является признаніе за критерій истины ясныхъ и отчетливыхъ идей нашихъ, при чемъ истинность такихъ идей выводится изъ соображенія, что совершенное Божество не захотѣло бы насъ обманывать, а существованіе этого совершеннаго Божества обратно выводится изъ ясной и отчетливой идеи о немъ. Но Декартъ не замѣчаетъ этого круга доказательствъ, и признавъ извѣстныя прирожденныя и не могущія насъ обманывать идеи, ставитъ объектами идей этихъ, внѣ насъ, особыя общія субстанціи и ихъ естественные аттрибуты. Очевидно, это ученіе Декарта о прирожденныхъ идеяхъ и общихъ субстанціяхъ по существу мало отличается отъ отвергнутаго еще въ XIV в. Платоновскаго раціонализма или «реализма»; но, благодаря новой талантливой формѣ изложенія, казавшейся въ то же время,—вслѣдствіе псевдоматематическихъ пріемовъ,—вполнѣ научною, раціонализмъ Декарта нашелъ себѣ новыхъ приверженцевъ и поборниковъ въ нѣкоторыхъ философахъ XVII и XVIII в., Малебраншѣ, Гейлинксѣ, Спинозѣ, Лейбницѣ, Вольфѣ и ихъ многочисленныхъ послѣдователяхъ. Большая часть этихъ раціоналистовъ приходитъ даже къ убѣжденію въ совершенной невозможности непосредственнаго воздѣйствія на насъ внѣшнихъ явленій чрезъ посредство ощущеній и, разсматривая ощущенія, какъ чисто субъективныя состоянія души, выводятъ возможность условнаго соотвѣтствія ихъ внѣшнимъ перемѣнамъ или изъ непосредственнаго, каждый разъ,

возбужденія ихъ въ нашемъ сознаніи Божествомъ (окказіоналисты Гейлинексъ и Малебраншъ) или изъ разъ навсегда «предустановленной Божествомъ гармоніи» между нашими ощущеніями и внѣшними перемѣнами (Лейбницъ). При убѣжденіи въ такой полнѣйшей разобщенности между сознаніемъ и міромъ, разумъ признается, конечно, единственнымъ вполнѣ компетентнымъ орудіемъ познанія истиннаго бытія вещей, ощущенія же считаются смутными и сбивчивыми модификаціями идей разума. Предположеніе, что ощущенія не отражаютъ собою истинныхъ свойствъ вещей, подтверждалось, впрочемъ, повидимому, и научнымъ анализомъ процесса ощущеній въ школѣ англійскихъ психолого-эмпириковъ (особ. Локка) и потому неудивительно, если и одинъ изъ послѣдователей Локка, а именно Беркли († 1753 г.) тоже пришелъ къ убѣжденію, что ощущенія наши совершенно субъективны и что отъ нихъ нельзя заключать къ существованію внѣшняго матеріальнаго міра, вслѣдствіе чего усомнился въ этомъ существованіи и призналъ единственно реальнымъ бытіе духовнаго міра, выражающееся въ идеяхъ и другихъ психическихъ функціяхъ «духовныхъ существъ». Эта доктрина, чисто идеалистическая, была чѣмъ-то среднимъ между раціонализмомъ и эмпиризмомъ, ибо Беркли обнимаетъ въ понятіи идей и ощущенія наши, не признавая рѣзкаго контраста между умомъ и чувственнымъ опытомъ, но въ то же время ставитъ объектомъ идей, въ обширномъ значеніи, нематеріальныя субстанціи. Поэтому неудивительно, что рядомъ съ Беркли, преемникомъ эмпирика Локка, къ той же идеалистической доктринѣ, независимо и по собственному утвержденію даже ранѣе его (въ 1703 г.), пришелъ англійскій послѣдователь раціоналиста Малебранша, Коллье.

Но отрицаніе матеріальнаго міра Берклеемъ и Коллье въ исторіи мысли XVIII в. является только вводнымъ эпизодомъ. Большинство мыслителей рѣзко раздѣлялось на два лагеря — эмпириковъ, признававшихъ орудіемъ истиннаго познанія міра чувственный опытъ и отрицавшихъ прирожденныя и независимыя отъ этого чувственнаго опыта идеи о сущностяхъ, и раціоналистовъ, признававшихъ основою истиннаго знанія прирожденныя идеи разума о міровыхъ субстанціяхъ и утверждавшихъ, что чувственный опытъ имѣетъ второстепенное значеніе въ изслѣдованіи началъ, управляющихъ міромъ.

Грандіозную попытку компромисса между эмпиризмомъ и раціонализмомъ осуществилъ въ концѣ XVIII в. Кантъ. Старую «догматическую» форму раціонализма онъ стремился разрушить, исходя изъ собственныхъ его основъ, т. е. побивъ его собственнымъ его оружіемъ. Вполнѣ признавая контрастъ видимыхъ, индивидуальныхъ вещей и ихъ вну-

треннихъ сущностей (вещей въ себѣ), т. е. феноменовъ и ноуменовъ, Кантъ въ своей «Критикѣ чистаго разума» краснорѣчиво доказалъ непознаваемость этихъ послѣднихъ, т. е. сущностей вещей,—и невозможность метафизики, какъ науки. Различая разумъ отъ чувственнаго опыта, какъ два различныя начала, онъ старался доказать, что разумъ имѣетъ не особые какіе-либо объекты познанія, а только обладаетъ извѣстными формами, которыя вкладываетъ въ чувственный опытъ и которыя внѣ матеріала, даваемаго чувственнымъ опытомъ, не имѣютъ никакого значенія. Во всемъ этомъ ученіи Кантъ является лишь новымъ, болѣе глубокимъ эмпирикомъ, пытающимся расчленить болѣе ясно элементы внѣшняго и внутренняго опыта въ процессѣ познанія. Но въ своей «Критикѣ практическаго разума» онъ находитъ новую лазейку для возстановленія опровергнутаго имъ раціонализма. Какъ скоро мы сами существуемъ, сразу и какъ феномены, и какъ ноумены, т. е. представляемся и «совокупностью явленій» и «вещью въ себѣ», то ясно, что чрезъ самихъ себя, чрезъ собственное, внутреннее самосознаніе, выражающееся въ извѣстныхъ нравственныхъ постулатахъ нашего «практическаго разума», мы можемъ проникнуть въ міръ ноуменовъ, или вещей въ себѣ. Отъ своего собственнаго ноумена, открывающагося намъ въ практическомъ разумѣ нашемъ, мы можемъ сдѣлать извѣстныя заключенія къ другимъ ноуменамъ, къ природѣ души вообще, Бога и вселенной. Таковъ былъ смыслъ второй части ученія Канта.

Но вѣдь въ сущности это послѣднее ученіе было ново только по формѣ и въ подробностяхъ своихъ. Главный же методъ—обоснованіе сверхчувственнаго познанія при помощи самосознанія—былъ тотъ же, что и у Декарта. Декартъ вѣдь тоже выводитъ идеи о сущностяхъ души, Бога и вселенной изъ собственнаго нашего самосознанія и различіе состояло лишь въ спеціальныхъ пріемахъ этого выведенія. Правда, Кантъ отдаетъ должное чувственному опыту, какъ источнику знаній, отдаетъ должное эмпирической наукѣ, основанной на этомъ чувственномъ опытѣ. Но въ этомъ-то его раздвоеніи и заключается слабая сторона его доктрины. Компромиссъ между эмпиризмомъ и раціонализмомъ, имъ достигнутый, былъ все-таки мнимый, заключалъ въ себѣ съ самаго начала фальшь. Дѣйствительно: если истинная природа вещей все-таки не открывается намъ при посредствѣ чувственнаго опыта и его интеллектуальной переработки, то къ чему же человѣкъ станетъ тратить силы свои на безплодное по существу изученіе «феноменовъ»? Если же признать, что изученіе феноменовъ способно дать правильное представленіе о мірѣ, то къ чему же еще предположеніе непознаваемыхъ «сущностей» вещей. Да и

если сущности вещей непознаваемы естественнымъ путемъ, то какимъ образомъ мы можемъ знать, что онѣ вообще существуютъ, какъ нѣчто самостоятельное отъ феноменовъ и имъ противоположное. Прежде, очевидно, слѣдовало бы познать сущности вещей, а затѣмъ утверждать, что онѣ существуютъ. Кантъ же дѣлаетъ наоборотъ, т. е. сначала утверждаетъ бытіе сущностей и затѣмъ уже изыскиваетъ способы ихъ познанія. Очевидно онъ былъ все-таки раціоналистомъ въ душѣ, т. е. признавалъ непоколебимою аксіомою, не требующею доказательствъ, что сущности имѣютъ реальное бытіе, и въ признаніи этой аксіомы является такимъ же догматикомъ, какимъ былъ его предшественникъ Вольфъ.

Въ виду указанныхъ противорѣчій и несообразностей въ ученіи Канта неудивительно, что его преемники раздѣлились на два лагеря, что одни, принявъ первую часть ученія Канта, отвергли самое понятіе «сущностей», какъ чего-то реальнаго, и оказались чистыми эмпириками,—другіе, прельстившись второю частью ученія Канта, отвергли первую, т. е. всякое довѣріе къ чувственному опыту, направленному на міръ феноменальный, и даже подвергли вновь сомнѣнію самое существованіе этого феноменальнаго міра, т. е. сдѣлались чистыми раціоналистами и идеалистами. Эти раціоналисты-идеалисты, Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ и др., дошли, подобно Элейцамъ и Беркли, до полнаго отождествленія бытія съ мышленіемъ (Гегель) и вообще съ функціями духа (у Шопенгауэра основа бытія—воля) и совершенно запутались въ мірѣ абсолютовъ и всякихъ произвольныхъ отвлеченій своей фантазіи.

Но наука эмпирическая, вновь оживленная и поднятая въ собственныхъ глазахъ «Критикою чистаго разума» Канта, продолжала проникать въ тайные законы явленій, при помощи разсудочной переработки данныхъ чувственнаго опыта и нашла себѣ новыхъ геніальныхъ покровителей, пытавшихся теоретически оправдать правильность ея пріемовъ и усовершенствовать эти послѣдніе (Ог. Контъ во Франціи, Гершель, Уэвель, Дж. Ст. Милль въ Англіи [1]). А при содѣйствіи такихъ усовершенствованныхъ пріемовъ чувственнаго опыта и помощью правильной переработки его матеріала, наука въ нашемъ вѣкѣ сдѣлала такіе громадные успѣхи, что поневолѣ является вѣро-

[1]) Отчасти въ томъ же направленіи, хотя и съ безсознательною примѣсью нѣкоторыхъ раціоналистическихъ тенденцій, работали Гербартъ и Бенеке въ Германіи, называвшіе себя, въ отличіе отъ упомянутыхъ выше «идеалистовъ»—«реалистами», но уже въ значеніи, противоположномъ средневѣковому.

ятнымъ предположеніе, что въ феноменахъ, доступныхъ этому чувственному опыту она изучаетъ настоящія сущности всего существующаго въ мірѣ и что предполагать въ вещахъ еще какія-либо особыя сущности, неуловимыя для чувственнаго опыта, нѣтъ основанія.

Однако философы нѣмецкой школы, послѣдователи раціоналистическихъ системъ нынѣшняго вѣка, все еще не оставляютъ науку въ покоѣ. Они упрекаютъ ее въ «наивномъ реализмѣ», они утверждаютъ, что вся она основана на инстинктивной, безотчетной вѣрѣ человѣка въ правильность показаній органовъ чувствъ и что такъ какъ эта правильность еще не доказана, такъ какъ достовѣрнаго критерія истинности чувственнаго опыта наука не имѣетъ, то слѣдовательно все ея зданіе построено на пескѣ и истинную природу міровыхъ началъ все-таки призвана открыть философія, которая при помощи особыхъ пріемовъ «критики понятій человѣческаго ума» можетъ проникнуть въ сокрытую область истиннаго бытія вещей. Нѣкоторыя видимыя основанія для такихъ утвержденій философія несомнѣнно имѣетъ. Истинность нашихъ чувственныхъ воспріятій, соотвѣтствіе ихъ содержанія настоящимъ свойствамъ вещей, дѣйствительно, научнымъ путемъ еще не доказана, между тѣмъ какъ такъ называемая субъективность ощущеній, возникающихъ при посредствѣ цѣлаго ряда физическихъ процессовъ въ средѣ и физіологическихъ процессовъ въ нашемъ организмѣ, которые изолируютъ наше сознаніе отъ дѣйствительныхъ его объектовъ, не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно, у науки, повидимому, и до сихъ поръ есть своя Ахиллесова пята, въ которую могутъ ее болѣе или менѣе удачно уязвлять философы-метафизики, и, если она хочетъ окончательно избавиться отъ этихъ непріятныхъ для нея уязвленій, то должна закрыть свою Ахиллесову пяту крѣпкою броней научныхъ аргументовъ. Другими словами, ей несомнѣнно предстоитъ еще задача разбить предположеніе о возможности какого-либо обмана со стороны нашихъ чувственныхъ воспріятій и доказать, что если чувственныя воспріятія и возникаютъ чрезъ посредство физическихъ движеній въ средѣ, отдѣляющей нашъ организмъ отъ предметовъ, и физіологическихъ процессовъ въ тканяхъ нашихъ, передающихъ эти физическія движенія сознанію, то все-таки они должны вполнѣ соотвѣтствовать въ своемъ содержаніи дѣйствительнымъ свойствамъ вещей и знакомить насъ съ истинною, а не мнимою природою этихъ послѣднихъ. Еще иначе формулируя задачу науки, можно сказать, что она должна найти прочное оправданіе «наивному реализму», превратить этотъ реализмъ изъ наивнаго въ «ненаивный», созна-

тельный, найти научные критеріи истинности ощущеній и при помощи такихъ общихъ научныхъ критеріевъ доказать тезисъ эпикурейцевъ, что въ самомъ процессѣ познанія міра, т. е. въ частныхъ случаяхъ, сами ощущенія наши являются наилучшимъ реальнымъ критеріемъ того, что существуетъ и что не существуетъ. Если бы ей удалось выполнить эту задачу, то тогда она совершенно уничтожила бы возможность возвращенія человѣчества, въ какой бы ни было формѣ, къ раціонализму, и философія получила бы разъ навсегда мѣсто, ей подобающее,—значеніе чисто-субъективнаго и относительнаго, основаннаго на временныхъ пробѣлахъ науки, синтеза знаній.

Но какимъ образомъ наука могла бы оправдать наивный реализмъ, вѣру человѣка въ истинность его чувственныхъ воспріятій? Прямымъ путемъ это, повидимому, неудобно, ибо если признать выводъ современной психологіи, что внѣ чувственнаго опыта, внѣшняго и внутренняго, никакихъ другихъ источниковъ для нашего знанія не можетъ существовать, то вѣдь правильность его показаній не можетъ быть провѣрена прямо никакимъ другимъ путемъ, какъ при помощи того же чувственнаго опыта. Конечно, можно предположить, что согласіе показаній различныхъ органовъ чувствъ между собою служитъ уже отчасти ручательствомъ того, что они насъ не обманываютъ. Но на это раціоналисты все-таки могутъ отвѣтить, что, если одинъ органъ чувствъ даетъ ошибочныя представленія о мірѣ, то и всѣ органы чувственнаго опыта въ совокупности могутъ насъ обманывать, хотя бы для объясненія такого страннаго феномена и пришлось даже предположить, что какая-нибудь внѣшняя сила, напр. создавшее насъ Божество, такъ хитро насъ организовало, что обманы всѣхъ органовъ чувствъ вполнѣ согласуются другъ съ другомъ. Разумѣется для настоящаго эмпирика такой отвѣтъ раціоналистовъ покажется слабымъ, хотя бы уже потому, что отрицая возможность доказать достовѣрность чувственнаго опыта путемъ его же самого, раціоналисты всѣхъ временъ считали въ то же время дозволеннымъ доказывать достовѣрность показаній «разума» изъ соображеній, къ которымъ приводитъ человѣка этотъ же самый предполагаемый разумъ его. Но допустивъ даже вѣрность тезиса раціоналистовъ, что чувственный опытъ самъ своей достовѣрности оправдать не можетъ, спрашивается, нѣтъ-ли другихъ несомнѣнныхъ аргументовъ въ пользу его достовѣрности, хотя бы они были и косвенные?

По нашему мнѣнію такіе косвенные аргументы въ пользу достовѣрности чувственнаго опыта есть и ихъ можно раздѣлить на два класса: отрицательныхъ и положительныхъ. Отрицательные аргу-

менты сводятся къ указанію нелѣпыхъ послѣдствій предположенія, что ощущенія насъ обманываютъ. Положительныя сводятся къ выводу изъ несомнѣнныхъ научныхъ соображеній заключенія о необходимости соотвѣтствія ощущеній ихъ объектамъ. Вполнѣ рѣшающими вопросъ являются конечно только второго рода доказательства, а именно положительныя. Но такъ какъ и отрицательныя доказательства, приводя къ тому же результату, какъ и положительныя, служатъ подкрѣпленіемъ для этихъ послѣднихъ, то мы ими не станемъ пренебрегать и приведемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Предварительно однако мы должны сдѣлать еще одно замѣчаніе. Всѣ эти доказательства будутъ основаны на выводахъ ума. Въ такомъ признаніи однако никакого противорѣчія быть не можетъ, ибо въ возможности истиннаго знанія вообще не сомнѣваются и метафизики, признающіе умственную дѣятельность не простою переработкою данныхъ умственнаго опыта, внѣшняго и внутренняго, а дѣятельностью sui generis, особаго рода, правильность которой опирается не на чувственный опытъ, а на какія-либо апріорныя идеи. Возможность истиннаго знанія вообще отрицалъ только абсолютный скептицизмъ. Но этотъ «абсолютный скептицизмъ» давно уже составляетъ миѳъ. Въ новое время скептицизмъ всегда былъ «условнымъ», т. е. выражался въ формѣ отрицанія раціоналистами чувственнаго опыта (ср. Вундтъ. Логика I, 359). Но возможность вообще, на той или другой основѣ, достигнуть истиннаго знанія, въ новѣйшее время уже не подвергается сомнѣнію, потому что эта возможность подтверждается очевиднымъ для всякаго безпристрастнаго наблюдателя прогрессомъ человѣческихъ знаній и плодотворными практическими приложеніями этихъ знаній къ улучшенію условій внѣшней жизни человѣка. Поэтому-то и возможность правильныхъ дѣйствій нашего ума, выражающихся въ выводахъ науки, никѣмъ болѣе не подвергается сомнѣнію; вопросъ же о томъ, на что въ концѣ концовъ опирается правильность этихъ дѣйствій ума, для насъ имѣетъ пока второстепенное значеніе. Какъ скоро изъ несомнѣнно достовѣрныхъ выводовъ науки и новыхъ соображеній, которыя придется признать научно-обоснованными, мы придемъ къ заключенію, что чувственный опытъ насъ не можетъ обманывать, то тогда упомянутый вопросъ о конечныхъ основахъ истиннаго знанія самъ собою разрѣшится въ томъ смыслѣ, что именно чувственный опытъ, а не что-либо другое, и служитъ единственнымъ ручательствомъ этого истиннаго знанія.

Вѣдь и раціоналисты, приходя на основаніи логическихъ соображеній къ выводу о недостовѣрности чувственнаго опыта и о томъ, что кри-

терій истиннаго знанія лежитъ въ самомъ умѣ или «разумѣ», должны были допускать уже истинность этихъ своихъ логическихъ соображеній и, слѣдовательно, возможность истиннаго знанія. Вся наша задача будетъ состоять лишь въ томъ, чтобы доказать, что эти логическія соображенія, будучи поставленыдъ связь съ несомнѣнно достовѣрными выводами науки и будучи правильно построены, приводятъ къ результату, противоположному выводамъ раціоналистовъ, т. е. къ убѣжденію въ достовѣрности чувственнаго опыта, въ соотвѣтствіи его показаній съ тѣмъ, что въ дѣйствительности внѣ насъ существуетъ. Если математикъ или физикъ, на основаніи какой-либо формулы, признаваемой всѣми правильною, вычислитъ какое-либо соотношеніе величинъ, въ нее входящихъ, то вѣдь мы признаемъ выводъ объ этомъ соотношеніи величинъ вполнѣ правильнымъ. Точно также если изъ какихъ-либо общепринятыхъ положеній науки мы выведемъ достовѣрность извѣстныхъ воспріятій, которыя входили ингредіентомъ въ составъ этихъ общихъ положеній, т. е. послужили для нихъ основою, то этотъ выводъ тоже придется признать правильнымъ. Далѣе, если при помощи однихъ математическихъ вычисленій математикъ доказываетъ правильность основаній, изъ которыхъ онъ выходилъ въ другихъ своихъ математическихъ вычисленіяхъ, то такое доказательство будетъ признано убѣдительнымъ. Такимъ же образомъ и вообще, если при помощи однихъ дѣйствій ума мы докажемъ правильность основаній, на которыя опирались другія дѣйствія ума, то такое доказательство придется признать убѣдительнымъ. Слѣдовательно, оставивъ пока совершенно въ сторонѣ вопросы о томъ, откуда берутся истинныя знанія и на что опираются въ концѣ концовъ правильныя дѣйствія ума, мы, при помощи этихъ дѣйствій ума, попытаемся доказать достовѣрность нашего чувственнаго опыта. Начнемъ, какъ и предполагали, съ доказательствъ отрицательныхъ.

Если бы мы предположили, что ощущенія насъ обманываютъ, то откуда бы человѣкъ взялъ основанія для разграниченія нормальныхъ ощущеній въ бодрствующемъ состояніи отъ сновидѣній, иллюзій и галлюцинацій? Можно, конечно, сказать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ человѣкъ можетъ и не знать, бредитъ ли онъ или ощущаетъ на яву, ощущаетъ ли дѣйствительно или только галлюцинируетъ, ощущаетъ ли правильно или только впадаетъ въ иллюзію. Но возможность частныхъ смѣшеній ощущеній съ сновидѣніями, галлюцинаціями или иллюзіями еще ничего не доказываетъ. Во снѣ мы можемъ принимать сновидѣнія за дѣйствительныя ощущенія, но на яву мы отлично знаемъ, что не спимъ, а бодрствуемъ и обратное признаніе ощущеній за сновидѣнія невоз-

можно иначе, какъ въ шутку или въ болѣзненномъ состояніи. Слѣдовательно непоколебимое общее убѣжденіе наше въ существованіи различія между ощущеніями, съ одной стороны,—иллюзіями, галлюцинаціями и сновидѣніями, съ другой, служитъ лучшимъ доказательствомъ возможности для человѣка правильныхъ ощущеній. Чтобы различать ощущенія отъ другихъ перечисленныхъ явленій, необходимо уже имѣть хоть одно правильное ощущеніе, которое бы служило основою для такого различенія, а если возможно одно правильное ощущеніе, то возможны и многія. Признаки, которые лежатъ въ основаніи понятій «сновидѣній, иллюзій и галлюцинацій», суть признаки чисто отрицательные, т. е. составленные изъ отрицанія признаковъ нормальныхъ ощущеній. Слѣдовательно тотъ, кто признаетъ различіе ощущеній, сновидѣній, галлюцинацій и иллюзій, уже допускаетъ возможность правильныхъ ощущеній... Между тѣмъ этого различія никто никогда не отрицалъ. Даже Декартъ употребляетъ термины сновидѣній и ощущеній, какъ соотвѣтствующіе различнымъ группамъ явленій. И если онъ потомъ снова приравниваетъ ощущенія сновидѣніямъ, то онъ уже впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо признаетъ тождественнымъ то, что только-что признавалъ различнымъ. Только при помощи паралогизма или софизма, т. е. ненамѣреннаго (вслѣдствіе невѣдѣнія) или намѣреннаго неправильнаго (основаннаго на сознательно-невѣрной посылкѣ) умозаключенія, возможно было Декарту притти къ выводу, что ощущенія столь же обманчивы, какъ и сновидѣнія, ибо въ понятіяхъ ощущеній,—въ отличіе отъ сновидѣній,—и лежитъ уже признакъ правильности въ противоположность признаку обманчивости, свойственному этимъ послѣднимъ. Признавая обманчивость ощущеній, Декартъ и другіе раціоналисты должны уже eo ipso отвергнуть всякое различіе между ощущеніями, сновидѣніями, иллюзіями и галлюцинаціями и всѣ эти термины признать синонимами, а это было бы абсурдомъ, котораго они впрочемъ и не допускаютъ.

Далѣе. Если бы ощущенія насъ обманывали, то нельзя было бы предположить возможности никакого «дѣйствія» нашего, никакой «дѣятельности». Понятія дѣйствія, дѣятельности предполагаютъ уже существованіе извѣстныхъ объектовъ, на которые они направлены. Если же есть объекты, то какимъ образомъ мы могли бы дѣйствовать на нихъ, если бы ощущенія неправильно намъ ихъ изображали? Аргументъ этотъ, хотя и старый, но весьма сильный. Если вообще существуетъ объективный міръ, нѣчто внѣ насъ, а въ этомъ мы убѣждаемся даже изъ своего внутренняго опыта (какъ признаютъ и сами идеалисты, выводя бытіе

«не я» изъ сознанія бытія нашего «я»), то вѣдь въ понятіи этого объективнаго міра уже лежитъ понятіе о взаимодѣйствіи нашемъ съ этимъ объективнымъ міромъ, которое можетъ быть и разрушительнымъ для нашего собственнаго существованія (въ чемъ опять убѣждаемся изъ нашего внутренняго опыта, изъ чувства боли, изъ страданій своихъ). Если же такъ, то какимъ образомъ мы бы могли избѣгнуть немедленнаго разрушенія, какъ не при помощи ощущеній, вполнѣ соотвѣтствующихъ природѣ объектовъ. Если бы этихъ правильныхъ ощущеній не было, то мы бы рисковали ежеминутно сдѣлаться, тѣмъ или инымъ путемъ, жертвою своего взаимодѣйствія съ объективнымъ міромъ, жертвою неправильныхъ дѣйствій нашихъ въ отношеніи къ нему, обусловливаемыхъ неправильными ощущеніями. Слѣдовательно, признаніе обманчивости ощущеній ведетъ къ признанію невозможности не только взаимодѣйствія съ объектами, но и самаго существованія объектовъ, а слѣдовательно и нашей дѣятельности вообще и самаго нашего существованія, проявляющагося въ этой дѣятельности. Всѣхъ этихъ абсурдовъ тоже не допускаютъ раціоналисты, вслѣдствіе чего и впадаютъ въ явныя противорѣчія въ нѣкоторыхъ своихъ утвержденіяхъ.

Затѣмъ отрицательнымъ доказательствомъ правильности ощущеній, соотвѣтствія ихъ объектамъ, является еще возможность искусственнаго воспроизведенія объективныхъ явленій и предметовъ, на основаніи этихъ ощущеній и ихъ переработки. Если бы ощущенія насъ обманывали и не соотвѣтствовали внутренней природѣ вещей, то мы ни одну вещь не могли бы знать вполнѣ, во всемъ ея составѣ, а слѣдовательно и искусственное воспроизведеніе предметовъ и явленій, вполнѣ тождественныхъ тѣмъ, которые создала сама природа, не было бы возможно. Другими словами, признаніе обманчивости ощущеній вело бы логически къ новому абсурду,—къ отрицанію возможности искусственнаго воспроизведенія этихъ ощущеній при помощи искусственнаго построенія объектовъ, ихъ вызывающихъ. Тождественность ощущеній, получаемыхъ нами отъ предметовъ, естественныхъ и искусственныхъ, т. е. созданныхъ рукою самого человѣка, служитъ лучшею повѣркою правильности этихъ ощущеній, соотвѣтствія ихъ истинной природѣ внѣшняго міра.

Наконецъ, приведемъ еще отрицательное же доказательство этого соотвѣтствія ощущеній природѣ внѣшнихъ объектовъ. Если бы ощущенія насъ обманывали, то невозможно было бы никакое умственное общеніе между живыми существами. Древніе скептики, на основаніи убѣжденія въ обманчивости ощущеній, и дѣлали именно это, совершенно

послѣдовательное, заключеніе о невозможности передачи людьми другъ другу своихъ идей, ибо несомнѣнно, что въ этой передачѣ идей важную роль играютъ именно ощущенія. Мы производимъ извѣстныя голосовыя движенія, которыя ощущаются другими лицами и по которымъ это другое лицо истолковываетъ наши идеи. Если бы эти ощущенія не соотвѣтствовали своему объекту, тѣмъ движеніямъ нашимъ, которыя ихъ вызвали, то вѣдь другое лицо никогда бы не могло знать нашихъ идей,— умственное общеніе людей помощью языка было бы невозможно и пришлось бы именно признать тотъ абсурдъ, который проповѣдывали ученики Пиррона въ древности, а именно, что «если бы человѣкъ и зналъ что-либо, то никому не могъ бы передать этихъ знаній». Въ XIX в. поддерживать съ успѣхомъ такой тезисъ было бы уже невозможно.

Но всѣхъ этихъ доказательствъ все-таки недостаточно, ибо они въ сущности ведутъ лишь къ признанію противорѣчій, къ которымъ приводитъ предположеніе раціоналистовъ относительно обманчивости чувственнаго опыта, и ео ipso доказываютъ лишь значительную вѣроятность соотвѣтствія ощущеній объектамъ, а не необходимость этого соотвѣтствія. Эта необходимость можетъ быть выведена только дедуктивнымъ путемъ, изъ доказанныхъ научныхъ истинъ, а не изъ фактовъ, которые сами въ концѣ концевъ констатируются лишь содержаніемъ нашего чувственнаго опыта.

Вполнѣ доказанною научною истиною является въ наше время то положеніе, что сложныя тѣла, называемыя «организмами», суть лишь сложныя трансформаціи тѣлъ болѣе простыхъ и могли произойти лишь постепенно, подъ вліяніемъ приспособленій ихъ къ окружающей средѣ и различныхъ сложныхъ воздѣйствій этой послѣдней.

Иной вопросъ, какъ совершалась эта эволюція, это развитіе,— борьба ли за существованіе, естественный ли подборъ, или другія явленія въ самомъ существованіи организмовъ, объясняютъ развитіе различныхъ частностей ихъ организаціи. Иной вопросъ также, имѣютъ ли различные организмы одинъ общій прототипъ, развились ли изъ одной общей органической ячейки или нѣтъ, т. е. изъ многихъ, съ самаго начала различныхъ протоорганическихъ формъ. Все это особые вопросы, которые наука можетъ въ будущемъ разрѣшить различно. Не подлежитъ сомнѣнію лишь одно, что всѣ организмы суть продукты постепенной эволюціи, т. е. цѣлаго ряда трансформацій и осложненій тѣхъ самыхъ первоначальныхъ веществъ, изъ которыхъ состоитъ и неорганическая матерія. Этотъ общій выводъ доказывается не одними только біологическими соображеніями, но и изслѣдованіями точныхъ наукъ объ

организмахъ,—анатоміи, физіологіи, эмбріологіи и, наконецъ, органической химіи. Между тѣмъ изъ этого несомнѣнно истиннаго научнаго вывода слѣдуетъ, что организмы создала сама природа, что всѣ органы чувственнаго опыта представляютъ лишь дальнѣйшую дифференціацію, подъ вліяніемъ воздѣйствій самой природы, той первоначальной чувствующей поверхности, которая ощущала только механическіе толчки и движенія въ окружающей средѣ и вызывала тѣмъ самымъ организмъ къ соотвѣтственнымъ имъ отвѣтнымъ механическимъ толчкамъ и движеніямъ. А если такъ, то изъ упомянутаго же положенія современной науки вытекаетъ и необходимость полнаго соотвѣтствія нашихъ ощущеній свойствамъ вещей. Если эти самыя вещи и ихъ свойства вызвали дифференціацію чувствующей поверхности организма и образованіе различныхъ органовъ чувствъ, служащихъ для передачи ихъ въ сознаніе организма, то ощущенія, какъ продукты самой природы, нами ощущаемой, должны правильно отражать ея свойства.

Человѣкъ строитъ себѣ домъ и дѣлаетъ себѣ мебель, сообразно своимъ потребностямъ и свойствамъ. Природа точно также должна была выстроить организмъ, сообразно своимъ потребностямъ и свойствамъ: эти свойства должны были непремѣнно отразиться на всемъ устройствѣ организма, а слѣдовательно и тѣхъ частей, которыя называются органами чувствъ. Такой выводъ нисколько не противорѣчитъ признанію «субъективнаго» характера нашихъ ощущеній, факта извѣстнаго отраженія въ нихъ и нашей собственной природы, ибо если наша собственная природа есть продуктъ творчества общей природы и часть ея самой, то изъ этого уже ясно, что эта наша собственная природа не можетъ давать нашимъ ощущеніямъ такого характера, который бы не соотвѣтствовалъ характеру природы общей. Состоянія нашего собственнаго организма, какъ части природы и ея продукта, не могутъ не соотвѣтствовать состояніямъ этой природы, его создавшей. Пусть ощущенія непосредственно являются только продуктами нашихъ физіологическихъ процессовъ,—если эти физіологическіе процессы по существу тождественны процессамъ внѣшней среды, то результаты ихъ должны соотвѣтствовать свойствамъ этой внѣшней среды. Наше представленіе путемъ физіологическихъ процессовъ выражается въ словѣ, это слово помощью физическихъ процессовъ въ средѣ передается другому организму и въ этомъ другомъ организмѣ возбуждаетъ, въ свою очередь, извѣстные физіологическіе процессы, которые приводятъ къ образованію въ сознаніи его того же представленія, какое было въ насъ самихъ. То же самое происходитъ и во взаимодѣйствіи между нами и природой не-

одушевленной. Свойство какого-либо предмета вызываетъ рядъ физическихъ движеній въ средѣ, эти физическія движенія возбуждаютъ въ насъ физіологическіе процессы, результатъ которыхъ долженъ вполнѣ соотвѣтствовать упомянутому свойству предмета, а такъ какъ этотъ результатъ есть «ощущеніе свойства предмета», то это ощущеніе не само по себѣ, а по своему содержанію должно быть тожественно свойству предмета. Стало быть, лучшее доказательство въ пользу достовѣрности чувственнаго опыта мы находимъ въ развитіи современнаго научнаго вывода объ условіяхъ происхожденія организма. Эмпедоклъ, этотъ Дарвинъ древности, первый предчувствовавшій и современную теорію происхожденія организмовъ, угадалъ правильно, что тождество нашего организма съ природою есть лучшая основа для объясненія процесса ощущенія и лучшее ручательство достовѣрности чувственнаго опыта. Если же онъ развилъ это ученіе въ подробностяхъ, при помощи господствовавшей въ его время гипотезы о четырехъ стихіяхъ, изъ которыхъ состоитъ какъ вся природа, такъ и организмъ человѣка, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Основная мысль его все-таки была совершенно правильная: «Мы ощущаемъ подобное подобнымъ», а именно тѣломъ своимъ другія тѣла, ему подобныя, и эти ощущенія должны быть правильны, особенно когда доказано, что наше тѣло и, въ частности, тѣ тѣла, которыя называются органами чувствъ, созданы самою природою, ея непрерывнымъ воздѣйствіемъ на организмы вообще.

Такимъ образомъ, наивный реализмъ отнынѣ перестаетъ быть наивнымъ: современная наука заключаетъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы сдѣлать его сознательнымъ и вполнѣ разумнымъ. Упрекъ философовъ, что вся наука зиждется на «наивномъ реализмѣ», на наивномъ довѣріи къ показаніямъ органовъ чувствъ, уже не можетъ имѣть силу въ наше время и долженъ быть признанъ несостоятельнымъ тѣми философами, которые способны мыслить безпристрастно и итти впередъ вмѣстѣ съ наукой. Конечно, про нѣкоторыхъ философовъ всего удобнѣе сказать, что они не хотятъ ничему научиться и не хотятъ ничего забыть; но не всѣ же философы принадлежатъ къ этой печальной породѣ людей, произвольно себя ослѣпляющихъ. Впрочемъ, и тѣ философы, которые согласятся съ нашимъ доводомъ въ пользу ненаивности современнаго quasi-наивнаго реализма науки, еще будутъ имѣть, повидимому, основаніе утверждать, что если не теперь, то прежде наука строилась на наивномъ реализмѣ и что до сихъ поръ по крайней мѣрѣ она не имѣла основаній допускать достовѣрность показаній чувственнаго опыта. Такъ ли это?

Мы попытаемся теперь доказать, на основаніи соображеній другой науки, психологіи, что каждый человѣкъ имѣетъ, помимо научныхъ соображеній о происхожденіи своего организма, внутреннія, вполнѣ твердыя основанія для убѣжденія своего въ достовѣрности ощущеній, т. е. въ соотвѣтствіи ихъ свойствамъ объектовъ. Уже давно (со времени Локка и Юма) психологи указывали на то, что въ переработкѣ нашего внѣшняго чувственнаго опыта участвуютъ нѣкоторыя представленія и понятія, заимствованныя нами изъ опыта внутренняго. Со времени же распространенія ученія Канта о субъективныхъ формахъ познанія, этотъ выводъ признаютъ въ той или другой формѣ вполнѣ достовѣрнымъ всѣ психологи. Мы лично поставили этотъ выводъ тоже въ основу своей теоріи познанія, разработанной въ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики», и старались доказать, что эти представленія и понятія внутренняго происхожденія въ концѣ концовъ являются продуктами переработки нашихъ внутреннихъ ощущеній (стр. 145—148, 165—176, 229—233, 244—248 упомин. соч.). Ошибка Канта, по нашему мнѣнію, состояла только въ томъ, что, признавъ совершенно правильно внутреннее происхожденіе извѣстныхъ идей, которыми мы пользуемся при истолкованіи своего внѣшняго чувственнаго опыта, онъ предположилъ все-таки ихъ прирожденность, признавъ ихъ готовыми данными въ умѣ каждаго человѣка, какъ только онъ появился на свѣтъ. Мы же отрицаемъ эту прирожденность упомянутыхъ идей и стараемся выяснить постепенное происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ переработки и осложненія внутреннихъ ощущеній, относящихся къ дѣятельности нашего собственнаго организма. Въ числѣ этихъ идей внутренняго происхожденія находятся, напр., и идеи пространства, времени, причины и дѣйствія. Ощущая различныя перемѣны въ разныхъ частяхъ своего тѣла и, между прочимъ, также въ разныхъ органахъ внѣшняго чувственнаго опыта, мы тотчасъ же изъ этихъ внутреннихъ ощущеній образуемъ представленіе о своемъ собственномъ «протяженномъ» тѣлѣ, которое потомъ переносимъ и на всѣ внѣшніе предметы, затѣмъ обобщаемъ эти представленія о протяженныхъ тѣлахъ въ конкретное понятіе о протяженности вообще, а затѣмъ въ отвлеченное понятіе пространства. Точно также, ощущая перемѣны въ себѣ послѣдовательно, мы образуемъ представленіе о «преемствѣ» состояній, составляющихъ нашу жизнь, и переносимъ его уже затѣмъ на внѣшнюю дѣйствительность, т. е. предполагаемъ преемство событій внѣ насъ, а всѣ эти преемства обобщаемъ сначала въ конкретное понятіе о преемствѣ или послѣдовательности вообще и затѣмъ въ отвле-

ченное понятіе времени. Далѣе, ощущая непосредственно постоянныя «повторенія» извѣстныхъ преемствъ нашихъ состояній и ихъ коррелатовъ [1])—дѣйствій нашихъ, мы составляемъ вскорѣ представленіе о зависимости этихъ состояній и дѣйствій другъ отъ друга, переносимъ это представленіе на внѣшнія соотношенія явленій и, въ концѣ концовъ, образуемъ въ своемъ умѣ отвлеченное понятіе причинной зависимости всѣхъ явленій міра. Но наиболѣе общею и отвлеченною изъ всѣхъ нашихъ идей, имѣющихъ основою своею внутренній опытъ нашъ, является, конечно, идея однообразія, неизмѣнности всего существующаго, т. е. однообразія природы. Эта идея тоже сначала образуется изъ данныхъ нашего внутренняго опыта, изъ наблюденія постоянной однородности испытываемыхъ нами состояній и обнаруживается въ представленіи нашего «я», какъ чего-то неизмѣннаго. Затѣмъ она переносится на внѣшніе предметы, а изъ обобщенія неизмѣнности насъ самихъ и всѣхъ предметовъ нашего опыта образуется постепенно отвлеченное понятіе однообразія природы. Это-то понятіе однообразія природы, существованіе котораго, хотя бы въ смутномъ видѣ, можно замѣтить уже у десятилѣтняго ребенка и которое всецѣло построено на внутреннемъ опытѣ, на переработкѣ непосредственнаго содержанія нашего самосознанія, и служитъ основою для убѣжденія каждаго человѣка въ правильности его ощущеній, въ соотвѣтствіи ихъ съ объектами, такъ какъ изъ идеи однообразія природы логически вытекаетъ и идея однообразія законовъ нашего внутренняго міра и законовъ міра внѣшняго, и увѣренность, что наши ощущенія, являясь продуктомъ дѣйствія на насъ этого внѣшняго міра, не могутъ не передавать свойствъ этого міра въ ихъ дѣйствительномъ видѣ.

Конечно, справедливо, что всѣ эти логическія разсужденія и выводы впервые дѣлаются совершенно инстинктивно, непроизвольно, отчасти даже безсознательно. Вслѣдствіе этого реализмъ ребенка, довѣряющаго свидѣтельству внѣшнихъ чувствъ, дѣйствительно, пожалуй, является «наивнымъ». Но когда люди достигли полнаго самосознанія и обновили въ своемъ умѣ сознательно и произвольно выводъ объ однообразіи природы и неизмѣнности ея законовъ, изъ котораго и вытекаетъ убѣжденіе ихъ въ достовѣрности своего чувственнаго опыта, то реализмъ этихъ людей уже нельзя назвать ни инстинктивнымъ, ни «наивнымъ». Наука же, какъ выраженіе высшей ступени сознательности человѣка, уже давно не только сознательно и произвольно, но и методически

[1]) Т. е. явленій съ ними соотносящихся.

(путемъ экспериментовъ)обосновала законъ однообразія природы, и потому, какъ скоро мы признали, что этотъ законъ служитъ уже вполнѣ достаточнымъ критеріемъ для признанія истинности нашихъ ощущеній, то должны согласиться и съ тѣмъ, что упрекать эту науку въ наивномъ реализмѣ, давнымъ давно уже неумѣстно. Болѣе того: даже и логическое значеніе этого закона однообразія природы, значеніе его, какъ основы всякой познавательной дѣятельности человѣка, указано уже два вѣка назадъ знаменитымъ ученымъ Ньютономъ [1]),— на какомъ же основаніи философы въ правѣ упрекать науку, хотя бы недавняго прошлаго, въ «наивномъ реализмѣ»?

Всякій ученый, сознательно довѣрившійся своему чувственному наблюденію и опыту, давно уже дѣлаетъ заключеніе о необходимости соотвѣтствія своихъ ощущеній свойствамъ объектовъ именно на основаніи закона однообразія природы и утверждать противное значило бы уже очень низко ставить разсудочныя силы ученыхъ, изучающихъ природу эмпирически. Оставалось лишь научно оправдать это полное однообразіе природы, т. е. выяснить его причины или источники, доказать, что однообразіе природы есть не только фактъ, неподлежащій сомнѣнію, но и безусловная необходимость, и именно это научное доказательство находится нынѣ въ распоряженіи ученыхъ, убѣдившихся при помощи научныхъ изслѣдованій природы въ томъ, что организмъ человѣка есть лишь продуктъ развитія самой природы въ процессѣ постепеннаго приспособленія ея отдѣльныхъ частей другъ къ другу (организмовъ къ неорганической матеріи и обратно).

Разъ имѣя такое научное доказательство необходимости однообразія природы, наука въ правѣ нынѣ поставить уже въ формѣ неопровержимаго тезиса, что ощущенія наши, при извѣстныхъ условіяхъ, которыя доступны точному опредѣленію, служатъ наидучшимъ критеріемъ того, что существуетъ въ мірѣ, и что философія совершенно напрасно возводитъ отдѣльные случаи обмановъ чувствъ въ общее положеніе объ обманчивости всѣхъ ощущеній и на этомъ положеніи строитъ утвержденіе, что только она, философія, опираясь на «разумъ», какъ особую познавательную силу, призвана открыть истинную сущность бытія міра. Если бытіе міра когда-нибудь и будетъ выяснено вполнѣ, во всѣхъ

[1]) Въ своей «Phylosophiae naturalis principia mathematica» подъ именемъ «regulae phylosophandi» онъ высказываетъ, между прочимъ, въ качествѣ руководящаго принципа познанія, положеніе, что effectuum naturalium ejusdem generis eadem sunt causae, которое прямо выражаетъ собою законъ однообразія природы (ср. Владиславлевъ, Логика, Историч. часть—о Ньютонѣ).

своихъ законахъ, то именно только помощью всесторонней интеллектуальной переработки человѣкомъ всѣхъ его ощущеній, открывающихъ ему различныя свойства этого бытія и доступныхъ искусственному усовершенствованію (микроскопы, телескопы, слуховыя трубы—телефоны и проч.).

Другими словами, только наука, со своими опытными методами, и способна открывать истинныя сущности вещей, выражающіяся безъ остатка въ ихъ феноменальныхъ свойствахъ, и отдѣленіе сущностей вещей отъ этихъ феноменальныхъ свойствъ есть абсурдъ, унаслѣдованный нѣкоторыми современными философами изъ незрѣлыхъ еще умозрѣній ихъ предшественниковъ въ прошлые вѣка. Мы увѣрены, что если бы Платонъ, Декартъ, Спиноза и Кантъ нынѣ возстали изъ гроба, то они бы первые посмѣялись надъ своимъ предположеніемъ о существованіи такихъ «общихъ сущностей вещей», внѣ индивидуальныхъ свойствъ этихъ послѣднихъ, и подали бы руку современнымъ ученымъ эмпирикамъ. Пора же сдать въ архивъ такое ни на чемъ не основанное (кромѣ какъ на фантазіи «философовъ») раздѣленіе бытія «феноменальнаго» отъ «ноуменальнаго», «вещей видимыхъ» отъ «вещей въ себѣ» и дружно приняться за разработку исключительно однихъ данныхъ усовершенствованнаго разными орудіями чувственнаго опыта человѣка. Вопросъ о критеріяхъ истиннаго знанія едва-ли нынѣ уже имѣетъ значеніе вопроса неразрѣшеннаго, загадочнаго, на обсужденіе котораго стоило бы тратить время и силы. Мы лично, по крайней мѣрѣ, закончимъ свой очеркъ повтореніемъ тезиса, что лучшимъ критеріемъ истиннаго знанія вообще служитъ научно доказанный законъ однообразія природы, изъ котораго логически вытекаетъ, что, въ отдѣльныхъ случахъ, для человѣка въ его процессѣ познанія природы единственнымъ критеріемъ дѣйствительно существующаго являются правильно организованныя чувственныя воспріятія его и другихъ людей.

КЪ ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦІИ НАУКЪ.

Научно-популярный этюдъ [1]).

Настоящая статья является краткимъ изложеніемъ тѣхъ мыслей о классификаціи наукъ, которыя авторъ развилъ въ прошломъ учебномъ году въ небольшомъ курсѣ, посвященномъ упомянутому вопросу и прочитанномъ въ первомъ полугодіи 1884 г. студентамъ Новороссійскаго университета. Курсъ этотъ въ то время не былъ еще обработанъ авторомъ въ литературной формѣ, такъ какъ ему хотѣлось дать мыслямъ своимъ время вылежаться и созрѣть. Нынѣ, послѣ шестимѣсячнаго промежутка, онъ считаетъ возможнымъ изложить печатно нѣкоторыя изъ нихъ, не для того, конечно, чтобы повѣдать міру какія-либо важныя открытія и не потому, чтобы онъ считалъ свои взгляды на данный предметъ окончательно созрѣвшими и установившимися, а исключительно только вслѣдствіе внутренней потребности систематизировать эти взгляды и подѣлиться ими съ людьми науки и съ образованными читателями вообще. Вопросъ о классификаціи наукъ настолько сложенъ, запутанъ и далекъ еще отъ окончательнаго своего разрѣшенія, что всякая попытка освѣтить его съ новой точки зрѣнія, какъ бы неудачна она ни была по своимъ результатамъ, должна встрѣтить сочувствіе въ людяхъ, чуждыхъ узкихъ тенденцій той или другой опредѣленной «школы» мысли и стремящихся исключительно къ открытію истины, откуда бы она ни пришла. Этимъ-то людямъ, признающимъ лишь одну тенденцію—познать истинныя отношенія вещей, авторъ и посвящаетъ настоящій скромный этюдъ свой.

I.

О научномъ значеніи классификаціи наукъ.

Прежде всего намъ необходимо остановиться на вопросѣ, составляетъ ли задача классификаціи наукъ въ свою очередь научную задачу. Вопросъ этотъ на первый взглядъ можетъ показаться страннымъ. Если до сихъ поръ этотъ вопросъ обсуждался людьми науки въ науч-

[1]) «Русское Богатство», 1884, № 11 и 12 и отдѣльно.

ныхъ трактатахъ, то какимъ образомъ можно сомнѣваться въ томъ, что онъ есть вопросъ научный? Но вникнемъ глубже въ дѣло. Если классификація наукъ есть, въ свою очередь, предметъ изслѣдованія науки, то въ какую же именно науку мы его отнесемъ? Если мы отнесемъ его въ какую-либо опредѣленную науку, то, значитъ, у насъ уже есть раздѣленіе науки вообще на ея отдѣлы, т. е. своего рода классификація наукъ, ранѣе, чѣмъ мы приступили къ осуществленію этой задачи научнымъ путемъ. Другими словами, подводя вопросъ о классификаціи наукъ подъ какой-либо разрядъ научныхъ вопросовъ, мы тѣмъ самымъ какъ бы уже признаемъ существованіе той научной классификаціи наукъ, которой ищемъ, а это своего рода petitio principii. Оттого-то большая часть мыслителей разрѣшала данное затрудненіе простымъ выдѣленіемъ вопроса о классификаціи наукъ изъ сферы спеціальныхъ наукъ въ область философіи, которая ставилась особнякомъ и во главѣ всѣхъ наукъ. Но это выдѣленіе только формально рѣшало затрудненіе. Дѣло въ томъ, что тѣ же самые мыслители признавали все-таки и самую философію наукой [1]) и, опредѣляя, такъ или иначе, ея мѣсто въ общей системѣ наукъ, тѣмъ самымъ все-таки предрѣшали ту самую задачу классификаціи наукъ, которую надлежало разрѣшить,—въ числѣ другихъ задачъ,—философіи, какъ наукъ съ извѣстнымъ содержаніемъ и особыми методами изслѣдованія. Какъ же выйти изъ этого безконечнаго круга понятій? Если признать, какъ это мы сдѣлали въ своихъ прежнихъ трудахъ, что философія, какъ сфера общихъ знаній, есть не наука, а высшее отвлеченное искусство (т. е. субъективное творчество) [2]), и затѣмъ допустить, что классификація наукъ есть предметъ этой философіи, то тогда на первый взглядъ покажется, что упомянутый кругъ разорванъ и что задача рѣшена. Но, къ сожалѣнію, при ближайшемъ анализѣ, и эта надежда окажется обманчивой. Во-первыхъ, самый вопросъ о томъ, что такое философія, даже и при отрицательномъ рѣшеніи его въ силу котораго мы признаемъ, что философія не есть наука), есть все-таки вопросъ, относящійся къ области общаго вопроса о томъ, что такое наука и какова должна быть классификація наукъ, а слѣдовательно, относя этотъ общій вопросъ къ философіи и высказываясь объ отношеніяхъ этой послѣдней къ наукѣ, мы опять

[1]) Ср. напр. новѣйшее сочиненіе уже покойнаго профессора Милославскаго: «Объ основахъ философіи, какъ соціальной науки». Казань, 1883 г.

[2]) Ср. статьи: «Философія, какъ вѣтвь искусства». «Отношеніе философіи къ наукѣ и къ искусству» (см. выше, стр. 27 и 32), а также соч. «Къ вопросу о реформѣ логики» (Лейпцигъ, 1882, Введеніе).

впали бы въ ту же ошибку, т. е. совершили бы petitio principii. Во-вторыхъ, самое отнесеніе вопроса о классификаціи наукъ къ философіи, какъ высшему отвлеченному искусству, было бы произвольно: во 1) это вопросъ въ извѣстномъ смыслѣ спеціальный, разрѣшимый только на почвѣ психологіи и теоріи познанія, во 2), если философія есть субъективное творчество, высшій субъективный синтезъ знаній, то и классификація наукъ, въ предѣлахъ ея, оказалась бы дѣломъ субъективнымъ, условнымъ, а между тѣмъ интеллектуальные инстинкты наши заставляютъ насъ искать классификаціи наукъ—объективной, общеобязательной, и вѣрить въ возможность (хотя бы и отдаленную) осуществленія именно такой общеобязательной, т. е. «научной» классификаціи знаній.

Такимъ образомъ, выдѣленіе вопроса о классификаціи наукъ изъ сферы спеціальныхъ наукъ и отнесеніе его въ область «философіи»,—признаемъ ли мы эту послѣднюю наукой или искусствомъ,—нисколько не разрѣшаетъ упомянутаго выше затрудненія, состоящаго въ томъ, что ближайшее опредѣленіе общаго смысла и задачъ классификаціи наукъ является уже отчасти предрѣшеніемъ этихъ самыхъ задачъ, признаніемъ ихъ, хотя бы уже до извѣстной степени, разрѣшенными. Въ виду этого соображенія, возникаетъ поневолѣ вопросъ: не существуетъ ли двухъ видовъ классификаціи наукъ, изъ которыхъ одинъ видъ предшествуетъ другому и дозволяетъ отнести задачу «научной классификаціи наукъ» въ опредѣленный разрядъ спеціальныхъ научныхъ задачъ? Намъ кажется, что именно это предположеніе и является единственно вѣрнымъ и разрѣшающимъ тотъ circulus viciosus, на который мы указали выше. Дѣйствительно: вѣдь, каждая классификація какихъ бы то ни было предметовъ можетъ имѣть и двоякія побудительныя причины и двоякій путь развитія. Побудительныя причины для той или другой классификаціи данныхъ дѣйствительностью предметовъ могутъ быть практическія и теоретическія или, другими словами, 1) связанныя съ условіями дѣятельности человѣка въ отношеніи къ этимъ предметамъ, и 2) связанныя съ условіями его мышленія и познанія,—съ потребностью отдать себѣ отчетъ въ истинной природѣ и внутреннихъ взаимныхъ отношеніяхъ вещей. Сообразно съ этими двумя возможными побудительными причинами каждой классификаціи, есть и два пути для ея осуществленія—одинъ путь чисто эмпирическій, опытный: человѣкъ замѣчаетъ сходства и различія вещей и, сообразно съ этимъ, распредѣляетъ ихъ на классы, руководствуясь чисто внѣшними признаками и потребностями обращенія съ данными предметами. Другой путь—

умственный, раціональный: человѣкъ вникаетъ во внутреннія, сокрытыя отъ непосредственнаго наблюденія и выясняющіяся только путемъ эксперимента, свойства предметовъ, изучаетъ ихъ, распредѣляетъ, подводитъ подъ общіе принципы и, выходя изъ этихъ принциповъ, вновь распредѣляетъ предметы, сообразно съ основными и существенными ихъ признаками, руководствуясь при этомъ однѣми лишь потребностями своего ума, своими стремленіями къ знанію [1]). Послѣдняго рода классификація и называется «естественной» въ противоположность первой,—«искусственной», хотя однако и раціональная, научная классификація на первыхъ порахъ, вслѣдствіе недостатка знаній и несовершенства научныхъ пріемовъ, можетъ быть еще отчасти искусственной, т. е., съ точки зрѣнія конечнаго своего идеала—болѣе или менѣе случайной и неправильной, удовлетворяющей лишь временно и односторонне потребностямъ человѣческой мысли.

Спрашивается теперь, примѣнимо ли это разграниченіе двухъ возможныхъ видовъ классификаціи къ области классификаціи наукъ? Конечно,—да. Въ своемъ внѣшнемъ механизмѣ наука есть особаго рода практическая дѣятельность человѣка. Сообразно съ условіями этой практической дѣятельности, человѣкъ различаетъ разныя сферы объектовъ своего познанія, руководствуясь непосредственно доступнымъ ему наблюденіемъ ихъ сходствъ и различій, а также тѣми средствами и орудіями, которыми онъ располагаетъ при ихъ изученіи. Отсюда и являются разнообразные для каждаго времени разряды спеціальныхъ наукъ и ихъ общая, искусственная и соотвѣтствующая опять-таки условіямъ времени система, вызванная чисто практическими потребностями жизни,—потребностями изученія природы, въ видахъ подчиненія ея человѣку, и обученія новыхъ поколѣній тому, что уже изучено ранѣе. Съ появленіемъ, этимъ именно путемъ, особой науки о человѣкѣ, и,—въ предѣлахъ ея,—спеціальной науки о познавательныхъ отправленіяхъ человѣка, въ числѣ другихъ научныхъ вопросовъ выдвигается и вопросъ о раціональной и естественной классификаціи знаній,—наукъ, и этотъ вопросъ, по самому происхожденію и характеру своему, поневолѣ попадаетъ въ область уже народившейся «эмпирически» науки о познаніи. Какъ назвать эту науку, какое признать за нею въ концѣ концовъ мѣсто въ естественной системѣ знаній,—признать ли ее осо-

[1]) Подъ «раціональнымъ» методомъ классификаціи мы разумѣемъ конечно не апріорный, въ старомъ смыслѣ слова, а лишь тотъ методъ, который основанъ на синтезѣ опыта и научнаго мышленія, индукціи и дедукціи» (Ср. «Къ вопросу о реформѣ логики», введеніе, стр. 42—48).

бымъ цѣлымъ, или только частью другой, болѣе общей науки,—все это вопросы, которые и должна разрѣшить «научная классификація наукъ». Достаточно на первый разъ того, что опытъ убѣдилъ человѣчество въ возможности научнаго изслѣдованія своихъ познавательныхъ отправленій и въ частности тѣхъ отправленій, которыя называются «научными», и что возможность этой рефлексіи науки надъ собственнымъ своимъ содержаніемъ выразилась въ практической, искусственной и временной системѣ знаній,—постановкою въ ряду другихъ наукъ особой науки о познаніи.

Итакъ, задача классификаціи наукъ безъ всякаго противорѣчія можетъ быть признана научною задачею извѣстнаго опредѣленнаго разряда, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ ея разрѣшенію. Необходимо признать лишь одно, что первоначальное эмпирическое распредѣленіе наукъ, вполнѣ достаточное для практическихъ цѣлей познанія, слагается по необходимости ранѣе теоретической и строго научной ихъ классификаціи, которая въ концѣ концовъ не можетъ измѣнить количества и качества объектовъ науки и общихъ пріемовъ ихъ изслѣдованія, а можетъ лишь упорядочить эти объекты, измѣнить терминологію наукъ, исправить взгляды на ихъ взаимныя отношенія и зависимости, и тѣмъ самымъ косвенно повліять на спеціальные или частные методы анализа тѣхъ или другихъ объектовъ науки.

Но если такъ, то, стало быть, задача научной классификаціи наукъ состоитъ отнюдь не въ томъ, въ чемъ ставили ее многіе изъ прежнихъ философовъ, а именно въ возможно гармоническомъ распредѣленіи уже существующихъ названій наукъ. Эти названія очевидно возникли случайно, подъ вліяніемъ временныхъ и чисто субъективныхъ условій научной дѣятельности. Тотъ или другой изслѣдователь замѣчалъ возможность анализа новаго разряда явленій, ускользавшаго отъ вниманія его предшественниковъ, начиналъ разбирать эти явленія особыми, имъ придуманными методами, и совокупность результатовъ этого анализа обозначалась имъ самимъ или его преемниками особымъ названіемъ. Этимъ путемъ нарождалась и новая наука, которая извнѣ, чисто механически присоединялась къ совокупности уже существующихъ и по различнымъ, болѣе или менѣе правильнымъ аналогіямъ, включалась въ одинъ изъ главныхъ общихъ разрядовъ знанія, идея которыхъ возникла такимъ же случайнымъ порядкомъ. Такое созиданіе системы наукъ,—очевидно совершенно механическое и периферическое,—едва-ли можетъ служить критеріемъ для научной классификаціи знаній, которая, по самой идеѣ научнаго единства и цѣльности,

ей присущей, должна, наоборотъ, итти отъ центра къ периферіи, отъ извѣстныхъ принциповъ къ ихъ примѣненію въ частностяхъ, и должна вести къ органической системѣ, въ которой всѣ звенья естественно и необходимо примыкали бы другъ къ другу. Пытаться отыскать необходимую органическую связь тамъ, гдѣ de facto дана только случайная, механическая,—не безнадежная ли это задача? Поэтому научная классификація наукъ должна совершенно отвлечься отъ существующихъ случайныхъ наименованій отдѣловъ науки и, если она хочетъ, по примѣру каждой научной классификаціи, итти сначала индуктивнымъ путемъ,—отъ изслѣдованія частныхъ явленій къ установленію общихъ принциповъ,—то такими частными явленіями могутъ быть для нея только разнообразные объекты существующихъ наукъ, а не названія и произвольныя подраздѣленія этихъ послѣднихъ. Другими словами, научная классификація наукъ должна искать своихъ принциповъ въ изслѣдованіи самихъ явленій природы въ ихъ естественной системѣ, а не въ разсмотрѣніи признанныхъ до сего времени категорій наукъ и знаній. А такъ какъ рядомъ съ этимъ наука есть одна изъ разнородныхъ «дѣятельностей» человѣка, регулируемыхъ законами психологическими, то научная классификація наукъ должна быть обоснована далѣе и на принципахъ психологическихъ,—въ частности—тѣхъ, которые относятся къ теоріи познавательныхъ отправленій человѣка. Другими словами, она должна быть результатомъ изслѣдованія различныхъ моментовъ познавательной дѣятельности человѣка въ ихъ связи съ естественною системою объектовъ этой послѣдней. Слѣдовательно, задача классификаціи наукъ есть очевидно задача психологическая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она разрѣшима только на почвѣ общаго ученія о природѣ, о системѣ явленій природы и ихъ взаимныхъ отношеній, т. е. на почвѣ естествознанія, въ обширномъ значеніи этого слова.

Установивъ такимъ образомъ общее, «научное» значеніе вопроса о классификаціи наукъ, приступимъ къ разсмотрѣнію главныхъ принциповъ, которые могутъ быть извлечены для нея изъ выработанныхъ уже понынѣ ученій психологіи и естествознанія.

II.

Общій принципъ классификаціи наукъ.

Прежде всего наука едина и неразрывна, какъ съ господствующей въ наше время психологической точки зрѣнія, съ которой она представляется однороднымъ и органически связнымъ, по своимъ задачамъ

и пріемамъ, видомъ человѣческой дѣятельности, такъ и съ распространенной нынѣ физической или естественно-научной точки зрѣнія, признающей единство и цѣльность всей природы, насколько она является объектомъ «научнаго» познанія. Поэтому, если и можно дѣлить и дробить единую и неразрывную въ своихъ частяхъ науку, то лишь условно, чисто логически, такимъ же способомъ, какимъ мы логически расчленяемъ идею организма, идею сознанія и т. д. Есть разныя части, ткани и органы въ организмѣ, есть разныя явленія и функціи въ сознаніи, но организмъ все-таки представляетъ единство и цѣльность, точно такъ-же какъ и сознаніе,—и представить себѣ одну часть организма или одну функцію сознанія безъ соотношенія ко всѣмъ другимъ,—невозможно. Точно также едина и наука: въ наукѣ есть различныя области и различные моменты развитія, и потому содержаніе ея доступно дѣленію и распредѣленію, т. е. классификаціи; но всѣ эти области и фазисы развитія науки, т. е. научнаго познанія цѣльной и единой природы, немыслимы иначе, какъ въ тѣсной связи и зависимости другъ отъ друга.

Этотъ взглядъ на единство и цѣльность науки, хотя и довольно уже распространенный между учеными, все-таки до сихъ поръ отнюдь еще не является общепризнаннымъ. Во-первыхъ, есть еще приверженцы теоріи психологической двойственности познанія или мысли человѣческой, въ силу которой апостеріорное или опытное знаніе рѣзко противополагается апріорному или «отъ разума». Во-вторыхъ, есть приверженцы и теоріи двойственности природы, какъ объекта познанія, въ силу которой природа «внѣ человѣка» и «человѣкъ», какъ особый элементъ природы, такъ же рѣзко противополагаются одинъ другому, какъ объекты изученія для науки,—какъ и апостеріорное познаніе апріорному. Но во всякомъ случаѣ эти два рѣзкіе контраста для многихъ современныхъ представителей науки кажутся произвольными. Съ одной стороны, все болѣе и болѣе крѣпнетъ среди нихъ убѣжденіе, что всѣ науки, считавшіяся прежде апріорными,—каковы напр. математика и логика,—на самомъ дѣлѣ апостеріорнаго или опытнаго происхожденія. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе распространяется среди ученыхъ убѣжденіе, что между природою и человѣкомъ, какъ объектами научнаго изученія, нельзя признать существованія рѣзкой границы. Конечно, этимъ еще не сказано, что наука разъ навсегда разрѣшила вопросъ о полномъ единствѣ матеріи и духа, какъ предполагаемыхъ основъ всего существующаго. Дѣло не въ этомъ: еслибы эти начала и были признаны даже рѣзко различными другъ отъ друга, то и тогда единство научнаго изслѣдованія не уничтожилось бы,

ибо во-1-хъ никѣмъ пока еще не доказано, чтобы «духъ» могъ служить предметомъ научнаго изслѣдованія внѣ матеріальныхъ и вообще «феноменальныхъ» своихъ проявленій, во-2-хъ никѣмъ не доказано, чтобы духъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ противополагается матеріи, былъ исключительною привиллегіею человѣка, а напротивъ вся современная метафизическая философія отличается тенденціею распространенія идеи духа на всѣ сферы бытія, а тѣмъ паче уже на сферы бытія животно-органическаго.

Слѣдовательно, единство науки, съ точки зрѣнія психологической и естественнонаучной, можетъ быть прямо выведено изъ наиболѣе распространенныхъ нынѣ психологическихъ и физическихъ доктринъ. Идея развитія, столь укоренившаяся въ современномъ естествознаніи, заставляетъ поневолѣ слить науки о человѣкѣ въ одну цѣпь съ науками о природѣ, внѣ человѣка существующей: не только анатомія, физіологія и психологія человѣка многочисленными нитями все крѣпче и крѣпче сплетаются съ анатоміей, физіологіей и психологіей животныхъ, но и науки о человѣческомъ обществѣ и проявленіяхъ его бытія, т. е. наука объ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ (соціологія), наука о языкѣ (филологія), о нравахъ (этика), объ учрежденіяхъ (юридическія науки) и т. д., все тѣснѣе и тѣснѣе связываются сравнительнымъ научнымъ методомъ съ соотвѣтствующими научными изслѣдованіями о соціальной жизни другихъ органическихъ существъ. Въ этомъ смыслѣ всѣ науки, прежде выдѣлявшіяся въ особый разрядъ подъ названіемъ «гуманитарныхъ», стремятся стать науками естественными, науками о явленіяхъ природы, возникшихъ столько же помимо участія человѣческаго сознанія, сколько и при участіи этого послѣдняго, какъ одной изъ созидающихъ силъ той же самой природы.

Но если, такимъ образомъ, людей, протестующихъ противъ сліянія наукъ физическихъ, психологическихъ и соціальныхъ въ одной общей идеѣ наукъ о природѣ или наукъ естественныхъ, становится все меньше и меньше, то нельзя сказать, чтобы въ той же пропорціи возрастало число ученыхъ, согласныхъ подвести и науки математическія, т. е. прежнія «апріорныя», подъ ту же общую идею наукъ о природѣ. А между тѣмъ самые блестящіе математики и естествоиспытатели нашего времени, въ родѣ напр. Гельмгольца и Льюиса, упорно твердятъ объ апостеріорности математическихъ истинъ [1]). Отчего же зависитъ то упор-

[1]) Ср. статью Гельмгольца въ его Wissensch. Abhdl. «О происхожденіи геометрическихъ аксіомъ» и XIV глава I т. «Вопросовъ о жизни и духѣ» Льюиса подъ заглавіемъ «Математика—эмпирическая наука»

ство, какое проявляютъ многіе ученые въ своемъ нежеланіи признать математическія науки за одинъ изъ разрядовъ наукъ о природѣ? Мнѣ кажется, что оно объясняется болѣе всего тѣмъ, что тезисъ объ апостеріорности математическихъ истинъ доказывается обыкновенно математическими же пріемами, т. е., во-первыхъ, весьма спеціально и, во-вторыхъ, не прямо, а косвенно, и потому недостаточно убѣдительно. Такъ доказываетъ его напр. Гельмгольцъ, выводящій необходимость опытнаго происхожденія аксіомъ Эвклидовой геометріи изъ гипотетическихъ теорій пространства Лобачевскаго и Римана, причемъ общій смыслъ доказательства тотъ, что разъ мы признаемъ возможность для человѣческаго ума мыслить пространство съ положительною и отрицательною кривизною (сферическое и псевдосферическое), то стало быть постановка идеи пространства съ нуль—кривизною въ основу Эвклидовой геометріи и Эвклидовыхъ аксіомъ объясняется не иначе, какъ тѣмъ обстоятельствомъ, что свойства этого пространства, въ которомъ мы существуемъ, извѣстны намъ изъ опыта. Но это косвенное доказательство апостеріорности геометрическихъ аксіомъ не для всѣхъ должно казаться убѣдительнымъ. Дѣло въ томъ, что пространства, сферическое и псевдосферическое, конкретно представлены нами быть не могутъ: это отвлеченные постулаты, возникшіе помощью искусственнаго анализа идеи Эвклидова пространства,—это, слѣдовательно, произведеніе фантазіи и, если предположить, что реально для насъ дано только одно Эвклидово пространство (а это предположеніе вполнѣ законно и его отрицаютъ только метафизики новѣйшей формаціи—спириты), то еще вопросъ, заимствовали ли мы идею о немъ изъ опыта, или она была дана, благодаря нашей умственной организаціи, уже a priori въ нашемъ умѣ.

Не математическимъ, а только психологическимъ путемъ по нашему крайнему разумѣнію, можетъ быть окончательно и вполнѣ наглядно доказано положеніе объ апостеріорности всѣхъ математическихъ истинъ,—и Льюисъ, кажется намъ, гораздо болѣе правъ, когда въ пользу этого положенія приводитъ слѣдующія мысли: «Единичное тѣло, видимое и осязаемое», говоритъ онъ, «даетъ протяженіе и форму, нѣсколько тѣлъ представляютъ множество—число» (стр. 414); «линія и поверхность существуютъ и имѣютъ реальныя свойства точно такъ-же, какъ существуютъ и имѣютъ реальныя свойства—планета, кристаллъ, растеніе, животное» (стр. 416). Эти и другія подобныя соображенія его очевидно направлены къ тому, чтобы доказать «психологическій тезисъ» о реальности объектовъ математическихъ понятій—въ той

же степени, въ какой реальны объекты другихъ научныхъ понятій. Но онъ идетъ и далѣе: онъ доказываетъ, что и воображаемая идеальность самыхъ математическихъ понятій не составляетъ ихъ исключительной принадлежности: «часто говорятъ», разсуждаетъ онъ,—точка «безъ длины и ширины», линія «безъ ширины» и поверхность «безъ толщины», суть воображаемые предметы, фикціи, что такихъ вещей нѣтъ въ дѣйствительности». «Это справедливо, но можетъ ввести въ заблужденіе. Правда, эти вещи—фикціи, но онѣ имѣютъ реальное существованіе, хотя и въ изоляціи своей идеальной формы, потому что никакая идея не существуетъ внѣ ума. Эти отвлеченія суть предѣлы конкретовъ. Всякій разъ, смотря на лужу воды, мы видимъ поверхность безъ толщины, всякій разъ, разсматривая разноцвѣтную поверхность, мы видимъ линію безъ ширины, какъ предѣлъ каждаго цвѣта. Дельбефъ справедливо замѣчаетъ, что если можно назвать математику созданіемъ воображенія, то можно было бы съ равною справедливостью сказать Ньютону и Лапласу: «ваша небесная механика воображаема, потому что въ природѣ нѣтъ тѣлъ, которыя имѣютъ только тяжесть» (стр. 416, 417). «Мы не находимъ», говоритъ Льюисъ въ другомъ мѣстѣ, «эллиптическихъ орбитъ въ небесномъ сводѣ, наши лабораторіи не представляютъ намъ совершенныхъ газовъ, острова и материки не населены «видами» (стр. 427)». «Наука имѣетъ дѣло съ понятіями, а не съ воспріятіями, съ идеальными, а не съ реальными фигурами. Конечно, она извлекаетъ свой матеріалъ изъ природы, но обрабатываетъ его вновь, согласно съ собственными законами и, создавъ такимъ образомъ микрокосмъ [1]), на половину объективный, на половину субъективный, она способна расширять свои построенія, все болѣе и болѣе усвояя себѣ макрокосмъ» (427). Слѣдовательно, «идеальность» математики не есть ея особенное свойство—это свойство всѣхъ наукъ, на сколько онѣ состоятъ изъ понятій. Что касается до другихъ мнимыхъ особенностей математическихъ аксіомъ, на которыхъ такъ настаивалъ Кантъ, а именно до необходимости и всеобщности ихъ, то Льюисъ справедливо утверждаетъ, что «свойства необходимости и всеобщности принадлежатъ всѣмъ истинамъ вообще и не принадлежатъ ни одной» (стр. 412), ибо эти свойства весьма

[1]) Микрокосмъ и макрокосмъ суть понятія, заимствованныя у средневѣковыхъ мыслителей; микрокосмъ есть міръ въ маломъ видѣ,—какъ онъ является въ умѣ человѣка, т. е. отражается человѣкомъ; макрокосмъ,—наоборотъ,—есть міръ объективный, большой міръ.

условны и относительны. Въ теоріи, всѣ научныя положенія всеобщи и необходимы; но de facto, при безконечномъ разнообразіи условій дѣйствительности, эта всеобщность и необходимость ихъ часто не оправдывается. Условность ихъ доказана впрочемъ спеціально и для математики теоріею мыслимости «неэвклидовыхъ» пространствъ и «неэвклидовыхъ» аксіомъ, какъ на это указываетъ и Гельмгольцъ.

И такъ, однимъ только психологическимъ методомъ, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. методомъ анализа происхожденія въ умѣ человѣка математическихъ понятій и соотношенія ихъ съ другими научными понятіями, можетъ быть доказанъ тезисъ объ апостеріорности математики. Но этотъ методъ былъ до сихъ поръ еще весьма мало утилизированъ. А между тѣмъ его можно безконечно разнообразить. Прежде всего необходимо было бы разобрать вопросъ о томъ, на сколько дѣйствительный міръ съ неизбѣжностью навязываетъ человѣческому уму знакомство съ объектами и отношеніями ихъ, отъ которыхъ могутъ быть отвлечены всѣ основныя математическія понятія. Такимъ путемъ можно доказать, что первобытный человѣкъ, видя на небѣ звѣзды, въ противоположность солнцу и лунѣ, долженъ былъ неизбѣжно отвлечь и составить себѣ идею точки и идею круга,—что онъ же, видя прямые и кривые стволы деревьевъ и очертанія ихъ вѣтвей, долженъ былъ обобщить въ своемъ умѣ идеи прямой и кривой линіи, а также и идею параллелизма линій, ихъ перпендикулярности, идею угла прямого, остраго, тупого и т. д.,—что, видя очертанія холмовъ и горъ, онъ могъ и долженъ былъ составить себѣ идею треугольника, трапеціи и т. д. и т. д. Что онъ всѣ эти формы замѣчалъ и обобщалъ, видно изъ архитектуры его первобытныхъ жилищъ, изъ формы его древнѣйшихъ орудій и орнаментовъ на жилищахъ и одеждѣ, которыя возникли путемъ подражанія формамъ, даннымъ въ природѣ, гораздо ранѣе отвлеченныхъ математическихъ аксіомъ и математики, какъ науки. Тотъ же психологическій методъ могъ бы быть приложенъ въ новой формѣ, если бы мы прослѣдили процессъ дѣйствительнаго развитія научныхъ идей у различныхъ народовъ и убѣдились бы этимъ путемъ въ томъ, что математическія идеи развились позже нѣкоторыхъ астрономическихъ и физическихъ и что математика, какъ наука, есть родная дочь конкретной и уже очевидно опытной науки, астрономіи. Наконецъ, упомянутый психологическій методъ могъ бы быть примѣненъ и еще иначе—къ анализу происхожденія названій отвлеченныхъ математическихъ идей—и тогда несомнѣнно оказалось бы напр., что всѣ геометрическія названія точки, черты (линіи), плоскости

и т. д. у всѣхъ народовъ чисто конкретнаго и сравнительно довольно поздняго происхожденія, что доказывается и ихъ различіемъ у народовъ одной семьи. Не наводитъ ли одинъ этотъ фактъ на мысль, что геометрическія и вообще математическія идеи суть обобщенія и отвлеченія изъ опыта,—что названія ихъ придумывались по аналогіи ихъ содержанія съ нѣкоторыми предметами и явленіями видимаго міра, т. е. согласно законамъ ассоціаціи (по внутренней смежности или сходству)? Не даромъ еще Гауссъ называлъ геометрію «наукой глаза».

Я не предполагаю впрочемъ въ настоящемъ очеркѣ выполнить всю изложенную программу психологическаго разбора происхожденія математическихъ идей. Эту сложную и спеціальную задачу я откладываю до другого времени. Мнѣ хотѣлось только объяснить несовершенствомъ прилагавшихся до сихъ поръ пріемовъ доказательства тотъ любопытный фактъ, что, несмотря на сильное расположеніе большинства современныхъ мыслителей къ признанію апостеріорности математическихъ положеній, эта истина все-таки еще не сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ, и связанное съ нею положеніе о принадлежности математики къ области единой и единственно возможной науки о природѣ для большинства кажется еще дикимъ и страннымъ. А, между тѣмъ, развѣ формы, величины, числовыя отношенія, протяженіе, пространство и другія идеи математики не имѣютъ себѣ прототипа въ свойствахъ и отношеніяхъ вещей и явленій, составляющихъ природу? Къ чему же эти идеи относятся въ такомъ случаѣ, если не къ природѣ и ея элементамъ? Вообще задача состоитъ въ сущности не въ томъ, чтобы непосредственно доказать апостеріорность математическихъ положеній, называемыхъ «аксіомами». Эти положенія составляютъ лишь логическое раскрытіе уже образовавшихся въ человѣческомъ умѣ математическихъ понятій. Вопросъ весь въ томъ, какъ образовались эти понятія и если они образовались a posteriori, отвлеченіемъ изъ опыта, какъ это доказываетъ Льюисъ, то само собою понятно, что и аксіомы, раскрывающія ихъ содержаніе, имѣютъ свое основаніе въ опытѣ.

Но sapienti sat. Если мы не доказали во всей полнотѣ, то по крайней мѣрѣ достаточно мотивировали высказанный нами выше общій принципъ о единствѣ и однородности науки, который мы лично признаемъ краеугольнымъ камнемъ всякой классификаціи наукъ.

III.

Спеціальные принципы классификаціи наукъ.

Теперь отъ общаго принципа перейдемъ къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ спеціальныхъ. Эти послѣдніе, какъ мы уже можемъ заключать изъ прежде сказаннаго, должны быть двоякаго рода, а именно физическими и психологическими [1]). Наука должна расчленяться, во-первыхъ, сообразно своему объективному содержанію, т. е. сообразно со свойствами и отношеніями предметовъ, ею изслѣдуемыхъ, и, во-вторыхъ, сообразно своему внутреннему строенію, т. е. сообразно психологическимъ моментамъ научнаго анализа, направленнаго на объекты одного и того же порядка. Эти два расчлененія научнаго организма должны очевидно тѣсно переплетаться другъ съ другомъ, потому что, въ силу признаннаго нами выше принципа единства и однородности науки,—какъ съ точки зрѣнія ея общаго объекта,—природы, такъ и съ точки зрѣнія субъекта,—тѣ же психологическіе моменты изслѣдованія должны повторяться во всѣхъ сферахъ научнаго познанія, на какіе бы объекты оно ни было направлено, и точно также вездѣ, гдѣ есть познавательная дѣятельность, къ какому бы моменту она ни принадлежала, тамъ должны быть и объекты для нея, соотвѣтствующіе всѣмъ звеньямъ той общей цѣпи, которая называется природою. Слѣдовательно, внѣшняя и внутренняя, экстроспективная и интроспективная (по старой терминологіи «объективная» и «субъективная») точки зрѣнія въ расчлененіи науки должны постоянно итти рука объ руку. Это, если хотите, второй общій принципъ для классификаціи наукъ, выведенный изъ анализа связи и отношенія принциповъ спеціальныхъ. Про него тоже можно сказать, къ сожалѣнію, что онъ до сихъ поръ недостаточно ясно сознавался. По крайней мѣрѣ, какъ въ древнѣйшихъ, такъ и въ новѣйшихъ опытахъ классификаціи наукъ мы встрѣчаемъ преобладаніе одного изъ упомянутыхъ двухъ принциповъ.

О древнѣйшихъ опытахъ классификаціи наукъ почти не стоитъ и упоминать: до Бэкона всецѣло господствовалъ внѣшній, физическій пріемъ классификаціи знаній — по объектамъ изученія, но и то пріемъ не научный, а чисто эмпирическій. Классическое дѣленіе знаній на логи-

---

[1]) Объ этомъ контрастѣ методологическихъ понятій, отнюдь не нарушающихъ идею единства науки, мы скажемъ въ свое время, въ главѣ VI-й.

ческія, физическія и этическія, принятое почти всѣми древними писателями, начиная съ Аристотеля [1]) (Платонъ и его ученики различали этику, физику и діалектику), конечно не выдерживаетъ ни малѣйшей научной критики. Психологическая точка зрѣнія проглядываетъ развѣ только у Аристотеля же—въ разграниченіи «первой» философіи (отвлеченная наука) отъ «второй» (конкретная наука); но и это разграниченіе еще весьма непосредственно и строго психологически не мотивируется. Въ средніе вѣка понятія науки и искусства съ одной стороны (ср. artes liberales въ школахъ схоластическихъ и сочин. Людовика Вивеса въ XVI в.: de causis corruptarum artium), — понятія науки, философіи и религіи, съ другой, до того перепутываются и сплетаются, что искать у схоластическихъ мудрецовъ какой-либо сознательной классификаціи наукъ было бы смѣшно. Бэконъ, въ началѣ XVII в., первый пытается поставить въ основу классификаціи знаній психологическую, — но къ сожалѣнію весьма еще первобытную и несовершенную—точку зрѣнія, различая знанія по способностямъ человѣческаго ума (памяти соотвѣтствуетъ исторія, воображенію — поэзія, разуму — философія, которая дѣлится уже по различію объектовъ на теологію — объектъ Богъ, математику и естественную философію—объектъ природа, и метафизику—объектъ человѣкъ, причемъ въ свою очередь и исторія, по тому же принципу, дѣлится на естественную, гражданскую и т. д.). Всѣ подобныя распредѣленія знаній, господствовавшія въ XVII и первой половинѣ XVIII в., обнаруживающія, если не прямо, то косвенно, продолжающуюся недостаточную дифференціацію понятія науки отъ понятій искусства и философіи, едва-ли имѣютъ какую-либо научную цѣну. Даже у французскихъ энциклопедистовъ конца XVIII в. эти понятія еще смѣшиваются [2]).

Такъ, въ энциклопедическомъ словарѣ Дидеро и Даламбера мы находимъ, подъ словомъ наука, слѣдующее странное изреченіе: «наука дѣлится на четыре вѣтви, а именно на разсудокъ (intelligence), разумъ (la sagesse), благоразуміе (la prudence) и искусство (l'art)», а затѣмъ авторъ той же статьи различаетъ философію природы и философію чело-

---

[1]) У Аристотеля есть впрочемъ (въ метафизикѣ) и другое, тоже «объективное» дѣленіе знаній на теоретическія и практическія, причемъ къ первымъ отнесены физика, математика и теологика, ко вторымъ—политика, экономика и этика.

[2]) Это смѣшеніе понятій обнаруживается и въ объективныхъ классификаціяхъ знаній въ XVIII в., имѣющихъ связь съ дѣленіями науки и философіи у древнихъ (ср. напр. дѣленіе Вольфа).

вѣка, причемъ дѣлитъ первую на математику, физику, біологію, вторую на логику и нравственную философію. Кантъ, въ своей «Критикѣ чистаго разума», различаетъ три главные отдѣла знаній: математику, естественныя науки и метафизику, очевидно выходя при этомъ изъ практическаго, ненаучнаго расчлененія знаній, господствовавшаго въ его эпоху.

Въ началѣ нынѣшняго вѣка уже встрѣчаются спеціальныя монографіи по вопросу о классификаціи наукъ и искусствъ, каковы напр. книжка Якоба (Энциклопедія всѣхъ наукъ и искусствъ. Галле, 1810 г.) и книжка Круга (Опытъ новаго дѣленія наукъ. 1805). Но эти писатели отчасти примыкаютъ къ предшествующимъ, напр. Якобъ принимаетъ принципъ Вольфа, въ силу котораго всѣ знанія дѣлятся прежде всего на эмпирическія и раціональныя, отчасти же принимаютъ въ основу дѣленія наукъ принципы странные и фантастическіе; такъ напр. Кругъ дѣлитъ науки на свободныя, связанныя (богословскія и юридическія!) и смѣшанныя (камеральныя науки и медицина).

Бэнъ въ своей логикѣ (I, 230) приводитъ еще дѣленіе наукъ въ Encyclopädia metropolitana, издававшейся съ 1815 г. Тамъ науки дѣлятся на чистыя, смѣшанныя и прикладныя; первыя—на формальныя и реальныя, послѣднія—на экспериментальную философію, искусства (высшія и полезныя) и естественную исторію (съ медициной), причемъ и все дальнѣйшее распредѣленіе названій наукъ по классамъ представляетъ совершенный произволъ и невообразимую путаницу.

Въ 1828 г. д-ръ Арноттъ въ своемъ сочиненіи по физикѣ (какъ мы узнаемъ опять изъ Логики Бэна) дѣлитъ всѣ науки на четыре отдѣла: физику, химію, науку о жизни и науку о духѣ. Математика разсматривается, какъ введеніе къ этимъ наукамъ. Въ другомъ сочиненіи Арноттъ различаетъ конкретныя и отвлеченныя знанія и рѣзко противополагаетъ науки искусствамъ. Такимъ образомъ, у этого писателя есть признаки сознанія противоположности двухъ спеціальныхъ принциповъ расчлененія знаній: «объективнаго» и «субъективнаго» (интроспективнаго); но онъ не объединяетъ ихъ и прилагаетъ каждый изъ нихъ еще весьма поверхностно, касаясь вообще вопроса о классификаціи знаній лишь мимоходомъ. Тѣмъ не менѣе и по времени, и по взглядамъ онъ является ближайшимъ предшественникомъ Огюста Конта.

Контъ далъ въ сущности первый опытъ вполнѣ сознательной и научной классификаціи знаній. Если взять его классификацію наукъ и присоединить къ ней еще Спенсеровскую классификацію, то мы будемъ имѣть все, что наука дала до сихъ поръ дѣльнаго и серьёзнаго въ

данной области [1]), такъ какъ всѣ другіе опыты классификаціи наукъ, послѣ появленія курса философіи Конта, или возвращаются къ прежнимъ ненаучнымъ принципамъ, или же представляютъ нѣкоторую переработку и видоизмѣненіе упомянутыхъ двухъ классическихъ системъ, нарушающую большею частью ихъ основные принципы. Къ первому разряду принадлежитъ классификація наукъ физика Ампера, издавшаго въ 1838 г. въ двухъ томахъ «Опытъ о философіи наукъ». Онъ дѣлитъ опять науки по старому на космологическія (науки о мірѣ) и ноологическія (науки объ умѣ) и, распредѣляя оба главные отдѣла наукъ на спеціальные отдѣлы и подотдѣлы, получаетъ въ концѣ концовъ до 170 названій отдѣльныхъ наукъ, частью соотвѣтствующія общепринятымъ, частью выдуманныя имъ самимъ для соблюденія симметріи. Основная его задача впрочемъ очевидно состоитъ въ гармоническомъ размѣщеніи уже существующихъ названій наукъ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вся его система поражаетъ искусственностію и произвольностью. Въ новѣйшее время тѣ же устарѣвшіе пріемы классификаціи наукъ еще господствуютъ въ Германіи. Такъ Дюрингъ въ своей логикѣ (1878) по старому ставитъ во главѣ наукъ логику и математику, вторымъ большимъ классомъ признаетъ естественныя науки, третьимъ—науки о человѣкѣ и его произведеніяхъ [2]). Новаго въ его классификаціи только то, что онъ старается объединить старые,—формальный и реальный, — принципы расчлененія всѣхъ наукъ, доказывая, что и математика съ логикой имѣютъ не только формальное, но и вещественное, предметное значеніе (sind sachlich und gegenständlich), но не потому, что ихъ непосредственные объекты извлечены изъ предметнаго міра, а потому, наоборотъ, что вся дѣятельность природы подчинена извѣстнымъ логическимъ и математическимъ законамъ, причемъ ему поневолѣ приходится придумывать всякія ухищренія и дѣлать всякія натяжки, чтобы доказать, что есть на самомъ дѣлѣ какая-то «логика природы» (Naturlogik) [3]). Какъ сквозитъ въ этихъ разсужденіяхъ соотечественникъ и преемникъ Гегеля и вообще нѣмецкихъ идеалистовъ-мистиковъ!

[1]) Конечно, если разумѣть построеніе цѣлыхъ системъ, а не отдѣльныя и болѣе спеціальныя расчлененія.

[2]) Почти такое же дѣленіе наукъ на математику, естественныя науки и науки о духѣ (Geisteswissenschaften) принимаетъ и Вундтъ въ своей логикѣ; II т. 1883. Ср. у него же противоположеніе «естественныхъ» и «гуманитарныхъ» наукъ въ «Основ. физіологической психологіи». Введ., стр. 4.

[3]) Ср. его Logik и Wissenschaftslehre, IV Abschn. I cap., особ. стр. 243—246. Вмѣсто того, чтобы доказывать напр., что законы природы осуществляются и въ законахъ мысли, Дюрингъ старается убѣдить читателя, что законы мысли осуществляются и въ законахъ природы.

Къ числу писателей, передѣлывающихъ по своему классификаціи наукъ Конта и Спенсера, принадлежитъ напр. самъ Бэнъ. Онъ выходитъ изъ Спенсеровскаго разграниченія конкретныхъ и абстрактныхъ наукъ, вполнѣ законно исправляетъ нѣкоторыя произвольныя распредѣленія понятій, ярко бросающіяся въ глаза въ классификаціи Спенсера (объ этомъ ниже), далѣе фактически принимаетъ во вниманіе распорядокъ наукъ уОг. Конта, но, не изслѣдуя самостоятельно принциповъ научной классификаціи знаній и не пытаясь органически связать другъ съ другомъ принципы «объективный» и «субъективный», приходитъ въ концѣ концовъ все-таки къ одному лишь «распорядку уже существующихъ названій наукъ», въ законности которыхъ онъ ни на минуту не сомнѣвается (ср. его логику, I, стр. 232—241). И таковы всѣ новѣйшія попытки исправленія и согласованія классификацій Конта и Спенсера.

Между тѣмъ согласить ихъ внѣшнимъ образомъ невозможно, ибо ихъ исходныя начала діаметрально противоположны. Мы уже высказали выше положеніе, что у всѣхъ мыслителей до сихъ поръ преобладаетъ или объективный, физическій, или такъ называемый субъективный, психологическій критерій расчлененія науки на составныя ея части. Это положеніе вѣрно и по отношенію къ двумъ упомянутымъ мыслителямъ. У Конта преобладаетъ первый критерій, внѣшній, у Спенсера—второй, внутренній, и никакого сознательнаго стремленія къ соглашенію того и другого мы ни у одного изъ нихъ не находимъ.

Что Контъ, отрицавшій психологію и интроспективный методъ познанія, поставилъ въ основу своей классификаціи наукъ главнымъ образомъ принципы объективные, еще понятно. Онъ, правда, указалъ на чисто психологическое различіе конкретныхъ и абстрактныхъ знаній, но, вѣроятно изъ пренебреженія къ психологическимъ разграниченіямъ понятій вообще, не развилъ этой стороны своего ученія и фактически, въ осуществленіи своей классификаціи наукъ, игнорировалъ упомянутое различіе, признавая за нимъ очевидно второстепенное значеніе (ср. его tableau synoptique въ 1 т. курса, р. 7). Но какимъ образомъ эволюціонистъ и поклонникъ естественно-научнаго метода, Спенсеръ, не поставилъ въ основу всей своей классификаціи наукъ объективнаго принципа, принципа эволюціи, столь имъ излюбленнаго,—это для насъ весьма мало понятно. Вѣроятно, усмотрѣнный имъ психологическій принципъ настолько ослѣпилъ его, что онъ уже не способенъ былъ видѣть его односторонность. Или, изъ соперничества съ Контомъ, онъ не хотѣлъ признать геніальности основной идеи его классификаціи (идеи іерархіи

наукъ) и положить ее въ основу своей классификаціи [1]). Во всякомъ случаѣ, вслѣдствіе упомянутыхъ только-что обстоятельствъ, классификація Конта, хотя и геніальная по замыслу, оказывается недостаточной и односторонней, а классификація Спенсера не только односторонней, но и невѣрной и совершенно неудовлетворительной въ самыхъ началахъ своихъ. Впрочемъ надо прибавить и то, что оба писателя тоже слишкомъ увлеклись существующею системою названій наукъ и, не подвергнувъ ее достаточной критикѣ, часто были рабами господствующей терминологіи. Приступая къ критикѣ, исправленію и объединенію того, что̀ есть цѣннаго въ классификаціяхъ наукъ Конта и Спенсера, повторимъ еще разъ, что по нашему мнѣнію естественная классификація наукъ должна совершенно эмансипироваться отъ существующей, большею частью случайной, терминологіи, и что она должна имѣть задачею достиженіе единства и органической связи въ приложеніи двухъ спеціальныхъ принциповъ расчлененія научной дѣятельности: внѣшняго, состоящаго въ признаніи соотношенія между отдѣлами знаній и классами изучаемыхъ наукою явленій природы, съ точки зрѣнія идеи развитія, и внутренняго, психологическаго, состоящаго въ признаніи извѣстныхъ моментовъ развитія самихъ научныхъ идей, въ связи съ законами и процессами познавательной дѣятельности человѣка.

IV.

Критика классификацій наукъ Конта и Спенсера.

У Конта, какъ мы уже сказали, наиболѣе цѣнною является мысль объ іерархіи наукъ. Контъ первый совершенно справедливо указываетъ на то, что «главная задача каждой энциклопедической работы состоитъ въ томъ, чтобы расположить науки въ порядкѣ ихъ естественнаго сплетенія (enchaînement), слѣдуя ихъ взаимной зависимости другъ отъ друга» (Cours, I, 60). Онъ сознаетъ, что старое расчлененіе наукъ, сообразно различнымъ качествамъ объектовъ, представляется недостаточнымъ, что критерій качества объектовъ слишкомъ относительный, что объекты, изучаемые наукою, находятся въ тѣсной органической связи другъ съ другомъ и что, сообразно съ этимъ, и науки составляютъ неразрывную цѣпь знаній, другъ отъ друга зависимыхъ.

[1]) Онъ воспользовался, правда, этой идеей, но только при спеціальномъ изысканіи соотношеній наукъ одной группы, а именно конкретныхъ (ср. его «Основанія психологіи», I, § 55).

Отсюда мысль о ихъ генетической связи, о неправильности простого, такъ сказать, линейнаго или исключительно «экстенсивнаго» принципа ихъ разграниченія и о необходимости открытія ихъ естественной іерархіи, согласно съ ихъ интенсивными различіями. Но какой принципъ избрать для открытія послѣдовательныхъ звеньевъ восходящей лѣстницы наукъ?

Признавая соотношеніе между взаимною зависимостью наукъ и взаимною зависимостью ихъ объектовъ, Контъ, конечно, долженъ былъ искать такого принципа или критерія въ природѣ объектовъ. Но для открытія законной послѣдовательности и связи объектовъ въ природѣ въ его время еще не существовало правильной руководящей точки зрѣнія. Идея ступенеобразнаго развитія природы, правда, уже созрѣвала въ умахъ лучшихъ мыслителей и въ томъ числѣ она носилась и въ умѣ Конта, но естествознаніе еще не освятило эту идею своимъ авторитетомъ, не формулировало ее ясно системою законовъ и не поставило ее на почву конкретныхъ фактовъ и наблюденій. Поэтому Конту, который самъ не былъ въ достаточной мѣрѣ естествоиспытателемъ, чтобы предвосхитить идеи Дарвина, оставалось лишь одно: искать для распорядка явленій и предметовъ природы, какъ объектовъ науки, какого-либо внѣшняго, второстепеннаго критерія. Его-то онъ и находитъ въ признакахъ различной степени простоты и общности феноменовъ природы, составляющихъ предметъ изученія науки. Но изъ его же собственныхъ словъ явствуетъ, что этотъ критерій отчасти субъективенъ и по тому самому, до извѣстной степени, относителенъ, ибо Контъ отожествляетъ его тутъ же съ критеріемъ «большей или меньшей степени легкости изученія» упомянутыхъ феноменовъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: откуда мы можемъ знать о сравнительной простотѣ и общности явленій, когда мы не въ состояніи вывести этихъ признаковъ изъ общей идеи ихъ послѣдовательнаго развитія,—какъ не изъ степени легкости ихъ изученія? А между тѣмъ этотъ субъективный критерій, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ ввести насъ въ заблужденіе, ибо, при неравномѣрности условій первоначальнаго ознакомленія нашего съ различными группами явленій природы, можетъ случиться, что болѣе сложныя и частныя явленія покажутся намъ болѣе понятными и легкими для изученія, чѣмъ болѣе простыя и общія. Не даромъ же изученіе познавательныхъ отправленій и законовъ мысли въ свое время считалось наиболѣе легкимъ и наименѣе нуждающимся въ какихъ-либо подготовительныхъ знаніяхъ, что и заставляло признавать логику простѣйшею и первою по порядку изученія наукою. Если поэтому Контъ, несмотря на отно-

сительность и внутреннюю субъективность своего принципа, тѣмъ не менѣе установилъ такую іерархію наукъ, которая и въ настоящее время не утратила вполнѣ своей цѣны и требуетъ только частныхъ исправленій, а не коренной передѣлки, то это надо приписать тому обстоятельству, что на дѣлѣ онъ руководствовался въ установленіи своей системы наукъ вовсе не упомянутымъ выше наружнымъ критеріемъ, который онъ приклеилъ къ ней извнѣ, только чтобы дать ей приличную логическую санкцію, а внутреннимъ, хотя и инстинктивно сознаваемымъ имъ, критеріемъ ступенеобразнаго развитія природы. Это доказывается тѣмъ, что на ближайшей затѣмъ страницѣ онъ прямо переходитъ къ противоположенію двухъ большихъ классовъ наукъ: о «неорганическихъ» и объ «органическихъ» тѣлахъ—контрастъ понятій, который, конечно, не можетъ быть всецѣло оправданъ критеріемъ относительной простоты и всеобщности явленій. Если бы Контъ остался вѣренъ этому послѣднему критерію, то ему пришлось бы, прежде чѣмъ дать означенную систему объектовъ и соотвѣтствующихъ имъ наукъ, изслѣдовать подробно и кропотливо всѣ классы феноменовъ природы съ точки зрѣнія простоты и всеобщности ихъ признаковъ; но это ему и въ голову не приходитъ.

Такимъ образомъ, сознательно Контъ беретъ для установленія іерархіи явленій природы и соотвѣтствующей іерархіи наукъ чисто наружный и второстепенный, хотя и вѣрный (въ томъ случаѣ, если онъ не искажается субъективными внушеніями) критерій, — безсознательно же онъ все-таки руководствуется единственно правильнымъ, но еще не созрѣвшимъ въ наукѣ въ его время объективнымъ критеріемъ ступенеобразнаго развитія природы. Конечно, въ силу такого безсознательнаго и инстинктивнаго примѣненія принципа развитія, іерархія наукъ у Конта не можетъ быть совершенною. Различая сперва науки о тѣлахъ неорганическихъ (corps bruts) и науки о тѣлахъ органическихъ (corps organisés), онъ уже не находитъ вполнѣ естественныхъ объективныхъ основаній для дальнѣйшаго расчлененія каждой главной группы наукъ по тому же принципу и руководствуется далѣе существующей терминологіей наукъ, данною степенью ихъ развитія и господствующими воззрѣніями на ихъ характеръ и отношенія. Вслѣдствіе этого, расчленяя науку о неорганическихъ тѣлахъ на астрономію, физику и химію, онъ безъ достаточнаго основанія ставитъ химію послѣ физики, т. е. выше ея въ общей іерархіи, какъ будто бы явленія, изучаемыя химіей, были дѣйствительно сложнѣе и спеціальнѣе явленій, изучаемыхъ физикой, или, говоря новѣйшимъ языкомъ, были болѣе поздняго происхожденія въ

развитіи природы, чѣмъ эти послѣднія, и были отъ нихъ въ прямой зависимости. Эта мысль не выдерживаетъ въ настоящее время критики, ибо химическія и физическія явленія, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, такъ тѣсно переплетены другъ съ другомъ, что отыскать точную грань между тѣми и другими едва-ли возможно. Далѣе, расчленяя науку объ организованныхъ тѣлахъ на физіологію и соціальную физику, Контъ, какъ извѣстно, подъ вліяніемъ чистѣйшаго предразсудка, выпустилъ промежуточное звено «физики индивидуума» или психологіи, которая, какъ достаточно доказано въ настоящее время, не можетъ быть слита съ наукой объ организмѣ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, ибо обладаетъ особымъ дополнительнымъ интроспективнымъ методомъ изученія своихъ объектовъ,—тѣмъ самымъ методомъ, которымъ пользовался и Контъ въ упомянутомъ выше разграниченіи конкретныхъ и абстрактныхъ знаній и идей (интересно было бы знать, какой физіологическій методъ, по Конту, могъ бы намъ открыть этотъ контрастъ!).

Наконецъ, признавая математику отчасти отдѣломъ «естественной философіи» (partie constituante de la philosophie naturelle), Контъ все-таки не рѣшается сдѣлать окончательнаго шага къ сліянію ея съ другими науками о природѣ и, отдавая дань традиціонному воззрѣнію на математику, какъ на науку особаго разряда, науку инструментальную по преимуществу, онъ ставитъ ее въ особую группу во главѣ наукъ и о неорганическихъ, и объ органическихъ явленіяхъ, неправильно разрывая и ея естественную связь съ астрономіей, о которой (связи) мы уже выше говорили.

О дальнѣйшемъ подраздѣленіи каждой изъ шести фундаментальныхъ наукъ у Конта и говорить особо нѣтъ надобности. Въ этомъ подраздѣленіи онъ еще болѣе измѣняетъ своему принципу іерархіи и еще болѣе ставитъ себя въ зависимость отъ существующихъ наименованій наукъ и даннаго въ его эпоху состава и развитія ихъ. Никакой общей связующей идеи въ этихъ дальнѣйшихъ дѣленіяхъ наукъ не можетъ быть обнаружено.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что для современной классификаціи наукъ у Конта можетъ быть взятъ только общій принципъ іерархіи знаній, да и то онъ долженъ быть болѣе глубоко обоснованъ помощью возникшей, уже послѣ выхода въ свѣтъ «Курса» Конта, теоріи развитія. Фактическое же распредѣленіе наукъ у Конта можетъ быть только съ пользою принято въ соображеніе, какъ безсознательное примѣненіе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этого самаго принципа развитія, давшее въ результатѣ въ извѣстныхъ случаяхъ довольно правильное размѣщеніе

отдѣловъ знанія, ибо что можно возразить напр. и съ современной научной точки зрѣнія противъ постановки математики и астрономіи ниже физики и химіи, послѣднихъ ниже физіологіи, а физіологіи ниже соціальной физики въ общей лѣстницѣ наукъ?

Прежде чѣмъ попытаться, сообразно указаннымъ выводамъ, исправить іерархію наукъ Конта, перейдемъ къ критикѣ классификаціи Спенсера, въ которой мы можемъ видѣть примѣненіе второго основного принципа для научнаго разъясненія содержанія науки—принципа психологическаго.

Спенсеръ, для развитія этого психологическаго принципа, сдѣлалъ, однако, гораздо меньше, чѣмъ Контъ для развитія принципа физическаго, объективнаго. Дѣло въ томъ, что противоположеніе конкретныхъ и абстрактныхъ знаній установлено было еще задолго до Спенсера, и самъ Контъ, какъ мы сказали, на немъ настаиваетъ (Cours, I, стр. 56 и слѣд.). У Спенсера вполнѣ оригинальнымъ является только: 1) мысль опредѣлить значеніе каждой отдѣльной науки съ точки зрѣнія степени конкретности и абстрактности ея идей, и затѣмъ 2) признаніе переходныхъ стадій между абстрактными и конкретными науками, которыя Спенсеръ выражаетъ въ идеѣ абстрактно-конкретныхъ наукъ. Къ сожалѣнію, дѣятельное примѣненіе этихъ новыхъ идей въ классификаціи Спенсера оставляетъ желать очень многаго.

Спенсеръ въ своей классификаціи старается наглядно разъяснить значеніе, въ которомъ онъ беретъ понятія абстрактнаго и конкретнаго, и различіе своихъ толкованій этихъ понятій отъ тѣхъ, которыя даютъ имъ его предшественники,—въ томъ числѣ и Контъ. Онъ доказываетъ, что Контъ смѣшиваетъ понятія «абстрактнаго» и «общаго» (abstrait et général), «конкретнаго» и «частнаго». По его же убѣжденію абстрактное и общее—различныя другъ отъ друга концепціи. Общее можетъ быть и конкретно, ибо оно доступно непосредственному воспріятію въ отдѣльныхъ явленіяхъ, абстрактное же есть только продуктъ мысли и объектъ ея созерцанія, а не чувственнаго воспріятія. Въ этомъ психологическомъ разграниченіи конечно много истиннаго, хотя у Спенсера оно изложено довольно туманно и основано на чисто логическихъ соображеніяхъ, а не на психологическомъ анализѣ познавательныхъ процессовъ. Поэтому онъ и прибѣгаетъ въ концѣ концовъ къ случайнымъ примѣрамъ, чтобы нагляднѣе иллюстрировать свое положеніе [1]). По психологической теоріи, изложенной нами въ соч. «Къ вопросу о ре-

[1]) См. Classific. des sciences (пер. Réthoré), 2 éd, стр. 6 и слѣд.

формѣ логики», дѣло въ данномъ случаѣ сводится просто къ различію конкретныхъ и отвлеченныхъ понятій и къ соотвѣтствующему различію тѣхъ дѣйствій ума, которыя называются обобщеніемъ и отвлеченіемъ, т. е. непроизвольнымъ и произвольнымъ (естественнымъ и искусственнымъ) подборомъ признаковъ явленій. Но, если правъ Спенсеръ, различая конкретныя и отвлеченныя понятія, то правъ и Контъ, разумѣющій въ своемъ контрастѣ конкретнаго и абстрактнаго столь же реальное различіе представленій отъ понятій — вообще столько же конкретныхъ, сколько и абстрактныхъ). Можно только возражать противъ его терминологіи, хотя впрочемъ понятія «конкретнаго» и «отвлеченнаго» весьма относительны: конкретныя понятія можно назвать въ свою очередь «отвлеченными представленіями» ибо между непроизвольными и произвольными дѣйствіями ума нѣтъ рѣзкой и совершенно ясной границы. Сознательныя дѣйствія ума, въ противоположность безсознательнымъ, служатъ именно зародышемъ дѣйствій произвольныхъ и, съ точки зрѣнія развитія, всѣ смежныя явленія въ природѣ вообще такъ тѣсно переплетаются другъ съ другомъ, что всѣ наименованія, которыми отмѣчаются ихъ различія, крайне относительны. Между тѣмъ Спенсеръ, опровергая Конта, стоитъ на совершенно абсолютной точкѣ зрѣнія, точно понятіе «абстрактнаго» отлито самою природою въ строго опредѣленную и неизмѣнную форму, не допускающую двоякаго истолкованія. Этотъ «абсолютизмъ» Спенсера, какъ мы ниже увидимъ, вполнѣ ясно обнаруживается и въ самой его классификаціи наукъ.

Далѣе Спенсеръ еще и въ томъ находитъ различіе своей точки зрѣнія отъ точки зрѣнія Конта, что Контъ признавалъ контрастъ конкретнаго и абстрактнаго содержанія въ каждой наукѣ (есть математика конкретная и абстрактная, біологія конкретная и абстрактная и т. д.), онъ же, Спенсеръ — считаетъ однѣ науки вполнѣ конкретными, другія вполнѣ абстрактными. Но и это различіе точекъ зрѣнія не столь существенно, какъ думаетъ Спенсеръ. Дѣло идетъ больше о словахъ, ибо что разумѣть подъ отдѣльною наукою? Съ нашей точки зрѣнія вообще признаніе различія наукъ конкретныхъ и абстрактныхъ есть уже расчлененіе содержанія одной и той же, единой и цѣльной науки на конкретное и абстрактное, а если возможно таковое по отношенію къ цѣлой наукѣ, то почему бы оно не было возможно по отношенію къ ея главнымъ отдѣламъ? Слѣдовательно, Контъ, съ точки зрѣнія самого же Спенсера, правъ, различая конкретное и абстрактное содержаніе въ одной и той же наукѣ. Если же Спенсеръ хочетъ сказать, что конкретные отдѣлы науки можно обозначить особыми

названіями спеціальныхъ наукъ, абстрактные опять особыми, то онъ конечно правъ; но едва-ли и Контъ могъ отрицать такую возможность.

Итакъ, въ изложенномъ только-что разногласіи оба писателя были бы правы, если бы только Спенсеръ, запутавшись въ своемъ особомъ и абсолютномъ истолкованіи понятія «абстрактнаго», не пришелъ въ концѣ концовъ къ такому размѣщенію наукъ въ предѣлахъ понятій «конкретныхъ» и «абстрактныхъ» знаній, которое уже прямо является нелѣпымъ и ошибочнымъ. Онъ считаетъ математику и логику исключительно абстрактными науками,—механику, физику, химію и т. д. абстрактно-конкретными,—астрономію, геологію, біологію, соціологію и пр. исключительно конкретными,—и, съ точки зрѣнія зависимости однѣхъ наукъ отъ другихъ, ставитъ абстрактныя науки во главѣ всѣхъ прочихъ, конкретныя въ хвостѣ.

Уже это одно общее размѣщеніе есть глубочайшій абсурдъ, ибо если признать, вмѣстѣ съ современной психологіей, что единственнымъ конечнымъ источникомъ нашихъ знаній и идей, по содержанію ихъ, является опытъ, внѣшній и внутренній, а это положеніе признаетъ и самъ Спенсеръ, психологъ-эмпирикъ, то очевидно придется допустить, что знанія могутъ развиваться и зависѣть другъ отъ друга только въ обратномъ порядкѣ, т. е. отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ. У Спенсера, правда, есть одинъ уголокъ въ его философской теоріи, въ которомъ можетъ гнѣздиться зерно такой противоестественной идеи о развитіи знаній «отъ абстрактныхъ къ конкретнымъ», — это его гипотеза о наслѣдственной передачѣ сложныхъ комплексовъ идей въ физіологической организаціи мозга [1]). Но едва-ли этой гипотезы, которая допускаетъ, впрочемъ, нѣсколько различныхъ толкованій [2]), вполнѣ достаточно для объясненія упомянутаго распорядка научныхъ идей у Спенсера, если только принять во вниманіе общее направленіе его психологическихъ доктринъ. Поэтому остается только констатировать странное заблужденіе, въ которое онъ впалъ, не пытаясь окончательно разъяснить его причины.

Отъ критики общаго распорядка понятій перейдемъ къ разсмотрѣ-

---

[1]) Ср. Основ. Психологіи, т. II, 208 и т. III, 322.

[2]) Мы думаемъ напр., что единственно возможное ея толкованіе слѣдующее: наслѣдственная организація умственнаго аппарата опредѣлитъ только общее направленіе, въ которомъ перерабатываются конкретныя данныя опыта въ отвлеченные продукты, но сами эти продукты переработки по содержанію все-таки всецѣло зависятъ отъ матеріала, даваемаго опытомъ, и исключенія не составляютъ въ этомъ отношеніи и такія понятія, какъ понятіе пространства и времени.

нію частностей. Что Спенсеръ призналь математику и логику чисто абстрактными науками,—это еще можно объяснить вліяніемъ традицій и рутины даже на умы геніальные. Но какимъ образомъ онъ пришелъ къ выводу, что всѣ науки, имѣющія предметомъ міръ органическій, чисто конкретнаго содержанія,—это едва-ли объяснимо иначе, какъ изъ желанія Спенсера во что бы то ни стало наполнить графу «конкретныхъ наукъ» какимъ-нибудь содержаніемъ. Неужели его собственная біологія, стремящаяся, въ концѣ концовъ, къ выработкѣ отвлеченнаго понятія «жизни», есть наука исключительно конкретнаго характера? Да что же можетъ быть абстрактнѣе понятій жизни, организма, сознанія, общества, опредѣленіе которыхъ составляетъ конечную цѣль біологіи, психологіи, соціологіи, даже съ точки зрѣнія самого Спенсера? Неужели эти понятія менѣе абстрактны, чѣмъ понятія величины, числа, пространства и времени? Абстрактность всѣхъ подобныхъ понятій мы довольно ясно выставили въ главѣ IV своего сочиненія «О реформѣ логики», и повторять то, что тамъ сказано, не будемъ, потому что достаточно хотя бы одной туманности и несовершенства этихъ понятій въ прежней наукѣ, а равно и незаконченности ихъ опредѣленій въ наукѣ современной для того, чтобы видѣть, какъ сложенъ тотъ путь отвлеченія, абстракціи, при помощи котораго они вырабатываются. Или можетъ быть потому, что они еще не окончательно выработаны, Спенсеръ станетъ отрицать законность стремленій упомянутыхъ наукъ къ ихъ построенію? Но тогда зачѣмъ онъ самъ иногда пытается осуществить эту мнимую задачу? А если она осуществима впослѣдствіи, то почему же онъ не сказалъ по крайней мѣрѣ, что теперешняя конкретная стадія развитія біологіи, психологіи и соціологіи есть переходная къ абстрактной? Этого онъ не говоритъ потому, что по его мнѣнію абстрактное стоитъ во главѣ конкретнаго, а не наоборотъ, да онъ не допускаетъ и мысли о возможности перехода наукъ изъ одной стадіи развитія въ другую. Иначе—изъ-за чего было бы спорить съ Контомъ?

Сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что если Спенсеръ правъ, настаивая на развитіи абстрактныхъ, конкретныхъ и смѣшанныхъ научныхъ идей и если онъ правъ въ своемъ стремленіи обозначить особыми терминами науки, въ которыхъ обнаруживается это различіе содержанія идей, то въ дѣйствительномъ размѣщеніи наукъ онъ допускаетъ такія странныя несообразности, которыя противорѣчатъ какъ общей психологической теоріи о развитіи познавательныхъ процессовъ и ихъ продуктовъ, такъ въ частности и дѣйствительному содержанію и задачамъ наукъ. А о томъ уже и говорить нечего, что отсутствіе всякаго

строгаго и общаго для всей классификаціи объективнаго критерія въ расчлененіи содержанія науки заставляетъ его разобщать другъ отъ друга такія тѣсно сплетенныя одна съ другой сферы знанія, какъ математику и астрономію, логику и психологію, физику и химію, съ одной стороны, и геологію съ другой, и т. д. Психологическая точка зрѣнія его можетъ быть утилизирована, но должна быть совершенно переработана и поставлена въ связь съ физической точкой зрѣнія, т. е. въ связь съ теоріей развитія природы.

V.

Исправленіе и объединеніе классификацій наукъ Конта и Спенсера въ одной общей системѣ.

Содержаніе науки можетъ подвергнуться расчлененію, какъ мы уже сказали, во 1) сообразно различнымъ группамъ явленій природы, ею изучаемыхъ, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи или въ ихъ эволюціи отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ, и во 2) сообразно моментамъ изученія этихъ различныхъ группъ явленій, которыя, вслѣдствіе постоянства и единства законовъ познавательной дѣятельности, должны быть всегда однѣ и тѣ же. Эти двѣ точки зрѣнія или два принципа—принципъ развитія явленій природы, независимо отъ нашего сознанія, и принципъ развитія нашихъ идей, въ процессѣ познанія этихъ явленій природы,—мы и попытаемся послѣдовательно приложить къ классификаціи содержанія науки.

Контъ дѣлитъ природу на двѣ области, различая тѣла неорганическія и органическія. Но во 1) наука изучаетъ не одни только «тѣла», а и «процессы», въ нихъ совершающіеся, и общую идею ея объектовъ лучше выразить болѣе общимъ понятіемъ «явленій». Во 2) явленія природы, по остроумной терминологіи Спенсера, могутъ быть не двухъ, а трехъ классовъ, а именно 1) явленіями неорганическими, 2) явленіями органическими и 3) явленіями надорганическими. Сообразно съ этимъ, содержаніе науки, съ точки зрѣнія внѣшней или физической, можетъ быть расчленено на три главные отдѣла. Но этого мало: явленія всѣхъ трехъ порядковъ, въ своемъ развитіи, имѣютъ низшую и высшую степень и могутъ быть изучаемы 1) въ своихъ болѣе общихъ иосновныхъ проявленіяхъ иотношеніяхъ и затѣмъ, во 2) въ тѣхъ болѣе спеціальныхъ и болѣе сложныхъ аггрегатахъ, которые имъ свойственны и которые уже составляютъ пе-

реходную стадію къ развитію явленій слѣдующаго, высшаго порядка. Сообразно съ этимъ, содержаніе каждой изъ указанныхъ трехъ главныхъ наукъ можетъ быть раздвоено. Точно также можно конечно и далѣе, сообразно съ лѣстницей развитія и осложненія феноменовъ природы, расчленять содержаніе каждаго изъ шести пріобрѣтенныхъ этимъ путемъ отдѣловъ науки; все съ той же точки зрѣнія послѣдовательной эволюціи объектовъ познанія и соотвѣтствующихъ имъ идей, насколько они отъ этихъ объектовъ зависятъ. И такъ, вѣроятно, до безконечности, ибо каждая небольшая группа явленій въ общей системѣ можетъ сдѣлаться до извѣстной степени предметомъ спеціальнаго научнаго анализа и самыхъ кропотливыхъ и продолжительныхъ изысканій. Но, во первыхъ, пока дѣйствительный ходъ развитія природы, въ разнообразныхъ своихъ частностяхъ, недоступенъ человѣческому пониманію, до тѣхъ поръ опредѣленіе всѣхъ этихъ безчисленныхъ возможныхъ отдѣловъ и подотдѣловъ знанія, съ точки зрѣнія отношеній ихъ объектовъ, было-бы весьма затруднительно. Во-вторыхъ, насколько таковое и возможно уже въ предѣлахъ каждой главной области науки, оно должно быть предоставлено спеціалистамъ. Поэтому мы лично ограничимся вышеупомянутымъ указаніемъ на шесть главныхъ ступеней въ іерархіи наукъ, сообразно принципу эволюціи явленій природы и постараемся теперь нѣсколько ближе опредѣлить содержаніе каждой, а также придумать для нихъ и подходящія названія.

Явленія неорганическія болѣе общаго и простого характера и состава—это явленія космическія,—движенія и соотношенія космическихъ тѣлъ съ точки зрѣнія ихъ величины, плотности, массы, взаимнаго притяженія и т. д., это явленія, имѣющія вообще характеръ механическій; напротивъ, неорганическія явленія болѣе спеціальнаго и сложнаго характера и состава—это для насъ, обитателей земли, явленія геологическія, представляющія дальнѣйшую стадію развитія явленій космическихъ [1]); въ отличіе отъ этихъ послѣднихъ, явленія геологическія имѣютъ характеръ не чисто механическій, а такъ называемый физическій и химическій. Общую совокупность наукъ и знаній, относящихся къ космическимъ явленіямъ, мы обозначимъ старымъ, но уже вышедшимъ изъ употребленія, терминомъ космологіи; общую совокупность наукъ, относящихся къ явленіямъ геологическимъ, мы обо-

[1]) Ср. у Спенсера—объ отношеніи астрономіи и геологіи, Основ. Психол., I, § 33, особ. стр. 142.

значимъ постоянно употребляющимся, но расширеннымъ въ своемъ значеніи, терминомъ геологіи [1]).

Явленія органическія болѣе общаго и простого характера и состава—это явленія, которыя имѣютъ мѣсто въ растительныхъ тканяхъ, причемъ мы беремъ этотъ терминъ въ самомъ обширномъ, возможномъ съ точки зрѣнія естествознанія значеніи. Въ науку о явленіяхъ этой группы войдетъ такимъ образомъ и ученіе о простѣйшихъ органическихъ клѣткахъ и ихъ агрегатахъ, входящихъ въ составъ животныхъ организмовъ, ибо и этимъ клѣткамъ тоже по преимуществу свойственна лишь растительная жизнь, т. е. обмѣнъ веществъ, и если въ нихъ проявляется нѣкоторая способность къ движенію, то это еще ничего не доказываетъ, ибо эта же способность къ движенію, какъ доказано новѣйшими изслѣдованіями Чарльза Дарвина и его сына, присуща и нѣкоторымъ спеціально растительнымъ тканямъ и организмамъ. Вообще явленія органическія болѣе общія и простыя—это тѣ, въ которыхъ не обнаруживается еще способности организмовъ самостоятельно регулировать свое существованіе, а слѣдовательно и связанной съ этимъ способности къ самостоятельному передвиженію съ мѣста на мѣсто. Явленія органическія болѣе спеціальнаго и сложнаго характера и состава—это тѣ, которыя имѣютъ мѣсто въ индивидуальныхъ животныхъ организмахъ, низшихъ и высшихъ. Сообразно этому расчлененію мы назовемъ два отдѣла знанія, входящіе въ составъ общей науки объ органическихъ явленіяхъ—фитологіей (φυτὸν, растеніе) и зоологіей (ζῶον, животное) [2]).

---

[1]) Это расчлененіе науки о неорганическихъ явленіяхъ приближается также къ Спенсеровскому дѣленію ея на астрогенію и геогенію (ср. Основ. Соціологіи, т. I, гл. I, § 1); но какъ можно видѣть уже изъ 3-й таблицы наукъ въ «Классификаціи наукъ» Спенсера, содержаніе нашихъ понятій космологіи и геологіи шире того содержанія, которое Спенсеръ вкладываетъ въ понятія астрогеніи и геогеніи (ср. ниже нашу таблицу наукъ). Терминъ космологіи и геологіи въ сходномъ съ нашимъ значеніи употребляетъ Сициліани (Prolégomènes à la psychogénie moderne p. 172). Терминъ космологіи, но въ значеніи болѣе обширномъ, чѣмъ наше, употребляетъ и Льюисъ (Объ изученіи психологіи, стр. 49).

[2]) Это дѣленіе въ предѣлахъ науки объ организмѣ считаетъ возможнымъ принять и Контъ, указывая на различіе «physiologie végétale» отъ «physiologie animale», но затѣмъ, испугавшись излишней симметріи въ своей системѣ, онъ не настаиваетъ серіозно на этомъ фундаментальномъ разграниченіи (ср. Cours, I, 74). Что касается до терминологіи, то термины фитологіи и зоологіи вводитъ въ свою систему и Льюисъ (ук. соч., стр. 7), а терминъ зоологіи въ широкомъ значеніи, нами усвоенномъ, встрѣчается также у Сициліани (ук. соч., стр. 172).

Явленія надорганическія болѣе общаго и простого характера и состава—это явленія психическія, болѣе спеціальнаго и сложнаго—явленія соціальныя. Такимъ образомъ, науку о явленіяхъ надорганическихъ мы расчленимъ на два отдѣла—на психологію и соціологію, удерживая пока терминъ Конта и Спенсера (образованный, какъ извѣстно неправильно) [1]).

Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующую основную іерархію наукъ съ точки зрѣнія внѣшней, физической:

I. Науки о неорганическихъ явленіяхъ	1.	Космологія.
	2.	Геологія.
II. Науки объ органическихъ явленіяхъ	3.	Фитологія.
	4.	Зоологія.
III. Науки о явленіяхъ надорганическихъ	5.	Психологія.
	6.	Соціологія.

Это основное расчлененіе содержанія науки отличается совершеннымъ единствомъ принципа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, простотою, но именно въ силу первой его особенности мы и не встрѣчаемъ въ немъ такихъ названій наукъ, какъ названія математики, астрономіи, физики, химіи, физіологіи. Всѣ эти названія обозначаютъ собою науки болѣе спеціальнаго характера, и мы дадимъ имъ надлежащее мѣсто при дальнѣйшемъ расчлененіи содержанія упомянутыхъ шести основныхъ наукъ, съ точки зрѣнія психологической. Къ разбору этой послѣдней мы теперь и перейдемъ.

Мы уже сказали, что процессъ развитія идей и знаній отъ конкретныхъ къ абстрактнымъ и есть тотъ психологическій процессъ, который отражается на составѣ каждой объективно-раздѣльной науки

[1]) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Спенсеръ ставитъ психическія явленія еще въ разрядъ органическихъ и «надорганическими» называетъ собственно только соціальныя явленія, но если мы примемъ во вниманіе, что въ психическихъ явленіяхъ, кромѣ чисто органическихъ условій, участвуетъ и особый факторъ—сознаніе, который отнюдь не составляетъ общую и необходимую характеристическую черту органической жизни, то придемъ къ заключенію въ правильности принятаго нами распредѣленія понятій. Впрочемъ, и самъ Спенсеръ въ «Основ. Психол.» говоритъ о присутствіи въ психическихъ явленіяхъ такого элемента, который рѣзко дифференцируетъ ихъ отъ явленій чисто физіологическихъ или органическихъ въ собственномъ значеніи (ср. уп. соч. I, стр. 146 и 147), такъ что Льюисъ даже полемизируетъ съ Спенсеромъ по поводу такого рѣзкаго, по его мнѣнію, разграниченія органическихъ и психическихъ явленій (ср. уп. соч., стр. 59).

и который долженъ быть положенъ въ основу психологическаго расчлененія знаній. Въ этомъ пунктѣ мы приближаемся къ Конту и отдаляемся отъ Спенсера, который признавалъ, что каждый главный отдѣлъ науки носитъ—или чисто конкретный, —или чисто абстрактный,—или смѣшанный характеръ. Но мы тотчасъ же приблизимся опять къ Спенсеру, если выскажемъ наше убѣжденіе въ необходимости,—при расчлененіи въ предѣлахъ каждой главной группы знаній не только отдѣловъ конкретныхъ и абстрактныхъ понятій, но и отдѣловъ понятій смѣшанныхъ,—подвести всѣ эти отдѣлы знанія подъ идеи различныхъ спеціальныхъ наукъ. Мы даже пойдемъ далѣе по пути, проложенному Спенсеромъ, и признаемъ науки смѣшаннаго состава относящимися къ двумъ разрядамъ: 1) наукъ конкретно-абстрактныхъ, 2) наукъ абстрактно-конкретныхъ. Дѣло въ томъ, что въ процессѣ развитія идей своихъ, человѣческій умъ проходитъ два пути: сначала онъ восходитъ отъ конкретнаго къ абстрактному, затѣмъ нисходитъ обратно, отъ абстрактнаго къ конкретному. Отсюда и различіе индуктивнаго метода познанія отъ дедуктивнаго. Спенсеръ призналъ только существованіе абстрактно-конкретныхъ наукъ, разумѣя подъ этимъ названіемъ тѣ науки, которыя мы скорѣе назовемъ конкретно-абстрактными (впрочемъ, спеціальное распредѣленіе этихъ наукъ у Спенсера и у насъ различно). Признавая только одинъ разрядъ смѣшанныхъ наукъ, Спенсеръ не заботился о правильномъ расположеніи элементовъ своего двойного термина, да этому мѣшала отчасти и его ошибочная постановка абстрактныхъ наукъ во главѣ всѣхъ прочихъ. Естественная послѣдовательность наукъ различныхъ разрядовъ, съ точки зрѣнія психологической доктрины о неизбѣжныхъ, (съ точки зрѣнія развитія идей) моментахъ познавательной дѣятельности человѣка, будетъ слѣдующая:

1. Науки конкретныя.
2. Науки конкретно-абстрактныя. } (индуктивныя).
3. Науки абстрактныя (индуктивно-дедуктивныя).
4. Науки абстрактно-конкретныя (дедуктивныя).

Такое распредѣленіе содержанія каждой объективно-раздѣльной основной науки вполнѣ совпадаетъ и съ тою теоріею развитія идей, которую мы подробно изложили и мотивировали въ своемъ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики» (глава II) и о которой вкратцѣ упомянули выше: первые по порядку сложные продукты чувственнаго опыта, по указанной теоріи, суть конкретныя представленія, вторые суть

конкретныя понятія, третьи—отвлеченныя понятія, четвертые—научныя идеи въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. вполнѣ методически организованныя отвлеченныя понятія. Наука есть совокупность понятій. Поэтому первая, низшая и подготовительная стадія каждой науки есть обработка конкретныхъ представленій въ конкретныя понятія или, точнѣе говоря, провѣрка, исправленіе и дополненіе системы тѣхъ конкретныхъ понятій, которыя образовались въ человѣческомъ умѣ подъ вліяніемъ внѣ и до-научнаго ознакомленія съ природою. Эту задачу, въ предѣлахъ каждой области знанія, и выполняютъ науки конкретныя, собирающія, описывающія и классифицирующія матеріалъ, т. е. наличные факты научнаго опыта.

Вторая стадія научной дѣятельности—это переработка конкретныхъ понятій въ отвлеченныя, или, точнѣе говоря, искусственное расчлененіе и анализъ содержанія конкретныхъ понятій, въ видахъ провѣрки, исправленія и дополненія образовавшихся въ человѣческомъ умѣ, путемъ до-научнаго опыта, отвлеченныхъ понятій. Эту задачу и выполняютъ науки конкретно-абстрактныя, т. е. науки, матеріалъ которыхъ еще является конкретнымъ, продукты же—абстрактными.

Третья стадія научной работы—переработка отвлеченныхъ понятій въ самыя отвлеченныя, методически организованныя научныя идеи„ съ цѣлью построенія стройной системы таковыхъ и съ цѣлью пріобрѣтенія общихъ принциповъ, изъ которыхъ можно было бы дедуцировать совершенное объясненіе всевозможныхъ спеціальныхъ случаевъ. Когда такимъ образомъ развитіе научныхъ идей дойдетъ до своей вершины, начинается обратный путь отъ абстрактнаго къ конкретному, и объясненіе конкретныхъ явленій съ точки зрѣнія абстрактныхъ принциповъ составляетъ уже задачу наукъ абстрактно-конкретныхъ [1]).

Теперь спрашивается, какъ примѣнить эту точку зрѣнія къ дѣйствительному расчлененію содержанія выше приведенныхъ шести основныхъ отдѣловъ знанія, разграниченныхъ нами съ точки зрѣнія объективной?

---

[1]) Приведенное дѣленіе содержанія каждой науки весьма близко къ обычному дѣленію науки на описательную, объяснительную и истолковательную (ср. точное опредѣленіе ихъ у М. И. Владиславлева: Психологія т. I, стр. 45—52). Но въ понятіи истолковательной науки обыкновенно сливаются двѣ идеи 1) истолкованіе смысла понятій (абстрактивная стадія), 2) истолкованіе смысла конкретныхъ фактовъ на основаніи перваго (абстр.-конкр. стадія). Эти двѣ идеи мы и расчленяемъ. Подъ абстрактою стадіею науки слѣдуетъ разумѣть и то, что обыкновенно называется «философіею» данной науки.

Прежде всего, существуютъ ли чисто конкретные отдѣлы идей въ области указанныхъ шести наукъ? Конечно, да,—ибо существуютъ науки, описывающія и классифицирующія явленія космическія (астрономія и метеорологія, какъ описательныя науки), явленія геологическія (географія и геологія въ описательномъ значеніи, а также минералогія), явленія въ сферѣ жизни растительно-органическаго міра (ботаника, гистологія...), явленія въ сферѣ жизни животныхъ организмовъ (зоологія и антропологія въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ), явленія въ сферѣ жизни психической (описательная психологія) и въ сферѣ жизни соціальной (исторія, этнографія и вообще описательная соціологія). Термины, которыми обозначаются всѣ эти конкретныя науки, крайне сбивчивы, въ своемъ происхожденіи случайны и въ своемъ составѣ вовсе не отражаютъ главнаго отличительнаго признака соотвѣтствующихъ идей наукъ, т. е. ихъ описательнаго характера. Поэтому, для единства и однообразія терминологіи, мы обозначимъ всѣ упомянутыя науки терминами космографія, географія, фитографія, зоографія, психографія[1]), соціографія, при чемъ первые два, уже введенные въ употребленіе, мы разумѣемъ конечно въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ какое имъ обыкновенно придается.

Переходя къ наукамъ конкретно-абстрактнымъ, анализирующимъ матеріалъ, даваемый науками конкретными, и стремящимися свести данныя, болѣе или менѣе сложныя, явленія къ ихъ основнымъ элементамъ съ цѣлью объясненія ихъ происхожденія и развитія, мы сразу замѣчаемъ, что такой анализъ во всѣхъ наукахъ совершается въ двоякомъ направленіи. Дѣло въ томъ, что данныя въ мірѣ явленія слагаются изъ двухъ факторовъ, существуютъ въ двоякомъ отношеніи: два эти фактора—вещество и сила, два отношенія—пространство и время. Вещество въ пространствѣ является протяженнымъ и составнымъ, сила во времени обнаруживается движеніемъ, перемѣною, процессомъ, зависящими отъ состава вещества и въ свою очередь его обусловливающими. Вслѣдствіе этого научный анализъ на стадіи конкретно-абстрактной раздвояется: въ одномъ направленіи онъ является статическимъ и имѣетъ объектомъ своимъ сведеніе сложныхъ состояній и отношеній вещества по составу къ простымъ, въ другомъ направленіи онъ является динамическимъ и имѣетъ объектомъ—сведеніе сложныхъ процессовъ и движеній, т. е. проявленій силы къ про-

[1]) Идея «психографіи» отчасти соотвѣтствуетъ понятію «естественной исторіи души» у Шотландскихъ психологовъ.

стѣйшимъ. Остюда теоретически—двѣ области въ каждой наукѣ конкретно-абстрактной. Такія двѣ области дѣйствительно имѣются на лицо въ каждой основной наукѣ: статическіе отдѣлы въ области космологіи отвлекаютъ, при изученіи космическихъ явленій, понятія «величины, массы, формы, фигуры, числовыхъ отношеній» и опредѣляютъ смыслъ и отношенія всѣхъ этихъ понятій; въ число уже достигшихъ извѣстнаго совершенства конкретно-абстрактныхъ наукъ въ этой области, должно поставить на первомъ планѣ элементарныя математическія науки (геометрію, стереометрію, ариѳметику, алгебру). Динамическіе отдѣлы въ области космологіи имѣютъ объектомъ своимъ анализъ движенія, независимо отъ спеціальныхъ силъ, его производящихъ (кинематика и въ извѣстныхъ отдѣлахъ своихъ механика). Если мы обозначимъ общую конкретно-абстрактную стадію развитія космологіи именемъ космогеніи [1]), такъ какъ въ этой стадіи развитія наука вообще стремится объяснить происхожденіе сложныхъ явленій путемъ анализа ихъ простѣйшихъ элементовъ и началъ, а упомянутыя двѣ главныя области ея обозначимъ именами мегетологіи (отъ μέγεθος—величина) и кинесеологіи (κίνησις—движеніе), то эти термины выразятъ болѣе или менѣе наглядно идею наукъ, только-что нами расчлененныхъ.

Статическимъ отдѣломъ науки геологіи, или точнѣе геогеніи, имѣющей предметомъ своимъ анализъ происхожденія вещества и состава тѣлъ на нашей планетѣ, а уже по аналогіи съ ней и анализъ вещества другихъ космическихъ тѣлъ, является химія, которую для однообразія терминологіи назовемъ иначе соматологіей (σῶμα—тѣло). Динамическимъ отдѣломъ той же науки, изслѣдующимъ силы, дѣйствующія въ упомянутомъ веществѣ, является физика, которую можно назвать, ради упомянутой цѣли, также и динамологіей (δύναμις—сила).

Въ области наукъ объ организмахъ, т. е. въ области фитогеніи и зоогеніи, статическимъ отдѣломъ является анатомія растеній и животныхъ, динамическимъ отдѣломъ—физіологія растеній и животныхъ [2]). Можно выразить идеи, лежащія въ основѣ упомянутыхъ наукъ, и особыми терминами, которые, впрочемъ, придумать не такъ легко уже потому, что предѣлы фитологіи и зоологіи еще очень смутно очерчены въ существующей общей наукѣ объ органическихъ явленіяхъ.

---

[1]) Въ понятіе «космогеніи» должно войти и Спенсеровское понятіе «астрогеніи».

[2]) Ср. у Льюиса контрастъ понятій біостатики и біодинамики. (Вопр. о жизни и духѣ, I, стр. 130).

Предоставляя спеціалистамъ исправить нашу терминологію, если она окажется неудовлетворительной, мы пока удовольствуемся слѣдующими терминами:

Фитогенія		Зоогенія	
морфологія	бластанологія	органологія	физіологія
(отъ βλαστάνω, расту, ибо процессъ роста—наиболѣе характеристическій для растительныхъ организмовъ).		(съ удареніемъ на связь этого термина съ греческимъ глаголомъ φύω, произвожу).	

Статическій и динамическій отдѣлы психологіи или, въ частности, психогеніи, мы уже разграничили въ своемъ трудѣ «О реформѣ логики» (Введеніе и I глава) помощью понятій психостатики и психодинамики [1]), но опять, для большаго единства принципа терминологіи, эти названія можно замѣнить и другими, обозначивъ психостатику терминомъ эстесеологіи (отъ αἴσθησις ощущеніе, чувство, сознаніе) [2]), психодинамику—терминомъ пойематологіи (отъ ποίημα дѣйствіе, дѣятельность).

Наконецъ, соціостатику, изучающую и анализирующую общественныя установленія и учрежденія назовемъ θесмологіей (отъ θεσμός учрежденіе, установленіе), соціодинамику, изслѣдующую процессы общественной дѣятельности и общественнаго творчества,—эргасіологіей (отъ ἐργάζω—работаю, обрабатываю, произвожу, совершаю) [3]).

При этомъ мы принимаемъ въ данномъ случаѣ за общія названія для статическихъ и динамическихъ наукъ двухъ послѣднихъ разрядовъ термины: психогеніи (исторія развитія духа) и соціогеніи [4]) (исторія

---

[1] Эти понятія въ весьма сходномъ съ нашимъ значеніи употребляетъ уже и Льюисъ въ своихъ «Вопросахъ о жизни и духѣ», I, ср. особ. стр. 120 и слѣд., стр. 136 и слѣд. Ср. также упом. соч. Сициліани и книжку Paulhan'a Physiologie de l'esprit», p. 19 etc.

[2]) Ср. термины «эсто-физіологіи» у Спенсера (Осн. Псих, I, 1, 101) и «эстетики» у Льюиса (Из. Псих., 63), образованные отъ того же корня, хотя они имѣютъ и другое значеніе.

[3]) Противоположеніе соціальной статики и соціальной динамики ведетъ свое начало, какъ извѣстно, еще отъ Конта (Cours, IV, 230, 235, 261 etc).

[4]) Понятію психогеніи соотвѣтствуетъ до извѣстной степени понятіе «исторіи души» у старыхъ нѣмецкихъ психологовъ. Термины психогеніи и соціогеніи употребляютъ и другіе писатели, напр. Сициліани (упом. соч., p. 81, 115, 173), который, впрочемъ, недостаточно строго ихъ разграничиваетъ. Ср. также о психогенетическихъ изслѣдованіяхъ у Льюиса. (Вопр. о жизни и духѣ, I, 141 и Изуч. Психол., 162).

развитія общества), ибо конечною цѣлью анализа всѣхъ статическихъ и динамическихъ явленій на конкретно-абстрактной стадіи представляется намъ все-таки построеніе полной теоріи развитія этихъ явленій.

Абстрактные отдѣлы шести основныхъ наукъ, болѣе поздніе по своему происхожденію, отчасти уже имѣются на лицо (какъ въ области космологіи),—отчасти находятся въ процессѣ образованія (а именно въ области геологіи, фитологіи и зоологіи),—отчасти же могутъ быть только предусмотрѣны, какъ долженствующіе развиться впослѣдствіи (таковыми они представляются въ области психологіи и соціологіи).

Ихъ характеристическія особенности могутъ быть выражены тѣми наиболѣе отвлеченными научными идеями, къ выработкѣ и опредѣленію которыхъ стремится наука въ различныхъ своихъ отдѣлахъ. Въ связи съ этими общими идеями должно составить и термины, которыми могутъ быть обозначены соотвѣтствующія науки. Еще Уэвель въ своей исторіи научныхъ идей (первая часть его философіи индуктивныхъ наукъ, 3 Edit. London, 1858, vol. I, ch. VII), а за нимъ и другіе англійскіе писатели (напр. отчасти и Спенсеръ, и Бэнъ), пытаются найти эти наиболѣе отвлеченныя идеи въ каждой области знаній (Спенсеръ—только въ области абстрактныхъ наукъ), и ошибка Уэвеля заключается только въ томъ, что онъ кладетъ различіе этихъ отвлеченныхъ идей въ основу всей своей классификаціи знаній, а не одного лишь разграниченія абстрактныхъ моментовъ наукъ, а также и въ томъ, что этихъ отвлеченныхъ идей онъ ищетъ въ существующемъ содержаніи и въ наличныхъ въ его время тенденціяхъ науки. Въ основѣ математики, астрономіи, механики онъ находитъ идеи пространства, времени и числа, въ основѣ физическихъ наукъ—идеи силы, матеріи, причинности и т. д. Исправивъ приведенныя имъ расчлененія этихъ отвлеченныхъ идей, сообразно нашему взгляду на отношенія наукъ, мы укажемъ на слѣдующія главныя и наиболѣе отвлеченныя изъ нихъ въ области признанныхъ нами шести основныхъ наукъ, служащія или могущія служить объектомъ изслѣдованія на стадіи абстрактной:

Космологія—идеи формы, величины, числа, движенія, протяженія, пространства, времени...

Геологія—идеи тѣла, вещества, процесса, силы и т. д.

Фитологія—идеи существованія, роста, развитія, и т. д.

Зоологія—идеи жизни, взаимодѣйствія, трансформаціи и т. д.

Психологія—идеи сознанія, субъекта, дѣятельности, психической эволюціи и т. д.

Соціологія—идеи союза (ассоціаціи), общества, коллективнаго творчества, прогресса, культуры, искусства, науки, и т. д.

Конечно нѣкоторыя изъ этихъ идей, какъ особые предметы изслѣдованія, едва еще намѣчены въ наукѣ, но зато, чѣмъ меньше онѣ были доступны до сихъ поръ научному опредѣленію, тѣмъ съ большимъ упорствомъ стремилась предугадать и опредѣлить ихъ значеніе, путемъ отвлеченной фантазіи, философія. Философія и является поэтому низшею стадіею развитія всѣхъ абстрактныхъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ, и преждевременною попыткою объединенія и законченнаго изложенія ихъ предполагаемаго содержанія,—попыткою, вполнѣ законною съ субъективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія чувствъ и стремленій человѣка, но незаконною съ точки зрѣнія объективной, научной. Вслѣдствіе этого мы и отказываемся считать философію «наукой» и признаемъ ее высшимъ отвлеченнымъ «искусствомъ», иногда вѣрно предугадывающимъ будущія открытія науки, но все-таки субъективнымъ, носящимъ на себѣ печать личности и времени и поэтому вовсе не освобождающимъ науку отъ необходимости повторить ту же работу мысли новымъ путемъ и новыми пріемами. Философія, отрицающая это свое субъективное значеніе и претендующая, несмотря ни на что, быть наукою, и есть та метафизика, или лженаука, противъ которой боролись лучшіе умы во всѣ эпохи, и которая носила въ древности названіе «діалектики», въ средніе вѣка названіе «схоластики».

Но мы отклонились въ сторону. Уже изъ сдѣланнаго выше небольшого и неполнаго перечня наиболѣе отвлеченныхъ научныхъ идей очевидно, что абстрактная стадія развитія возможна для всѣхъ шести основныхъ наукъ. Но въ дѣйствительности, со всѣми признаками науки, эта стадія имѣется на лицо лишь въ области космологіи. Такою абстрактною стадіею въ области космологіи и является математика въ тѣсномъ значеніи, т. е. высшая математика, начиная съ обыкновенной алгебры, которая составляетъ послѣдній продуктъ конкретно-абстрактной стадіи развитія космологическихъ знаній одного разряда. Для единства терминологіи мы назовемъ эту абстрактную науку, съ точки зрѣнія ея общаго объекта—формъ и отношеній, отвлеченныхъ отъ всякаго конкретнаго содержанія,—схематологіей.

Абстрактная наука въ области геологіи еще не имѣетъ особаго названія, ибо она едва образуется. Это—общая наука о веществѣ и силѣ, которая пока состоитъ изъ тѣхъ немногихъ и отрывочныхъ положеній, въ которыхъ стремятся подать другъ другу руку и синтезировать свои знанія и выводы химія и физика. Къ такимъ отрывочнымъ положеніямъ

относятся положенія о вѣчности матеріи и силы (законъ сохраненія энергіи) и др. подобныя. Главнымъ содержаніемъ этой нарождающейся абстрактной науки является идея вещества, какъ носителя силы, и потому мы назовемъ ее гилологіей (ὕλη матерія).

Въ области науки объ организмѣ понятіе біологіи выражаетъ уже идею абстрактной стадіи развитія [1]); но эта идея, вслѣдствіе бѣдности содержанія упомянутой, тоже едва образующейся, абстрактной науки, (къ которой относятся попытки общаго опредѣленія понятія жизни) еще не дифференцировалась для областей фитологіи и зоологіи. Между тѣмъ можно предвидѣть, что будущая наука объ организмѣ будетъ различать идею органическаго существованія, какъ простого обмѣна веществъ, отъ идеи органической жизни, какъ сложнаго процесса обмѣна веществъ и силъ [2]). Поэтому мы и позволимъ себѣ выразить эту предполагаемую нами и неизбѣжную въ будущемъ, по нашему мнѣнію, дифференціацію содержанія біологіи, какъ абстрактной науки, помощью разграниченія понятій онтологіи (старый уже оставленный философскій терминъ, отъ εἰμί существую) и біологіи въ тѣсномъ смыслѣ.

Возможныя въ будущемъ абстрактныя стадіи въ развитіи идей психологическихъ и соціологическихъ, долженствующія привести къ научному опредѣленію понятій сознанія и субъекта, понятій союза (ассоціаціи) и общества, обозначимъ терминами ноологія (отъ νόος умъ, сознаніе) и демологія (отъ δῆμος народъ, община, толпа, куча) [3]).

Скажемъ, въ заключеніе этой главы, еще нѣсколько словъ объ абстрактно-конкретной стадіи развитія различныхъ наукъ. При указанной нами неразвитости абстрактной ихъ стадіи, абстрактно-конкретная должна оказаться, конечно, тѣмъ менѣе выработанною. Дедуктивной стадіи развитія достигла, какъ извѣстно,—и то лишь въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ—астрономія т. е., употребляя наше болѣе

---

[1]) Ср. понятіе «biologie philosophique» у Сициліани (ук. соч. стр. 172).

[2]) Термины «обмѣна веществъ» и «обмѣна силъ» мы разумѣемъ въ томъ спеціальномъ значеніи, которое придали имъ въ «Психологіи чувствованій» (стр. 437 и слѣд.).

[3]) Терминъ этотъ впервые употребляетъ Вундтъ (Logik II B. Methodenlehre, 1883, 570), ставя его въ связь съ употреблявшимся уже прежде нѣкоторыми писателями терминомъ демографія. Но значеніе, которое мы даемъ термину демологіи, болѣе спеціально чѣмъ у Вундта, ибо Вундтъ прямо замѣняетъ имъ старый терминъ «соціологія».

широкое понятіе, космологія [1]). Какъ мы уже видимъ однако изъ примѣра этой одной науки, главный признакъ достиженія наукою вообще разсматриваемой четвертой стадіи развитія есть открытіе ею такихъ всеобщихъ законовъ (въ родѣ закона тяготѣнія), изъ которыхъ можно было бы дедуцировать всѣ другіе частные законы данныхъ явленій и объяснить всѣ комбинаціи этихъ послѣднихъ. Слѣдовательно, абстрактно-конкретная наука имѣетъ дѣло съ развитіемъ и приложеніемъ теоріи законовъ, управляющихъ данною областью явленій. Отсюда мы приходимъ къ выводу о возможности обозначенія всѣхъ имѣющихъ развиться въ будущемъ абстрактно-конкретныхъ наукъ терминами космономія, геономія, фитономія, зоономія, психономія, соціономія. А что такое развитіе неизбѣжно должно наступить рано или поздно, ясно уже изъ того соображенія, что самое существованіе соотвѣтствующихъ областей знанія оправдывается лишь увѣренностью нашей въ возможности открытія общихъ законовъ, управляющихъ всѣми тѣми явленіями, которыя наука изучаетъ, и стремленіемъ нашимъ подготовить путь къ открытію этихъ общихъ законовъ частными обобщеніями, приводящими насъ уже теперь къ отысканію во всѣхъ областяхъ природовѣдѣнія (не исключая психологіи и соціологіи) законовъ эмпирическихъ, т. е. частныхъ.

Если мы теперь приведемъ въ единство и систему всѣ важнѣйшія расчлененія содержанія науки, къ которымъ мы до сихъ поръ пришли, то получимъ слѣдующую общую классификацію, конечно далеко не исчерпывающую всѣхъ уже существующихъ и могущихъ вновь возникнуть отдѣловъ и подотдѣловъ знанія, но за то указывающую, можетъ быть, на то общее направленіе, въ которомъ эта болѣе полная классификація [2]) можетъ быть осуществлена въ будущемъ общими усиліями спеціалистовъ по различнымъ областямъ науки.

---

[1]) Нѣкоторые думаютъ, что такой же степенью развитія характеризуется и одинъ отдѣлъ физики, а именно оптика.

[2]) Мы говоримъ «болѣе полная», ибо совершенно полною она никакъ не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока есть хотя малѣйшая возможность открытія новыхъ областей научнаго изученія природы.

Естественная классификація наукъ, съ точки зрѣнія методовъ экстроспективнаго и интроспективнаго.

Науки:		А. Конкретныя.	В. Конкретно-абстрактныя. а. статическія.	б. динамическія.	В. Абстрактныя.	Г. Абстрактно-конкретныя.
I. О явленіяхъ неорганическихъ.	1. Космологія.	Космографія (астрономія, какъ описат. наука, метеорологія — тоже, космографія — тоже).	Космогенія:	мегатологія и кинесеологія (ариѳметика, геометрія, алгебра). (кинематика, отчасти механика, геометрія движенія Спенсера?).	Схематологія (высшая математика и абстрактная механика).	Космономія (астрономія).
	2. Геологія.	Географія (географія, геологія, какъ описат. наука, минералогія, кристаллографія и т. д.).	Геогенія:	соматологія и динамологія (химія). (физика).	Гилологія (наука о веществѣ вообще).	Геономія.
II. О явленіяхъ органическихъ.	3. Фитологія.	Фитографія (ботаника и гистологія?).	Фитогенія:	морфологія и бластанологія (анатомія растеній). (физіологія растеній).	Онтологія (біологія растит. жизни).	Фитономія.
	4. Зоологія	Зоографія (зоологія въ обыкн. значеніи, отчасти антропологія).	Зоогенія:	органологія и физіологія (анатомія животныхъ). (физіологія и эмбріологія).	Біологія (біологія животныхъ).	Зоономія.
III. О явленіяхъ надъ-органическихъ.	5. Психологія.	Психографія (психологія въ смыслѣ описательной науки).	Психогенія:	эстесеологія и пойематологія (психостатика или психологія въ обычномъ значеніи слова). (психодинамика: наука объ индивид. познаніи или логика, наука объ индивидуальной дѣятельности или этика).	Ноологія (наука о сознаніи вообще).	Психономія.
	6. Соціологія.	Соціографія (исторія, этнографія, отчасти антропологія...)	Соціогенія:	ѳесмологія и эргасіологія (соціостатика). (соціодинамика).	Демологія. (наука объ обществѣ вообще).	Соціономія.

IV.

Дополнительныя соображенія по поводу изложенной классификаціи наукъ.

По поводу изложенной нами только что классификаціи наукъ, дедуцированной изъ общихъ и спеціальныхъ принциповъ, выработанныхъ современною наукою вообще, и опирающейся въ то же время на критику важнѣйшихъ существующихъ расчлененій содержанія науки, можно было бы, конечно, сказать еще очень много и прійти къ нѣкоторымъ новымъ и важнымъ соображеніямъ о методахъ и задачахъ различныхъ существующихъ наукъ и ихъ представителей; но эти соображенія мы изложимъ впослѣдствіи и только въ томъ случаѣ, если встрѣтимъ среди спеціалистовъ достаточное сочувствіе къ своей общей точкѣ зрѣнія, и лишь тогда, когда выслушаемъ ихъ замѣчанія и возраженія по поводу возможныхъ несовершенствъ выработанной нами системы идей и соотвѣтствующей имъ примѣрной системы терминовъ. Пока ограничимся только нѣкоторыми дополнительными соображеніями.

Прежде всего необходимо замѣтить, что наша классификація наукъ, въ отличіе отъ прежнихъ, является идеальною, между тѣмъ какъ эти послѣднія стремились быть реальными. Но эту идеальность нашей классификаціи, въ противоположность воззрѣнію Конта, мы именно и считаемъ ея достоинствомъ. Контъ, наоборотъ, въ похвалу своей классификаціи, приводитъ тотъ фактъ, что она «совпадаетъ съ тѣмъ расчлененіемъ содержанія науки, котораго достигъ человѣческій умъ, безъ заранѣе предвзятаго намѣренія, и обнаруживаетъ именно то ихъ подчиненіе, которое оправдывается позитивно—данными ихъ отношеніями». «Такое согласіе, говоритъ онъ, есть вѣрнѣйшій признакъ хорошей классификаціи» (Cours, I, стр. 77). Но если такъ, то кто же далъ Конту право исключить изъ его классификаціи понятіе психологіи, какъ самостоятельной науки, и игнорировать множество другихъ наукъ, которыя и до сихъ поръ всѣми признаны и о которыхъ онъ не считаетъ даже нужнымъ упоминать, каковы науки филологическія, юридическія и т. д? Если же онъ не считаетъ эти науки дѣйствительными науками, то зачѣмъ же онъ настаиваетъ на необходимости согласія всякой хорошей классификаціи наукъ, въ ея элементахъ, съ наличною ихъ системою, выработанною здравымъ смысломъ человѣчества? Да и на какомъ основаніи, при указанномъ требованіи, онъ рѣшается ввести въ свою си-

стему понятіе совершенно новой науки—понятіе «соціологіи?» Тутъ есть очевидно противорѣчіе.

Спенсеръ точно также, по многимъ признакамъ, стремится какъ можно болѣе приблизить свою классификацію наукъ къ существующимъ идеямъ о раздѣльныхъ другъ отъ друга разрядахъ знанія, но тоже упускаетъ изъ виду многія дѣйствительно-существующія идеи наукъ и вводитъ другія новыя идеи и названія наукъ (напр. вводитъ понятіе астрогеніи). Одно изъ двухъ: или классификаторъ долженъ слѣдовать существующимъ идеямъ, если онѣ признаются имъ безошибочно составленными, или онъ въ правѣ признать себя независимымъ отъ нихъ и въ правѣ совершенно эмансипироваться отъ ихъ вліянія, если онѣ могутъ быть ошибочны и односторонни. Въ первомъ случаѣ классификація будетъ реальной, во второмъ идеальной. Такъ какъ первая очевидно неосуществима съ научной точки зрѣнія, ибо самые сильные умы нашего времени, къ ней стремившіеся, признали однако необходимымъ подвергнуть исправленію и провѣркѣ идеи о содержаніи и задачахъ нѣкоторыхъ наукъ и указали на другія идеи, къ которымъ практика сама собою не пришла, то лучше прямо и открыто сознаться, что реальная классификація наукъ, т. е. естественная классификація существующихъ названій и идей о наукахъ, невозможна и что научное значеніе можетъ имѣть только классификація идеальная, пытающаяся исправить ошибки практики и обычая, дополнить пробѣлы, ими допущенные, и указать на отношенія знаній, ими не предусмотрѣнныя.

Но если естественная классификація содержанія науки можетъ быть только идеальною, не соотвѣтствующею наличному ея расчлененію, и если такова именно предложенная нами, въ видѣ опыта, классификація, то ясно, что отношеніе дифференцированныхъ нами отдѣловъ знанія—къ существующимъ и признаннымъ до сихъ поръ—можетъ быть весьма разнообразно, смотря по степени развитія науки въ той или другой области. Нѣкоторыя, сдѣланныя нами, дифференціаціи понятій могутъ соотвѣтствовать уже существующимъ, инстинктивно произведеннымъ человѣческою мыслью, и даже могутъ оказаться недостаточными для выраженія разнообразія сихъ послѣднихъ, другія могутъ оказаться напротивъ опережающими тѣ, которыя даны на лицо, третьи только исправляющими данныя случайныя и ошибочныя дифференціаціи понятій науки и т. д. Въ возможности такихъ различныхъ соотношеній мы уже и убѣдились изъ сопоставленія расчлененныхъ нами идей о наукахъ съ тѣми, которыя уже имѣются на лицо въ научной практикѣ. Но теперь можно указать еще на общій законъ, который отчасти регулируетъ

эти отношенія. Дѣло въ томъ, что по справедливому утвержденію Конта, сравнительная простота и общность явленій, при отсутствіи посторонних субъективныхъ воздѣйствій, совпадаетъ и съ большею легкостью ихъ изученія, а большая легкость изученія тѣхъ или другихъ явленій приводитъ и къ скорѣйшему ихъ пониманію и выясненію ихъ природы, что въ свою очередь ведетъ къ скорѣйшей дифференціаціи научныхъ идей въ данной области. Имѣя въ виду эту цѣпь фактовъ, мы уже a priori (т. е. на основаніи общихъ соображеній) въ правѣ ожидать, что составъ науки является тѣмъ болѣе опредѣленнымъ, т. е. содержаніе ея тѣмъ болѣе дифференцированнымъ и интегрированнымъ, чѣмъ проще и общѣе, т. е. первоначальнѣе, по своему происхожденію и развитію, явленія, данною наукою изучаемыя.

Съ другой стороны, также понятно и то, что чѣмъ сложнѣе и абстрактнѣе идеи, выработываемыя данною наукою, тѣмъ неопредѣленнѣе ея содержаніе, тѣмъ менѣе ясны ея задачи.

Изъ этихъ двухъ положеній вытекаетъ, что подвигаясь внизъ и направо, въ приведенной нами общей схемѣ распредѣленія наукъ, мы должны встрѣчаться съ менѣе и менѣе опредѣленнымъ, дифференцированнымъ и интегрированнымъ содержаніемъ идей. И это обобщеніе вполнѣ подтверждается сдѣланными выше указаніями на дѣйствительное состояніе тѣхъ или другихъ отдѣловъ науки. Наиболѣе выработанными являются конкретные отдѣлы космологической науки, наименѣе установленными—абстрактные отдѣлы науки соціологической.

Однако, такое общее утвержденіе необходимо дополнить двумя указаніями: во 1) всѣ отмѣченные нами отдѣлы знанія такъ или иначе все-таки уже существуютъ, если не въ видѣ отдѣльныхъ наукъ, то въ видѣ отдѣльныхъ идей, которыя намѣчены другими смежными науками и ждутъ только своего выдѣленія изъ ихъ состава, путемъ болѣе точной дифференціаціи ихъ содержанія[1]). Во 2), какъ мы уже намекнули, кромѣ чисто объектив-

[1]) Выдѣленіе это опять, конечно, можетъ быть только идеальнымъ, ибо de facto въ научной дѣятельности того или другого спеціалиста и въ каждой научной работѣ, т. е. въ каждомъ научномъ трактатѣ, моменты описанія, объясненія, отвлеченнаго и конкретнаго истолкованія явленій тѣсно сливаются, точно также, какъ тѣсно сливаются и изслѣдованія объектовъ различныхъ порядковъ. Изучая сложныя явленія, мы напр. не можемъ не говорить и о простѣйшихъ, хотя бы они непосредственно подлежали анализу совсѣмъ другой науки. Это одно соображеніе о фактическомъ слияніи научныхъ изслѣдованій различной степени и различныхъ моментовъ развитія, въ каждой реальной научной работѣ, еще болѣе подтверждаетъ высказанную нами мысль объ

ныхъ основаній, на относительный прогрессъ научныхъ идей и на воззрѣнія, касающіяся степени легкости изученія тѣхъ или другихъ объектовъ, вліяютъ еще мотивы субъективные. Отсюда вытекаетъ тотъ фактъ, что если въ области науки, относящейся къ явленіямъ болѣе сложнымъ, и нѣтъ еще настоящей, вполнѣ правильной, съ точки зрѣнія теоріи, дифференціаціи идей объ объектахъ и соотвѣтствующихъ имъ наукахъ, то все-таки въ ней иногда встрѣчается не столь научная, но еще болѣе полная дифференціація этихъ идей, чѣмъ въ той области науки, которая имѣетъ объектомъ явленія болѣе простыя и общія. Уже во «вступленіи» къ своей «Психологіи чувствованій» мы высказали ту мысль, что есть два различные источника познавательной дѣятельности человѣка: 1) внутренній или мѣстный, состоящій изъ наслѣдственной потребности ума искать пищу для своей дѣятельности; этотъ мотивъ—также объективный или теоретическій, и 2) внѣшній или общій, состоящій въ стремленіи человѣка расширить свои знанія для житейскаго своего обихода,—этотъ мотивъ представляется субъективнымъ или практическимъ.

Мотивъ внутренній влечетъ человѣка въ самыя отдаленныя сферы міровой жизни, въ сферы явленій простѣйшихъ и наиболѣе общихъ, могущихъ разъяснить ему природу явленій, болѣе спеціальныхъ и сложныхъ; мотивъ внѣшній, практическій, заставляетъ его, наоборотъ, спѣшить съ изученіемъ явленій ближайшихъ, съ которыми непосредственно связано его бытіе и которыя однако всего сложнѣе и труднѣе для пониманія (ср. l. c. X—XI).

Вслѣдствіе этого мы и находимъ de facto весьма значительно, хотя и далеко не научно — дифференцированными,— во всѣ времена относи-

---

идеальномъ характерѣ научной классификаціи наукъ. Реальнымъ мотивомъ дробленія научной дѣятельности можетъ являться только принципъ раздѣленія труда, но этотъ чисто практическій принципъ часто расходится съ теоретическими или логическими требованіями, ибо примѣненіе его регулируется случайными условіями даннаго въ тотъ или другой моментъ состоянія знаній, научныхъ пріемовъ и научной литературы, а также условіями соціальными и общественными, которыя отражаются въ оффиціальномъ распредѣленіи наукъ въ ученыхъ учрежденіяхъ страны, въ способахъ ихъ преподаванія, въ обычаяхъ различныхъ научныхъ цеховъ и школъ и т. д. Естественная и научная классификація наукъ можетъ указывать только на то, какъ должно было бы расчленяться содержаніе науки, чтобы быть вполнѣ правильнымъ, а не на то, какъ оно дѣйствительно расчленяется и можетъ быть расчленяемо при наличныхъ внѣшнихъ и практическихъ, т. е. реальныхъ условіяхъ научной дѣятельности, которыя, можетъ быть, никогда не будутъ вполнѣ совпадать съ идеальными.

тельно,—тѣ идеи объ объектахъ и тѣ идеи наукъ объ этихъ объектахъ, которыя всего сложнѣе и труднѣе для анализа и для правильной научной классификаціи. Напр., съ теоретической точки зрѣнія, соціологія, конечно,—самая юная и наименѣе опредѣленная въ своемъ содержаніи и въ своихъ научныхъ выводахъ наука, а между тѣмъ, практически все то содержаніе, которое можетъ и должно быть подведено подъ идею соціологіи, является уже весьма полно, хотя бы и несовершенно,—дифференцированнымъ. Ибо куда, какъ не въ область соціологіи, мы отнесемъ всѣ такъ называемыя «гуманитарныя» науки, за исключеніемъ психологіи индивидуума, т. е. науки, которыя принято называть историческими, филологическими, юридическими? Соціологъ-естествоиспытатель (по методу и тенденціямъ) долженъ сознаться въ своемъ крайне затруднительномъ положеніи передъ задачею примиренія своихъ отвлеченныхъ идей о соціологіи и ея цѣляхъ съ конкретно—даннымъ, крайне разнообразнымъ содержаніемъ, которое должно войти въ эту науку. Правда, именно такую задачу примиренія почти всѣ соціологи, со времени Конта, весьма искусно обходятъ, игнорируя данныя на лицо разнообразныя науки о явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ обществѣ, и голословно отрицая за ними серьёзную научную цѣну; но такое искусное уклоненіе отъ разрѣшенія упомянутой трудности не можетъ вѣчно продолжаться. Рано или поздно археологи, историки, филологи и юристы поставятъ свой ультиматумъ и припрутъ соціологовъ къ стѣнѣ, требуя отъ нихъ объясненія по вопросу о роли, которую послѣдніе имъ думаютъ отвести. Поэтому соціологу лучше прямо сознаться въ своемъ неумѣніи справиться съ задачею или же попытаться, хотя бы на первый разъ и несовершенно, отвѣтить на возможный въ будущемъ вопросъ упомянутыхъ ученыхъ. Это мы и попробуемъ сдѣлать, по мѣрѣ умѣнія. Дѣло въ томъ, что прототипомъ соціологической науки является наука психологическая. Разница въ томъ, что психологія изучаетъ «индивидуальныя» надорганическія явленія, соціологія—«коллективныя», т. е. тѣ, которыя слагаются изъ различныхъ комбинацій первыхъ. Поэтому, если можно съ надеждою на успѣхъ отвергать правильность параллели между составомъ и отправленіями организма и общества (которое нѣкоторыми мыслителями признается тоже своего рода «организмомъ»), то едва-ли возможно отвергать правильность параллели между функціями психическаго организма, т. е. индивидуума, съ одной стороны, и общества, съ другой.

Обществу свойственны en grand всѣ тѣ же отправленія, что и психическому индивидууму или субъекту, и проводить какую-то грань между

психологіею общества (или коллективной) и соціологіей кажется намъ страннымъ [1]), если только не разумѣть подъ «психологіей общества» конкретные отдѣлы той же «соціологіи». Конечно, явленія соціальной жизни, какъ болѣе сложныя, подлежатъ изученію и съ нѣкоторыхъ новыхъ точекъ зрѣнія, психологіи не свойственныхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся соціологія не была, въ концѣ концовъ, все-таки лишь психологіей общества, хотя психологіей болѣе сложной и полной, чѣмъ та, которая имѣетъ объектомъ индивидуумъ, и, далѣе, чтобы возможно было обосновать какой-либо отдѣлъ соціологической науки иначе, какъ на основахъ психологіи индивидуума. По нашему крайнему убѣжденію, даже и такая наука, какъ политическая экономія, только тогда дѣйствительно сдѣлается наукою, когда станетъ строить свои выводы на почвѣ психологической [2]). Многіе изъ политико-экономическихъ заблужденій и предразсудковъ нашего времени именно и объясняются игнорированіемъ психологическихъ основъ жизни человѣческаго общества. Но объ этомъ въ другой разъ: къ этому вопросу мы когда-нибудь еще вернемся.

Выходя изъ убѣжденія въ тѣсной органической связи соціологіи съ психологіей, мы естественно полагаемъ, что точка зрѣнія первой, при расчлененіи своего состава, можетъ быть только психологической. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей вѣроятно уже знакомы съ нашей теоріей психическаго оборота, признающей слѣдующіе, органически связанные другъ съ другомъ, и послѣдовательные моменты взаимодѣйствія психическаго организма со средой и съ «физическимъ» нашимъ организмомъ: 1) ощущеніе (познаніе), 2) чувство (субъективная и нравственная оцѣнка внѣшнихъ фактовъ), 3) стремленіе или хотѣніе (субъективная или внутренняя дѣятельность), 4) движеніе или дѣйствіе (внѣшняя дѣятельность субъекта или выраженіе отношеній его къ средѣ).

Общественному организму несомнѣнно свойственны тѣ же моменты взаимодѣйствія со средою и это порождаетъ соотвѣтствующіе разряды явленій въ его существованіи. Общество тоже познаетъ, чувствуетъ или даетъ нравственную и субъективную оцѣнку окружающимъ явленіямъ, стремится и желаетъ, и наконецъ дѣйствуетъ и выражаетъ вообще, тѣмъ или другимъ внѣшнимъ образомъ, свое отношеніе къ міру.

---

[1]) Это дѣлаетъ напр. проф. Карѣевъ въ своей Философіи исторіи, т. II, гл. II, стр. 56.

[2]) Этотъ взглядъ, впрочемъ, былъ уже высказываемъ и другими изслѣдователями.

Всѣ эти комплексы явленій, познавательныхъ, чувствительныхъ, желательныхъ и дѣятельныхъ, могутъ быть предметомъ болѣе или менѣе самостоятельнаго научнаго анализа. Познавательная дѣятельность общества выражается въ его языкѣ, чувствительность его въ нравахъ и обычаяхъ, желаніе и хотѣніе въ общественныхъ тенденціяхъ и въ политической борьбѣ его элементовъ, дѣятельность его — въ учрежденіяхъ и установленіяхъ, въ законахъ и внѣшнихъ нормахъ его быта. Кромѣ того, на болѣе высокихъ ступеняхъ его развитія, объективная жизнь его находитъ себѣ новое болѣе сложное выраженіе въ его наукѣ (познавательный моментъ), и въ его культурѣ (дѣятельный моментъ), субъективная же жизнь отражается въ его искусствѣ (чувствительный моментъ) и въ его религіозныхъ воззрѣніяхъ (дѣятельный или волевой моментъ). Сообразно съ этимъ, соціологія, на различныхъ ступеняхъ ея развитія, можетъ имѣть объектомъ своимъ: 1) анализъ явленій познавательной дѣятельности общества, отражающихся въ языкѣ и въ состояніи наукъ и знаній, 2) анализъ явленій его чувствительности, выражающихся въ его обычаяхъ, нравахъ и въ художественномъ творчествѣ, 3) анализъ явленій его воли, которыя выражаются въ его общественныхъ, политическихъ и религіозныхъ тенденціяхъ и 4) анализъ явленій его дѣятельности, которыя отражаются въ его внѣшней культурѣ, въ его законахъ и установленіяхъ, юридическихъ, экономическихъ и спеціально политическихъ.

Отсюда возможность распредѣленія содержанія соціологіи на четыре главные отдѣла и возможность отнесенія въ эти отдѣлы уже существующихъ разрядовъ общественныхъ наукъ, наукъ филологическихъ — въ первый, науки объ общественной нравственности или соціальной этики, а также науки объ искусствѣ, какъ соціальномъ явленіи—во второй отдѣлъ, науки исторіи (политической) и науки о религіяхъ—въ третій, наукъ юридическихъ и экономическихъ—въ четвертый отдѣлъ.

При этомъ прибавлю, что и наука о наукѣ, т. е. соціальная логика, въ отличіе отъ теоріи индивидуальной познавательной дѣятельности (т. е. индивидуальной логики) и въ параллель соціальной этикѣ (въ противоположность индивидуальной), должна тоже войти въ область соціологіи, а именно въ первый отдѣлъ наукъ соціальныхъ. Такимъ образомъ теперь мы знаемъ точнѣе, куда отнести и вопросъ о классификаціи наукъ, надъ разрѣшеніемъ котораго трудимся, — это вопросъ соціологическій, а именно вопросъ соціальной, а не индивидуальной теоріи познанія. Замѣтимъ еще, что явленія всѣхъ указанныхъ разрядовъ на конкретно-абстрактной стадіи, могутъ быть изучаемы съ

двоякой точки зрѣнія, статической и динамической, такъ что и соціостатика и соціодинамика могутъ включать въ себя четыре болѣе спеціальныхъ разряда наукъ.

Эта попытка найти компромиссъ между научною идеею о соціологіи, которая выработана философами, и между существующею системою наукъ, изучающихъ явленія соціальнаго порядка, можетъ быть, окажется на первый разъ и неудачной. Объ этомъ не намъ судить. Для насъ несомнѣнно лишь одно, что существующая нынѣ соціологія, благодаря упорному отчужденію своему отъ обычной точки зрѣнія, принятой при расчлененіи наукъ о человѣчествѣ, часто витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ и, перескакивая чрезъ обильный матеріалъ фактовъ и обобщеній, уже добытыхъ этими науками, напрасно затрудняетъ себя, ища совершенно новаго и еще никѣмъ не тронутаго матеріала для своихъ выводовъ [1]), а также напрасно спѣшитъ къ отвлеченнымъ теоріямъ и конечнымъ заключеніямъ, между тѣмъ какъ для нихъ время еще далеко не настало. Надо сперва разобраться въ существующемъ матеріалѣ, дать ему правильную научную классификацію, подвергнуть его новому, кропотливому и долговременному, по самой силѣ вещей, анализу, научно опредѣлить элементы сложныхъ соціальныхъ явленій различныхъ классовъ и затѣмъ уже перейти къ абстракціямъ. А въ настоящее время всякая отвлеченная соціальная теорія можетъ имѣть только значеніе философской гипотезы, а не научной доктрины, и если эта соціальная теорія въ добавокъ еще претендуетъ на научность, то она вливается въ русло «метафизики»,—ибо иначе, какъ помощью метафизическихъ фокусовъ и логическихъ salto mortale, такая теорія и не можетъ пріобрѣсти внѣшняго научнаго лоска. Мы лично, надѣемся, доказали, напримѣръ, довольно наглядно въ своемъ «Опытѣ опредѣленія понятія прогресса», какія сложныя, разнообразныя и кропотливыя изслѣдованія предварительно необходимы для того, чтобы прійти къ научному опредѣленію этого понятія (см. особую статью нашу: «Прогрессъ и наука»). Большая часть соціологическихъ обобщеній должна опираться не только, какъ мы уже указали выше, на выводы психологическіе, но чрезъ посредство психологіи, и на выводы біологіи, наукъ физическихъ и даже космологическихъ, а между тѣмъ, положенія всѣхъ этихъ наукъ тоже еще не совершенны, не полны и односторонни.

По этому поводу скажемъ кстати нѣсколько словъ о взаимной за-

---

[1] Такой пріемъ, конечно, полезенъ и необходимъ, но не какъ единственно-возможный и исключительно-цѣнный.

висимости наукъ, занимающихъ различныя ступени въ общей, указанной нами, іерархіи. Мы уже упомянули о томъ, что Контъ, признавая математическія науки относящимися до извѣстной степени къ области «философіи природы», въ то же время принимаетъ однако и обычный взглядъ на математику, какъ на инструментальную науку совершенно особаго порядка.

По поводу такого расчлененія математики на двѣ отличныя другъ отъ друга области замѣтимъ слѣдующее. Контъ, конечно, совершенно правъ, противополагая конкретную математику (геометрія, механика) абстрактной—и мы сами различили эти двѣ области математики, опредѣливъ ихъ отношенія болѣе точно терминами «конкретно-абстрактной» и «абстрактной» стадіи развитія космологическихъ идей. Но если мы разъ признаемъ, что абстрактная математика развилась на основахъ конкретной или, скорѣе, конкретно-абстрактной, т. е. признаемъ органическую связь въ развитіи идей, въ предѣлахъ той и другой, а такую связь признаетъ конечно и Контъ, на основаніи всей своей теоріи развитія научныхъ идей, то спрашивается, какое онъ имѣетъ въ такомъ случаѣ право отрицать и за абстрактной математикой, какъ дальнѣйшей стадіей развитія конкретной, значеніе такого же отдѣла «естественной философіи», какимъ онъ считаетъ эту послѣднюю, и далѣе—считать одну лишь абстрактную математику вспомогательною, инструментальною наукою по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, если она есть продуктъ развитія математики конкретной. Тутъ есть серьёзное противорѣчіе, которое можно устранить только признаніемъ всей математики вообще и за отдѣлъ «философіи природы», какъ онъ выражается, или «науки о природѣ» какъ мы скажемъ,—и за «инструментальную науку», въ отношеніи къ другимъ наукамъ о природѣ. И это фактически будетъ болѣе вѣрно уже потому, что и геометрія, и механика имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ другимъ наукамъ, напр. химіи (отдѣлъ кристалологіи) и физикѣ (отдѣлъ барологіи, по выраженію Конта). Но теперь спрашивается, является ли такое инструментальное значеніе всѣхъ математическихъ знаній какою-либо спеціальною особенностью математики и единственнымъ въ своемъ родѣ въ области науки фактомъ, или нѣтъ? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, признать за всѣми науками, входящими въ область «естественной философіи», т. е. науки о природѣ вообще, такое же точно инструментальное значеніе по отношенію ко всѣмъ наукамъ высшаго порядка, слѣдующимъ за данными въ установленной іерархіи наукъ? Конечно, современные методы естествознанія уже доказали съ очевидностью, что

на этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно. Химія, физика и гилологія (наука о веществѣ вообще) имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ другимъ наукамъ объ органическихъ явленіяхъ (органическая химія), а чрезъ посредство ихъ ко всѣмъ прочимъ наукамъ высшихъ порядковъ,—анатомія, физіологія и біологія имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ наукамъ психологическаго круга,—психологическія науки, какъ мы это уже видѣли, имѣютъ инструментальное значеніе по отношенію къ наукамъ соціальнымъ. Отсюда и вытекаютъ такіе, напр., факты, что соціологическое понятіе «прогресса», для полнаго научнаго опредѣленія своего, нуждается и въ математическихъ пріемахъ формулировки выводовъ, и въ физическихъ методахъ (ведущихъ къ правильному установленію закона сохраненія энергіи), и въ біологическомъ методѣ (единственно способномъ найти естественное примѣненіе этого закона къ жизни организмовъ), и въ методѣ психологическомъ (долженствующемъ установить правильную идею о балансѣ нашихъ чувствованій, которыя играютъ роль въ оцѣнкѣ прогрессивности внѣшнихъ явленій для человѣка). Слѣдовательно, химія, физика и всѣ остальныя науки въ такой же степени пользуются математикой, какъ методомъ, въ какой физіологія и всѣ науки, отъ нихъ зависящія, въ свою очередь должны пользоваться химіей и физикой, какъ вспомогательными методами въ своихъ изслѣдованіяхъ,—въ какой далѣе психологія пользуется въ своемъ анализѣ физіологіей, какъ вспомогательнымъ пріемомъ, а соціологія — психологіей. Наука, какъ дѣятельность, вѣдь и есть главнымъ образомъ тотъ или другой методъ изслѣдованія данныхъ явленій природы и, если каждая наука, сообразно съ специфическими особенностями соотвѣтствующихъ ей явленій, вырабатываетъ и свой особенный методъ въ ихъ изученіи, то это не значитъ еще, что этотъ методъ способенъ устранить и сдѣлать излишними тѣ методы, которыми пользовались науки низшаго порядка, ибо данныя болѣе сложныя явленія развились сами на основѣ другихъ, болѣе простыхъ, которыя продолжаютъ входить ингредіентомъ въ ихъ составъ, и опредѣленіе и расчлененіе которыхъ должно совершаться при помощи тѣхъ самыхъ методовъ, какими пользовались по отношенію къ нимъ науки низшаго порядка, когда онѣ были самостоятельнымъ и главнымъ предметомъ изслѣдованія. Такъ напр. соціальная жизнь слагается, кромѣ моментовъ, ей одной присущихъ, изъ цѣлаго ряда не только психическихъ взаимодѣйствій индивидуумовъ, но и органическихъ взаимодѣйствій ихъ организмовъ со средою и, далѣе, она отражаетъ на себѣ — подъ именемъ вліянія среды — вліянія чисто физиче-

скихъ и химическихъ, т. е. геологическихъ, процессовъ, въ окружающемъ веществѣ (вліяніе, напр., вулканическихъ переворотовъ на состояніе культуры и общественныхъ установленій даннаго народа въ данной странѣ), а также и вліяніе процессовъ космическихъ (вліяніе кометъ и различныхъ метеорологическихъ феноменовъ на настроеніе общества и на его отвѣтныя дѣйствія, не говоря о косвенномъ вліяніи тѣхъ же феноменовъ на общественную жизнь чрезъ посредство воздѣйствій, которыя они оказываютъ на явленія геологическія и чрезъ нихъ на жизнь организмовъ и психическихъ индивидуумовъ).

Поэтому крайне односторонне и странно было бы въ наше время продолжать говорить о математикѣ, какъ объ инструментальной наукѣ совершенно особаго характера. Всѣ науки являются имѣющими значеніе и сами по себѣ, и какъ орудія другихъ высшихъ наукъ, ибо въ этомъ именно и состоитъ сущность взаимной зависимости и тѣснаго сплетенія (enchaînement) наукъ, о которомъ говоритъ самъ Контъ. Математика только тѣмъ отличается отъ другихъ наукъ, что она стоитъ въ первомъ ряду ихъ и, служа орудіемъ всѣхъ остальныхъ, сама всего менѣе пользуется ими, какъ орудіемъ, между тѣмъ какъ соціологія, стоящая въ послѣднемъ ряду, наоборотъ пользуется всѣми науками, какъ методами, а сама не играетъ по отношенію къ нимъ такой служебной роли.

Однако и эта, на первый разъ, рѣзкая неравномѣрность въ распредѣленіи ролей, какъ мы сейчасъ увидимъ, вполнѣ уравновѣшивается другимъ фактомъ: обратнаго воздѣйствія наукъ о явленіяхъ болѣе сложныхъ на науки о явленіяхъ болѣе простыхъ, но уже не столько чрезъ посредство методовъ, сколько помощью своего содержанія. Дѣло въ томъ, что, будучи приложенъ къ изслѣдованію объектовъ высшаго порядка, методъ данной науки пріобрѣтаетъ чрезъ это самое новый фактическій матеріалъ для своего приложенія, и сопоставленіе этого новаго фактическаго матеріала со старымъ, спеціально свойственнымъ соотвѣтствующей данному методу наукѣ, не можетъ не расширить горизонта этой послѣдней и не повліять тѣмъ самымъ весьма существенно на ея содержаніе и дальнѣйшіе выводы. Вообще, если методъ данной науки прилагается къ изслѣдованію матеріала, свойственнаго наукѣ высшаго порядка, то чрезъ это онъ, если не измѣняется, то углубляется и расширяется, такъ что зависимость наукъ въ концѣ концовъ оказывается взаимной и столько же, сколько одна наука получаетъ отъ другой, столько же именно она и отдаетъ ей, платя только другою монетою. Наглядным примѣромъ этихъ взаимныхъ услугъ раз-

личныхъ отдѣловъ науки служатъ пріобрѣтенія неорганической химіи, сдѣланныя ею вслѣдствіе развитія химіи органической, пріобрѣтенія физіологіи, сдѣланныя ею въ служеніи цѣлямъ психологіи и т. д. Наконецъ, сама математика, эта гордая командирша наукъ, по заявленію спеціалистовъ, можетъ кое-что пріобрѣсти даже отъ одной попытки, хотя и преждевременной и по нашему мнѣнію мало плодотворной, приложить свои методы къ изслѣдованіямъ законовъ и процессовъ мысли, т. е. къ изслѣдованіямъ логическимъ. По крайней мѣрѣ мы лично слышали отъ нѣкоторыхъ математиковъ, что чтеніе работъ Буля, Джевонса и другихъ логиковъ, трудившихся въ этомъ направленіи, было для нихъ, съ ихъ собственной точки зрѣнія, весьма назидательнымъ.

Такъ какъ мы уже коснулись вообще вопроса о методахъ различныхъ наукъ, то вслѣдъ за указаніемъ взаимной зависимости этихъ послѣднихъ, съ точки зрѣнія ихъ методовъ, коснемся еще другого важнаго вопроса, а именно о единствѣ методовъ науки. Мы не будемъ поднимать при этомъ вновь стараго, уже затронутаго нами выше, вопроса о противоположности апріорнаго и апостеріорнаго методовъ науки, ибо этотъ вопросъ для лицъ, чуждыхъ узкихъ предразсудковъ «школы», считаемъ все-таки, если не прямо, то косвенно, уже вполнѣ разрѣшеннымъ современною психологіею, въ смыслѣ неблагопріятномъ для этого контраста [1]). Но зато мы коснемся подробнѣе другого, несравненно болѣе важнаго вопроса.

---

[1]) Н. И. Пироговъ въ своихъ «Посмертныхъ запискахъ» (Русск. Стар., 1884 г., сент.) справедливо говоритъ, что «и апріористъ, также какъ и эмпирикъ (т. е. апостеріористъ), берутъ за исходную точку своихъ сужденій фактъ—«factum», нѣчто для нихъ обоихъ неопровержимое и пріобрѣтенное первоначально чувствами и опытомъ... Но у апріориста болѣе важную роль играютъ не столько непосредственныя, чувственныя впечатлѣнія, сколько заключенія, сложившіяся въ умѣ и фантазіи изъ этихъ впечатлѣній... Однако и раціональный эмпирикъ, изобрѣтая разные способы наблюденія и опыта, контролируя одинъ опытъ другимъ, неминуемо пускаетъ въ ходъ фантазію, и умозаключенія его никогда не могутъ удержаться въ непосредственной связи съ чувственными впечатлѣніями, доставляемыми прямо опытомъ и наблюденіями. (Стр. 500—501). Этотъ взглядъ Пирогова прекрасно выражаетъ современную психологическую теорію, по которой различіе апріорнаго и апостеріорнаго мышленія состоитъ только въ количественномъ отношеніи участвующихъ въ нихъ обоихъ моментовъ, «опыта» и «умственной переработки его матеріала». Впрочемъ этотъ же взглядъ уже выраженъ Бэкономъ въ его ученіи объ anticipationes и interpretatio naturae. Онъ говоритъ: «duae viae sunt, atque esse possunt, ad inquirendam et inveniendam veritatem... Utraque via aditur a sensu et particularibus et acquiescit in maxime generalibus; sed immensum quid-

Дѣло въ томъ, что мы сами, развивая принципы своей классификаціи наукъ, весьма часто противополагали понятія внѣшняго, физическаго (по старой терминологіи «объективнаго») и внутренняго, психологическаго (по старой терминологіи «субъективнаго») методовъ расчлененія знаній и наукъ. Это противоположеніе можетъ привести, пожалуй, нѣкоторыхъ читателей, поверхностно вникшихъ въ нашъ кругъ идей, къ тому выводу, что разрушая двойственность науки съ одной и другой точки зрѣнія, на которыя мы выше указали, мы возстановляемъ её съ третьей, столько же методологической точки зрѣнія, какъ и та, которая дробила знанія на апріорныя и апостеріорныя. «Вся разница, скажутъ намъ, что у васъ, вмѣсто стараго контраста опытнаго и внѣ-опытнаго знанія, возникаетъ новый,— именно контрастъ двухъ видовъ опытнаго знанія, основанныхъ на различіи внѣшней и внутренней воспріимчивости; но не придется ли вамъ и съ точки зрѣнія этого методологическаго контраста признать правильнымъ старое противоположеніе наукъ «о природѣ и о человѣкѣ», такъ какъ вѣдь несомнѣнно, что въ изученіи природы главную роль играетъ внѣшній опытъ, въ изученіи человѣка—внутренній».

На это возраженіе, которое на первый взглядъ, повидимому, должно поставить насъ въ очень затруднительное положеніе, мы и попытаемся еще какъ можно короче отвѣтить.

Мы ставимъ и постараемся какъ можно точнѣе мотивировать слѣдующіе четыре тезиса:

Во 1-хъ, между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ нѣтъ рѣзкой противоположности и строгихъ границъ: различіе того и другого для современнаго психолога совершенно условно;

во 2-хъ, нѣтъ области знанія и, слѣдовательно, науки, которая могла бы быть создана иначе, какъ при совмѣстномъ участіи внѣшняго и внутренняго опыта въ различныхъ пропорціяхъ и отношеніяхъ;

въ 3-хъ, развитіе методовъ познанія восходящей іерархіи наукъ, завися отъ развитія и отношенія соотвѣтствующихъ явленій, есть развитіе столько же внѣшняго, сколько и внутренняго опыта параллельно и въ ихъ союзѣ другъ съ другомъ; при этомъ въ каждой высшей въ іерархіи наукѣ de jure не упраздняются, а лишь расширя-

---

dam discrepant: cum altera perstringat tantum experientiam et particularia cursim, altera in iis rite et ordine versetur и т. д. (Novum Organum, Aphorismi, L. primus, XIX—XXX).

ются, совершенствуются и осложняются методы науки ближайшаго низшаго порядка, — и если de facto бываетъ иначе, то вслѣдствіе непониманія истиннаго отношенія наукъ и явленій, ими изслѣдуемыхъ;

въ 4-хъ, вслѣдствіе всего этого: науки психологическія и соціологическія, трактующія главнымъ образомъ, но не исключительно, о человѣкѣ, отличаются отъ наукъ космо- и геологическихъ, фито- и зоологическихъ не противоположностью своихъ методовъ, основанныхъ будто бы на противоположности внѣшняго и внутренняго опыта, а лишь большею сложностью ихъ, т. е. большею сложностью соединенныхъ и интегрированныхъ другъ съ другомъ въ одно неразрывное цѣлое методовъ внѣшняго и внутренняго опыта. Примѣромъ такой интеграціи является и наша классификація наукъ, построенная на объединенныхъ принципахъ развитія явленій природы и явленій сознанія (идей), при чемъ первый извлеченъ по преимуществу изъ внѣшняго, второй по преимуществу изъ внутренняго опыта.

Такъ какъ настоящая статья посвящена вопросу о классификаціи наукъ, а не изслѣдованію ихъ методовъ, то подробное доказательство этихъ тезисовъ мы оставимъ до другого времени. Теперь единственная наша цѣль—доказать, что въ нашей теоріи науки нѣтъ внутреннихъ противорѣчій, а потому мы намѣрены не доказывать, а, какъ замѣчено выше, только мотивировать упомянутые тезисы, т. е. пояснить, на какихъ основаніяхъ мы ихъ принимаемъ. Самыя же эти основанія подробно разберемъ и докажемъ въ другомъ изслѣдованіи.

1) Тезисъ объ отсутствіи рѣзкой противоположности и точныхъ границъ между внѣшнимъ и внутреннимъ опытомъ мы можемъ мотивировать слѣдующимъ образомъ. Весь нашъ опытъ основанъ на ощущеніяхъ. Ощущенія эти дѣлятся на внѣшнія, относящіяся къ средѣ, и внутреннія, или органическія, относящіяся къ организму и, между прочимъ, къ процессамъ нервнымъ и мозговымъ или психо-физіологическимъ. Эти мозговыя ощущенія (названныя нами въ другомъ трудѣ: «Къ вопросу о реформѣ логики»—интеллектуальными) и составляютъ главную основу внутренняго опыта, какъ орудія самопознанія въ собственномъ смыслѣ. Но вѣдь и внѣшнія, и внутреннія ощущенія суть ближайшимъ образомъ ощущенія перемѣнъ въ нашихъ органахъ (ибо мы ощущаемъ непосредственно, напр., не движенія свѣтовыхъ и звуковыхъ волнъ, а соотвѣтствующія имъ измѣненія въ нашихъ органахъ, т. е. въ органахъ зрѣнія, слуха, и т. д.). Даже болѣе того: эти периферическіе органы соединены непосредственно съ центрами второстепенныхъ мозговыхъ массъ (спиннаго, продолговатаго мозга, зрительныхъ бугровъ и т. д.), которые

въ свою очередь соединены съ центрами первостепенными, въ большомъ мозгу, раздраженіе которыхъ только и даетъ сознаніе, т. е. ощущенія— въ настоящемъ значеніи слова. Слѣдовательно, мы непосредственно ощущаемъ даже не перемѣны въ периферическихъ органахъ, а перемѣны въ центрахъ, съ ними соединенныхъ, — и это столько же въ сферѣ внѣшняго, сколько и въ сферѣ внутренняго опыта. Вся разница, что въ силу организаціи мы объективируемъ одни ощущенія внѣ организма, въ средѣ, минуя передаточные органы, — другія — въ организмѣ. Но и это различіе не столь радикально, ибо, во-первыхъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, напр. въ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ, мы объективируемъ въ средѣ ощущенія чисто внутреннія, въ другихъ, напр. если въ наше тѣло попалъ посторонній предметъ (пуля, иголка и т. п.), мы ощущаемъ «среду» путемъ внутреннихъ, органическихъ ощущеній и объективируемъ её въ организмѣ. Во-вторыхъ, между средой и организмомъ тоже часто нѣтъ рѣзкихъ границъ (пища, переработываемая и всасываемая нашимъ кишечникомъ — не есть организмъ, но уже не есть и среда), такъ что ощущенія въ этихъ случаяхъ внѣшне-внутреннія (Аристотель былъ поэтому отчасти правъ, считая вкусовыя ощущенія «внутренними»). Въ-третьихъ, есть ощущенія, а именно половыя, въ которыхъ уже положительно внѣшняя и внутренняя чувствительность сливаются; даже въ ощущеніяхъ, сопровождающихъ поцѣлуй, объятіе или рукопожатіе, это сліяніе замѣтно.

Все это заставляетъ насъ утверждать, что между внѣшними и внутренними ощущеніями есть переходныя, безразличныя ощущенія (того и другого порядка вмѣстѣ) и что рѣзкихъ границъ и противоположности между ними не существуетъ: эта противоположность существуетъ только на двухъ полюсахъ (внѣшнія ощущенія зрѣнія и слуха и внутреннія психическія или мозговыя ощущенія), и потому она условна. Тѣ же соображенія заставляютъ насъ находить неправильнымъ обычное противоположеніе внѣшняго и внутренняго опыта, какъ объективнаго и субъективнаго (употребленіе, ведущее свое начало отъ Канта). Субъективная наша воспріимчивость выражается только въ чувствованіяхъ, т. е. удовольствіяхъ и страданіяхъ, и въ сложныхъ чувствахъ, ихъ комбинаціяхъ, которыя мы рѣзко различаемъ отъ ощущеній. Ощущенія же, и внѣшнія, и внутреннія, всегда объективны, ибо мозгъ нашъ есть тоже объектъ ощущенія, а не субъектъ. Субъектъ вообще ощущать себя не можетъ: онъ только чувствуетъ себя, а чувство не можетъ быть источникомъ знанія. Можно знать чувство,—ощущать, что чувствуешь; но это не то же, что «чувствовать» непосред-

ственно. Отсюда общій выводъ: все познаніе наше основано на объективномъ опытѣ, внѣшнемъ и внутреннемъ, между которыми нѣтъ рѣзкихъ границъ, рѣзкой противоположности.

2) Мотивировать мысль, что «внутренній» опытъ не можетъ обходиться безъ помощи и содѣйствія «внѣшняго», нѣтъ надобности, ибо извѣстно, какую роль въ психологическихъ изслѣдованіяхъ играетъ истолкованіе внѣшнихъ выраженій чувствъ, волненій, состояній ума и воли и т. д. у другихъ людей, животныхъ и себя самого—«по аналогіи съ другими». Кромѣ того, въ умозаключеніяхъ психолога, основанныхъ на внутреннемъ опытѣ и самонаблюденіи, громадную роль играютъ его анатомическія и физіологическія познанія объ организмѣ, пріобрѣтаемыя внѣшнимъ опытомъ. Мотивировать же мысль, что и «внѣшній» опытъ невозможенъ безъ участія «внутренняго», можно слѣдующимъ образомъ. Во 1) со времени Локка мы знаемъ—и Кантъ только ясно и систематически провелъ эту мысль — какое широкое участіе играетъ внутренній опытъ въ общихъ представленіяхъ и понятіяхъ о пространствѣ, времени, причинной связи, тожествѣ, различіи, количественныхъ, модальныхъ и другихъ отношеніяхъ и т. д. (категоріи воспріятія и ума), подъ которыя мы подводимъ всѣ наши знанія, почерпнутыя изъ внѣшняго опыта. И мы лично старались психологически прослѣдить первоначальное возникновеніе и развитіе всѣхъ этихъ представленій и понятій въ связи съ внутренними (органическими и въ частности интеллектуальными и психическими) ощущеніями въ нашемъ трудѣ «Къ вопросу о реформѣ Логики». Во 2-хъ) есть во всѣхъ такъ называемыхъ физическихъ наукахъ и рядъ спеціальныхъ идей, въ которыхъ элементы внутренняго и внѣшняго опыта смѣшаны, какъ напр. идеи движенія въ физикѣ, притяженія въ астрономіи, жизни въ біологіи. Можетъ ли физикъ мыслить о движеніи, не мысля «усилія», служащаго причиной и условіемъ преодолѣванія препятствій движущимся тѣломъ, а «идея усилія», конечно, почерпнута первоначально изъ внутренняго, а не изъ внѣшняго опыта и уже послѣ перенесена на этотъ послѣдній. Точно также и идея притяженія, какъ показываетъ самый терминъ, ближайшимъ образомъ связана съ внутреннимъ опытомъ, какъ на это указалъ уже Льюисъ (Изуч. Психологіи, § 94). Изъ идеи жизни мы никакъ не можемъ устранить своихъ внутреннихъ «ощущеній жизни». Да и однѣ ли эти идеи связаны съ внутреннимъ опытомъ? Можно найти въ астрономіи, физикѣ, химіи, біологіи массу терминовъ, первоначальное значеніе которыхъ ассоціировано съ данными нашего внутренняго опыта и которыя послѣ уже перенесены на явленія внѣшняго опыта.

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ соображеній, мы и ставимъ общую посылку, что во всѣхъ сферахъ познанія внѣшній и внутренній опыты въ различныхъ формахъ и пропорціяхъ органически связаны другъ съ другомъ.

3) Мы уже показали выше, какимъ образомъ каждая низшая въ іерархіи наука является методомъ и орудіемъ науки высшей. Если всѣ явленія подчинены законамъ развитія и осложненія, то понятно, что болѣе сложныя явленія содержатъ въ себѣ всѣ менѣе сложныя или болѣе простыя, откуда ясно, что de jure методъ каждой высшей науки, изслѣдующей явленія болѣе сложныя, долженъ поглощать методы всѣхъ низшихъ наукъ.

Мы еще не дожили, конечно, до того времени, когда химія и физика будутъ въ состояніи оказать существенныя услуги психологіи и соціологіи, ибо для этого и химія, и физика, и анатомія, и физіологія, и сама психологія, и соціологія должны значительно усовершенствоваться. Но мы за то уже дожили до того времени, когда психологія сознала необходимость поглотить въ свой методъ методы анатоміи и физіологіи. При этомъ было бы ошибочно думать, что она беретъ безъ измѣненія методы этихъ послѣднихъ наукъ, т. е. не развиваетъ далѣе внѣшняго наблюденія, а только дополняетъ его внутреннимъ. Не говоря уже о развитіи внѣшняго опыта въ наблюденіяхъ надъ «выраженіемъ» душевныхъ состояній,—развѣ германскіе психофизики и психофизіологи, особенно Вундтъ, не усовершенствовали и не развили колоссально, для психологическихъ цѣлей, методовъ «физіологическихъ» изслѣдованій, какъ сферы внѣшняго опыта? Работы Вундта и его сотрудниковъ по экспериментальной психологіи открываютъ новое широкое поле для развитія внѣшняго опыта, соотвѣтственно возрастающей сложности явленій. Соціологія еще не выработала своей особой стройной методологіи, но развѣ уже и теперь существующіе методы соціальныхъ наукъ—лингвистическій, историческій, антропологическій, этнографическій и др. подобные, еще весьма разъединенные, не представляютъ собою сложной амальгамы пріемовъ внѣшняго и внутренняго опыта, имѣющихъ совершенно специфическія черты?

На основаніи этихъ и другихъ подобныхъ мотивовъ, мы и утверждаемъ, что во всей іерархіи наукъ совершается послѣдовательное и непрерывное развитіе, сообразно возрастающей сложности явленій, методовъ соединеннаго внѣшняго и внутренняго опыта, такъ что сообразно съ іерархіею явленій можно создать и параллельную «іерархію методовъ внѣшняго и внутренняго наблюденія». А такъ какъ

эти послѣдніе такъ тѣсно связаны, что ихъ можно отдѣлить другъ отъ друга только въ абстракціи, въ мысли, а не реально, то существующій контрастъ внѣшняго и внутренняго наблюденія, какъ «различныхъ методовъ различныхъ наукъ» мы совершенно отвергаемъ.

Психологія пользуется не отдѣльно взятымъ методомъ внутренняго наблюденія или самонаблюденія, а своимъ особымъ психологическимъ методомъ, составляющимъ сложную амальгаму изъ взаимодѣйствія методовъ и внѣшняго, и внутренняго наблюденія. И такъ же точно и всѣ остальныя науки. Этимъ размышленіемъ мотивированъ и 4-й нашъ тезисъ, составляющій дальнѣйшее развитіе третьяго. На основаніи ихъ мы утверждаемъ:

4) Рѣзкаго контраста между науками о человѣкѣ и науками о природѣ нельзя провести — и съ точки зрѣнія противоположности внѣшняго и внутренняго опыта. Мы изучаемъ одновременно и себя—въ природѣ, и природу—въ себѣ. Оттого понятіе «космологіи», въ концѣ концовъ, обнимаетъ собою всѣ остальныя частныя понятія наукъ, составляющихъ только спеціальныя области общей и единой науки о мірѣ,—съ другой стороны, понятіе «соціологіи» въ такой же степени обнимаетъ и поглощаетъ всѣ другія понятія наукъ, ибо для человѣка—и космологія, и геологія, и физіологія, и зоологія, и психологія суть только подготовительныя ступени и элементы этой «конечной» его науки, — соціологіи, поглощающей въ себѣ всѣ остальныя знанія. Эту двоякую истину понялъ еще Ог. Контъ, признавая «первоначальное раціональное первенство» (suprématie rationelle) математической философіи (по нашему «космологіи») и «конечное интеллектуальное главенство» (Souveraineté intellectuelle) соціальной философіи (или соціологіи), которую онъ называетъ конечною наукой (Science finale) [1]. Наука есть синтезъ центробѣжныхъ и центростремительныхъ силъ человѣческаго ума. Первыя обнаруживаются во внѣшнемъ опытѣ, въ идеѣ природы и въ понятіи единой науки о мірѣ—космологіи. Вторыя обнаруживаются во внутреннемъ опытѣ, въ идеяхъ сознанія, общества, союза, и въ понятіи единой науки о міровомъ сознаніи и о міровомъ союзѣ—соціологіи. Двусторонній міръ представляетъ такое же полное единство, какъ и двусторонняя наука.

Изъ всѣхъ этихъ разсужденій читатель уже видитъ общій характеръ всей нашей теоріи познанія и въ частности нашей теоріи «науки», стремящихся привести къ высшему синтезу монизма и дуализма

[1]) Ср. Cours de philos. posit. VI, особ. стр. 538 и слѣд. стр. 712 и слѣд.

«явленій природы», стремящихся оправдать существующія въ ней единство въ двойственности и двойственность въ единствѣ. Это оказывается возможнымъ при нѣкоторомъ исправленіи и правильномъ синтезѣ позитивнаго метода Конта и эволюціонной точки зрѣнія Спенсера. Поэтому и всю нашу теорію познанія и, въ частности, выработанную нами, въ видѣ опыта, классификацію наукъ, назовемъ въ отличіе отъ другихъ, позитивно-эволюціонною.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИСТИННЫХЪ ЗАДАЧАХЪ ФИЛОСОФІИ[1]).

(Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 7-го октября 1886 года).

Въ предисловіи къ своимъ Prolegomena ко всякой будущей метафизикѣ Кантъ говоритъ, между прочимъ: «Вопросъ, возможна ли извѣстная наука, — онъ разумѣетъ при этомъ свой вопросъ о возможности науки метафизики,—предполагаетъ сомнѣніе въ дѣйствительномъ ея существованіи. Но такое сомнѣніе оскорбляетъ всякаго, чья собственность, можетъ быть, и заключается только въ этомъ сокровищѣ. И потому тотъ, кто проговорится о такомъ своемъ сомнѣніи, долженъ быть готовъ встрѣтить сопротивленіе со всѣхъ сторонъ. Нѣкоторые, въ гордомъ сознаніи древности и потому предполагаемой законности своего владѣнія, будутъ смотрѣть на него свысока и съ презрѣніемъ, держа въ рукахъ свои метафизическіе учебники; другіе, которые ничего неспособны видѣть, кромѣ того, что сходно съ видѣннымъ ими прежде, не поймутъ его,—и все останется на нѣкоторое время въ такомъ положеніи, какъ-будто не случилось ничего, что заставляло бы позаботиться объ измѣненіи (взглядовъ) или же надѣяться на него» (Proleg., Vorr., S. 2).

Самая послѣдняя часть пророчества Канта сбылась, хотя у него далѣе и проглядываетъ надежда, что его реформа избѣгнетъ упомянутой участи. Дѣло въ томъ, что Кантъ на самомъ дѣлѣ не предполагалъ совершенно уничтожить метафизику, какъ науку. Онъ надѣялся только убѣдить разумныхъ людей въ томъ, что метафизика, если она желаетъ продолжать свое существованіе, должна «вновь родиться» и должна быть перестроена по совершенно новому и «никому еще неизвѣстному плану»,

---

[1]) «Русская Мысль» 1886, № 11.

который Кантъ и разработалъ въ своихъ философскихъ произведеніяхъ «критическаго періода».

И, однако же, этотъ планъ не былъ принятъ и остался достояніемъ Канта [1]). И нынѣ, чрезъ сто лѣтъ послѣ появленія Критики чистаго разума (1781) и Prolegomena (1783), можно сказать, что все находится почти «въ такомъ положеніи, какъ будто ничего не случилось». Догматическая метафизика, противъ которой боролся Кантъ, пережила послѣ Канта новые періоды расцвѣта и упадка [2]), и мы теперь такъ же мало знаемъ, возможна ли метафизика, какъ наука, и чѣмъ должна быть философія, какъ и во времена Канта.

Можетъ быть, въ этомъ положеніи дѣла виноватъ именно Кантъ, поставившій на мѣсто осужденной имъ старой метафизики новую, еще болѣе замысловатую и недоступную провѣркѣ? Во всякомъ случаѣ, философія находится еще и теперь въ странномъ, исключительномъ положеніи, а сужденія о ней еще въ бо́льшей степени, чѣмъ прежде, полны противорѣчій.

Будучи древнѣе всѣхъ спеціальныхъ наукъ, она все еще не установила своихъ задачъ и методовъ. Мечтая издавна стать руководительницей жизни человѣческой, философія и теперь не можетъ похвалиться ни одною твердою позиціей, которая бы обезпечивала ей вліяніе на жизнь.

Наконецъ, хотя на разработку ея содержанія и потрачены были лучшія силы многихъ геніальныхъ мыслителей европейскихъ, она не можетъ указать въ области своей ни на одну истину неоспоримую, всѣми признанную [3]).

---

[1]) Мы разумѣемъ, конечно, не отдѣльныя части программы Канта, которыя разработывались его послѣдователями, а общій планъ и систему его, которая не повторялась. А, между тѣмъ, Кантъ думаетъ, что метафизика, найдя «масштабъ» для своей разработки, одна изъ числа всѣхъ наукъ можетъ надѣяться сразу стать «совершенною и устойчивою», исключающею возможность «умноженія своего содержанія новыми открытіями», и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сравниваетъ отношеніе своей «критики» (какъ метафизики будущаго) «къ школьной метафизикѣ» съ отношеніемъ химіи къ алхиміи, астрономіи къ астрологіи (ср. Prolegomena, III, Th. Auflösung der Frage: Wie ist Metaphysik als Wissenschaft möglich»). Вотъ это-то убѣжденіе Канта, касающееся «законченности» его построенія и было ошибочно.

[2]) Мы здѣсь имѣемъ въ виду расцвѣтъ догматической метафизики въ первой половинѣ нашего вѣка, въ системахъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, и упадокъ ея, отчасти подъ вліяніемъ Канта, въ послѣднія десятилѣтія. Нынѣ метафизика, благодаря популярности ученій Шопенгауэра и Гартмана, снова возрождается.

[3]) Совершенно такое же сужденіе о состояніи философіи высказалъ въ 1638 г. Декартъ въ своемъ Discours de la méthode (I отд.).

Мудрено ли, что и сужденія о ней противорѣчивы: что одни считаютъ ее «уже устраненною ступенью» къ наукѣ, другіе продолжаютъ ждать отъ нея рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ знанія и жизни; что иные считаютъ ея услуги знанію «въ прошломъ» неизмѣримыми, другіе думаютъ, что она всегда была препятствіемъ на пути развитія истиннаго «научнаго» знанія; что многіе преклоняются предъ возвышенностью ея идей и глубиною ея открытій, другіе же видятъ въ этой предполагаемой высотѣ и глубинѣ одну только пустую заносчивость?

Конечно, никакого противорѣчія не было бы, если бы всѣ эти разнородные факты и сужденія относились не къ одной и той же, а къ двумъ различнымъ философіямъ—истинной и ложной, настоящей и мнимой. И потому-то всѣ великіе философы прошлаго съ такимъ рвеніемъ искали признаковъ и задачъ истинной философіи и такъ страстно нападали на предшествующую имъ философію, какъ на ложную и мнимую [1]). Но пока изъ этого ничего не выходило и разграниченіе истинной философіи отъ ложной продолжаетъ оставаться мечтою. Поневолѣ возникаетъ сомнѣніе, не слѣдуетъ ли признать эту цѣль неосуществимою и въ будущемъ. Можетъ быть, всегда будетъ столько же философій, сколько философовъ, и для каждаго будетъ истинною его философія, а ложными—всѣ остальныя [2])?

Къ счастью, есть одно обстоятельство, которое даетъ право надѣяться, что въ будущемъ удастся достигнуть болѣе прочнаго соглашенія относительно задачъ и методовъ философіи, чѣмъ въ прошломъ, и что близится то время, когда истинныя задачи философіи будутъ опредѣлены и установлены окончательно.

Несомнѣнно, что мы имѣемъ, сравнительно съ предшественниками, два важныя преимущества: это—два новые метода изслѣдованія задачъ философіи, которые сложились только въ нашъ вѣкъ, почти на нашихъ глазахъ,—методы историческій и психологическій.

Исторія философіи начала серьёзно и систематически разрабатываться только съ конца прошлаго вѣка въ Германіи и сформировалась

---

[1]) Припомнимъ нападки на древнюю философію Бэкона и отчасти Декарта, далѣе упомянемъ рѣзкія нападки Канта на метафизику XVII и XVIII вв. и, наконецъ, колкости, которыя отпускаетъ Шопенгауэръ по адресу своихъ предшественниковъ—Фихте, Шеллинга и особенно Гегеля.

[2]) Такое мнѣніе мы прежде сами раздѣляли и оно отразилось въ нашихъ статьяхъ: Критич. очеркъ о философскихъ этюдахъ Козлова, 1877 г. и Философія, какъ вѣтвь искусства. Мысль 1880 г. (См. выше).

въ науку въ послѣднія четыре десятилѣтія. Прежніе, даже и великіе философы были лишены возможности обозрѣть однимъ взглядомъ все прошлое философіи и обнять разомъ, въ умѣ своемъ, всѣ ея разнообразныя направленія и фазы развитія. Принужденные довольствоваться односторонними и неполнымъ знаніемъ прежнихъ философскихъ движеній, въ особенности въ другихъ странахъ и у другихъ народовъ, они обыкновенно дѣлали исходною точкой для своей критики и построеній какую-либо одну или нѣсколько изъ числа ближайшихъ къ ихъ эпохѣ философскихъ системъ прошлаго и, полемизируя противъ ихъ ошибокъ, впадали въ обратныя, противъ которыхъ эти системы въ свое время возставали, причемъ часто и не подозрѣвали, что возвращаются къ старымъ, уже отвергнутымъ заблужденіямъ [1]). Не столько сознательно, сколько чутьемъ, которое часто ихъ обманывало, старались они проникнуть и въ задачи современной имъ мысли, и въ смыслъ задачъ философіи вообще.

О томъ, что̀ выйдетъ при строгомъ историко-критическомъ обоснованіи задачъ, методовъ и содержанія философіи, мы еще не можемъ судить съ увѣренностью, потому что ни одной исторически-обоснованной философской системы до сихъ поръ не было и не существуетъ [2]). «Пора собрать плоды съ прекрасныхъ подготовительныхъ историческихъ работъ (Vorarbeiten), которыми мы обладаемъ», — говорилъ въ 1879 г., въ I т. своего солиднаго труда Idealismus u. Positivismus, недавно умершій талантливый нѣмецкій философъ Лаасъ. Но никто этихъ плодовъ еще не собралъ. Почтенныя попытки самого Лааса и, ранѣе, Ланге въ его Исторіи матеріализма имѣютъ частное и, скорѣе, отрицательное значеніе, раскрывая, путемъ историко-критическаго анализа, одно-

---

[1]) Это явленіе нынѣ, при помощи историко-философскаго изученія, легко можно подмѣтить. Особенно ярко оно обнаружилось въ системѣ Декарта, возвратившагося къ реалистическому воззрѣнію на субстанцію, блистательно опровергнутому В. Оккамомъ еще въ XIV ст., и въ системѣ Канта, забывшаго печальный урокъ схоластики относительно несостоятельности формально-симметрическихъ классификацій. Другихъ менѣе яркихъ примѣровъ можно было бы привести десятки. Достаточно, впрочемъ, указать на нефилософскіе пріемы матеріалистовъ и позитивистовъ нашего времени, забывшихъ уроки критики Локка, Юма и Канта, чтобы считать поставленный нами тезисъ доказаннымъ.

[2]) Мы разумѣемъ такое научно-историческое обоснованіе, которое заключало бы въ себѣ методическую провѣрку и критику основаній всѣхъ пережитыхъ направленій философской мысли и всѣхъ точекъ зрѣнія въ истолкованіи міра, выработанныхъ человѣческимъ умомъ въ теченіе двадцати четырехъ вѣковъ.

сторонности и несостоятельность двухъ частныхъ направленій мысли— матеріализма и идеализма. Положительная общая работа того же типа еще впереди.

Психологическій методъ анализа задачъ философіи, служащій дополненіемъ къ историческому и провѣряющій его выводы, во всякомъ случаѣ, намѣченъ уже въ Критикѣ чистаго разума Канта, который первый поставилъ вопросъ о задачахъ философіи на почву психологическаго изслѣдованія дѣятельности человѣческаго ума и вообще духовной организаціи человѣка. Но всякому извѣстно, что научные методы психологіи со времени Канта значительно усовершенствовались и находятся еще и теперь въ процессѣ выработки. Кантъ правильно поставилъ вопросъ, но рѣшеніе его принадлежитъ будущему. Конечно, не слѣдуетъ скрывать отъ себя того, что и нынѣ психологія еще далека отъ идеально-научной постановки, такъ какъ до сихъ поръ она не выработала методовъ экспериментальной провѣрки своихъ положеній; несомнѣнно, однако, что и при тѣхъ малыхъ успѣхахъ, которыхъ она достигла, вопросъ, поставленный Кантомъ, можетъ быть рѣшенъ нынѣ гораздо глубже и шире, чѣмъ въ концѣ прошлаго вѣка. Истинный послѣдователь Канта, т.-е. послѣдователь его критико-психологическаго метода, долженъ, прежде всего, подвергнуть пересмотру выводы самой критической философіи Канта. Нѣтъ надобности раздѣлять почти враждебнаго отношенія къ Канту какого-нибудь Боллигера, приписывающаго, въ своемъ трудѣ Anti Kant (1882), возвеличеніе Канта «ложному нѣмецкому патріотизму, желавшему имѣть своего Аристотеля или Платона, хотя на дѣлѣ Кантъ представлялъ собою только матеріалъ для Протагора или Карнеада»,— чтобы признать, однако же, правильнымъ его призывъ къ критикѣ самихъ основаній критицизма.

Такимъ образомъ, историческій и психологическій методы, созданные въ нашемъ вѣкѣ, не даютъ права отчаяваться въ будущемъ философіи, а дозволяютъ, напротивъ, надѣяться, что при помощи критики, основанной на данныхъ исторіи философіи и психологіи, удастся проникнуть въ смыслъ истинныхъ задачъ и въ характеръ настоящихъ методовъ философіи и опредѣлить путь ея дальнѣйшей разработки единообразно и безповоротно. Вопросъ лишь въ томъ, достаточно ли мы уже созрѣли, чтобы приступить теперь же къ рѣшенію проблемы, столь долго тщетно истощавшей мыслительныя силы философовъ? Этого вопроса теперь, конечно, нельзя рѣшить, такъ какъ по плодамъ познается дерево и по результатамъ — достоинство научной работы того или другого поколѣнія людей. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность человѣческой

мысли не можетъ остановиться, и выжиданіе «лучшаго времени и условій» граничитъ съ лѣнью и апатіей мысли. Пусть всякій старается сдѣлать, что̀ онъ можетъ, по силѣ разумѣнія своего, и совокупными усиліями «многихъ» дѣло, наконецъ, будетъ сдѣлано. Философскія системы прошлаго, несомнѣнно, заключали въ себѣ не одно зерно истины, и даже самыя заблужденія прошедшихъ философій назидательны и необходимы для предохраненія человѣчества отъ новыхъ заблужденій. Искреннее стремленіе къ истинѣ уже само по себѣ выше скептическаго равнодушія къ ней или малодушнаго отчаянія въ ея достижимости.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, пользуясь данными исторіи философіи и психологіи, я постараюсь намѣтить направленіе, въ которомъ, по моему мнѣнію, разрѣшимъ вопросъ объ истинныхъ задачахъ философіи. Въ одной лекціи разобрать столь сложный вопросъ всесторонне, конечно, нельзя, но изложить свое убѣжденіе и его мотивы—возможно.

Исторія философіи свидѣтельствуетъ о томъ, во-первыхъ, что терминъ и понятіе философіи въ различныя эпохи, — и въ древности, и въ новое время,—имѣли различный объемъ и содержаніе; во-вторыхъ, что объемъ и содержаніе понятія философіи, вслѣдствіе образованія спеціальныхъ наукъ, задачи которыхъ прежде входили въ область философіи, въ общемъ постепенно суживались, и въ-третьихъ, что всѣ новѣйшія толкованія понятія философіи и задачъ ея примыкаютъ такъ или иначе къ древнимъ идеямъ о философіи и ея задачахъ [1]).

Эти выводы исторіи философіи заставляютъ спросить себя: во-первыхъ, не предстоитъ ли еще и дальнѣйшее измѣненіе содержанія идеи философіи и съуженіе ея задачъ, путемъ выдѣленія изъ ея состава новыхъ спеціальныхъ наукъ, и, во-вторыхъ, нельзя ли предположить, что въ своемъ развитіи съ древности идея философіи, вслѣдствіе различныхъ историческихъ условій, отчасти исказилась или даже утратилась?

На первый вопросъ мы принуждены отвѣтить: да, идея философіи продолжаетъ измѣняться и содержаніе ея суживается на нашихъ глазахъ. Въ нашъ вѣкъ обособилась отъ философіи и получила независимое отъ нея положеніе новая группа спеціальныхъ наукъ—наукъ психологическихъ. Хотя офиціально опека философіи еще не снята съ этихъ наукъ, но всѣмъ ходомъ своего развитія въ наше время онѣ сви-

---

[1]) Эти положенія мы считаемъ столь твердо установленными, что дальнѣйшей провѣрки они не требуютъ. Ср. Zeller: «Philosophie der Griechen», I, Einl.; Ueberweg: «Grundr. d. Geschichte der Philos.», I, Einl. и другія пособія по исторіи философіи, особенно древней.

дѣтельствуютъ, что могутъ существовать и развиваться впредь самостоятельно. Всѣмъ извѣстны десятки именъ психологовъ, вродѣ Бэна и Маудсли, Тэна и Рибо, Фехнера и Вундта, которые разрабатываютъ различные спеціальные вопросы психологіи совершенно независимо отъ проблемъ чисто-философскихъ, и если касаются даже этихъ послѣднихъ въ другихъ своихъ трудахъ (какъ, напримѣръ, Вундтъ), то ихъ философскіе взгляды оказываютъ весьма мало вліянія на ихъ научно-психологическіе выводы и даже, наоборотъ, отражаютъ на себѣ вліяніе послѣднихъ. Кромѣ того, самые методы психологической науки нынѣ таковы, что выводы психологовъ иногда оказываются одинаковыми при различныхъ философскихъ воззрѣніяхъ и симпатіяхъ, и разными при одинаковыхъ философскихъ убѣжденіяхъ [1]), причемъ эти методы (наблюденія и опыта), уже давшіе блестящіе результаты въ другихъ спеціальныхъ наукахъ, все болѣе приближаютъ психологію къ естествознанію и отдаляютъ ее отъ философіи въ тѣсномъ смыслѣ. Теперь для психолога болѣе непростительно не знать вовсе анатоміи и физіологіи человѣка, чѣмъ не знать исторіи метафизическихъ системъ.

Но этого мало: что бы ни говорили скептики, отъ философіи обособляется нынѣ и другая группа наукъ: общественныхъ, названныхъ Контомъ «соціологіей». Конечно, методы соціологіи еще совершенно не выработаны и надъ преувеличенными научными претензіями нѣкоторыхъ соціологовъ недаромъ подсмѣиваются. Но, тѣмъ не менѣе, для всякаго образованнаго человѣка нынѣ ясно, что теорія образованія государства, теорія общества и анализъ законовъ его развитія не могутъ болѣе входить въ область философіи, такъ какъ требуютъ спеціальной разработки фактовъ при помощи особыхъ методовъ и изысканій: историческихъ, статистическихъ, этнографическихъ и друг. Если соціологія, какъ спеціальная наука или группа наукъ, еще не образовалась окончательно, то она находится на пути къ образованію.

Эти положенія, которыя я надѣюсь глубже обосновать въ послѣдующихъ лекціяхъ и курсахъ, заставляютъ, прежде всего, признать необходимость разсматривать философію въ настоящее время исключительно какъ область знанія общаго, стремящагося связать въ одно цѣльное ученіе о мірѣ всѣ знанія спеціальныя. Только при такомъ выдѣ-

[1]) Въ первомъ отношеніи предлагаемъ сравнить выводы физіологической психологіи у нѣмцевъ и англичанъ, наприм., у Вундта и Спенсера, которые держатся различныхъ философскихъ воззрѣній; во второмъ отношеніи напомнимъ разногласіе во многихъ научныхъ положеніяхъ, существовавшія между гербартіанцами различныхъ оттѣнковъ.

ленiи индивидуальнаго характера философiи можно надѣяться уяснить себѣ ея истинныя задачи и значеніе. Философія — «наука о мірѣ, какъ цѣломъ»,—любятъ говорить современные философы[1]). «Наука» ли она, это особый вопросъ, требующій критическаго разсмотрѣнія, но что она—«путь къ цѣльному міровоззрѣнію», если она вообще что-нибудь реальное, а не воображаемое,—это несомнѣнно. Изъ всѣхъ задачъ прежней философіи только эта одна не оспаривается у нея никакою спеціальною областью знанія.

Спрашивается теперь: шло ли развитіе идеи философіи, какъ пути къ общему міровоззрѣнію, въ надлежащемъ направленіи, со времени основанія философіи греками, или нѣтъ?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ рѣшительнымъ нѣтъ.

Въ древности, правда, было нѣсколько различныхъ концепцій идеи философіи, какъ области истиннаго знанія. Но главная, господствующая идея, лежавшая въ понятіи «философіи» у древнихъ народовъ, утратилась и исказилась.

При помощи историческихъ справокъ доказать это положеніе нетрудно.

Изобрѣтеніе термина философіи приписывается древними Пиѳагору въ VI вѣкѣ до Рождества Христова. Пиѳагоръ, будто бы, желалъ обозначить имъ, что совершенная мудрость, σοφία, доступна только богамъ, человѣкъ же долженъ довольствоваться приближеніемъ къ идеалу мудрости посредствомъ любви и влеченія къ ней. Многіе ученые оспариваютъ это преданіе[2]), но для насъ безразлично, кто придумалъ терминъ. Несомнѣнно, что въ V вѣкѣ, во времена Сократа, называвшаго себя, по свидѣтельству Ксенофонта, самоучкою въ «философіи» (αὐτουργὸς τῆς φιλοσοφίας), и къ началу расцвѣта греческой философіи онъ уже существовалъ и еще то, что въ этомъ терминѣ содержалась идея мудрости, σοφία, какъ объекта стремленій философовъ. Что такое эта мудрость? Тожественна ли греческая идея «мудрости» нашему понятію «знанія» и, въ частности, знанія «научнаго»? Въ этомъ нельзя не усомниться уже потому, что всѣ европейскіе языки и многіе не-европейскіе содержатъ въ себѣ различные термины для выраженія понятій знанія и мудрости[3]).

По удачному выраженію Шопенгауэра (Parerga, II, 637), мудрость—это «не только теоретическое, но и практическое совершенство». Ко-

[1]) Ср. Козловъ: «Философскіе этюды». Ч. I. Спб., 1876 г.

[2]) Ср. Ueberweg, I. c., p. 2.

[3]) Σοφία и ἐπιστήμη у грековъ, scientia и sapientia — у римлянъ, Wissenschaft и Weisheit, science или savoir и sagesse и т. д.

нечно, подъ «практическимъ совершенствомъ» слѣдуетъ разумѣть совершенство нравственное, вѣрное пониманіе смысла жизни и обладаніе твердыми нравственными принципами. Мудрецомъ мы называемъ человѣка, выработавшаго какой-то такой особый «высшій» взглядъ на жизнь, которымъ не обладаетъ масса человѣчества и который иногда не зависитъ даже отъ «количества» знаній, т. е. отъ степени учености, хотя знаніе и есть путь къ достиженію «сознательной» мудрости. Вотъ эта-то идея мудрости, какъ предмета сознательныхъ стремленій человѣческаго ума, и лежала у грековъ въ понятіи философіи, какъ методической дѣятельности мысли, направленной къ истинному знанію. И полуисторическіе семь мудрецовъ, σοφοί, отъ которыхъ греки вели начало своей философіи, извѣстны по преимуществу своими «нравственными изреченіями». И Пиѳагоръ, основатель нравственной секты, имѣвшей въ виду перевоспитать человѣчество, и Ксенофанъ, противникъ греческаго многобожія, и мрачный обличитель своихъ согражданъ Гераклитъ, и всѣ остальные самостоятельные мыслители перваго періода греческой философіи имѣли уже отчасти въ виду нравственныя задачи философіи и для обоснованія своихъ нравственныхъ воззрѣній, которыя обыкновенно проводили въ своей политической дѣятельности и обличительныхъ проповѣдяхъ, какъ, напримѣръ, Гераклитъ и Эмпедоклъ, или путемъ воздѣйствія на правителей, какъ Анаксагоръ, учитель и другъ Перикла (и какъ впослѣдствіи Платонъ, наставитель сиракузскихъ тирановъ),—они строили и соотвѣтствующія «теоріи міра», и ученіе объ отношеніи къ нему человѣка[1]).

Но самымъ высшимъ выразителемъ этой идеи греческой философіи является Сократъ, который, по свидѣтельству Ксенофонта, даже прямо отрицалъ возможность познанія внѣшняго міра, указывая на ограничен-

[1]) Подробнѣе эти положенія могутъ быть провѣрены изученіемъ біографій и системъ этихъ философовъ до-сократовскаго періода. Ср. упом. соч. Zeller'a I томъ, а также Byk: «Die Vorsokratische Philosophie d. Griechen in ihrer organ. Gliederung». Lpz., 1875—77 (2 тома). Впрочемъ, несомнѣнно, что этическія воззрѣнія и идеалы философовъ этого періода менѣе извѣстны, чѣмъ нравственныя ученія ихъ преемниковъ и даже, чѣмъ ихъ собственныя теоретическія построенія; но если мы вспомнимъ, какіе ничтожные остатки ихъ сочиненій дошли до насъ, также примемъ во вниманіе 1) преслѣдованія и гоненія, которымъ они подвергались, конечно по поводу своихъ нравственныхъ и политическихъ ученій, 2) все то, что намъ извѣстно о нравственныхъ воззрѣніяхъ, изреченіяхъ и предписаніяхъ Пиѳагора, Гераклита, Эмпедокла, Анаксагора и Демокрита, то истинный смыслъ ихъ философскихъ построеній станетъ болѣе яснымъ.

ность человѣческаго ума (Воспоминанія, ч. I, гл. 1, 13) и говоря, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что «ничего не знаетъ» о мірѣ, хотя, въ то же время, онъ былъ увѣренъ въ возможности знанія жизни и нравственныхъ началъ ея, отожествляя въ этомъ смыслѣ самую добродѣтель съ знаніемъ. Формула Сократа: «добродѣтель есть знаніе» только тогда и понятна, когда, вмѣсто знанія, въ нашемъ смыслѣ, мы поставимъ «мудрость», ибо нашего знанія Сократъ вовсе и не признавалъ [1]).

Какъ разработала эту идею послѣдующая греческая философія? Изъ исторіи философіи мы узнаемъ, что мелкія сократическія школы еще рѣзче Сократа отвергали знаніе опытное, научное, теоретическое и еще исключительнѣе его развивали идею мудреца, т. е. знатока жизни. Въ періодъ греческой философіи послѣ Аристотеля точно также господствовалъ взглядъ на философію, какъ на знаніе жизни, знаніе по преимуществу практическое. Стоики и эпикурейцы сдѣлали этику, теорію нравственности главною составною частью и центромъ тяжести своихъ системъ. Съ Эпикура начинается снова пренебрежительное отношеніе къ теоретическому знанію, къ спеціальнымъ наукамъ. Но важно не это,—важно противоположеніе, которое греки дѣлали между знаніемъ научнымъ и знаніемъ философскимъ. Стоики очень любили сравнивать философа съ врачомъ,—конечно, въ нравственномъ смыслѣ. Сенека называетъ философа «воспитателемъ человѣчества», философію—«искуствомъ жизни». Маркъ Аврелій видитъ въ философіи средство образованія характера и успокоенія человѣческаго духа. Даже Филонъ Александрійскій и ученикъ Плотина Порфирій продолжаютъ видѣть въ философѣ «врача души» [2]).

Но все это, говорятъ обыкновенно, періодъ «упадка» греческой философіи. Что же думалъ Платонъ въ періодъ расцвѣта ея,—Платонъ, лучшій изъ греческихъ философовъ?

Платонъ въ Теэтетѣ (145, E) отожествляетъ философію съ истиннымъ знаніемъ, отожествляетъ понятія σοφία и ἐπιστήμη, а въ Эвтидемѣ (288, D) называетъ философію «процессомъ пріобрѣтенія знанія» (Ἡ δέ γε φιλοσοφία κτῆσις ἐπιστήμης). Но, въ то же время всякому извѣстно, что Платонъ, идучи по стопамъ Сократа, тоже не вѣрилъ въ знаніе «опытное», въ наше «научное» знаніе. Его истинное знаніе есть

[1]) О Сократѣ, кромѣ II т. (I часть) Целлера, см. прекрасное сочиненіе A. Fouillée: «La philosophie de Socrate». Paris, 1874.

[2]) Подробнѣе о воззрѣніяхъ философовъ этого періода на задачи философіи см. у Целлера упом. соч., III, 1 и 2. Die nacharistotelische Philosophie, особ. III, 1, p. 46—54, 356—359, 619, 677 и III, 2, p. 357 и 580 (2-го изданія).

опять только знаніе началъ жизни, знаніе же міра, физическое знаніе онъ считаетъ недостовѣрнымъ мнѣніемъ (ср. особ. Тимей р. 27—28). Центръ тяжести его системы—идея блага, хотя и болѣе сложная и отвлеченная, чѣмъ у Сократа. Для построенія этой идеи блага онъ ищетъ и болѣе глубокихъ теоретическихъ основаній, чѣмъ Сократъ, и въ своемъ ученіи объ идеяхъ строитъ цѣлую теорію міра, но не дѣйствительнаго, физическаго, а идеальнаго, нравственнаго міра. Такимъ образомъ, и у Платона философія есть «путь къ мудрости и къ добродѣтели». Вспомните то мѣсто Федона (61, B и C), гдѣ Сократъ велитъ передать отсутствующему Эвену совѣтъ, чтобъ онъ поскорѣе послѣдовалъ за нимъ, намекая на предстоящую смерть свою, и когда удивленные ученики выражаютъ сомнѣніе, чтобы Эвенъ захотѣлъ послѣдовать этому совѣту, то Сократъ восклицаетъ: «Какъ, развѣ Эвенъ не философъ?»— и затѣмъ разъясняетъ недоумѣвающимъ слушателямъ, что истинный философъ долженъ жѣлать смерти и радоваться ей. Весь діалогъ посвященъ затѣмъ увлекательному и изящному развитію этой мысли (ср. особенно pp. 61—70), и самое доказательство безсмертія души есть лишь средство подтвердить положеніе Сократа о высшихъ идеалахъ философа, презирающаго жизнь и ея скоротечныя наслажденія. Въ этомъ же діалогѣ Платона Сократъ называетъ философію «величайшею музыкой» (μεγίστη μουσική, 61, A), т. е. величайшею формой служенія «идеалу», противополагая ее обыкновенной музыкѣ и поэзіи (δημώδης μουσική) [1]). Въ Симпосіонѣ онъ связываетъ идею философіи съ ученіемъ объ Эросѣ, о высшей любви къ идеалу, а въ Республикѣ даетъ философіи главное мѣсто въ нравственномъ воспитаніи юношества и въ направленіи жизни государства. Очевидно, что вся теоретическая сторона философіи Платона имѣетъ смыслъ только какъ средство обоснованія его нравственныхъ идеаловъ. Не даромъ идея блага царитъ въ его мірѣ идей. И оттого-то ученіе Платона объ идеяхъ понятно только для того, кто идетъ къ нему отъ этическихъ началъ философіи Платона, а не обратнымъ путемъ—отъ ученія объ идеяхъ къ этикѣ.

Но остается еще Аристотель. Какъ думалъ Аристотель?—скажете вы. Вѣдь, это величайшій авторитетъ греческой мысли. Такъ ли? Несомнѣнно, что Аристотель—важнѣйшій научный авторитетъ древности, но, какъ философъ, онъ стоитъ гораздо ниже Платона. Это мнѣніе раз-

---

[1]) Мы не видимъ основанія, подобно многимъ комментаторамъ, переводить терминъ μουσική словомъ «наука». Ср. Лебедевъ: «Федонъ», примѣчанія.

дѣляется нынѣ почти всѣми учеными историками греческой философіи [1]). Аристотель былъ довольно равнодушенъ къ идеалу мудреца. Мы не отрицаемъ, что въ его Никомаховой Этикѣ есть очень теплыя страницы о дружбѣ и прочихъ добродѣтеляхъ и что, по примѣру предшественниковъ, и Аристотель сдѣлалъ съ своей стороны нѣкоторыя усилія для уясненія идеала мудреца, не прибавивъ, однако же, ничего существенно новаго къ воззрѣніямъ на этотъ предметъ Платона; но, въ то же время, достаточно установлено историко-философскою критикой, что у Аристотеля былъ сухой, по преимуществу аналитическій умъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Аристотель, во имя идеи научнаго знанія, расторгъ живую связь, соединявшую у Платона общую теорію міра съ теоріей нравственности, этикой. Онъ первый далъ этой теоріи міра холодный, резонерствующій характеръ и пытаясь придать ей форму науки, основалъ такъ называемую «первую философію», которую причислялъ къ чисто-теоретическимъ наукамъ [2]) и которая впослѣдствіи, съ

---

[1]) Ср. Zeller: «Philos. d. Griechen», II, 2, p. 40 (2 изд.): «Въ отношеніи къ поэтической силѣ, къ богатству фантазіи и геніальности воззрѣнія Аристотель, конечно, не можетъ соперничать съ Платономъ; его духовное оружіе заключается всецѣло въ научности, а не въ художественности». Dühring: «Krit. Gesch. d. Philos.» 1878, p. 142: «Аристотель представляетъ собою разсудительную, склонную къ эмпиризму и заботливую о мелочахъ натуру (vermittlungsbeflissene Natur), между тѣмъ какъ идеальный подъемъ мысли Платона еще никѣмъ не былъ отрицаемъ. Поэтому философскій универсализмъ обоихъ крайне разнороденъ. У Платона онъ покоится на центральной силѣ духа, у Аристотеля онъ проявляется въ разнообразнѣйшихъ пунктахъ периферіи. Первый заботится о всесчерпывающей разносторонности мысли въ ея развѣтвленіяхъ, второй—о перечисленіи возможно большаго множества точекъ зрѣнія, почерпнутыхъ на крайнихъ концахъ дѣйствительности. Представитель перваго метода мыслитъ въ высшемъ смыслѣ философски, второй работаетъ если и не въ настоящемъ значеніи слова «индуктивно», то, все-таки, на манеръ научной методы», и т. д. Ср. также Teichmüller: «Studien zur Gesch. d. Begriffe, 1874, особ. p. 543: «Мнѣ не нужно говорить, что въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ я не умалялъ значенія Аристотеля. Изъ моихъ прежнихъ трудовъ достаточно извѣстно, съ какимъ изумленіемъ я отношусь къ философской силѣ этого ума. Но, все-таки, нельзя отрицать, что Аристотель, если мы его сопоставимъ непосредственно съ Платономъ, можетъ свѣтить только какъ мѣсяцъ при сравненіи съ солнцемъ».

[2]) Аристотель, правда, признаетъ (Метаф. I, 2), что эта «первая философія» или наука «о причинахъ и о первомъ» учитъ тому, ради чего то или другое надлежитъ дѣлать, а это есть хорошее во всѣхъ вещахъ и вообще лучшее въ природѣ (τὸ ἀγαθὸν ἐν ἑκάστοις ὅλως δὲ τὸ ἄριστον ἐν τῇ φύσει πάσῃ), но одновременно онъ считаетъ эту науку по преимуществу наукой для

легкой руки Андроника Родосскаго (въ I в.), приводившаго въ порядокъ сочиненія Аристотеля, стала называться «метафизикой» [1]).

Успѣхомъ ли было это перенесеніе общей теоріи міра съ почвы практической на чисто-теоретическую? Ошибкою ли была реакція противъ этого нововведенія со стороны стоиковъ и другихъ философскихъ школъ послѣ Аристотеля? На это даютъ намъ лучшій отвѣтъ вся дальнѣйшая судьба Аристотелевской первой философіи и вся исторія метафизики.

Аристотелевская первая философія родила схоластику, отъ которой съ ужасомъ отвернулась пробудившаяся въ XV и XVI вѣкахъ критическая мысль человѣчества. Аристотелевская метафизика родила вновь и догматическую метафизику школы Вольфа въ XVIII вѣкѣ, отъ которой снова съ отвращеніемъ отвернулся тотъ же XVIII вѣкъ въ лицѣ Канта. Но это мало: все, что было тяжелаго, неуклюжаго и оскорбляющаго здравый смыслъ, въ вычурныхъ построеніяхъ Канта и его преемниковъ, особенно Гегеля, все это вышло опять изъ того же источника, изъ метафизики и метафизической логики Аристотеля. Упорно, вѣкъ за вѣкомъ, повторялись попытки втиснуть философію, какъ теорію міра, въ узкія рамки спеціальной науки; упорно, но тщетно повторялись опыты приложенія къ ея изслѣдованіямъ пріемовъ науки—псевдоматематическаго и псевдофизическаго. Философы, какъ дѣти, подражающіе взрослымъ и заставляющіе куколъ своихъ ѣсть и пить изъ игрушечныхъ чашекъ и тарелокъ, хотѣли заставить философію черпать свои истины изъ мнимоматематическихъ построеній и quasi-физическихъ наблюденій. И выходила одна только ложь и мертвенность.

Нравственныя задачи философіи отступили на второй планъ; этика заняла второстепенное мѣсто въ философскихъ системахъ новаго времени. И даже тамъ, гдѣ она играла главную роль, какъ у Спинозы и Шопенгауэра, псевдо-научные методы лишаютъ ее жизненной силы. Аксіомы, теоремы и схоліи Спинозы, по удачному сравненію Брунго-

---

науки, знаніемъ ради самаго знанія (τὸ εἰδέναι καὶ τὸ ἐπίστασθαι αὐτῶν ἕνεκα). Вообще изъ второй главы I кн. Метафизики особенно ясно, что Аристотель безусловно смѣшиваетъ понятія мудрости и знанія и говоритъ о мудрости одними устами, а не сердцемъ. Ср. о способѣ пониманія Аристотелемъ задачъ первой философіи у Zeller'a, упом. соч., стр. 108 и слѣд.

[1]) Первоначально, какъ извѣстно, разумѣлись подъ этимъ именемъ тѣ книги «первой философіи», которыя Андроникъ Родосскій поставилъ послѣ физики въ собраніи сочиненій Аристотеля, такъ что никакой внутренней идеи въ этомъ терминѣ не заключалось. Она была вложена въ него гораздо позднѣе.

фера [1]), похожи на высушенныя растенія въ папкахъ ботаника. Въ его ученіи о жизни нѣтъ жизни. Болѣе жизни въ нравственномъ міровоззрѣніи Шопенгауэра; но, пока доберешься до этихъ жизненныхъ струнъ его философіи, нужно одолѣть чисто-схоластическія разсужденія его «о законѣ достаточнаго основанія».

Очевидно, что новая философія пошла по слѣдамъ метафизическихъ построеній Аристотеля, но едва-ли пошла по пути, проложенному всею греческою философіей въ истолкованіи задачъ этой послѣдней. Идея мудрости, задача построенія нравственнаго идеала отступила на второй планъ; на первый планъ выступила идея науки о мірѣ, т. е. идея чисто-теоретическаго изслѣдованія первыхъ причинъ вещей.

Какъ произошло это перенесеніе центра тяжести?

Условія, вызвавшія это явленіе, понятны. Христіанская религія приняла на себя задачу древней философіи. Давая человѣчеству новые идеалы жизни и новое истолкованіе назначенія человѣка, она какъ бы устранила необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія вопросовъ жизни. Отсюда сначала совершенное паденіе древней науки и философіи. Потомъ, разногласія о догматахъ и борьба съ ересями заставили снова вернуться къ изученію древнихъ философовъ, которые, казалось, давали въ руки логическое орудіе для того, чтобы сдѣлать христіанское ученіе вразумительнымъ и убѣдительнымъ для разума человѣка. Уже въ IX в. Дунсъ Скотъ провозгласилъ положеніе о тожествѣ «истинной философіи» съ «истинною религіей», и вскорѣ Аристотель сталъ орудіемъ «логическаго» истолкованія догматовъ католической церкви. Въ XV и XVI вв. пробудились спеціальныя научныя изслѣдованія и, надолго задавленная въ тискахъ мистическаго чувства, мысль человѣческая начала работать съ новою энергіей. Была понята разница между христіанскою религіей и католической догматикой. Протестантизмъ окончательно освободилъ западно-европейскую мысль отъ оковъ церковной догмы. Началась новая усиленная разработка всѣхъ областей спеціальнаго знанія, сдѣланы были великія ученыя открытія и технническія изобрѣтенія. Возобновилась опять и философская разработка нравственныхъ вопросовъ. Но, съ одной стороны, средневѣковая традиція и обаяніе Аристотеля, съ другой—именно успѣхи ума человѣческаго и реакція его противъ долгаго господства чувства заставили философію обратить преимущественное вниманіе на теоретическія задачи, поставленныя ей Аристотелемъ, а затѣмъ Декартомъ, и идея «му-

[1]) Brunhofer: «G. Bruno's Weltanschauung u. Verhängniss». Lpz., 1882.

дрости» не возродилась вмѣстѣ съ другими идеями древняго міра. Кантъ поколебалъ вѣру въ абсолютное могущество человѣческаго ума и опрокинулъ стоявшія на пескѣ догматическія построенія метафизики прошлыхъ вѣковъ. Но, раздѣляя мнѣніе Аристотеля, что метафизика должна быть теоретическою наукой, онъ и его преемники создали новую метафизику или, вѣрнѣе, цѣлый рядъ новыхъ, враждебныхъ другъ другу, метафизикъ [1]).

Такимъ образомъ, до послѣднихъ дней господствовалъ по преимуществу взглядъ Аристотеля на задачи философіи. Но что же будетъ далѣе? Не вернуться ли къ болѣе жизненной идеѣ философіи, какую мы находимъ у Сократа и Платона?

Одинъ изъ послѣднихъ философовъ школы Канта, Шопенгауэръ, раздѣлявшій свои симпатіи между Кантомъ и Платономъ, оставаясь метафизикомъ, поставилъ снова на первый планъ нравственные вопросы философіи и задумалъ дать обществу новую идею о смыслѣ жизни и о роли человѣка въ мірѣ. Вѣрна ли эта идея и не пострадало ли шопенгауэровское воззрѣніе на жизнь отъ метафизическихъ пріемовъ изслѣдованія проблемы жизни, это особый вопросъ [2]). Несомнѣнно то, что онъ снова выдвинулъ на очередь практическія задачи философіи и—если не прямо, то косвенно—своимъ безотраднымъ ученіемъ о жизни обязалъ насъ вновь искать смысла жизни и идеала высшей житейской мудрости. Мы должны поэтому вернуться къ истинному греческому взгляду на задачи философіи, еслибъ и не желали этого. Но вопросъ въ томъ: какъ это сдѣлать? Какъ оправдать эти задачи философіи не только исторически, но и теоретически, т. е. методомъ «психологическимъ», и какъ отнестись къ метафизикѣ? Нужны ли, все-таки, подъемныя машины метафизическаго изслѣдованія сущностей и вопроса о степени познаваемости ихъ, чтобъ отъ «явленій» жизни подняться къ «идеалу жизни» и отъ знанія научнаго—къ идеѣ мудрости?

---

[1]) Конечно, и Кантъ, и другіе новѣйшіе философы не исключали нравственныхъ вопросовъ изъ области своихъ философскихъ изслѣдованій, но едва-ли нужно доказывать, что и у Канта, и у другихъ нѣмецкихъ идеалистовъ ученія о нравственности были только незначительными пристройками къ ихъ метафизическимъ палатамъ.

[2]) Мы убѣждены, что такъ именно и было, и что Шопенгауэръ-метафизикъ сослужилъ плохую службу Шопенгауэру-философу, запутавъ его въ сѣти парадоксовъ и софизмовъ. Но къ этому вопросу мы возвратимся впослѣдствіи въ другомъ мѣстѣ.

Анализъ такого важнаго вопроса нельзя совершить въ четверть часа. Но нѣсколько мыслей о способѣ разрѣшенія его «психологическимъ» методомъ я позволю себѣ сообщить теперь же.

Общій анализъ духовной природы человѣка современною психологіей приводитъ насъ къ тому заключенію, что мысль и чувство—двѣ равноправныя области сознанія человѣка и стороны жизни его. Нельзя безнаказанно порабощать мысль чувству, какъ это стремились сдѣлать средневѣковые руководители человѣческой жизни, но нельзя безнаказанно порабощать и чувство мысли, какъ это дѣлали руководители жизни человѣчества въ прошлые три вѣка. Гармонія мысли и чувства—вотъ высшій идеалъ человѣка, стремящагося къ полному развитію своихъ силъ, своей природы. Потребностямъ чувства, независимаго отъ мысли, отвѣчаетъ религія, потребностямъ мысли, независимой отъ чувства, отвѣчаетъ наука. Наука изучаетъ дѣйствительность объективно, безстрастно, чтобъ овладѣть ею въ видахъ человѣка, подчинить человѣку внѣшнюю природу и сдѣлать его собственную организацію послушнымъ орудіемъ его воли. Но ради чего нужно человѣку овладѣть природой и своею собственною организаціей?.. Чтобы жить? Но зачѣмъ жить, какъ жить, чего хотѣть, къ чему стремиться?.. Наука даетъ человѣку средство выполнить какъ можно лучше и полнѣе предначертанія его воли. Но она не говоритъ, къ чему онъ долженъ направить эту волю; она неспособна опредѣлить цѣли жизни, ибо корень жизни индивидуальнаго человѣка—въ его чувствѣ. Куда направится чувство, туда устремится и воля. Чувства скуки, страданія, отвращенія къ окружающему направляютъ волю къ самоубійству, къ уничтоженію жизни, и наука въ этомъ случаѣ можетъ только научить, какъ лучше и скорѣе покончить съ собою, измѣнить же направленіе воли она не въ состояніи [1]). Религія, вліяя на чувство, усиливая одни чувства и подавляя другія, можетъ направлять волю человѣка; но религія сама всецѣло опирается на чувство, и если извѣстныхъ чувствъ нѣтъ въ человѣкѣ, то нѣтъ и религіи, дающей дальнѣйшее развитіе этимъ чувствамъ и направляющей чрезъ нихъ волю. Поэтому религія всегда нуждалась во вспомогательной силѣ, которая бы насадила ее въ сознаніи личности и обезпечила ея господство надъ волею. Этою вспомогательною силой былъ

---

[1]) Не даромъ въ наше время, при процвѣтаніи научныхъ изслѣдованій, число самоубійцъ увеличилось и въ способахъ осуществленія ихъ достигнута такая виртуозность.

сначала единичный опытъ жизни, индивидуальный опытъ человѣка [1]). Но этотъ личный опытъ въ нашей искусственной жизни извратился, пересталъ служить правильнымъ мѣриломъ чувства и указаніемъ на его истинныя потребности. Съ этимъ вмѣстѣ извратилась и воля. Что же можетъ замѣнить утраченные здоровые инстинкты, чѣмъ можно замѣнить здоровый личный опытъ жизни? А опытъ всего человѣчества, а постиженіе смысла жизни путемъ работы самосознанія, выходящей за предѣлы личнаго опыта, путемъ синтеза данныхъ чувства и мысли всего человѣчества? Эту задачу высшаго синтеза можетъ выполнить только философія. Философія одна способна, путемъ сличенія данныхъ внѣшняго и внутренняго опыта, открытій мысли и внутреннихъ откровеній чувства, возстановить полную картину жизни, выяснить всесторонне назначеніе человѣка, его мѣсто въ природѣ, разумныя цѣли его существованія и дѣятельности. Она одна можетъ дать волѣ человѣка разумные идеалы, такъ какъ корень этихъ идеаловъ—въ субъективномъ чувствѣ, провѣренномъ объективною работой мысли.

Уже изъ этого ясно, что задача философіи—дать общее нравственное міровоззрѣніе; но ясно также и то, что это міровоззрѣніе должно быть научнымъ, иначе оно неспособно будетъ удовлетворить научно развитое сознаніе образованнаго общества. Отношеніе философіи къ наукѣ можно опредѣлить такъ: философія должна внести въ свое міровоззрѣніе всѣ уже вполнѣ доказанныя и провѣренныя общія истины науки и въ своихъ дальнѣйшихъ построеніяхъ не должна допускать никакого противорѣчія этимъ истинамъ и отступленія отъ нихъ. Поэтому философія должна быть научною, какъ это справедливо утверждаютъ и современные позитивисты.

Но, стремясь быть «научною», философія не должна, вслѣдствіе этого, сама хотѣть быть «наукою». Въ этомъ-то и состояло смѣшеніе понятій. У философіи есть свои задачи, свои методы [2]). Чтобы достигнуть цѣльнаго нравственнаго міровоззрѣнія, она должна не только изслѣдовать, но и построять, т. е. прибѣгать часто къ творчеству, и это сближаетъ ее съ искусствомъ. При этомъ замѣчу, что родство философіи съ искусствомъ было признаваемо не только Платономъ, но и многими философами нашего вѣка. Между прочимъ, и Шопенгауэръ говорилъ, что

---

[1]) Страданія, неудачи жизни, болѣзни, ожиданіе смерти часто заставляли человѣка искать спасенія въ религіи, если даже ранѣе онъ не былъ вѣрующимъ.

[2]) Ср. по этому вопросу нашу лекцію: Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно. Одесса, 1885 г.

«оттого такъ долго и стремились напрасно создать философію, что ее искали на пути науки, а не искусства» (ср. Memorabilia, p. 718—720). Въ главномъ своемъ трудѣ онъ говоритъ также, что «философія почти такъ же сродни искусству, какъ и наукѣ» (II, 140). Тамъ же онъ доказываетъ, что «не только философія, но и изящныя искусства работаютъ, въ сущности, надъ разрѣшеніемъ проблемы бытія, но они говорятъ намъ наивнымъ языкомъ чувственнаго воззрѣнія, а не серьёзнымъ языкомъ сознательнаго размышленія; ихъ отвѣтомъ является скоротечный образъ, а не прочное общее знаніе... Въ произведеніяхъ изящныхъ искусствъ,—продолжаетъ Шопенгауэръ,—заключается implicite вся возможная мудрость, раскрываемая explicite философіей». Философія, по его мнѣнію, относится къ искусствамъ, какъ вино къ виноградным лозамъ (ibid., 463—465).

Объ этомъ присутствіи элемента творчества, эстетическаго элемента въ философскихъ построеніяхъ говоритъ и Ланге въ концѣ своей Исторіи матеріализма: «Чѣмъ свободнѣе дѣйствуетъ функція синтеза, чѣмъ эстетичнѣе становится міровой образъ, тѣмъ этичнѣе его воздѣйствіе на нашу дѣятельность въ мірѣ. Не только поэзія, но и умозрѣніе, хотя оно, повидимому, направлено на простое познаніе, имѣетъ уже существенно эстетическую, а вслѣдствіе воспитывающей силы прекраснаго, и этическую цѣль... Всякое совокупное пониманіе слѣдуетъ эстетическимъ принципамъ и всякій шагъ къ цѣлому есть шагъ къ идеалу» (II, стр. 465 и слѣд. [1]).

Какимъ путемъ совершается процессъ этого эстетическаго творчества въ умѣ философа, какому сознательному методу долженъ слѣдовать синтезъ научныхъ знаній въ одно цѣлое нравственное міровоззрѣніе, это проблема будущей психологіи. Шопенгауэръ, а за нимъ и Ланге, повидимому, думаютъ, что этотъ процессъ есть секретъ генія, какъ и процессъ творчества художественнаго. «Когда придетъ день жатвы,—говоритъ Ланге,—то явится тутъ и молнія генія, которая творитъ цѣлое изъ атомовъ, не зная, какъ это совершается». Мы не будемъ оспаривать этого мнѣнія, но думаемъ, однако, что и секретъ генія, быть можетъ, будетъ разгаданъ психологіей послѣдующихъ вѣковъ и что синтетиче-

[1]) О соотношеніи философіи съ искусствомъ и наукою ср. нашу брошюру: Отношеніе философіи къ искусству и наукѣ. (См. выше). Ср. также критику этого воззрѣнія у г. Де-Роберти: Прошедшее философіи, т. II, 207—214. Г. Де-Роберти, кажется намъ, преувеличиваетъ роль творчества въ наукѣ и теоретическія задачи философіи (въ понятіи «философіи наукъ»), хотя мы сходимся съ этимъ писателемъ въ нѣкоторыхъ частныхъ положеніяхъ.

скій методъ философіи, можетъ быть, будетъ разработанъ на почвѣ научнаго анализа дѣятельности мысли, тѣмъ болѣе, что идея его уже намѣчена Сократомъ и Платономъ въ понятіи «діалектическаго» метода[1]).

Но, скажутъ намъ: можетъ быть, истинный методъ философіи въ рѣшеніи этической проблемы и есть методъ метафизическій?.. Такъ думалъ, между прочимъ, и Шопенгауэръ [2]).

На это отвѣтимъ кратко.

Конечнымъ результатомъ кантовской критики чистаго разума является тезисъ о непознаваемости сущностей, ноуменовъ, вещей въ себѣ. Но положеніе о различіи сущностей отъ явленій, о противоположности ноуменовъ и феноменовъ, установленное еще Платономъ, составляя исходный пунктъ кантовской философіи, самимъ имъ не провѣрено, какъ это было замѣчено многими критиками и, между прочимъ, Шопенгауэромъ (Welt a. W., I, 566). Кантъ усомнился во всемъ, кромѣ реальности контраста сущностей и явленій, и свою собственную метафизику построилъ на этомъ контрастѣ, составляющемъ и до сихъ поръ основу всякой метафизики. Но именно въ томъ-то и вопросъ: реально ли это противоположеніе? А если сущностей никакихъ нѣтъ, если сущности и ноумены, въ смыслѣ метафизиковъ,—совершенная фикція и плодъ недоразумѣнія, если это понятіе—остатокъ платоновскаго «реализма», одной изъ самыхъ крупныхъ теоретическихъ ошибокъ этого великаго мыслителя [3])? Если сущности—фикція, то не обрушатся ли, вмѣстѣ съ разоблаченіемъ этой фикціи, и различные метафизическіе подмостки, которые выстраивались прежнею философіей для того, чтобы ввести мысль человѣческую въ этотъ предполагаемый міръ сущностей? Откуда явилось это понятіе сущностей? Абсолютнаго заблужденія въ области ученій добросовѣстныхъ мыслителей не можетъ быть. Поэтому надо стараться найти зерно истины во всякомъ исторически сложившемся понятіи. И для идеи сущности должно быть свое основаніе. Издавна человѣкъ замѣтилъ различіе измѣняющагося въ природѣ отъ неизмѣннаго. Познаніе, очевидно, можетъ имѣть истиннымъ объектомъ

---

[1]) Платоновскій діалектическій методъ, несомнѣнно, есть методъ полу-художественный, какъ доказываетъ и художественная форма его произведеній (ср. Федръ, 264, С). Это мнѣніе оспариваетъ Льюисъ въ своей Исторіи философіи, но ему остроумно возражаютъ Ланге и Лаасъ (Idealismus u. Positivismus I, 104, примѣч.).

[2]) Ср. «Die beiden Grundprobl. d. Ethik.». Lpz., 1860, 260 и слѣд.).

[3]) Платоновскій реализмъ и есть признаніе реальности особыхъ сущностей или общихъ прототиповъ вещей, которые онъ называлъ «идеями».

только неизмѣнное, а не измѣняющееся. Съ этимъ согласны и Платонъ и Аристотель, и всѣ мы. Но какъ до него достигнуть и какъ оно существуетъ, какъ оно относится къ измѣняющемуся? Платонъ первый провозгласилъ, что неизмѣнное существуетъ совершенно независимо, отдѣльно отъ измѣняющагося. Это и есть идеи Платона, особый міръ реальностей, доступный только понятіямъ ума, потому что душа живетъ въ этомъ высшемъ мірѣ ранѣе рожденія и въ это время непосредственно созерцаетъ идеи, неизмѣнное бытіе, которое послѣ воспроизводится въ умѣ помощью припоминанія. Аристотель возсталъ противъ этого отдѣленія сущностей отъ вещей, неизмѣннаго отъ измѣняющагося. Сущности существуютъ въ самыхъ вещахъ, неизмѣнное сопричуще съ измѣняющимся, хотя и независимо отъ него. Но средневѣковые номиналисты и эту гипотезу отвергли: сущности—это только понятія нашего человѣческаго ума, обобщенія измѣняющихся явленій и соотвѣтственныя имена для обозначенія «неизмѣннаго» въ самомъ измѣняющемся. Номинализмъ въ XIV вѣкѣ какъ будто въ теоріи побѣдилъ реализмъ въ лицѣ своего знаменитаго защитника, Вильгельма Оккама, но de facto побѣдилъ аристотелевскій реализмъ, предполагающій существованіе въ вещахъ «за явленіями» сущностей, какъ чего-то самостоятельнаго. Декартъ явно принялъ сторону Аристотеля въ своемъ ученіи о субстанціяхъ, аттрибутахъ и модусахъ, а за Декартомъ пошли по тому же пути Спиноза, Лейбницъ, Вольфъ, Кантъ, Шопенгауэръ и съ ними вся новѣйшая философія, причемъ до Канта были увѣрены въ познаваемости сущностей, Кантъ же старался доказать ихъ непознаваемость путемъ опыта, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же Кантъ и затѣмъ Шопенгауэръ сочли возможнымъ добраться до нихъ обходнымъ путемъ (интуиція Шопенгауэра).

Но если никакихъ сущностей вовсе нѣтъ и никогда не было? Наука познаетъ неизмѣнное въ измѣняющемся и называетъ это неизмѣнное законами и основами явленій. Эти общіе законы и основы явленій никто не отрицаетъ, и никто также не сомнѣвается въ томъ, что, переходя отъ ощущеній и чувственныхъ представленій къ понятіямъ, мы переходимъ, въ то же время, и отъ измѣняющихся явленій къ ихъ неизмѣннымъ законамъ и основамъ. Этотъ путь называется индукціей. Но было бы ошибочно думать, что индукція есть только одна—отъ данныхъ внѣшняго опыта къ неизмѣннымъ законамъ внѣшняго бытія вещей. Есть еще другая индукція — внутренняя, субъективная. Отъ явленій «внутренняго опыта» мы заключаемъ къ «неизмѣннымъ законамъ» внутренняго бытія, т. е. внутренней, индивидуаль-

ной жизни себя и другихъ вещей. Несовершенство психологіи прошлаго не давало возможности понять должнымъ образомъ этотъ процессъ. Даже Кантъ еще не понималъ, что его субъективныя формы познанія и категоріи ума суть понятія изъ области внутренняго опыта, продуктъ индукціи отъ внутреннихъ ощущеній, существованіе которыхъ было отмѣчено еще Локкомъ въ понятіи «рефлексіи». Вслѣдствіе этой невыработанности идеи внутренняго опыта, идеи субъективной индукціи, и понятіе сущностей не могло быть окончательно устранено, потому что кромѣ идеи неизмѣннаго, въ отличіе отъ измѣняющагося, они еще въ бо́льшей степени обозначали именно внутреннее, индивидуальное существованіе вещей (Ding an sich Канта), въ противоположность внѣшнему. Но что это за внутреннее, какъ-бы независимое отъ насъ существованіе вещей (innerliches, subjectives an u. für sich Sein нѣмецкихъ идеалистовъ)? Вѣдь, и мы сами имѣемъ такое особое внутреннее, индивидуальное существованіе. Представляетъ ли оно нѣчто отдѣльное, самостоятельное, отъ нашего существованія въ мірѣ, отъ нашего проявленія въ мірѣ? Конечно, нѣтъ. Мы представляемъ неразрывное цѣлое въ своемъ существованіи «для себя» и «для міра». Если міръ иногда не умѣетъ понять и подмѣтить извѣстныхъ сторонъ нашей внутренней индивидуальной природы, то только потому, что онъ, міръ, не умѣетъ истолковывать надлежащимъ образомъ внѣшнія обнаруженія ея. Но и теперь для геніальнаго художника-наблюдателя въ этомъ нашемъ внутреннемъ существованіи нѣтъ секретовъ. Какъ же онъ проникаетъ въ него? Очевидно, двоякимъ путемъ: чрезъ самонаблюденіе, чрезъ внутренній опытъ онъ гипотетически выстраиваетъ наше «я», а посредствомъ правильнаго наблюденія и истолкованія нашихъ внѣшнихъ движеній, выраженій и всего нашего облика провѣряетъ свое гипотетическое построеніе. Открыть этимъ путемъ можно, очевидно, не только измѣняющіяся формы и конкретные образы внутренняго существованія предметовъ, но, путемъ сличенія и сопоставленія этихъ измѣнявшихся формъ, самые законы, неизмѣнные типы и нормы упомянутаго внутренняго существованія—такъ же точно, какъ это происходитъ и въ области внѣшняго опыта [1]). Гдѣ еще мѣсто для идеи сущностей? Если назвать сущностями непознанные еще нами до настоящей минуты типы и нормы внутренняго существованія, т. е. еще не открытые

[1]) Этимъ путемъ можно построить и понятіе о духовномъ началѣ чисто-эмпирически и научно, а не метафизически. Ср. нашу статью: О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Одесса, 1886 г.

законы жизни человѣка и вселенной, то эта идея уже не соотвѣтствовала бы идеѣ «субстанціи» метафизиковъ. Если же назвать этимъ именемъ совершенно непознаваемые типы и нормы вещей, то почему мы знаемъ, что такіе типы и нормы вещей существуютъ, если сами признали ихъ непознаваемыми? Легко выдумать всякій абсурдъ и оградить его отъ нападокъ здоровой мысли покровомъ «непознаваемости», оставивъ, однако же, за метафизикой привилегію проникновенія за кулисы міра, въ эту область непознаваемаго, какъ это дѣлаетъ Шопенгауэръ по отношенію къ своему Urphänomen. Непознаваемаго для нашего ума не можетъ и существовать. Въ этомъ понятіи есть внутреннее противорѣчіе[1]).

Такимъ образомъ, метафизика, чтобъ оправдать свое дальнѣйшее существованіе, должна, прежде всего, доказать, что сущности и ноумены существуютъ, что контрастъ явленій и сущностей, феноменовъ и ноуменовъ—реаленъ. Если онъ не реаленъ и представляетъ собою фикцію, какъ мы склонны думать, то вся метафизика, которая есть «философія ноуменовъ» въ различномъ значеніи этого слова, сама собою исчезнетъ, а съ нею должны исчезнуть и всѣ современныя формы «метафизической» философіи: матеріализмъ, спиритуализмъ, сенсуализмъ, идеализмъ и ихъ родичи, потому что разногласія и особенности всѣхъ этихъ философій касаются именно вопросовъ о природѣ ноуменовъ, или сущностей вещей, о возможности познанія ихъ и о способѣ этого познанія.

Главное несчастіе философіи заключается, какъ это всѣмъ извѣстно, въ разногласіи философовъ, но всѣ эти разногласія окажутся несущественными и легко устранимыми, если отбросить гипотезу «сущностей». Эта метафизическая фикція скрываетъ отъ насъ и истиннаго Бога, и истинную духовность и разумность нашего существованія, и самый смыслъ жизни[2]). Чрезъ мутную призму ноуменовъ, все равно, признаются ли они познаваемыми или не признаются, вся дѣйствительность получаетъ ложную и фантастическую окраску.

---

[1]) На это внутреннее противорѣчіе особенно у Канта въ его ученіи Ding an sich достаточно разъ указывала критика. Это понятіе «непознаваемой сущности» можно понимать, конечно, и какъ отрицательное понятіе (ср. Bärenbach «Das Ding an sich als kritischer Grenzbegriff». Zeitschr. f. Philos. Bd. 72), т. е. какъ понятіе, указывающее на то, что наше знаніе имѣетъ предѣлъ и границу, и что «всего» мы знать не можемъ, но тогда уже не слѣдуетъ сбиваться и давать ему положительно содержаніе, какъ это дѣлали метафизики (напр., Шопенгауэръ въ ученіи о «волѣ»). Предѣлы наше знаніе, конечно, имѣетъ, но опредѣлить, гдѣ они лежатъ и что лежитъ за ними, мы могли бы только тогда, если бы могли познавать непознаваемое, а это абсурдъ.

[2]) Ср. нашу статью: Дж. Бруно и пантеизмъ. Одесса, 1886.

Наше время чувствуетъ настоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, потребность въ новомъ нравственномъ міровоззрѣніи. «Въ мысли Западной Европы,—говорилъ Дж. Льюисъ въ Вопросахъ о жизни и духѣ (I, Введ.),—мы видимъ явственныя усилія помирить между собою цѣли и права религіи и науки. Нашъ вѣкъ страстно стремится къ такому ученію, которое могло бы сосредоточить наши знанія и придать нашей жизни такую форму, чтобы поступки наши были на самомъ дѣлѣ плодомъ нашихъ вѣрованій. Мы нетерпѣливо относимся къ пустымъ компромиссамъ и полувѣрованіямъ. Вслѣдствіе этого оказывается, что мыслящіе люди, которые съ поверхностной точки зрѣнія съ каждымъ днемъ расходятся дальше, на самомъ дѣлѣ все тѣснѣе сближаются между собою; расходясь во мнѣніяхъ, они сближаются по духу и общей цѣли».

Дай Богъ! Но прибавимъ: для того, чтобы такое новое философское ученіе, способное сблизить всѣ умы и всѣ вѣрованія, могло возникнуть, необходимы два условія:

1) Философія должна понять, что ея идеалъ—не теоретическое всевѣдѣніе, а лишь здравое истолкованіе смысла и нравственныхъ началъ жизни [1]), и 2) что она такого пониманія достигаетъ не путемъ метафизическаго пережевыванія теоріи сущностей вещей, а путемъ внимательнаго изученія жизни въ самомъ корнѣ ея, т. е. въ нашемъ самосознаніи, и въ проявленіяхъ ея, т. е. въ жизни общества, а также путемъ критической повѣрки и объединенія въ одно цѣлое міровоззрѣніе выводовъ «спеціальныхъ наукъ» о природѣ и человѣкѣ.

---

[1]) Это положеніе не означаетъ, чтобы мы отожествляли философію съ этикой. Во избѣжаніе недоразумѣній поясникъ, что науку этику, разсматривающую условія и законы развитія нравственныхъ воззрѣній и доктринъ, мы считаемъ частью психологіи. Для этой науки нѣтъ нравственнаго и безнравственнаго, а только существуютъ нравственныя пружины дѣятельности человѣка (чувства, аффекты и страсти) и разнообразныя мнѣнія о нравственномъ. Философія же ищетъ обоснованія принципа морали, установленія начала нравственности, а это возможно лишь при посредствѣ общаго міровоззрѣнія, т. е. ученія о мірѣ и объ отношеніи къ нему человѣка, причемъ въ эту систему войдетъ и философское ученіе о познаваніи (о критеріи истины), и философская космологія и философская антропологія, какъ введеніе и путь къ философской этикѣ. Ср. ученіе Шопенгауэра о различіи фундамента этики отъ принципа или высшаго правила этики (Grundprobleme, стр. 136 и слѣд.) и разграниченіе Кавелинымъ науки этики отъ этики, какъ искусства, которое, однако же, не вполнѣ совпадаетъ съ нашимъ противоположеніемъ (Задачи этики. Спб. 1885 г.).

Одно безъ другого такъ же мало можетъ оплодотворить нравственное сознаніе разумнаго человѣка, какъ землю сдѣлать плодоносною одно лѣтнее солнце безъ дождя или одинъ дождь безъ содѣйствія живительныхъ лучей солнца. Влага, дѣлающая плодоносною мысль философа,—это научныя истины, точныя знанія; лучи солнца, согрѣвающіе эту мысль,—это нравственные идеалы, высшіе идеалы субъективнаго чувства. Эти нравственные идеалы уже лежатъ готовыми въ христіанской религіи. Задача философіи все та же, что и во времена Сократа,—свести эти идеалы «съ неба на землю» и дать вразумительное для ума и удобоисполнимое для воли нравственное истолкованіе жизни человѣка [1]).

[1]) Къ этому добавимъ, что философія съ этой точки зрѣнія не есть ни наука, ни искусство, ни религія, а нѣчто особое, такъ сказать только философія. Родственныя отношенія философіи къ этимъ другимъ сферамъ сознанія человѣка можно выразить такъ: изъ науки философія черпаетъ матеріалъ, у искусства беретъ методъ его обработки (творческій синтезъ); съ религіею сходится въ конечныхъ цѣляхъ — дать человѣку нравственныя начала жизни. Наука есть организованная умственная дѣятельность, стремящаяся къ идеалу истины; искусство есть организованное удовлетвореніе чувства, независимаго отъ воли, стремящееся къ воплощенію идеала красоты; религія есть организація *воли*, *стремящаяся къ осуществленію* идеала добра. Но всѣ эти идеалы надо примирить, — надо согласить другъ съ другомъ запросы ума, чувства и воли, а къ этому и стремится философія, слагающая въ одно эстетически-законченное цѣлое расчлененные наукою элементы дѣйствительности ради нравственныхъ цѣлей. Она не можетъ замѣнить ни науку, ни искусство, ни религію, а можетъ лишь дополнить ихъ, такъ какъ первыя удовлетворяютъ спеціальнымъ потребностямъ сознанія, рядомъ съ которыми существуетъ въ насъ общее стремленіе къ единству личной жизни и къ гармоніи ея враждующихъ потребностей. Замѣтимъ еще, что, назвавъ здѣсь религію «организаціей воли», мы не противорѣчимъ сказанному нами раньше о соотношеніи религіи съ чувствомъ (стр. 34); чувство и воля тѣсно связаны, какъ моменты субъективной жизни, и разграничить ихъ вполнѣ нѣтъ возможности.

О НАПРАВЛЕНІИ И ЗАДАЧАХЪ МОЕЙ ФИЛОСОФІИ

По поводу статьи архіепископа Никанора [1]).

Почтенный авторъ большого философскаго труда «Положительная философія и сверхчувственное бытіе» (Спб. 1875 г.), архіепископъ Никаноръ сдѣлалъ попытку обозрѣть отдѣльныя сочиненія мои по философіи, явившіяся въ печати за десятилѣтній періодъ моей профессорской и литературной дѣятельности [2]).

За это изложеніе воззрѣній моихъ, представляющее собою признаніе серіозности и нѣкотораго значенія за скромными произведеніями моего пера, не могу не выразить высокоуважаемому автору глубокой признательности. Благодарю его также за сочувственное и лестное, хотя конечно и преувеличенное, вслѣдствіе расположенія ко мнѣ, сужденіе его о моей философской подготовкѣ и дарованіяхъ.

Памятуя однако же изреченіе Аристотеля о необходимости выше всего ставить интересы истины [3]), я считаю необходимымъ дополнить изложеніе почтеннаго архіепископа своимъ собственнымъ краткимъ изложеніемъ хода развитія моихъ философскихъ идей. Дѣло въ томъ, что не только архіепископъ Никаноръ, но и нѣкоторые свѣтскіе мои критики, касавшіеся въ послѣднее время моего сочиненія «О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ» (Од. 1886), значительно преувеличили различіе взглядовъ, изложенныхъ мною въ этомъ сочиненіи сравнительно съ прежними, и провели между послѣдними и первыми трудами моими пропасть, въ существованіи которой я имѣю основаніе сомнѣваться. Мнѣ самому дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: постепенно, отъ сочиненія къ сочиненію развивая и расширяя свой философскій кругозоръ, я безъ всякихъ скачковъ и съ строгою логическою необходимостію долженъ былъ притти ко взглядамъ, изложеннымъ мною въ книжкѣ «О душѣ» и уже потенціально заключавшимся въ основныхъ посылкахъ моихъ первыхъ литературныхъ работъ.

---

[1]) «Правосл. Обозр.» 1886, № 11; редакція журнала сопроводила статью слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Предлагаемую статью мы печатаемъ не только по уваженію къ правилу audiatur et altera pars, но и потому, что она сама по себѣ представляетъ интересъ, какъ достойное во всякомъ случаѣ серіознаго вниманія изложеніе авторомъ-философомъ прогрессивнаго хода развитія его философскихъ идей».

[2]) «Правосл. обозр.», октябрь 1886 г.

[3]) Arist. Eth. Nic., I, 4 (1096 a. 16).

Что мои первыя сочиненія имѣли по преимуществу отрицательный характеръ, а послѣднія являются главнымъ образомъ выраженіемъ положительныхъ взглядовъ—этого я не отвергаю. Всякое построеніе, вещественное и духовное, начинается съ расчистки почвы, на которой должно быть воздвигнуто новое зданіе, и если на этой почвѣ стояло зданіе старое, то даже и съ разрушенія этого стараго зданія, т.-е. съ чисто-отрицательной работы. Весь вопросъ въ томъ, соотвѣтствуетъ ли новое построеніе тѣмъ замысламъ, которые отразились въ характерѣ и направленіи упомянутой отрицательной работы. Если такое логическое соотвѣтствіе существуетъ, то строителю не слѣдуетъ приписывать поворота во взглядахъ или какого-либо измѣненія основныхъ принциповъ. Въ немъ слѣдуетъ видѣть лишь человѣка, упорно идущаго впередъ по проложенному пути и не останавливающагося «страха ради іудейска» [1]) ни предъ какими выводами, если они логически вытекаютъ изъ его основоположеній.

Я постараюсь ниже доказать, что шелъ именно такимъ строго логическимъ путемъ отъ разрушенія основъ старой метафизики къ построенію собственнаго положительнаго міровоззрѣнія, но предварительно выскажу свой общій взглядъ на истинный методъ философствованія.

Философъ ищетъ истину, но по самымъ задачамъ философіи, подводящей итоги всѣмъ знаніямъ человѣка, онъ никогда не можетъ найти ее вполнѣ и окончательно, ибо расширенію элементовъ его построенія ни въ наукѣ, ни въ немъ самомъ (въ его знаніяхъ) нѣтъ предѣла. Такъ думали еще Сократъ и Платонъ. Стремясь примирить всѣ знанія и всѣ запросы человѣческой души, философъ поступитъ всего правильнѣе, если будетъ постоянно итти впередъ, сколь возможно мало оглядываясь назадъ, на свои прежніе выводы. Признаюсь, я имѣю привычку, приступая къ новому сочиненію, не перечитывать прежнихъ и при этомъ сознательно руководствуюсь тѣмъ убѣжденіемъ, что желаніе устранить противорѣчіе съ тѣмъ, что я говорилъ ранѣе, можетъ лишь повредить дѣлу истины. Если я вчера еще не зналъ какой-нибудь стороны истины, то сегодня могу найти ее, и что мнѣ за дѣло, если эта сторона истины ослабитъ смыслъ какого-нибудь прежняго моего отрицанія? Каждое новое утвержденіе, въ чемъ бы оно ни состояло, есть уже устраненіе (по-нѣмецки Aufhebung) какого-нибудь отрицанія, а посему и невозможно, увеличивая число своихъ утвержденій и прибавляя къ ста-

[1]) Разумѣю прежде всего страхъ предъ приговорами критики.

рымъ новыя, не уменьшать тѣмъ самымъ количества своихъ отрицаній. Лейбницъ думалъ, что всѣ философы правы въ своихъ утвержденіяхъ и неправы въ своихъ отрицаніяхъ. Это — глубокая и вѣрная мысль. И вся философія въ ея цѣломъ и развитіе каждаго философа въ частности есть процессъ умноженія вѣрныхъ утвержденій и уменьшенія невѣрныхъ и односторонніхъ отрицаній, путемъ раскрытія новыхъ сторонъ истины. Посему оглядываются назадъ только самолюбцы, боящіеся упрека въ противорѣчіи и ставящіе литературное тщеславіе свое выше, нежели истину. Тотъ, кто искренно любитъ истину, идетъ все впередъ, пока идется. Я раздѣляю взглядъ Гартмана, что «брать за масштабъ—при оцѣнкѣ значенія философа—отсутствіе у него противорѣчій есть точка зрѣнія ограниченная». «Чѣмъ шире горизонтъ мыслителя, говоритъ Гартманъ (по поводу Канта), чѣмъ болѣе оригинальныхъ воззрѣній обнимаетъ сознаніе его, чѣмъ разностороннѣе онъ изучаетъ вещи и чѣмъ искуснѣе сплетаетъ въ одно цѣлое различныя проблемы, тѣмъ болѣе, съ необходимостію, возникаетъ для его ума трудностей и недоумѣній, разрѣшеніе которыхъ одному уму не подъ силу... и тѣмъ менѣе станетъ онъ жертвовать вполнѣ законными точками зрѣнія и взглядами критерію формальнаго отсутствія противорѣчій» [1]). Отсюда ясно, что я не исключаю частныхъ противорѣчій между отдѣльными положеніями, которыя устанавливалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Я считаю ихъ даже неизбѣжными. Для меня важна лишь строгая логическая и генетическая связь между положеніями основными, представляющими своего рода этапы на пути развитія цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія.—Но какому закону слѣдуетъ это развитіе?

Философъ, правильно идущій своимъ путемъ впередъ, подлежитъ общему закону движенія въ природѣ. Совершенное движеніе въ природѣ, какъ полагали еще Платонъ и Аристотель и какъ подтвердила отчасти наука, есть движеніе кругообразное. Философъ, идущій прямо впередъ, похожъ на планету, вращающуюся около солнца, ибо и истина есть своего рода солнце философской мысли. Онъ похожъ также на путника, рѣшившагося обойти землю. Сей послѣдній непремѣнно, рано или поздно, идучи неуклонно впередъ, окажется даже своимъ собственнымъ антиподомъ, перейдя изъ восточнаго полушарія въ западное или наоборотъ. Если же онъ никогда не окажется своимъ антиподомъ, то это именно будетъ значить, что онъ поворотилъ назадъ или остановился и

[1]) Philos. Fragen d. Gegenwart, Lpz. u. Berl. 1885: Kant u. die heutige Erkentnisstheorie, p. 248.

топчется на мѣстѣ. Самый совершенный философъ будетъ тотъ, который въ теченіе жизни обойдетъ весь путь относительной человѣческой истины, обниметъ ее со всѣхъ сторонъ и благополучно воротится (съ другой стороны) къ исходной точкѣ своего мышленія. Такими именно идеями руководился я въ своемъ философскомъ движеніи. А теперь, вынуждаемый къ тому высокоуважаемымъ моимъ критикомъ, разсмотрю тотъ путь, по которому дѣйствительно шло развитіе моей мысли въ философскихъ сочиненіяхъ, до сихъ поръ мною написанныхъ [1]). Не желая слишкомъ утомлять вниманіе уважаемыхъ читателей «Православнаго Обозрѣнія», для которыхъ можетъ быть и не интересенъ сюжетъ этой статьи, я дамъ лишь общую схему развитія своихъ философскихъ выводовъ. Тотъ, кто полюбопытствовалъ бы поближе ознакомиться съ этимъ развитіемъ, можетъ самъ на основаніи указанной схемы прослѣдить его по моимъ сочиненіямъ.

Я началъ заниматься философіей въ университетѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ то время философія была въ большомъ загонѣ и въ полномъ упадкѣ. Начинали говорить о Гартманѣ и о Дюрингѣ, а въ связи съ ними и о Шопенгауэрѣ, но общими богами были еще Контъ—отрицатель философіи, да Спенсеръ и Вундтъ, считавшіеся великими психологами. Естественно, что, избравъ философію своею спеціальностію, я имѣлъ въ виду психологію, которую горячо полюбилъ и мечталъ реформировать въ духѣ позитивной науки. Этотъ интересъ поддерживался появившеюся полемикою и статьями о психологіи Кавелина и Сѣченова. Смысла философіи внѣ психологіи не понималъ ни я, ни почти никто другой изъ числа тогдашней молодежи. Явился Влад. Соловьевъ съ своимъ «Кризисомъ западной философіи» (я тогда былъ еще студентомъ), но мы не понимали его и безусловно отвергали его точку зрѣнія. 1875—6 годъ, получивъ степень кандидата и оставленный по своей каѳедрѣ при университетѣ, я провелъ за границей и изучалъ психологію, анатомію и физіологію, чему многимъ обязанъ. Въ 1876 г., 23 лѣтъ, я сталъ профессоромъ философіи и началъ читать психологію, логику и исторію философіи. Въ лекціяхъ я обходилъ тщательно всякую метафизику, отожествляя еще метафизику съ философіею, какъ общимъ ученіемъ о мірѣ. Въ этомъ 1876 г. появились «Философскіе этюды» Коз-

---

[1]) Этотъ пріемъ я нахожу болѣе удобнымъ, такъ какъ онъ лучше всего покажетъ, въ какой мѣрѣ вѣрны истолкованія моихъ взглядовъ, сдѣланныя почтеннымъ архіепископомъ въ скобкахъ.

лова и состоялся диспутъ его въ кіевскомъ университетѣ, на которомъ и я возражалъ своему коллегѣ. Эти возраженія послѣ собралъ и развилъ въ статьѣ «Философскіе этюды Козлова. Критическій очеркъ» (Кіевъ 1877 г.). Въ статьѣ этой я отрицалъ всякую философію внѣ наукъ психологическихъ, ибо считалъ всякое истинное знаніе наукой и съ этой точки зрѣнія справедливо разсуждалъ, что не можетъ быть о тѣхъ же предметахъ и явленіяхъ двухъ наукъ—общей и спеціальной, ибо и спеціальныя науки стремятся къ общимъ выводамъ. Онѣ дадутъ то общее, что могутъ, а бо́льшее, чѣмъ что онѣ въ состояніи дать, будетъ уже лежать внѣ науки, опираясь на чувство наше, на субъективное въ душѣ [1]); но такъ какъ, думалъ я, субъективное есть то же, что и личное, то общей философіи міра, для всѣхъ обязательной, не можетъ быть: каждый въ правѣ философствовать и подводить итоги спеціальнымъ знаніямъ только для себя [2]). Такъ я думалъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Въ это время, прилежно работая надъ психологіей, какъ спеціальной наукой, я занялся, отчасти подъ воздѣйствіемъ философскаго инстинкта, заставлявшаго меня стремиться точнѣе выяснить роль и значеніе чувства, какъ основы общихъ построеній философа, вопросомъ о природѣ чувствованій и чувствъ [3]). Результатомъ явилась моя большая магистерская диссертація: Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ (Спб. 1880). Элементы своей теоріи чувствованій я изложилъ впрочемъ уже въ 1878 г. въ статьѣ французскаго журнала Revue philosophique. Между тѣмъ анализъ чувства, въ связи съ другими областями сознанія, привелъ меня къ выводу, что чувство и мысль—двѣ равноправныя области душевной жизни, сферы одинаково-законныхъ объективной и субъективной воспріимчивости. Сначала мы оцѣниваемъ вещи объективно, какъ онѣ есть (мыслію), а затѣмъ тѣ же вещи субъективно, въ ихъ значеніи или цѣнѣ для насъ (чувство). Изъ чувства рождается воля, изъ воли дѣйствіе (теорія психическаго оборота) [4]). Сообразно этому я построилъ всю теорію чувствъ,

[1]) Это положеніе и есть основная посылка всѣхъ моихъ философскихъ изслѣдованій и построеній.

[2]) Ср. Философскіе этюды, критич. очеркъ, см. выше.

[3]) Предлагаю читателю въ послѣдующемъ изложеніи разумѣть подъ чувствомъ только настоящія чувства, пріятныя и непріятныя — тѣлесныя, умственныя, эстетическія, нравственныя, а отнюдь не ощущеніе качествъ предметовъ посредствомъ такъ-называемыхъ «органовъ чувствъ». Я строго различаю термины чувства и ощущенія.

[4]) Ср. особ. главу IX Психологіи чувствованій.

ихъ различій и классовъ, принятую нынѣ нѣкоторыми французскими психологами (Paulhan, Fouillée). Но я еще признавалъ здѣсь чувство оцѣнкою вещей только въ значеніи ихъ для личности, не сознавая, что если личность есть отраженіе міра (микрокосмъ) и проявленіе законовъ міра, то субъективная оцѣнка вещей личностью можетъ приближаться къ выраженію ихъ субъективной цѣны вообще и внѣ личности. Поэтому, признавъ чувство въ человѣкѣ равноправною съ его мыслію сферою сознанія, я еще только возвысилъ значеніе философіи, рядомъ съ наукою, для личности и призналъ это значеніе не менѣе важнымъ, чѣмъ какимъ признается значеніе искусства въ жизни личности.

Такъ какъ однако искусство имѣетъ цѣну не только для личности, но и для общества, то я указалъ въ особой статьѣ Философія, какъ вѣтвь искусства (Спб. Мысль, 1880) и на относительную общую цѣну основаннаго на чувствѣ личнаго философскаго творчества. Это, если хочетъ мой почтенный критикъ, было уже небольшимъ «поворотомъ», опредѣлившимъ всѣ остальные шаги моего развитія, хотя этотъ поворотъ совершился въ самомъ началѣ моей литературной дѣятельности. Сначала я совсѣмъ не признавалъ общаго значенія личнаго философскаго творчества, а чрезъ три года призналъ его.

Въ своей докторской диссертаціи Къ вопросу о реформѣ логики (1882) я развилъ далѣе и усовершенствовалъ свое ученіе объ элементахъ сознанія, свою теорію «психическаго оборота», и еще точнѣе опредѣлилъ отношеніе мысли и чувства, объективнаго и субъективнаго освѣщенія вещей, признавъ между прочимъ (путемъ полемики съ самимъ собою), что начало психическаго взаимодѣйствія между міромъ и человѣкомъ можетъ лежать не только въ мірѣ, но и въ самомъ человѣкѣ, не только въ мысли, но и въ чувствѣ [1]). Такое исправленіе возымѣло то дѣйствіе, что въ докторской рѣчи Объ отношеніи философіи къ наукѣ и искусству (Кіевъ, 1883) я еще болѣе возвысилъ общую цѣну философіи и далъ ей уже равноправное съ наукою мѣсто и познавательное значеніе, признавъ ее высшею областью искусства—«искусствомъ будущаго». Знаніе стремится-де къ точности и полнотѣ. Точность есть требованіе мысли, выполняемое наукою, полнота есть требованіе чувства, выполняемое философіей, какъ искусствомъ. Здѣсь я уже говорю и о методѣ чувства и признаю такимъ образомъ чувство силою познавательною. Очевидно отъ точки исхода я ушелъ еще дальше

[1]) Ср. главу I Логики.

и личная цѣна философствованія уже почти совершенно потонула для меня въ его общей цѣнѣ.

На этомъ я остановиться не могъ и уже указывалъ на задачу положительной перестройки содержанія философіи на этомъ новомъ фундаментѣ [1]). Желая въ связи съ вопросомъ объ источникахъ нашего познанія, провѣрить самые критеріи истиннаго знанія, я написалъ въ этомъ же году этюдъ О критеріяхъ истины (Спб. 1883), въ которомъ пришелъ впервые къ выводу, лежащему въ основаніи моего ученія о душѣ (статья «О душѣ» 1886), что единственный критерій истиннаго знанія есть законъ однообразія природы. Этотъ выводъ долженъ былъ сильно повліять на мое ученіе о «методѣ чувства», но это вліяніе обнаружилось не тотчасъ.

Судьба забросила меня въ Одессу, и важная для будущаго развитія ассоціація идей натолкнула меня въ этомъ «прогрессивномъ» городѣ на вопросъ о «прогрессѣ». Во вступительной лекціи О прогрессѣ въ новороссійскомъ университетѣ (Одесса, 1883) я еще правда отрицалъ законность субъективнаго метода въ рѣшеніи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ, и желая рѣшить проблему научно, а не философски, старался устранить изъ анализа своего методъ «субъективный».

Съ научной, объективной точки зрѣнія я справедливо, думается мнѣ и теперь, опредѣлилъ прогрессъ, какъ возрастающую экономизацію силъ природы и расширеніе сферы ихъ дѣйствія. Но признавъ цѣлью (!) этого процесса увеличеніе счастія человѣка и всего живого міра, я уже очевидно вышелъ изъ предѣловъ научнаго анализа и прибѣгъ къ субъективному, философскому методу. Критики подмѣтили это противорѣчіе, хотя я сначала спорилъ и не соглашался.

Поднявъ этотъ этическій вопросъ, я невольно пришелъ къ другимъ нравственнымъ вопросамъ О свободѣ воли (Од. 1884 г.). и О значеніи пессимизма и оптимизма (Од. 1884 г.).

Я долго сопротивлялся при этомъ обаянію субъективнаго метода, метода чувства и все еще рѣзко разграничивалъ научное, какъ истинное, отъ философскаго, какъ проблематическаго. Но незамѣтно для себя я вводилъ методъ чувства въ оцѣнку каждаго этическаго явленія, изслѣдуемаго сначала независимо отъ чувства, т.-е. научно [2]).

---

[1]) Ср. упом. статью (см. выше, стр. 32—48).

[2]) Замѣчу, что отъ выводовъ моей научной теоріи «свободы воли» я и теперь не отказываюсь, полагая, что обосновать это понятіе иначе какъ при помощи детерминизма, т.-е. ученія о зависимости воли отъ мотивовъ, невозможно, хотя разумѣется съ точки зрѣнія моего ученія о духѣ я надѣюсь

Вопросъ о пессимизмѣ и оптимизмѣ, будучи не только этическимъ, но и въ широкой степени философскимъ, заставилъ меня снова заняться пересмотромъ воззрѣній своихъ на философію и въ особомъ курсѣ студентамъ, отрывки изъ котораго были напечатаны въ Русскомъ Богатствѣ (Основные типы философскихъ построеній въ различныя эпохи, 1884), я точнѣе обосновалъ связь философскихъ построеній съ чувствомъ, признавъ ограниченное число этихъ построеній и зависимость ихъ отъ преобладанія различныхъ чувствъ въ извѣстныя эпохи и у извѣстныхъ людей, а также неизбѣжную смѣну или круговоротъ философскихъ освѣщеній дѣйствительности въ исторіи мысли всего человѣчества, всякаго народа и отдѣльнаго человѣка.

Отсюда уже вытекала относительная законность каждаго философскаго міровоззрѣнія и оставался одинъ шагъ до признанія возможности такого философскаго ученія, которое—опираясь на синтезъ разнообразныхъ чувствъ и соотвѣтствуя извѣстной гармоніи и полнотѣ ихъ—исчерпывало бы до дна субъективныя потребности человѣка и соотвѣтствовало бы, по закону однообразія природы (т.-е. познанія равнаго равнымъ), дѣйствительной субъективной внутренней цѣнѣ самихъ вещей и міра.

Но этого шага я тогда еще не сдѣлалъ.

Замѣчу, что въ это время разработки этическихъ и философскихъ вопросовъ, я не отрицалъ и не игнорировалъ позитивную науку, а продолжалъ разрабатывать ея идею и ея проблемы. Такъ въ 1884 г., я предложилъ новый опытъ Классификаціи наукъ (Русск. Бог.). И здѣсь симпатіи мои къ положительной наукѣ, единственно признаваемой мною и теперь, антипатія моя къ метафизикѣ, какъ ложной наукѣ, и отрицаніе возможности и всякой цѣны «позитивной философіи» (въ этихъ понятіяхъ я признаю внутреннее противорѣчіе) выразились съ такою же силою, какъ въ самомъ первомъ моемъ трудѣ противъ Козлова и какъ въ самомъ послѣднемъ, разбираемомъ архіепископомъ Никаноромъ, сочиненіи «О душѣ». Я еще съ 1883 г. отвергъ законность «позитивнаго террора», царившаго среди общества по отношенію къ философіи [1]), ибо еще тогда противоположилъ позитивной наукѣ вполнѣ законный философскій синтезъ, основанный на чувствѣ.

вскорѣ глубже и полнѣе обосновать идею свободы воли, чѣмъ могъ это сдѣлать независимо отъ упомянутаго ученія. Идея активной духовной силы, какъ источника внутреннихъ вліяній въ процессѣ образованія личности и какъ основы цѣльности нашего сознанія, нашего «я», расширяетъ идею внутренняго самоопредѣленія.

[1]) Ср. предисловіе моей статьи «О душѣ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ я въ томъ же году обработалъ новый этическій вопросъ Объ эгоизмѣ и альтруизмѣ (Спб. Новь, 1884 г.), пользуясь опять методомъ мысли (научнымъ) и методомъ чувства (философскимъ) въ одинаковой мѣрѣ, хотя послѣднимъ еще отчасти безсознательно.

Упомянутый выше шагъ къ признанію возможности всеобъемлющаго и общеобязательнаго субъективно-философскаго освѣщенія внутренней природы всего существующаго я сдѣлалъ однако же въ слѣдующемъ 1885 г. Случайное избраніе меня студентами римскаго университета въ почетные члены комитета по сооруженію памятника великому мученику философіи Дж. Бруно заставило меня заняться изученіемъ системы этого мыслителя. У него я нашелъ и пытался развить далѣе, въ связи съ новѣйшими выводами науки, то философское ученіе омірѣ, которое внѣ метафизики даломнѣ возможность построить идею Бога, а затѣмъ и души. Я въ Богѣ никогда не сомнѣвался, но не зная, какъ оправдать его существованіе не метафизически, а согласно съ наукою, я молчалъ и ничего не говорилъ о немъ, ссылаясь на теорію «непознаваемости сущностей», которую усвоилъ въ началѣ отъ эмпириковъ и позитивистовъ [1]). Но когда я понялъ вполнѣ значеніе чувства въ познаніи, то для меня явилась возможность введенія и этихъ понятій въ кругъ моего философскаго міросозерцанія. Еслибы я ранѣе былъ атеистомъ, то конечно это расширеніе моего кругозора было бы дѣйствительно «поворотомъ». Но такъ какъ я никогда не былъ атеистомъ и не отрицалъ существованія души ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, то въ этомъ новомъ шагѣ моего развитія слѣдуетъ видѣть такую же обработку новыхъ, еще не изслѣдованныхъ прежде философскихъ вопросовъ, какими являются ранѣе изслѣдованія незатронутыхъ мною въ первыхъ сочиненіяхъ вопросовъ о прогрессѣ, объ эгоизмѣ и альтруизмѣ, о критеріяхъ истины и т. д. Что дѣйствительно и въ построеніи этихъ понятій я не сдѣлалъ никакого скачка, можно видѣть изъ того, что именно мое старое сближеніе философіи съ искусствомъ и мое ученіе о методѣ чувства послужили исходною точкою для построенія упомянутыхъ понятій. Я напомню, что въ статьѣ «Объ основныхъ типахъ философіи» я уже призналъ, что всякое философское міровоззрѣніе имѣетъ свою относительную цѣну и отвѣчаетъ извѣстному, вполнѣ законному складу чувствъ человѣка, и далѣе, что въ статьѣ «О критеріяхъ истины» я призналъ законъ однообразія природы — единствен-

[1]) Я велъ въ это время, выражаясь словами Карла Фохта, двойную бухгалтерію души.

нымъ возможнымъ критеріемъ истины. Сопоставимъ эти два вывода. Не выйдетъ ли изъ ихъ сочетанія, что чувства человѣка, являясь прежде всего обнаруженіями его личной природы, въ то же время составляютъ, какъ и самая его личность, обнаруженіе законовъ природы вообще? А если такъ, то не должны ли эти чувства имѣть цѣну не только личную, но и внѣ-личную, общую? Не должны ли и они соотвѣтствовать, по однообразію законовъ природы, чему-то стойкому въ существованіи природы? Но чему же? А нѣтъ ли и въ вещахъ, помимо нашего сознанія, внутренней субъективной цѣны, которая познается нами при помощи чувства? Цѣлесообразность природы я призналъ еще въ лекціи «О прогрессѣ» (за что на меня тогда нападали критики). А что такое цѣлесообразность, какъ не внутренняя, субъективная цѣна вещей?

Но я все еще колебался — признать ли или не признать независимую, соотвѣтствующую въ природѣ нашимъ чувствамъ субъективную внутреннюю цѣну вещей, пока не обратилъ опять своихъ взоровъ на содержаніе искусства. Искусство даетъ намъ, въ исторіи своей, произведенія, имѣющія относительную цѣну, и красота которыхъ оспаривается и со временемъ, съ измѣненіемъ вкусовъ и взглядовъ общества, какъ бы испаряется. Но есть и такія произведенія искусства, красота которыхъ никѣмъ не оспаривается и никогда не испаряется (хотя бы красота такихъ созданій, какъ Мадонна Рафаэля). Значитъ, во всѣхъ личныхъ и относительныхъ чувствахъ эстетическихъ есть какой-то неличный остатокъ. Значитъ, есть красота и внѣ «чувства» красоты? Иначе, отчего бы люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и воззрѣній на вещи, но съ одинаковымъ эстетическимъ развитіемъ поражались красотою нѣкоторыхъ художественныхъ типовъ и признавали ее безусловною? Вѣдь и предъ величественными картинами природы всѣ люди благоговѣютъ. А смерть? Развѣ не все живое ея боится и чувствуетъ къ ней отвращеніе? Значитъ, есть красота и есть безобразіе внѣ чувствъ красоты и безобразія, которыя суть въ насъ только орудія познанія соотвѣтствующихъ сторонъ объекта. Да откуда и эти чувства? Если ихъ дала намъ природа, то развѣ только какъ средства вѣчнаго самообмана и иллюзій? Мы вѣримъ, что если природа дала намъ глаза, которые видятъ свѣтъ, то есть и свѣтъ, ради котораго понадобились глаза и который развилъ эти глаза [1]). А если есть въ насъ развивающееся чувство красоты, то можетъ ли не быть въ природѣ такого

[1]) Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, что такое свѣтъ съ точки зрѣнія физики—особое движеніе или что-либо иное.

свойства или состоянія или отношенія, которое называется красотою? Одно изъ двухъ: или мы со всѣми своими выводами изъ внѣшняго и внутренняго опыта—воплощенная насмѣшка пронизирующей надъ нами и обманывающей насъ природы, или мы во всѣхъ своихъ орудіяхъ познанія находимъ правильный критерій для опредѣленія самой природы познаваемаго. Иллюзія есть вездѣ: въ области зрѣнія, слуха, осязанія,— и въ области чувствъ, эстетическаго, нравственнаго и иного. Но рядомъ съ иллюзіями есть вѣрное знаніе; рядомъ съ ошибками личной ограниченности дана намъ возможность познанія законовъ природы. Если есть законы свѣта, то есть и законы красоты. Если есть свѣтъ, то есть и красота. Свѣтъ мы познаемъ посредствомъ глаза, красоту посредствомъ тѣхъ чувствъ, которыя называемъ эстетическими, т.-е. «чувствами красоты и безобразія».

Но чувства красоты и безобразія суть чувства удовольствія и страданія (см. «Психологія чувствованій»). Значитъ и вообще чувства удовольствія и страданія имѣютъ цѣну не только личную, но и общую. Философія сродни искусству, чувство красоты—эстетическое чувство—параллельно чувству добра, нравственному чувству. Если есть красота-то есть и добро—внѣ относительной личной оцѣнки. Добро есть такой же законъ природы, какъ и красота, добро есть такое же внутреннее свойство вещей, какъ и красота. Добро есть законъ природы. Но красота и добро суть свойства, оцѣниваемыя сознаніемъ. Если въ природѣ существуютъ, независимо отъ насъ, красота и добро то есть въ ней и сознаніе, которое ихъ постигло, оцѣнило, создало и дало намъ средства познать ихъ при посредствѣ чувства своего.

Тогда, когда я изучалъ ученіе Дж. Бруно, я еще не могъ и не умѣлъ такъ сознательно и ясно формулировать всѣ эти психологическія размышленія, но они какъ искры зажигались и потухали въ сознаніи моемъ, пока не разгорѣлись въ яркое пламя [1]), и мои одесскіе ученики — свидѣтели того, что всѣ эти мысли дѣйствительно являлись мнѣ и руководили моими дальнѣйшими построеніями. Законъ однообразія природы есть критерій истины, чувство есть проявленіе въ насъ законовъ природы, чувство—источникъ познанія субъективной стороны вещей и природы, субъективныхъ законовъ природы. Таковы старые элементы новаго моего построенія. Руководило меня въ этомъ новомъ построеніи,

[1]) Въ послѣднее время, въ этомъ отношеніи сильно повліяло на меня перечитываніе сочиненій Платона, которыя я изучалъ давно, еще въ періодъ своей философской слѣпоты—въ университетѣ.

какъ я уже сказалъ, изученіе системы Дж. Бруно—этого великаго поэта-философа эпохи возрожденія наукъ. Онъ, первый, далъ мнѣ философскую идею «сознанія вселенной», безъ которой красота и добро были бы все-таки только пустыми звуками. Именно онъ заставилъ меня понять, что если чрезъ свое чувство мы можемъ познать свою и чужую (другихъ людей и существъ) субъективную внутреннюю жизнь, то чрезъ то же чувство мы можемъ познать и внутреннюю жизнь и смыслъ жизни вселенной [1]). Будучи убѣждаемы, чрезъ свое самосознаніе, въ существованіи личнаго сознанія у другихъ существъ, мы въ правѣ быть убѣжденными въ существованіи личнаго сознанія и у «цѣлаго организма» вселенной. Вѣдь обнаруженія этого личнаго сознанія вселенной въ личномъ сознаніи ея существъ и въ общей разумности и согласованности явленій природы не менѣе ясны для насъ, чѣмъ обнаруженія для насъ личнаго сознанія другихъ людей и существъ въ ихъ разумныхъ движеніяхъ и внѣшнихъ органахъ сознанія (органахъ чувствъ). Это и есть зерно или зачатокъ понятія Бога, которое на дальнѣйшихъ стадіяхъ философствованія можетъ получить болѣе совершенное развитіе [2]). Всѣ эти мысли я изложилъ въ книгѣ «Джордано Бруно и пантеизмъ» (Одесса. 1885 г.) [3]). Но это новое воззрѣніе дало мнѣ и новыя идеи о методѣ чувства, методѣ философскомъ, болѣе ясное ученіе о которомъ я развилъ въ лекціи «Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно» (Одесса. 1885), назвавъ этотъ методъ — методомъ субъективной индукціи, въ противоположность научной, объективной индукціи,—«индукціи», потому что я все-таки не признавалъ, и теперь не признаю, самостоятельной отъ индукціи дедукціи и независимо отъ опыта «апріорнаго» метода познанія, т.-е. метафи-

---

[1]) Замѣчу впрочемъ, что самъ Дж. Бруно нигдѣ ясно не говоритъ о методѣ чувства, но, пользуясь имъ, какъ и Платонъ, постоянно, хотя и безсознательно, онъ наводитъ на мысль о значеніи и важности этого метода.

[2]) Кстати замѣчу, что обычный аргументъ пессимистовъ и современныхъ окказіоналистовъ (случайниковъ) о неразумности и несогласованности нѣкоторыхъ частныхъ явленій природы ничего не говоритъ, ибо и въ другихъ существахъ мы не отрицаемъ сознанія и разума только потому, что нѣкоторыя дѣйствія ихъ неразумны и безсознательны. Еще замѣчу, что идея личнаго сознанія въ цѣломъ организмѣ вселенной, ничѣмъ другимъ не ограниченномъ и представляющемъ абсолютный синтезъ и примиреніе индивидуальнаго со всеобщимъ, совпадаетъ съ идеею абсолютнаго общаго сознанія. Личный Богъ есть въ то же время и общій духъ или разумъ вселенной.

[3]) Въ этой книжкѣ читатель найдетъ болѣе точное развитіе изложенныхъ здѣсь взглядовъ.

зики. Апріорный методъ метафизики и есть мой методъ чувства, а не особый методъ мысли. Дойдя философскимъ путемъ до понятія Бога, я счелъ возможнымъ коснуться и понятія религіи. Я давно уже чувствовалъ, что признаніе полнаго параллелизма науки и философіи заключаетъ въ себѣ какую-то фальшь, ибо философія, опираясь на чувство, все-таки строится мыслью и беретъ свои основанія у науки. Когда я субъективнымъ методомъ вывелъ идею Бога, то понялъ и чисто-субъективное (т.-е. основанное на чувствѣ, какъ особомъ методѣ познанія) значеніе религіи, всецѣло опирающейся на вѣру, — а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно для меня, что я ранѣе ставилъ философію на мѣсто, принадлежащее религіи, и я долженъ былъ признать, что философія стремится примирить мысль и чувство, науку и религію, и сложить въ одно цѣлое ихъ воззрѣнія. Эту новую классификацію я ввелъ въ статьѣ о Дж. Бруно и повторилъ въ статьѣ «О задачахъ философіи».

Но признавъ сознаніе основою внутренняго бытія вселенной, признавъ, что чувство или самосознаніе, открывая мнѣ внутренній смыслъ жизни вселенной, ея разумность и цѣлесообразность, въ то же время возводитъ сознаніе въ такой же законъ вселенной, какъ и законъ тяготѣнія [1]), я долженъ былъ неизбѣжно пойти далѣе, т.-е. построить философски идею этого сознанія, какъ закона и основы жизни вселенной, что и сдѣлалъ въ книжкѣ «О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ» (Од. 1886 г.).

Всѣ указанные новые элементы моей теоріи познанія, философской теоріи міра и нравственной теоріи я изложилъ въ новомъ рядѣ публичныхъ лекцій, часть которыхъ и собралъ въ книжкѣ «О душѣ» (послѣдняя изъ этихъ лекцій еще не напечатана). Здѣсь міровое сознаніе разсматривается уже какъ особая активная сила природы,—сила-духъ— и противополагается пассивной силѣ, силѣ сопротивленія, матеріи. Исконный мой дуализмъ мысли и чувства, объективнаго и субъективнаго, науки и философіи, а потомъ науки и религіи, еще далѣе механизма и цѣлесообразности, необходимости и свободы, эгоизма и альтруизма и проч., превращается незамѣтно для меня въ дуализмъ матеріи и духа, объединяемыхъ въ понятіи силы [2]).

---

[1]) Этотъ законъ сознанія я теперь формулировалъ бы такъ: все въ природѣ, будучи одарено активною силою, одарено и различными степенями сознанія, т.-е. духовности, находящейся въ свободномъ или въ напряженномъ (скрытомъ) состояніи.

[2]) Я не излагаю здѣсь подробно своего ученія о душѣ, такъ какъ книжка объ этомъ предметѣ вышла недавно.

Замѣчу, что въ своей «лекціи» я еще не называлъ матерію «силой» и не говорилъ о силѣ «сопротивленія», но подъ вліяніемъ философскихъ бесѣдъ и споровъ съ архіепископомъ Никаноромъ, защищавшимъ тезисъ, что матерія есть сила, я усвоилъ этотъ терминъ, много уяснившій мнѣ и самое понятіе матеріи, какъ силы «сопротивленія». Въ этой книжкѣ о душѣ я пытаюсь примирить матеріализмъ, какъ научную доктрину, съ спиритуализмомъ, какъ доктриной религіозной,—дуализмъ, какъ требованіе чувства, съ монизмомъ, какъ постулатомъ ума. Здѣсь я постоянно ссылаюсь на свои прежнія сочиненія, указываю на ихъ взаимную связь и отношеніе, и несмотря на свою страсть къ полемикѣ съ самимъ собою, достаточно доказанную въ прежнихъ трудахъ, не оспариваю ни одного своего основного положенія изъ прежнихъ сочиненій. Здѣсь я по прежнему признаю одну только позитивную науку, отрицаю метафизику и ея методы, сближаю философію съ искусствомъ и т. д. Гдѣ же основаніе видѣть въ этомъ сочиненіи «поворотъ»?[1])

Въ каждомъ слѣдующемъ сочиненіи, сравнительно съ прежнимъ, есть маленькій поворотъ и нигдѣ нѣтъ рѣзкаго поворота. Повторю опять, что философъ идетъ по своего рода окружности и съ каждымъ шагомъ своимъ одновременно опускается внизъ и подымается вверхъ, видитъ новые горизонты и покидаетъ старые,—какъ путешественникъ, идущій вокругъ земли.

Послѣ всего сказаннаго я не могу не признать, что мой почтенный критикъ «Православнаго Обозрѣнія» ошибся, принявъ мое утвержденіе о существованіи Бога и души, представляющее новый шагъ въ развитіи старыхъ основаній моей философіи, за нѣчто новое въ моемъ сознаніи. Религію я всегда уважалъ и носилъ въ душѣ своей и нисколько не виноватъ, что нѣкоторые читатели вывели изъ моей «Психологіи чувствованій», что я отрицаю Бога и душу, ибо не сумѣли примирить вѣру въ Бога съ этимъ новымъ ученіемъ о душевной организаціи[2]), какъ въ свое время схоластики XVI вѣка не въ состояніи

[1]) Нѣкоторые журналы, напр. Вѣст. Евр. (іюль) повидимому усмотрѣли поворотъ въ томъ, что я признаю въ книжкѣ «О душѣ» основательность критики Данилевскаго, касающейся принципа случайности въ дарвинизмѣ. Но я тутъ же оговариваюсь, что продолжаю раздѣлять теорію развитія, и я можетъ быть въ правѣ былъ надѣяться, что эти критики сумѣютъ отличить ученіе о развитіи отъ ученія о значеніи развитія. Въ пользу цѣлесообразности развитія природы я высказался еще въ статьѣ «О прогрессѣ», въ 1883 году.

[2]) Противъ этого вывода о моемъ quasi-матеріализмѣ я протестовалъ еще въ отвѣтѣ проф. Козлову въ 1881 г. (Еще по поводу психологіи чувствованій.

были примирить сразу ученіе о Богѣ съ несравненно болѣе важнымъ и великимъ, чѣмъ современное научное ученіе о психической организаціи, ученіемъ Коперника о вращеніи земли вокругъ солнца. Въ этомъ виновато время и законы развитія мысли, а не ученый или мыслитель.

Изъ изложеннаго ясно: 1) что развитіе моей философіи — ея идеи и содержанія — вращалось около вопросовъ о задачахъ философіи и объ отношеніи и значеніи мысли и чувства, какъ источниковъ знанія; 2) что въ развитіи своего теперешняго ученія о задачахъ философіи и въ обработкѣ спеціальныхъ философскихъ вопросовъ я шелъ постепенно, со ступени на ступень, по безконечной лѣстницѣ развитія, по которой неизбѣжно идетъ всякій человѣкъ, стремящійся къ истинѣ, и по которой долженъ итти философъ; 3) что я ничему не измѣнялъ, никуда не поворачивалъ, а все шелъ впередъ по разъ проложенному пути; 4) что по самой природѣ мысли это движеніе впередъ не могло быть движеніемъ прямолинейнымъ, въ узкомъ значеніи этого слова: расширеніе философскаго горизонта неизбѣжно ведетъ къ увеличенію числа утвержденій и уменьшенію числа отрицаній, и потому естественно, что у меня въ началѣ преобладали отрицанія, а впослѣдствіи стали преобладать утвержденія, т.-е. положительные взгляды. Въ этомъ смыслѣ, несмотря на отсутствіе всякаго поворота, я по отношенію къ точкѣ исхода незамѣтно и постепенно сталъ своимъ «антиподомъ»: сначала я совершенно отрицалъ философію внѣ науки, а теперь сдѣлался ярымъ защитникомъ ея положительныхъ задачъ и положительной цѣны, а это отразилось, конечно, и на способѣ постановки всѣхъ спеціальныхъ философскихъ вопросовъ и на самомъ выборѣ предметовъ (или темъ) для анализа; 5) если, вслѣдствіе такого метода «расширяющагося въ своемъ объемѣ и углубляющагося въ своемъ содержаніи философствованія», получились нѣкоторыя частныя противорѣчія между новыми утвержденіями моими и прежними отрицаніями, то такое обстоятельство не только не огорчаетъ меня, но напротивъ радуетъ, ибо доказываетъ мое движеніе впередъ и искренность стремленій моихъ къ истинѣ наиболѣе широкой и глубокой. Въ послѣднее время я сдѣлалъ новый шагъ въ развитіи своего ученія о задачахъ философіи, всецѣло отожествивъ философію съ понятіемъ этическаго или

Кіевъ, стр. 8). Здѣсь я говорю, между прочимъ, что признаніе мозга органомъ мысли «не мѣшаетъ предполагать, что его дѣятельность совершается при посредствѣ особой, спеціально присущей человѣческому мозгу и даже недоступной уничтоженію силѣ». Этотъ взглядъ ближе къ чистому спиритуализму, чѣмъ теперешнее ученіе мое о духѣ, какъ активной силѣ природы.

нравственнаго ученія о мірѣ и окончательно уяснивъ себѣ несостоятельность метафизики, какъ псевдонаучнаго ученія о никогда реально не существовавшихъ «сущностяхъ» вещей [1]), вслѣдствіе чего мнѣ выяснилось еще болѣе истинное соотношеніе науки, искусства, религіи и философіи (Ср. вступит. лекц. Объ истинныхъ задачахъ философіи, Русская Мысль, 1886, ноябрь). На этихъ выводахъ я, однако, не могу остановиться и вижу предъ собою еще длинный путь дальнѣйшаго изслѣдованія, какъ задачъ философіи, такъ и цѣлаго ряда важнѣйшихъ нравственныхъ вопросовъ. Куда я при этомъ приду и чего достигну, объ этомъ я и самъ не имѣю яснаго понятія. Знаю только одно, что я буду продолжать идти впередъ, насколько позволятъ мнѣ это мои слабыя силы, развивая тѣ основныя положенія и принципы, которые были установлены въ самыхъ первыхъ моихъ сочиненіяхъ. Если я буду имѣть возможность возвратиться къ спеціальнымъ работамъ по психологіи, то положу въ основаніе ихъ свою «Психологію чувствованій», выводы которой нынѣ освѣщены шире моимъ ученіемъ о душѣ; если еще когда-либо буду писать по логикѣ, то буду исходить изъ выводовъ своего труда «Къ вопросу о реформѣ логики», и также точно я буду поступать относительно каждаго вопроса, который я разсматривалъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, нисколько не заботясь о томъ, какое толкованіе давали моимъ воззрѣніямъ почтенные критики. Философъ ищетъ истину и долженъ излагать истину, какъ онъ её понимаетъ,—какіе бы выводы ни дѣлали изъ словъ его.

Въ заключеніе искренно благодарю моего высокоуважаемаго критика, архіепископа Никанора, еще и за то, что онъ далъ мнѣ случай высказаться и уяснить читателямъ связь моихъ отдѣльныхъ сочиненій и идей между собою [2]).

---

[1]) Впрочемъ замѣчу, что я отрицалъ сущности еще въ статьѣ О критеріяхъ истины. Р. Бог. Спб. 1883, стр. 26. (См. выше).

[2]) Я считалъ неудобнымъ высказываться по поводу отзывовъ такихъ журнальныхъ рецензентовъ, которые не знаютъ даже различія словъ «микрокосмъ» и «макрокосмъ» и, отождествляя ихъ, упрекаютъ меня въ томъ, что я употребляю одно и то же слово (микрокосмъ) въ двоякомъ значеніи (Сѣв. Вѣстн., сент. 1886).

ЗНАЧЕНІЕ ЧУВСТВА ВЪ ПОЗНАНІИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВѢКА [1]).

Мм. Гг.,—Чувство, въ смыслѣ французскаго термина sentiment, обыкновенно противополагается уму, мышленію, какъ нѣчто совершенно относительное, индивидуальное или, какъ часто говорятъ, субъективное. Чувствованія удовольствія и страданія, чувства радости и печали, любви и ненависти, страха и надежды, и даже эстетическія чувства красоты и безобразія, нравственныя чувства одобренія и неодобренія считаются обыкновенно недостовѣрными, условными показателями достоинствъ и недостатковъ вещей, ихъ внутренней цѣны и значенія. И потому пригодность матеріала чувствованій и чувствъ для цѣлей познанія въ наше время большею частью отрицается.

А между тѣмъ у насъ нѣтъ другихъ средствъ судить о достоинствахъ и недостаткахъ, совершенствахъ и несовершенствахъ вещей и существъ, кромѣ чувствованій пріятныхъ и непріятныхъ. Мы называемъ хорошими, совершенными тѣ вещи, тѣ свойства и отношенія, которыя нравятся лично намъ или большому числу людей,—дурными тѣ, которыя возбуждаютъ въ насъ и въ другихъ людяхъ непріятныя чувства (неудовольствія, печали, гнѣва, отвращенія). Всѣ сужденія наши о цѣнѣ вещей составляются на основаніи чувствъ, и если признать, что всѣ чувства человѣка относительны и неустойчивы, то пришлось бы признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы лишены средствъ для опредѣленія истинной цѣны вещей. Гармонія и дисгармонія, совершенство и несовершенство оказались бы условными понятіями нашего ума, которымъ въ самихъ предметахъ опыта ничего не соотвѣтствуетъ, и всѣ мечты объ опредѣленіи истиннаго блага человѣчества, объективнаго значенія прогресса, законовъ красоты, идей добра и зла слѣдовало бы признать тщетными, такъ какъ всѣ эти идеи, какъ мы увидимъ послѣ, имѣютъ своимъ основаніемъ чувства. Этика и эстетика, направленныя къ построенію идеаловъ объективной гармоніи въ дѣятельности и творчествѣ, оказались бы призрачными теоріями, такъ какъ въ основаніи ихъ лежитъ предположеніе, что есть вещи, поступки и отношенія, которые всѣмъ людямъ не только нравятся, но и должны нравиться, — должны ихъ удовле-

---

[1]) Рѣчь, произнесенная 24 января 1889 г. въ публичномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества въ годовщину его основанія. (Особ. дополнен. изданіе. Москва, 1889).

творять и заслуживать ихъ одобренія. Неужели это предположеніе невѣрно, неужели задачи этики и эстетики безусловно призрачны и всѣ попытки опредѣленія объективныхъ идеаловъ добра, красоты и правды — плодъ недоразумѣнія? Нѣтъ-ли скорѣе ошибки въ той психологической теоріи, которая признаетъ чувствованія и чувства совершенно относительными и недостовѣрными критеріями познанія, — въ той теоріи, которая отрицаетъ всеобщую обязательность сужденій, въ которыхъ, на основаніи чувствъ, опредѣляется доброкачественность или злокачественность предметовъ и явленій, дѣйствій человѣка и произведеній его духа [1])?

Я постараюсь, Мм. Гг., убѣдить васъ въ томъ, что эта психологическая теорія невѣрна, — что при извѣстной переработкѣ чувствованій нашимъ сознаніемъ, они пріобрѣтаютъ значеніе не только важной, но и вполнѣ необходимой, достовѣрной и всеобщей основы познанія внутренней стороны вещей, ихъ внутренняго существа или субъекта, — степени гармоніи и дисгармоніи въ ихъ природѣ. На почвѣ такой переработки матеріала своихъ чувствованій и чувствъ человѣческій духъ творитъ искусство, построяетъ общіе принципы нравственной дѣятельности и обязательные идеалы личной и общественной жизни.

Оправданію этихъ положеній и будетъ посвященъ мой сегодняшній рефератъ.

I.

Чтобы показать вамъ наглядно, Мм. Гг., почему я считаю взглядъ на чувство какъ на относительное и недостовѣрное начало познанія и дѣятельности неправильнымъ, я укажу вамъ пока только на одинъ несомнѣнный психологическій фактъ, который и спеціалистами-учеными и философами очень часто упускается изъ виду или ложно истолковывается. На вопросъ: откуда мы черпаемъ увѣренность въ достовѣрности понятій нашего ума о вещахъ міра и о законахъ его, обыкновенно отвѣчаютъ: изъ опыта. Но изъ какого опыта? отвѣчаютъ: внѣшняго опыта, основаннаго на ощущеніяхъ. Значитъ, всѣ ощущенія внѣшнія достовѣрны? Конечно нѣтъ: въ области ощущеній возможны ошибки, иллюзіи. «Но, говорятъ намъ, умъ провѣряетъ ощущенія и извлекаетъ изъ нихъ общее, истинное». По поводу этого утвержденія я задамъ во-

[1]) Мы должны замѣтить, что и сами раздѣляли прежде эту теорію. См. Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ. Спб. 1880.

просъ: какимъ же образомъ умъ нашъ узнаетъ, что общее въ ощущеніяхъ истинно? Вѣдь воспріятіе вращенія солнца вокругъ земли тоже общее всѣмъ людямъ воспріятіе, а оно не истинно.—«Умъ, объясняютъ намъ, сличаетъ частныя воспріятія съ составленными имъ общими представленіями и понятіями о вещахъ и такимъ образомъ судитъ объ истинности этихъ воспріятій». Допустимъ это. Но какъ умъ нашъ пріобрѣлъ увѣренность въ истинности своихъ общихъ представленій и понятій?

На этотъ вопросъ намъ отвѣчаютъ: «умъ убѣдился въ ихъ истинности, напримѣръ въ истинности основныхъ аксіомъ знанія, изъ того, что эти понятія оказались соотвѣтствующими или согласными съ его собственными законами». Но какъ мы узнали объ этомъ соотвѣтствіи или согласіи нашихъ представленій или понятій съ законами нашего ума? На этотъ вопросъ или совсѣмъ не отвѣчаютъ, ибо вовсе не задаютъ себѣ его, — или же отвѣчаютъ весьма туманно. Говорятъ, напримѣръ, что «это соотвѣтствіе усматривается непосредственно». Но въ какой же формѣ, въ формѣ какого душевнаго состоянія это соотвѣтствіе нами непосредственно сознается? На это возможенъ только одинъ отвѣтъ: въ формѣ чувства соотвѣтствія или согласія, то-есть умственной гармоніи. Что значитъ соотвѣтствіе? Всякое соотвѣтствіе означаетъ субъективно равновѣсіе или гармонію извѣстнаго рода. Всякая гармонія познается чувствомъ, испытывается нами какъ чувство гармоніи, какъ пріятное чувство удовлетворенія. Всякое несоотвѣтствіе, дисгармонія,—напримѣръ, между нашими представленіями и законами ума,—испытывается въ формѣ чувства дисгармоніи, непріятнаго чувства противорѣчія, доходящаго иногда до степени страданія. Благодаря этимъ интеллектуальнымъ чувствамъ согласія и противорѣчія, законъ согласія или тожества, и законъ противорѣчія становятся основными законами мысли.

Отсюда ясно, что послѣдніе критеріи истины и лжи лежатъ въ чувствахъ истины и лжи.

Теперь вообразимъ, что эти умственныя чувства истины и лжи совершенно относительны, индивидуальны, зависятъ отъ личности и личнаго настроенія. Тогда, конечно, никакое твердое, достовѣрное знаніе даже для науки не было бы возможно. Но къ счастію это предположеніе о полной относительности чувствъ истины и лжи не оправдывается фактами. Мы всѣ испытываемъ съ необходимостью и постоянствомъ, недоступными никакимъ колебаніямъ, чувство истины или умственной гармоніи по поводу положеній: $2 \times 2 = 4$, цѣлое больше части, тѣло протяженно, и другихъ подобныхъ, или напр. по поводу умозаключенія, что

если A=B, а B=C, то и A=C, а также, если всѣ тѣла протяженны, а эоиръ есть тѣло, то и эоиръ имѣетъ протяженіе, и т. д.

Если же на судьбу достовѣрности въ наукѣ имѣютъ вліяніе достовѣрныя интеллектуальныя чувства удовольствія и неудовольствія, то что же рѣшаетъ судьбу искусства, какъ всѣмъ одинаково понятнаго и въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ всѣмъ людямъ извѣстнаго развитія равно сочувственнаго и несочувственнаго художественнаго творчества? Откуда мы знаемъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ великіе поэты, что Моцартъ и Бетховенъ первоклассные музыканты, что Рафаэль одинъ изъ лучшихъ живописцевъ? Не индивидуальны же и относительны такія сужденія,—а между тѣмъ они основаны на различныхъ чувствахъ гармоніи или красоты, которыя мы испытываемъ при дѣйствіи на насъ произведеній этихъ геніевъ.

Итакъ для насъ, людей, вообще возможны чувства общія, достовѣрныя, имѣющія такую же степень необходимости и обязательности, какими обладаютъ понятія нашего ума [1]).

Разсмотримъ теперь, откуда и какъ образуются эти обязательныя чувства и какая сторона вещей необходимо и достовѣрно въ нихъ открывается.

II.

Прежде всего мы должны, однако, точнѣе опредѣлить, что такое само чувство, какъ объективный психологическій фактъ.

Сидя въ этой залѣ, вы всѣ, милостивые государи, испытываете непрерывно рядъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ ощущеній, которыя знакомятъ васъ со свойствами окружающихъ предметовъ,—ихъ формами, цвѣтами и т. д. Эти ощущенія частію пріятны, частію непріятны, частію, наконецъ, безразличны. Это значитъ, что по поводу нихъ въ вашемъ сознаніи возникаютъ новыя состоянія, а именно чувствованія удовольствія и неудовольствія, или же прямо страданія; иногда же эти чувствованія такъ слабы и мимолетны, что вы ихъ не сознаете и вамъ кажется, что свойства предметовъ безразличны.

Такимъ образомъ воспріятіе міра сознаніемъ человѣка происходитъ

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что вѣдь и понятія ума не абсолютно всеобщи и необходимы, такъ какъ для убѣжденія въ ихъ необходимости и достовѣрности нужно также извѣстное развитіе ума (логическое, въ параллель эстетическому, на почвѣ котораго возникаетъ общеобязательность извѣстныхъ эстетическихъ оцѣнокъ).

въ двоякой формѣ,—въ формѣ ощущеній, которыя выражаютъ свойства, качества вещей, и въ формѣ возникающихъ въ связи съ ними чувствованій удовольствія и страданія, которыя на первый взглядъ тоже выражаютъ качества предметовъ, но не внѣшнія, а внутреннія,—а именно ихъ достоинства и недостатки, степени ихъ совершенства и несовершенства.

Теперь представьте себѣ другое положеніе: ученый математикъ читаетъ ученое сочиненіе по своей спеціальности, переполненное отвлеченными терминами и сложными формулами. Онъ тоже воспринимаетъ нѣкоторый объектъ міра при помощи ряда зрительныхъ ощущеній, но эти ощущенія только условные знаки сложныхъ представленій и отвлеченныхъ понятій, и однако же воспріятіе этихъ представленій и понятій, составляющихъ переработку ощущеній, также сопровождается чувствами удовольствія и страданія и другими болѣе сложными, напримѣръ радости, если онъ узналъ новый любопытный методъ вычисленія,—унынія, или негодованія, если что-нибудь у автора книги изложено неясно или ошибочно, и т. д. Слѣдовательно, и на высшихъ ступеняхъ развитія, представленія и понятія о вещахъ вызываютъ сложныя чувства удовлетворенія и неудовлетворенія различныхъ формъ, которыя знакомятъ насъ со внутренними, типическими недостатками и достоинствами предметовъ.

Ощущенія и идеи съ одной стороны, чувствованія и чувства, съ другой, представляютъ два первые момента нашего взаимодѣйствія съ міромъ, а именно: способы воспріятія его. По поводу этихъ воспріятій начинается затѣмъ наше активное отношеніе къ міру, наше обратное воздѣйствіе на него, психическій моментъ котораго называется **волевою дѣятельностью**. Но эта волевая дѣятельность имѣетъ также два момента, параллельные ощущеніямъ и идеямъ, чувствованіямъ и чувствамъ.

По поводу чувствованій и чувствъ пріятныхъ и непріятныхъ возникаютъ прежде всего желанія, стремленія — приблизить предметы, или самимъ къ нимъ приблизиться, если они возбуждаютъ удовольствіе,—устранить ихъ, или же самимъ отъ нихъ удалиться, если они причиняютъ страданіе. Стремленія и желанія долго могутъ оставаться стремленіями и желаніями, не переходя въ дѣйствія. Но достигнувъ извѣстной силы и иногда только послѣ борьбы другъ съ другомъ, они переходятъ въ дѣйствія или движенія соотвѣтствующаго имъ типа, осуществляющія данныя желанія. Особый психическій моментъ дѣйствія—это, когда сознаніе осуществляетъ желаніе, давая толчокъ (импульсъ) къ из-

вѣстнымъ движеніямъ. Что это особый психическій моментъ, видно изъ того, что мы отличаемъ въ дѣятельности человѣка даже съ нравственной и юридической точекъ зрѣнія поступокъ отъ его побужденія и признаемъ, напримѣръ, иногда, что хорошему поступку предшествовало дурное желаніе, или наоборотъ, дурному поступку доброе желаніе, такъ что подвергаемъ желанія и самые поступки отдѣльной нравственной оцѣнкѣ. Еслибы дѣйствія наши были только физіологическими процессами въ мышцахъ, то самый терминъ поступка, выражающій идею сознательнаго и намѣреннаго дѣйствія, былъ бы безсмысленъ. Кромѣ того, есть дѣйствія или движенія чисто психическія (безмышечныя), напримѣръ дѣйствіе мысли, изобрѣтающей слово для новаго понятія,—а между тѣмъ такое дѣйствіе весьма отлично отъ простого желанія изобрѣсти слово.

Дѣйствія наши обыкновенно направлены на тѣ самые предметы опыта, которые, дѣйствуя сами на насъ, вызвали наши воспріятія. Поэтому можно сказать, что въ дѣйствіяхъ нашихъ на предметы мы возвращаемся назадъ къ исходному пункту взаимодѣйствія съ міромъ, т.-е. къ объектамъ, которые его вызвали. Поэтому все психическое взаимодѣйствіе можно назвать психическимъ кругомъ или оборотомъ сознанія и можно сказать, что вся наша душевная дѣятельность состоитъ изъ безконечнаго числа разнообразныхъ, болѣе или менѣе сложныхъ и различно переплетающихся другъ съ другомъ психическихъ оборотовъ.

Выяснивъ идею психическаго оборота, возвратимся къ вопросу, что же такое чувство, какъ психологическій фактъ?

Чувство есть, какъ мы видѣли, второй моментъ психическаго оборота, какъ единицы взаимодѣйствій сознанія съ міромъ, и притомъ чувство есть особый видъ воспріятія вещей, играющій важную роль въ нашемъ дѣйствіи на вещи, а именно опредѣляющій его направленіе. Чувства опредѣляютъ направленіе желаній, какъ мотивовъ дѣйствія, а такъ какъ всѣ дѣйствія опредѣляются мотивами, то признаніе полной относительности и индивидуальной природы чувствованій и чувствъ было бы признаніемъ полной относительности и неустойчивости желаній и самихъ дѣйствій. На высшихъ ступеняхъ дѣятельности частные мотивы дѣйствій обобщаются въ общіе мотивы или принципы дѣйствія, которыя суть сложныя, постоянныя желанія. Если всѣ чувствованія и чувства относительны, субъективны, то и всѣ принципы и цѣли или идеалы дѣятельности относительны и субъективны. Между тѣмъ мы строго отличаемъ личныя и относительныя правила и задачи дѣятельности отъ всеобщихъ

и безусловныхъ принциповъ и идеаловъ ея, которые обязательны для всѣхъ людей.

Изъ этихъ соображеній ясно, что вопросъ о томъ, что именно и какъ мы познаемъ посредствомъ чувства, какъ второго момента воспріятія дѣйствительности,— познаемъ ли мы нѣчто совершенно относительное, характеризующее только нашу личность, или также нѣчто независимое отъ личности — внутреннія совершенства и несовершенства вещей,— ясно, говорю я, что вопросъ этотъ весьма важенъ, и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ. Въ теоретическомъ онъ важенъ потому, что отъ рѣшенія его зависитъ признаніе или непризнаніе новой обширной области объективныхъ знаній,—знаній истинной внутренней цѣны и значенія вещей и всего міра. Въ практическомъ отношеніи онъ еще важнѣе, ибо въ связи съ нимъ находится вопросъ о возможности установленія твердыхъ объективныхъ началъ дѣятельности человѣка, которыхъ мы всѣ ищемъ, хотя иногда и не знаемъ, какъ и гдѣ ихъ найти.

Прежде, однако, чѣмъ мы перейдемъ къ анализу степени достовѣрности и обязательности чувствованій и чувствъ, какъ орудій познанія міра и критеріевъ дѣятельности человѣка, мы должны коснуться характера достовѣрности и объективности ощущеній и идей.

III.

Не всѣ ощущенія и идеи даютъ намъ истинное знаніе свойствъ и качествъ вещей. Несомнѣнно, что наша индивидуальная организація, наше минутное настроеніе и другія случайныя, а иногда и постоянныя условія существованія личности вліяютъ на неправильность познанія предметовъ и явленій міра посредствомъ ощущеній. Но любопытно, что степень объективности и достовѣрности ощущеній весьма различна.

Ощущенія обыкновенно дѣлятся на *внѣшнія* и *внутреннія*. Внѣшнія ощущенія это тѣ, которыя доставляются органами зрѣнія, слуха, осязанія, вкуса, обонянія и нѣкоторыми другими, общими путями, напр. мускульною воспріимчивостью. Внутреннія ощущенія—это, во первыхъ, ощущенія органовъ нашего тѣла или органическія ощущенія,—во-вторыхъ, ощущенія нашихъ психическихъ, душевныхъ процессовъ. Этотъ большой разрядъ ощущеній почти совсѣмъ еще не изслѣдованъ психологіей, и часто эти особыя ощущенія психическихъ состояній и дѣйствій отрицаются психологами. Говорятъ, что мы сознаемъ дѣйствія нашего ума, наши волненія, стремленія и такъ далѣе, непосредственно. Но

это опять все то же неясное и неточное выраженіе. Всякій знаетъ по опыту, что можно мыслить безсознательно, переживать желанія, страсти и т. д., не отдавая себѣ отчета въ нихъ; но можно также сознавать всѣ эти состоянія и процессы какъ объекты внутренняго опыта. Сознавать что-нибудь какъ объектъ опыта—значитъ ощущать, представлять, понимать. Представленія и понятія о нашихъ душевныхъ состояніяхъ никѣмъ не отрицаются, а всѣ представленія слагаются изъ ощущеній. Если бы не было ощущеній психическихъ состояній, то невозможно было бы наблюденіе и изученіе психической жизни путемъ внутренняго опыта [1]).

Таковы разряды нашихъ ощущеній. Самыя смутныя, субъективныя и индивидуальныя — это ощущенія органическія. Мы ощущаемъ свойства нашихъ органовъ весьма неопредѣленно, только въ формѣ мѣста, гдѣ они находятся и иногда ихъ объема и вѣса. Менѣе смутны, но все-таки очень субъективны и относительны нѣкоторыя внѣшнія ощущенія, напримѣръ, ощущенія вкуса, обонянія, температуры. Поэтому память вкусовъ и запаховъ очень слаба и вмѣстѣ съ тѣмъ вкусъ и обоняніе считаются весьма относительными, недостовѣрными показателями свойствъ вещей, такъ что наука пользуется ими только какъ второстепенными признаками при описаніи явленій и изслѣдованіи законовъ природы. Еще менѣе относительны, но все-таки довольно субъективны ощущенія мускульныя и осязательныя. Поэтому и ими наука пользуется осмотрительно, и при опредѣленіи, напримѣръ, объема и вѣса вещей переводитъ, при помощи мѣръ и вѣсовъ, осязательныя и мускульныя ощущенія на зрительныя.

Изъ ощущеній внѣшнихъ всего объективнѣе и достовѣрнѣе ощущенія слуховыя и зрительныя. Поэтому на нихъ главнымъ образомъ и основано все достовѣрное знаніе свойствъ вещей и всѣ научныя изслѣдованія явленій внѣшней дѣйствительности. Не менѣе достовѣрны и объективны, хотя еще мало разработаны наукой, наши ощущенія психическихъ состояній и движеній. Что они не менѣе достовѣрны, ясно изъ того, что всѣ представленія и понятія отношеній между явленіями внѣшняго опыта на нихъ основаны. Такъ, напримѣръ, понятія о равенствѣ, различіи, смежности, послѣдовательности, причинной связи и другихъ подобныхъ отношеніяхъ вещей основаны на ощущеніяхъ психиче-

[1]) Объ умственныхъ или интеллектуальныхъ ощущеніяхъ и ихъ роли въ процессѣ мышленія мы говорили подробнѣе въ соч. «Къ вопросу о реформѣ логики» (1882), Глава III, особ. стр. 145—150.

скихъ дѣйствій различенія, отожествленія, послѣдовательнаго сочетанія воспріятій, и т. д.

Такимъ образомъ наши ощущенія имѣютъ различную степень объективности и достовѣрности, какъ показатели свойствъ вещей. Но и самыя объективныя и достовѣрныя все-же относительны и носятъ на себѣ отчасти субъективный отпечатокъ. Во-первыхъ, возможны зрительныя и слуховыя иллюзіи и галлюцинаціи, то-есть ошибки зрѣнія и слуха. Во вторыхъ, на природу ощущеній вліяетъ наша психическая организація. Давно дознано, сначала философами, потомъ учеными, что цвѣтовъ и звуковъ на самомъ дѣлѣ въ мірѣ нѣтъ, а есть разнообразныя движенія свѣтового эѳира, воздуха и т. д., производящія ощущенія цвѣтовъ и звуковъ; оттого еще древнѣйшіе философы Греціи говорили, что ощущенія насъ обманываютъ, что они — недостовѣрные показатели существующаго. Ясно, стало быть, что субъективность ощущеній зависитъ вовсе не отъ примѣси чувствованій и чувствъ, которыя съ ними сочетаются, а отъ индивидуальныхъ, личныхъ и общихъ условій душевной организаціи, которыя, какъ мы увидимъ ниже, являются въ свою очередь источникомъ субъективности и для нашихъ чувствованій и чувствъ.

Какимъ же путемъ ощущенія, заключая въ себѣ нѣкоторый объективный элементъ, отражая въ себѣ лишь отчасти свойства вещей міра, перерабатываются въ достовѣрныя представленія и понятія о вещахъ, которыя даютъ въ результатѣ объективное знаніе, науку? Для этого очевидно необходимо очистить ихъ отъ случайныхъ, индивидуальныхъ примѣсей. По мнѣнію извѣстнаго психолога Вундта (Logik, I, стр. 378—385), этотъ процессъ проходитъ слѣдующія ступени: мы должны убѣдиться, что для насъ самихъ данное ощущеніе неустранимо, что оно согласно со всѣми прочими нашими воспріятіями и съ воспріятіями другихъ людей, что источникъ его лежитъ въ объектѣ, а не только въ свойствахъ и законахъ нашего сознанія, — и наконецъ слѣдуетъ логическимъ путемъ убѣдить себя и другихъ, что иное объективное объясненіе нашего воспріятія, кромѣ принятаго нами, невозможно. Только этимъ послѣднимъ путемъ мы и убѣждаемся, напримѣръ, что воспріятіе движенія солнца вокругъ земли ошибочно, — такъ какъ оно и для насъ неустранимо и для другихъ неизбѣжно, а также не противорѣчитъ прочимъ нашимъ воспріятіямъ и причина его не можетъ лежать только въ сознаніи (этою причиной и оказывается, послѣ логической переработки воспріятія, объективный фактъ движенія нашей земли): зато логически первоначальное толкованіе его не оправдывается и замѣняется инымъ толкованіемъ.

Таковъ сложный путь переработки ощущеній и воспріятій въ объективно-вѣрные показатели свойствъ предметовъ, явленій и процессовъ въ мірѣ. А затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе сложная работа ума съ цѣлью методическаго обобщенія воспріятій въ представленія, и этихъ послѣднихъ въ понятія и системы понятій. Вся эта работа ума подчинена объективнымъ законамъ мышленія или логическимъ законамъ. Такимъ образомъ, ощущенія наши становятся орудіями и элементами научно-достовѣрнаго познанія только послѣ весьма сложнаго очищенія ихъ ото всего относительнаго въ лабораторіи нашего ума.

IV.

Посмотримъ теперь, замѣчаются ли тѣ же разнообразныя ступени относительности, общности и достовѣрности въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, и доступны ли и они той же системѣ переработки сознаніемъ?

Первое несомнѣнно, ибо органическія удовольствія и страданія по поводу процессовъ въ нашемъ тѣлѣ почти безусловно относительны и являются весьма слабымъ критеріемъ при опредѣленіи доброкачественности внутреннихъ процессовъ. Иногда весьма непріятныя органическія чувствованія сопровождаютъ весьма несущественныя нарушенія внутренняго равновѣсія органовъ, напримѣръ, боль членовъ при усталости,—въ другихъ случаяхъ весьма тяжелыя нарушенія этого равновѣсія, напримѣръ при перерожденіи тканей мозга, совершаются безболѣзненно. Поэтому хорошіе врачи мало соображаются съ болями, а тѣмъ менѣе съ пріятными чувствованіями своихъ паціентовъ и принимаютъ ихъ во вниманіе только какъ второстепенный признакъ при діагнозѣ болѣзненныхъ процессовъ и при установленіи системы лѣченія.

Менѣе относительны чувствованія, сопровождающія ощущенія вкуса и обонянія. Дурные, непріятные вкусы и запахи указываютъ часто на объективную недоброкачественность пищевыхъ продуктовъ или другихъ предметовъ, съ которыми мы входимъ въ соприкосновеніе. Съ другой стороны, пріятные вкусы и ароматы указываютъ на какія-то, часто весьма объективныя достоинства предметовъ; иначе нельзя было бы объяснить, почему ароматы извѣстныхъ цвѣтовъ: ландыша, фіалки, розы, резеды почти всѣмъ людямъ пріятны. Конечно и тутъ примѣшиваются въ значительной долѣ личные и вообще внутренніе элементы; но вѣдь они присутствуютъ, какъ мы видѣли, и во всѣхъ ощущеніяхъ. Однако вліяніе личнаго вкуса, возраста, пола, привычки еще настолько

сильно отражается на чувствованіяхъ удовольствія и страданія въ области вкуса и обонянія, что судить о дѣйствительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ вещей только по этимъ чувствованіямъ было бы неосмотрительно. Поэтому и искусства, комбинирующія ароматы и вкусы,—низшія искусства, имѣющія отчасти субъективную цѣну.

Болѣе объективны пріятныя и непріятныя чувствованія, сопровождающія осязаніе и мускульныя ощущенія; поэтому показанія ихъ принимаются въ соображеніе въ объективныхъ искусствахъ — въ скульптурѣ и архитектурѣ,—въ обработкѣ поверхностей скульптурныхъ произведеній и въ установленіи размѣровъ колоннъ и другихъ частей при постройкахъ. Значеніе идеи тяжести (обобщенной изъ мускульныхъ ощущеній) въ зодчествѣ по своему прекрасно выяснилъ Шопенгауэръ (Міръ, какъ воля и представленіе, § 43).

Всего объективнѣе, однако, чувствованія удовольствія и страданія, сопровождающія наши зрительныя и слуховыя ощущенія. Поэтому эти чувствованія и лежатъ главнымъ образомъ въ основѣ эстетической оцѣнки объективной красоты и безобразія въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства. Всѣ высшія искусства такъ или иначе дѣйствуютъ на глазъ, а именно скульптура, архитектура, живопись, или же на слухъ—музыка, поэзія, или на тѣ и другіе органы совмѣстно, какъ напримѣръ, драматическое искусство,—причемъ конечно сюда присоединяется еще высшая оцѣнка этихъ произведеній, основанная на интеллектуальныхъ, нравственныхъ, и тѣхъ особыхъ эстетическихъ чувствахъ, посредствомъ которыхъ мы оцѣниваемъ внутреннюю гармонію или дисгармонію въ воспроизведеніи существеннаго содержанія (идеи) предметовъ и явленій художникомъ.

Фактъ существованія этой высшей оцѣнки и ведетъ насъ теперь въ область наиболѣе объективныхъ и достовѣрныхъ чувствованій удовольствія и страданія, которыя сопровождаютъ наши интеллектуальныя ощущенія и ощущенія нашихъ волненій или эмоцій, нашихъ стремленій и дѣйствій. Мы уже показали выше, что объективная достовѣрность въ наукѣ основана отчасти на чувствахъ истины и лжи, или умственной гармоніи и дисгармоніи. Само собою, что эти общія и весьма сложныя чувства вырабатываются изъ цѣлаго ряда элементарныхъ чувствованій удовольствія и неудовольствія, сопровождающихъ отдѣльные, простѣйшіе умственные акты различенія, отожествленія, соединенія и раздѣленія ощущеній. Слѣдовательно, чувства истины и лжи черпаютъ свою объективность въ элементарныхъ интеллектуальныхъ чувствованіяхъ удовольствія и страданія.

Тѣ же элементарныя интеллектуальныя чувствованія несомнѣнно играютъ большую роль и въ эстетической оцѣнкѣ, въ оцѣнкѣ гармоніи и дисгармоніи или красоты и уродливости художественныхъ образовъ и типовъ, такъ какъ чувства художественной правды и лжи, вліяющія на сужденія о красотѣ художественныхъ образовъ, въ значительной мѣрѣ слагаются изъ оцѣнки соотвѣтствія другъ другу и дѣйствительности понятій и представленій, выраженныхъ художникомъ. Но, кромѣ того, въ эстетической оцѣнкѣ играютъ большую роль еще и другія психическія чувствованія удовольствія и страданія, сопровождающія наши волненія и волевые акты, связанные съ созерцаніемъ природы и произведеній искусства. Напримѣръ, если мы чувствуемъ болѣзненно слишкомъ большое напряженіе психической энергіи вслѣдствіе очень быстрой смѣны или интенсивности волненій, испытываемыхъ при созерцаніи картины или слушаніи музыкальной піесы, то это чувство страданія, слагающееся изъ ряда элементарныхъ чувствованій, заставляетъ насъ признать произведеніе нехудожественнымъ. Точно также слишкомъ медленный темпъ чувствъ, вызываемыхъ произведеніемъ музыканта или драматическаго писателя, порождаетъ чувство неудовлетворенности, и оттого можетъ быть Нибелунги Вагнера производятъ въ общемъ нехудожественное впечатлѣніе.

Но еще болѣе яркій образчикъ объективныхъ и достовѣрныхъ чувствованій удовольствія и страданія, сопровождающихъ наши волненія и волевые акты, мы имѣемъ въ чувствованіяхъ, которыя ложатся въ основаніе нравственной оцѣнки явленій. Это—элементарныя чувствованія, изъ которыхъ образуются чувства любви и гнѣва, страха и надежды, силы и безсилія, на почвѣ которыхъ современемъ развиваются сложныя нравственныя чувства одобренія и неодобренія, любви къ ближнему и сострадания, чувство долга, и др. под., а также и безнравственныя чувства себялюбія, злобы и пр. Если возможна объективная нравственная оцѣнка, если есть люди и дѣйствія добрые и злые, честные и безчестные—независимо отъ индивидуальныхъ и условныхъ взглядовъ отдѣльныхъ личностей,—то наше знаніе о нихъ главнымъ образомъ опирается на упомянутыя объективныя чувствованія, сопровождающія наши душевныя движенія. Если многіе люди испытываютъ любовь къ извѣстному лицу, то это даетъ право думать, что его внутреннее существо представляетъ нѣкоторую объективную гармонію или совершенство. Если всѣ или многіе люди, не сговариваясь, кого-либо ненавидятъ, презираютъ или боятся, то есть основаніе полагать, что во внутреннемъ существѣ этого лица, въ организаціи его воли есть объективные недостатки,

есть несомнѣнная порочность. Тѣ же заключенія мы дѣлаемъ и объ отдѣльныхъ поступкахъ людей, опредѣляя цѣну этихъ послѣднихъ по всеобщности симпатій и антипатій, ими вызываемыхъ. Но такъ какъ и масса современниковъ можетъ ошибаться, то мы болѣе полагаемся на единодушіе въ чувствахъ разнообразнаго по составу потомства, и приговоры, пріобрѣтаемые на этой почвѣ, называются объективнымъ судомъ исторіи.

Итакъ, Мм. Гг., параллелизмъ ощущеній и чувствованій, съ точки зрѣнія степени ихъ объективности и достовѣрности, нами достаточно оправданъ.

Какъ стоитъ теперь дѣло съ обработкой чувствованій и чувствъ? Подобно тому, какъ ощущенія перерабатываются нашимъ сознаніемъ въ идеи, такъ элементарныя чувствованія перерабатываются въ чувства общія и отвлеченныя; какъ въ области идей различаются болѣе конкретные продукты—представленія, имѣющія объектомъ отдѣльные предметы и явленія, отъ болѣе отвлеченныхъ и общихъ, а именно понятій, выражающихъ типическія свойства, классы и законы вещей и явленій, такъ точно и въ области чувствъ есть болѣе конкретныя и болѣе отвлеченныя—есть чувства, оцѣнивающія достоинства и недостатки отдѣльныхъ предмѣтовъ и явленій, напримѣръ чувства любви и ненависти, страха и надежды, и есть чувства, оцѣнивающія недостатки и достоинства классовъ, видовъ предметовъ явленій, напр., чувства красоты, истины, добра. Не даромъ въ древности Платонъ настаивалъ на существованіи высшей отвлеченной любви (Эроса) къ красотѣ, добру, какъ общимъ міровымъ началамъ. Можетъ-быть и нравственное чувство долга, на которомъ Кантъ построилъ свой категорическій императивъ долга, есть не что иное, какъ отвлеченное ото всѣхъ конкретныхъ условій чувство абсолютной гармоніи воли въ природѣ, которое мы иногда испытываемъ, когда, возвышаемся до сознанія въ себѣ воли, какъ мірового начала.

Изъ сказаннаго вытекаетъ съ большою вѣроятностью, что чувствованія проходятъ въ своемъ развитіи тѣ же ступени, какъ и ощущенія, что ступени развитія чувствъ и идей параллельны.

Теперь посмотримъ, доступны ли чувствованія такой же системѣ повѣрки, какъ и ощущенія. Конечно чувствованія можно, какъ и ощущенія, провѣрять съ точки зрѣнія ихъ неустранимости; поэтому, напр., мы неоднократно подносимъ розу къ органу обоняніе, чтобъ узнать степень ея благоуханія. Можно также сравнивать чувствованія съ точки зрѣнія ихъ согласія и соотвѣтствія другъ другу; поэтому, желая опредѣлить цѣну предмета, мы стараемся убѣдиться въ его пріятности не только для зрѣнія, но и для другихъ чувствъ, напримѣръ, если предметъ

пріятенъ съ виду, мы невольно стремимся узнать, пріятенъ ли его вкусъ или тонъ. Можно, далѣе, сличать чувствованія наши съ чувствованіями другихъ людей, и это мы всѣ постоянно дѣлаемъ, дѣлясь между собою впечатлѣніями удовольствія и неудовольствія, которыя вызываютъ въ насъ вещи и люди, и исправляя этимъ путемъ сужденія объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ. Еще далѣе: ничто не мѣшаетъ намъ и въ чувствахъ устранять сознаніемъ элементъ личный и субъективный, стараясь разграничивать то, что принадлежитъ въ нихъ объективнымъ фактамъ, отъ того, что надо приписать нашему вкусу и субъективной организаціи. Этимъ путемъ и вырабатываются, напримѣръ, наши эстетическія сужденія о красотѣ предметовъ и наши нравственныя сужденія о достоинствахъ людей.

Наконецъ, для пріобрѣтенія полной увѣренности въ объективномъ достоинствѣ или доброкачественности вещей и явленій мы стараемся логически обосновать и оправдать наши чувства, сличая и провѣряя другъ другомъ всю систему нашихъ чувствъ и вырабатывая, путемъ отвлеченія ихъ основныхъ признаковъ, высшіе принципы и идеалы, то-есть общія нормы и правила оцѣнки вещей и дѣятельности человѣка. Эта работа есть уже конечно дѣятельность ума въ обширномъ смыслѣ слова, всецѣло подчиненная логическимъ законамъ, законамъ разсудка. Но въ основѣ ея есть особый элементъ творчества, который едва-ли можно отнести на долю чистаго разсудка. Поэтому-то Кантъ отличалъ творческую силу разума отъ болѣе или менѣе механической силы разсудка и рядомъ съ этимъ противополагалъ разумъ теоретическій разуму практическому и силѣ сужденія. Но для него всѣ формы разума были чисто субъективными силами. Для насъ онѣ объективны. Практическій разумъ и сила сужденія Канта съ нашей точки зрѣнія и суть тѣ функціи ума, которыя познаютъ, помощью чувства, истинныя достоинства и недостатки вещей и вырабатываютъ въ связи съ этимъ высшія объективныя цѣли или идеалы, и отвлеченные принципы дѣятельности человѣка. Въ этихъ отправленіяхъ разума безъ сомнѣнія участвуетъ творчество: чтобы правильно познать красоту и добро въ мірѣ, мы должны сами достигнуть извѣстной внутренней гармоніи чувствъ и душевной высоты, т. е. пересоздать себя. Воля играетъ огромную роль въ этомъ процессѣ: подъемъ ея и упадокъ чутко отражаются на конечныхъ результатахъ оцѣнки.

По поводу этихъ соображеній о переработкѣ матеріала чувствъ разумомъ возникаетъ однако вопросъ: не есть-ли все-таки объективность чувствъ, какъ критеріевъ знанія и дѣятельности, продуктъ все той же работы ума, которая даетъ объективный характеръ нашимъ представ-

леніямъ и понятіямъ? Тогда оказалось бы, что мы должны сдѣлать только небольшую поправку въ обыкновенной теоріи достовѣрнаго познанія, а именно признать, что, рядомъ съ ощущеніями, и чувствованія наши подлежатъ умственной, логической переработкѣ, т. е. превращенію въ идеи, и что то, что мы называли до сихъ поръ чувствами, не что иное какъ идеи чувствованій? Но это предположеніе, какъ мы сейчасъ увидимъ, невѣрно: чувства и идеи чувствъ не одно и то же, и значеніе чувствъ въ познаніи можетъ быть троякое. Во первыхъ, чувствованія развиваются, очищаются отъ индивидуальныхъ и случайныхъ примѣсей и обобщаются въ чувства, сами по себѣ, независимо отъ понятій, и такимъ образомъ являются средствами непосредственной правильной оцѣнки значенія вещей, ихъ достоинствъ и недостатковъ. Этотъ процессъ составляетъ основу художественнаго творчества и онъ же лежитъ въ основаніи всякаго нравственнаго развитія человѣка, независимо отъ понятій и теорій. Это процессъ ирраціональный и интуитивный, подчиненный особымъ законамъ, которые иногда выражались въ понятіи «логики чувствъ», отдѣльной отъ логики ума. Что такой процессъ свойственъ человѣческому духу, никто не станетъ отрицать, ибо никто никогда не былъ въ состояніи свести къ логическимъ законамъ процессъ творчества и переложить въ цѣпь понятій ту таинственную работу духа, которая заставляетъ человѣка, независимо отъ разсудочной дѣятельности, вѣрно схватывать смыслъ вещей, намѣренія природы, характеры людей, т. е. все то, что напр. воспроизводитъ въ своихъ твореніяхъ художественный геній. Только въ чувствѣ можно найти разгадку этого таинственнаго процесса: чувство пополняетъ пробѣлы въ дѣйствительности, руководитъ различеніемъ существеннаго отъ несущественнаго и направляетъ художника въ процессѣ возсозданія воображеніемъ природы и типовъ всѣхъ вещей и существъ. Напримѣръ, чувство красоты даетъ возможность скульптору угадать правильное соотношеніе частей тѣла и очертаній мышцъ при созданіи типа атлета; чувство гармоніи руководитъ музыкантомъ въ процессѣ комбинированія звуковъ для наиболѣе полнаго и вѣрнаго изображенія страсти; чувства (а не понятія) должны дать поэту средства правдиваго начертанія душевныхъ состояній, поступковъ и характеровъ людей, и если онъ попытается замѣнить работу чувства работою ума,— интуитивный процессъ творчества (воображенія) процессомъ логическаго построенія,—то онъ будетъ наказанъ: его произведеніе выйдетъ «разсудочнымъ, холоднымъ, лживымъ». Оттого правда художественнаго постиженія дѣйствительности путемъ чувствъ эмпирически всегда противополагается разсудочной истинности научнаго зна-

нія дѣйствительности, которое пріобрѣтается посредствомъ понятій[1]). Эта противоположность давно сознана всѣми людьми, но психологическая теорія не дала ей пока объясненія, такъ какъ не обращала вниманія на творческую силу объективнаго чувства и на роль чувства въ познаваніи существующаго. Интуитивное или ирраціональное познаніе чувствомъ можно назвать постиженіемъ, въ противоположность раціональному познанію умомъ, которое выражается терминомъ пониманія.

Но затѣмъ возможно еще двоякое употребленіе чувства для цѣлей познанія. Чувства могутъ, во-вторыхъ, стать сами предметомъ объективнаго изученія ума. Они могутъ быть ощущаемы, представляемы и понимаемы. Такимъ образомъ чувства логически перерабатываются въ понятія, и это открываетъ намъ новую область познанія, которое есть по самому объекту своему прежде всего самопознаніе; но если мы будемъ изучать чувства въ понятіяхъ не какъ простые психологическіе факты, а въ ихъ соотношеніи съ объективными условіями, которыя ихъ порождаютъ, съ объективнымъ содержаніемъ, которое они выражаютъ, т. е. какъ показатели объективныхъ отношеній гармоніи и дисгармоніи, то подучимъ возможность построить такія понятія чувствъ, которыя станутъ регулятивными принципами нашего отношенія къ дѣйствительности, сознательными идеалами нашей дѣятельности въ ея отношеніи къ объектамъ. На этой почвѣ и выростаетъ тотъ видъ раціональнаго познанія, которое изучаетъ не данныя отношенія явленій (какъ это дѣлаетъ наука), а то, что должно быть, тѣ цѣли, къ которымъ все стремится, и идеалы, которые осуществляются и должны быть осуществляемы. Такое познаніе цѣлей, должнаго, обязательнаго раціонально и научно, такъ какъ оно основано на понятіяхъ, и въ то же время интуитивно и ирраціонально, такъ какъ понятія имѣютъ объектомъ готовое ирраціональное содержаніе чувствъ. Поэтому въ немъ сложно переплетаются элементы творчества и усвоенія. Усвоиваемое сначала творится. Таково именно то познаніе, которое называется философскимъ, а поскольку оно раціонально — метафизическимъ. Поэтому философія не есть только наука, а есть прежде всего внутренній процессъ субъективнаго роста человѣка, процессъ творчества, ирраціональное развитіе чувства и воли—очищеніе ихъ отъ индивидуальныхъ и слу-

[1]) Мы конечно не отрицаемъ и значенія понятій въ художественномъ творчествѣ, какъ и вліянія чувствъ въ научномъ изученіи, а говоримъ лишь о руководящихъ началахъ и господствующихъ факторахъ того и другого. Ср. выше.

чайныхъ элементовъ.—а затѣмъ уже самосознаніе перелагаетъ результаты этой внутренней работы въ понятія и строитъ раціонально систему идеаловъ и принциповъ. Такова работа ума при построеніи всѣхъ теорій искусствъ и въ частности теоріи разумной дѣятельности человѣка на пути къ идеаламъ истины, добра и красоты. Поэтому логика, этика и эстетика суть отдѣлы философіи, а не чистой науки. Метафизика же, старающаяся перевести въ понятія схваченные чувствомъ высшіе идеалы и цѣли, внутренній смыслъ и цѣну творчества самой природы, есть общая основа и общій методъ философіи и всѣхъ философскихъ теорій: безъ нея невозможны ни логика, ни этика, ни эстетика, ибо понять вполнѣ творческія цѣли нашего духа нельзя внѣ связи съ творческою работою природы.

Итакъ второе значеніе чувства въ познаніи сводится къ тому, что чувства служатъ главнымъ матеріаломъ для извѣстной новой логической работы ума.

Но есть еще одна возможность: какъ чувства могутъ стать объектомъ и содержаніемъ понятій, такъ въ свою очередь, въ-третьихъ, есть возможность обратнаго выраженія содержанія понятій въ терминахъ чувства. Понятія могутъ быть оцѣниваемы чувствомъ въ ихъ отношеніяхъ, и раціональное познаніе можетъ стать объектомъ ирраціональной переработки. Понятія науки не охватываютъ всей дѣйствительности, и потребность полноты постиженія міра должна привести къ новому акту творчества на почвѣ чувства. Этотъ вторичный высшій родъ ирраціональнаго познанія противоположенъ только-что указанному вторичному типу раціональнаго познанія: у послѣдняго основа ирраціональная, а у перваго наоборотъ основа раціональная — знаніе міра въ понятіяхъ. Мы думаемъ, что вторичное ирраціональное познаніе выражается всего лучше понятіями мистическаго, религіознаго постиженія дѣйствительности. Его отличительныя особенности выражаются въ понятіи вѣры, которая всегда дополняетъ и завершаетъ знаніе.

Такимъ образомъ, если чувство можетъ служить достовѣрнымъ источникомъ познанія дѣйствительности, то кромѣ общепризнаннаго достовѣрнаго познанія ея путемъ переработки ощущеній въ понятія (наука), возможно еще троякое достовѣрное познаніе — путемъ переработки чувствованій въ чувства (художественное постиженіе дѣйствительности),—путемъ переработки матеріала чувствъ въ понятія (познаваніе цѣлей и должнаго въ философіи)—путемъ переработки матеріала идей въ чувства (высшее мистическое постиженіе міровыхъ началъ и смысла мірового процесса). Конечно, степень достовѣрности результатовъ позна-

нія во всѣхъ четырехъ случаяхъ будетъ зависѣть отъ соблюденія одного и того же условія, а именно — устраненія изъ матеріала ощущеній и чувствованій, при переработкѣ ихъ въ идеи и чувства, всего индивидуальнаго, личнаго, случайнаго, и суммированія общаго, устойчиваго, постояннаго и необходимаго,—того, что неустранимо изъ сознанія, т. е. изъ понятій и чувствъ всѣхъ людей.

Разсмотрѣвъ кратко процессы переработки ощущеній и чувствованій въ идеи и чувства, какъ высшіе достовѣрные способы воспріятія дѣйствительности, мы остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на вопросахъ: какія стороны дѣйствительности мы познаемъ посредствомъ чувствованій и чувствъ, и насколько объективность и достовѣрность чувства согласна съ природой или психическою организаціей человѣка.

V.

Припомнимъ прежде всего ту основную истину, что человѣческому сознанію вообще самыя вещи непосредственно недоступны. Человѣкъ въ сущности познаетъ только свои собственныя состоянія или перемѣны въ своемъ сознаніи. Онъ познаетъ все существующее какою-то внутреннею психическою энергіей, называемою сознаніемъ и отдѣленною отъ міра толстою корой физическихъ аппаратовъ органовъ тѣла. Слѣдовательно, если объективно-достовѣрное знаніе для него возможно, то только въ силу какой-то гармоніи между его сознаніемъ или состояніями его психической силы и фактами объективными, то-есть гармоніи между мыслью и бытіемъ, которую Лейбницъ называлъ «предустановленною гармоніей» и которую мы выразимъ въ понятіи единства или однообразія всѣхъ законовъ природы—законовъ бытія и сознанія. Эту гармонію или однообразіе нельзя пока доказать какъ истину несомнѣнную, но нельзя не признать ее въ высшей степени вѣроятною. Сама вѣра въ нее есть одинъ изъ основныхъ законовъ сознанія человѣка.

Памятуя указанную только-что высшую или конечную субъективность всякаго знанія, спросимъ себя теперь, въ чемъ и насколько оно объективно. Нѣтъ объекта безъ субъекта, говорилъ Шопенгауэръ, ибо всякій предметъ есть только объектъ представленій субъекта; но можно сказать и наоборотъ, что нѣтъ и субъекта безъ объекта, ибо познавать, чувствовать, желать, хотѣть мы не можемъ безъ объекта, даже въ самыхъ глубокихъ внутреннихъ процессахъ своихъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли изъ анализа природы психическихъ ощущеній,

субъектъ самъ себя дѣлаетъ объектомъ познанія и дѣйствія; отсюда ясно, что различіе и противоположность объекта и субъекта относительны. Въ каждомъ живомъ существѣ, которое я познаю какъ объектъ,—напримѣръ, въ каждомъ изъ васъ, мм. гг., есть свой особый субъектъ, есть свое «я»,—въ каждомъ животномъ также. Мало того: есть низшій субъектъ въ каждой вещи, ибо въ каждой вещи есть способность какого-то, хотя бы и механическаго воспріятія впечатлѣній среды и противодѣйствія имъ тою внутреннею энергіею, которая составляетъ основу ея бытія.

Объективныя проявленія субъектовъ вещей мы познаемъ посредствомъ ощущеній; но какъ мы познаемъ природу субъекта нашего и другихъ существъ и вещей? Чувствованія удовольствія и страданія, какъ мы сейчасъ убѣдимся, и суть элементарныя воспріятія нашего субъекта и субъекта вещей. Если вѣрно, что ощущенія можно назвать выраженіями познаваемыхъ нами отношеній объектовъ къ нашему субъекту, безъ доли участія котораго они никогда не обходятся, то въ свою очередь чувствованія можно назвать воспріятіями отношеній нашего субъекта, нашего «я», къ вещамъ. Не даромъ съ физіологической точки зрѣнія чувствованія признаны продуктами оцѣнки отношеній между запасомъ нашей психической или физической энергіи и ея тратой во взаимодѣйствіи съ предметомъ. Если трата эта превышаетъ или не достигаетъ величины свободной энергіи органа, то наступаетъ неудовольствіе, страданіе,—если же она увеличивается или уменьшается, сообразно величинѣ этой энергіи, то мы испытываемъ удовольствіе, наслажденіе. Слѣдовательно, ближайшимъ образомъ мы познаемъ въ чувствованіяхъ состоянія нашей собственной внутренней энергіи, нашего субъекта, отношенія его къ объективнымъ впечатлѣніямъ.

Но только ли это дано въ чувствованіяхъ? Мы уже видѣли, что обыкновенно чувствованія кажутся намъ оцѣнкой достоинствъ и недостатковъ вещей, ихъ внутренняго значенія. Какимъ же образомъ возможно оцѣнивать въ чувствованіяхъ гармонію и дисгармонію вещей, то-есть именно внутреннее соотношеніе ихъ силъ, свойства ихъ субъекта, если въ концѣ концовъ чувствованія опредѣляютъ величину энергіи нашего собственнаго субъекта и степень правильности ея расходованія?

Тутъ-то мы и подступаемъ къ самому интересному и трудному вопросу: такъ ли относителенъ и индивидуаленъ нашъ субъектъ, то-есть наша психическая энергія, какъ это обыкновенно думаютъ?

Во-первыхъ, а ргіогі позволительно замѣтить, что если ощущенія наши суть воспріятія отношеній вещей къ субъекту и если, какъ это

несомнѣнно, субъектъ нашъ участвуетъ въ построеніи всѣхъ ощущеній предметовъ и ихъ свойствъ, то признаніе полной относительности нашего субъекта было бы признаніемъ и полной относительности ощущеній. Если знаменатель дроби или отношенія двухъ чиселъ есть величина абсолютно перемѣнная, то, при равенствѣ числителей, и самыя дроби всегда были бы различны и относительны. Ощущенія могутъ быть постоянны и объективны только при постоянствѣ и объективности субъекта.

Во-вторыхъ, если мы можемъ изучать субъектъ нашъ объективно, научно, то-есть изучать общіе законы субъекта, или внутренней психической энергіи, какъ мы и дѣлаемъ это въ психологіи, то значитъ субъектъ нашъ, кромѣ индивидуальныхъ, относительныхъ свойствъ, имѣетъ свойства общія, природу безотносительную.

Въ-третьихъ, кто доказалъ, что психическая энергія наша въ ея запасахъ есть величина совершенно относительная? Несомнѣнно, есть цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ она относительна,—напримѣръ величина энергій отдѣльныхъ, особенно низшихъ органовъ. Запасы энергіи, въ нихъ скопленные, крайне ограничены, и мы быстро переходимъ отъ удовольствій, свидѣтельствующихъ о достаточности ея, къ страданіямъ, которыя указываютъ на ея истощеніе. Но кромѣ этихъ мѣстныхъ, спеціальныхъ энергій, которыя ограничены и дѣлаютъ столь относительными наши органическія чувствованія, а также отчасти чувствованія, сопровождающія вкусы, запахи и проч., есть еще другія, мѣстныя же, но менѣе ограниченныя энергіи, напримѣръ энергіи органовъ зрѣнія и слуха. Вслѣдствіе этого, мы очень долго и объективно можемъ наслаждаться созерцаніемъ картинъ на выставкахъ и въ галлереяхъ, или слушаніемъ музыкальнаго исполненія въ концертахъ. Если мы допустимъ, что въ упомянутыхъ органахъ зрѣнія и слуха запасы энергій настолько велики, а траты ихъ, зависящія отъ устройства органовъ, настолько малы, что отношенія тѣхъ и другихъ количественно болѣе или менѣе постоянны,—а такое допущеніе отчасти подтверждается анатоміей и физіологіей этихъ органовъ,—то тогда станетъ понятно, почему въ этихъ сферахъ воспріимчивости чувствованія удовольствія, неудовольствія и страданія являются не столько показателями величины траты энергіи въ отношеніи къ ея накопленію, сколько качества или характера, или способа этой траты. Поэтому-то, напримѣръ, дурная картина или дурная музыкальная піеса часто менѣе утомляютъ вниманіе и органы чувства, чѣмъ хорошая картина и піеса, а между тѣмъ причиняютъ неудовольствіе. Такъ какъ способъ траты энергіи зависитъ всегда отъ постоянныхъ и

объективныхъ законовъ общей психофизической организаціи и отъ внутреннихъ свойствъ воспринимаемаго предмета, то понятно, что посредствомъ чувствованій удовольствія и страданія въ области зрѣнія и слуха мы должны познавать гармонію и дисгармонію въ самихъ вещахъ, въ распредѣленіи ихъ энергій, то-есть качества и х ъ субъекта. Употребляя уже разъ предложенное сравненіе, можно сказать, что если знаменатель дробей, выражающій законы организаціи, будетъ величиной постоянною, то свойства дробей или отношеній будутъ служить показателями измѣненій числителей, то-есть внутреннихъ свойствъ вещей, вліяющихъ на способы траты психической энергіи. Но можно сдѣлать и другое уподобленіе: если человѣкъ, имѣющій милліоны, будетъ тратить рубли на покупку вещей, то оцѣнка ихъ достоинства нисколько не будетъ зависѣтъ отъ расхода, имъ сдѣланнаго, а исключительно отъ объективнаго сравненія ихъ качествъ другъ съ другомъ.

Далѣе, однако, не надо забывать, что всѣ мѣстныя, специфическія энергіи нашихъ периферическихъ органовъ суть только выдѣленія общей внутренней психической энергіи субъекта,—ея проценты. Самый капиталъ этой послѣдней настолько великъ, что въ расходованіи его на внутреннюю мозговую дѣятельность величина траты, которая еще до нельзя уменьшается отъ устройства аппарата, то-есть мозга, такъ ничтожна, что тутъ уже объ относительной, ограниченной, индивидуальной оцѣнкѣ не можетъ быть и рѣчи. Капиталъ нашей общей жизненной энергіи настолько великъ, что мы безопасно можемъ дѣлать изъ него даже весьма значительные внутренніе займы, не испытывая никакихъ страданій. Это все равно, какъ государство можетъ дѣлать при большомъ количествѣ богатствъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ земли его, большіе внутренніе займы, не подвергаясь бѣдствіямъ разоренія. Всякое объективное творчество нашего ума и есть трата общей психической энергіи, не подчиненная закону относительности и индивидуальной ограниченности, какія замѣчаются въ расходованіи нѣкоторыхъ мѣстныхъ энергій. Общій капиталъ нашей психической энергіи, этотъ глубочайшій корень нашей жизни, и есть то, что мы называемъ сознаніемъ, субъектомъ, душою человѣка и что масса человѣчества признаетъ неистощимымъ, безсмертнымъ началомъ въ человѣкѣ. Насколько онъ неистощимъ, мы теперь не будемъ разсматривать [1]), но не можемъ не обратить вниманія

[1]) Замѣтимъ только, что фактъ общаго душевнаго утомленія и необходимость сна еще ничего не говорятъ въ пользу истощимости общаго капитала душевной энергіи, такъ какъ и физіологія объясняетъ явленіе сна накопле-

на тотъ фактъ, что какъ бы ни были истощены энергіи отдѣльныхъ органовъ, общій запасъ психической энергіи иногда остается настолько великъ, что на счетъ его даже умирающій человѣкъ, при послѣднемъ издыханіи своемъ, можетъ объективно наслаждаться эстетически, нравственно и интеллектуально.

Итакъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что общіе запасы психической энергіи, которые тратятся внутреннею психическою дѣятельностью субъекта, не подлежатъ непосредственной количественной оцѣнкѣ въ чувствованіяхъ и что, слѣдовательно, чувствованія удовольствія и страданія и сложныя чувства въ этой области имѣютъ еще менѣе относительный, условный характеръ, еще менѣе зависятъ отъ количества траты и еще болѣе отъ ея качества, чѣмъ въ области зрѣнія и слуха. Этимъ-то и объясняется, Мм. Гг., почему чувства любви и ненависти, страха и надежды и др. под. могутъ, съ извѣстными ограниченіями, служить показателями объективныхъ достоинствъ и недостатковъ вещей и существъ—формъ гармоніи и дисгармоніи ихъ внутренней природы, ихъ воли и вообще ихъ субъекта. Тѣмъ же способомъ объясняются еще болѣе объективныя, по значенію оцѣнки, чувства эстетическія, интеллектуальныя, нравственныя и религіозныя, посредствомъ которыхъ мы познаемъ различные общіе роды объективной гармоніи, объективной цѣны вещей, а именно: 1) степень и законы гармоніи во внутреннемъ существѣ вещей, въ ихъ волѣ или субъектѣ—въ чувствахъ нравственныхъ, въ чувствахъ добра и зла, 2) степень гармоніи между этимъ внутреннимъ существомъ или субъектомъ вещей и его воплощеніемъ, его формой—въ чувствахъ эстетическихъ, въ чувствахъ красоты и безобразія; 3) степень и законы гармоніи между отдѣльными формами или феноменальными воплощеніями субъектовъ—въ чувствахъ интеллектуальныхъ, въ формальныхъ чувствахъ истины и лжи, согласія и противорѣчія, и наконецъ 4) общую гармонію объекта и субъекта, природы и ея воли въ мірѣ—въ чувствахъ религіозныхъ. Непосредственно, всѣ эти виды гармоніи мы, конечно, познаемъ въ себѣ самихъ, въ формѣ гармоніи нашей воли, нашего чув-

---

ніемъ въ мозгу продуктовъ разложенія, которые должны быть устранены для дальнѣйшей психической дѣятельности. Очевидно, стало быть, что нелѣпо было бы толковать явленіе сна, какъ доказательство истощенія душевныхъ силъ, и наивно было бы думать, что во снѣ вновь возстановляется весь душевный капиталъ человѣка. Тогда непонятны были бы явленія воспоминанія и непрерывнаго, въ теченіе многихъ дней, мѣсяцевъ и годовъ, художественнаго или иного творчества.

ства, ума, и сознанія или духа въ его цѣломъ, но по самой природѣ нашего субъекта и его тожеству съ объектомъ, по самому однообразію законовъ сознанія и бытія всѣ эти виды гармоніи пріобрѣтаютъ для насъ смыслъ объективный, значеніе достовѣрныхъ показателей объективной гармоніи. Можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что знаніе объективной гармоніи и ея формъ при помощи чувства не можетъ быть абсолютно, ибо мы—люди—не знаемъ, какъ воспринимаютъ эти формы гармоніи другія существа. Но вѣдь и знаніе свойствъ и законовъ вещей посредствомъ ощущеній и идей не абсолютно по той же причинѣ. Рѣчь идетъ не объ абсолютномъ знаніи, а объ одинаковой степени приближенія къ этому послѣднему—столько же знаній, даваемыхъ ощущеніями, сколько и знаній, даваемыхъ чувствованіями.

Познавая гармонію, мы въ то же время созидаемъ ее въ себѣ, посредствомъ упомянутаго выше процесса творчества, и это познаваніе созидаемой нами внутренней гармоніи есть построеніе принциповъ, идеаловъ, и вотъ почему познаніе объективной цѣны вещей такъ же неразлучно съ построеніемъ идеаловъ и принциповъ, какъ неразлучны чувство и воля—эти два наиболѣе чистыя проявленія субъекта. Такимъ образомъ, на почвѣ объективнаго чувства, какъ формы познанія вещей, созидается и объективная воля, руководимая объективными, общеобязательными идеалами и принципами. Оттого и возможна логика, какъ объективная теорія искусства познанія—этика, какъ объективная теорія искусства хотѣнія,—эстетика, какъ объективная теорія искусства чувствованія. Самое существованіе этихъ теорій искусствъ является уже показателемъ объективнаго и всеобщаго характера гармоніи, которую они стремятся установить въ дѣятельности субъекта. Вѣдь самое стремленіе построить этику, т. е. сводъ нравственныхъ принциповъ, есть уже нравственное стремленіе. Поэтому логика есть проявленіе объективнаго чувства и принципа истины, этика—объективнаго чувства и принципа добра, эстетика—объективнаго чувства и принципа красоты, насколько эти принципы уже безсознательно содержатся въ высшихъ чувствахъ, до которыхъ доработался нашъ субъектъ внутреннимъ процессомъ творчества, независимымъ отъ понятій.

Такимъ образомъ, отвѣчая на поставленные выше вопросы, мы въ правѣ сказать, что чувствованія и чувства даютъ намъ возможность болѣе или менѣе объективно познавать различныя формы и степени гармоніи или совершенства въ отношеніяхъ субъектовъ и объективныхъ проявленій ихъ въ мірѣ и въ насъ самихъ. Это познаніе нисколько не

противорѣчитъ нашей организаціи, потому что кромѣ индивидуальнаго и относительнаго субъекта въ каждомъ изъ насъ есть субъектъ общій, постоянный, міровой, подчиненный въ своемъ дѣйствіи и въ своихъ отношеніяхъ къ міру законамъ постояннымъ и объективнымъ.

VI.

Чтобы дать законченность настоящему разсужденію, мнѣ остается обратить вниманіе ваше еще на одно обстоятельство. Нашъ общій, единый со всѣмъ міромъ субъектъ, который познаетъ міръ въ себѣ и себя въ мірѣ, имѣетъ и свое *общее* краснорѣчивое воплощеніе въ томъ великомъ, глубоко объективномъ чувствѣ, которое мы называемъ *любовью*, этомъ принципѣ мірового единства и всеобщаго союза существъ и вещей.

Правда, мы сливаемся въ единый міровой субъектъ и въ другихъ чувствахъ, когда поклоняемся всѣ вмѣстѣ красотѣ, истинѣ и добру,—когда мы увлечены общимъ чувствомъ упоенія предъ иною картиной природы или художника, или при звукахъ чудной музыки,—когда мы приходимъ въ единодушное изумленіе и восторгъ при новомъ великомъ открытіи науки, знанія,—когда мы преклоняемся въ общемъ умиленіи предъ добрымъ, безкорыстнымъ поступкомъ. Но всѣ эти формы сліянія людей въ объективныхъ чувствахъ только потому и возможны, что всѣ упомянутыя спеціальныя чувства добра, истины, красоты, суть формы одного высшаго и наиболѣе объективнаго чувства—*любви*, любви другъ къ другу и къ міру, любви къ гармоніи вообще,—любви къ Богу, какъ говорилъ Спиноза. Въ этомъ чувствѣ высшаго Эроса, какъ его называлъ Платонъ, исчезаетъ различіе субъекта и объекта, ибо оно само есть воплощеніе высшей объективной гармоніи и имѣетъ объектомъ высшую гармонію міра. Когда мы испытываемъ другъ къ другу это чувство, въ насъ пульсируетъ одинъ и тотъ же міровой субъектъ, стремящійся слиться воедино—тотъ самый, который нашелъ себѣ воплощеніе и въ природѣ и въ насъ, и который, познавая міръ, узнаетъ себя въ немъ. Такова именно основа и сущность состраданія, по мнѣнію Шопенгауэра. Но состраданіе есть только одна изъ формъ любви, и Шопенгауэръ напрасно отрицалъ нашу способность радоваться вмѣстѣ съ міромъ. Если бы этимъ мыслителемъ не руководило одностороннее, мрачное настроеніе уединившагося отъ міра отшельника, то онъ понялъ бы, что субъектъ міра, его воля, на основаніи безпристрастнаго психологическаго анализа, представляется не злою, а доброю волей,—что воля въ основѣ

своей и есть любовь какъ объективное стремленіе, основанное на объективномъ чувствѣ, и что злая воля есть воля извращенная, есть нарушеніе закона міровой гармоніи въ субъектѣ.

Я кончилъ, Мм. Гг., и если мнѣ, можетъ-быть, по недостатку времени и личному неумѣнью, не удалось показать вамъ всѣ широкія приложенія ученія объ объективности чувства въ области науки, искусства, философіи и религіи, то по крайней мѣрѣ, надѣюсь, мнѣ удалось въ достаточной мѣрѣ выяснить, что обратное ученіе о полной относительности и субъективности чувства есть печальный предразсудокъ, странное недоразумѣніе. Вы спросите: но какъ могъ такой предразсудокъ образоваться именно въ наше передовое, научное время, особенно если принять во вниманіе, что психологія существуетъ болѣе 2000 лѣтъ, а наука достигла столь значительнаго развитія? Отвѣчать на это не трудно: человѣчество медленно дѣлаетъ свои завоеванія на пути къ истинѣ. Сто лѣтъ тому назадъ Кантъ первый далъ въ психологіи особое право гражданства чувству, на ряду съ умомъ и волей. Съ тѣхъ поръ психологіей чувствованій занимались много, но научная разработка этихъ явленій душевной жизни началась лишь въ самыя послѣднія десятилѣтія, и въ трудѣ о чувствованіяхъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я имѣлъ случай показать, какъ ничтожны были до сихъ поръ результаты этой научной разработки явленій чувства.

Я не думаю, чтобы и мнѣ въ настоящемъ разсужденіи удалось сколько-нибудь исчерпать вопросъ о значеніи чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, но мнѣ кажется, что на томъ пути, который здѣсь намѣченъ, возможна новая, болѣе плодотворная разработка вопроса, чѣмъ на почвѣ стараго взгляда на чувство, какъ на безусловно субъективную сторону душевной жизни человѣка. Вспомнимъ прекрасное замѣчаніе Фр. А. Ланге въ послѣдней главѣ его «Исторіи матеріализма»: «Одно только можетъ привести человѣчество къ постоянному миру, именно, когда будетъ познана непреходящая природа всякаго творчества въ искусствѣ, въ религіи и философіи, и когда, на основаніи этого познанія, распря между изслѣдованіемъ и творчествомъ будетъ навсегда примирена. Тогда будетъ найдена и многообразная гармонія истиннаго, добраго и прекраснаго...» Я лично твердо убѣжденъ, что эти высокія мечты осуществятся лишь тогда, когда психологія выяснитъ истинное непреходящее значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка, и когда человѣчество перестанетъ раболѣпствовать передъ умомъ, какъ единственнымъ надежнымъ руководителемъ жизни. Умъ столь же субъективенъ (въ извѣстномъ значеніи этого слова), какъ

и чувство,—чувство не менѣе объективно (въ другомъ значеніи), чѣмъ умъ или разсудокъ человѣка. Все наше познаніе субъективно, такъ какъ нѣтъ объекта (или предмета познанія) безъ субъекта, воспринимающаго все существующее по законамъ внутренней своей организаціи, въ формахъ, свойственныхъ нашему сознанію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всякое познаніе и творчество объективно, ибо объекты налагаютъ свою печать на всѣ воспріятія и дѣйствія субъекта, не говоря о томъ, что самъ субъектъ подчиненъ въ своемъ существованіи и дѣятельности законамъ объективнымъ, т. е. общимъ и необходимымъ. Задача всякаго познанія и творчества состоитъ не въ томъ, чтобы устранить изъ воспріятій субъективное, которое не устранимо и не отдѣлимо отъ объективнаго, а лишь въ томъ, чтобы устранить относительное, индивидуальное, случайное какъ въ субъективныхъ, такъ и въ объективныхъ элементахъ воспріятій. И тогда останется и въ понятіяхъ и въ чувствахъ общее, непреходящее, для всѣхъ людей обязательное.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ РЕФЕРАТУ

«Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка» [1]).

1) Ошибки въ опредѣленіи истинной цѣны различныхъ формъ познанія и дѣятельности человѣка всего чаще зависятъ отъ двусмысленнаго значенія терминовъ объективный и субъективный.

2) Объективное въ познаніи и дѣятельности считается синонимомъ всеобщаго, достовѣрнаго, устойчиваго и надежнаго; субъективное признается неустойчивымъ, случайнымъ, недостовѣрнымъ и ненадежнымъ.

3) Однако субъективные психологическіе законы, т. е. общія формы дѣйствія субъекта устойчивы и всеобщи,—и служатъ необходимымъ основаніемъ достовѣрнаго познанія и правильной дѣятельности, а объективные признаки вещей имѣютъ часто случайный характеръ,—измѣнчивы и обманчивы.

4) Итакъ, и объективное и субъективное можетъ быть устойчивымъ, необходимымъ и всеобщимъ,—и объективное и субъ-

---

[1]) Задача этихъ положеній привести въ строгую систему тѣ выводы, къ которымъ привелъ насъ анализъ значенія чувства. Въ эти положенія вносится впрочемъ и новый вопросъ—объ истинныхъ отношеніяхъ понятій субъекта и объекта—Изд. отдѣльно. М. 1889.

ективное можетъ быть неустойчивымъ, случайнымъ и индивидуальнымъ.

5) Общая среда дѣйствія всеобщихъ и необходимыхъ объективныхъ (физическихъ) законовъ можетъ быть названа общимъ объектомъ, лежащимъ въ основѣ индивидуальныхъ объектовъ. Общая среда дѣйствія всеобщихъ и необходимыхъ субъективныхъ (психологическихъ) законовъ можетъ быть названа общимъ или чистымъ субъектомъ всѣхъ индивидуальныхъ субъектовъ.

6) Эти идеи, отвлеченныя отъ опыта внѣшняго и внутренняго, выражались метафизиками въ понятіи субстанцій или сущностей вещей (матеріальной и духовной).

7) Но абсолютно всеобщаго и устойчиваго, абсолютно измѣнчиваго и инвидуальнаго въ опытѣ нѣтъ. Общіе физическіе и психологическіе законы имѣютъ различную общность и дѣйствуютъ въ большемъ или меньшемъ количествѣ индивидуумовъ (объектовъ и субъектовъ). Индивидуальное и измѣнчивое также относительно; даже все случайное есть дѣйствіе необходимыхъ общихъ законовъ и можетъ повторяться при одинаковомъ сочетаній условій.

8) Поэтому понятія субстанцій не могутъ быть построены эмпирически какъ неизмѣнныя и неподвижныя въ своихъ свойствахъ реальности. Притомъ, можетъ быть, всеобщее въ субъектахъ и въ объектахъ имѣетъ одну общую реальную причину, а измѣнчивое и индивидуальное—другую, ибо измѣнчивость и индивидуализація суть также общіе законы или дѣйствія общихъ законовъ.

9) Поэтому возможно, что общая основа устойчиваго въ объектахъ и субъектахъ является одной субстанціей, а общая основа измѣнчиваго въ тѣхъ и другихъ—другой субстанціей.

10) Проблема еще усложняется относительностью и соотносительностью понятій субъекта и объекта, какъ эмпирическихъ понятій, отвлеченныхъ отъ опыта, внѣшняго и внутренняго.

11) Для правильнаго опредѣленія эмпирическаго содержанія понятій субъекта и объекта нужно взять за исходную точку личное сознаніе человѣка, которое обнимаетъ какъ въ воспріятіи (познаніи), такъ и въ дѣйствіи своемъ (дѣятельности)—и субъектъ и его объектъ.

12) Въ личномъ сознаніи понятія субъекта и объекта соотносительны; нѣтъ объекта безъ субъекта (Шопенгауэръ), т. е. представленія (воспріятія) безъ представляющаго (воспринимающаго) и предмета дѣйствія безъ дѣйствующаго; но нѣтъ и субъекта безъ

объекта, ибо нѣтъ субъекта внѣ воспріятій и дѣйствій, а послѣднія безъ объектовъ невозможны.

13) Сферы субъекта и объекта, вслѣдствіе соотносительности этихъ понятій, другъ другомъ очерчиваются и оттого понятія эти относительны. То, что въ эту минуту есть субъектъ, можетъ стать затѣмъ объектомъ воспріятія и дѣйствія, ибо мы можемъ познавать всѣ свои познающія энергіи и дѣйствовать на всѣ свои дѣйствующія энергіи (самосознаніе, произвольная дѣятельность).

14) Субъектъ есть та (относительная) центральная энергія нашего сознанія, которая въ эту минуту воспринимаетъ и дѣйствуетъ; объектъ есть та сумма явленій или энергій или та (относительная) периферія сознанія, которая служитъ въ данную минуту предметомъ воспріятія и дѣйствія.

15) Объектъ эмпирически можетъ быть троякаго рода: міръ, организмъ, сознаніе наше; во всѣхъ трехъ случаяхъ и субъектъ различный: субъектъ міра есть индивидуумъ (какъ цѣлое, состоящее изъ сознанія и его орудія—организма), субъектомъ организма является сознаніе, а субъектомъ сознанія—его центральная энергія,—самосознаніе.

16) Но въ явленіяхъ міра субъектъ, какъ индивидуумъ, находитъ и такія явленія, которыя сходны съ явленіями въ его организмѣ и сознаніи, и такія, которыя несходны. Первыя онъ называетъ психическими и органическими явленіями міра, вторыя неорганическими (механическими), т. е. въ понятіи міра заключаются и понятія индивидуумовъ и сознаній, т. е. субъектовъ.

17) Становясь на точку зрѣнія этихъ субъектовъ, личное сознаніе наше должно признать себя (свой субъектъ) возможнымъ объектомъ воспріятія и дѣйствія этихъ субъектовъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякій субъектъ есть съ другой точки зрѣнія объектъ, всякій объектъ есть съ извѣстной точки зрѣнія субъектъ, т. е. сумма внутреннихъ энергій воспріятія и дѣйствія—механическихъ, органическихъ или психическихъ.

18) Въ концѣ концовъ вся сфера понятія субъекта покрывается всѣмъ содержаніемъ понятія объекта и наоборотъ: это—двѣ стороны одного и того же бытія—внѣшняя и внутренняя. Всякій субъектъ имѣетъ объективное существованіе, и всякій объектъ имѣетъ субъективное существованіе,—внутреннее бытіе, независимое отъ нашего воспріятія его (вещь въ себѣ). Поэтому мы будемъ разумѣть ниже подъ субъектомъ внутреннюю сторону бытія всѣхъ существъ и предметовъ, подъ объектомъ внѣшнюю сторону бытія тѣхъ и другихъ.

19) Такъ какъ всѣ формы объективнаго существованія родственны и выводимы другъ изъ друга, т. е. подчинены однообразнымъ физическимъ законамъ, то весьма вѣроятно, что и всѣ формы субъективнаго существованія родственны и выводимы другъ изъ друга, т. е. подчинены однообразнымъ психическимъ законамъ. Отсюда — гипотеза о тожествѣ такъ называемыхъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ энергій.

20) Тогда всѣ внутреннія субъективныя энергіи существъ и предметовъ пришлось бы признать психическими энергіями различной сложности, а ихъ внѣшнія объективныя обнаруженія назвать физическими, при чемъ всѣ органическія энергіи оказались бы психо-физическими (смѣшанными, передаточными).

21) Конечное тожество и единство психическихъ, психо-физическихъ и физическихъ энергій подтверждается ихъ эмпирическими превращеніями во взаимодѣйствіи субъектовъ и объектовъ (энергія хотѣнія превращается въ энергію мускульнаго движенія, а послѣдняя въ энергію механическаго движенія предмета, брошеннаго рукою — и обратно).

22) Итакъ, понятія субъекта и объекта, какъ эмпирическія отвлеченія, относительны и соотносительны. Но если мой субъектъ реаленъ (я мыслю—ergo существую), то долженъ быть реаленъ и объектъ, безъ котораго субъектъ невозможенъ и который не можетъ быть всецѣло выведенъ изъ содержанія субъекта. Другими словами, утвержденіе реальности бытія нашего субъекта есть уже метафизическій, сверхъопытный актъ, такъ какъ эмпирически реальны только отдѣльныя субъективныя состоянія или явленія, а не ихъ общая основа (субъектъ). Если мы утверждаемъ бытіе субъекта, какъ реальности, т. е. какъ вещи въ себѣ, то имѣемъ право утверждать и бытіе объектовъ, какъ вещей въ себѣ тѣмъ же актомъ метафизическаго заключенія (отъ дѣйствія къ причинѣ, какъ дѣятелю). Отсюда ясно внутреннее противорѣчіе всякаго идеализма, допускающаго реальное бытіе субъектовъ и отрицающаго реальное бытіе объектовъ.

23) Реальное взаимодѣйствіе субъектовъ и объектовъ, со стороны субъекта, называется психической или душевной дѣятельностью, которая состоитъ изъ воспріятій и дѣйствій субъекта. Воспринимающая энергія субъекта называется сознаніемъ, дѣйствующая энергія—волею.

24) Воспріятія и дѣйствія субъекта имѣютъ по два момента: въ низшихъ и элементарныхъ формахъ взаимодѣйствій воспріятія назы-

ваются ощущеніями и чувствованіями (удовольствія и страданія),— дѣйствія субъекта называются стремленіями и движеніями; въ высшихъ и сложныхъ формахъ взаимодѣйствій воспріимчивость проявляется—въ представленіяхъ и понятіяхъ (idées),—волненіяхъ и чувствахъ (émotions), дѣятельность — въ желаніяхъ и хотѣніяхъ (volitions), въ дѣйствіяхъ и поступкахъ (actions).

25) Эти моменты психическаго взаимодѣйствія въ своей связи и зависимости образуютъ психическій оборотъ или кругъ. Въ полномъ психическомъ оборотѣ вслѣдъ за ощущеніями (и идеями) появляются чувствованія (и чувства), въ связи съ послѣдними стремленія (и хотѣнія), а вслѣдъ за ними движенія (и поступки).

26) Какъ продукты взаимодѣйствія субъекта и объекта всѣ воспріятія и дѣйствія отражаютъ въ себѣ природу субъекта и природу объекта.

27) Во всѣхъ воспріятіяхъ и дѣйствіяхъ надо искать отраженія: а) общихъ законовъ дѣйствія объектовъ, б) индивидуальныхъ свойствъ объектовъ, в) общихъ законовъ дѣйствія субъекта, г) индивидуальныхъ свойствъ субъекта. Переработка ощущеній и чувствованій въ идеи и чувства, стремленій и движеній въ хотѣнія и поступки направлена къ устраненію изъ воспріятій и дѣйствій всего индивидуальнаго, — какъ объективно-индивидуальнаго, такъ и субъективно-индивидуальнаго.

28) Слѣдствіемъ переработки является преобладаніе въ воспріятіяхъ и дѣйствіяхъ объективно-общаго и необходимаго—субъективно-общаго и необходимаго. Результатами этой переработки въ области воспріятій являются знанія, въ области дѣйствій—характеръ.

29) Но полное устраненіе индивидуальнаго изъ области знаній и характера невозможно. Поэтому и знаніе и характеръ суть высшія проявленія общаго въ индивидуальномъ. Процессы выработки знанія и характера суть процессы познанія и характеризаціи.

30) Мы остановимся подробнѣе только на познаніи. Познаніе есть процессъ, вытекающій изъ взаимодѣйствія субъекта и объекта; поэтому и въ немъ отражаются вліянія того и другого: преобладаніе дѣйствія субъекта въ процессѣ познанія называется творчествомъ, преобладаніе дѣйствія объекта выражается въ понятіи усвоенія.

31) Въ воспріятіяхъ двоякаго рода и ихъ продуктахъ преобладаютъ также: вліяніе объекта, или же вліяніе субъекта. Въ ощущеніяхъ и идеяхъ преобладаетъ вліяніе объективнаго; а спеціально въ идеяхъ объективно-общаго, — въ чувствованіяхъ и чувствахъ преобладаетъ

вліяніе субъективнаго, а спеціально въ чувствахъ—субъективно-общаго элемента.

32) Поэтому ощущенія и идеи суть преимущественное орудіе познанія объективнаго и объективно-общаго, чувствованія и чувства—субъективнаго и субъективно-общаго. Поэтому можно сказать, что ощущенія и идеи—главное орудіе познанія объектовъ, чувствованія и чувства—главное средство познанія субъектовъ.

33) Тѣмъ не менѣе изъ ощущеній и идей неустранимъ элементъ субъективный и субъективно-общій: мы познаемъ въ нихъ объекты, не какъ они даны сами по себѣ, а въ извѣстномъ преломленіи чрезъ сознаніе и его субъективные законы дѣйствія. Субъективный элементъ въ ощущеніяхъ и идеяхъ—это субъективныя формы этого рода познанія, т. е. формы воспріятія и мышленія (Кантъ).

34) Точно также изъ чувствованій и чувствъ неустранимъ элементъ объективный и объективно-общій: мы познаемъ въ нихъ себя, свой субъектъ, или психическую энергію, не саму по себѣ, а въ ея приложеніи къ воспріятію объектовъ, въ ея отношеніи къ объектамъ. Поэтому объективные элементы въ чувствованіяхъ и чувствахъ можно назвать объективными формами этого рода познанія (формы гармоніи и дисгармоніи).

35) Субъективныя формы познанія въ ощущеніяхъ и идеяхъ, будучи сами познаваемы, открываютъ намъ извѣстныя свойства субъекта, которыми онѣ опредѣляются. Объективныя формы познанія въ чувствованіяхъ и чувствахъ, будучи познаваемы, могутъ открыть намъ извѣстныя качества объектовъ, отъ которыхъ зависятъ.

36) Тѣ свойства субъекта, которыя открываются намъ въ субъективныхъ формахъ познанія чрезъ ощущенія и идеи, можно назвать объективными свойствами или проявленіями субъекта, ибо въ его субъективной, внутренней природѣ субъектъ открывается намъ только въ чувствахъ.

37) Тѣ качества объектовъ, которыя открываются намъ въ объективныхъ формахъ познанія, чрезъ чувствованія и чувства (формахъ гармоніи и дисгармоніи), можно назвать субъективными качествами объектовъ, качествами ихъ субъектовъ, ибо объективныя ихъ свойства открываются только въ ощущеніяхъ.

38) Поэтому можно сказать, что посредствомъ ощущеній и идей мы познаемъ объекты какъ объекты, и субъекты (свой и другіе) какъ объекты, а посредствомъ чувствованій и чувствъ познаемъ субъектъ

какъ субъектъ и объекты какъ субъекты (въ ихъ субъективной, внутренней природѣ).

39) Въ этомъ смыслѣ познаніе посредствомъ ощущеній и идей можно назвать объективнымъ, а познаніе посредствомъ чувствованій и чувствъ—субъективнымъ познаніемъ.

40) Но это не значитъ, что только объективное познаніе достовѣрно, а субъективное познаніе недостовѣрно. И объективное, и субъективное познаніе могутъ быть одинаково достовѣрными, если въ нихъ преобладаетъ общее и необходимое, и одинаково недостовѣрными, если въ нихъ преобладаетъ индивидуальное и случайное,—тѣмъ болѣе, что понятія объективнаго и субъективнаго относительны: нѣтъ чисто объективнаго познанія и нѣтъ чисто субъективнаго познанія.

41) Степени достовѣрности объективнаго познанія выражаются понятіями истины, очевидности, вѣроятности. Степени достовѣрности субъективнаго познанія выражаются понятіями правды, несомнѣнности, правдоподобія.

42) Наука есть объективное познаніе и стремится стать объективно-достовѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности въ ея объективномъ существованіи. Искусство есть субъективное познаніе и стремится стать субъективно достовѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, въ ея субъективномъ существованіи.

43) Наука, какъ объективное познаніе, обнаруживаетъ преобладаніе момента *усвоенія*. Искусство, какъ субъективное познаніе, обнаруживаетъ преобладаніе момента творчества (какъ средства возсозданія субъектовъ другихъ существъ и вещей). Наука стремится къ истинѣ, искусство къ правдѣ.

44) Вслѣдствіе господства въ научномъ познаніи идей и мышленія, оно называется раціональнымъ, вслѣдствіе преобладанія чувствъ и творчества въ художественномъ познаніи, это послѣднее называется ирраціональнымъ, интуитивнымъ.

45) Но есть еще два высшіе рода познанія: когда идеи становятся предметомъ чувства — мистическое или религіозное познаніе объективной дѣйствительности, и когда чувства становятся предметомъ мысли въ понятіяхъ — метафизическое или философское познаніе субъекта. Первое превращаетъ всю сумму объектовъ міра въ субъектъ (идея Бога). Второе—всю сумму субъектовъ въ нѣчто объективное (міръ какъ цѣлое).

46) Какъ познаніе, ближайшимъ образомъ основанное на чувствѣ, религіозное или мистическое познаніе ирраціонально (и въ этомъ

смыслѣ художественно). Какъ познаніе, ближайшимъ образомъ основанное на идеяхъ, метафизическое или философское познаніе раціонально и въ этомъ смыслѣ научно, хотя очевидно, что оно не чисто раціональное, а смѣшанное.

47) Такъ какъ и чувства и идеи могутъ быть достовѣрны, какъ основы познанія, то слѣдуетъ признать и религіозное и философское познаніе міра, и вообще дѣйствительности, достовѣрными въ той степени, въ какой они не искажены и не испорчены индивидуальными вліяніями познающихъ субъектовъ и познаваемыхъ объектовъ.

48) При изложенномъ пониманіи отношеній субъекта и объекта, объективнаго и субъективнаго открывается путь къ примиренію враждующихъ въ области знанія точекъ зрѣнія и теорій.

49) Понятія объективнаго и субъективнаго знанія относительны и не имѣютъ ничего общаго съ понятіями достовѣрнаго и недостовѣрнаго знанія. Научное познаніе обладаетъ не большею степенью достовѣрности, чѣмъ художественное познаніе дѣйствительности, а также познаніе религіозное (или мистическое) и философское (или метафизическое). Научное знаніе имѣетъ орудіемъ своимъ пріемъ доказательства, дѣйствующій на умъ. Художественное постиженіе дѣйствительности передается путемъ убѣжденія, состоящаго преимущественно въ дѣйствіи на сердце (т. е. на чувство). Сила доказательства и сила убѣжденія одинаковы, а въ религіозномъ и философскомъ познаваніи онѣ своеобразно сочетаются и другъ друга дополняютъ. Задача всякаго познанія—устраненіе изъ нашихъ воспріятій индивидуальнаго, измѣнчиваго, случайнаго и пріобрѣтеніе общаго, неизмѣннаго, необходимаго—какъ въ объективной, такъ и въ субъективной области.

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА [1])?

Истинный смыслъ человѣческаго существованія заключается въ разумной дѣятельности. Дѣйствуютъ и животныя, но ихъ дѣятельность не

[1]) См. «Вопр. Филос. и Психол., 1890 г., кн. 2, стр. 107.—Настоящій очеркъ является переработкою и нѣкоторымъ распространеніемъ взглядовъ, изложенныхъ авторомъ въ двухъ засѣданіяхъ «Психологическаго Общества» по поводу реферата Н. А. Иванцова о философіи, помѣщеннаго въ журналѣ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ значеніе нѣкотораго итога той работы автора надъ вопросомъ «о задачахъ философіи», которая нашла себѣ выраженіе въ другихъ сочиненіяхъ и статьяхъ его, прямо или косвенно относившихся къ данному вопросу.

разумна. Неразумно дѣйствуютъ и люди,—и тогда мы осуждаемъ ихъ дѣятельность, какъ несоотвѣтствующую ихъ человѣческому знанію и назначенію.

Что-же значитъ, однако, дѣйствовать разумно?—Это значитъ осуществлять въ своей дѣятельности разумными средствами разумныя цѣли. Но каковы эти средства и эти цѣли?—Люди весьма расходятся въ ихъ опредѣленіи.

Потребность прійти къ соглашенію въ опредѣленіи этихъ цѣлей и средствъ разумной человѣческой дѣятельности ведетъ къ образованію различныхъ областей и пріемовъ познаванія міра и самого человѣка.

Дѣятельность человѣческая опредѣляется двумя факторами: самимъ человѣкомъ и міромъ, среди котораго онъ дѣйствуетъ. Чтобы дѣйствовать разумно, человѣкъ долженъ познать міръ и себя самого,—законы, которымъ подчинено существованіе міра и его собственное существованіе, смыслъ и назначеніе жизни міра и его собственной жизни и дѣятельности.

Такимъ образомъ главная цѣна познанія заключается въ томъ, что оно есть путь къ уясненію цѣлей и средствъ разумной человѣческой дѣятельности. Въ основаніи всякой, самой абстрактной и, повидимому, неприложимой къ жизни, познавательной дѣятельности лежитъ хотя-бы и смутное убѣжденіе, что она рано или поздно, тѣмъ или другимъ способомъ, поможетъ человѣку достигнуть болѣе разумной жизни, болѣе цѣлесообразной и правильной дѣятельности въ отношеніи къ міру и къ самому себѣ. Всякая, самая отвлеченная наука стремится найти, и рано или поздно находитъ, свое приложеніе въ человѣческой жизни. Познаніе есть, такимъ образомъ, подготовительный путь къ дѣятельности,—умъ есть орудіе воли при осуществленіи ея цѣлей.

Но въ такомъ случаѣ нужно допустить, что воля человѣческая обладаетъ съ самаго начала нѣкоторымъ инстинктомъ разумности, который и заставляетъ ее искать знанія, какъ средства для достиженія ступени сознательно-разумной дѣятельности, ибо само познаніе есть уже дѣятельность, и притомъ дѣятельность по существу разумная, ведущая къ разумнымъ цѣлямъ. Что въ человѣкѣ есть такой «инстинктъ разумности», не должно насъ удивлять, ибо всѣ отдѣльно взятые инстинкты не только человѣка, но и животныхъ, какъ давно доказано, по существу разумны и цѣлесообразны, т.-е. безсознательно ведутъ неразумныя существа къ осуществленію въ жизни нѣкоторыхъ разумныхъ цѣлей, предначертанныхъ устройствомъ и ходомъ развитія природы. Изъ этого вытекаетъ съ неизбѣжностью то заключеніе, что уже всѣ ин-

стинкты неразумныхъ существъ, вмѣстѣ взятые, представляютъ низшее выраженіе и воплощеніе нѣкотораго общаго инстинкта разумности, который разлитъ въ природѣ и составляетъ внутренній двигатель въ ея развитіи.

Этими соображеніями и объясняется, какимъ образомъ познаніе является для человѣка сначала невольнымъ, безсознательнымъ путемъ къ пріобрѣтенію тѣхъ элементовъ разумности, которые необходимы для ясной постановки самой задачи «разумной, человѣческой дѣятельности» и для сознательнаго пользованія тѣмъ же познаніемъ, какъ преднамѣреннымъ орудіемъ для выполненія этой задачи.

Пользуясь познаніемъ, какъ средствомъ развитія и утвержденія своей разумной дѣятельности, человѣкъ поочередно устремляется то къ изученію природы, то къ изученію самого себя, съ цѣлью овладѣть самымъ существомъ и основными нитями тѣхъ, сначала для него таинственныхъ законовъ, которые управляютъ жизнію міра. Онъ пробуетъ овладѣть ими, то сосредоточиваясь въ себѣ самомъ, вникая въ сокровенныя пружины дѣятельности своего разума и духа, то отрекаясь на время отъ задачи самопостиженія и обращаясь къ подробному и тщательному изученію природы. Онъ ищетъ разгадки жизни то въ настоящемъ—въ данной вокругъ него дѣйствительности, то въ прошедшемъ міра, живыхъ существъ и самого человѣческаго рода, то, наконецъ, въ построеніи гаданій и предположеній о вѣроятномъ будущемъ міра и человѣческаго общества. Сначала онъ пробуетъ охватить истинную природу вещей сразу, стараясь угадать самыя основныя пружины бытія міра и своей собственной жизни. Но когда это не удается, онъ примиряется съ необходимостью постепеннаго и медленнаго, но за то прочнаго пріобрѣтенія истинъ несомнѣнныхъ, хотя-бы и незначительныхъ. Между отдѣльными науками и ихъ представителями правильно распредѣляются роли,—всѣмъ имъ рекомендуются терпѣніе, осмотрительность и воздержаніе отъ слишкомъ быстрыхъ и рѣшительныхъ поступковъ мысли.

Словомъ сказать, человѣчество ведетъ съ природою вещей непрерывную борьбу для того, чтобы вполнѣ овладѣть ею,—и исторія науки представляетъ грандіозную картину всевозможныхъ перипетій этой борьбы, въ которой не мало было и моментовъ трагическихъ, событій глубоко потрясающихъ, но не мало было и комическихъ эпизодовъ — глупыхъ недоразумѣній и странныхъ промаховъ.

Несомнѣнно, что, если конечная цѣль знанія—дать человѣку строго обоснованные, для всѣхъ одинаково достовѣрные и обязательные принципы разумной дѣятельности, то эта конечная и высшая цѣль не мо-

жетъ быть достигнута сразу. Необходимо сперва вполнѣ познать природу міра и человѣка, и только тогда настанетъ возможность установить окончательныя и недоступныя болѣе никакому колебанію начала дѣятельности. Но несомнѣнно однако и то, что человѣческая дѣятельность постоянно нуждается въ руководствѣ, и такимъ образомъ невозможность сразу достигнуть абсолютно-достовѣрныхъ и окончательныхъ принциповъ разумной дѣятельности не должна и не можетъ препятствовать постоянному ихъ исканію, постоянному подведенію итоговъ уже добытому, хотя-бы и неполному, знанію и установленію началъ, если не абсолютно, то относительно достовѣрныхъ и обязательныхъ.

Отсюда вытекаетъ для человѣческаго ума необходимость не пренебрегать никакими средствами для уразумѣнія дѣйствительности, всегда и вездѣ однако же оцѣнивая надлежащимъ образомъ, безпристрастно и спокойно, значеніе отдѣльныхъ пріемовъ познанія.

Съ одной стороны необходимо детальное и тщательное изученіе явленій опыта, не только внѣшняго, но и внутренняго опыта, въ наукахъ спеціальныхъ, которыя совершенно правильно стремятся и должны стремиться къ идеалу позитивнаго, положительнаго, т. е. вполнѣ точнаго и раздѣльнаго усвоенія этихъ явленій опыта и ихъ отношеній. Но, съ другой стороны, столь же необходима логическая работа мысли, отвлеченная отъ явленій опыта и дѣйствующая въ двухъ направленіяхъ, а именно: 1) въ смыслѣ критики и упорядоченія выводовъ, обобщеній и заключеній, пріобрѣтенныхъ на основаніи данныхъ опыта, при помощи изученія явленій, и 2) въ смыслѣ установленія общихъ логическихъ критеріевъ опыта, понятій и положеній, или истинъ, которыя должны лежать въ основаніи всякаго изученія явленій опыта и не могутъ быть извлечены изъ свойствъ явленій. Таковы, напримѣръ, понятія и положенія математическія, — аксіомы, постулаты и теоремы математической науки, — которыя являются идеальными, логическими построеніями нашей мысли, возникающими независимо отъ изученія явленій опыта и однако руководящими этимъ изученіемъ и составляющими его основаніе.

Но этимъ еще не исчерпываются всѣ задачи и формы познанія. Кромѣ органовъ ощущенія и логическихъ функцій мысли, человѣкъ обладаетъ для проникновенія въ природу вещей еще и другими средствами: 1) чувствомъ и 2) воображеніемъ. Чувство схватываетъ часто то, что неспособна уловить и раздѣльно опредѣлить мысль путемъ детальнаго расчлененія ощущеній и логической обработки понятій. Воображеніе же или творчество часто упреждаетъ логическую работу мысли и даетъ

возможность, цѣлымъ рядомъ безсознательныхъ и недоступныхъ логическому анализу процессовъ, построить общую формулу или отвлеченный принципъ, проливающій неожиданный свѣтъ на множество непонятныхъ дотолѣ явленій, на цѣлый рядъ сложныхъ и запутанныхъ фактовъ.

Само собою, что чувство и воображеніе не могутъ имѣть въ познаніи дѣйствительности той цѣны, какую мы даемъ ощущеніямъ и обыкновеннымъ логическимъ процессамъ ума. Но они имѣютъ другую и едва-ли меньшую цѣну. Ощущеніе и логическое мышленіе—орудія анализа, точнаго расчлененія представленій и понятій. Чувство и воображеніе — орудія синтеза, творчества. Кромѣ того, чувство, какъ самое интимное выраженіе внутренней природы субъекта, есть путь къ познанію субъективной стороны дѣйствительности, законовъ внутренней жизни природы. Это даетъ чувству новую цѣну въ области познанія, почти такую же, какую имѣетъ ощущеніе въ дѣлѣ познанія внѣшней природы міра. Воображеніе, въ свою очередь, подчиняется въ своихъ отправленіяхъ нѣкоторымъ логическимъ законамъ, и это даетъ ему возможность иногда соперничать въ цѣнности результатовъ съ аналитическою дѣятельностью мышленія.

Не вполнѣ еще выяснены въ своемъ составѣ и элементахъ всѣ эти сложные факторы нашей познавательной дѣятельности; но странно было бы сомнѣваться въ томъ, что полное и всестороннее познаніе міра и человѣка возможно лишь при ихъ синтезѣ и взаимодѣйствіи. Идея такого полнаго и всесторонняго познанія выражалась издавна въ понятіи философіи, которая означаетъ любовь и стремленіе къ мудрости, т. е. стремленіе къ той полнотѣ и совершенству знанія, которыя необходимы для того, чтобы человѣкъ обладалъ правильными и твердыми критеріями дѣятельности.

Мудрость не есть только знаніе внѣшняго міра, — она есть прежде всего знаніе человѣкомъ самого себя. Она не есть только обладаніе наблюденіями, обобщеніями изъ опыта, выводами разсудка, — она есть обладаніе высшими абстрактными формулами жизни, высшими интуиціями чувства — идеалами, пріобрѣтенными путемъ взаимодѣйствія всѣхъ духовныхъ силъ человѣка,—отправленій логическаго мышленія и богатой фантазіи,—всѣхъ доступныхъ человѣку ощущеній и самыхъ возвышенныхъ чувствъ. И къ этой именно полнотѣ и единству всѣхъ данныхъ и факторовъ человѣческаго сознанія всегда стремилась философія.

Въ этомъ—существенное отличіе ея отъ науки, искусства, религіи, которыя стремятся удовлетворить отдѣльнымъ потребностямъ человѣ-

ческаго духа: потребности логически-строгаго и точнаго мышленія (наука), потребности постановки системы чувствъ человѣка въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною природою вещей (искусство), потребности непосредственнаго урегулированія человѣческой воли (религія). Философія, какъ цѣлое, не есть ни наука только, ни искусство, ни религія, а есть философія—и должна всегда и прежде всего остаться сама собою. Но это не мѣшаетъ философіи быть одною своею стороною наукой, ибо она подводитъ наукѣ итоги, устанавливаетъ для нея общіе критеріи и методы, указываетъ ей на ея противорѣчія и ставитъ ей новые вопросы. Другою своею стороной философія будетъ всегда сродни искусству, ибо она объединяетъ и освѣщаетъ то, что отгадано художественнымъ чутьемъ, и творитъ отвлеченные символы (принципы), охватывающіе конкретные образы поэтовъ, обличаетъ искусство (съ точки зрѣнія высшаго синтеза идеальныхъ понятій) во лжи и натяжкахъ, указываетъ ему новые идеалы и новые способы воздѣйствія на дѣйствительность. Наконецъ, есть и сторона общая у философіи и религіи, ибо философія служитъ для религіи способомъ повѣрки, проведенія и утвержденія предъ разумомъ истинъ вѣры, а также средствомъ устраненія изъ религіи всего того, что по существу ей чуждо, что составляетъ въ ней результатъ личныхъ и случайныхъ людскихъ вліяній.

Поэтому исторически философія всегда сама строилась на основахъ науки, искусства и религіи даннаго народа и времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ оказывала существенное воздѣйствіе на ихъ дальнѣйшее строеніе и развитіе: она—то порождала или возрождала науку, искусство и религію,—то сама изъ нихъ рождалась и возрождалась.

Всѣ попытки разорвать эти естественныя отношенія взаимодѣйствія между философіей и другими формами разумнаго постиженія дѣйствительности всегда вели къ уродливымъ уклоненіямъ философіи отъ главнаго пути развитія. Разрывъ съ наукою порождалъ фантастическія и произвольныя умствованія, неоправдываемыя дѣйствительностью. Разрывъ съ искусствомъ и художественностью приводилъ философію къ сухимъ и пустымъ схоластическимъ формуламъ. Разрывъ съ религіей и религіозностью заставлялъ философію запутываться въ безъисходныхъ противорѣчіяхъ и антиноміяхъ человѣческаго разсудка и утрачивать всѣ средства для ихъ примиренія (Шопенгауэръ).

Поэтому безплодны всѣ попытки вполнѣ слить философію съ наукой, сдѣлать изъ нея особую область чисто-субъективнаго творчества, или превратить ее въ своего рода новую религію человѣчества.

Впрочемъ послѣдніе два пріема уничтоженія индивидуальности фи-

лософіи встрѣчаются рѣдко. Но за то тѣмъ сильнѣе проявляется въ наше время тенденція слить и отождествить философію съ наукою.

Этотъ замыселъ осуществляется двоякимъ способомъ: 1) или философія признается особою наукою или группою наукъ, на ряду со всѣми прочими спеціальными, а именно наукою о познаніи, объ основахъ и методахъ самой науки; 2) или философія изображается какъ синтезъ или итогъ всѣхъ наукъ, какъ наука въ ея цѣломъ, причемъ иногда ей приписывается вдобавокъ временная роль—служить общимъ резервуаромъ для всѣхъ тѣхъ знаній и воззрѣній, которыя по современному состоянію спеціальныхъ наукъ еще не вошли въ составъ науки, но рано или поздно должны въ него войти.

При томъ и другомъ пониманіи, изъ круга задачъ философіи исключаются весьма существенныя и основныя. Въ первомъ случаѣ философія лишается права высшаго синтеза данныхъ, добытыхъ науками спеціальными, въ одно цѣльное міровоззрѣніе. Во второмъ случаѣ отрицается ея существенная роль руководительницы всякаго спеціальнаго человѣческаго познанія, задача—установленія ею общихъ критеріевъ и методовъ познаванія. И, наконецъ, въ обоихъ случаяхъ отвергается значеніе философіи какъ построительницы общихъ началъ и критеріевъ поведенія, идеаловъ разумной человѣческой дѣятельности и руководящихъ принциповъ не только познанія, но и творчества.

Для того, чтобы правильно оцѣнить отношеніе философіи къ наукѣ, нужно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что составляетъ особый научный элементъ въ философіи и даетъ право съ извѣстной стороны, о которой мы уже упоминали, считать философію наукой особаго рода, наукой съ самостоятельнымъ предметомъ, задачами и пріемами изслѣдованія.

Этотъ особый научный элементъ въ философіи обозначается именемъ метафизики, какъ своеобразной науки и своеобразнаго метода изслѣдованія. Понятіе философіи шире понятія метафизики, ибо въ понятіе философіи, какъ мы видѣли, входятъ и такіе пріемы уразумѣнія и воспроизведенія дѣйствительности въ идеяхъ, которые чужды наукѣ въ собственномъ смыслѣ. Но это не мѣшаетъ метафизикѣ составлять существенную и основную сторону философіи какъ по содержанію, такъ и по пріемамъ разработки этого содержанія.

Разрѣшеніе вопроса объ отношеніи философіи къ наукѣ, точно такъ же какъ и правильное опредѣленіе понятія «научной философіи», невозможно безъ выясненія— что такое метафизика, — каковы ея предметъ, задачи и методы?

Въ наше время, правда, этотъ вопросъ часто обходится, и съ понятіемъ метафизики не признаютъ уже необходимымъ считаться, признавая это понятіе, благодаря Ог. Конту, навсегда вычеркнутымъ изъ реестра понятій «научныхъ». Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явнымъ недоразумѣніемъ: терминъ метафизики принимается въ произвольномъ, исторически и теоретически невѣрномъ значеніи, какое ему далъ Ог. Контъ. Терминъ метафизики, какъ извѣстно, въ теченіе многихъ вѣковъ филологически невѣрно истолковывался, — думали, что онъ означалъ у Аристотеля и его послѣдователей ученіе о началахъ или силахъ, лежащихъ за предѣлами міра физическаго, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ этотъ терминъ, какъ показала историческая критика, самому Аристотелю былъ неизвѣстенъ, и введенъ былъ въ употребленіе лишь черезъ два вѣка послѣ его смерти, однимъ изъ греческихъ грамматиковъ (Андроникомъ Родосскимъ), приводившимъ въ порядокъ сочиненія Аристотеля. Съ дидактическою цѣлью этотъ грамматикъ поставилъ сочиненія Аристотеля «о первой философіи» (или о началахъ) послѣ физическихъ сочиненій того же писателя, почему и озаглавилъ ихъ общимъ терминомъ «Τὰ μετὰ τὰ φυσικά». Отсюда ясно, что понятіе метафизики въ корнѣ своемъ не содержитъ въ себѣ непремѣннаго противоположенія понятію физики или совокупности физическихъ ученій и знаній.

На самомъ дѣлѣ, если метафизика стала ученіемъ о началахъ, первыхъ причинахъ, сущностяхъ вещей и т. д., то прежде всего и въ основаніи своемъ, еще со времени Сократа и Платона, называвшихъ эту самую науку діалектикой, она была наукою о понятіяхъ человѣческаго разума, какъ общихъ основахъ всякаго достовѣрнаго познанія и опыта. Такое истинное значеніе метафизики было вполнѣ возстановлено Кантомъ, и отрицая за 50 лѣтъ до Конта ту другую, ложную метафизику, которая безъ посредства критики понятій человѣческаго разума разсуждала о сущностяхъ вещей и общихъ началахъ бытія, Кантъ однакоже совершенно правильно назвалъ свою новую критику понятій—новой метафизикой, метафизикой будущаго. Ог. Контъ только по наслышкѣ былъ знакомъ съ Кантомъ, съ его системою непосредственно не освоился и, при отрицаніи метафизики, повидимому имѣлъ въ виду только выродившіеся остатки картезіанства (Декартовской метафизики), господствовавшіе въ школахъ Франціи и лежавшіе въ основаніи преподаванія философіи въ его отечествѣ. Самъ не подозрѣвая того, онъ велъ борьбу съ этой ложной метафизикой, во имя другой, своей собственной метафизики или теоріи объ отношеніи понятій человѣческаго ума къ опыту—теоріи хотя и неглубокой и невѣрной, но все-таки метафи-

зической. И съ легкой руки Конта то же отрицаніе метафизики вообще (а въ сущности только извѣстнаго направленія или формы метафизики) повторялось цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ явными и скрытыми приверженцами позитивизма, во имя весьма опредѣленной, но, къ сожалѣнію, односторонней позитивной или, точнѣе говоря, сенсуалистической метафизики. И всякое отрицаніе метафизики, если оно не голословно, а опирается на какія-нибудь критическія основанія, всегда было и будетъ отрицаніемъ одной метафизики, во имя другой, ибо оно всегда предполагаетъ извѣстную теорію отношенія разума къ бытію, субъекта къ объективному міру, познающаго ума къ познаваемому, а всякая такая теорія, будь она даже совершенно скептическая или только феноменалистическая (признающая бытіе однихъ только «явленій»), есть теорія метафизическая.

Итакъ прежде всего метафизика, какъ наука, есть изслѣдованіе и опредѣленіе общихъ формъ и законовъ духа (разума и воли) въ познаніи дѣйствительности, а также и въ воздѣйствіи его на дѣйствительность. Этою послѣднею прибавкою въ содержаніе метафизики вводится и все то изслѣдованіе, которое у Канта составляло предметъ критики практическаго разума и критики силы сужденія.

Съ точки зрѣнія этого опредѣленія, метафизика есть и теорія компетентности разума въ дѣлѣ познанія дѣйствительности, и теорія компетентности разума (практическаго) въ воздѣйствіи на дѣйствительность (т. е. теорія общихъ началъ дѣятельности свободной и разумной воли). Но такъ какъ, опредѣляя общія формы и условія познаванія и дѣятельности разума, метафизика тѣмъ самымъ рѣшаетъ вопросы и объ отношеніи разума къ бытію, субъекта къ объекту, а слѣдовательно опредѣляетъ и общую природу объекта и субъекта, какъ они открываются нашему разуму въ его познаніи и дѣятельности, то съ тѣмъ вмѣстѣ эта наука является не только наукою объ общихъ началахъ и критеріяхъ разума, но въ извѣстномъ смыслѣ и наукою объ общихъ началахъ бытія. Тѣ мыслители, наприм., которые утверждаютъ, что существуютъ въ мірѣ реально только явленія, что вещи въ себѣ или вовсе не существуютъ или не познаваемы для разума человѣческаго,— тѣмъ самымъ высказываютъ опредѣленную метафизическую теорію бытія и его отношенія къ мышленію,—теорію, претендующую на такую же абсолютную достовѣрность и истинность, какъ и противоположная ей метафизическая теорія о существованіи и познаваемости вещей въ себѣ или субстанцій. Другими словами, въ метафизикѣ есть тоже теоріи по-

ложительныя и отрицательныя (какъ и во всякой наукѣ), но сама метафизика отрицательными доктринами нисколько не уничтожается. Положеніе отрицателей метафизики совершенно похоже на положеніе древнихъ скептиковъ, которые утверждали, что ничего абсолютно-достовѣрнаго человѣческій умъ познать не въ состояніи, и тѣмъ самымъ провозглашали нѣкоторую, съ ихъ точки зрѣнія, абсолютно-достовѣрную истину. Своимъ абсолютнымъ отрицаніемъ метафизики отрицатели ея еще разъ блестящимъ образомъ подтверждаютъ ея существованіе и ея неизбѣжность для человѣческаго ума.

Отъ этихъ общихъ соображеній обратимся къ спеціальному опредѣленію предмета и пріемовъ метафизики, какъ науки.

При сдѣланномъ нами выше опредѣленіи задачъ метафизики невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ же метафизика отличается отъ психологіи, — вѣдь и психологія, какъ наука опытная, восходитъ отъ частныхъ психическихъ явленій къ опредѣленію общихъ формъ и законовъ духа, т. е. разума и воли? Но въ томъ-то и дѣло, что метафизика не опытная, а умозрительная наука, подобная математикѣ. Метафизика, путемъ критики понятій нашего разума, устанавливаетъ общія качественныя формы, критеріи и законы всякаго опыта, столько же внѣшняго, сколько и внутренняго, — тогда какъ математика тѣмъ же путемъ устанавливаетъ количественныя формы, критеріи и законы явленій опыта. Поэтому новѣйшія попытки построенія метафизики на почвѣ опыта [1]) грѣшатъ основною и непоправимою ошибкою — предположеніемъ, что изъ явленій опыта всецѣло могутъ быть извлечены тѣ всеобщія и необходимыя истины, которыя сами лежатъ въ основаніи всякаго опыта, т. е. предваряютъ его, какъ абсолютно-достовѣрные критеріи изученія явленій.

Конечно понятіе опыта употребляется въ различномъ значеніи, и если разумѣть въ понятіи человѣческаго опыта все то, что человѣкъ испытываетъ, переживаетъ и, испытывая, перерабатываетъ умомъ въ понятія, то не только метафизика, но всякое дѣйствительное и возможное, истинное и даже неистинное познаваніе окажется опытнымъ. Но мы разумѣемъ здѣсь опытъ въ болѣе тѣсномъ и прямомъ его значеніи, въ какомъ онъ всегда противополагался умозрѣнію. Опытъ есть совокупность представленій и понятій, пріобрѣтаемыхъ чрезъ посредство

---

[1]) См. Alfred Fouillée: L'avenir de la métaphysique fondée sur l'expérience. Paris, 1889. Въ «Вопр. Филос. и Псих.» см. разборъ и оцѣнку этой новой интересной книги.

ощущеній (внѣшнихъ и внутреннихъ), путемъ отвлеченія отъ нихъ единичныхъ признаковъ. Но самое это отвлеченіе, какъ дѣйствіе ума, уже предполагаетъ въ умѣ извѣстныя формы распорядка единичныхъ опытныхъ признаковъ явленій, критеріи ихъ сравненія, связыванія и разобщенія (наприм. законы тожества, противорѣчія, достаточнаго основанія, идеи количества, качества, отношенія и т. д.), которые не могутъ быть отвлечены отъ явленій опыта, такъ какъ уже предполагаются имъ. Естественно поэтому, что понятія объ этихъ общихъ нормахъ и критеріяхъ опыта пріобрѣтаются не путемъ обобщенія признаковъ отдѣльныхъ явленій, а построяются нами умозрительно, логическою работой мысли. Отличный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи идея причинности, которая, какъ показалъ Юмъ, не дается непосредственно въ ощущеніяхъ зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ, и которая, какъ показалъ Кантъ, также мало можетъ быть извлечена изъ опыта явленій внутреннихъ, ибо, вопреки Юму, она содержитъ въ себѣ болѣе чѣмъ идею привычки ума связывать ощущенія въ преемства. Въ ней содержится идея необходимости и всеобщности нѣкоторыхъ преемствъ явленій и фактовъ, столько же внѣшняго, сколько и самого внутренняго опыта. Въ опытѣ же всегда даны преемства явленій, хотя и повторяющіяся, но не ручающіяся за вѣчное, т. е. абсолютно необходимое и всеобщее повтореніе ихъ [1]).

Попытаемся же теперь, путемъ традиціоннаго пріема, которымъ пользовались всѣ искреннѣе защитники метафизики, какъ науки умозрительной, — пріема сравненія ея съ математикой, — установить въ общихъ чертахъ подлинный составъ и значеніе этой науки и характеръ ея методовъ.

Въ математикѣ мы находимъ слѣдующія три существенныя черты, отличающія ее отъ наукъ опытныхъ. Во 1) ея основныя понятія не составлены, какъ понятія другихъ наукъ изъ отвлеченія существенныхъ признаковъ предметовъ и явленій опыта, а часто даже прямо выражаютъ истины, на которыя не предоставляютъ правакакія данныя опыта; яркими образчиками могутъ служить: понятіе точки, не имѣющей пространственныхъ измѣреній, понятіе безконечно-большихъ и безконечно-малыхъ величинъ и т. д., — мы беремъ только самые яркіе примѣры. Во 2) основныя математическія истины и положенія построяются не пу-

[1]) См. объ этомъ подробнѣе нашу статью «Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности». (Труды Москов. Психол. Общ. Вып. III, Москва, 1889).

темъ наблюденія и обобщенія отношеній между явленіями опыта (т. е. экспериментально), а чистымъ мышленіемъ, путемъ интеллектуальнаго созерцанія отношеній пространственныхъ и временныхъ; наглядным примѣромъ этого являются аксіомы и постулаты математики, напр. положеніе, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками (доказать эту истину, какъ и другія подобныя, можно только ссылкою на законы разума, а не на опытъ, ибо въ опытѣ нѣтъ не только безусловно прямыхъ линій, но нѣтъ и настоящихъ геометрическихъ линій съ однимъ только измѣреніемъ). Въ 3) всѣ математическія положенія имѣютъ характеръ не простыхъ утвержденій фактовъ опыта и ихъ отношеній, а необходимыхъ и ничѣмъ несокрушимыхъ требованій, предъявляемыхъ нашимъ мышленіемъ къ дѣйствительности. Положенія, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками или что $2 \times 2 = 4$, — означаютъ, что такъ не только бываетъ обыкновенно въ опытѣ, а что такъ должно быть, въ силу законовъ познающей мысли, — между тѣмъ, какъ настоящіе «эмпирическіе» законы въ наукахъ опыта, не заключающіе въ себѣ предпосылокъ математическихъ, или метафизическихъ (какъ увидимъ ниже), суть лишь обобщенные факты и ничуть необязательны для всякаго возможнаго опыта.

Указанныя особенности математическихъ понятій и положеній были въ достаточной мѣрѣ выяснены и обоснованы Кантомъ, и де сихъ поръ никто не опровергнулъ его доводовъ, хотя и были сдѣланы нѣкоторыя остроумныя, но не убѣдительныя попытки въ этомъ смыслѣ.

Теперь для насъ важно еще разъ отмѣтить фактъ, что, несмотря на указанныя свойства математическихъ понятій и положеній, они выражаютъ собою все-таки не произвольныя фантазіи нашей мысли, а законо мѣрныя объективныя отношенія, которымъ подчинены явленія опыта. Вслѣдствіе этого мы убѣждены, наприм., что не только въ нашемъ умѣ, но и въ области самой природы положенія математическія, наприм., постулаты о прямой линіи или о безконечныхъ величинахъ, имѣютъ полную силу и значеніе, равно какъ и теорема о равенствѣ суммы угловъ треугольника двумъ прямымъ, о равенствѣ длины всѣхъ радіусовъ круга, и другія подобныя. Это и даетъ возможность широко пользоваться математическими понятіями и положеніями при изученіи явленій опыта. Все что мы знаемъ достовѣрнаго и непоколебимаго въ области количественныхъ отношеній вещей опирается въ наукахъ опыта на основныя предпосылки математики. Вся точность наукъ опытныхъ, всѣ ихъ формулы и законы, выражающіе количественныя непоколебимыя соотношенія свойствъ и элементовъ явленій и предметовъ опыта,

имѣютъ свой корень въ математическихъ понятіяхъ, аксіомахъ, постулатахъ и дедукціяхъ, пріобрѣтаемыхъ и построяемыхъ чистою мыслію, независимо отъ всякаго изученія и обобщенія явленій опыта—въ силу разработки мышленіемъ его собственнаго формальнаго содержанія, по присущимъ ему неизмѣннымъ и всеобщимъ законамъ.

Теперь спрашивается: только-ли въ области количественныхъ отношеній нашъ умъ обладаетъ способностью строить символы и схемы, абсолютно обязательныя, помимо всякаго опыта, — не только для него, но и для объективной дѣйствительности, для міра реальнаго бытія?

Что метафизика всегда содержала въ себѣ рядъ качественныхъ понятій и опредѣленій—никто не оспариваетъ. Что метафизика всегда заключала въ себѣ понятія необосновываемыя опытомъ и не выводимыя изъ совокупности ощущеній человѣка и даже иногда какъ-бы противорѣчащія даннымъ опыта, тоже никто не станетъ отвергать, такъ какъ, во первыхъ, невыводимость изъ опыта (явленій опыта) метафизическихъ понятій субстанціи или вещи въ себѣ, понятій причинности, (реальной) свободы, необходимости (въ опытѣ все дано только, какъ фактъ, а не какъ необходимость), матеріи, силы, духа и т. д., была доказана цѣлымъ рядомъ анализовъ этихъ понятій мыслителями разныхъ школъ. Во-вторыхъ, именно на этой невыводимости всѣхъ указанныхъ понятій изъ опыта основывается, болѣе столѣтія, отрицаніе сенсуалистами, односторонними эмпириками и позитивистами реальнаго значенія всѣхъ указанныхъ понятій и признаніе ихъ за понятія метафизическія, въ смыслѣ понятій чуждыхъ опыту и къ истолкованію явленій опыта неприложимыхъ.

Что изъ этихъ противорѣчащихъ опыту и невыводимыхъ изъ опыта понятій составляются и могутъ составляться въ метафизикѣ цѣлыя системы положеній, независимо отъ опыта, при помощи одной чистой работы мысли или разума, тоже давно признано. Это доказали, во первыхъ, положительно, своими метафизическими системами, Декартъ, Спиноза, Лейбницъ, отчасти Кантъ, и еще разительнѣе Фихте, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ, не говоря о менѣе крупныхъ философахъ. Это доказывается затѣмъ и отрицательно—всѣми нападками на метафизику, на ея отрѣшенность отъ опыта, на ея попытки перешагнуть въ своихъ положеніяхъ за предѣлы опыта, въ область вещей въ себѣ и субстанцій, и навязать дѣйствительности законы и условія бытія, изъ опыта невыводимые.

Наконецъ, и то положеніе, что метафизика, подобно математикѣ, всегда содержала въ себѣ истины, которыя имѣли притязаніе не только констатировать факты дѣйствительности, но и опредѣлять абсолютно-

обязательныя для внѣшней и внутренней дѣйствительности нормы бытія и дѣйствительности, также не подлежитъ сомнѣнію, ибо всѣ области метафизическаго построенія — теорія бытія (онтологія), теорія нормативныхъ законовъ мышленія (логика), теорія нормативныхъ законовъ поведенія (этика въ настоящемъ смыслѣ)—всегда устанавливали абсолютныя положенія, обязательныя для міра бытія вообще, — для мышленія и дѣятельности разумныхъ существъ. Таковы, напримѣръ, въ области онтологіи положенія, что всякое бытіе предполагаетъ производящую причину (т. е. должно имѣть причину), что каждая вещь есть или не есть (должна быть или не быть), что мышленіе уже есть и бытіе (Декартовское cogito ergo sum) и т. д. Такой же характеръ, въ области логики, имѣютъ положенія, что мысль не имѣетъ права одновременно что-либо утверждать и отрицать относительно чего-либо (законъ противорѣчія), что всякое сужденіе имѣетъ (должно имѣть) достаточное основаніе (законъ достаточнаго основанія). Въ области этики то же значеніе, но съ специфическимъ оттѣнкомъ, благодаря особымъ свойствамъ воли, имѣетъ категорическій императивъ въ его различныхъ формахъ (поступай такъ, чтобы правило твоего поведенія могло стать принципомъ всеобщаго законодательства и др.), а въ особенности конечный изъ него выводъ: «ты долженъ,—слѣдовательно, ты можешь (т. е. долженъ мочь)».

Такимъ образомъ полная аналогія метафизическихъ понятій и положеній съ математическими, въ отношеніи ихъ происхожденія и разработки, въ отношеніи ихъ къ явленіямъ и предметамъ опыта, и въ оцѣнкѣ ихъ значенія, какъ субъективныхъ формулъ мысли, претендующихъ играть роль «обязательныхъ нормъ объективнаго бытія»,— никогда никѣмъ серьёзно не отрицалась, но даже утверждалась и всѣми нападками на метафизику, всѣми упреками и обвиненіями, которыя къ ней предъявлялись.

Поэтому единственнымъ предметомъ спора и разногласій можетъ быть лишь вопросъ о томъ, насколько качественныя понятія: субстанціи и причины, необходимости и свободы, матеріи, силы и духа, объекта и субъекта и безчисленныя другія, съ которыми обращалась, независимо отъ опыта и часто вопреки ему, метафизика, могутъ имѣть такое же объективное значеніе для дѣйствительности и могутъ быть разрабатываемы такъ же достовѣрно и отчетливо, какъ и математическія понятія точки, линіи, треугольника, круга, числа и др. подобныя. И далѣе: въ какой мѣрѣ пріобрѣтаемыя путемъ логической переработки этихъ понятій метафизическія положенія могутъ имѣть для опытнаго

изученія дѣйствительности нормативное и регулирующее значеніе, по сравненію съ аналогичными положеніями математики?

Мы думаемъ, что между логическимъ достоинствомъ и приложимостью къ опыту положеній: «прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками» и «всякое бытіе имѣетъ причину»—нѣтъ существенной разницы, какъ нѣтъ ея и между логическимъ достоинствомъ и приложимостью истинъ, что «дважды-два—четыре», и что «нѣтъ объекта безъ субъекта».

Всѣ подобныя истины одинаково невыводимы изъ опыта и изъ опыта недоказуемы, и въ то же время одинаково обязательны для всякаго возможнаго опыта, прошедшаго, настоящаго и будущаго. Мы всѣ убѣждены a priori, что они были столь же обязательны для міра мысли и для міра бытія во времена Аристотеля, какъ и въ наше время, т. е. что умъ Аристотеля и міръ его времени точно такъ же подчинялись имъ, какъ мы и какъ нашъ міръ. Мало того, если есть планета, на которой существуютъ живыя и мыслящія при совершенно другихъ условіяхъ опыта существа, то мы не можемъ допустить, чтобы эти нормы мышленія и бытія могли не быть для нихъ такъ же обязательны, какъ и для насъ, — иначе для насъ исчезнетъ все реальное, все несомнѣнное, и сама наша наука, какъ и существованіе наше, превратятся въ сплошную фикцію,—въ сонъ, бредъ, абсурдъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что если мы вправѣ признать истину «дважды-два — четыре» обязательною для всего міра вещей, то мы вправѣ признать положеніе, что «всякое бытіе имѣетъ причину» (положеніе качественное, а не количественное) столь же обязательнымъ не только для міра мысли, но и для всего міра бытія. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы допустить въ принципѣ приложимость къ міру бытія качественныхъ метафизическихъ идей и положеній,—и вся задача лишь въ ихъ вѣрной дедукціи, къ чему метафизика всегда и стремилась.

Метафизика есть такимъ образомъ наука, ищущая опредѣлить умозрительно абсолютно-достовѣрныя и обязательныя не только для нашего ума, но и для объективной дѣйствительности, т.-е. не только идеальныя, но и реальныя качественныя отношенія явленій опыта, внутренняго и внѣшняго, — или формы и нормы мышленія, дѣйствованія и самого бытія всего, что существуетъ. Абсолютная достовѣрность качественныхъ формулъ опытной науки опирается на абсолютную достовѣрность нѣкоторыхъ метафизическихъ предпосылокъ разума. Конечно, эти метафизическія предпосылки не даны готовыми въ сознаніи человѣка: сначала, какъ и математическія пред-

посылки опыта, онѣ прилагаются нами къ опыту безсознательно. Вѣдь истина, что дважды-два—четыре, обязательна не для однихъ математиковъ. Она же лежитъ въ основаніи мышленія самыхъ необразованныхъ людей и можетъ быть даже животныхъ. Оттого Платонъ и утверждалъ, что основныя математическія истины извѣстны всякому уму, помимо математическаго образованія, и могутъ быть извлечены изъ нѣдръ его путемъ правильныхъ вопросовъ и наведеній, что и заставило его въ «Менонѣ» изложить извѣстный геометрическій экспериментъ надъ слугою-мальчикомъ, никогда ничему неучившимся и все-же вѣрно разсчитавшимъ площадь нѣсколькихъ квадратовъ. Такимъ же точно образомъ есть въ каждомъ умѣ и рядъ метафизическихъ истинъ, добываемыхъ интуитивнымъ путемъ, какъ основаніе для всякаго опыта, и лишь со временемъ становящихся предметомъ изслѣдованія и доказательства въ метафизикѣ какъ наукѣ. Но это не мѣшаетъ признать, что и въ опытѣ необразованнаго человѣка вся достовѣрность и необходимость качественныхъ заключеній о свойствахъ дѣйствительности является результатомъ метафизическихъ посылокъ разума.

Послѣ всего сказаннаго, содержаніе и значеніе метафизики должно быть достаточно понятно. Понятно также должно быть и то, въ какой мѣрѣ философія можетъ быть наукой и можетъ быть научной, независимо отъ всѣхъ наукъ опыта и наукъ спеціальныхъ. Понятно должно быть еще и то, что метафизика, подобно математикѣ, есть не только отдѣльная наука, но и цѣлая группа наукъ (онтологія, логика, этика, эстетика и проч.),[1]) и далѣе, что она есть не только особая область науки, но и особенный методъ переработки матеріала наукъ опытныхъ.

Но почему же метафизика, если она обладаетъ столь несомнѣннымъ содержаніемъ, допускающимъ объективное истолкованіе, до сихъ поръ однако не достигла признанія какъ необходимая и законная часть науки?

Отвѣтъ самъ собою навязывается: все происходитъ въ свое время. Въ началѣ IV вѣка до Р. Х. еще не было логики, а нѣсколькими вѣками ранѣе не существовало и математики, какъ особой науки и группы наукъ. Неужели же теперь мы окончательно исчерпали всю сферу возможныхъ научныхъ изслѣдованій и построеній и намъ не предстоитъ

[1]) Замѣтимъ здѣсь, чтобы не было недоразумѣнія, что мы говоримъ о логикѣ, этикѣ, эстетикѣ, какъ наукахъ нормативныхъ. Рядомъ съ этимъ возможны логика, этика, эстетика, какъ науки опытныя, изслѣдующія спеціальный составъ и ходъ развитія логическихъ, нравственныхъ и эстетическихъ явленій въ сознаніи человѣка и человѣчества.

дальнѣйшаго утвержденія на прочныхъ началахъ областей познанія, хотя уже давно намѣченныхъ, но еще не вполнѣ организованныхъ? Задача построенія метафизики, какъ науки, изслѣдующей преимущественно качественныя категоріи духа и бытія, была ясно поставлена только Кантомъ сто лѣтъ назадъ. Ошибка Канта была двоякая: во 1-хъ, онъ призналъ теоретическую достовѣрность лишь метафизики априорныхъ категорій познанія, но не дѣйствованія (метафизику априорныхъ категорій дѣйствованія онъ призналъ однако послѣ de facto — въ своей «Критикѣ практическаго разума» и отчасти въ «Критикѣ силы сужденія»); во 2-хъ, многія изъ необходимыхъ категорій разума онъ призналъ въ области теоретической чисто субъективными, не имѣющими отношенія къ объективному бытію (напр. идеи Бога, духа, свободы).

Предстоитъ еще изслѣдовать, нельзя ли построить болѣе плодотворную и общеобязательную метафизику путемъ анализа и синтеза всѣхъ качественныхъ формъ и нормативныхъ законовъ духа (не только познавательныхъ, но и дѣятельныхъ), и, далѣе, — есть ли основаніе считать нѣкоторыя идеи разума, наприм., идеи пространства, времени, причинности, необходимости, единства, множества и др. под. приложимыми къ міру явленій и выражающими его объективную природу, а другія, наприм., идеи свободы, матеріи и духа, Бога, добра и зла, красоты и безобразія неприложимыми къ міру явленій и не выражающими его существо и истинную природу? Эти проблемы еще не рѣшены окончательно.

Указанныя нами общія задачи метафизики пытались систематически выполнить: Платонъ въ нѣкоторыхъ діалогахъ, Аристотель въ своей «Первой философіи» (метафизикѣ), Спиноза — въ «Этикѣ», Кантъ—въ своихъ «Критикахъ разума», Гегель — въ своей «Логикѣ». (приводимъ лишь самыя крупныя явленія). Если взять изъ этихъ трудовъ все цѣнное, истинное и вполнѣ доказанное, и отбросить случайное и ложное,— то что является плодомъ недоразумѣній и человѣческаго несовершенства, то безъ сомнѣнія возможно уже и теперь пріобрѣсти такую систему понятій и положеній, которая удовлетворяла бы всѣмъ требованіямъ отдѣльной, хотя бы и несовершенной еще науки. Задача ближайшаго будущаго состоитъ именно въ томъ, чтобы разобраться въ имѣющемся, готовомъ матеріалѣ, провѣрить и исправить его логическою критикою отдѣльныхъ понятій и положеній, привести въ единство и систему.

Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣли въ виду лишь разъяснить, что такое метафизика, по своей идеѣ, и чрезъ опредѣленіе значенія ме-

тафизики оказать посильное содѣйствіе опредѣленію истиннаго значенія философіи.

Задача защиты угнетенной, оклеветанной и поруганной области знанія еще труднѣе, чѣмъ задача защиты угнетеннаго и убитаго клеветой человѣка, и мы вполнѣ сознаемъ, съ какими великими предубѣжденіями и даже предразсудками намъ придется столкнуться, чтобы отстоять въ данномъ случаѣ свои положенія. Но правое дѣло останется правымъ и въ концѣ концовъ восторжествуетъ.

Мы будемъ довольны, если на первый разъ побудимъ нѣкоторыхъ своихъ читателей усомниться въ вѣрности того истолкованія, какое обыкновенно принято давать въ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ, понятію «метафизики» и если косвенно подадимъ поводъ къ болѣе общему и основательному изученію въ Россіи тѣхъ произведеній безсмертныхъ представителей метафизическаго умозрѣнія, какими для многихъ вѣковъ и для всѣхъ народовъ представлялись: Платонъ и Аристотель, Декартъ, Спиноза и Лейбницъ, Берклей и Кантъ, не говоря о другихъ философахъ того жѣ направленія, слава которыхъ еще не такъ твердо упрочена.

Намъ скажутъ: а какой же смыслъ имѣетъ идея русской философіи, если метафизика признана такой же объективно-достовѣрной и логически-необходимой наукой, какъ математика, и если элементовъ ея должно искать у мыслителей прошлаго,—всѣхъ странъ и народовъ?

Но въ томъ-то и дѣло, что метафизика не есть вся философія. Метафизика не можетъ быть, философія должна быть—національною. Повторимъ еще разъ, что метафизика есть основа и методъ философіи, на сколько она наука и часть науки; но идея философіи всегда была и будетъ шире идеи метафизики, какъ цѣлый домъ больше и обширнѣе своего фундамента. Фундаменты готическаго храма и русскаго собора могутъ быть почти тожественны, а воздвигнутыя на нихъ зданія будутъ носить стиль различный, національный.

Субъективный элементъ въ философіи—элементъ чувства и личнаго творчества неразрывно связываетъ ее съ душевнымъ строемъ личности и народа. Человѣкъ—носитель вселенскихъ началъ, одно изъ воплощеній мірового разума; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и личность, своеобразная и субъективно-цѣльная индивидуальность. Какъ частное проявленіе всемірнаго разума онъ метафизикъ, математикъ, астрономъ, физикъ, химикъ и пр., не вѣдающій — въ идеалѣ — никакой національности; какъ субъективно-цѣльная индивидуальность онъ — художникъ и философъ, т. е. носитель субъективно-цѣльнаго міровоззрѣнія и одно изъ воплощеній національныхъ особенностей духа.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА [1]).

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи. Ч. II. Законъ причинной связи, какъ основа умозрительнаго знанія дѣйствительности. М. 1891. VIII+391 стр.

Авторъ подвергаетъ всестороннему и основательному изслѣдованію одинъ изъ труднѣйшихъ, если не самый трудный, вопросъ умозрѣнія—о природѣ и значеніи понятія причинности. Рѣшеніе этого вопроса глубоко оригинально и представляетъ необходимый и важный по своимъ послѣдствіямъ шагъ не только въ критическомъ анализѣ идеи причинности, но и въ опредѣленіи коренныхъ основаній всей умозрительной философіи, и въ этомъ смыслѣ трудъ Л. М. Лопатина примыкаетъ къ наиболѣе серьёзнымъ современнымъ изслѣдованіямъ этой проблемы въ исторіи европейской философіи.

Извѣстно, что проблема причинности занимала философовъ съ древнѣйшаго времени, что уже Платонъ ясно поставилъ ее въ своемъ діалогѣ «Федонъ» и своимъ ученіемъ объ идеяхъ и ихъ отношеніи къ явленіямъ дѣйствительности пытался, между прочимъ, дать отвѣтъ на вопросъ объ объективной природѣ причинныхъ отношеній. Въ философіи Аристотеля ученіе о причинахъ легло въ основу всего умозрѣнія. Преобразованіе философіи Декартомъ находилось въ тѣсной связи съ его ученіемъ о механической причинности, связывающей въ одну неразрывную цѣпь всѣ матеріальныя и психическія явленія дѣйствительности. Недоумѣніе о характерѣ причинной связи между дѣйствіями матеріальной и духовной субстанціи подало поводъ къ возникновенію разнообразныхъ оригинальныхъ системъ XVII столѣтія. Со времени Локка изслѣдованіе природы причинной связи, какъ и другихъ объективныхъ категорій познанія, переносится въ область духа. Ставъ на эту точку зрѣнія, критическая философія изслѣдуетъ природу основныхъ умозрительныхъ понятій, предѣлы и степень законности ихъ объективнаго приложенія. Какъ извѣстно, и у Юма, и у Канта, а вслѣдъ за ними и у всѣхъ новѣйшихъ философовъ Запада изслѣдованіе психологическаго генезиса и логическаго значенія идеи причинности играетъ выдающуюся роль въ установленіи началъ умозрѣнія и всей познавательной дѣятельности человѣка. На ряду съ идеями пространства, времени и субстанціи, понятіе причинности, т. е. способъ его истолкованія, рѣшаетъ судьбу міро-

[1]) «Вопросы Философіи и Психологіи», 1891, кн. 10, обзоръ книгъ стр. 58.

созерцаній и умозрительныхъ системъ философовъ. Но, со времени попытки Шопенгауэра поставить толкованіе идей пространства, времени и субстанціи въ тѣсную связь съ изслѣдованіемъ закона достаточнаго основанія, рѣшеніе вопроса о природѣ и значеніи понятія причинности получаетъ въ умозрительной философіи значеніе центральное.

Такое именно значеніе придаетъ проблемѣ причинности и авторъ разбираемаго изслѣдованія. Нисколько не опираясь на авторитетъ Шопенгауэра, авторъ своими собственными путями и вполнѣ самостоятельно приходитъ къ выводу, что весь новѣйшій механическій натурализмъ и феноменализмъ имѣетъ своимъ корнемъ традиціонное, чисто механическое толкованіе закона причинности въ новой философіи, — какъ формулы, выражающей неизмѣнную послѣдовательность явленій, и что отъ признанія или опроверженія этого толкованія зависитъ судьба всей будущей умозрительной философіи, а съ нею вмѣстѣ, конечно, и судьба всей познавательной работы человѣческаго ума, его окончательные и самые существенные приговоры о природѣ дѣйствительности.

Руководствуясь этимъ основнымъ и совершенно правильнымъ убѣжденіемъ, авторъ прежде всего подготовляетъ почву для правильной постановки проблемы причинности путемъ изслѣдованія главныхъ формъ и условій умственной дѣятельности человѣка. Первая задача его—установить различіе истинъ идеальныхъ и фактическихъ. Для этого онъ прежде всего изслѣдуетъ природу философскаго сомнѣнія, какъ первоначальной почвы всякаго умозрѣнія, и опредѣляетъ границы законнаго философскаго скептицизма; затѣмъ, въ связи съ критикою воззрѣній Дж. Ст. Милля, разбираетъ природу сужденій человѣческаго ума и приходитъ къ признанію въ нихъ элементовъ конкретно не представляемыхъ, не вообразимыхъ или сверхчувственныхъ, соотвѣтствующихъ чисто идеальнымъ опредѣленіямъ вещей, которыя не даны въ чувственномъ воспріятіи, и заключаетъ отсюда къ присутствію въ сужденіяхъ — волевыхъ или творческихъ актовъ. Руководящимъ принципомъ идеальной работы мысли является непосредственная очевидность утверждаемыхъ отношеній, которая даетъ нашимъ идеальнымъ сужденіямъ характеръ безусловности и всеобщности. Этими признаками важнѣйшій разрядъ идеальныхъ сужденій—истины умозрительныя—отличаются отъ сужденій фактическихъ или опытныхъ. Придя къ установленію общаго понятія истинъ или сужденій идеальныхъ, авторъ изслѣдуетъ подробнѣе природу типическаго рода идеальныхъ истинъ — истинъ математическихъ. Здѣсь онъ подвергаетъ критическому анализу ученія Дж. Ст. Милля и Канта, доказывая, вопреки Миллю, невозможность индуктив-

наго происхожденія математическихъ познаній, а—вопреки Канту—необходимость признанія отвлеченнаго характера нашихъ концепцій пространства и времени, лежащихъ въ основѣ идеальныхъ математическихъ построеній. Пространство и время не чисто наглядныя представленія, а понятія, хотя и не родовыя. Поэтому предметъ математики — изслѣдованіе типическихъ идеальныхъ концепцій всеобщихъ возможностей количественнаго бытія. Но умъ нашъ имѣетъ возможность познавать сверхопытныя истины не только о количественныхъ отношеніяхъ вещей, но также и о необходимыхъ мыслимыхъ условіяхъ дѣйствительности. Такія, такъ сказать, качественныя, идеальныя концепціи составляютъ предметъ метафизики. Къ самымъ основнымъ общимъ условіямъ дѣйствительности относится законъ причинности, какъ законъ реальной обусловленности вещей вообще. Обоснованіе его и составляетъ ближайшую задачу, содержаніе и исходную точку положительныхъ метафизическихъ построеній.

Приступая во II главѣ сочиненія къ анализу закона причинности, авторъ ищетъ правильной постановки вопроса. Положеніе: «нѣтъ дѣйствія безъ причины» составляетъ одно изъ самыхъ прочныхъ и первоначальныхъ убѣжденій нашего ума. Но распространенное философское пониманіе закона причинности, какъ безусловно неизмѣннаго однообразія въ теченіи и связи явленій, находится въ разногласіи съ общечеловѣческимъ смысломъ закона причинности, который заключается въ утверждаемомъ этимъ закономъ отношеніи всякаго явленія къ проявляющейся въ немъ дѣятельной мощи, причемъ не подразумѣвается непремѣнно идея единообразія явленій. Попытки представить законъ причинности, какъ только субъективную форму человѣческаго пониманія, ведутъ къ неизбѣжнымъ противорѣчіямъ. Пробнымъ камнемъ для критики авторъ беретъ въ данномъ случаѣ классическую теорію Юма. Кантовская апріористическая теорія причинности также не удовлетворяетъ его, такъ какъ логическій смыслъ этой идеи у Канта опредѣленъ односторонне, и значеніе ея у Канта также получаетъ характеръ слишкомъ субъективный. Таинственное царство вещей въ себѣ — единственный остатокъ реальности въ міросозерцаніи Канта, но ученіе его о вещахъ въ себѣ полно явныхъ противорѣчій. И Юмъ и Кантъ представляютъ законъ причинности, какъ чисто субъективный продуктъ духа, и этимъ самымъ приписываютъ процессамъ нашего духа причинность дѣйствительную, объективную, явно опровергая этимъ свою основную посылку.

Если причинность — продуктъ мысли, то нашему понимающему субъекту мы должны приписать причинность — какъ дѣйствительное

свойство и притомъ признать ее именно выраженіемъ идеи производящей дѣятельности или самодѣятельности. Итакъ, сознаніе нашей самодѣятельности есть первый источникъ положительнаго содержанія нашихъ представленій о причинной связи. Но въ своихъ актахъ мы переживаемъ не только реальность ихъ совершенія, но и реальность встрѣчающаго ихъ противодѣйствія. Вслѣдствіе этого причинность является подъ двумя аспектами: а) внутренней самодѣятельности, б) внѣшняго ея ограниченія. Активность духа познается нами непосредственно, и реальность нашей самодѣятельности a priori подразумѣвается въ понятіи всякаго сознанія. Въ связи съ этими утвержденіями авторъ доказываетъ несостоятельность всѣхъ теорій психической жизни, пытавшихся вывести активные ея элементы изъ пассивныхъ и представить сознаніе самодѣятельности духа, какъ иллюзію и продуктъ незнанія истинныхъ причинъ нашихъ дѣйствій. Такъ же несостоятельны попытки возвести законъ сохраненія энергіи въ принципъ всякой причинности. Абсолютное господство закона сохраненія энергіи мыслимо лишь въ мірѣ вещей, которыя не имѣютъ никакихъ другихъ свойствъ, кромѣ механическихъ или матеріальныхъ. Но въ существахъ, способныхъ отъ себя начинать движеніе, должно предполагать внутреннюю активность и самостоятельную причинность.

Постоянно совершаемое нами распространеніе закона причинности на все существующее не есть только заключеніе по аналогіи отъ нашего внутренняго опыта, но необходимое слѣдствіе самыхъ первоначальныхъ качествъ и силъ нашего ума. Безусловная несомнѣнность и объективная всеобщность закона причинности, которыя авторъ пытается обосновать въ III главѣ сочиненія, коренятся, по его мнѣнію, въ законѣ тожества, какъ основномъ правилѣ мыслимости нашихъ идей и какъ неизбѣжномъ свойствѣ всего дѣйствительнаго. Мысленное примиреніе между измѣнчивостью наблюдаемыхъ нами явленій и требованіемъ ихъ внутренняго единства и тожества, исходящихъ изъ разума, постоянно совершается чрезъ предположеніе реальной причинной связи во всѣхъ происходящихъ событіяхъ. Совершая это примиреніе, мы прибѣгаемъ къ понятію о силѣ, которое составляетъ наивысшее отвлеченіе признаковъ внутренней самодѣятельности. Законъ причинности есть аналитически необходимая истина, вытекающая изъ сопоставленія понятій объ измѣненіи, или процессѣ, внутреннемъ тожествѣ и дѣятельной силѣ, какъ мыслимыхъ признакахъ существующаго. Пониманіе существующаго въ его причинной связи есть усмотрѣніе внутренняго единства въ многоразличіи его состояній. Но единое, лежащее въ основѣ каждаго даннаго мно-

гообразія, есть субстанція. Поэтому понятіе субстанціи и понятіе реальной силы совпадаютъ между собою. Отсюда ясно, что дѣйствованіе и субстанція—понятія соотносительныя.

Въ окончательномъ результатѣ авторъ выводитъ, что законъ причинности 1) обнимаетъ отношенія явленій къ субстанціямъ или силамъ и 2) выражаетъ связь, соединяющую между собою отдѣльныя состоянія познаваемыхъ предметовъ, т. е. явленія. Это есть законъ причинности въ тѣсномъ смыслѣ. Но отношеніе между явленіями можетъ быть двоякое: а) когда явленіе послѣдующее есть только нѣкоторое перераспредѣленіе элементовъ явленія предшествующаго — это причинность механическая, имѣющая мѣсто въ матеріальной средѣ; б) послѣдующее явленіе или состояніе выражаетъ нѣчто новое, отличное отъ прежнихъ, раскрытіе потенцій внутренней силы или субстанціи—это причинность творческая. Такая реализація мощи есть положеніе или утвержденіе чего-либо, называемое бытіемъ,—слѣдовательно, всякое бытіе предполагаетъ дѣйствованіе или осуществленіе силы. Поэтому и наше непосредственное и наше отвлеченное знаніе одинаково находятъ въ дѣйствованіи свое предѣльное понятіе. Все существующее есть или дѣятельная, себя полагающая сила (субстанція), или явленіе силы (отдѣльный актъ), или способъ дѣйствія силы (свойство). Понятіе дѣйствительности или данности совпадаетъ съ понятіемъ активности: все, что дано нашему сознанію—дано какъ актъ нашъ или чужой.

Изъ всего изложеннаго вытекаетъ, что законъ причинности есть истина умозрительная, отрицаніе которой немыслимо. Въ необходимо мыслимыхъ внутреннихъ моментахъ причинныхъ отношеній мы обладаемъ цѣлою системою онтологическихъ понятій и положеній. Обыкновенная достовѣрность ихъ рѣшаетъ въ положительномъ смыслѣ вопросъ о существованіи метафизики и прочныхъ метафизическихъ истинъ.

Въ IV гл. авторъ обозрѣваетъ главнѣйшія умозрительныя приложенія объективной теоріи причинности и пытается обосновать на своемъ ученіи о причинности идеи абсолютнаго творчества и абсолютной причины бытія или творческой силы, далѣе идею свободы въ противоположность идеѣ необходимости. Въ связи съ своимъ ученіемъ о причинности онъ намѣчаетъ *своеобразное толкованіе идей протяженности, пространства* и времени, а также аналитически выводитъ изъ него идею духа и всемірной духовности. Въ приложеніи авторъ перепечатываетъ двѣ статьи объ условіяхъ свободной самодѣятельности человѣка и о нрав-

ственной свободѣ человѣческой личности, помѣщенныя имъ ранѣе въ «Трудахъ Московскаго Психологическаго Общества» и составляющія краткое предварительное резюме его взглядовъ на причинность и подробное метафизическое обоснованіе идеи свободы человѣческой личности въ связи съ ученіемъ о творческой причинности.

Признавая выводы и построенія автора въ существенномъ ихъ ходѣ и основаніяхъ вѣрными, доказательными и плодотворными, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ его труда, вытекающихъ отчасти изъ самаго метода изслѣдованія, отчасти изъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ особенностей его манеры философствовать. Чисто діалектическій способъ разсужденія настолько увлекаетъ автора, что онъ часто упускаетъ изъ виду возможность оправданія и поясненія своихъ выводовъ помощью сличенія ихъ съ фактами опыта. Безъ сомнѣнія, доказательная сила его положеній опирается на основанія логическія. Но это не мѣшаетъ наглядному поясненію отвлеченныхъ формулъ путемъ разбора конкретныхъ приложеній истинъ абстрактнаго порядка. Анализомъ нѣкоторыхъ фактовъ воспріятія въ главѣ о различіи сужденій, авторъ самъ подтверждаетъ возможность и полезность пріема наглядаго изложенія умозрительныхъ построеній. Между тѣмъ, при анализѣ закона причинности и установленіи самыхъ коренныхъ своихъ положеній, авторъ слишкомъ рѣдко прибѣгаетъ къ указанному пріему и, вслѣдствіе этого, выводы его много теряютъ въ своей убѣдительности, а изложеніе пріобрѣтаетъ характеръ сухости и даже нѣкоторой туманности и тяжеловѣсности, за которыя такъ часто и справедливо укоряли представителей метафизической науки. Тотъ же односторонне діалектическій пріемъ отражается у автора и въ способахъ критическаго разсмотрѣнія воззрѣній другихъ философовъ. Онъ рѣдко имѣетъ дѣло съ опредѣленными личностями и ихъ ученіями, и весьма часто опровергаетъ теоріи и возраженія, которыя нельзя отнести ни къ какимъ опредѣленнымъ философамъ и философскимъ школамъ, и которыя какъ-бы искусственно изобрѣтены имъ въ видахъ діалектической полноты анализа. Безъ сомнѣнія, нельзя требовать, чтобы въ чисто теоретическомъ разсужденіи была исчерпана вся историко-критическая задача. Но въ вопросѣ столь великой важности, какъ вопросъ о значеніи закона причинности, можно было ожидать отъ автора хотя-бы краткаго, но систематическаго и связнаго историческаго очерка ученій о причинности съ отчетливою группировкою разнообразныхъ, исторически данныхъ точекъ зрѣнія. Останавливаясь подробнѣе на разборѣ ученій о причинности нѣкоторыхъ крупныхъ мыслителей прошлаго (особ. Юма и Канта) и за-

мѣчательныхъ писателей нынѣшняго вѣка (Мэнъ де Бирана, Дж. Ст. Милля, Риля), анализъ которыхъ даетъ ему возможность легче подойти къ его собственнымъ выводамъ, онъ совсѣмъ обходитъ или только вскользь упоминаетъ имена и ученія другихъ философовъ (напримъ., даже Аристотеля и Шопенгауэра, воззрѣнія которыхъ на законъ причинности имѣли первостепенное значеніе по своей глубинѣ и оригинальности). Вслѣдствіе такихъ пробѣловъ отчасти нарушается историко-критическая перспектива, и остается неяснымъ отношеніе автора къ оригинальнымъ теоріямъ многихъ изъ его естественныхъ противниковъ и союзниковъ. Даже при критическомъ разборѣ ученій философовъ, которымъ авторъ посвящаетъ наиболѣе вниманія, онъ недостаточно заботится о дословной передачѣ ихъ воззрѣній и равномѣрномъ подкрѣпленіи своего изложенія точными ссылками на ихъ сочиненія, вслѣдствіе чего въ своемъ стремленіи обобщить и упростить ихъ теоріи иногда впадаетъ въ увлеченія.

Далѣе, недостаткомъ сочиненія является сама по себѣ похвальная и полезная, но доведенная до крайности осторожность автора въ его приговорахъ и заключеніяхъ. Мѣстами достигнувъ извѣстныхъ выводовъ, авторъ ослабляетъ ихъ силу неожиданнымъ допущеніемъ ихъ совершенной ошибочности и попыткою какого-либо иного, часто болѣе слабаго, обоснованія коренного положенія. Желая быть справедливымъ къ своимъ противникамъ, онъ иногда опредѣляетъ ихъ ученія такими хвалебными эпитетами, которые кажутся совершенно неумѣстными въ виду доказываемой имъ полной несостоятельности этихъ ученій. Такъ, наприм., эпитетъ «глубоко продуманной» едва-ли подходитъ къ теоріи Милля объ индуктивномъ происхожденіи математическихъ истинъ, такъ какъ мы узнаемъ отъ самого автора о ея совершенной неосновательности и логической несообразности.

Что касается самаго существа умозрительныхъ построеній автора, то именно вслѣдствіе чрезмѣрныхъ уступокъ противникамъ и слишкомъ сильнаго стремленія найти примиреніе между теоріями непримиримыми, авторъ невольно впадаетъ въ нѣкоторыя противорѣчія съ самимъ собою. Такъ, наприм., отвергая по существу обычное истолкованіе причинной связи, какъ неизмѣнной для опыта послѣдовательности явленій, онъ все-таки возвращаетъ ему силу признаніемъ особой формы «механической» причинности, совпадающей съ идеею неизмѣнной связи явленій во времени, что совершенно не вяжется съ его утвержденіемъ, что въ основѣ всѣхъ явленій (не только духовныхъ, но и матеріальныхъ) лежатъ дѣятельныя силы, что активность есть законъ всякой дѣйствительности,

всякой данности. Если вѣрно, что причинность есть отношеніе дѣятеля къ дѣйствію, то, очевидно, невозможно, чтобы отдѣльныя дѣйствія относились другъ къ другу, какъ причины и дѣйствія. Вообще такъ называемая механическая причинность или законъ неизмѣнной послѣдовательности явленій можетъ быть только формою усмотрѣнія (чрезъ органы внѣшняго опыта) причинности творческой, а не самостоятельнымъ видомъ причинности. Поэтому и разграниченіе авторомъ закона причинности въ обширномъ и въ тѣсномъ значеніи представляется искусственнымъ и не вяжется съ его основными умозрительными положеніями. Такія же недоразумѣнія встрѣчаются и въ другихъ утвержденіяхъ автора, наприм., при разслѣдованіи имъ отношенія закона причинности къ закону сохраненія энергіи. Этотъ послѣдній, съ точки зрѣнія самого автора, очевидно, приложимъ лишь къ сферѣ феноменальныхъ отношеній, отношеній проявленныхъ силъ, ибо въ области непроявленныхъ силъ царитъ законъ творчества. Но въ такомъ случаѣ законъ сохраненія энергіи не можетъ ни противорѣчить ученію о причинности, какъ отношеніи силы къ ея проявленію, ни въ чемъ-либо ограничивать сферу его примѣненія, какъ выходитъ у автора, который видитъ царство закона сохраненія энергіи въ области признаваемой имъ механической причинности, какъ-бы ограничивающей сферу причинности творческой. Одно изъ двухъ: или творческая причинность есть только духовная причинность и имѣетъ мѣсто единственно въ сферѣ дѣятельности духовныхъ существъ, и тогда весь трудъ автора относится лишь къ закону духовной причинности, а не причинности вообще, или если ему удалось установить истинный смыслъ закона причинности вообще, то законъ сохраненія энергіи, относясь единственно къ сферѣ отношеній между явленіями опыта, не имѣетъ ничего общаго съ закономъ причинности въ подлинномъ смыслѣ слова, и наука опыта, познавая механизмъ явленій, изслѣдуетъ не причины ихъ, а исключительно ихъ неизмѣнныя послѣдовательности. Очевидно, что въ теоретическихъ выводахъ автора, вслѣдствіе его колебаній, остаются нѣкоторые темные пункты, и въ изложеніи достигнутаго имъ рѣшенія вопроса о природѣ причинности нѣтъ полной логической законченности.

Но, несмотря на эти недостатки, касающіеся частностей и отдѣльныхъ страницъ сочиненія, изслѣдованіе г. Лопатина открываетъ весьма важные новые горизонты для философскаго построенія и необходимо будетъ содѣйствовать правильному и безпристрастному пересмотру важнѣйшихъ проблемъ метафизики. Въ русской философской литера-

турѣ оно является одною изъ весьма немногихъ попытокъ самостоятельнаго философскаго творчества, попыткою тѣмъ болѣе почтенною, что оригинальная обработка метафизическихъ проблемъ является у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ.

О ВРЕМЕНИ[1])

I.

Вопросъ о природѣ времени имѣетъ первенствующее значеніе для будущей судьбы психологіи и метафизики.

Психологія находится въ томъ фазисѣ развитія, въ которомъ ей или предстоитъ окончательно стать частью и отдѣломъ нервной физіологіи или столь же окончательно и навсегда отстоять свою независимость—доказать, что попытки отожествленія ея съ физіологіей мозга и органовъ чувствъ въ корнѣ своемъ ошибочны и являются плодомъ полнаго смѣшенія понятій двухъ разнородныхъ порядковъ. И кто ясно видитъ послѣдствія этой грубой ошибки въ разсужденіяхъ многихъ выдающихся современныхъ ученыхъ и мыслителей, тотъ обязанъ отыскать ея существенную причину, и найдетъ ее именно въ ходячемъ ученіи о природѣ времени.

Точно также метафизика переживаетъ, какъ извѣстно, критическій моментъ въ своемъ развитіи. Стремленіе превратить ее всецѣло въ теорію познанія содержитъ въ себѣ скрытое предрѣшеніе вопроса. Если ничто, кромѣ явленій и законовъ ихъ послѣдовательностей и сосуществованій, для нашего изученія недоступно, то какая еще возможна теорія познанія, кромѣ психологическаго ученія объ ассоціаціи идей и того ученія о функціяхъ мозга, которое, составляя область физіологіи, такъ обманчиво, наивно и банально разрѣшаетъ вѣковые вопросы объ отношеніяхъ субъекта и объекта, познанія и бытія, идеи и реальности? Зачѣмъ тогда и особая метафизическая теорія познанія? Если же у этой науки есть особыя задачи, основы и методы изслѣдованія, — если есть въ доступной нашему уму дѣйствительности что-либо соотвѣтствующее этимъ особымъ «метафизическимъ» пріемамъ изслѣдованія, то

---

[1]) «Вопросы Филос. и Психол.», 1894, кн. 23, 24 и 25.

именно ученіе объ этой особой сферѣ дѣйствительности должно дать существенное положительное содержаніе метафизикѣ, какъ наукѣ не только о познаніи, но и о самомъ объектѣ этого познанія, который есть, по меньшей мѣрѣ, нашъ собственный познающій и мыслящій субъектъ въ его своеобразной природѣ, въ его особыхъ законахъ и формахъ дѣятельности. Но тогда метафизика уже превратится въ науку о сущемъ, реальномъ, дѣйствительномъ, — въ одну изъ наукъ, изучающихъ природу, жизнь, міръ въ его цѣломъ, а психологія перестанетъ быть наукою только о душевныхъ явленіяхъ и ихъ физіологическомъ механизмѣ.

Что же можетъ рѣшить судьбу психологіи и метафизики въ томъ или другомъ смыслѣ?

То міросозерцаніе, которое опредѣляетъ теперешнее ложное отношеніе къ предмету, задачамъ и пріемамъ этихъ наукъ, — отношеніе, которое превращаетъ психологію въ отдѣлъ физіологіи, а метафизику — въ теорію познанія, составляющую часть психологіи, и вмѣстѣ съ нею, въ концѣ концовъ, прикладную область физіологіи мозга,—міросозерцаніе это называется позитивизмомъ; но позитивизмъ въ своихъ основаніяхъ и крайнихъ выводахъ есть родное и законное дѣтище эмпиризма. А эмпиризмъ есть то философское міросозерцаніе, которое признаетъ, что все дѣйствительно существующее дано человѣку только какъ явленіе во времени, какъ преходящее звено послѣдовательнаго ряда,—и что, слѣдовательно, только то и реально, что дано во времени, т. е. въ опытѣ. Опытъ понимается именно какъ процессъ, какъ смѣна во времени явленій сознанія и какъ познаніе или сознаніе этой смѣны.

Ясно, что въ основѣ современнаго міросозерцанія, какъ и прежняго эмпиризма, ведущаго начало отъ древности, лежитъ опредѣленное ученіе о времени, какъ формѣ познанія всякаго бытія, существованія и какъ условіи всякой реальности. А между тѣмъ время признавалось выдающимися философами: Платономъ, Августиномъ, Лейбницемъ, Кантомъ и многими другими — субъективнымъ продуктомъ духа, формою или мѣрою самой мысли, которою она пользуется въ субъективномъ процессѣ познанія міра. Платонъ совершенно послѣдовательно считаетъ высшею и главною задачей знанія отрѣшеніе отъ условій времени, проникновеніе въ сферу внѣвременного, вѣчнаго, неизмѣннаго бытія, лежащаго въ основѣ всего перемѣнчиваго, преходящаго, рождающагося и умирающаго. Такова задача діалектики или метафизики. И знаменитый эмпирикъ Аристотель, ученикъ Платона и фактическій основатель «метафизики», какъ особой науки, признаетъ все-таки смыслъ и са-

мостоятельное значеніе великой задачи познанія вѣчнаго, неизмѣннаго, внѣвременного, для чего предполагаетъ у человѣка даже особый высшій органъ познанія—дѣятельный умъ, независимый отъ физической организаціи.

И со временъ Платона и Аристотеля до самаго Канта, а затѣмъ и послѣ него—въ ученіяхъ Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и другихъ представителей германскаго идеализма, эта задача философіи, какъ науки, отрѣшающейся отъ условій времени, отъ видимой смѣны явленій, и познающей самый корень вещей, природу ихъ неизмѣнной основы и самую причину и происхожденіе времени, считалась реальною и выполнимою.

Лишь въ послѣднія десятилѣтія французскій позитивизмъ и англійскій эмпиризмъ проникли и въ Германію и создали ту странную смѣсь понятій позитивно-физико-математическихъ, эмпирико-химико-біологическихъ и трансцендентально-теоретико-познавательныхъ, которая подъ именами новокантіанства, «научной философіи» и т. п. выдаетъ себя въ Германіи за послѣднее слово философіи и своимъ мнимымъ отвлеченно-раціоналистическимъ глубокомысліемъ отталкиваетъ отъ философіи и метафизики всякую живую душу.

Что же сдѣлалось съ нѣмцами?

Явленіе объясняется довольно просто. Быстрые и изумительные успѣхи естествознанія обратили нынѣ лучшіе германскіе умы, самыхъ геніальныхъ нѣмцевъ, къ изученію и разработкѣ естественныхъ наукъ—физики, физіологіи, медицины. Гельмгольцы, Кирхгофы, Дюбуа-Реймоны, Вирховы сдѣлали рядъ чудесныхъ открытій. Умы средніе обратились къ эксплоатированію ихъ открытій въ видахъ усовершенствованія и исправленія старыхъ философскихъ системъ. Сложное и гармоническое философское зданіе, возведенное Кантомъ въ его «Критикѣ чистаго разума», стало главнымъ исходнымъ пунктомъ этихъ философскихъ манипуляцій. И незаконнымъ дѣтищемъ крайне произвольнаго и во многихъ частяхъ своихъ даже фантастическаго кантовскаго ученія о чистомъ разумѣ и современной нѣмецкой физики явилось нынѣ модное въ Германіи «новокантіанство».

Кантъ сдѣлалъ величественное и мощное усиліе съ цѣлью примиренія задачъ эмпирической науки и метафизики; но не имѣя для своихъ построеній твердой почвы въ современной ему психологіи, онъ создалъ массу лишнихъ словъ, ложныхъ понятій, искусственныхъ терминовъ и классификацій, частью представляющихъ собою перегонку прежнихъ аристотелевско-схоластическихъ понятій и терминовъ, взятыхъ имъ изъ

системъ его предшественниковъ школы Хр. Вольфа, частью вновь имъ придуманныхъ,—и въ результатѣ получилось величественное и сложное, но и тяжеловѣсное и чисто-искусственное зданіе понятій,—историческій памятникъ германской философской готики, къ которому нѣмцы относятся съ понятнымъ и вполнѣ естественнымъ благоговѣніемъ, охраняя въ немъ каждый камень и благочестиво возстановляя обваливающіеся устои его, но которое для современной философской мысли стало совершенно необитаемо.

Главный грѣхъ Канта заключался въ его ученіи о времени. И всѣ важнѣйшія недоразумѣнія современной философской мысли зиждутся на непониманіи коренного и ничѣмъ не устранимаго противорѣчія въ ученіи Канта о времени.

Это ученіе Канта о времени мы ниже подробно разберемъ, а теперь скажемъ одно: или время есть формальное, субъективное (какъ думалъ Кантъ) условіе всякихъ явленій чувственнаго опыта и, какъ таковое, есть представленіе и созданіе самой души, ея мѣра, прилагаемая къ распорядку явленій внѣшней дѣйствительности, неприложимая къ изученію законовъ и условій существованія самой мысли, занимающейся распорядкомъ этихъ явленій, — или время есть законъ духовнаго существованія и бытія (что также признавалъ Кантъ) и, какъ таковой, не можетъ быть формою и закономъ распорядка того, что служитъ объектомъ духовной дѣятельности, т. е. содержанія внѣшняго опыта. Но такъ какъ послѣднее, т. е. то, что время является формою и закономъ психическаго распорядка явленій, есть не гипотеза, а фактъ, то остается предположить, что время, какъ субъективная форма воспріятія явленій опыта, такъ-же какъ и пространство, не есть законъ самого духовнаго бытія и, какъ форма воспріятія явленій внѣшняго опыта, не приложимо къ изученію законовъ дѣятельности самой упорядочивающей все «во времени» мысли, — той творческой силы, которая сама создала время, какъ мѣру изученія явленій.

Изъ этой дилеммы выхода нѣтъ, а послѣдствія рѣшенія ея во второмъ смыслѣ для психологіи и метафизики будутъ громадны. Принятіе этой второй точки зрѣнія, какъ мы покажемъ далѣе, должно произвести совершенный переворотъ въ основаніяхъ метафизики, психологіи, логики, этики, эстетики, соціологіи и другихъ наукъ, изучающихъ законы духовнаго существованія человѣка.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному критическому разсмотрѣнію ученія Канта о времени.

II.

Нашъ анализъ будетъ имѣть сначала формальный характеръ. Мы изложимъ ученіе Канта о пространствѣ и времени и покажемъ внутреннюю противорѣчивость и несостоятельность его опредѣленій времени, а затѣмъ перейдемъ къ разслѣдованію Кантовскаго ученія и самаго вопроса о природѣ времени по существу.

Кантъ опредѣляетъ пространство, какъ субъективную форму воспріятій «внѣшнихъ» чувствъ, время—непосредственно какъ форму «внутренняго» чувства (des inneren Sinnes), т.-е. созерцанія нашего я и нашего внутренняго состоянія (des Anschauens unserer selbst und unseres inneren Zustandes), и далѣе время оказывается посредственно (mittelbar) также субъективною формою и условіемъ внѣшнихъ явленій, ибо внѣшнія явленія воспринимаются нами чрезъ посредство нашихъ представленій, т.-е. внутреннихъ состояній, переживаемыхъ нами въ условіяхъ времени (см. Kritik der reinen Vernunft, Transcendentale Elementarlehre. I Theil).

Изъ этого коренного воззрѣнія Канта на пространство и время вытекаетъ, что отношенія времени и пространства, какъ субъективныхъ формъ воспріятія, у него троякія: съ одной стороны, эти формы воспріятія противоположны и какъ-бы исключаютъ другъ друга, какъ условія внѣшняго и внутренняго чувства и опыта; съ другой стороны, онѣ дополняютъ другъ друга и соотвѣтственны одна другой, какъ двѣ необходимыя апріорныя формы воспріятія внѣшнихъ явленій; и въ-третьихъ, онѣ не соотвѣтственны и, такъ сказать, не пропорціональны другъ другу, такъ какъ время есть форма воспріятія всѣхъ вообще явленій и, въ частности, явленій духовныхъ, а пространство оказывается только частною формой воспріятія одной группы внѣшнихъ явленій.

Такое разнообразное отношеніе между двумя предметами мысли, частью противоположными, частью подобными, частью совершенно различными по объему и значенію, съ логической точки зрѣнія, является уже a priori подозрительнымъ. По крайней мѣрѣ, между понятіями такія отношенія невозможны.

Если допустить, что пространство и время—понятія, то они относятся у Канта, во-первыхъ, къ категоріи сравнимыхъ, ибо имѣютъ между собою нѣчто общее, могущее служить основаніемъ для сравненія (tertium comparationis). Это «нѣчто общее» есть то, что они оба вы-

ражаютъ собою, по Канту, субъективныя условія или формы воспріятія дѣйствительности.

Но затѣмъ во-вторыхъ, вникая глубже въ логическія отношенія этихъ понятій, мы должны признать ихъ, по терминологіи логики, въ одно и то же время согласными и несогласными. Какъ выраженія двухъ параллельныхъ формъ воспріятія внѣшнихъ явленій, эти понятія согласны, ибо, какъ таковыя, имѣютъ признаки общіе, а прочіе признаки ихъ въ этой роли ихъ не противорѣчатъ другъ другу. Но за то, какъ выраженія двухъ противоположныхъ субъективныхъ условій воспріятія — внѣшнихъ и внутреннихъ явленій, эти понятія очевидно противоположны, т.-е. не согласны (notiones oppositae). Одновременно съ этимъ легко доказать, что понятія пространства и времени находятся у Канта въ отношеніи соподчиненія и подчиненія: 1) соподчиненія, ибо они входятъ какъ два равноправныхъ ингредіента въ общее понятіе «субъективныхъ формъ опыта»—внѣшняго и внутренняго, — 2) подчиненія, ибо время есть всеобщая форма воспріятія всякихъ явленій, а пространство только частная форма воспріятія одной группы этихъ явленій, — явленій внѣшняго опыта, — причемъ, съ этой же точки зрѣнія, они уже не противоположны, а противорѣчивы, ибо пространство есть по отношенію ко времени, въ примѣненіи къ внутреннему опыту, отрицательное понятіе, ибо не выражаетъ собою ни въ какомъ смыслѣ (непосредственномъ или посредственномъ) условій внутренняго опыта, тогда какъ нельзя сказать (какъ это необходимо при противоположности понятій), что и время есть въ извѣстномъ смыслѣ отрицательное понятіе по отношенію къ пространству, ибо оно является субъективною формою не только внутренняго, но и внѣшняго опыта.

Одни и тѣ же понятія, въ своихъ логическихъ отношеніяхъ, конечно, не могутъ быть одновременно и подчиненными, и соподчиненными, и согласными, и несогласными, и въ случаѣ несогласія, одновременно—противоположными и противорѣчивыми. Поэтому, если время и пространство—понятія, то ученіе Канта прямо въ формально-логическомъ смыслѣ не выдерживаетъ никакой критики.

Но этого упрека Кантъ искусно избѣгъ упорнымъ утвержденіемъ, что пространство и время—съ его точки зрѣнія—не понятія (Begriffe) а воззрѣнія или созерцательныя (чувственныя) представленія (Anschauungen). Въ этомъ утвержденіи и лежитъ, однако, главный корень ошибокъ Канта въ его ученіи о пространствѣ и времени. Почему это—не понятія, а «Anschauungen?» Да и что такое значитъ Anschauung?

«Schauen» значитъ смотрѣть, глядѣть, зрѣть. Anschauung значитъ «воззрѣніе». Но какой смыслъ можетъ имѣть этотъ терминъ съ строго научной, психологической точки зрѣнія? Пространство мы еще можемъ зрѣть, но время—никакъ, развѣ въ смыслѣ фигуральномъ, переносномъ, метафорическомъ, въ какомъ нѣкоторые средневѣковые философы и новые мистики говорили «о внутреннемъ зрѣніи». Такой фигуральный терминъ едва-ли годится въ строго-философскомъ изслѣдованіи. На языкѣ психологіи, Кантъ хотѣлъ сказать, что пространство и время, какъ условія опыта, суть прежде всего не отвлеченныя понятія, а непосредственныя и конкретныя формы ощущенія, воспріятія, представленія, т.-е. что мы находимъ въ нихъ извѣстные конкретные образы. Но это нисколько не мѣшаетъ нашей мысли обработать эти образы и представленія въ понятія нашего ума, и это сдѣлалъ самъ Кантъ, давъ рядъ ясныхъ и точныхъ, съ его точки зрѣнія, опредѣленій этихъ понятій. Всякое опредѣленіе есть сужденіе, сужденіе о необходимомъ содержаніи и признакахъ понятія, о существенныхъ признакахъ предмета, родовыхъ, видовыхъ и единичныхъ. Можно смѣло сказать, что если мы въ своей головѣ, при воспріятіи явленій опыта, можемъ имѣть дѣло съ пространствомъ и временемъ, какъ конкретными образами, то Кантъ, въ своихъ опредѣленіяхъ существенныхъ и небходимыхъ признаковъ пространства и времени въ «Критикѣ чистаго разума», могъ имѣть дѣло исключительно только съ понятіями пространства и времени, и если въ этихъ опредѣленіяхъ допустилъ такую группировку признаковъ этихъ понятій, которая противорѣчитъ требованіямъ и правиламъ логики, то, очевидно, гдѣ-то и въ чемъ-то, въ ходѣ разсужденій своихъ, сдѣлалъ ошибку или рядъ ошибокъ [1]).

Доводы, которые Кантъ приводитъ въ пользу того, что пространство и время не понятія, а «reine Anschauungen», не выдерживаютъ критики. По его мнѣнію, это невозможно потому, что пространство одно (man kann sich nur einen einigen Raum vorstellen), и «когда говорятъ о многихъ пространствахъ, то разумѣютъ при этомъ только части одного и

[1]) На значеніе пространства и времени, какъ понятій, съ точки зрѣнія кантовскихъ опредѣленій, не разъ указывалось въ литературѣ, хотя—насколько намъ извѣстно—не въ той формѣ, въ какой мы это сдѣлали. Въ нашей литературѣ проф. А. А. Козловъ, изслѣдуя происхожденіе пространства и времени, ясно показываетъ, съ совершенно другой (психологической) точки зрѣнія, что пространство и время, въ томъ значеніи, которое даетъ имъ Кантъ,—понятія, и притомъ очень сложныя и поздніе (см. «Свое Слово», философско-литературный сборникъ, №№ 3 и 4. Кіевъ. 1890 и Спб. 1892), хотя вмѣстѣ съ Кантомъ онъ отрицаетъ ихъ «эмпирическое» происхожденіе.

того же пространства», которыя мыслятся въ немъ самомъ. Тотъ же аргументъ онъ повторяетъ и относительно времени, присоединяя еще указаніе на то, что пространство и время мыслятся «какъ безконечныя величины» (unendliche Grössen). Но если такъ, то нельзя говорить и о понятіяхъ Бога, вселенной и другихъ единичныхъ предметовъ, а особенно еще и безконечныхъ, каковыми мыслятся въ различныхъ значеніяхъ (какъ и время и пространство) Богъ и вселенная. Нельзя говорить и о понятіяхъ «науки, искусства, философіи и религіи», ибо, хотя существуетъ много наукъ, но «наука», какъ показалъ еще Платонъ, одна. Одно въ своемъ цѣломъ и искусство, одна—философія. Однако обо всякомъ единичномъ предметѣ, явленіи, событіи, можетъ быть понятіе (частно-единичное): объ Александрѣ Македонскомъ, о башнѣ Эйфеля, и о любомъ домѣ, о пожарѣ Рингъ-театра въ Вѣнѣ, о Мараѳонской битвѣ и о французской революціи, о логикѣ и философіи.

Какъ только мы начинаемъ опредѣлять существенные или необходимые признаки данныхъ предметовъ мысли, въ отличіе отъ несущественныхъ или случайныхъ, мы уже имѣемъ дѣло съ понятіемъ о предметѣ, а не съ представленіемъ о немъ. Такимъ опредѣленіемъ существенныхъ признаковъ мы и создаемъ понятіе о вещи, явленіи, событіи, и далѣе—о видѣ или родѣ вещей и явленій. И Кантъ, конечно, опредѣляетъ въ «Трансцендентальной эстетикѣ» «понятія» о пространствѣ и времени, а не «представленія» о нихъ, и даже то, что онъ ихъ опредѣляетъ какъ представленія или чистыя субъективныя воззрѣнія (reine Anschauungen), есть уже опредѣленіе ихъ, какъ понятій. Это, по Канту, одинъ изъ необходимыхъ (если только это вѣрно) признаковъ ихъ природы, какъ непосредственныхъ субъективныхъ условій и формъ опыта и явленій. Поэтому всѣ правила, обязательныя при опредѣленіи понятій и ихъ отношеній, были обязательны для Канта при опредѣленіи пространства и времени, а между тѣмъ, какъ мы это видѣли, они не были имъ соблюдены.

Чтобы сдѣлать это послѣднее положеніе еще болѣе очевиднымъ, мы разберемъ теперь всѣ опредѣленія Канта въ подробностяхъ, расчленивъ ихъ по группамъ.

Прежде всего приведемъ въ системѣ общія и одинаковыя опредѣленія пространства и времени, какъ положительныя, такъ и отрицательныя:

1. Пространство и время не суть эмпирическія понятія, отвлеченныя отъ опыта и отъ ощущеній, такъ какъ ими уже подразумѣваются (мы пока не будемъ разбирать его утвержденій по существу).

2. Пространство и время суть необходимыя представленія (nothwendige Vorstellungen) a priori, которыя лежатъ въ основаніи опыта.

3. Пространство и время не суть вообще дискурсивныя общія понятія объ отношеніяхъ вещей, но чистыя воззрѣнія.

4. Пространство и время представляются нами, какъ безконечныя величины.

5. Изслѣдованіе пространства и времени есть трансцендентальное изслѣдованіе ихъ, какъ основныхъ условій возможности «синтетическихъ сужденій a priori».

6. Пространство и время не суть свойства вещей «въ самихъ себѣ» (irgend einer Dinge an sich).

7. Пространство и время суть формы чувствъ, или субъективныя условія человѣческаго ощущенія.

8. Поэтому пространство и время внѣ представленій человѣка — ничто (gar nichts).

9. Это—субъективныя условія человѣческаго воззрѣнія, которое всегда чувственно (subjective Bedingungen unserer menschlichen Anschauung, welche jederzeit sinnlich ist, d. i. sofern wir von Gegenständen afficirt werden [1]).

10. Тѣмъ не менѣе, пространство и время объективны, какъ условія опыта. Не имѣя абсолютной реальности (въ смыслѣ свойствъ самихъ вещей), они обладаютъ однако эмпирическою реальностью, какъ условія возможности опыта, и вмѣстѣ съ тѣмъ трансцендентально-идеальны потому, что они суть только идеальныя условія опыта, а не выраженія свойствъ самихъ вещей.

Таковы общія и даже тожественныя опредѣленія пространства и времени у Канта. Мы привели ихъ только для того, чтобы показать, что Кантъ опредѣлялъ именно необходимые родовые и видовые признаки «понятій» пространства и времени, а не «представленія» о нихъ, такъ какъ представленія вообще нельзя вовсе «опредѣлять»—понятіями, а можно только «описывать»—образами. И во-вторыхъ, мы дали предыдущую классификацію для того, чтобы показать, насколько понятія пространства и времени для Канта совпадаютъ въ основныхъ своихъ признакахъ. Въ главныхъ «существенныхъ» признакахъ они суть понятія о предметахъ одного рода и вида. Какіе же еще остаются «существенные» признаки, отличающіе эти два понятія?

---

[1]) Это—опредѣленіе времени (Elementarlehre I, § 6, c.), которое тѣмъ болѣе примѣнимо къ пространству.

Отличающіе признаки мы собственно уже привели:

1. Пространство—необходимая субъективная и апріорная форма внѣшняго опыта, воспріятія внѣшнихъ явленій.

2. Время есть непосредственно-необходимая субъективная и апріорная форма внутренняго опыта, воспріятія явленій душевныхъ,—самихъ представленій о вещахъ, и—посредственно—необходимая же субъективная и апріорная форма внѣшняго опыта, воспріятія явленій внѣшнихъ (физическихъ).

Кромѣ того, пространство имѣетъ три измѣренія, время—только одно, но за то время служитъ формою воспріятія всякаго измѣненія и между прочимъ движенія въ пространствѣ, ибо только благодаря времени можно давать одной и той же вещи противорѣчивыя опредѣленія (kontradiktorisch-entgegengesetzte Bestimmungen).

То отличіе, что время имѣетъ одно измѣреніе, а пространство три, мы оставимъ пока въ сторонѣ. Это очень сложный и спорный пунктъ. Если время есть форма воспріятія всякихъ измѣненій—въ интенсивности, экстенсивности и другихъ качествахъ явленій, то, можетъ быть, у него окажется и болѣе измѣреній, чѣмъ предполагаетъ Кантъ. Но, съ другой стороны, и три измѣренія пространства суть измѣренія движенія во времени,—движенія точки, линіи, плоскости, т.-е. измѣренія трехъ моментовъ движенія—и, можетъ быть, времени. Оставимъ этотъ вопросъ теперь въ сторонѣ, такъ какъ даже полная противоположность пространства и времени, съ точки зрѣнія измѣреній, не можетъ насъ смутить. Само пространство и время суть различныя измѣренія дѣйствительности.

Гораздо важнѣе вопросъ о первомъ, отмѣченномъ нами, различіи пространства и времени, какъ непосредственныхъ формъ: первое внѣшняго, второе—внутренняго опыта, которое призналъ Кантъ. Какія основанія онъ привелъ для этого различія? Чѣмъ онъ доказалъ, что время есть субъективная форма внутренняго, а не внѣшняго чувства и опыта, субъективною формою котораго онъ все-таки принужденъ былъ, далѣе, признать время въ посредственномъ смыслѣ и значеніи (mittelbar).

Кантъ въ «Критикѣ чистаго разума» говоритъ буквально слѣдующее: «Время есть не что иное, какъ форма внутренняго чувства, т.-е. воспріятія самого себя и своего состоянія. Ибо время не можетъ быть опредѣленіемъ внѣшнихъ явленій; оно не относится къ ихъ виду или положенію и т. под., но за то опредѣляетъ отношеніе представленій въ нашемъ внутреннемъ состояніи. И именно потому, что наше внутреннее

воспріятіе не даетъ никакихъ зрительныхъ представленій, мы и ищемъ возмѣстить этотъ недостатокъ аналогіями, и представляемъ себѣ послѣдовательность времени, какъ протянутую въ безконечность линію, въ которой разнообразіе размѣщено въ одномъ рядѣ, имѣющемъ лишь одно измѣреніе, и заключаемъ отъ свойствъ этой линіи къ свойствамъ времени,—кромѣ того лишь отношенія, что части первой даны одновременно, а части времени всегда лишь послѣдовательно. Отсюда слѣдуетъ, что представленіе о времени всегда само есть чувственное воззрѣніе, такъ какъ всѣ его отношенія могутъ быть выражены при помощи внѣшняго воззрѣнія» [1]).

Это классическое мѣсто, рѣшающее всю дальнѣйшую судьбу Кантовскаго ученія о времени, содержитъ въ себѣ въ пользу его положенія, что время—форма внутренняго опыта, только одинъ аргументъ, но довольно странный: время «не составляетъ опредѣленія внѣшнихъ явленій, ибо не касается вида и положенія и т. под. свойствъ вещей въ пространствѣ»; однако, тутъ же удостовѣряется, что представленіе о времени чувственно, такъ какъ всѣ его отношенія выразимы при помощи «внѣшняго» воззрѣнія.

Противорѣчіе явное: время можно выразить лишь въ формѣ линіи движенія въ пространствѣ, и представленіе о немъ совершенно чувственно, что Кантъ утверждаетъ и въ приведенныхъ нами общихъ опредѣленіяхъ отношеній времени и пространства. Но, съ другой стороны, время не выражаетъ внѣшняго вида вещей, и потому составляетъ форму внутренняго, а не внѣшняго опыта. Что это значитъ? «Время не есть пространство. Продолжительность не есть протяженность»,—вотъ единственный смыслъ всего аргумента Канта въ пользу того, что время—форма внутренняго опыта.

Но это мы и безъ того знали: звукъ—не свѣтъ, свѣтъ не—звукъ. Пространство—не время, время—не пространство. Протяженіе не одно и то же, что продолжительность. Продолжительность явленій не есть протяженность вещей. Все это само собою разумѣется. Но все-таки время, какъ родъ явленій, по Канту, можно конкретно представить себѣ, по аналогіи, какъ линію, т. е. какъ движеніе или смѣну точекъ въ пространствѣ.

Очевидно, въ указанномъ опредѣленіи «времени» заключается крупное недоразумѣніе; никто никогда не требовалъ, чтобы «время было пространствомъ», опредѣлялось непремѣнно тремя измѣреніями и вклю-

[1]) Крит. чист. разума, Elementarl. I, § 6, b.

чало въ себя представленіе о внѣшнемъ видѣ, положеніи и другихъ подобныхъ аттрибутахъ зримыхъ вещей, ибо время не зримо, хотя, какъ справедливо сказалъ Кантъ, время есть одна изъ формъ чувственнаго воспріятія, конкретнаго представленія.

Кантъ, съ одной стороны, явно смѣшиваетъ и сливаетъ въ одно — понятія внѣшняго и пространственнаго (протяженнаго), съ другой—различаетъ чувственное отъ пространственно-протяженнаго. И такимъ образомъ, воспріятіе времени оказывается одновременно «чувственнымъ» и однако же «не внѣшнимъ», а чисто внутреннимъ. Мы согласны, что воспріятіе времени чувственно, ибо многіе предметы чувственнаго воспріятія воспринимаются во времени, а не какъ протяженныя величины, напримѣръ, звуки, запахи, вкусы (только зрительныя воспріятія, осязательныя и температурныя безусловно связаны съ воспріятіемъ протяженныхъ поверхностей и тѣлесныхъ формъ), — что не мѣшаетъ намъ, на основаніи опыта, пріурочивать ихъ къ протяженнымъ предметамъ. Но именно потому понятія «протяженнаго» и «внѣшняго» не вполнѣ покрываютъ другъ друга. Понятіе «внѣшняго» шире понятія «пространственно-протяженнаго», ибо понятіе внѣ, въ примѣненіи къ нашему я, къ сознанію,—чисто-отрицательное: оно обнимаетъ всю ту дѣйствительность, которая лежитъ за предѣлами нашего субъекта. Поэтому чувства, мысли, желанія и другія душевныя состоянія иныхъ живыхъ существъ суть тоже внѣшнія по отношенію къ намъ, когда мы ихъ встрѣчаемъ, хотя они совершенно не протяженны и не пространственны, какъ и наши собственныя душевныя состоянія. Конечно, и чужія душевныя состоянія намъ внутренни, какъ факты нашего воспріятія, но въ этомъ смыслѣ внутренни всѣ воспріятія и представленія протяженныхъ тѣлъ, и даже самого пространства. На этомъ тонкомъ различеніи Кантъ и сбился. Внѣшнимъ можетъ быть для насъ, въ психологическомъ смыслѣ, не только все чувственное, что не протяженно, но и не чувственное, какъ напримѣръ, чужія души и чужія абстрактныя идеи. Отсюда ясно, что отожествленіе пространственнаго и внѣшняго, въ ученіи Канта, было логическою ошибкой, petitio principii, заставившей его съ предвзятой точки зрѣнія приступить къ анализу времени, какъ субъективной формы опыта и явленій.

Итакъ, если принять во вниманіе все предыдущее разсужденіе, то окажется, что Кантъ сдѣлалъ, въ формальномъ отношеніи, двѣ главныя и крупныя ошибки. Онъ 1) думалъ, что можетъ освободиться отъ законовъ логики, назвавъ пространство и время «воззрѣніями», хотя опредѣлялъ ихъ какъ «понятія», и 2) призналъ время субъективною формою

внутренняго, а не внѣшняго опыта, и воспріятія внутреннихъ, а не внѣшнихъ явленій только потому, что время не протяженно въ смыслѣ пространственномъ и не обладаетъ тремя измѣреніями пространства. Эти двѣ логическія ошибки для будущаго философіи нашего вѣка были фатальны. Но здѣсь не мѣсто разсматривать всѣ послѣдствія ошибокъ Канта. Скажемъ только, что своимъ ученіемъ о времени онъ далъ опору той эмпирической и ассоціативной психологіи, которая ошибочно думаетъ, что въ душевной жизни изученію доступны только явленія,—ряды событій во времени, что внѣвременная сущность душевной жизни непознаваема, какъ непознаваема и сущность явленій «внѣшняго» опыта, что вся задача психологіи—въ опредѣленіи послѣдовательностей, сосуществованій, соединеній, раздѣленій и осложненій «явленій» сознанія. А этимъ онъ подорвалъ и свое собственное ученіе о вѣчныхъ и необходимыхъ формахъ чувственнаго познанія, мышленія, разсудочной дѣятельности, и ученіе свое о необходимыхъ и неизмѣнныхъ формахъ нравственной и эстетической оцѣнки,—вообще, всѣ истинныя основы психологіи, логики, этики и эстетики, какъ наукъ о сверхвременныхъ формахъ и законахъ нашего духовнаго бытія, чрезъ изученіе которыхъ мы познаемъ сверхвременную же сущность и законы бытія неизмѣнной основы всѣхъ перемѣнъ, движеній и событій въ мірѣ—сущность Бога, міровой субстанціи—и притомъ, какъ мы убѣдимся ниже, сущность личнаго Бога, а не безличной, неопредѣленной и непознаваемой первоосновы вещей (Ur- и Ungrund'а германскихъ мистиковъ). Вѣдь всѣ формы и безусловныя основы нашего познанія, чувства и поведенія суть свойства нашей личности, личнаго духовнаго бытія. Духовное бытіе можетъ быть только личнымъ, ибо все въ немъ относится къ «я», субъекту, личности. Слѣдовательно, если есть духовное бытіе, внѣ механической смѣны и комбинаціи во времени «явленій сознанія»,—а такое бытіе несомнѣнно есть, ибо наше «я» въ его цѣломъ подчинено непреложнымъ и неизмѣннымъ законамъ мышленія и познаванія, чувствованія и эстетической оцѣнки, хотѣнія и нравственной дѣятельности,—то въ изученіи этого бытія мы находимъ не только путь къ уразумѣнію нашего духа, какъ личности и сверхвременной основы нашихъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній или явленій, но и ключъ къ уразумѣнію природы той абсолютной, всеобщей личности, того личнаго разумнаго творческаго начала, эманаціей котораго является и въ насъ все, что составляетъ нашу духовную личность, чрезъ которую проходитъ во времени потокъ «явленій» сознанія.

Говоря такъ, мы конечно отличаемъ личность отъ индивидуальности, духовный субъектъ нашъ отъ животнаго существа, между тѣмъ какъ обыкновенно эти два понятія смѣшиваются. Современемъ мы выяснимъ подробнѣе основанія этого различія, а теперь возвратимся къ ученію Канта.

Вся «трансцендентальная діалектика» Канта, составляющая третью часть его «Критики чистаго разума» и отвергающая познаваемость Безусловнаго — безусловной природы духа, свободы, Бога — представляется намъ печальнымъ недоразумѣніемъ и несчастнымъ результатомъ ошибочнаго ученія Канта о времени. Онъ забылъ о безусловности своихъ собственныхъ субъективныхъ и апріорныхъ формъ чувственнаго опыта, о безусловности своихъ категорій разсудка и логическаго мышленія, и познавъ, хотя и не вполнѣ ясно и отчетливо, но въ общемъ вѣрно, эти безусловныя или абсолютныя основы «духовнаго бытія», отвергъ затѣмъ объективное теоретическое значеніе идей, въ которыхъ суммируются или слагаются въ общій итогъ эти и другія, позднѣе открытыя имъ безусловныя формы и законы духовнаго существованія (категорическій императивъ долга, законъ безкорыстной оцѣнки прекраснаго и т. под.), т. е. значеніе идей духа, свободы, Бога.

Это было страннымъ и вопіющимъ противорѣчіемъ — признать всѣ слагаемыя и множители и отвергнуть вытекающія изъ нихъ суммы и произведенія, — точнѣе говоря, признать и положить безусловное въ основу всего анализа душевной жизни и дѣятельности человѣка, какъ единственное объясненіе реальнаго въ познаніи, жизни, дѣятельности,—и затѣмъ отвергнуть безусловность и реальность того, что фактически является для нашего ума только цѣлостнымъ единствомъ всѣхъ этихъ безусловностей, основою всѣхъ реальностей, т. е. безусловность и реальность самого чистаго разума, критикою котораго Кантъ занимался во всѣхъ своихъ «критикахъ».

Ошибка Канта до того очевидна, до того поразительна и изумительна, что не вѣрится въ ея возможность. A priori мы скорѣе готовы повѣрить въ то, что сами допустили какую-нибудь ошибку въ ея раскрытіи и разобличеніи. И однако, ошибка Канта есть несомнѣнный историческій фактъ, могущій только служить полезнымъ урокомъ логики для человѣчества. Все объясненіе ошибки Канта—въ его ученіи о времени. Ставъ твердо на почву своего основного положенія, что время—форма внутренняго опыта, что все душевное, какъ и физическое, познается въ условіяхъ времени и подлежитъ имъ, Кантъ уже не могъ открыто признать теоретическую познаваемость «безусловнаго», хотя

само время, будучи условіемъ опыта, есть одно изъ тѣхъ «безусловныхъ», которыя его «обусловливаютъ». И затѣмъ, Кантъ не спросилъ себя: какъ мы познаемъ самое время: въ условіяхъ времени, или нѣтъ? Само представленіе времени временно, или нѣтъ? Вѣдь поставилъ же онъ себѣ вопросъ: «пространственно ли представленіе о пространствѣ»? и отвѣтилъ: нѣтъ. Еще маленькій шагъ, еще одинъ маленькій вопросъ, котораго Кантъ себѣ не задалъ, — и всю «Критику чистаго разума» пришлось бы передѣлать и свѣтъ не увидѣлъ бы «Трансцендентальной діалектики» Канта, которая есть строго логическое развитіе невѣрныхъ посылокъ Канта о природѣ времени и объ его значеніи въ познавательной дѣятельности человѣка. Все кантовское ученіе о призрачности трансцендентныхъ сужденій и идей въ «Трансцендентальной діалектикѣ» есть послѣдовательное, логическое примѣненіе его ученія о времени, какъ «чувственной формѣ не чувственнаго внутренняго опыта». Роковая ошибка привела къ роковымъ послѣдствіямъ.

И сколько вреда, сколько заблужденій, ненужныхъ словопреній и лишнихъ книгъ породила эта ошибка Канта! Конечно, возможна и другая точка зрѣнія — историческая. Съ точки зрѣнія философіи исторіи, ошибка Канта, можетъ быть, была очень полезна. Временная плотина, которою Кантъ задержалъ неудержимый разливъ безпочвенныхъ метафизическихъ умозрѣній и иногда чисто-словесныхъ построеній, тѣсно примыкавшихъ къ средневѣковому Аристотелю (въ школѣ Вольфа), была необходима для успѣха и развитія точныхъ наукъ опыта, результаты которыхъ позволяютъ намъ теперь сознательнѣе и глубже утвердить основанія истиннаго идеализма. Но все-таки Кантъ сталъ родоначальникомъ новой схоластики XIX вѣка, и человѣка, логически мыслящаго, не можетъ не поразить странная судьба человѣческихъ мыслей и знаній. Всю жизнь занимаясь «Критикой безусловныхъ формъ чистаго разума», Кантъ отвергъ теоретическую познаваемость и безусловную реальность этого самаго разума.

Но примѣръ ошибокъ Канта не удержитъ отъ философствованія тѣхъ, кто убѣжденъ, что рядомъ съ индивидуальнымъ заблужденіемъ человѣку доступна всеобщая истина, что всякая ошибка индивидуальнаго ума можетъ быть исправлена и что въ томъ именно и состоитъ коллективная работа «безусловнаго» въ своихъ основахъ человѣческаго разума, чтобы постепенно, маленькими шагами, итти впередъ къ абсолютной истинѣ, къ высшему, доступному для человѣка, познанію вещей. Самъ Кантъ сдѣлалъ въ общемъ и цѣломъ много такихъ, очень

важныхъ, маленькихъ и даже большихъ шаговъ въ приближеніи къ истинѣ. И еще одинъ, очень маленькій, но важный шагъ къ истинѣ постараемся сдѣлать и мы въ послѣдующемъ анализѣ идеи времени.

III.

Въ ученіи Канта о пространствѣ и времени есть одинъ чрезвычайно интересный пунктъ, выясненіемъ котораго мы и начнемъ анализъ вопроса по существу.

Какъ истинный идеалистъ и глубокій мыслитель, Кантъ раздѣлялъ, конечно, воззрѣніе, вошедшее въ плоть и кровь философіи со временъ Декарта, хотя оно и ранѣе лежало въ основаніи всякаго идеализма, а именно, что всѣ ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ субъективны и составляютъ психически свойственный намъ способъ воспріятія явленій внѣшняго міра. Въ мірѣ, какъ признаютъ и точныя физическія науки, нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ, вкусовъ и т. д., а есть только (и то это лишь предположеніе науки) различныя движенія эѳира, воздуха, вообще тѣлесной среды, насъ окружающей, которая при разложеніи ея на составныя части приводится гипотетически къ непротяженнымъ, ибо недѣлимымъ, атомамъ или отвлеченнымъ центрамъ силъ. Ощущенія этихъ движеній среды, эѳира и воздуха—въ формѣ различныхъ цвѣтовъ, звуковъ, тоновъ, ароматовъ и т. д. совершенно субъективны, т. е. суть способы отраженія этихъ движеній въ субъектѣ, въ сознаніи[1]). Эта истина лежитъ въ основаніи философіи Декарта и его преемниковъ—идеалистовъ XVII и XVIII вв., причемъ ее принимаютъ съ извѣстными оговорками и философы другихъ школъ, напримѣръ, матеріалистъ Гоббесъ и эмпирикъ Локкъ. Беркли строитъ на аксіомѣ субъективности ощущеній свою глубокую идеалистическую систему, свое сомнѣніе въ существованіи матеріи. Понятно, что и Кантъ признаетъ эту истину неоспоримой.

Но отчего же, зная о субъективности всѣхъ ощущеній, Кантъ не считаетъ цвѣта, звука, аромата и пр. апріорными субъективными формами нашего воспріятія явленій внѣшняго опыта, пространство же признаетъ таковымъ? Это зависѣло, конечно, отъ того, что Кантъ признавалъ апріорнымъ въ нашемъ знаніи только то, что лежитъ въ основѣ

[1]) См. подробнѣе нашу статью «Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности». Москва, 1889 г., глава 5.

нашихъ, независимыхъ отъ опыта, т. е. апріорныхъ, синтетическихъ сужденій, а таковыми онъ признавалъ сужденія математическія, которыя невозможны безъ представленія о пространствѣ. На этомъ основаніи онъ и говоритъ (Transcend. Aesth. § 3, Schlüsse), что «кромѣ пространства, нѣтъ никакого другого субъективнаго и къ внѣшнему міру относящагося представленія, которое можно было бы признать a priori объективнымъ. Ибо ни изъ одного изъ нихъ (онъ здѣсь разумѣетъ другія субъективныя представленія внѣшнихъ чувствъ) нельзя вывести синтетическихъ сужденій a priori, какъ это возможно изъ воззрѣнія пространства». «И потому имъ (т. е. прочимъ субъективнымъ представленіямъ) собственно несвойственна никакая идеальность (keine Idealität), хотя они имѣютъ то общее съ представленіемъ о пространствѣ, что относятся въ ощущеніяхъ цвѣтовъ, тоновъ, тепловыхъ и пр., только къ субъективнымъ свойствамъ того или другого рода воспріятія (der Sinnesart), какъ, напримѣръ, зрѣнія, слуха, общаго чувства; но такъ какъ они суть ощущенія, а не воззрѣнія (Anschauungen), то они сами по себѣ не даютъ возможности познать какой-либо объектъ, въ особенности же a priori».

Вотъ это-то положеніе Канта, съ одной стороны, ясно утверждающее субъективность всѣхъ нашихъ внѣшнихъ воспріятій, съ другой—устанавливающее различіе между ощущеніемъ и воззрѣніемъ (Anschauung), а вмѣстѣ съ тѣмъ и между «апріорною формою» и «апостеріорнымъ содержаніемъ» нашего опыта, мы и намѣрены теперь ближе разсмотрѣть, оцѣнивъ его по существу.

Какъ извѣстно, современная эмпирическая и, въ особенности, точная наука совершенно отрицаетъ въ нашихъ знаніяхъ всякія апріорности и апріорныя формы. Даже тѣ ученые, которые, какъ Спенсеръ, склонны признавать невозможность выведенія изъ опыта основного нашего «опытнаго» представленія о пространствѣ, считаютъ возможнымъ объяснить его нѣкоторую прирожденность человѣческому и даже животному уму посредствомъ наслѣдственности, т. е. накопленія опытовъ многихъ поколѣній живыхъ существъ. Даже математическія аксіомы и другія основныя истины пытались вывести, и притомъ такіе авторитетные ученые, какъ Гельмгольцъ,—изъ опыта. И хотя споръ между нативизмомъ и эмпиризмомъ, въ ученіи объ основныхъ формахъ нашего познанія, до сихъ поръ продолжается, и нативисты попрежнему отстаиваютъ Кантовскую точку зрѣнія о прирожденности нашему уму формъ опыта и мышленія, но споръ перешелъ нынѣ на такую почву, почву фактовъ внѣшняго опыта,—наблюденій надъ животными, дика-

рями, дѣтьми,—на которой онъ философски разрѣшенъ быть не можетъ. Наблюденія другихъ существъ будутъ всегда давать спорные результаты, такъ какъ мы лишь косвенно, на основаніи сомнительныхъ внѣшнихъ признаковъ, можемъ заключать о томъ, что и какъ сознаютъ, познаютъ и понимаютъ другія индивидуальныя существа низшаго развитія, чѣмъ мы сами. Всякія отрицательныя заключенія рискованны, ибо если, напримѣръ, ребенокъ чего-либо не познаетъ и не сознаетъ, то мы не можемъ получить отъ него словеснаго въ этомъ удостовѣренія. А, можетъ быть, онъ познаетъ и даже знаетъ, но не можетъ выразить своего знанія словами или не понимаетъ нашего вопроса, нашей рѣчи. Поэтому если, напримѣръ, проф. А. А. Козловъ, говоря о происхожденіи времени и пространства, утверждаетъ, что животныя и маленькія дѣти не знаютъ ни того, ни другого (см. «Свое слово», вып. 3, стр. 43 и др., и вып. 4, стр. 32 и слѣд.), то это несомнѣнная истина только въ томъ смыслѣ, что они, вѣроятно, не знаютъ пространства и времени такъ отчетливо, какъ ихъ знаютъ проф. Козловъ и другіе взрослые люди и, тѣмъ болѣе, философы. Но совсѣмъ ли они не знаютъ пространства и времени, или отчасти знаютъ ихъ и представляютъ себѣ, это—вопросъ. Тутъ можно было бы привести и такіе факты, которые повидимому доказываютъ знакомство съ этими формами дѣйствительности даже новорожденныхъ животныхъ. Изъ того, что маленькія дѣти путаютъ выраженія: вчера, сегодня и завтра, и не могутъ сначала найти дороги изъ своей дѣтской въ столовую и обратно, ровно ничего не слѣдуетъ. Путать слова и образы, и даже времена и мѣста свойственно и взрослымъ, отлично знающимъ, что такое пространство и время.

Но если нельзя рѣшить вопроса объ апріорности пространства и времени на основаніи такъ-называемыхъ «фактовъ» или данныхъ «внѣшняго» опыта, то отсюда не слѣдуетъ, что его вообще можно рѣшить совершенно a priori, безъ всякаго участія опыта, а именно собственнаго опыта, но не внѣшняго, а внутренняго. Откуда самъ Кантъ взялъ, что пространство и время будто-бы апріорныя субъективныя формы опыта? Этого вопроса Кантъ также, къ сожалѣнію, не поставилъ себѣ прямо и ясно.

Онъ выводитъ свое положеніе изъ анализа сужденій, между которыми различаетъ аналитическія и синтетическія; послѣднія, какъ выходящія за предѣлы непосредственно даннаго предмета мысли, онъ считаетъ единственнымъ орудіемъ познанія, т. е. пріобрѣтенія новыхъ знаній; синтетическія сужденія онъ дѣлитъ на опытныя, дающія знаніе отдѣльныхъ фактовъ, и такія, которыя нельзя считать основанными

на опытѣ, такъ какъ они даютъ истины необходимыя и всеобщія, утверждающія больше, чѣмъ сколько можетъ дать чувственный опытъ, изъ котораго мы узнаемъ только о данной (можетъ быть, случайной и только частной) связи явленій. Образецъ такихъ необходимыхъ и всеобщихъ синтетическихъ сужденій мы находимъ въ истинахъ математическихъ. Слѣдовательно, въ условіяхъ опыта должно быть нѣчто всеобщее и необходимое, и это именно — предваряющія всякій опытъ субъективныя формы — пространства (для внѣшняго опыта) и времени (для внутренняго).

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, насколько вѣренъ этотъ ходъ разсужденій Канта, спросимъ себя объ одномъ: на чемъ онъ построенъ? откуда Кантъ взялъ для него матеріалъ? гдѣ и въ чемъ его логическія основанія?

Если Кантъ излагаетъ намъ въ своихъ первыхъ главахъ «Критики чистаго разума» и «Пролегоменъ ко всякой будущей метафизикѣ» не откровенія свыше, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ передаетъ выводы изъ своего опыта, обобщенія изъ области наблюденія фактовъ «внутренняго порядка», которыя и нашему наблюденію, опыту и обобщенію доступны, причемъ, конечно, эти выводы и обобщенія сдѣланы имъ по всѣмъ законамъ логики, т. е. общечеловѣческой умственной дѣятельности, и если онъ ошибся, то только развѣ въ какихъ-нибудь посылкахъ своихъ, не принявши во вниманіе нѣкоторыхъ фактовъ внутренняго опыта, наблюденій и соображеній, доступныхъ человѣческому уму [1]).

Если бы самъ Кантъ или кто-нибудь другой сказалъ, что эти истины онъ открылъ «a priori», то можно было бы отвѣтить: не a priori же своего ума и мысли, т. е. не ранѣе размышленія о фактахъ мысли, или, по просту, не ранѣе «мышленія», которое, конечно, имѣетъ дѣло съ предметами мысли.

Если же онъ свои построенія объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, объ опытѣ и его свойствахъ, и о формахъ опыта, получилъ помощью мышленія или размышленія о предметахъ, доступныхъ мысли, то это значитъ, что онъ ихъ пріобрѣлъ путемъ опыта мысли, ибо мышленіе, себя изучающее, и есть «опытъ мысли».

Если на это замѣтятъ намъ, что Кантъ могъ и эти истины открыть

---

[1]) Мы продолжаемъ держаться убѣжденія, подробно мотивированнаго нами въ сочиненіи «Къ вопросу о реформѣ логики», что мысль, подчиняясь логическимъ законамъ, не можетъ ошибаться: источникъ всѣхъ ошибокъ мысли — въ невѣрномъ или недостаточномъ наблюденіи и знаніи фактовъ и, слѣдовательно, въ невѣрныхъ сужденіяхъ или посылкахъ.

a priori, ибо призналь и перечислить самъ апріорныя субъективныя формы «опыта мысли» или мышленія (или дѣятельности разсудка — въ своей системѣ категорій), то придется спросить: а какъ онъ открылъ эти апріорныя формы разсудочной дѣятельности и мышленія,—не путемъ ли того же опыта мысли, т. е. размышленія надъ матеріаломъ, предметами или фактами мысли?

Такъ какъ иначе онъ сдѣлать этого открытія не могъ, то указаннымъ вопросомъ Кантовскій апріоризмъ ставится въ безвыходное положеніе въ послѣднемъ возможномъ для него убѣжищѣ.

Или откровеніе свыше, или работа мысли надъ фактами умственнаго опыта,—изъ этой дилеммы нѣтъ выхода никуда. Но откровеніе свыше «критикъ чистаго разума» всего менѣе могъ бы положить въ основу своихъ разсужденій. Слѣдовательно, Кантъ работалъ надъ представленіями мысли и понятіями ума, которыя находилъ все время въ своемъ собственномъ опытѣ мысли, какъ и Аристотель, когда онъ строилъ свои знаменитыя теоріи силлогизма и доказательства.

Но этотъ его собственный, Кантовскій, опытъ мысли, какъ и Аристотелевскій, какъ и Декартовскій (напримѣръ, при открытіи cogito ergo sum), безъ сомнѣнія, хотя и ихъ личный, но не ихъ индивидуальный опытъ, ибо если другія личности не сдѣлали и почему-либо не могли или не захотѣли сдѣлать этихъ ихъ выводовъ и построеній, то все-таки всѣ прочія мыслящія индивидуальности, если захотятъ этого и вдумаются,—поймутъ заключенія Аристотеля, Канта и Декарта и, въ той или другой степени, примутъ ихъ, какъ истинныя и вѣрныя. Истина стоитъ, такимъ образомъ, выше индивидуальности, хотя и не выше личности, ибо открыть ее можетъ только та или другая личность. Это очень важный результатъ анализа, такъ какъ онъ показываетъ намъ, что Кантъ былъ правъ въ различеніи и противоположеніи частныхъ и случайныхъ (т. е. индивидуальныхъ) и, съ другой стороны, всеобщихъ и необходимыхъ (сверхъ-индивидуальныхъ) знаній и истинъ, но напрасно Кантъ связалъ ихъ противоположность съ понятіями апріорнаго и апостеріорнаго, или опытнаго, познанія, ибо и въ основаніи всеобщаго и необходимаго лежитъ тоже особый опытъ, опытъ мысли, къ которому уже, конечно, не подходятъ правила и критеріи чувственнаго опыта. Это опытъ «сверхчувственный», и ошибка Канта состояла именно въ полномъ отожествленіи понятій «опыта» и «чувственнаго опыта», между тѣмъ какъ первое понятіе шире.

Итакъ, Кантъ имѣлъ дѣло съ «опытомъ мысли»: его факты онъ обобщалъ и его результаты посильно формулировалъ въ своемъ ученіи

объ апріорныхъ формахъ опыта и мышленія, но этотъ опытъ мысли не былъ индивидуальнымъ и далъ въ итогѣ своемъ не частныя и случайныя, а по мнѣнію Канта и его послѣдователей, «всеобщія и необходимыя» истины о формахъ опыта и даже самого мышленія.

Кантъ думалъ, что изъ этого источника онъ узналъ формы «всякаго опыта», но это-то и невѣрно, такъ какъ очевидно, что опытъ мысли — не тотъ чувственный опытъ, формы или субъективныя условія котораго онъ самъ открываетъ. Эти условія суть пространство и время, какъ формы всякаго чувственнаго опыта. Но тотъ сверхчувственный опытъ мысли, который открываетъ ихъ, какъ это очевидно изъ логическаго закона противорѣчія, не можетъ имѣть условіемъ тѣ самыя условія, которыя онъ ставитъ чувственному опыту. Это было бы противорѣчивымъ утвержденіемъ. Слѣдовательно, тотъ опытъ, интеллектуальный, есть опять отчасти безусловный (относительно этихъ условій), и если самъ чѣмъ-либо обусловленъ, то только организаціей мысли, ея логическими законами. И оттого въ извѣстномъ смыслѣ Кантъ былъ правъ, утверждая, что есть апріорная по отношенію къ опыту, а именно — къ чувственному опыту, работа мысли, хотя она и имѣетъ сама источникомъ особый «опытъ мысли». Понятіе апріорнаго здѣсь совершенно относительное, ибо «апріорное» не синонимъ «внѣопытнаго», а выражаетъ лишь работу мысли, независимую отъ чувственнаго опыта, внѣ-или сверхчувственную. Такимъ образомъ, интеллектуальный опытъ можно назвать сверхчувственнымъ (и только въ этомъ смыслѣ — апріорнымъ).

Но тогда возникаетъ слѣдующій вопросъ: если вѣрно положеніе Канта, что время есть форма чувственнаго опыта (der Sinnlichkeit), то очевидно невѣрно, что время — форма всякаго внутренняго опыта, чувственнаго и сверхчувственнаго.

Понятіе внутренняго опыта — двусмысленное. Подъ внутреннимъ опытомъ мы часто разумѣемъ опытъ организма, свой тѣлесный и мозговой опытъ, переживаніе, въ субъективной формѣ «представленія», состояній и перемѣнъ въ нашемъ организмѣ. Этотъ опытъ есть, конечно, чувственный опытъ. Его даже можно назвать внѣшнимъ, особою формою внѣшняго опыта, ибо организмъ, или тѣло, есть внѣшній для нашего духа и сознанія предметъ, или объектъ. Но есть другой, настоящій внутренній опытъ, духовный или сверхчувственный опытъ, путемъ котораго мы познаемъ непреложные законы человѣческой мысли (а также, какъ мы увидимъ ниже, — воли и чувства). Если время есть форма чувственнаго опыта, открываемая при содѣйствіи сверхчувствен-

наго, то время не можетъ быть формою «внутренняго» опыта въ подлинномъ значеніи этого слова. И дѣйствительно, если бы время было формою внутренняго опыта, путемъ котораго Кантъ открылъ время, какъ субъективную апріорную форму опыта, то оно не могло бы быть въ кантовскомъ смыслѣ апріорною, предваряющею всякій опытъ, формою познанія, ибо она была бы открыта Кантомъ а posteriori, изъ самаго, подчиненнаго времени, опыта мысли. Вышло бы полное противорѣчіе въ утвержденіяхъ Канта; и потому нельзя не задать себѣ вопроса по существу: подчинено ли мышленіе закону времени, какъ закону чувственнаго опыта? Есть ли идея Канта о времени — «чувственное явленіе, данное во времени»?

Конечно, если разумѣть, что Кантъ открылъ, что время есть форма (синтетическихъ) апріорныхъ сужденій, положимъ, 18 апрѣля 1771 года, за десять лѣтъ до выхода «Критики чистаго разума», то придется согласиться съ тѣмъ, что идея Канта о времени есть «явленіе во времени». Но тогда надо быть послѣдовательнымъ и признать, что это также явленіе «въ пространствѣ», такъ какъ эта идея возникла у Канта въ его головѣ, на какой-нибудь улицѣ Кенигсберга, въ Пруссіи, въ Европѣ и на земномъ шарѣ. Признать что-либо «явленіемъ во времени и пространствѣ» — значитъ признать это нѣчто продолжительнымъ и протяженнымъ, долгимъ или краткимъ, длиннымъ или короткимъ и т. п. Но всѣ эти опредѣленія пространства и времени къ мысли мало подходятъ.

При размышленіи о природѣ идей, невольно навязываются уму слѣдующія соображенія:

1. Идея, разъ возникнувъ, оказывается вѣчною, ибо если бы мы даже признали ее ложною, то все же она навѣки останется дѣйствительнымъ и неизмѣннымъ фактомъ, какъ идея Канта, или Аристотеля, или Декарта, или иного человѣческаго ума. Какъ таковая, она никогда не измѣнится и не можетъ измѣниться.

2. Если по этому поводу замѣчаютъ, что она все-таки возникла въ извѣстный моментъ времени и въ извѣстной точкѣ пространства, въ такой-то годъ, мѣсяцъ и день, въ такой странѣ, городѣ и мозгу, то это все-таки не даетъ ей никакихъ временныхъ и пространственныхъ опредѣленій, ибо съ совершенно тѣмъ же содержаніемъ она могла возникнуть и, можетъ быть, уже возникала въ другое время, годъ и мѣсяцъ, въ другой странѣ и головѣ. Идея есть актъ свободной творческой работы духа, подчиненный только законамъ мысли, или логическимъ, а не причинамъ и сцѣпленіямъ физическимъ, временнымъ и пространственнымъ. Для того, кто признаетъ свободное творчество мысли, невоз-

можно ставить его въ зависимость отъ времени и пространства. Свободный актъ творчества можетъ всегда и вездѣ начаться. Если и можно сказать съ натяжкою, что «Анна Каренина» Льва Толстого никогда бы не возникла, если бы Толстой не жилъ въ Москвѣ и Ясной Полянѣ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ XIX вѣка, ибо въ этомъ романѣ много образовъ, пріуроченныхъ къ извѣстному времени и пространству, то можно, съ другой стороны, сказать, что если бы были Москва и Ясная Поляна, были 60-е и 70-е годы, и не было бы творческаго генія Л. Толстого, то не было бы и «Анны Карениной», которая есть свободное созданіе его духа. Но точно также можно сказать, mutatis mutandis, что и весь міръ возникъ во времени, но, будучи свободнымъ творческимъ актомъ предвѣчнаго духа, онъ возникъ и внѣ времени, какъ свободный актъ творенія, который именно положилъ и установилъ время какъ мѣру вещей. Уже Августинъ въ V вѣкѣ послѣ Р. Х. показалъ, какъ нелѣпо было утвержденіе нѣкоторыхъ современныхъ ему богослововъ, что божественный актъ творенія міра совершился во времени, какъ нелѣпы вопросы о томъ, «что дѣлалъ Богъ до сотворенія неба и земли, и откуда Ему пришло въ голову приступить къ творенію, когда прежде Онъ ничего не творилъ». «Твореніе Твое не во времени,—отвѣчаетъ Августинъ—да уразумѣютъ они, что никакого времени не могло быть прежде творенія, а съ твореніемъ явились и самыя времена... Пусть же перестанутъ пустословить»...

И такое же точно пустословіе—утверждать, что для идеи Канта о времени важно то, что она явилась въ 1771, а не въ 1779 или 1898 году. У идей нѣтъ времени и мѣста. Ученіе Декарта о томъ, что «мысль — основаніе идеи бытія моего я», не была чужда Августину, Джордано Бруно и даже Платону. Иныя выраженія и слова, но идея та же. И точно также ученіе Канта о субъективности времени было новой (но испорченной) редакціей ученія Платона и Августина о времени. Если мы не знаемъ, у кого и когда еще были эти и другія идеи, знаменитыя въ исторіи мысли, то это не значитъ, что ихъ никогда больше ни у кого не было. Уже Аристотель сомнѣвался, чтобы можно было открыть какія-либо новыя истины и мысли, ибо всѣ истины много разъ были извѣстны, но потомъ забывались. Оттого Платонъ и помѣстилъ идеи въ особый міръ вѣчнаго бытія и призналъ познаніе процессомъ припоминанія вѣчныхъ идей. Геніальныя личности только закрѣпляютъ вниманіе человѣчества на идеяхъ, для всѣхъ доступныхъ и много разъ уже открытыхъ сверхъ-индивидуальнымъ умомъ человѣка.

3. Вѣчное внутреннее тожество идеи можно уловить вездѣ, даже въ

фактахъ ощущенія. Мое ощущеніе зеленаго цвѣта листа сирени въ саду на Антонинской улицѣ въ Ригѣ конечно не то (по времени и мѣсту) ощущеніе зеленаго цвѣта, которое я получалъ отъ листьевъ куста сирени въ саду дома въ Москвѣ, гдѣ жилъ, но все-таки тогдашнее мое ощущеніе зеленаго цвѣта совершенно тожественно теперешнему. Цвѣта предметовъ опыта я ощущаю во времени, но само ощущеніе цвѣта—цвѣта вообще, какъ и всякаго цвѣта, звука, запаха, и проч.—дано внѣ времени, какъ вѣчная и неизмѣнная спеціальная субъективная форма духовнаго воспріятія дѣйствительности. Точно также даны внѣ времени и пространства, какъ неизмѣнныя, общія, субъективныя формы чувственнаго воспріятія, а съ ними и всѣ наши идеи и мысли, какъ субъективные способы пониманія вещей, толкованія дѣйствительности, воспріятія истины всего существующаго. Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что смѣшалъ воспріятіе посредствомъ ощущеній съ воспріятіемъ самихъ ощущеній, какъ способовъ воспріятія. Воспріятіе «посредствомъ ощущеній» совершается всегда во времени и пространствѣ и, какъ слагающееся изъ ощущеній, оно всегда чувственно (ибо чувственность и есть сумма ощущеній). Но воспріятіе самого ощущенія есть не актъ ощущенія, а свободный актъ сознанія ощущенія, нечувственнаго и сверхчувственнаго созерцанія нашей, всегда при насъ находящейся и отъ условій пространства и времени независимой, способности ощущать. Кантъ самъ смутно сознавалъ различіе ощущенія во времени и воспріятія времени, какъ формы ощущенія, ибо если онъ назвалъ время reine Anschauung, т.-е. чистымъ воззрѣніемъ, то этимъ имѣлъ потребность выразить то, что можно и должно самое время созерцать «внѣ времени», очищеннымъ отъ всякаго чувственнаго элемента, и потому «чистымъ», какъ и пространство, когда мы очистимъ это представленіе отъ всего конкретнаго содержанія, которое въ него вкладываетъ чувственный опытъ.

Но Кантъ сдѣлалъ ту ошибку, что, создавъ понятіе «чистаго воззрѣнія»—reine Anschauung, какъ реальной формы воспріятія самой психической жизни, не спросилъ себя, какъ относится reine Anschauung къ ощущенію: принадлежность какой именно общей формы духовнаго существованія составляетъ Anschauung, и только ли время и пространство составляютъ ея предметъ? Онъ не замѣтилъ, что всякая, хотя бы спеціальная форма ощущенія и опыта, способность воспринимать цвѣтъ, звукъ, красный цвѣтъ, звукъ скрипичной квинты, запахъ розы или резеды, можетъ стать предметомъ чистаго воззрѣнія, reiner Anschauung,—и что точно также формы мышленія, категоріи

мысли, какъ, напримѣръ, идеи причинности, качества, множества, и т. п. должны стать предметами Anschauung, т.-е. умственнаго созерцанія внѣ всякаго чувственнаго опыта и его условій, т.-е. внѣ пространства и времени, чтобы сдѣлаться объектами мысли.

Anschauung, созерцаніе или воззрѣніе, т.-е. сосредоточеніе умственнаго взора на томъ или другомъ объектѣ мысли, и есть общая форма того сверхчувственнаго интеллектуальнаго опыта, или «опыта мысли», о которомъ мы говорили выше и путемъ котораго Кантъ добывалъ свои истины о формахъ опыта и мышленія. Это созерцаніе есть свободный актъ нашего духа, независимый отъ времени, ибо мы во всякое время, внѣ всякихъ явленій чувственнаго опыта, можемъ созерцать свою мысль, сознавать ея формы, которыя всегда при насъ и съ нами, познавать ея вѣчные и неизмѣнные законы. И этимъ свободнымъ актомъ хотѣнія мыслить мы полагаемъ время, ибо создаемъ въ себѣ рядъ явленій, ощущеній и представленій чувственнаго порядка, которыхъ иначе бы и не было. Свобода и есть способность духа созидать явленія—и внутреннія, и внѣшнія, а чрезъ это созиданіе явленій—созидать время, которое есть форма смѣны явленій. Мы не поймемъ ни свободы, ни вниманія, ни воображенія и творчества, ни мышленія и умозаключенія, какъ формъ душевной жизни, если не поймемъ, что всѣ эти понятія выражаютъ прежде всего наши различные способы созидать время, творить ряды явленій во времени, и что сами эти созидающія время способности созерцаются нашею мыслью не во времени и не чувственно.

Кантовское апріорное познаніе, предваряющее всякій опытъ, и есть познаніе внѣвременное, свободное отъ условій времени и пространства. Истины математическія и логическія мы всегда можемъ усмотрѣть и понять, когда захотимъ этого, т. е. когда захотимъ думать объ этомъ предметѣ. Λ выраженіе: «когда захотимъ» значитъ—«когда начнемъ»; «начать» же значитъ пустить въ ходъ время, положить и создать его.

Такимъ образомъ, общее заключеніе наше по вопросу, нами поставленному,—по вопросу о значеніи Кантовскаго ученія объ ощущеніи и воззрѣніи, объ апріорномъ и апостеріорномъ въ знаніи—слѣдующее:

Хотя Кантъ и не былъ правъ, полагая, что онъ опредѣляетъ въ «Трансцендентальной эстетикѣ» не понятія пространства и времени, а чистыя воззрѣнія, но онъ былъ совершенно правъ, что у насъ есть чистыя воззрѣнія, опредѣляющія формы всякаго чувственнаго опыта, и что пространство и время, какъ предметы созерцанія мысли (а не логическаго опредѣленія), суть прежде всего такія чистыя воззрѣнія. Далѣе,

хотя Кантъ былъ неправъ, ограничивая чистыя воззрѣнія воспріятіями пространства и времени, какъ формъ чувственнаго опыта,—такъ какъ такими же чистыми воззрѣніями являются и всѣ спеціальныя субъективныя формы опыта, если онѣ дѣлаются предметомъ «созерцанія мысли»; но онъ былъ совершенно правъ, выдѣляя общія формы опыта и мышленія отъ спеціальныхъ (что сдѣлалъ отчасти уже Локкъ ученіемъ о первичныхъ и вторичныхъ ощущеніяхъ, или, что то же, формахъ ощущенія). Затѣмъ, Кантъ былъ неправъ, противополагая пространство и время, какъ «формы» опыта, прочимъ субъективнымъ способамъ воспріятія дѣйствительности, которые онъ всецѣло причислялъ къ «содержанію» опыта, тогда какъ спеціальныя способности такъ или иначе ощущать суть также прирожденныя «формы» ощущенія, предваряющія опытъ и всякое его содержаніе; однако, и тутъ онъ былъ правъ принципіально, противополагая вообще «формы» и «содержаніе» опыта, хотя формы понималъ односторонне, не различая въ самихъ ощущеніяхъ ихъ содержаніе и форму. Наконецъ, Кантъ былъ правъ, когда признавалъ различіе познанія посредствомъ чувственнаго опыта и познанія, независимаго отъ чувственнаго опыта, но 1) онъ не отдавалъ себѣ отчета, что это второе познаніе не есть абсолютно сверхъ-опытное, ибо оно предполагаетъ особый опытъ мысли, формою котораго является открытое самимъ Кантомъ чистое воззрѣніе, и поэтому, 2) онъ неправильно толковалъ терминъ «апріорнаго» познанія, отожествляя его съ внѣ- или сверхъ-опытнымъ, хотя апріорное познаніе—только относительное понятіе и значитъ: «познаніе, независимое отъ чувственнаго опыта», а не отъ всякаго опыта. Внѣ опыта нѣтъ мышленія, но есть два рода опыта—умственный или, шире, духовный, и чувственный, или физическій, формы которыхъ различны,—и если пространство и время суть общія формы чувственнаго, или физическаго, опыта, то онѣ не суть и не могутъ быть формами опыта интеллектуальнаго, сверхчувственнаго, духовнаго.

Изъ этого обозрѣнія итоговъ критики Кантовскаго ученія о времени и пространствѣ можно уже видѣть, что намъ предстоитъ далѣе, ибо задача наша далеко не окончена. Можно сказать даже, что нашъ собственный анализъ вопроса только теперь начинается. Мы должны установить болѣе правильное и ясное понятіе опыта, его различныхъ видовъ, ихъ различныхъ формъ, условій и законовъ, и попутно опровергнуть возраженіе, къ которому мы давно готовимся, а именно: какой же можетъ быть вообще опытъ «внѣ времени», мышленіе внѣ времени? Вѣдь мышленіе есть процессъ, т. е. послѣдовательный рядъ выводовъ

и заключеній, а всякій процессъ совершается во времени. Для критики этого и другихъ подобныхъ возраженій, которыя намъ, съ нашей точки зрѣнія, кажутся несостоятельными, но имѣютъ полное основаніе въ умѣ читателя, мы найдемъ опоры и основанія какъ въ предыдущемъ анализѣ, такъ и во многихъ другихъ соображеніяхъ, которыя изложимъ далѣе.

IV.

«L'esprit doit s'affranchir de l'espace, qui lui donne une fausse notion de lui même. Mais il n'opère cet affranchissement qu'en retournant les choses et en apprenant à voir l'espace dans l'esprit au lieu de l'esprit dans l'espace... Le temps, le nombre sont de même de l'esprit. L'homme, revenant à l'état d'esprit n'est donc pas leur inférieur mais leur supérieur... L'esprit étant le sujet des phénomènes ne peut être lui même phénomène».

Amiel. Fragments d'un journal intime, Genève, 1887. T. II. p. 202—203.

Душевная жизнь человѣка, насколько она намъ извѣстна, всецѣло происходитъ въ организмѣ и протекаетъ въ опредѣленный періодъ времени, пока существуетъ въ цѣлости этотъ организмъ. Благодаря первому обстоятельству, можно сказать, что она происходитъ въ извѣстномъ мѣстѣ въ пространствѣ, и это мѣсто точнѣе опредѣляется, какъ мозгъ. Благодаря же мѣсту, занимаемому организмомъ и мозгомъ въ окружающей средѣ, можно сказать, что душевная жизнь и дѣятельность даннаго человѣка въ данный моментъ времени совершаются въ такомъ-то домѣ и комнатѣ, въ такой-то странѣ и государствѣ, въ такой-то части свѣта, на землѣ, на одной изъ планетъ нашей солнечной системы. Этимъ способомъ всякое душевное состояніе является какъ-бы строго локализованнымъ въ пространствѣ. Но точно такъ же можно пріурочить и всю душевную жизнь и отдѣльныя душевныя событія, насколько они связаны съ существованіемъ и отправленіями организма, къ извѣстному моменту времени—часу дня или ночи, къ опредѣленному дню недѣли, числу мѣсяца, времени года и году, десятилѣтію, столѣтію,—эпохѣ, періоду и эрѣ въ исторіи жизни человѣчества.

Возможность и даже необходимость такихъ пространственныхъ и временныхъ опредѣленій душевныхъ явленій и дѣйствій, насколько они

связаны съ жизнью видимаго организма, несомнѣнны, и желая поближе очертить извѣстную духовную личность или отдѣльный ея поступокъ, мы начинаемъ съ того, что опредѣляемъ ея физическій видъ и наружность, среду и обстановку ея жизни и дѣйствія, время ея жизни и дѣйствія, событія внѣшнія, ихъ сопровождавшія, и т. д., такъ какъ для посторонняго, внѣшняго наблюдателя духовный обликъ другого человѣка является всегда тѣсно связаннымъ съ чувственными образами матеріальныхъ обстоятельствъ и выраженій его душевнаго существованія.

Но при всемъ томъ, милліарды милліардовъ людей въ теченіе тысячелѣтій, съ тѣхъ поръ какъ пробудилось духовное самосознаніе отдѣльныхъ личностей, жили и умирали съ глубокимъ и твердымъ убѣжденіемъ, что душа человѣка не есть величина протяженная, тѣлесная и пространствомъ ограниченная и что точно такъ же существованіе ея не ограничено временемъ и извѣстнымъ моментомъ, а вѣчно и безконечно. Это убѣжденіе проповѣдовалось и теперь проповѣдуется почти всѣми религіями,—оно высказывалось и поддерживалось геніальными философами и поэтами, подкрѣплялось учеными при помощи фактовъ и теорій науки, и оспаривалось не безъ колебаній и двусмысленныхъ ограниченій лишь немногими матеріалистами-доктринерами всѣхъ вѣковъ, процентъ которыхъ на всю массу человѣчества, вѣрующаго и убѣжденнаго въ независимости души отъ земного организма, является несомнѣнно столь ничтожнымъ, что его можно признать величиной безконечно малой. Притомъ, «слова теоріи» этихъ доктриноровъ не всегда согласовались съ интимными убѣжденіями и чаяніями ихъ ума и сердца, и отвергая особую сверхпространственную и сверхвременную природу души въ періодъ силы и расцвѣта организма, въ періодъ удачи и счастія, эти люди часто открыто или тайно отказывались отъ своихъ отрицаній предъ лицомъ несчастій, страданій и смерти.

Такъ или иначе, если, несмотря на несомнѣнные факты тѣсной связи душевной жизни человѣка съ обстоятельствами и условіями пространства и времени, подавляющее большинство людей всегда было убѣждено въ независимости духовнаго бытія (въ его цѣломъ и въ его основахъ)—отъ условій пространства и времени, то для такого убѣжденія должны были быть основанія въ самомъ опытѣ человѣка, подъ вліяніемъ котораго слагаются его убѣжденія и знанія, и конечно въ опытѣ духовномъ, а не матеріальномъ, который знакомитъ насъ только съ пространственно-временнымъ порядкомъ жизни организма и внѣшней среды. Но каковъ этотъ особый духовный опытъ, который настойчиво приводитъ людей къ убѣжденію въ нематеріальности, сверхпространствен-

ности и сверхвременности духовнаго бытія,—этого психологія до настоящаго времени не выяснила, да и самую проблему она правильно не ставила. Признаніе существованія особаго духовнаго опыта идетъ отъ древности, но если изобрѣтались въ разное время разные термины для его обозначенія и наименованія и для противоположенія его понятію опыта матеріальнаго, чувственнаго или внѣшняго (термины самопознанія, самосознанія, внутренняго опыта, внутренняго чувства или зрѣнія, рефлексіи, интроспекціи, интуиціи и проч.), то строгому анализу его элементы и формы не подвергались, даже въ новѣйшей философіи Канта и его преемниковъ. Этого мало: до сихъ поръ есть философы и ученые, которые серьезно сводятъ весь опытъ человѣка къ однимъ ощущеніямъ въ организмѣ и отрицаютъ достовѣрность всякаго знанія, построеннаго не на почвѣ этого «чувственнаго» опыта (современные позитивисты, какъ преемники сенсуалистовъ и матеріалистовъ). А между тѣмъ, они же не отвергаютъ психологическихъ, логическихъ и нравственныхъ истинъ, совершенно не выводимыхъ изъ ощущеній зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и другихъ чувственныхъ, внѣшнихъ и органическихъ. Сама доктрина позитивизма есть сумма положеній логическаго и этическаго порядка, абсолютно не выводимыхъ изъ опыта чувственнаго.

Такимъ образомъ, ученіе о духовномъ, сверхчувственномъ, т.-е. независимомъ отъ условій чувственности, опытѣ находится еще въ совершенномъ младенчествѣ. А между тѣмъ, одно можно предположить уже a priori: что если этотъ духовный опытъ приводитъ людей къ тому убѣжденію, что истинное духовное бытіе не протяженно и не ограничено временемъ, то, значитъ, это опытъ сверхпространственный и сверхвременный, т.-е. что мы испытываемъ и сознаемъ свою духовную жизнь въ формахъ, совершенно чуждыхъ опредѣленіямъ пространственнаго и временнаго порядка.

Сознать, а особенно понять эту истину не легко, такъ какъ наша душевная жизнь насквозь пропитана чувственностью, чувственными воспріятіями матеріальныхъ предметовъ и явленій, и нужна довольно высокая степень самосознанія и развитія, чтобы быть въ состояніи отличать въ своемъ самосознаніи два тѣсно слитыхъ факта—ощущеніе предмета и сознаніе или психическое воспріятіе этого ощущенія. Извѣстно, что въ древности даже нѣкоторые почтенные мыслители (напримѣръ, греческіе философы-физики) не въ состояніи были вообще отличать наше познающее и сознающее Я отъ познаваемаго міра, и нужно было два вѣка усилій мысли, чтобы дойти въ философіи до Сократовскаго ученія «о самопознаніи». Извѣстно также, что и въ древнее, и въ новое время

многіе философы, не только матеріалисты, но и идеалисты, представляли себѣ психическій актъ ощущенія, какъ матеріальный процессъ отдѣленія отъ предметовъ вещественныхъ частицъ или атомовъ (ἀπορροαί Эмпедокла и εἴδωλα Демокрита), вхожденія ихъ въ поры органовъ чувствъ, путешествія ихъ по какимъ-то трубочкамъ и проникновенія этимъ путемъ въ чувствилище (мозгъ или сердце). Сама душа представлялась этимъ мыслителямъ особой тончайшей матеріей (λεπτότατον καὶ καθαρότατον τῶν χρημάτων), или совокупностью особенныхъ, круглыхъ и гладкихъ, огненноподобныхъ атомовъ (Демокритъ). Даже жизненные или, точнѣе, животные духи (esprits animaux) Декарта (XVII в.), въ своихъ странствованіяхъ по организму до момента проникновенія въ маленькую железку (glandula pinealis), въ которой Декартъ помѣщалъ душу, представляютъ собою отзвукъ древней матеріальной теоріи ощущенія, весьма распространенной и въ средніе вѣка (species sensibiles и influxus physicus). Матеріалисты же и въ нашемъ вѣкѣ, сорокъ лѣтъ тому назадъ и менѣе, смѣло утверждали, что «мысль находится въ такомъ же отношеніи къ мозгу, какъ желчь къ печени или моча къ почкамъ» (К. Фохтъ). Современнымъ физіологамъ и психофизіологамъ—Гельмгольцу, Вундту, Дюбуа Реймонду и др. — мы обязаны окончательнымъ установленіемъ той истины, что ощущенія и идеи непротяженны и что между физическимъ движеніемъ и психическимъ актомъ ощущенія лежитъ непроходимая пропасть. Конечно, этотъ выводъ былъ слѣдствіемъ психологическаго анализа данныхъ внутренняго, духовнаго опыта, показывающаго, что ощущенія наши не имѣютъ длины, ширины и другихъ протяженныхъ формъ и мѣръ.

Но за то тѣмъ съ большею энергіей физіологи и психофизіологи нашего времени стараются втиснуть душевную жизнь въ границы и рамки времени. Созданная ими (въ особенности Вундтомъ) наука — «психометрія» поставила себѣ прямою задачей перевести всѣ явленія душевной жизни въ термины времени. И это считается «началомъ точной экспериментальной психологіи». Правда, пока измѣряется только время ощущеній и воспріятій, простѣйшихъ ассоціацій ихъ, актовъ перцепціи и апперцепціи. Но намъ обѣщаютъ дойти и до идей, и мы будемъ терпѣливо ждать того момента, когда «психометры» измѣрятъ время идеи времени. Тогда наступитъ ихъ полное торжество. Идея времени, выраженная сама въ десятичныхъ доляхъ секунды—какой это будетъ великій прогрессъ точной науки!

Но нѣтъ ли тутъ ошибки? Мы уже не смѣшиваемъ клѣтку мозга и ея периферическое раздраженіе съ послѣдующимъ ощущеніемъ, но еще,

очевидно, все-таки смѣшиваемъ съ ощущеніемъ центральный физіологическій молекулярный процессъ, или движенія, которыя въ ней совершаются. Физіологическія движенія эти требуютъ времени, которое въ доляхъ секунды опредѣляется при помощи особаго часового механизма, называемаго хроноскопомъ, и нѣкоторыхъ цифровыхъ вычисленій, и мы воображаемъ, что измѣрили этимъ время ощущенія. Не явная ли тутъ путаница понятій?

Физіологическіе процессы въ природѣ, какъ и всѣ вообще физическіе ея процессы, совершаются во времени, какъ и въ пространствѣ, ибо время, какъ мы увидимъ дальше, есть субъективное воспріятіе усилій, совершаемыхъ при преодолѣваніи сопротивленій, представляемыхъ физическими энергіями въ тѣлахъ; но какое возможно время въ той области самосознанія, въ которой нѣтъ протяженія, тѣлесности, движенія и сопротивленія матеріальныхъ частицъ?

Конечно, психическіе акты осуществляются не безъ сопротивленія физическаго—со стороны организма и среды, и поскольку они зависятъ отъ этихъ физическихъ условій, они ограничены рамками времени, какъ и рамками протяженія, пространства, тѣлесности. У меня болитъ рука, и я не могу писать и не могу выразить въ словѣ мою мысль; у меня болитъ голова, и я не могу думать; мой глазъ парализованъ, и я не могу ясно видѣть; разрушенъ извѣстный центръ памяти, я забылъ цѣлый языкъ,—цѣлый кругъ представленій и понятій мнѣ болѣе недоступенъ. Но если тѣло пространственно ограничиваетъ мой духъ, то это не значитъ, что мои ощущенія и мысли сами пространственны и протяженны. Если тѣло мое ограничиваетъ дѣятельность моего духа во времени, то и это тоже не значитъ, что мои идеи сами по себѣ подлежатъ условіямъ времени и могутъ быть измѣрены имъ.

«Нельзя измѣрять мысли, идеи, вообще духовные акты временемъ, мѣрами времени, какъ нельзя ихъ измѣрять и мѣрами протяженія, пространства». Вотъ наше основное положеніе. Духовные акты сверхпространственны и сверхвременны. Качество идей и душевныхъ актовъ не сводимо ни на какое количество, т.-е. мѣру протяженія или долготы (во времени). Поэтому «протекаетъ» (во времени и въ пространствѣ, т.-е. въ организмѣ) не духовное бытіе наше, а физическая жизнь, его сопровождающая. Духовное же наше содержаніе вѣчно есть, не только какъ потенція, возможность (δύναμις Аристотеля), но и какъ непрерывный актъ (ἐντελέχεια),—въ глубинѣ и подъ поверхностью нашего индивидуальнаго животнаго сознанія. То непрерывное самосознаніе личности, субъекта, своего цѣльнаго и единаго Я, съ его неизмѣнной душевной орга-

низаціей, съ его постоянными психическими, логическими, этическими и эстетическими формами и законами бытія, съ его способностями и силами, съ его непрерывно осуществляющимися и воплощающимися идеями, идеалами и стремленіями, которое присуще всякому разумному человѣку, — это самосознаніе, свойственное каждому изъ насъ и включающее въ себя разомъ все наше духовное содержаніе, которое, съ точки зрѣнія организма, уже было, или есть, или только еще будетъ; или должно быть, — содержаніе нашего опыта, памяти, творческихъ силъ, намѣреній, надеждъ и мечтаній, — есть уже, повидимому, гарантія сверхвременности нашего духовнаго бытія, ибо въ томъ-то и особенность нашего самосознанія, что оно признаетъ за наше духовное *есть* и то, что уже *было* и больше не будетъ [1]), и то, что *будетъ*, но чего еще нѣтъ.

Дѣтство нѣжное, пугливое,
Безмятежно-шаловливое—
Въ самый холодъ вешнихъ дней
Лаской матери пригрѣтое,
И навѣки мной отпѣтое
Въ дни безумства и страстей,
Нынѣ всѣми позабытое,
Подъ морщинами сокрытое
Въ нѣдрахъ старости моей,
Для чего ты вновь встревожило
Зимній сонъ мой—словно ожило
И повѣяло весной?...
Не безъ думы, не безъ трепета,
Слышу я наивность лепета:
— Старче! развѣ ты,—не я?!
Я съ тобой навѣки связано,
Мной вся жизнь тебѣ подсказана,
Въ ней сквозитъ мечта моя...

Изъ этихъ общихъ соображеній невольно вытекаетъ тотъ выводъ, что если непосредственно намъ кажется, что вся психическая жизнь и дѣятельность наша совершается во времени (какъ и въ пространствѣ, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ и тѣлѣ), то это еще не значитъ, что мы должны удовлетвориться такою кажущеюся достовѣрностью «факта» и успокоиться на ней, не подвергая ея болѣе глубокому анализу. Можетъ быть, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ такою же иллюзіей, какая за-

[1]) Эту мысль удивительно хорошо выразилъ въ стихотвореніи «Дѣтство нѣжное» Я. П. Полонскій (Вечерній звонъ, Спб. 1890, стр. 1):

ставляетъ людей думать, что солнце вращается вокругъ земли. Матеріальная дѣйствительность движется и вращается вокругъ неподвижнаго солнца нашего сознанія—въ пространствѣ и во времени, а намъ кажется, что наша собственная душа участвуетъ въ этомъ пространственно-временномъ порядкѣ движеній. Кантъ самъ поднялъ вопросъ о возможности такого переворота въ области нашихъ психологическихъ понятій и философскихъ взглядовъ на отношенія субъекта къ объективной дѣйствительности, который походилъ бы на переворотъ, сдѣланный Коперникомъ въ представленіяхъ о небесныхъ тѣлахъ и ихъ движеніяхъ. Но Кантъ едва-ли осуществилъ этотъ переворотъ до конца.

Признавъ пространство и время субъективными представленіями или воззрѣніями духа, Кантъ сдѣлалъ важный шагъ къ преобразованію психологіи въ этомъ направленіи, но онъ однако же сдѣлалъ ошибку, всецѣло подчинивъ духовную жизнь личности одному изъ субъективныхъ представленій ея о внѣшнихъ, чувственныхъ явленіяхъ — представленію времени. Очевидно, его ученіе объ опытѣ далеко не было послѣднимъ словомъ въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи субъективнаго къ объективному. Если время есть только наша идея и чистое субъективное воззрѣніе, то въ какой формѣ мы воспринимаемъ самую эту идею, само это субъективное воззрѣніе и всѣ другія субъективныя состоянія духа? Не будетъ ли истиннымъ Коперниканскимъ переворотомъ въ психологіи такое воззрѣніе на нашу душевную жизнь, которое признаетъ нашъ духъ со всѣми неизмѣнными формами и законами его бытія и отношеніями къ дѣйствительности матеріальной тѣмъ неподвижнымъ солнцемъ, которое создаетъ и освѣщаетъ вращающуюся вокругъ него и являющуюся ему въ пространствѣ и во времени дѣйствительность? Для того, чтобы рѣшить столь трудный и сложный вопросъ, нужно подвергнуть чувственный или матеріальный, и сверхчувственный или духовный, опытъ новому всестороннему и глубокому анализу, который бы вполнѣ выяснилъ элементы и формы того и другого и взаимное между ними отношеніе. Эту задачу обязана выполнить современная психологія и философія, прежде чѣмъ приступать къ пересмотру и рѣшенію другихъ философскихъ вопросовъ. Мы же намѣрены въ послѣдующихъ главахъ статьи опредѣлить всѣ существенные элементы вопроса и намѣтить главнѣйшіе пути къ правильному его освѣщенію, такъ какъ для полнаго и окончательнаго его разрѣшенія необходимъ цѣлый рядъ детальныхъ изслѣдованій, требующихъ коллективной работы психологовъ. Заранѣе просимъ возраженій и указаній на возможныя въ нашей постановкѣ вопроса ошибки.

V.

При поверхностномъ сравненіи опыта чувственнаго, или матеріальнаго, съ духовнымъ, или сверхчувственнымъ, поражаетъ одна особенная противоположность въ сопровождающей тотъ и другой опытъ оцѣнкѣ времени.

Когда мы путешествуемъ или другимъ способомъ переживаемъ большое количество интенсивныхъ чувственныхъ впечатлѣній, то время кажется намъ очень долгимъ. Прошли часы или немногіе дни, а намъ кажется, что мы пережили недѣли и мѣсяцы. Когда мы, напротивъ, поглощены своей внутреннею духовной жизнью, всецѣло захвачены сильнымъ чувствомъ, страстью или работою мысли и творчества, то—наоборотъ—часы намъ кажутся минутами, дни—часами, мѣсяцы—днями. Мы удивляемся, что не замѣчали времени,—прошедшее, настоящее и будущее какъ-бы сливалось вмѣстѣ въ одну неизмѣнную и внутренно тожественную, «наличную» дѣйствительность. Оттого замѣчено, что въ состояніи радостнаго аффекта люди часовъ не замѣчаютъ, т. е. времени не знаютъ, и точно такъ же не знаютъ времени и теряютъ его нить люди несчастные, страдающіе: неутѣшная и поглощенная своимъ горемъ мать или вдова не вѣритъ, что ребенокъ или мужъ ея умеръ уже мѣсяцъ тому назадъ,—«это было точно вчера, сейчасъ»; человѣкъ, потерявшій при пожарѣ все свое имущество, всѣ свои долголѣтнія сбереженія, сидитъ часы передъ сгорѣвшимъ домомъ своимъ, испытывая тяжелыя нравственныя страданія, и ему кажется потомъ, когда его отвлекли отъ его мучительнаго созерцанія, что несчастіе совершилось только-что, что не прошло и получаса со времени катастрофы. Но за то, если человѣкъ ждетъ, а ждетъ онъ всегда чего-нибудь внѣшняго, чувственной перемѣны въ явленіяхъ среды и въ состояніяхъ организма,—то усиленно прислушиваясь и приглядываясь къ внѣшнимъ и органическимъ впечатлѣніямъ, онъ опять проживаетъ минуты, думая, что живетъ часы и дни, ибо испытываетъ множество чувственныхъ впечатлѣній, обыкновенно ускользающихъ отъ его вниманія. Такъ описываютъ намъ душевное состояніе раненыхъ, лежащихъ на полѣ сраженія и ожидающихъ, чтобъ ихъ нашли и спасли (Л. Толстой, Гаршинъ). Но если тѣ же раненые уже ничего не ждутъ, а всецѣло отдаются своимъ страданіямъ, своему горю о близкихъ, то они не сознаютъ времени и часы летятъ какъ минуты. Вообще, все дѣло въ томъ, куда обращено сознаніе человѣка, наружу или внутрь себя: если наружу, то время замѣчается и кажется долгимъ;

если внутрь, то время не замѣчается и кажется ничтожнымъ. И послѣднее бываетъ не въ состояніи только страсти, аффекта. Человѣкъ, чуткій къ художественной красотѣ, стоитъ предъ геніальной картиной и тихо упивается эстетическимъ наслажденіемъ. Стоитъ или сидитъ онъ часы, забылъ весь міръ и всѣ вещи и весь погруженъ въ созерцаніе. Его разбудили отъ грезъ, оторвали, и ему кажется, что онъ пережилъ одинъ только мигъ, но этотъ мигъ представляется ему вѣчностью. Творитъ и пишетъ вдохновенный художникъ, мыслитель,—ученый сидитъ и работаетъ часы,—время бѣжитъ, наступаетъ за утромъ ночь или приходитъ за ночью утро, а ему кажется, что онъ только-что сѣлъ, только-что началъ думать и творить, и вмѣстѣ съ тѣмъ и тутъ мигъ сливается съ вѣчностью; ибо онъ просто не чувствовалъ времени, не испытывалъ его. Жить и не чувствовать времени—это, стало быть, *фактъ опыта*—какъ жить и не чувствовать пространства, протяженія, вещества. И эта нечувствительность сопровождаетъ именно интенсивную *духовную* жизнь, когда почти исчезаютъ и во всякомъ случаѣ сводятся на *minimum* и мерцаютъ въ сознаніи отрывочно и безъ связи впечатлѣнія чувственныя, физическія.

Слѣдовательно, для воспріятія пространства и времени нужны впечатлѣнія чувственныя, нужны мѣры физическія, объективныя. И это дѣйствительно такъ: пространство и протяженіе мы измѣряемъ физическими линіями и поверхностями, время—физическими моментами равномѣрнаго движенія тѣлъ (маятника, часовой стрѣлки и пр.). Психическое же теченіе и воспріятіе времени неравномѣрно. Зависитъ это именно отъ того, что часть нашего психическаго содержанія протекаетъ во времени, а часть воспринимается внѣ времени, а именно въ нашемъ самосознаніи. Обыкновенно чувственное сознаніе во времени и сверхчувственное самосознаніе внѣ времени такъ перемѣшаны, что образуется извѣстное *среднее теченіе* душевной жизни, которое мы пріучаемся довольно точно оцѣнивать объективными мѣрами времени. Но какъ только одно изъ нихъ беретъ перевѣсъ, время бѣжитъ быстрѣе или медленнѣе, и субъективная мѣра времени глубоко расходится съ объективною.

Но странно: мы сами какъ-будто признали выше, вмѣстѣ съ Кантомъ, что пространство и время—субъективныя формы опыта, «доступныя» чистому воззрѣнію сознанія, а теперь мы говоримъ, что мѣры и пространства, и времени—*объективныя, физическія*. Противорѣчивыми эти два положенія могутъ казаться, однако, лишь тому, кто не знаетъ, что такое *психологически* чувственный опытъ, физическая дѣй-

ствительность, матеріальный міръ. Для того, кто этого не знаетъ или забылъ, разсмотримъ вкратцѣ природу и элементы чувственнаго опыта.

«Міръ есть мое представленіе». Въ этой краткой, но сильной формулѣ Шопенгауэра резюмируется современное, единственно возможное и истинное воззрѣніе науки и философіи на природу чувственнаго опыта. Чувственный опытъ есть совокупность моихъ физическихъ ощущеній, внѣшнихъ и органическихъ, внутреннихъ. Но что такое «ощущеніе», по ученію науки? Это воспріятіе состоянія моего мозга, какъ ближайшаго органа сознательной психической дѣятельности. Такъ говорятъ физіологи. А что такое мой мозгъ? Это совокупность объективированныхъ мною, т. е. отнесенныхъ къ извѣстному предмету внѣ меня, ощущеній или «психическихъ» актовъ воспріятія. Такъ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ философы.

Изъ предѣловъ моихъ ощущеній въ міръ «вещей самихъ въ себѣ» я выхода не имѣю. Предметы и явленія внѣшняго міра, организмъ и его органы, органы чувствъ, нервы, мозгъ—все это комплексы моихъ ощущеній, моихъ психическихъ состояній, которыя я, по требованію природы и организаціи своего сознанія, *объективирую*, т. е. выношу изъ сознанія, и превращаю во внѣшнюю, независимую отъ моего духа и сознанія дѣйствительность. Но допустимъ, что я это объективированіе дѣлаю въ общемъ правильно и законно, что моимъ ощущеніямъ и представленіямъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ настоящіе физическіе или вещественные предметы и явленія, въ томъ числѣ мозгъ, нервы и периферическіе органы чувствъ. Какъ осуществляется въ моемъ организмѣ, какъ реальномъ предметѣ, актъ ощущенія?

Схема простая: 1) *физическое* (въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. механическое, физическое, химическое, органическое или иное) движеніе матеріальныхъ частей или частицъ среды и раздраженіе ими периферическихъ окончаній нервовъ, 2) молекулярныя физіологическія измѣненія (т. е. опять движенія) въ периферическихъ клѣткахъ этихъ нервовъ, передающіяся клѣткамъ нервныхъ волоконъ, идущихъ отъ периферіи въ центры, 3) раздраженіе чрезъ нихъ и молекулярныя физіологическія измѣненія въ клѣткахъ сѣраго вещества мозга и 4) ощущеніе. Въ первыхъ трехъ моментахъ имѣется на лицо физическое движеніе матеріальныхъ частицъ во внѣшней средѣ и въ организмѣ, какъ бы ни называли эти частицы вещества и тотъ родъ движенія, который имъ свойственъ. Въ послѣднемъ моментѣ—ощущеніе, психическій актъ. Несомнѣнно, что ничего, ни психическаго, ни даже физическаго, въ процессѣ ощущенія въ насъ не входитъ, кромѣ развѣ движенія, но и дви-

женіе-то это не входитъ, а только передается, сообщается. Происходитъ, такъ сказать, разряженіе скрытыхъ энергій нашихъ нервныхъ тканей, вызванное дѣйствіемъ внѣшнихъ движущихся тѣлъ и частицъ, которыя какъ бы замыкаютъ токъ въ той или другой разомкнутой батарейкѣ нашей нервной системы. Какъ это замыканіе происходитъ; физіологія не знаетъ: сущность нервнаго процесса — пока загадка [1]). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что каждый микроскопическій нервный аппаратъ, состоящій изъ клѣтки и волоконъ, имѣетъ собственную скрытую и накопленную, такъ называемую, потенціальную энергію, которая извнѣ, чрезъ раздраженіе периферіи, не входитъ въ нервы, а только въ нихъ разряжается; ибо если нервная энергія аппарата истощена и истрачена (и еще не возстановлена питаніемъ), то сколько бы мы ни раздражали нервъ, онъ не раздражится, и ощущенія не будетъ. Слѣдовательно, весь секретъ въ томъ, какъ разряженіе нервной энергіи переходитъ въ психическій актъ ощущенія, въ психическую искру сознанія. Это—тайна природы, но несомнѣнно одно, что нервное разряженіе въ центрѣ есть тоже родъ физическаго движенія, какъ это видно изъ разряженія этой нервной энергіи въ мышцу и ея сокращенія. Сознаніе (актъ ощущенія) иногда его сопровождаетъ, а иногда нѣтъ, даже при дѣйствіи однихъ и тѣхъ же физіологическихъ аппаратовъ. Для того, чтобъ сознаніе было, нужно нѣкоторое перемѣщеніе свободной энергіи сознанія (если она есть), называемое актомъ вниманія, непроизвольнаго или произвольнаго. Это—то, что нѣмцы зовутъ апперцепціей, т. е. воспріятіемъ или ощущеніемъ, въ собственномъ смыслѣ (предполагается, что ощущенія могутъ быть безсознательны и подсознательны, когда мы не отдаемъ себѣ сразу отчета въ воспринятомъ впечатлѣніи, а послѣ оно иногда воспроизводится въ сознаніи).

Изъ этой роли «вниманія» въ психическомъ актѣ ощущенія ясно, что энергія отдѣльной клѣтки сама по себѣ не есть еще «психическая энергія», а есть только энергія внутренняго молекулярнаго движенія, и что психическая энергія можетъ быть только привлечена къ дѣйствію или «пробуждена» разряженіемъ нервной энергіи центральной клѣтки или группы клѣтокъ сѣраго вещества мозга. Во всякомъ случаѣ, само

[1]) Можетъ быть, дѣло сводится именно къ тому, что движеніе внѣшнихъ частицъ среды, сообщая извѣстное колебаніе нервнымъ клѣткамъ периферіи, сталкиваетъ и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, а чрезъ это и происходитъ замыканіе отдѣльной микроскопической нервной батареи, причемъ роль проводниковъ тока играютъ два волокна нерва, а не одинъ, а роль батареи—одна или нѣсколько клѣтокъ сѣраго вещества мозга.

ощущеніе не сидитъ потенціально въ клѣткѣ, а содержится гдѣ-то въ иной средѣ или области. Извнѣ же, черезъ клѣтки и нервныя волокна, само ощущеніе никакъ войти въ насъ не можетъ, — оно есть проявленіе извѣстнаго внутренняго возбужденія, называемаго «психическимъ».

Этихъ выводовъ о характерѣ процесса ощущенія для дальнѣйшаго нашего изслѣдованія природы чувственнаго опыта пока достаточно. Психологически мы пріобрѣли твердую и ясную позицію: ничто психическое извнѣ въ насъ не входитъ, — что вполнѣ совпадаетъ съ убѣжденіемъ философовъ и естествоиспытателей, что всѣ наши ощущенія субъективны,—суть субъективные психическіе символы внѣшнихъ движеній среды, въ которой есть только движенія частицъ эѳира, воздуха и другихъ тѣлъ, газообразныхъ, жидкихъ и твердыхъ, но нѣтъ цвѣтовъ, звуковъ, ароматовъ, вкусовъ и проч., составляющихъ всецѣло наши ощущенія.

Но если ничто психическое въ насъ не входитъ, то, очевидно, все наше психическое содержаніе потенціально въ насъ содержится изначала, какъ «способность», какъ «непроявленная сила». Какова бы ни была по своей природѣ среда, въ которой замкнуто и уготовано все будущее наше психическое содержаніе: — ощущеній, идей, чувствъ, стремленій, дѣйствій,— это содержаніе находится въ насъ, какъ извѣстный романъ или философское изслѣдованіе въ книгѣ, которую мы еще не раскрыли и не начали читать. Назовемъ эту внутреннюю среду нашихъ духовныхъ потенцій и скрытыхъ душевныхъ состояній, ради удобства дальнѣйшихъ разсужденій, опредѣленнымъ именемъ—душою, какъ ее называетъ большинство людей, причемъ подъ «душою» мы пока не будемъ разумѣть особой субстанціи, а только «особую психическую энергію сознанія», намъ свойственную, и которая, можетъ быть, и имѣетъ общую природу съ другими энергіями вселенной, и есть лишь особая высшая форма ихъ развитія [1]). Несомнѣнно одно, что душа, ранѣе опыта, вопреки мнѣнію Локка и сенсуалистовъ, не есть tabula rasa, или неисписанный листъ бумаги, а есть, напротивъ, отпечатанная, сброшюрованная и переплетенная въ оболочку извѣстнаго организма книга. Воздѣйствіемъ среды она только открывается на той или другой страницѣ, и тогда проявляется присущее ей отъ природы содержаніе.

---

[1]) Мы намѣренно устраняемъ теперь разсмотрѣніе метафизической проблемы о сущности душевной энергіи или души.

Соотвѣтствуетъ ли такое представленіе фактамъ, которые намъ извѣстны о душевной жизни человѣка? Вполнѣ. Во-первыхъ, въ явленіяхъ памяти и психической наслѣдственности мы имѣемъ доказательство того, что душевное содержаніе имѣетъ въ насъ среду, въ которой можетъ невидимо для насъ, до поры до времени, сохраняться въ состояніи потенціальномъ, скрытомъ, безсознательномъ; во-вторыхъ, въ фактахъ прирожденныхъ способностей, дарованій, талантовъ, геніальности, которые проявляются лишь при удобныхъ случаяхъ, при извѣстныхъ возбужденіяхъ со стороны среды, въ извѣстныхъ условіяхъ воспитанія, развитія, обстановки, мы также имѣемъ доказательство того, что душевное содержаніе можетъ въ насъ храниться даже всю жизнь, не имѣя случая и повода обнаружиться, или обнаруживаясь очень поздно; въ третьихъ, въ процессахъ мышленія и художественнаго творчества, открывающихъ намъ изнутри, безъ всякаго непосредственнаго воздѣйствія среды и часто неожиданно для насъ самихъ, новыя перспективы идей или образовъ дѣйствительности, нашей душою изъ себя самой творимыхъ и даже не извлекаемыхъ изъ прежняго опыта, мы имѣемъ также доказательство того, что можемъ обладать несмѣтными сокровищами духовнаго содержанія, о которыхъ часто и не подозрѣваемъ; въ четвертыхъ, въ развитіи нашихъ чувствъ, хотѣній, темперамента и характера мы тоже постоянно наталкиваемся (эмпирически, какъ говорилъ Шопенгауэръ) на такія скрытыя потенціи или предрасположенія своей души, которыя могли быть только вложены въ насъ природой, а не взяты извнѣ. Если же все, что составляетъ наше духовное содержаніе: ощущенія, идеи, чувства, стремленія—можетъ въ отдѣльности храниться въ скрытомъ, потенціальномъ видѣ въ нашей душѣ, то ничто не мѣшаетъ намъ признать, на основаніи изложеннаго взгляда на процессы ощущенія, что и все душевное содержаніе во всей совокупности намъ прирождено и въ насъ заранѣе уготовано. Конечно, отъ условій среды въ значительной степени зависитъ, на какихъ страницахъ книга духа нашего будетъ раскрыта въ теченіе ограниченной временемъ и мѣстомъ жизни нашего организма, но, съ другой стороны, есть и такая ступень развитія человѣческой души, на которой она пріобрѣтаетъ возможность сама раскрывать и перелистывать книгу своего бытія, отъ первой страницы до послѣдней, и именно эта ступень духовнаго развитія и мощи составляетъ идеалъ «человѣческой» души, сущность искомой «духовной свободы» (такъ называемой, «свободы воли»).

Сопоставимъ теперь два результата нашего изслѣдованія: 1) по организаціи нашего тѣла и органовъ чувствъ ничто психическое извнѣ войти

въ насъ не можетъ; 2) все психическое содержаніе можетъ скрыто и безсознательно пребывать въ нашей душѣ и проявляться не только подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій и органическихъ нер вныхъ раздраженій, но и въ силу внутренней самодѣятельности самой душевной энергіи, называемой въ этихъ случаяхъ волею. Отсюда вытекаетъ, 3) что все наше душевное содержаніе первоначально чѣмъ-то связано и парализовано и что каждое ощущеніе или другое психическое состояніе, вызванное извнѣ или изнутри, есть актъ освобожденія части потенціальной или скрытой душевной энергіи.

Что же связываетъ и сохраняетъ нашу душевную энергію въ потенціальномъ состояніи, мѣшаетъ ея мгновенному и полному самораскрытію? Отчего, если она и раскрывается въ состояніяхъ и актахъ сознанія, то лишь частями, отдѣльными проявленіями, или проблесками, постепенно, во времени, и никогда — до смерти — вполнѣ, сразу, во всемъ своемъ имманентномъ содержаніи? На это мы имѣемъ опять отвѣтъ въ фактахъ, на которые выше указывали, напримѣръ, въ фактахъ памяти, забвенія, припоминанія, психической наслѣдственности и другихъ. Очевидно, тотъ самый организмъ, со всѣмъ своимъ сложнымъ устройствомъ, который обусловливаетъ частичное, послѣдовательное разряженіе нервной энергіи и освобожденіе психической, въ формѣ ощущеній, идей и проч., является аппаратомъ, связывающимъ, задерживающимъ, подавляющимъ сознаніе и душевныя наши силы. Отчего ученый не можетъ въ каждую минуту сразу и во всемъ объемѣ знать, помнить и сознавать всю ту массу фактовъ, которые онъ изучилъ и узналъ? Отчего художникъ не можетъ сразу обладать всѣмъ тѣмъ богатствомъ образовъ, которые онъ можетъ постепенно и послѣдовательно раскрыть и воплотить въ своихъ произведеніяхъ предъ изумленнымъ читателемъ, зрителемъ, слушателемъ? А потому, что этому мѣшаетъ устройство сковывающей силы его души нервной системы,— устройство мозга, нервовъ, органовъ чувствъ, мышцъ, вообще всего тѣла, всѣ процессы котораго суть матеріальныя движенія, требующія для своего осуществленія усилія, побѣды надъ сопротивленіями вещества, и слѣдовательно времени. Тѣло — «темница души», говорили еще древніе философы Пиѳагоръ и Платонъ, и они были правы въ томъ смыслѣ, что именно тѣло съ своимъ устройствомъ задерживаетъ безпрепятственное проявленіе духовной энергіи. Мыслитель или художникъ нѣсколько часовъ подрядъ свободно и безпрепятственно творитъ идеи; онъ забылъ время, онъ поднимается все выше и выше въ своемъ созерцаніи истины или красоты,— кажется, еще одно ничтожное усиліе—и предъ нимъ раскроются разомъ

двери въ храмъ міросозданія, всѣ тайны природы, вся необъятная вѣчность и сила бытія. И въ эту минуту его пробуждаетъ и отвлекаетъ отъ вдохновенныхъ мыслей и грезъ и низводитъ на землю сильный стукъ или шумъ, яркій взрывъ ракеты, боль въ поясницѣ или въ рукѣ, ощущеніе голода или жажды. Всѣ эти впечатлѣнія въ сознаніи вызваны, ближайшимъ образомъ, процессами въ организмѣ, въ нервахъ, въ мозгу, и полетъ духа задержанъ, связанъ, прерванъ.

Очевидно, тѣло играетъ ту же роль въ отношеніи нашей душевной энергіи, какъ электрическій приборъ или машина въ отношеніи къ электрической энергіи. Тѣло—аппаратъ, обособляющій, сохраняющій и связывающій душевную энергію, но оно же и аппаратъ, ее разряжающій и освобождающій. Если бы тѣло не связывало и не парализовало душевной энергіи, то она должна была бы проявиться вся разомъ, моментальнымъ наплывомъ въ сознаніи всѣхъ доступныхъ душѣ ощущеній, образовъ воспоминанія, идей, чувствъ, волненій, страстей, стремленій и хотѣній, и дальнѣйшимъ непрерывнымъ и незаглушимымъ ихъ совмѣстнымъ и вѣчнымъ бытіемъ, и это былъ бы рай или адъ, смотря по тому, каковъ комплексъ присущихъ данному я, данной духовной личности, элементовъ душевнаго содержанія. Если душа есть, какъ особая отъ тѣлъ субстанція, могущая существовать самостоятельно, то нѣчто подобное и должно совершаться, когда тѣло умираетъ и душа покидаетъ тѣло. Если же душа— только случайно собранный въ организмѣ запасъ душевныхъ энергій, по природѣ подобныхъ другимъ «физическимъ» энергіямъ, то съ уничтоженіемъ сосуда тѣлеснаго онѣ должны все-таки освободиться и разсѣяться. Но такъ какъ ихъ природа такова, что всякое освобожденіе психической энергіи есть актъ сознанія и самосознанія, то даже и при этомъ «физическомъ» освобожденіи и разсѣяніи душевной энергіи трудно вообразить себѣ, чтобъ оно не сопровождалось ощущеніями, мыслями, воспоминаніями, чувствами и стремленіями, связанными съ самосознаніемъ извѣстнаго «я». Вотъ почему, можетъ быть, мы инстинктивно совершенно не въ состояніи представить себѣ полной смерти души и сознанія въ моментъ смерти тѣла, и почему нашему уму невольно представляется картина новой жизни души, такъ поэтически начертанная Байрономъ въ стихотвореніи «Когда нашъ теплый трупъ...» [1]).

---

[1]) См. переводъ К. Случевскаго въ изданіи Гербеля: Сочиненія Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, Т. I, стр. 7 (изд. 2-е, Спб. 1874)

И что съ душой тогда?—свободна и безпечна,
Пойдетъ ли по путямъ невидимыхъ планетъ,
Не расплывается ли окомъ безконечнымъ
Вездѣ и вдругъ—и ей преграды нѣтъ?
Безъ формы, безъ конца и вѣчно юна въ силѣ,
Невидима сама въ надоблачной тиши...
Все то, что небеса съ землей въ себя вмѣстили,
Представится очамъ и памяти души.
Прошедшее само, съ загадочнымъ нарядомъ,
Исполненное тайнъ, смѣсь свѣта и тѣней
Раскроется тогда передъ могучимъ взглядомъ,
Раздвинется сполна картина передъ ней... и проч.

Но мы пока не будемъ обсуждать метафизическаго вопроса о судьбахъ душевной энергіи внѣ тѣла, а вернемся опять къ изслѣдованію проблемы чувственнаго опыта, отъ которой нѣсколько отклонились. Иллюстрація и обоснованіе того положенія, что организмъ связываетъ душевную энергію, удерживаетъ ее въ потенціальномъ состояніи и затѣмъ постепенно разряжаетъ и освобождаетъ, слѣдствіемъ чего являются наши отдѣльныя ощущенія и ихъ комплексы, дастъ намъ возможность теперь установить болѣе точный взглядъ на природу ощущенія, а слѣдовательно, и чувственнаго опыта, назначеніе субъективныхъ формъ нашего чувственнаго воспріятія—спеціальныхъ (отдѣльные виды ощущенія) и общихъ (воспріятіе пространства и времени). Этимъ опредѣленіемъ природы ощущенія, элементовъ и формъ чувственнаго опыта мы и займемся въ слѣдующей главѣ.

VI.

Если съ психологической точки зрѣнія, ощущеніе есть освобожденіе скрытой душевной силы или энергіи, то оно, очевидно, есть въ то же время сознаніе осуществленнаго усилія и побѣжденнаго сопротивленія. Мысль, что въ каждомъ ощущеніи осуществлено нѣкоторое усиліе и устранено препятствіе и сопротивленіе, т.-е. что въ немъ есть моментъ активности, воли, не чужда многимъ психологамъ-спиритуалистамъ нашего вѣка. Ее проводилъ, между прочимъ, Мэнъ де-Биранъ, а вслѣдъ за нимъ высказывали и нѣкоторые русскіе психологи (П. Е. Астафьевъ, Л. М. Лопатинъ). Она своеобразно проявилась также и въ теоріи Вундта объ апперцепціи. Но мы не будемъ отвлекаться въ сто-

рону отъ своего изслѣдованія изложеніемъ исторіи вопроса [1]). Достаточно сказать, что въ каждомъ актѣ ощущенія, какъ сознательнаго воспріятія, заложена нѣкоторая доля активнаго напряженія духа, называемаго вниманіемъ, а вниманіе есть проявленіе воли. Можно сказать, что съ момента пробужденія и до момента засыпанія все бодрственное состояніе сознанія есть извѣстное непрерывное, хотя и незамѣтное, по своей привычности, напряженіе вниманія, или воли, въ сторону усилій къ воспріятію, — напряженіе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ обостряется и тогда становится для насъ замѣтнымъ, какъ особенно сильное «проявленіе вниманія», такъ что все бодрственное состояніе можно назвать «состояніемъ необостреннаго вниманія». Вѣдь засыпаніе есть прямое слѣдствіе естественно притупившагося или искусственно притупленнаго и произвольно пріостановленнаго нами вниманія. Это наблюденіе, легко доступное субъективной провѣркѣ, имѣетъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, огромное значеніе для всей теоріи чувственнаго опыта.

Итакъ, психологически ощущеніе есть освобожденіе, въ формѣ извѣстнаго состоянія сознанія, нѣкоторой потенціальной душевной энергіи, происходящее при двухъ условіяхъ — толчка извнѣ и внутренняго усилія. Толчокъ извнѣ заключается, какъ мы видѣли, въ разряженіи нервной энергіи въ извѣстномъ нервномъ аппаратѣ или батарейкѣ (да позволятъ намъ и впредь прибѣгать въ своемъ изложеніи къ этому удобному образу),—разряженіи, происходящемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ движеній или же процессовъ въ самомъ организмѣ (какъ это бываетъ, напримѣръ, въ ощущеніяхъ органическихъ, въ галлюцинаціяхъ и пр.). Но какимъ образомъ разряженіе физіологической энергіи въ нервномъ аппаратѣ или, точнѣе, въ мозговой клѣточкѣ, освобождаетъ нѣкоторую часть нашей психической энергіи, мы не знаемъ: физіологія не въ состояніи отчетливо отвѣтить на этотъ вопросъ. Можно въ нѣкоторой степени конкретно представить себѣ этотъ процессъ аналогично освобожденію въ тѣлахъ положительной электрической энергіи, при разряженіи отрицательной, которая ее связывала, или наоборотъ. Этою двойной аналогіей освѣщается, между прочимъ, различіе другъ отъ друга тѣхъ двухъ случаевъ, когда разряженіе нервной энергіи освобождаетъ пси-

[1]) Собственно говоря, мысль, что ощущеніе есть результатъ взаимодѣйствія души и тѣла (+ среда) и что душа участвуетъ въ ощущеніи столь же активно, какъ и внѣшній міръ, на нее дѣйствующій, высказывалась уже древними философами, особенно Платономъ и Аристотелемъ.

хическую (въ формѣ ощущенія) и когда, наоборотъ, освобожденіе (изнутри, актомъ воли) психической энергіи ощущенія вызываетъ разряженія нервной энергіи. Мы далеки отъ окончательнаго уразумѣнія этихъ процессовъ, при современномъ состояніи физіологіи мозга и всей нервной системы, но именно потому мы вправѣ помогать себѣ въ уясненіи вопроса аналогіями и догадками.

Во всякомъ случаѣ въ каждомъ актѣ ощущенія есть два момента: внутренній, чисто психическій (волевой), и внѣшній, психо-физіологическій. Сознаніе давленія и вліянія извнѣ выражается въ специфическихъ или спеціальныхъ ощущеніяхъ, а сознаніе усилія изнутри проявляется въ извѣстныхъ общихъ формахъ ощущенія (въ воспріятіи пространственнаго протяженія и времени), ибо это усиліе изнутри (волевое) болѣе или менѣе однородно во всѣхъ воспріятіяхъ (по крайней мѣрѣ, формы его немногочисленны), тогда какъ роды воздѣйствій извнѣ столь же разнообразны, какъ разнообразны спеціальные аппараты воспріятія, изъ которыхъ составлена нервная система. Конечно, и эти воздѣйствія на душевныя силы извнѣ, чрезъ нервные аппараты, какъ и собственныя встрѣчныя усилія души, ощущаются нами психически, субъективно, и потому по отношенію къ внѣшнимъ физическимъ и физіологическимъ раздраженіямъ они суть только условные символы: «внѣ и помимо своихъ собственныхъ состояній, душа ничего ощущать не можетъ». Но все-таки наша нервная система такъ устроена, что малѣйшее измѣненіе въ способѣ и характерѣ разряженія ея энергій отражается измѣненіями въ способѣ освобожденія психической энергіи и въ соотвѣтствующихъ ему ощущеніяхъ. Какъ это происходитъ, мы не знаемъ, но знаемъ изъ опыта, что это такъ.

Отсюда вытекаетъ, что всѣ наши спеціальныя или специфическія ощущенія (различныхъ органовъ чувствъ) суть субъективныя формы воспріятія разнообразныхъ измѣненій, претерпѣваемыхъ нашей душевной силой при разряженіи нервной энергіи въ различныхъ частичныхъ аппаратахъ нервной системы. Ощущенія зрительныя, т. е. свѣтовыя и цвѣтовыя, ощущенія слуховыя, т. е. звуковъ и шумовъ, ощущенія осязательныя (свойствъ поверхностей), ощущенія обонятельныя (запаховъ и ароматовъ), вкусовыя, температурныя (внѣшнія), мускульныя (ощущенія тяжести тѣлъ и пр.), и др. внѣшнія, а равно и органическія ощущенія, сопровождающія процессы дыханія, кровообращенія, пищеваренія, выдѣленія и дѣятельность самыхъ аппаратовъ нервной системы (органовъ чувствъ, мышцъ, головного мозга и отчасти спинного)—все это субъективные символы разнообразныхъ физическихъ и физіологи-

ческихъ движеній, косвенно освобождающихъ нашу энергію сознанія изъ потенціальнаго, связаннаго состоянія. Почему они имѣютъ въ отдѣльныхъ случаяхъ тотъ или другой характеръ и качество въ сознаніи и насколько это качество соотвѣтствуетъ свойствамъ вещей въ себѣ, которыя дѣйствуютъ на организмъ и къ которымъ мы относимъ свои ощущенія, какъ показатели этихъ свойствъ, мы не знаемъ. Несомнѣнно, что извѣстное соотвѣтствіе субъективныхъ ощущеній объективнымъ предметамъ и ихъ свойствамъ должно быть, иначе мы не могли бы сами дѣйствовать на міръ вещей, измѣнять вещи по своему усмотрѣнію и пользоваться ими для своихъ надобностей. Во всякомъ случаѣ, если свойства вещей и явленій міра, сами по себѣ,—и иныя, чѣмъ какими мы ихъ знаемъ въ «субъективныхъ символахъ ощущеній», то одно достовѣрно, что каждому особому объективному свойству вещей соотвѣтствуетъ опредѣленное и устойчивое, всегда постоянное ощущеніе, и что посредникомъ между опредѣленнымъ событіемъ въ мірѣ вещей и нашимъ сознаніемъ является въ свою очередь особый устойчивый нервный аппаратъ, на который можетъ дѣйствовать только опредѣленное событіе (движеніе) въ средѣ и который вызываетъ всегда освобожденіе опредѣленной формы психической энергіи въ видѣ всегда себѣ равнаго ощущенія. Такая устойчивость дѣйствія нервнаго аппарата названа физіологами еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка (а именно, Іоганномъ Мюллеромъ) его специфическою энергіею[1]). Очевидно, стало-быть, что извѣстное соотвѣтствіе между событіями въ мірѣ вещей въ себѣ и ощущеніями сознанія, каково бы оно ни было, зависитъ отъ устойчивой организаціи нервной системы. Но такъ какъ все-таки между движеніями (въ нервахъ) и ощущеніями, какъ субъективными воспріятіями этихъ движеній, никакого моста наука построить не въ состояніи, то остается вѣрить въ «предустановленную гармонію» между духомъ и веществомъ, осуществленную природой (или ея Творцомъ) при помощи тонкой и сложной организаціи самого вещества въ организмѣ и въ нервной системѣ, такъ какъ организмъ есть именно та среда, въ которой движеніе и ощущеніе, матерія и сознаніе соприкасаются. Конечно, на это можно возразить, что для философа, который понимаетъ, что матерія, міръ и самое движеніе суть только совокупности нашихъ ощущеній и предста-

[1]) Іоганнъ Мюллеръ говорилъ объ особой специфической жизни «нервовъ», но съ тѣхъ поръ, какъ нервы оказались безразличными проводниками нервнаго тока, специфическую энергію пришлось приписать устройству центральныхъ клѣтокъ мозга или же периферическихъ окончаній нервовъ.

вленій, т. е. психическихъ состояній,—все реальное сводится къ психическому, и что на этомъ основаніи не зачѣмъ и говорить о матеріи или веществѣ, какъ о «реальности»: существуетъ одинъ только духъ съ его состояніями (представленіями и хотѣніями), ибо и самый организмъ, мозгъ и вся нервная система—представленія духа, образы сознанія. Но эта точка зрѣнія чистаго субъективнаго идеализма или панпсихизма (все существующее—духовно), при надлежащемъ анализѣ, все-таки не выдерживаетъ критики, потому что самый психическій фактъ объективаціи или матеріализаціи ощущеній въ представленія о вещахъ, независимыхъ отъ самыхъ представленій, есть несомнѣнный психологическій фактъ, требующій объясненія. Пусть этотъ инстинктъ и эта потребность и необходимость объективаціи вложены въ насъ Творцомъ или слѣпой эволюціей природы—все равно: въ первомъ случаѣ онъ является откровеніемъ свыше, во второмъ—естественнымъ приспособленіемъ духа и сознанія къ дѣйствительности. Но и въ первомъ и во второмъ случаѣ онъ долженъ быть признанъ показателемъ чего-то дѣйствительно существующаго. Другими словами, въ самомъ психическомъ фактѣ объективаціи и матеріализаціи ощущеній въ предметы и ихъ свойства лежитъ доказательство существованія чего-то противоположнаго субъекту, воспринимающему духу,—назовемъ ли мы это противоположное—недуховное, несубъективное—матеріей, веществомъ, движеніемъ или болѣе отвлеченно—«вещью въ себѣ». Все это только имена и названія, а фактъ остается тотъ, что есть реальность иная, чѣмъ духъ, подчиненная другимъ законамъ, чѣмъ жизнь духа, и субъективно познаваемая нами въ образахъ или символахъ ощущенія, и что гармонія и соотвѣтствіе между этими двумя реальностями предустановлены неизвѣстнымъ намъ способомъ при самомъ возникновеніи міра, вселенной, при самомъ зарожденіи вещей и ихъ силъ. Лейбницъ хорошо понималъ, что это предѣльное понятіе въ философіи необходимо, что оно знаменуетъ собою тайну, которой мы, можетъ быть, никогда не постигнемъ [1]).

---

[1]) Высказываясь въ пользу Лейбницевскаго понятія «предустановленной гармоніи», мы, однако, не примыкаемъ всецѣло къ его ученію о монадахъ, въ которомъ видимъ много логическихъ противорѣчій, и не считаемъ удачнымъ сравненіе отношеній монадъ разнаго порядка съ одновременно заведенными и равномѣрно идущими часами. Сравненіе это слишкомъ грубо. Оно исключаетъ постоянное взаимодѣйствіе духа и вещества, т. е. реальностей двухъ порядковъ, которое, однако, составляетъ несомнѣнный фактъ и въ которомъ именно и лежитъ великая тайна бытія.

Итакъ, спеціальныя ощущенія суть субъективныя формы воспріятія и сознаванія несомнѣнно реальныхъ, но неизвѣстныхъ намъ въ себѣ, т. е. независимо отъ ощущеній — событій и вещей, объективно существующихъ внѣ нашего сознанія или души. Эти измѣненія, воспринимаемыя въ формѣ специфическихъ ощущеній, свѣтовыхъ, цвѣтовыхъ, звуковыхъ и др. подобныхъ, сами по себѣ пассивны, т. е. не представляютъ собою воспріятія внутреннихъ психическихъ усилій, сопровождающихъ процессъ чувственнаго воспріятія. Усилія эти, однако, неизмѣнно сопровождаютъ, какъ мы видѣли, всякій актъ ощущенія, и та или другая степень вниманія, отличающаго данный актъ воспріятія, равносильна понятію энергіи самого сознанія, управляющаго порядкомъ и отношеніями своихъ состояній. Воспріятіе именно этихъ-то постоянныхъ усилій сознанія и выражается въ особомъ разрядѣ ощущеній, тѣсно связанныхъ съ спеціальными (пассивными), но отличающихся отъ нихъ своей общностью, принадлежностью всѣмъ или многимъ видамъ спеціальныхъ ощущеній, на какія мы способны.

Усилія эти имѣютъ двоякую цѣль — удержать данное ощущеніе, или перейти отъ него къ новому. Такъ какъ интенсивность освобождаемой (каждымъ внѣшнимъ впечатлѣніемъ и разряженіемъ нервнаго аппарата) психической энергіи ограничена, а та общая энергія сознанія, которая свободна въ нормальномъ бодрственномъ состояніи души имѣетъ достаточно внутреннихъ объектовъ, могущихъ составлять предметъ ея созерцанія (въ самосознаніи), то происходитъ неизбѣжная борьба между ощущеніями, непрерывно стремящимися къ вытѣсненію другъ друга изъ сознанія. Эту борьбу ощущеній (или представленій) пытался изобразить и объяснить въ своихъ психологическихъ произведеніяхъ Гербартъ, но онъ не воспользовался ею для объясненія происхожденія идей пространства и времени въ томъ направленіи, какое нами имѣется въ виду.

Итакъ, сознаніе дѣлаетъ усиліе, чтобъ удержать данное, возникшее въ немъ ощущеніе (и слѣдовательно, подавить въ ущербъ ему другія), или чтобъ перейти къ другому (и подавить ради него прежнее).

Усилія того и другого рода не остаются безъ вліянія на нервный механизмъ воспріятія, и подобно тому, какъ разряженіе энергіи нервныхъ механизмовъ освобождаетъ нѣкоторыя психическія энергіи, такъ и наоборотъ: усилія психическія разряжаютъ извѣстныя энергіи нервныхъ механизмовъ, и эти разряженія выражаются въ движеніяхъ мускуловъ органовъ чувствъ и всего тѣла. Соотвѣтственно этому, въ сознаніи появляются ощущенія усилій (конечно, чисто психическихъ),

которыя нѣкоторые новѣйшіе физіологи (Вундтъ) назвали иннерваціонными двигательными ощущеніями [1]).

Эти усилія, однако, бываютъ двухъ порядковъ, — все равно, направлены ли они къ удержанію даннаго ощущенія или къ воспріятію новаго. Одни имѣютъ задачей приспособленіе къ той или другой цѣли периферическихъ аппаратовъ воспріятія, другія — приспособленіе для этой цѣли центральнаго аппарата, мозга. Зависитъ это различіе отъ различія качества ощущеній: въ одной группѣ ощущеній преобладаютъ роль и значеніе периферіи, въ другихъ — центральной нервной системы. Такъ, въ воспріятіяхъ зрительныхъ и осязательныхъ главную роль играетъ периферическій аппаратъ: чтобы видѣть, мы передвигаемъ глаза направо, налѣво, вверхъ, внизъ, переходимъ съ мѣста на мѣсто и измѣняемъ все положеніе своего тѣла. Точно такъ же, для того чтобъ осязать, нужно двигать руками, ногами, всѣмъ тѣломъ. Наоборотъ, въ ощущеніяхъ слуховыхъ и обонятельныхъ главную роль играютъ какія-то внутреннія двигательныя приспособленія центровъ: мы прислушиваемся и принюхиваемся, иногда не измѣняя нисколько положенія органовъ слуха и обоняніе и всего тѣла и стараясь лишь внимательнѣе сосредоточиться на своихъ воспріятіяхъ, слуховыхъ и обонятельныхъ. Конечно, это не исключаетъ возможности передвиженій тѣла и соотвѣтствующихъ органовъ для усиленія и уясненія впечатлѣній слуха и органа обоняніе, если мы хотимъ дать имъ пространственную локализацію, точно такъ же, какъ и въ ощущеніяхъ зрительныхъ и осязательныхъ мы дѣлаемъ усилія въ смыслѣ приспособленія центровъ, если мы хотимъ воспринять ихъ послѣдовательность во времени. Мы лишь настаиваемъ на преобладающей роли тѣхъ или другихъ условій въ ощущеніяхъ различнаго рода и на двоякомъ характерѣ усилій, периферическихъ и центральныхъ, совершаемыхъ душевной энергіей для того, чтобъ удержать данное ощущеніе или уловить новое.

И вотъ, въ результатѣ являются два порядка психическихъ ощущеній усилій, совершаемыхъ въ томъ или другомъ направленіи, которыя и лежатъ въ основаніи субъективныхъ воспріятій пространства и времени, какъ общихъ формъ чувственнаго опыта. Ощущеніе характера и качества усилій, совершаемыхъ для приспособленія къ вос-

---

[1]) Въ отличіе отъ периферическихъ мышечныхъ ощущеній, являющихся показателями органическихъ условій дѣятельности и состоянія мышцъ, каковы ощущенія усталости, физической бодрости, чрезмѣрнаго или недостаточнаго напряженія мышцъ и т. д.

пріятію «периферическихъ» органовъ, выражается въ сознаніи нами протяженія, разстоянія, величины, тѣлесности и вообще пространственныхъ формъ предметовъ опыта. Ощущеніе характера усилій, совершаемыхъ для приспособленія къ процессу воспріятія нашихъ «центральныхъ» органовъ, выражается въ сознаніи нами продолжительности, смѣны или преемства, вообще времени ощущеній. Пространство есть преимущественно форма воспріятій зрительныхъ и осязательныхъ, время—форма воспріятій слуховыхъ и обонятельныхъ. Если мы смотримъ глазами на совершенно неподвижный и тихій ландшафтъ (когда, какъ говорятъ, листъ не шелохнется, муха не пролетитъ, и мы не воспринимаемъ ясно ни одного звука), то воспріятіе наше преимущественно пространственное, безразличное въ отношеніи времени. Если, наоборотъ, закрывъ глаза и неподвижно сидя на одномъ мѣстѣ въ концертѣ, мы слушаемъ исполненіе музыкальной пьесы, то легко забываемъ объ условіяхъ пространства и живемъ преимущественно во времени. И оттого иногда возможна для человѣка иллюзія, что онъ слышитъ звуки неземные, небесные, голоса ангеловъ и херувимовъ (иллюзія пространства), или что онъ видитъ (прозрѣваетъ) событія будущія, еще не наступившія (иллюзія времени). Это отношеніе различія преобладающихъ субъективныхъ формъ въ воспріятіяхъ зрительныхъ и осязательныхъ, съ одной стороны, и слуховыхъ и обонятельныхъ, съ другой, особенно ярко проявляется въ *галлюцинаціяхъ и въ нѣкоторыхъ картинахъ поэтической фантазіи*, и то же самое различіе подчеркивается нѣкоторыми аномаліями въ степени чувствительности къ пространству и времени — слѣпыхъ и глухихъ, а также людей, потерявшихъ часть осязанія или обоянія. Слѣпые живутъ болѣе образами времени, глухіе—образами пространства. Только въ ощущеніяхъ вкусовыхъ, температурныхъ и органическихъ нельзя отмѣтить преобладанія одной формы воспріятія субъективныхъ усилій надъ другою, причемъ, однако, объ неясны и обивчивы, ибо самыя ощущенія по преимуществу пассивны.

Но для насъ не столько важно то, какая общая форма субъективнаго воспріятія преобладаетъ въ ощущеніяхъ того или другого порядка, сколько то, что всѣ ощущенія, изъ которыхъ слагаются образы протяженія и пространства, суть ощущенія психическихъ усилій, направленныхъ къ периферической иннерваціи, а ощущенія, изъ которыхъ слагаются образы продолжительности и преемства, т. е. времени, суть ощущенія психическихъ усилій центральной двигательной иннервація. Мышцъ въ мозгу, повидимому, нѣтъ, но движенія (молекулярныя— въ волокнахъ и клѣткахъ) несомнѣнно есть, и мы восприни-

маемъ психическія усилія, которыя дѣлаемъ для того, чтобы ихъ вызвать, для того, чтобы удержать (продлить) извѣстное ощущеніе или смѣнить его новыми. Оттого-то намъ и кажется, что время есть болѣе внутренняя и субъективная форма воспріятія, чѣмъ пространство, связанное съ ощущеніями периферической иннервации мышцъ. Если хотимъ кратко опредѣлить пространство и время, какъ общія субъективныя формы ощущенія, то можно сказать такъ:

Пространство есть совокупность ощущеній усилій, дѣлаемыхъ сознаніемъ (или психической энергіей) для того, чтобы помощью приспособленія периферическихъ аппаратовъ воспріятія удержать въ сознаніи данныя ощущенія или замѣнить ихъ новыми.

Время есть совокупность ощущеній усилій, дѣлаемыхъ сознаніемъ (или душевной энергіей) для того, чтобы помощью приспособленія центральныхъ аппаратовъ воспріятія удержать, т. е. продлить въ сознаніи, данныя ощущенія или смѣнить ихъ другими.

Сознаніе усилій, дѣлаемыхъ для удержанія данныхъ спеціальныхъ ощущеній, выражается въ первомъ случаѣ — воспріятіемъ протяженія, во второмъ — продолжительности, а сознаніе усилій при переходѣ отъ однихъ ощущеній къ другимъ выражается въ первомъ случаѣ воспріятіемъ смежности, во второмъ — послѣдовательности. Сочетаніе образовъ тѣхъ и другихъ усилій въ каждой области отдѣльно выражается въ воспріятіяхъ совмѣстности (протяженіе + смежность), и преемства (продолжительность + послѣдовательность), а сочетаніе представленій совмѣстности и преемства даетъ въ результатѣ сложное представленіе движенія (которое предполагаетъ преемство моментовъ во времени и совмѣстность точекъ въ пространствѣ). Такимъ образомъ, объективное представленіе «движенія» есть сложный комплексъ всѣхъ субъективныхъ ощущеній психическихъ усилій, дѣлаемыхъ нами въ процессѣ ощущенія или чувственнаго воспріятія.

При изложенной нами точкѣ зрѣнія совершенно ясно, въ какой мѣрѣ общія формы воспріятія пространства и времени—субъективны и въ какой онѣ объективны. Какъ формы сознанія психическихъ усилій, онѣ совершенно субъективны, какъ способы сознанія независящихъ отъ нашего душевнаго склада условій нашей физической организаціи и внѣшней дѣйствительности, при которыхъ эти усилія дѣлаются необходимыми и осуществляются, онѣ объективны. Вотъ почему мы такъ же настойчиво объективируемъ пространство и время, какъ объективируемъ свѣтъ, звукъ, шумъ, ароматъ, вкусъ. Всѣ наши ощущенія субъективны, какъ психическіе символы, и объективны, какъ показатели

независимыхъ отъ нашего сознанія условій освобожденія тѣхъ или другихъ элементовъ скрытой душевной энергіи.

Объективное пространство есть тотъ независимый отъ насъ порядокъ вещей, который требуетъ приспособленія въ отношеніи къ этимъ вещамъ нашихъ органовъ чувствъ и соотвѣтствующихъ психическихъ усилій, съ цѣлью воспріятія; объективное время есть тотъ внѣшній порядокъ вещей, который требуетъ измѣненія въ отношеніи къ нимъ условій дѣятельности нашихъ центральныхъ органовъ воспріятія и соотвѣтствующихъ этому психическихъ усилій.

Но если такъ, то воспріятія времени и пространства суть не только непосредственно формы воспріятія психическихъ усилій, но одновременно и косвенно—формы воспріятія оказываемыхъ этимъ усиліямъ сопротивленій со стороны энергій, называемыхъ «физическими». Вотъ эти-то косвенно воспринимаемыя нами суммы сопротивленій и суть объективное пространство и объективное время. А такъ какъ эти сопротивленія въ своихъ элементахъ и отношеніяхъ опредѣленны и подчинены извѣстнымъ законамъ, которые мы называемъ физическими или объективными,—подобно тому, какъ опредѣленны и устойчивы отношенія и законы соотвѣтствующихъ имъ психическихъ усилій, то является возможность измѣрять первыя при помощи послѣднихъ и обратно. Тожественныя единицы усилій двоякаго порядка переводятся нами въ объективныя единицы мѣръ пространства и времени, и когда эти единицы мѣръ объективированы нами въ извѣстныя представленія объ элементахъ протяженія и времени, то мы обратно пользуемся этими послѣдними для субъективнаго измѣренія своихъ усилій, т. е. условій нашей жизни въ пространствѣ и во времени, во взаимодѣйствіи съ міромъ. Дѣло въ томъ, что хотя психическія усилія въ сферѣ чувственнаго воспріятія (усилія вниманія) до извѣстной степени устойчивы по своему напряженію, но какъ мы видѣли выше, есть несомнѣнно сфера душевной жизни, гдѣ вовсе не нужно особыхъ усилій, съ цѣлью приспособленія периферическихъ или центральныхъ органовъ, въ видахъ воспріятія,—такова сфера воспріятія и созерцанія внутренняго, непосредственнаго, духовнаго, при которомъ мы теряемъ, какъ показываетъ опытъ, всякіе критеріи для измѣренія пространственныхъ и временныхъ отношеній, а такъ какъ опытъ чувственный всегда тѣсно переплетается съ этимъ опытомъ сверхчувственнымъ, чисто созерцательнымъ, то общее наше субъективное самочувствіе и не даетъ намъ тѣхъ неизмѣнно устойчивыхъ мѣръ времени и пространства, какія нужны для ихъ точнаго опредѣленія. Поэтому-то мы и ищемъ объективныхъ мѣръ пространства

и времени въ единицахъ внѣшняго движенія и вообще въ сферѣ воспріятія элементовъ внѣшней дѣйствительности.

Но не надо забывать, что всѣ наши мѣры пространства и времени все-таки субъективны и относительны, что никакого другого мѣрила для установленія этихъ мѣръ мы не имѣемъ, кромѣ субъективнаго чувства усилія, кромѣ отношеній между ощущеніями. Этимъ и объясняется то, что время и пространство могутъ быть все-таки предметами нашего чистаго субъективнаго созерцанія и что мы можемъ оперировать мыслью надъ единицами и элементами пространства и времени безъ всякаго участія непосредственнаго опыта, т. е. чисто умозрительно, математически. «Абсолютное, истинное и математическое время, — по воззрѣнію Ньютона, — течетъ равномѣрно, совершенно независимо отъ скорости и медленности матеріальныхъ вещей. Относительное, кажущееся и обыкновенное время есть продолжаемость, опредѣляемая движеніемъ тѣлъ, какъ, наприм., при опредѣленіи дней, мѣсяцевъ и годовъ»[1]). Точно такъ же «абсолютное (математическое) пространство неподвижно и неизмѣнно» и опредѣляется геометрическими отношеніями точекъ, линій и плоскостей. Моменты и мѣры абсолютнаго, математическаго времени такъ же не реальны (объективно), какъ элементы и мѣры абсолютнаго пространства. Тѣ и другія суть плоды нашей конструктивной фантазіи. Матеріаломъ для ея работы являются элементарныя субъективныя ощущенія усилій двоякаго порядка, о которыхъ мы выше подробно говорили. Геометрическая точка есть схема едва замѣтнаго усилія воспріятія въ области зрительной и отчасти осязательной, геометрическая линія—схема простой суммы этихъ одинаковыхъ, едва замѣтныхъ усилій, плоскость—схема произведенія и сочетанія двоякаго рода суммъ усилій и т. д. Всѣ геометрическія измѣренія пространства знаменуютъ собою разные роды усилій, которыя мы дѣлаемъ при воспріятіи дѣйствительности, символически представляемой нами въ ощущеніяхъ органовъ зрѣнія и осязанія. Точно такъ же секунда времени является первоначально схемою едва замѣтнаго усилія въ воспріятіяхъ звуковыхъ, а прочія величины (минуты времени, часы и проч.) суть различныя суммы такихъ одинаковыхъ едва замѣтныхъ усилій. Сознаніе этихъ отдѣльныхъ элементовъ усилія и ихъ суммъ, въ обѣихъ областяхъ, даетъ намъ простѣйшіе элементы счета — числовыя единицы и ихъ отношенія. Споръ о томъ, апріорны или апосте-

[1]) См. Клеркъ Максуэль: «Матерія и движеніе», пер. М. Антоновича. С.-Пб. 1885 г., стр. 14 и слѣд.

ріорны математическія понятія и истины, этимъ ученіемъ о пространствѣ и времени совершенно упраздняется. Несомнѣнно, съ одной стороны, что первые акты сознанія субъективныхъ или психическихъ усилій, въ формѣ представленій объ элементахъ пространства и времени, возникаютъ вмѣстѣ съ чувственнымъ опытомъ и въ его нѣдрахъ, т. е. параллельно и совмѣстно съ ощущеніями, преимущественно зрительными и слуховыми; но разъ эти ощущенія усилій уже намъ знакомы и сложились въ извѣстныя представленія о единицахъ и мѣрахъ пространства и времени, то наша мысль можетъ оперировать надъ ними, когда угодно и какъ угодно, не прибѣгая къ чувственному опыту и пользуясь однимъ лишь опытомъ воображенія, созерцательной фантазіи, точно такъ же, какъ она можетъ оперировать такимъ же образомъ надъ ощущеніями звуковыми (музыкальное творчество) и зрительными (скульптура, живопись, ваяніе). Разница будетъ лишь въ томъ, что послѣднія операціи ея (надъ специфическими ощущеніями) будутъ болѣе конкретны и частны, а первыя болѣе отвлеченны и общи, — что послѣднія требуютъ соображенія съ спеціальными и частными законами физической дѣйствительности (которая символизируется этими ощущеніями), а первыя, т. е. математическія операціи построительной фантазіи, руководствуются исключительно общими законами психической дѣйствительности, законами отношенія психическихъ усилій между собою. Отъ этого зависятъ условность построеній фантазіи въ сферѣ спеціальныхъ формъ ощущенія и безусловность (общность или необходимость) въ области математическаго мышленія [1]).

Во всякомъ случаѣ, если такъ понимать чувственный опытъ и его формы, какъ мы ихъ понимаемъ, то въ сферѣ чувственныхъ представленій между апостеріорнымъ и априорнымъ, опытнымъ и сверхопытнымъ, различіе окажется совершенно условное: всѣ субъективныя формы ощущенія априорны, поскольку онѣ прирождены и имманентны душѣ, и всѣ онѣ апостеріорны—поскольку возникаютъ въ сознаніи лишь при участіи опыта, какъ процесса освобожденія потенціальной психической энергіи, скрытой энергіи сознанія,—что не мѣшаетъ всѣмъ дальнѣйшимъ операціямъ мысли и фантазіи надъ возникшими образами ощущеній

[1]) Конечно, мы разумѣемъ опять безусловность субъективную, а не объективную, а потому нелѣпо утверждать, что безусловность истинъ геометріи трехъ измѣреній разрушается истинами геометріи сферической или псевдосферической. Истины всѣхъ трехъ геометрій субъективно безусловны и другъ друга не исключаютъ.

быть и апріорными, т. е. выходящими за предѣлы даннаго опыта, и апостеріорными, такъ какъ элементы ихъ взяты изъ опыта.

Въ итогѣ нашего изслѣдованія чувственнаго опыта получаются слѣдующія главныя положенія:

1. Чувственный опытъ есть совокупность субъективныхъ состояній сознанія, называемыхъ ощущеніями и представляющихъ различныя формы освобожденія потенціальной душевной энергіи, вслѣдствіе разряженій нервной энергіи въ центрахъ нервной системы.

2. Въ этихъ субъективныхъ состояніяхъ сознанія есть сторона пассивная, зависящая всецѣло отъ дѣйствія специфическаго аппарата нервной системы, разряженіе энергіи котораго вызвано внѣшними физическими раздраженіями, и есть сторона активная, внутренняя, которая сводится къ усиліямъ самого сознанія въ видахъ приспособленія его къ независящимъ отъ него условіямъ дѣйствія среды и организма.

3. Пассивныя и болѣе объективныя состоянія суть, такъ называемыя, специфическія ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ, внѣшнія и органическія.

4. Активныя усилія сознанія, сопровождающія всѣ эти пассивныя состоянія, бываютъ двухъ родовъ: будучи направлены на приспособленіе периферіи или же центровъ, они воспринимаются нами въ общихъ формахъ ощущеній—въ формахъ протяженій и смежностей, продолжительностей и послѣдовательностей.

5. Пространство и время суть, такимъ образомъ, два разныхъ порядка или двѣ разныхъ формы воспріятія субъективныхъ усилій, сопровождающихъ чувственное воспріятіе дѣйствительности, и потому онѣ суть «общія субъективныя формы воспріятія» по преимуществу.

6. Пространство и время суть конкретныя представленія и отвлеченныя понятія, обнимающія собою эти два порядка субъективныхъ ощущеній усилій сознанія въ процессѣ чувственнаго опыта.

7. Пространство и время, однако, объективны, поскольку въ этихъ субъективныхъ ощущеніяхъ отражаются объективныя условія сопротивленія среды и организма, вызывающія означенныя усилія.

Если тезисы 5 и 6, въ которыхъ мы утверждаемъ, что пространство и время суть общія формы сознанія психическихъ усилій, совершаемыхъ нами въ процессѣ воспріятія, вѣрны, т. е. правильно обоснованы нами и достаточно убѣдительно выражены, то невольно возникаетъ вопросъ: можно ли утверждать, что пространство и время являются формами воспріятія нами самыхъ духовныхъ нашихъ состояній, гдѣ, повидимому, не можетъ быть рѣчи объ усиліяхъ съ цѣлью при-

способленія къ сопротивленіямъ физической среды «органовъ» периферическихъ или центральныхъ? Я сознаю свое ощущеніе, свое представленіе, свое чувство или стремленіе непосредственно, т. е. безъ посредства какихъ-либо органовъ и воздѣйствій внѣшней среды, какъ состояніе своего субъекта, своей души. Въ этихъ актахъ самосознанія я не побѣждаю, повидимому, никакихъ матеріальныхъ сопротивленій и не дѣлаю никакихъ усилій для этой цѣли. Но такъ ли это? А сопротивленіе мозга, какъ органа памяти, мысли, фантазіи? Вотъ тутъ, скажутъ намъ, и ошибка. Если время—сознаніе усилій, требуемыхъ для преодолѣванія сопротивленій мозга, при всякой работѣ мысли, фантазіи, то, значитъ, время—субъективная форма всей психической дѣятельности, не исключая и высшей дѣятельности самосознанія, мышленія и творчества. Но это утвержденіе требуетъ строгой провѣрки и всесторонняго обсужденія. Во-первыхъ, еще мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ мозгъ участвуетъ въ работѣ самосознанія и въ высшей духовной дѣятельности. Въ этой области возможны пока только догадки и предположенія. Во-вторыхъ, еще вопросъ: тѣ же ли самыя сопротивленія вещества (если они и есть) мы испытываемъ и тѣ же ли самыя усилія совершаемъ, въ процессахъ самосознанія, мышленія и творчества, какія испытываемъ при воспріятіи чувственныхъ впечатлѣній? Можетъ быть, это усилія и сопротивленія совершенно другого порядка, ощущаемыя иначе, т. е. въ другихъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя свойственны чувственному опыту? И въ третьихъ, можетъ быть, необходимо отличать психическую работу мысли и фантазіи, которую мы совершаемъ при постоянномъ участіи чувственнаго опыта или же надъ воспроизводимыми при помощи механизма памяти «образами чувственнаго опыта», отъ непосредственнаго духовнаго созерцанія этой работы въ актахъ самосознанія? Не сводится ли вся путаница понятій именно къ смѣшенію эмпирической душевной жизни, несомнѣнно происходящей во времени и даже въ пространствѣ, вслѣдствіе зависимости ея отъ организма, съ «воспріятіемъ или сознаніемъ» этой душевной жизни, которое составляетъ сущность нашего нематеріальнаго, сверхпространственнаго и сверхвременнаго, «духовнаго» опыта? Всѣ эти вопросы мы намѣрены разсмотрѣть въ слѣдующихъ главахъ статьи, чтобы установить правильное понятіе о сверхчувственномъ или духовномъ опытѣ и его формахъ.

VII.

«О вещахъ, въ которыя вѣрило все человѣчество и относительно которыхъ всѣ были согласны, какъ въ очевидности свидѣтельства своихъ чувствъ, было доказано, что онѣ ложны, подобно тому, какъ была доказана ложность мнѣнія, что солнце встаетъ и садится».

(Дж. Ст. Милль. Dissertations a. discussions polit., philos. a. histor., Vol. II. стр. 472).

Задачею послѣднихъ главъ нашей статьи будетъ: показать сверхвременный или, другими словами, чуждый опредѣленіямъ времени характеръ воспріятій нашихъ душевныхъ актовъ въ самосознаніи, а слѣдовательно и самихъ этихъ актовъ, и тѣмъ оправдать возможность и разумность признанія субстанціальности души и ея сверхвременнаго, т. е. вѣчнаго бытія. Просимъ читателя терпѣливо прослѣдить наши построенія до конца, хотя мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ принуждены были придать имъ характеръ нѣсколько сухихъ, но зато, какъ намъ кажется, логически болѣе строгихъ и точныхъ разсужденій.

Общіе результаты всего предшествующаго нашего изслѣдованія проблемы о времени можно вкратцѣ выразить такъ:

Человѣкъ несомнѣнно обладаетъ двумя источниками познанія дѣйствительности: опытомъ чувственнымъ или внѣшнимъ (онъ же органическій), и опытомъ сверхчувственнымъ—внутреннимъ [1]). Посредствомъ «чувственнаго» опыта онъ знакомится съ такъ называемою, физическою или матеріальною дѣйствительностью,—посредствомъ «сверхчувственнаго» или внутренняго опыта познаетъ свои собственныя психическія или душевныя состоянія и ихъ отношенія.

Весь чувственный опытъ есть совокупность особыхъ, чисто психическихъ или субъективныхъ состояній, называемыхъ «ощущеніями», внѣшними и органическими, которыя представляютъ собою лишь символическіе, душевные способы воспріятія объективныхъ физическихъ

[1]) Подъ «опытомъ» мы разумѣемъ въ обоихъ случаяхъ испытываніе сознаніемъ нашимъ различныхъ своихъ состояній, т.-е. совокупность актовъ сознаванія этихъ состояній, что не предрѣшаетъ вопроса о различныхъ формахъ опыта или «способахъ» испытыванія.

фактовъ, т.-е. свойствъ и отношеній предметовъ и явленій внѣшняго, такъ называемаго, матеріальнаго міра. Непосредственно въ этихъ психическихъ воспріятіяхъ «чувственнаго» порядка сознаются нами состоянія нашей же души или возбужденія нашей душевной энергіи, являющіяся отраженными результатами взаимодѣйствія съ міромъ, т.-е. ближайшимъ образомъ продуктами извѣстныхъ физіологическихъ процессовъ въ мозгу, которые въ свою очередь вызваны раздраженіями въ прочемъ организмѣ, а уже эти послѣднія—движеніями въ средѣ.

Но такъ какъ при всякомъ взаимодѣйствіи двухъ дѣятелей или силъ (въ данномъ случаѣ, нашего душевнаго дѣятеля, сознанія, и физическихъ факторовъ) каждый претерпѣваетъ дѣйствіе другого и оказываетъ ему противодѣйствіе (т.-е. самъ дѣйствуетъ), то въ воспріятіяхъ чувственнаго порядка есть моментъ пассивный и активный. Въ «специфическихъ» ощущеніяхъ органовъ чувствъ (и органическихъ въ тѣсномъ смыслѣ) душевная энергія пассивно претерпѣваетъ дѣйствія среды, а въ «общихъ» ощущеніяхъ пространственныхъ и временныхъ отношеній этихъ спеціальныхъ ощущеній она воспринимаетъ свои собственныя дѣйствія или усилія, направленныя на процессы воспріятія, т.-е. непосредственно на регулированіе дѣятельности органовъ чувствъ и мозга во взаимодѣйствіи со средою [1]).

Выражая эту мысль кратко, можно сказать, что душа или душевная энергія (энергія сознанія) воспринимаетъ въ ощущеніяхъ свои «претерпѣванія» и «дѣйствія» во взаимодѣйствіи съ факторомъ, называемымъ средою вообще и организмомъ въ частности. Такъ какъ эту внѣшнюю физическую среду она воспринимаетъ и познаетъ въ чувственномъ опытѣ только символически—въ явленіяхъ или «формахъ» своихъ же состояній, то сама по себѣ, въ своей сущности, эта среда, т.-е. вещество, недоступна ея воспріятію и познанію. Цвѣта, звуки, запахи, вкусы, такъ же какъ и пространственно-временныя ихъ отношенія—все это «субъективныя представленія» или «формы сознанія», во взаимодѣйствіи его съ міромъ. «Міръ есть мое представленіе». Познаніе же «вещей въ себѣ» посредствомъ чувственнаго воспріятія и опыта человѣку недоступно. Мы познаемъ сквозь призму чувственнаго опыта дѣйствія и противодѣйствія дѣятелей внѣшняго міра, такъ называемыхъ, физическихъ, лишь косвенно, въ «субъективныхъ» символахъ, а именно: а) въ ощущеніяхъ специфическихъ мы косвенно познаемъ дѣйствія на насъ среды и матеріи, б) въ общихъ воспріятіяхъ про-

[1]) См. выше, гл. VI.

странства и времени — противодѣйствія или сопротивленія среды и матеріи при нашемъ взаимодѣйствіи съ нею. Только въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ право говорить объ объективности явленій цвѣта, звука, пространства, времени, движенія, о ихъ соотвѣтствіи дѣйствительнымъ фактамъ въ мірѣ, средѣ, веществѣ.

Во всякомъ случаѣ, время, какъ и пространство, нельзя себѣ объяснить иначе, какъ въ смыслѣ субъективной формы воспріятія «взаимодѣйствій со средою», которую мы называемъ физическою и познаемъ чувственно. Время есть субъективная форма воспріятія движенія въ пространствѣ, т.-е. психологически оно не что иное, какъ способъ сознаванія иннерваціонныхъ психическихъ усилій, которыя мы совершаемъ для приспособленія центровъ (въ мозгу) при воспріятіи «движеній» въ пространствѣ и въ веществѣ. Это значитъ, что подобно тому какъ звукъ есть субъективный способъ воспріятія колебаній воздуха, а свѣтъ—колебаній эфира, такъ время—условный психическій способъ воспріятія тѣхъ мозговыхъ процессовъ, которые нужны для распорядка впечатлѣній, доставляемыхъ средою и организмомъ чрезъ посредство органовъ чувствъ и нервовъ. Мозгъ несомнѣнно приспособляется къ удобнѣйшему усвоенію этихъ впечатлѣній, и эти его приспособленія или движенія мы воспринимаемъ въ формѣ представленій времени (т.-е. продолжительности и послѣдовательности), причемъ, конечно, непосредственно мы сознаемъ лишь активныя «психическія» усилія, необходимыя для этихъ приспособленій, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего, кромѣ своихъ психическихъ состояній и актовъ, мы ощущать не можемъ [1]). Слѣдовательно, время есть только форма

---

[1]) Ходъ нашихъ разсужденій въ выводѣ того положенія, что время—форма воспріятія приспособленій мозга въ процессѣ ощущеній можно вкратцѣ выразить такъ: приспособленія (движенія) мозга въ процессѣ воспріятія внѣшняго міра такъ же неизбѣжны и несомнѣнны, какъ и приспособленія органовъ периферіи. Послѣднія мы ощущаемъ въ формѣ пространственныхъ отношеній, первыя мы или никакъ не ощущаемъ или ощущаемъ въ формѣ представленій объ отношеніяхъ впечатлѣній во времени. Но такъ какъ невѣроятно, чтобы мы ихъ никакъ не ощущали и такъ какъ въ воспріятіи временныхъ отношеній мы несомнѣнно субъективно ощущаемъ какіе-то процессы, связанные съ чувственнымъ воспріятіемъ, а никакихъ другихъ процессовъ, кромѣ центральныхъ мозговыхъ, нельзя признать объектомъ воспріятія въ представленіяхъ времени, сопровождающихъ чувственныя воспріятія, то очевидно мы субъективно воспринимаемъ въ этой формѣ (времени) именно мозговые процессы приспособленія въ актахъ ощущенія. Этотъ нашъ выводъ построенъ по схемѣ «индуктивнаго метода остатковъ».

«представленія внѣшней дѣйствительности», а не что-либо «реальное внѣ сознанія и представленія». Въ этой формулѣ мы безусловно присоединяемся къ Канту, хотя и даемъ ей новое толкованіе и оправданіе. И просимъ читателя ее запомнить, какъ одно изъ основныхъ нашихъ положеній.

Изъ этихъ общихъ итоговъ нашего предшествующаго анализа, которые мы будемъ считать правильными, пока намъ не будетъ доказано, что въ своихъ разсужденіяхъ мы допустили какія-либо фактическія или же логическія ошибки, естественно вытекаютъ слѣдующіе вопросы:

Если цвѣтъ, звукъ[1]), пространство и время—формы чувственнаго воспріятія и опыта, то при неизбѣжномъ признаніи иного рода (сверхчувственнаго или внутренняго) воспріятія и опыта, посредствомъ котораго мы познаемъ само свое сознаніе, свои «психическія» дѣйствія и состоянія, какъ таковыя,—можно ли допустить, что формы этого внутренняго, сверхчувственнаго опыта тожественны формамъ внѣшняго чувственнаго воспріятія—цвѣту, звуку, пространству и времени? Или необходимо предположить, что формы внутренняго опыта другія?

Относительно цвѣта, звука, пространства давно рѣшено психологами и признано даже физіологами, что они не суть формы внутренняго опыта, что сами ощущенія цвѣтовъ, звуковъ, протяженій, такъ же какъ чувства, идеи, стремленія, не отличаются другъ отъ друга никакимъ цвѣтомъ, никакъ не звучатъ и не имѣютъ никакихъ мѣръ длины и протяженія. Слѣдовательно, предыдущій вопросъ можно ограничить въ слѣдующей формѣ: если время есть форма чувственнаго воспріятія физическихъ явленій или измѣненій, то слѣдуетъ ли признать его также необходимою формою внутренняго или сверхчувственнаго воспріятія самихъ психическихъ состояній и отношеній между душевными фактами?

Кантъ утверждалъ ошибочно, что время есть именно неизбѣжная форма внутренней интуиціи, т.-е. внутренняго опыта, воспріятія душевныхъ актовъ и ихъ отношеній. Но Кантъ, какъ мы подробно показали въ первыхъ главахъ нашей статьи (главы I—III), противорѣчилъ себѣ въ разныхъ своихъ утвержденіяхъ, ибо, во-первыхъ, признавалъ также, что время—форма чувственнаго воспріятія, форма чувственности

---

[1]) Для краткости и ради избѣжанія повтореній, говоря о цвѣтѣ и звукѣ, мы будемъ теперь подразумѣвать и всѣ прочія наши «специфическія» ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ и спеціальныя органическія.

(Sinnlichkeit) и что представленіе о времени всегда само есть «чувственное воззрѣніе», такъ какъ «всѣ его отношенія могутъ быть выражены при помощи внѣшняго воззрѣнія» (въ формѣ линіи движенія въ пространствѣ), откуда слѣдовало бы вывести, что «внутренній» опытъ или самосознаніе есть тоже чувственный, т.-е. внѣшній опытъ, а такъ какъ чувственный или внѣшній опытъ есть опытъ «въ пространствѣ», то это значило бы, что внутренній опытъ есть пространственный опытъ, что Кантъ безусловно отрицалъ. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь если время необходимо представлять себѣ въ «формѣ линіи движенія въ пространствѣ», то и психическое бытіе необходимо представлять себѣ въ формѣ «движенія въ пространствѣ», при томъ не по одной, а по многимъ линіямъ[1]). Однако, Кантъ признавалъ возможность «трансцендентальнаго изслѣдованія душевной жизни и самого чувственнаго опыта въ его составѣ, а не происхожденіи (во времени)», противополагая его «физіологическому» изслѣдованію чувственнаго опыта и вообще душевныхъ состояній въ порядкѣ ихъ смѣны во времени[2]). Наконецъ, Кантъ утверждалъ, что если время есть необходимая и дѣйствительная форма «представленія» душевныхъ состояній, т.-е. форма внутренней интуиціи, то это еще не значитъ, что время есть дѣйствительная и подлинная форма духовнаго существованія, бытія духа[3]). Очевидно, всѣ эти утвержденія несогласимы другъ съ другомъ: внутренній опытъ, самосознаніе, не можетъ быть «чувственнымъ», и Шопенгауэръ, вмѣстѣ съ Фихте и Шеллингомъ, прекрасно разъяснили послѣ Канта, что внутренняя интуиція «самосознанія» имѣетъ непосредственный, сверхчувственный характеръ. Но Шопенгауэръ раздѣлялъ предубѣжденіе Канта, что время—

---

[1]) Такъ, наприм., если я ѣду въ Парижъ читать рефератъ по психологіи, то съ точки зрѣнія Канта можно сказать, что моя мысль ѣдетъ пять сутокъ въ Парижъ по желѣзнодорожной линіи Москва-Варшава-Берлинъ-Кельнъ-Парижъ, а потомъ по линіи отъ Сѣвернаго вокзала въ Rue de l'Université и оттуда по Boulevard St. Germain въ Faculté de médecine, и одновременно съ этимъ вѣрно путешествуетъ во «времени» по линіямъ волоконъ моего мозга изъ однѣхъ клѣтокъ въ другія?? Но имѣютъ ли всѣ эти линіи движенія въ пространствѣ и во времени какое-нибудь отношеніе къ моему реферату?!

[2]) См. § 13 «Критики чистаго разума» и § 21 «Пролегоменъ» Канта, на которые ссылается и которые разъясняетъ подробнѣе, въ своей статьѣ «О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ», помѣщенной въ 25-й книгѣ «Вопрос. Фил.» (Спец. отдѣлъ, стр. 645 и слѣд.), профессоръ Александръ Введенскій.

[3]) Объ этомъ подробно въ § 7 «Критики чистаго разума», который сообщенъ въ точномъ переводѣ и прекрасно истолкованъ въ той же статьѣ проф. А. Введенскаго (стр. 640 и слѣд.).

форма внутренней интуиціи, хотя онъ же прекрасно выяснилъ, что во «внутренней» интуиціи мы непосредственно познаемъ само бытіе наше, его субстанцію (волю), а не «въ субъективной, символической формѣ явленія этого бытія», т.-е. только «представленія о бытіи». Бытіе же воли онъ считалъ сверхвременнымъ. Поэтому и онъ признавалъ возможность изслѣдованія всего психическаго бытія не по происхожденію (въ смѣнѣ явленій во времени), а по составу (внѣ времени), т.-е. трансцендентально, и предметомъ этого трансцендентальнаго (внѣвременнаго) изслѣдованія считалъ такъ же, какъ и Кантъ, самыя воззрѣнія пространства и времени, какъ «формы чувственнаго опыта». Этимъ и онъ, и Кантъ явно опровергли необходимость и неустранимость «представленія» душевной жизни только во времени, а не другими способами и не въ другихъ формахъ. А если время не есть «безусловно необходимая» форма внутренней интуиціи, то спрашивается, есть ли оно и вообще форма внутренняго опыта? Конечно, поскольку время (какъ и пространство) есть форма внѣшняго, чувственнаго опыта, оно есть отчасти и форма внутренняго опыта—въ обширномъ смыслѣ, ибо въ обширномъ смыслѣ, какъ мы показали, внѣшній опытъ есть только частная область «внутренняго»,—область «сознанія нами своихъ психическихъ состояній во взаимодѣйствіи съ міромъ». Но изъ того, что время, какъ и пространство, есть форма одной частной области единственно доступнаго намъ «внутренняго» опыта еще не слѣдуетъ, что оно есть необходимая форма всего внутренняго опыта и, въ частности, той его области, которая считается «внутреннимъ опытомъ по преимуществу» (въ противоположность внѣшнему, чувственному) и называется «самосознаніемъ». Если Кантъ утверждалъ, что время есть только форма «представленія» душевнаго бытія, а не способъ самого этого бытія, то этимъ онъ фактически подтвердилъ возможность познанія, а слѣдовательно, и представленія этого духовнаго бытія внѣ времени, въ его подлинныхъ, сверхвременныхъ свойствахъ и отношеніяхъ, ибо иначе откуда онъ и узналъ бы, что время только форма представленія, а не бытія? [1]). Старую формулу сенсуалистовъ: «Ничего нѣтъ въ умѣ, чего бы не было въ ощущеніи» необходимо расширить и

[1]) Этотъ вопросъ можно обратить и къ Шопенгауэру, который прямо говоритъ, что въ представленіи о мірѣ двѣ существенныя половины: «Die eine ist das Objekt; dessen Form ist Raum und Zeit. Die andere Hälfte aber, das Subjekt, liegt nicht in Raum u. Zeit, denn sie ist ganz und ungetheilt in jedem Vorstellenden Wesen» (W. a. W., I, 6). Откуда Ш. это узналъ, если не изъ сверхвременнаго внутренняго опыта?

выразить такъ: «Ничего нельзя понять, чего нельзя представить, и ничего нельзя себѣ представить, чего нельзя испытать, т.-е. воспринять въ опытѣ». Если мы понимаемъ сверхвременное бытіе, то только потому, что можемъ представлять себѣ его и испытывать.

Изъ этого краткаго повторительнаго анализа противорѣчиваго ученія Канта о времени и возникаетъ съ новою силою вопросъ: не было ли произвольно утвержденіе Канта о томъ, что время есть форма внутренняго опыта или внутренней интуиціи, т.-е. форма самосознанія,—когда оно несомнѣнно (для самого же Канта) является формой внѣшняго чувственнаго опыта и можетъ быть выражено «только при помощи внѣшняго возрѣнія?»

Мы постараемся доказать въ настоящей статьѣ вѣрность слѣдующаго силлогизма, первая посылка котораго принадлежитъ Канту, а вторая идетъ въ разрѣзъ съ только-что приведеннымъ несостоятельнымъ его утвержденіемъ, хотя вполнѣ согласна съ другимъ его ученіемъ о трансцендентальномъ познаніи «формъ чувственности» (и самого времени), «апріорныхъ» формъ разсудочной и нравственной дѣятельности, а также эстетической оцѣнки:

Время есть только мое представленіе времени—внѣ представленія времени нѣтъ времени.

Въ самосознаніи всѣ отношенія душевныхъ фактовъ воспринимаются и познаются нами внѣ или помимо «представленія времени».

Слѣдовательно: самосознаніе, какъ способъ воспріятія отношеній душевныхъ фактовъ, есть дѣятельность, не подчиненная времени [1]).

Въ связи съ указаннымъ первымъ вопросомъ о томъ, можно ли считать время формою самосознанія или внутренней интуиціи, стоитъ и другой, весьма существенный: можно ли, какъ это сдѣлалъ Кантъ, различать форму «представленія» душевной жизни отъ формы самой душевной жизни или бытія? Въ отношеніи къ явленіямъ внѣшняго (для сознанія) міра понятно, что мы представляемъ себѣ ихъ въ формахъ своихъ психическихъ (представленій), а не такъ, какъ они существуютъ сами по себѣ, независимо отъ сознанія. Но относительно душевнаго бытія совершенно непонятно, какъ оно можетъ представляться намъ иначе, чѣмъ оно есть, когда само «представленіе» есть родъ душевнаго бытія и необходимая составная его часть. Несо-

---

[1]) Силлогизмъ этотъ соотвѣтствуетъ схемѣ: А есть В, С не есть В, слѣдовательно С не есть А. Это второй модусъ II фигуры силлогизма, называемый «Camestres», о чемъ—въ любой логикѣ.

мѣнно вѣрно положеніе Шопенгауэра, что внутренняя интуиція есть непосредственное познаніе самого подлиннаго душевнаго бытія, ибо она и есть именно само это подлинное душевное бытіе. Никакой чуждой призмы воспріятія между сознаніемъ, какъ формою душевнаго бытія и какъ объектомъ самосознанія, съ одной стороны, и познаніемъ, какъ дѣятельностью самосознанія, т.-е. субъекта, съ другой,—нельзя себѣ вообразить, ибо сознаніе, какъ и самосознаніе, есть дѣятельность одного и того же субъекта: этой призмы (призмы чувственности) между субъектомъ познаваемымъ и субъектомъ самопознающимъ не можетъ быть, и сказать, что «представленіе» о душевной жизни различно отъ самой душевной жизни, значитъ сказать абсурдъ.

Если мы познаемъ внѣшній, физическій міръ сквозь призму субъективныхъ формъ нашей чувственности, то не познаемъ ли мы свое душевное бытіе непосредственно и объективно, какъ оно есть, безъ всякой чувственной призмы, т.-е. подлинно, а не символически,—не въ такихъ формахъ и представленіяхъ, которыя будто бы ему чужды и въ какихъ оно не есть, а только «представляется» намъ, а въ такихъ, въ какихъ оно на самомъ дѣлѣ есть по существу своему?

Это второй основной вопросъ нашего послѣдующаго анализа.

Наши главные тезисы—слѣдующіе:

1. Время не есть форма внутренняго, психическаго, сверхчувственнаго опыта.

2. Есть особыя формы внутренняго, душевнаго опыта или самосознанія, отличныя отъ пространства и времени, и къ которымъ пространство и время, эти формы чувственнаго опыта, относятся какъ частные случаи отношеній психическихъ фактовъ; а именно только при взаимодѣйствіи души съ внѣшнимъ міромъ.

3. Въ формахъ внутренняго опыта или самосознанія мы познаемъ и находимъ подлинныя формы и законы духовнаго бытія: это не призматически-субъективные способы «представленія» духовнаго бытія въ его «явленіяхъ». Напротивъ: духъ, какъ вещь въ себѣ, можетъ быть познанъ нами непосредственно въ нашемъ внутреннемъ опытѣ или самосознаніи.

Методъ или порядокъ доказательства этихъ тезисовъ будетъ слѣдующій:

1. Мы разсмотримъ степень и формы участія самосознанія или внутренняго опыта въ области самого «чувственнаго» или внѣшняго опыта, т.-е. его психической переработки, и выяснимъ невозможность разсматривать эти формы, какъ выраженія пространственно-временныхъ отношеній.

2. Разберемъ значеніе этихъ формъ самосознанія и внутренняго опыта внѣ области переработки матеріала чувственнаго опыта, т.-е. въ области самосознанія въ тѣсномъ смыслѣ, и постараемся показать, что особенныя формы чувственнаго опыта — пространство и время — суть лишь частные случаи распорядка душевныхъ фактовъ (а именно, въ процессѣ взаимодѣйствія сознанія съ внѣшней средою).

3. Разсмотримъ подробнѣе нѣкоторые другіе типическіе частные случаи распорядка элементовъ сознанія въ соотвѣтствіи съ указанными основными формами «самосознанія» (въ особенности, въ области логическаго мышленія) и попытаемся произвести дедукцію всѣхъ существенныхъ формъ самосознанія изъ двухъ главныхъ его принциповъ.

4. Покажемъ, что въ общихъ категоріяхъ и формахъ самосознанія, со всѣми частными ихъ случаями, мы познаемъ подлинную природу духа, а не его случайныя, символическія проявленія [1]).

VIII.

Простѣйшія формы самосознанія или внутренняго, сверхчувственнаго опыта—это сознаніе тожествъ и различій, зависимостей и независимостей душевныхъ состояній другъ съ другомъ и другъ отъ друга. И прежде всего, эти формы самосознанія сопровождаютъ и обусловливаютъ переработку элементовъ чувственнаго опыта, т.-е. внѣшнихъ и органическихъ ощущеній, въ представленія о предметахъ и явленіяхъ физическаго міра. Сами по себѣ эти ощущенія разрознены и притекаютъ въ сознаніе въ безпорядкѣ, отрывочно и хаотично. Когда мы находимся въ бодрственномъ состояніи и душевная наша энергія находится въ состояніи постояннаго напряженія «въ сторону усилій къ воспріятію внѣшнихъ впечатлѣній», или, какъ мы выразились выше, въ состояніи необостреннаго вниманія [2]), то всѣ наши органы чувствъ открыты для возможныхъ впечатлѣній, и наплывъ этихъ впечатлѣній неизбѣженъ чрезъ всѣ органы одновременно и параллельно, такъ что нужна внутренняя работа самосознанія, чтобы ихъ упорядочивать и располагать въ системы, соединять въ группы и

---

[1]) Всѣ эти изслѣдованія мы произведемъ, конечно, въ общей логической ихъ схемѣ, а не во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ, которыя потребуютъ впослѣдствіи, для завершенія нашей работы, отдѣльнаго сочиненія.

[2]) См. главу VI.

создавать изъ безпорядочнаго потока впечатлѣній цѣльные образы воспріятій въ пространствѣ (предметы) и во времени (явленія). Это и совершается при помощи отожествленія и различенія ощущеній, ихъ соединенія и раздѣленія по степени ихъ зависимости между собою. И такимъ образомъ, эти простѣйшіе процессы самосознанія лежатъ въ основаніи комбинацій спеціальныхъ ощущеній въ пространственно-временные ряды и отношенія.

Что эти операціи отожествленія и различенія, усмотрѣнія связей или зависимостей ощущеній суть формы самосознанія, т.-е. сознанія отношеній между нашими ощущеніями, какъ психическими событіями, конечно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, ибо эти операціи касаются въ такой же мѣрѣ текущихъ ощущеній чувственнаго порядка, какъ и отношеній ихъ ко всѣмъ прочимъ, уже пріобрѣтеннымъ представленіямъ, а также къ чувствамъ, эмоціямъ, стремленіямъ, понятіямъ, идеямъ, которыя воспроизводятся въ сознаніи въ связи съ текущими чувственными впечатлѣніями и выплываютъ въ немъ обыкновенно непроизвольно, безъ всякихъ усилій, часто даже незамѣтно, изъ «кладовыхъ нашего самосознанія», называемыхъ памятью [1]).

Точно такъ же мало подлежитъ сомнѣнію и вѣрность того утвержденія, что внутреннее усмотрѣніе тожествъ, различій и зависимостей между ощущеніями составляетъ необходимое условіе распорядка ихъ въ пространствѣ и во времени. Необходимо сознать тожество своихъ единичныхъ усилій воспріятія, чтобы сознать извѣстное протяженіе линіи или однообразной цвѣтовой поверхности, или извѣстную продолжительность звука, и необходимо сознать различіе этихъ усилій воспріятія, чтобы сознать смежность двухъ разныхъ объектовъ зрительнаго ощущенія или послѣдовательность, напр., двухъ различныхъ звуковъ. Точно также необходимо соединить рядъ ощущеній какъ зависящихъ другъ отъ друга, или раздѣлить ихъ какъ независимыя, чтобы пріо-

---

[1]) Когда мы лично придерживались чисто-механической и физіологической точки зрѣнія въ истолкованіи развитія психическаго содержанія, то пытались объяснить воспріятія тожествъ, различій, связей и зависимостей ощущеній гипотезою специфическихъ «умственныхъ или центрально-мозговыхъ ощущеній» (см. соч. «Къ вопросу о реформѣ логики». 1883, глава III, особ. стр. 145—149). Но эта гипотеза: 1) не можетъ быть въ настоящее время доказана и подтверждена физіологически и экспериментально, а 2) она ничего не прибавляетъ къ пониманію упомянутыхъ элементарныхъ процессовъ самосознанія, которые воспринимаются внутреннимъ опытомъ или интуиціей и подлежатъ анализу только какъ факты самосознанія.

брѣсти образъ предмета въ пространствѣ или явленія во времени, какъ цѣльную и связную группу впечатлѣній, самостоятельную отъ другой цѣльной группы впечатлѣній (отъ образа другого предмета или явленія). Такимъ образомъ, отожествленіе и различеніе, соединеніе и раздѣленіе, какъ простѣйшіе акты самосознанія, психологически предваряютъ или обусловливаютъ образованіе пространственно-временныхъ группъ воспріятій въ сознаніи. Но «предваряютъ» не значитъ «предшествуютъ во времени», ибо: 1) время этихъ актовъ отожествленія и различенія, соединенія и раздѣленія, лежащихъ въ основаніи построенія пространственно-временныхъ образовъ, не сознается нами и нами не представляется, а такъ какъ время есть «только представленіе и субъективная форма сознанія», то тамъ, гдѣ оно не сознается, его вовсе и нѣтъ, а 2) именно благодаря различенію и отожествленію, соединенію и раздѣленію ощущеній и возникаютъ впервые образы пространственно-временныхъ отношеній. Очевидно, стало быть, какъ нелѣпо говорить о времени отожествленій и различеній ощущеній въ самосознаніи, когда само усмотрѣніе времени (какъ и пространства)—продуктъ этихъ отожествленій и различеній [1]).

Поэтому, когда экспериментальные психологи ставятъ себѣ задачу: измѣрить время простѣйшихъ актовъ отожествленія и различенія, то попадаютъ въ весьма странное положеніе. Съ точки зрѣнія самосознанія, совершенно ясно, что отожествленіе и различеніе, соединеніе и раздѣленіе ощущеній не только обусловливаютъ самыя представленія пространства и времени, но и сами, какъ различные психическіе акты, настолько другъ друга обусловливаютъ и подразумѣваютъ, что между ними не можетъ быть никакой послѣдовательности и временной смѣны. Отожествленіе предполагаетъ и различеніе, а различеніе предполагаетъ отожествленіе; соединеніе однихъ ощущеній другъ съ другомъ предполагаетъ раздѣленіе ихъ отъ другихъ, и обратно; вмѣстѣ съ тѣмъ отожествленіе есть въ то же время соединеніе, а различеніе—раздѣленіе, какъ и наоборотъ. А между тѣмъ, съ точки зрѣнія экспериментальныхъ психологовъ, думающихъ, что отожествленіе, различе-

[1]) М. Гюйо въ своемъ интересномъ этюдѣ «Происхожденіе идеи времени» (Русс. пер. Смоленскъ. 1891) высказываетъ сходную мысль: «Воспріятіе различій и сходствъ—первое условіе идеи времени, имѣетъ своимъ результатомъ понятіе двойственности, а помощію двойственности создается число... Такимъ образомъ, различеніе (discrimination), первичный элементъ интеллекта, не нуждается даже въ идеѣ времени для своего примѣненія; наоборотъ, идея времени его предполагаетъ» (стр. 28).

ніе и всѣ другіе акты самосознанія требуютъ времени, надо допустить, конечно, что — или отожествленіе предшествуетъ различенію, или наоборотъ; а то, что предшествуетъ, совершается очевидно скорѣе, въ меньшій промежутокъ времени. Отсюда задача: измѣрить время отожествленія и различенія и опредѣлить, которое изъ нихъ совершается скорѣе и является основнымъ.

Такую задачу пытался, между прочимъ, разрѣшить въ своемъ изслѣдованіи «О законѣ перцепціи» (Одесса, 1894) почтенный нашъ психофизіологъ, проф. философіи Новороссійскаго университета, Н. Н. Ланге [1]). Въ результатѣ его изслѣдованій получилось, что для сознанія сходства двухъ впечатлѣній нужно въ среднемъ 0,506 сек., а для сознанія различія—0,551, откуда онъ вывелъ заключеніе, что «сознаніе сходства есть болѣе первичный фактъ, чѣмъ сознаніе различія», и что «сознаніе различія есть лишь сознаніе отсутствія сходства». Выводъ самъ по себѣ кажется страннымъ, такъ какъ ясно, что и «сознаніе сходства есть логически—сознаніе отсутствія различій». Но онъ получаетъ ещё болѣе странное значеніе, когда изъ изслѣдованій другого экспериментатора въ Москвѣ (приват-доцента А. С. Бѣлкина) получились результаты какъ разъ обратные, а именно, что среднее время различенія равно 0,321—0,324 сек., а среднее время сознанія сходства—0,374—0,379 сек., откуда можно было бы вывести, что чувство различія болѣе основной актъ духа, чѣмъ «чувство сходства» или, точнѣе, чѣмъ актъ отожествленія [2]).

Уже изъ этихъ любопытныхъ, по противорѣчивости, результатовъ «экспериментальнаго» изученія «времени отожествленія и различенія» можно заключить, что поставленная психометріей задача измѣренія этого времени—задача несостоятельная. Но можно однимъ очень простымъ умственнымъ опытомъ еще нагляднѣе показать ея несообразность.

---

[1]) См. особ. Изсл. I, гл. V его книги, стр. 38—45.

[2]) Господа экспериментаторы-физіологи, между прочимъ, напрасно говорятъ о чувствѣ сходства, какъ первичномъ психическомъ фактѣ; сознаніе сходства есть сознаніе частичнаго тожества, т.-е. тожества среди различій. Слѣдовательно, строгій психологъ можетъ сопоставлять другъ съ другомъ только дѣйствія отожествленія и различенія, какъ первичныя, а никакъ не чувства (?) сходства и различія. Изложеніе изслѣдованій г. Бѣлкина и сравненіе ихъ съ изслѣдованіями г. Ланге читатель найдетъ въ «Отчетѣ о диспутѣ Н. Н. Ланге», помѣщенномъ во II отд. 24 кн. журнала «Вопрос. Филос.» (особ. стр. 611—616), гдѣ напечатаны и тезисы г. Ланге и весьма вѣскія возраженія противъ взглядовъ г. Ланге на отношенія процессовъ отожествленія и различенія—проф. Л. М. Лопатина и С. С. Корсакова.

Если, какъ это думаютъ психофизіологи школы Вундта, всякое усмотрѣніе отношеній душевныхъ актовъ въ самосознаніи, и въ частности усмотрѣніе отношеній между ощущеніями, совершается «во времени» и можетъ быть имъ измѣрено, то задачу опредѣленія «времени отожествленія и различенія» можно видоизмѣнить такъ: я вижу катящійся по полу шаръ и при этомъ воспринимаю внѣшними чувствами длину и направленіе линіи, по которой онъ катится, т.-е. нѣкоторое отношеніе впечатлѣній въ пространствѣ, а также продолжительность и скорость движенія, т.-е. отношеніе своихъ впечатлѣній во времени. И вотъ, я ставлю для своего самосознанія задачу: опредѣлить экспериментально, что является въ этомъ самосознаніи болѣе основнымъ и предшествующимъ фактомъ: сознаніе линіи и направленія движенія или сознаніе его скорости и продолжительности (отношеніе сознаній этихъ двухъ воспріятій въ самосознаніи совершенно сходно или аналогично отношенію сознаній тожествъ и различій между ощущеніями). Поставивъ такую задачу, я конечно не буду производить на самомъ дѣлѣ психометрическихъ измѣреній (чего однако не возбраняю гг. психофизіологамъ), а покажу только ея логическую несообразность. Допустимъ, что изъ такихъ психометрическихъ измѣреній выяснится, что я раньше (во времени) воспринялъ въ самосознаніи [1]) направленіе движенія въ пространствѣ, чѣмъ его скорость и продолжительность (т.-е. время),— тогда окажется, что я раньше созналлъ въ себѣ пространственную форму движенія, чѣмъ его время, но раньше значитъ—«во времени» раньше, т.-е. я уже сознавалъ время впечатлѣній, когда воспринималъ направленіе и длину линіи движенія. Еще абсурднѣе предположеніе, что я раньше созналлъ время, т.-е. скорость движенія, чѣмъ направленіе его, ибо я воспринималъ скорость его, только благодаря сознанію отношеній между шаромъ и поверхностью, по которой онъ двигался, т.-е. благодаря сознанію отношеній своихъ усилій—услѣдить за движеніемъ шара по плоскости, такъ что очевидно я уже сознавалъ пространственныя отношенія при воспріятіи времени движенія. Слѣдовательно, въ самосознаніи для отожествленія и различенія пространственныхъ и временныхъ отношеній впечатлѣній нѣтъ никакого «прежде» и «послѣ», какъ и для воспріятій тожествъ и различій вообще, да и нелѣпо было бы измѣрять и опредѣлять временемъ наступленіе момента «сознанія времени», такъ какъ ранѣе наступленія этого момента никакого времени нѣтъ и не можетъ быть. Вѣдь, чтобы сознать направленіе движе-

[1]) Т.-е. созналлъ, что «я» воспринимаю.

нія шара въ пространствѣ и скорость этого движенія, т.-е. мѣру его «во времени», я долженъ произвести нѣкоторыя отожествленія и различенія, соединенія и раздѣленія моихъ впечатлѣній, отличить шаръ отъ пола, отожествить его измѣняющіеся, при движеніи, образы другъ съ другомъ, и т. д. Только благодаря этимъ дѣйствіямъ самосознанія, я и могу сознать отношеніе впечатлѣній своихъ въ пространствѣ и во времени.

Но я не сознаю, чтобы эти операціи самосознанія предшествовали сознанію пространственно-временныхъ отношеній, а если не сознаю этого предшествованія, то не сознаю и времени этихъ операцій.

Въ чемъ же ошибка экспериментальной психометріи при постановкѣ проблемы «измѣренія времени отожествленій и различеній?» Очевидно, въ томъ, что ея адепты заранѣе объективируютъ время, т.-е. превращаютъ его изъ формы «сознаванія и представленія» въ форму «существованія и реальнаго отношенія» психическихъ фактовъ, т.-е. совершаютъ petitio principii, заранѣе допуская, что акты самосознанія не могутъ не происходить во времени. И во-вторыхъ, въ томъ, что измѣряя будто бы время актовъ отожествленія и различенія, они на самомъ дѣлѣ измѣряютъ лишь количество и отношеніе усилій воспріятія тѣхъ впечатлѣній, которыя отожествляются и различаются, и тѣхъ иннерваціонныхъ усилій въ центрахъ, которыя дѣлаются въ видахъ отмѣтки или заявленія, помощью хроноскопа, факта этихъ отожествленій или различеній. Другими словами, они измѣряютъ усилія, связанныя съ взаимодѣйствіемъ сознанія со средою, а вовсе не акты духа, которые совершаются внѣ всякаго сознанія времени.

Впослѣдствіи мы убѣдимся, что точно также внѣ сознанія времени, а слѣдовательно и внѣ времени, осуществляются и всѣ другія, болѣе сложныя дѣйствія самосознанія, основанныя на отожествленіи, различеніи, соединеніи и раздѣленіи душевныхъ состояній, наприм. отправленія мысли (логическія), оцѣнки чувствомъ (эстетическія), дѣйствія волевыя, т.-е. образованія хотѣній (этическія рѣшенія).

Предшествующій анализъ приводитъ насъ невольно къ предположенію, что если воспріятія пространственно-временныхъ отношеній между впечатлѣніями чувственнаго опыта до такой степени зависятъ отъ первичныхъ операцій самосознанія, которыя мы только-что изслѣдовали, то не слѣдуетъ ли разсматривать пространственно-временный распорядокъ содержанія ощущеній, какъ частный случай и спеціальную форму этихъ актовъ различенія, отожествленія, соединенія и раздѣленія, а не наоборотъ: дѣйствія различенія

и проч., какъ частные случаи распорядка явленій сознанія во времени, какъ думали Кантъ, Шопенгауэръ и другіе представители философіи XIX вѣка?

Вѣрность этой гипотезы, опрокидывающей традиціонное воззрѣніе, подтвердится дальнѣйшимъ анализомъ упомянутыхъ основныхъ функцій самосознанія въ области разработки всего, простого и сложнаго, психическаго содержанія въ опытѣ внутреннемъ или духовномъ.

IX.

Самосознаніе, будучи на низшей своей ступени усмотрѣніемъ въ сознаніи отношеній и связей между ощущеніями, является далѣе, на ступени болѣе высокой, усмотрѣніемъ отношеній и зависимостей между всѣми прочими доступными намъ душевными состояніями, т.-е. представленіями, идеями, чувствами, эмоціями, стремленіями, хотѣніями и проч. Это и есть самосознаніе въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ. Благодаря отожествленію и различенію, соединенію и раздѣленію, мы находимъ въ самосознаніи своемъ сложную картину разнообразныхъ группъ душевныхъ или психическихъ фактовъ, которые признаемъ элементами нашего сознанія, какъ цѣлаго. Между ними мы различаемъ простые и первичные, сложные и производные факты,—явленія разныхъ порядковъ (мысли, чувства, воли—интеллектуальныя, эмоціональныя, волевыя),—отношенія подчиненія и соподчиненія и всевозможныя другія формы зависимостей—причинную, логическую, нравственную и эстетическую, которыя обобщаются нами въ формулы законовъ причины и дѣйствія, мотиваціи (отношеніе хотѣнія и дѣйствія), достаточнаго основанія (отношеніе основанія и слѣдствія), цѣлеположенія (отношеніе факта къ его цѣли),—законовъ тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго, эстетическихъ законовъ усмотрѣнія гармоніи, этическихъ законовъ императива долга, совѣсти, нравственной отвѣтственности и проч.

Всѣ эти системы и формулы отношеній имѣютъ несомнѣнно смыслъ и raison d'être только въ предѣлахъ самосознанія; психологическая группировка идей, чувствъ, хотѣній, логическіе законы мысли, этическіе законы мотиваціи и эстетическія формулы оцѣнки воспріятій не имѣютъ ничего общаго съ химическими, физическими и біологическими законами и отношеніями предметовъ и явленій внѣшняго міра, съ классификаціями минералогическими, ботаническими, зоологическими и др. под. А

между тѣмъ, и тутъ и тамъ всѣ отношенія объектовъ сознанія распредѣляются въ двухъ основныхъ направленіяхъ: 1) Всѣ классификаціи и группировки какъ физическихъ фактовъ внѣшняго опыта, такъ и психическихъ фактовъ внутренняго опыта происходятъ, главнымъ образомъ, на основаніи отожествленія и различенія признаковъ душевныхъ состояній въ самосознаніи. 2) Всѣ законы и формулы соотношеній между фактами того и другого порядка суть преимущественно дѣйствія соединенія и раздѣленія, т.-е. усмотрѣнія различныхъ зависимостей или связей между нашими представленіями объ этихъ фактахъ—въ самосознаніи.

Такимъ образомъ, при сравненіи всѣхъ системъ отношеній между фактами нашего опыта, которыя устанавливаются мыслью въ процессѣ познанія, намъ открываются, съ одной стороны, двѣ различныя области, въ которыхъ обнаруживается аналогичная, упорядочивающая наши представленія, работа самосознанія,—области, изъ которыхъ одна называется міромъ физическимъ, другая—міромъ психическимъ. Съ другой стороны, въ этой работѣ самосознанія обнаруживаются и два порядка основныхъ функцій самосознанія, изъ которыхъ одинъ сводится къ дѣйствіямъ «отожествленія и различенія», другой—къ дѣйствіямъ «соединенія и раздѣленія» представленій, постановки ихъ во взаимную связь и зависимость, или отрицанія этой связи и зависимости. Это какъ-бы два различныя психическія измѣренія, въ которыхъ самосознаніе осуществляетъ распорядокъ фактовъ опыта, столько же внѣшняго, сколько и внутренняго.

При дальнѣйшемъ сравненіи указанныхъ дѣйствій самосознанія въ двухъ главныхъ сферахъ и въ двухъ основныхъ направленіяхъ, легко замѣтить, что если въ сферѣ внѣшняго, или чувственнаго опыта дѣйствія отожествленія и различенія, соединенія и раздѣленія приводятъ къ группировкѣ всѣхъ фактовъ этого опыта въ двѣ системы отношеній предметовъ въ пространствѣ и явленій во времени, то въ области внутренняго опыта происходитъ совершенно иное размѣщеніе психическихъ фактовъ, совсѣмъ не похожее на размѣщеніе, такъ называемыхъ, физическихъ объектовъ, хотя и представляющее собою также двѣ различныя категоріи отношеній.

Дѣйствія «отожествленія и различенія» въ области самосознанія даютъ въ результатѣ картину разнообразныхъ по качеству психическихъ явленій, состояній, актовъ, которые располагаются по группамъ, родамъ и видамъ, по порядку простоты и сложности, по степени сродства и близости, совмѣстности и смежности, ясности и отчетливости и

т. д. Во всей совокупности своей эти факты сознанія образуютъ то цѣлое, которое называется душою и является средою психическихъ отношеній. Это—цѣлый міръ, отличный отъ міра внѣшняго, пространственнаго, и философы называютъ его, въ противоположность необъятному внѣшнему міру, микрокосмомъ. Если прибѣгнуть къ метафорѣ, то эта своеобразная «среда сознанія» представится какъ-бы безконечною равниной, усѣянной множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ психическаго порядка, называемыхъ ощущеніями, представленіями, понятіями, чувствованіями, чувствами, волненіями, желаніями, стремленіями, хотѣніями, мыслями, идеями, идеалами..., которые находятся рядомъ другъ съ другомъ, возлѣ и близко или далеко другъ отъ друга, выше и ниже, которые «больше или меньше, шире или уже другъ друга». Но, конечно, все это только метафоры. Мы отлично знаемъ, что это «quasi-пространство психическое, называемое душою или сознаніемъ», не есть «пространство» физическое, что въ немъ нѣтъ «ни рядомъ, ни возлѣ, ни дальше, ни ближе, ни выше, ни ниже, ни большого и малаго, ни широкаго и узкаго»—въ смыслѣ физическомъ. «Сознаніе»—не мѣсто и не вмѣстилище, «элементы» его не предметы и вещи, а нѣчто совсѣмъ другое, непротяженное, пространственными мѣрами не измѣримое, съ пространствомъ несоизмѣримое. Но вдумываясь глубже въ отношенія этого «мнимаго пространства душевныхъ состояній и актовъ» къ физическому, чувственному, мы замѣчаемъ, что если душа или сфера сознанія не есть элементъ и частная форма «внѣшняго» пространства, то за то легко понять «пространство физическое» какъ частную форму среды сознанія, какъ частный случай отношеній тожествъ и различій,—тожествъ и различій между ощущеніями, воспринятыми при взаимодѣйствіи съ внѣшнимъ міромъ. Части и цѣлыя въ предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра – только форма отношенія «частей и цѣлыхъ въ сознаніи», возлѣ и рядомъ въ пространствѣ—форма «возлѣ и рядомъ психическаго, непротяженнаго», «выше и ниже, много и мало, больше и меньше»—все это прежде всего психическія категоріи и опредѣленія, а затѣмъ уже, въ частности, физическія, пространственныя. Смежность, разстояніе и величина пространственныхъ предметовъ — частные случаи смежностей, разстояній и величинъ психическихъ. Когда мы усвоимъ себѣ это чисто психологическое воззрѣніе и поймемъ, что даже самые термины «пространства» и «протяженія» можно употреблять въ смыслѣ психологическомъ, разумѣя подъ ними обширную или «пространную» среду разнообразныхъ психическихъ фактовъ и ихъ отношеній, и опредѣляя затѣмъ Эвклидово пространство трехъ

измѣреній, какъ «спеціальное, вещественное или чувственное пространство и какъ сумму таковыхъ же протяженій», тогда мы будемъ въ состояніи стать на правильную точку зрѣнія и въ рѣшеніи вопроса о времени, въ его отношеніи къ самосознанію и внутреннему опыту.

Соединенія и раздѣленія психическихъ фактовъ по ихъ зависимости и независимости другъ отъ друга могутъ быть, вѣдь, тоже различныхъ порядковъ, какъ и отожествленіе и различеніе. Понятія соединенія и раздѣленія невольно сначала вызываютъ въ умѣ ассоціаціи физическаго характера. Дѣленіе и соединеніе кажутся намъ дѣйствіями надъ тѣлами или величинами (въ пространствѣ). Но эта физико-геометрическая ассоціація тотчасъ исчезаетъ, какъ только мы вспоминаемъ о возможности дѣленія и соединенія понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. А когда мы вникнемъ глубже въ значеніе дѣйствій соединенія и раздѣленія въ области самосознанія, то убѣдимся, что они такъ же мало ограничиваются установленіемъ зависимостей и независимостей «физическихъ» явленій во времени, какъ дѣйствія отожествленія и различенія — установленіемъ отношеній предметовъ «чувственныхъ» въ пространствѣ.

Время есть несомнѣнно форма усмотрѣнія извѣстной зависимости воспріятій чувственнаго порядка, т.-е. говоря точнѣе, усмотрѣніе взаимныхъ зависимостей между «усиліями сознанія» при воспріятіи отношеній между специфическими ощущеніями, какъ простѣйшими элементами чувственнаго опыта. Но есть ли оно также форма усмотрѣнія зависимостей между всѣми актами и элементами самосознанія? Еслибъ это было такъ, то мы не въ состояніи были бы представить себѣ никакихъ зависимостей душевныхъ состояній, которыя бы не укладывались въ форму временныхъ отношеній — отношеній порядка «происхожденія и послѣдовательности». Но самъ Кантъ, какъ мы видѣли, показалъ, что въ анализѣ своего психическаго содержанія мы можемъ и даже должны становиться на другую точку зрѣнія, которую онъ назвалъ трансцендентальною и которая заключается въ разсмотрѣніи отношеній психическихъ фактовъ не по происхожденію во времени, а по внутреннему составу и зависимости.

Основная ошибка Канта заключалась лишь въ томъ, что онъ раздѣлялъ ходячее и не философское мнѣніе (основанное на естественной субъективной иллюзіи, которую мы ниже объяснимъ привычкою внѣшняго воззрѣнія), что мы можемъ созерцать и сознавать измѣненія или перемѣны въ сознаніи только во времени. Объ этомъ ясно свидѣ-

тельствуетъ то мѣсто § 7 (Erläuterung) въ его «Критикѣ чистаго разума», гдѣ онъ соглашается съ доводами своихъ противниковъ, что «измѣненія возможны только во времени» и что «еслибъ я или другія существа могли созерцать меня внѣ этого условія чувственнаго воспріятія, то тѣ самыя опредѣленія, которыя теперь воспринимаются нами какъ измѣненія, стали бы предметомъ познанія, въ которомъ не было бы никакого представленія времени, а слѣдовательно и представленія объ измѣненіяхъ». Изъ этихъ цитатъ прямо вытекаетъ, что Кантъ всецѣло отожествлялъ въ самосознаніи акты усмотрѣнія измѣненій и усмотрѣнія времени.

Но тутъ-то онъ и допустилъ очевидную для насъ психологическую ошибку. Сознаніе измѣненія или перемѣны означаетъ сознаніе «различій». Но мы видѣли въ предыдущей главѣ, что усмотрѣніе различій психологически предваряетъ усмотрѣніе отношеній впечатлѣній во времени и пространствѣ, а усмотрѣніе различій, какъ мы видѣли, есть усмотрѣніе измѣненій въ состояніяхъ самого субъекта ранѣе сознанія всякаго времени. Такимъ образомъ, не всѣ измѣненія можно назвать «измѣненіями во времени». Таковыми нельзя считать даже «измѣненія впечатлѣній» въ области «чисто пространственнаго воспріятія». Когда я, сидя въ комнатѣ, заставленной множествомъ неподвижныхъ предметовъ, смотрю передъ собою, я вижу одновременно, разомъ, множество предметовъ, различныя комбинаціи цвѣтовъ, очертаній, величинъ, линій. Разомъ, интуитивно, я усматриваю хотя-бы смутно массу различныхъ и сходныхъ, т.-е. различаемыхъ и отожествляемыхъ мною въ самосознаніи, впечатлѣній, и этотъ актъ «настоящаго» моего усмотрѣнія хотя-бы двухъ различныхъ впечатлѣній разомъ составляетъ, по признанію философовъ, только «границу между прошедшимъ и будущимъ во времени», т.-е. во времени это—ничто, и само представленіе времени возникаетъ лишь какъ продуктъ различенія и усмотрѣнія нѣкоторой особой зависимости впечатлѣній между собою въ ихъ движеніи, т.-е. «какъ слѣдствіе особой формы ихъ раздѣленія и соединенія». Ясно, что я усматриваю измѣненія во времени, какъ «спеціальную форму измѣненій въ состояніяхъ сознанія», причемъ другою спеціальною формой усмотрѣнія этихъ измѣненій въ состояніяхъ сознанія является, напр., порядокъ ихъ въ пространствѣ, сознаваемый одновременно, т.-е. безвременно. Мы обыкновенно не вдумываемся въ значеніе понятія одновременности фактовъ самосознанія, но если вдумаемся, то поймемъ, что въ этой субъективной области «одновременно» значитъ внѣвременно или сверхвременно, ибо время есть «продолжительность

и послѣдовательность», а не «разомъ и вмѣстѣ», т.-е. на границѣ двухъ моментовъ времени [1]).

Такимъ образомъ, смѣшеніе въ актахъ самосознанія усмотрѣнія различій или измѣненій съ усмотрѣніемъ времени является petitio principii, т.-е. продуктомъ заранѣе произвольно допущеннаго, совершенно недоказаннаго и всѣми фактами самосознанія опровергаемаго тожества понятій «измѣненій въ сознаніи» и «измѣненій во времени».

Измѣненія въ самосознаніи не суть еще измѣненія во времени, ибо сознаніе смѣны во времени есть только частная форма сознанія различій и тожествъ между психическими фактами, данными въ самосознаніи одновременно, т.-е. внѣвременно.

Изъ всего изложеннаго возникаетъ слѣдующій вопросъ: если въ самосознаніи необходимо признать возможность различенія и отожествленія, а слѣдовательно и измѣненія—того, что дано разомъ, внѣ времени, и если само это различеніе и отожествленіе лежитъ въ основѣ представленій «смѣны во времени», какъ и «различій (смежностей) въ пространствѣ», то не есть ли время—сознаніе одной частной формы соединенія и раздѣленія фактовъ самосознанія, при чемъ существуютъ и другія формы этого соединенія и раздѣленія, ничего общаго съ «временемъ» не имѣющія?

Подобно тому, какъ есть въ сознаніи «рядомъ, возлѣ, выше и ниже, больше и меньше», которыя не суть «пространственныя отношенія матеріальныхъ величинъ»,—подобно этому есть въ немъ «перемѣны, различія, измѣненія, зависимости», которыя не суть перемѣны, различія и зависимости во времени. Другими словами, сознаніе можно разсматривать не только какъ «мнимое пространство» психическихъ сосуществованій, но и какъ «мнимое время» психическихъ измѣненій и зависимостей. Въ сознаніи есть «прежде и послѣ» (какъ и «рядомъ» и «возлѣ»), которое не есть «прежде и послѣ» во времени. Такимъ «прежде и послѣ сверхвременнымъ» является, напримѣръ, логическое прежде и послѣ. Не даромъ логика предостерегаетъ противъ заключенія «post hoc, ergo propter hoc». Формула «propter hoc», т.-е. «поэтому, вслѣдствіе этого», есть формула логической связи, которая не есть эмпирически-чувственная послѣдовательность впечатлѣній во времени. Есть «прежде» и

---

[1]) Отъ одновременности субъективной,—т.-е. фактовъ, данныхъ въ самосознаніи, конечно, слѣдуетъ отличать «объективную одновременность параллельныхъ явленій чувственной дѣйствительности», которая означаетъ соотношеніе двухъ рядовъ послѣдовательностей и продолжительностей впечатлѣній.

«послѣ» логическія (отношенія основаній и слѣдствій), которыя даны также разомъ и одновременно (внѣ времени), какъ прежде и послѣ (т. е. рядомъ) въ пространствѣ.

Поэтому то, по аналогіи съ идеею «психическаго псевдо-пространства», которую мы признали основой и источникомъ частной идеи пространства «вещественнаго», можно притти и къ широкой и чрезвычайно плодотворной идеѣ «психическаго псевдо-времени», по отношенію къ которому обыкновенное эмпирическое или чувственное, Кантовское, время, «которое можно себѣ представить только въ формахъ внѣшняго воззрѣнія», окажется частнымъ случаемъ. Разумѣется, это псевдо-время психическое, будучи основною формой всѣхъ зависимостей представленій въ сознаніи, не будетъ имѣть ни прошедшаго, ни будущаго, а будетъ тѣмъ «безконечно растянутымъ настоящимъ», которое называется вѣчностью и составляетъ форму бытія нашего единаго безвременнаго субъекта. И по отношенію къ этому «псевдо-времени психическому»—время чувственное,—время, имѣющее прошедшее и будущее,—окажется только частною формой усмотрѣнія единымъ и неизмѣннымъ субъектомъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ зависимостей его душевныхъ состояній во взаимодѣйствіи только съ внѣшнимъ міромъ, а не съ самимъ собою—въ самосознаніи. Вѣдь для усмотрѣнія времени (т.-е. для различенія прежде и послѣ во времени) нужна почва постоянная, неизмѣнная, покойная (какъ критерій всякихъ перемѣнъ во времени) и такою почвою является именно самосознающій себя, какъ «неизмѣннаго во времени», субъектъ, хотя по содержанію онъ многообразенъ и сложенъ въ своемъ единствѣ.

Установивъ полный параллелизмъ между «псевдопространствомъ психическимъ» и реальнымъ «чувственнымъ пространствомъ», съ одной стороны, и «псевдовременемъ психическимъ» и реальнымъ «чувственнымъ временемъ», съ другой,—мы перейдемъ теперь къ спеціальному разсмотрѣнію нѣкоторыхъ высшихъ и спеціальныхъ формъ чисто психическихъ тожествъ и зависимостей, которыя параллельны формамъ элементарныхъ психическихъ отожествленій и различеній, соединеній и раздѣленій, и покажемъ, какъ нелѣпо пытаться укладывать ихъ въ рамки эмпирическаго чувственнаго времени, — насколько онѣ шире этихъ рамокъ и несоизмѣримы съ нимъ.

Это дастъ намъ истинное понятіе о дѣйствительномъ психическомъ процессѣ, въ отличіе отъ физическаго, чувственно-воспринимаемаго процесса явленій «во времени»,—процессѣ сверхвременномъ, параллельномъ той непространственной средѣ сознанія, которая

отличается отъ чувственно-протяженной среды «физическихъ предметовъ».

При этомъ главное вниманіе мы сосредоточимъ на анализѣ логическихъ отношеній и зависимостей въ области элементовъ мысли, и лишь затѣмъ вскользь разберемъ формы другихъ психическихъ зависимостей, данныхъ намъ въ самосознаніи или внутренней интуиціи, и между прочимъ выражающихся въ формулахъ этическаго и эстетическаго самопознанія.

X.

«Времени нѣтъ внѣ представленія времени, внѣ сознанія времени». Такъ думалъ Кантъ. Слѣдовательно, для того, чтобы признать время необходимою «формою внутренняго опыта, внутренней интуиціи, т.-е. самосознанія», нужно доказать, что нельзя созерцать отношеній душевныхъ актовъ и состояній «внѣ времени», т.-е. иначе какъ въ формѣ времени, а не такими способами, которые не включали бы въ себѣ предположенія времени. Но кто это доказалъ? Конечно, не Кантъ, который противополагалъ трансцендентальное созерцаніе формъ опыта и самого времени — наблюденію обычной, временной, чувственно-эмпирической связи воспріятій.

Кто же доказалъ и кто докажетъ, что душевную жизнь можно представлять себѣ только въ смѣнѣ душевныхъ явленій «во времени»?

Наоборотъ, есть даже очень сложныя формы самосознанія, въ которыхъ не только отсутствуетъ или утрачивается «сознаніе и представленіе» времени, но которыя всѣми ухищреніями предвзятой теоріи не могутъ быть уложены въ рамки отношеній «прошедшаго, настоящаго и будущаго», въ представленія «продолжительностей и послѣдовательностей». Таковы формы логическаго мышленія.

Возьмемъ самое простое сужденіе: «Земля—шаръ». Можно ли сказать, что понятіе земли—прошедшее относительно понятія шара, что оно въ указанномъ сужденіи предшествуетъ, а понятіе шара слѣдуетъ во времени, что оба эти понятія, какъ понятія, имѣютъ извѣстную продолжительность и скорость теченія, опредѣляющую ихъ свойства? Мы отлично сознаемъ, какъ нелѣпы были бы всѣ эти утвержденія. Мы сознаемъ и знаемъ, что сужденія никакого и не было бы, если бы не было въ умѣ разомъ обоихъ понятій и сознанія отношенія между ними, что субъектъ и предикатъ—понятія соотносительныя, что субъекта никакого нѣтъ, пока нѣтъ предиката, и наоборотъ, и что, стало быть, сужде-

ніе есть одновременный, не разложимый на моменты времени и единый актъ мысли, хотя бы оно требовало для своего выраженія не двухъ, а двадцати двухъ словъ. Разумѣется, чтобы «произнести» хотя бы два слова, а не только двадцать два, нуженъ физическій процессъ звуковыхъ движеній, который, какъ явленіе чувственнаго порядка, можетъ быть представленъ нами только въ формѣ времени. Но надо умѣть отличать воспринимаемое внѣшними чувствами словесное предложеніе отъ доступнаго одному лишь самосознанію сужденія или соединенія понятій Сужденіе «всѣ люди смертны» — можно лишь такъ произнести или воспринять при произнесеніи, что когда мы будемъ произносить «люди», — терминъ «всѣ» уже будетъ прошедшимъ, а терминъ «смертны» — будущимъ, но въ самосознаніи логическомъ всѣ эти понятія даны разомъ, какъ «настоящее», какъ элементы одного неразложимаго цѣлаго, и это настоящее стоитъ на границѣ прошедшаго и будущаго, какъ актъ безвременный.

Такъ же легко усмотрѣть неприложимость представленія времени къ логическому процессу умозаключенія. Возьмемъ для разбора классическій примѣръ силлогистическаго вывода, разсмотрѣнный между прочимъ Дж. Ст. Миллемъ:

Всѣ люди смертны.
Сократъ—человѣкъ.
Слѣдовательно, Сократъ смертенъ.

Милль не даромъ видѣлъ въ «дедуктивномъ» умозаключеніи petitio principii. Несомнѣнно, что въ большей посылкѣ «всѣ люди смертны» уже содержится заключеніе, что «Сократъ, какъ человѣкъ, смертенъ». Но точно также и въ заключеніи «Сократъ, какъ человѣкъ, смертенъ» (соединеніе меньшей посылки и заключенія) содержится implicite бо́льшая посылка, что «всѣ люди смертны». Разумѣется, какъ это неоднократно указывалось критикой, Милль былъ неправъ, видя въ силлогизмѣ, какъ онъ поставленъ Аристотелемъ, случай обыкновенной логической ошибки «petitio principii», ибо положеніе «всѣ люди смертны» считается доказаннымъ и безъ наблюденія частнаго случая «смерти Сократа или Бисмарка» и есть индуктивный выводъ изъ наблюденія свойствъ человѣческой природы, а не изъ наблюденія всей суммы смертей человѣческихъ, такъ что логической ошибки «petitio principii» въ первой посылкѣ нѣтъ никакой. Но совершенно вѣрно то, что «заключеніе» силлогизма implicite содержится въ большей посылкѣ и что поэтому бо́льшая посылка не можетъ быть «прошедшимъ во времени» по отношенію къ заключе-

нію, а есть лишь логическое его prius или основаніе, какъ субъектъ есть логическое prius предиката въ сужденіи. Посылки въ силлогизмѣ можно безнаказанно переставлять, отчего нисколько не измѣняется выводъ, и если даны обѣ посылки, то въ нихъ данъ уже implicite выводъ, причемъ обѣ посылки содержатся въ немъ не какъ прошедшее, а какъ неотъемлемое настоящее. Словомъ сказать, въ дедуктивномъ умозаключеніи всѣ элементы сужденія такъ же тѣсно и неразрывно связаны въ одномъ настоящемъ, какъ связаны субъектъ и предикатъ въ сужденіи. Нѣтъ посылокъ безъ вывода, нѣтъ вывода безъ посылокъ. Въ физическомъ мірѣ (чувственнаго воспріятія) всѣ явленія такъ соединены, что въ реальномъ процессѣ ихъ совершенія одни непремѣнно предшествуютъ, другіе слѣдуютъ: сначала нагрѣваніе жидкости или газа, потомъ кипѣніе или взрывъ, сначала цвѣтъ, потомъ плодъ, сперва электрическая искра, потомъ трескъ; но про логическій процессъ нельзя сказать: сперва субъектъ, а потомъ предикатъ, сперва посылки, а потомъ заключеніе. Эти выраженія умѣстны лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ разумѣть процессъ «высказыванія» сужденія или дедуктивнаго умозаключенія въ словесныхъ формулахъ, но не самое логическое усмотрѣніе связи понятій въ самосознаніи. Умозаключеніе въ самосознаніи, какъ и сужденіе, есть актъ спонтанный, цѣльный, неразложимый на моменты времени, ибо всѣ его моменты даны въ мысли разомъ, одновременно, и доступны всяческой словесной перестановкѣ во времени. Вѣдь не даромъ и въ сужденіи для логическаго его смысла безразлично, что поставлено раньше: субъектъ или предикатъ,—можно сказать: «люди—порода животныхъ» и «нѣкоторою породою животныхъ являются люди». Мѣсто разстановки элементовъ сужденія въ разныхъ языкахъ различно, такъ что въ однихъ сказуемое ставится раньше, въ другихъ—послѣ, но отъ этого логическій смыслъ сужденій не измѣняется, ибо въ немъ субъектъ является логическимъ «прежде» предиката, а не временнымъ. И точно также посылки дедуктивнаго умозаключенія—логическое prius заключенія, а не временное. Можно даже сказать, что субъектъ и предикатъ, посылки и заключеніе—столько же «рядомъ» и «возлѣ», какъ «прежде и послѣ», но это рядомъ и возлѣ—не пространственное, а психическое (совмѣстность въ сознаніи), и точно также логическое «прежде и послѣ» не есть временное, т. е. чувственное прежде и послѣ. Поэтому въ логикѣ понятіе «когда» замѣняется понятіемъ «если». Заключеніе необходимо, если даны извѣстныя посылки, а не когда онѣ даны, тогда какъ въ природѣ, наоборотъ, новое явленіе можетъ наступить лишь тогда, когда произошло другое. Этимъ разли-

чается логическая обусловленность мыслей отъ физической или чувственной обусловленности явленій во времени.

И не только въ дедуктивномъ умозаключеніи нѣтъ отношенія понятій во времени, но его нѣтъ и въ умозаключеніи индуктивномъ, поскольку оно—умозаключеніе. Индукція, какъ процессъ чувственнаго наблюденія и опыта, собирающій факты для вывода, конечно, осуществляется во времени; но когда факты даны сознанію, то выводъ является сверхвременнымъ логическимъ процессомъ. Когда мы, напр., логически связываемъ наблюденные факты, что «животныя A, O, S, D... имѣютъ холодную кровь», въ индуктивный выводъ, что «нѣкоторыя животныя имѣютъ холодную кровь», то ясно, что и въ этомъ случаѣ выводъ нельзя логически (но можно только словесно) отдѣлить во времени отъ посылокъ и каждую посылку отъ другой (т. е. посылки: животное A имѣетъ холодную кровь, животное O также, и проч.). Уже въ мысленномъ сопоставленіи двухъ животныхъ, имѣющихъ холодную кровь, содержится логически признаніе или заключеніе, что «нѣкоторыя животныя хладнокровны». Такимъ образомъ, и въ индукціи отношеніе элементовъ мысли или сужденія не укладывается въ рамки времени. Можно спокойно говорить о «моментахъ» мысли, но «моменты» мысли не суть моменты времени, какъ элементы сознанія не суть элементы пространства. Сами моменты времени суть лишь «моменты мысли» въ спеціальной области чувственнаго опыта.

Эти положенія станутъ еще яснѣе, если мы теперь отъ разбора отдѣльныхъ процессовъ мысли перейдемъ къ анализу общихъ законовъ или принциповъ мышленія.

Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, мы должны опровергнуть одно обычное возраженіе, которое дѣлается противъ нашей теоріи и которое мы уже не разъ слышали: «Пусть,—говорятъ намъ,—отдѣльное сужденіе и отдѣльный выводъ въ своемъ логическомъ составѣ являются одновременнымъ и сверхвременнымъ актомъ, но нельзя же отрицать той очевидности, что одно сужденіе или выводъ мой является въ сознаніи теперь, другой—черезъ часъ, третій—завтра и пр., т. е., другими словами, одинъ прежде, другой теперь, третій послѣ. Въ эмпирическомъ совершеніи своемъ душевная жизнь несомнѣнно подчинена условіямъ времени». На это мы отвѣтимъ: «да, но и условіямъ пространства тоже». Извнѣ наблюдаемая душевная жизнь происходитъ въ мірѣ, въ организмѣ, въ мозгу и постольку, поскольку все матеріальное бытіе этой среды воспринимается чувственно, въ пространствѣ и во времени, душевная жизнь также кажется происходящею въ пространствѣ и во

времени. Но мы не замѣчаемъ, что когда мы такъ разсматриваемъ душевную жизнь, то неизбѣжно смотримъ на нее извнѣ, чрезъ призму чувственности, чрезъ призму органическаго бытія тѣла и внѣшнихъ проявленій душевныхъ актовъ, а слѣдовательно и формъ воспріятія этихъ внѣшнихъ проявленій. Если же мы отрѣшаемся отъ этой чувственной призмы и созерцаемъ душевную жизнь въ самосознаніи, то связь и распорядокъ актовъ мысли представляется намъ въ иныхъ отношеніяхъ, логическихъ, а не въ пространствѣ и во времени. И если мы, никто, не видимъ никакого препятствія и противорѣчія въ признаніи того, что въ пространственно-протяженной средѣ организма существуютъ сверхпространственно-непротяженныя душевныя состоянія, смежность и совмѣстность которыхъ не есть пространственная смежность и совмѣстность, то нѣтъ никакого препятствія и противорѣчія и въ допущеніи, что въ нѣдрахъ чувственно-временнаго процесса сознательной жизни организма непрерывно осуществляется сверхвременный процессъ самосознаванія, въ которомъ прежде и послѣ психическое не есть «прежде и послѣ чувственно-матеріальное», ибо въ этомъ прежде и послѣ психическомъ сознается разомъ и одновременно логическое соотношеніе, а не чувственно-временная послѣдовательность. Не даромъ въ работѣ самосознанія всегда прихотливо комбинируются элементы настоящаго чувственнаго опыта съ представленіями изъ всевозможныхъ эпохъ прошлаго и съ продуктами внезапной интуиціи воображенія, т. е. съ творческими созданіями духа, причемъ нарушаются всѣ условія естественной смежности и послѣдовательности чувственныхъ воспріятій въ пространствѣ и во времени.

Нашу точку зрѣнія, идущую въ разрѣзъ съ обычнымъ пониманіемъ и съ вѣковыми привычками представленія, усвоить, конечно, нелегко,— надо передѣлать свои старыя привычки представленія, понять свойственную намъ «иллюзію чувственнаго или внѣшняго созерцанія психическихъ фактовъ», какъ иллюзію, и только тогда для анализа душевной дѣятельности откроются новыя, богатыя перспективы. Вѣдь мы не говоримъ, что душевная жизнь никогда «не кажется» намъ совершающеюся во времени, но мы говоримъ именно, что намъ только кажется, что она зависитъ отъ времени, какъ намъ кажется также, что она происходитъ въ пространственно-протяженномъ тѣлѣ и мѣстѣ. Стоитъ, однако же, только ясно понять, что пространство и время суть лишь «психическія формы нашего чувственнаго воззрѣнія», а не реальныя отношенія вещей, чтобы понять также, что тамъ, гдѣ нѣтъ роковой необходимости «представлять себѣ» факты сознанія въ пространственно-времен-

номъ распорядкѣ, тамъ уже нѣтъ ни времени, ни пространства, которыя суть только формы представленія, а не бытія. Навязывая процессамъ самосознанія форму времени, мы именно превращаемъ ее изъ формы представленія въ форму бытія, ибо хотя представленія времени и нѣтъ въ самосознаніи логическомъ, нравственномъ, эстетическомъ (конечно, внѣ чувственнаго воспріятія матеріала для этихъ формъ самосознанія),—такъ какъ ихъ формы можно, по Канту, созерцать трансцендентально, «не по происхожденію, а по составу»,—однако мы все-же утверждаемъ, что они осуществляются во времени, какъ будто время существуетъ само по себѣ, какъ какая-то субстанція, даже и тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія времени, гдѣ нѣтъ «необходимости» представлять себѣ отношенія душевныхъ актовъ во времени. Вѣдь время, какъ и пространство, цвѣтъ и всѣ прочія субъективныя формы чувственности, накладывается самой душою, какъ своего рода лакъ, на нѣкоторыя явленія опыта и ихъ отношенія. Если не наложенъ лакъ на дерево, нельзя назвать дерево лакированнымъ. Если предметъ не окрашенъ нами въ зеленый цвѣтъ, его нельзя назвать зеленымъ,—онъ или безцвѣтенъ, или имѣетъ какой-нибудь другой цвѣтъ. Если время, какъ форма представленія, отсутствуетъ въ воспріятіи свойствъ и отношеній нѣкоторыхъ душевныхъ фактовъ, то его и нѣтъ въ области этихъ фактовъ,—они безвременны или сверхвременны [1]).

Мы полагаемъ, что въ этомъ разъясненіи достаточно отчетливо выразили свою особенную точку зрѣнія на время, и перейдемъ теперь къ предположенному анализу «общихъ законовъ или принциповъ» мышленія, какъ одной изъ высшихъ формъ самосознанія.

---

[1]) Время можно также сравнить съ синими очками, чрезъ которыя мы иногда смотримъ на предметы чувственнаго опыта. Когда мы глядимъ чрезъ синія очки на бѣлую штору, она кажется синею. Но если мы глядимъ на штору безъ очковъ, она представляется бѣлою, и мы уже не можемъ сказать, что она — синяя. Можно смотрѣть на психическія отношенія тоже чрезъ очки внѣшняго чувственнаго опыта, т. е. чрезъ очки представленій пространства и времени. Но если мы снимемъ эти чувственныя очки и вглядимся въ душевныя отношенія и акты «внутреннимъ окомъ», какъ они даны непосредственно въ самосознаніи, то никакого времени въ нихъ не увидимъ и нельзя будетъ сказать, что «они суть во времени».

XI.

Основными законами мышленія являются законъ тожества (онъ же законъ противорѣчія и законъ исключеннаго третьяго), и законъ достаточнаго основанія.

Законъ тожества утверждаетъ, что «всякое понятіе равно самому себѣ» (omne subjectum est praedicatum sui) и выражается въ формулѣ A=A, откуда слѣдуетъ, что «A не non A», т. е. если A=B и не равно C, то A не можетъ быть non B или C (законъ противорѣчія), и что A или=B, или не=B, или равно C или не равно ему (законъ исключеннаго третьяго). Ясно, что логическій законъ тожества есть развитіе въ области «понятій» психологическаго процесса «отожествленія и различенія», даннаго въ самосознаніи на самыхъ первыхъ ступеняхъ сравненія элементарныхъ ощущеній, вслѣдствіе чего вполнѣ вѣрно утвержденіе многихъ психологовъ и логиковъ со времени Беркли, что и въ процессахъ элементарнаго воспріятія и опыта, при образованіи представленій изъ ощущеній, и понятій изъ представленій, участвуютъ постоянно логическія дѣйствія сужденія и умозаключенія, основанныя на формулахъ законовъ тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго. Другими словами, процессъ отожествленія и различенія любыхъ элементовъ сознанія въ самосознаніи есть одинаково: психологическій актъ внутренней интуиціи и элементарный логическій актъ мышленія. Различіе этихъ опредѣленій совершенно условно. Мы называемъ логическимъ актомъ мышленія вполнѣ сознательное и отчетливое отожествленіе и различеніе «понятій», а психологическимъ актомъ различенія и отожествленія сознательное или полусознательное (неотчетливое) усмотрѣніе тожествъ и различій всякихъ, хотя-бы элементарнѣйшихъ психическихъ состояній.

Точно такимъ же образомъ другой логическій законъ «достаточнаго основанія» есть законъ усмотрѣнія связи и зависимости, т. е. единства и раздѣльности въ понятіяхъ. Но въ своей общей формулѣ: «всякое слѣдствіе имѣетъ свое основаніе» онъ есть въ то же время условіе всякаго соединенія и раздѣленія ощущеній и представленій, хотя-бы и на ступени чисто-психологической ихъ переработки. Общій законъ мышленія и сознанія—искать связи и зависимости психическихъ элементовъ, а общая формула всякой связи и зависимости есть законъ

отношенія основанія и слѣдствія. Въ логической формулѣ закона основанія и слѣдствія прибавляется терминъ «достаточнаго»[1]). Это значитъ—«достаточнаго для отчетливой логической мысли, для логическаго разумѣнія».

Поэтому Шопенгауэръ былъ совершенно правъ, разсматривая всѣ формы зависимости представленій въ сознаніи, какъ формы отношенія основаній и слѣдствій, и признавая, что такихъ формъ нѣсколько, а именно, по его мнѣнію, четыре основныхъ, которыя суть законы основанія: 1) бытія (essendi), 2) бываніе или связи явленій (fiendi), т. е. законъ причинности, 3) познанія (cognoscendi)—логическій законъ достаточнаго основанія въ тѣсномъ смыслѣ, и 4) дѣйствованія (agendi), т. е. законъ мотивацін. Думаемъ, однако, что Шопенгауэръ допустилъ двѣ ошибки въ этомъ анализѣ, а именно: 1) признаніемъ времени за основную форму или схему всѣхъ отношеній между основаніями и слѣдствіями въ самосознаніи [2]), причемъ онъ этимъ выразилъ только въ новой формѣ Кантовское ученіе о времени, какъ формѣ внутренней интуиціи, и 2) тѣмъ, что предположилъ, что онъ исчерпалъ въ своемъ анализѣ всѣ формы зависимостей психическихъ фактовъ между собою и окончательно опредѣлилъ ихъ взаимныя отношенія. Мы покажемъ ниже ясно, что то и другое предположенія были неправильны, а пока мы желали только опереться на Шопенгауэра въ томъ нашемъ выводѣ, что логическій законъ достаточнаго основанія есть только частная и высшая форма общаго психологическаго закона усмотрѣнія зависимостей душевныхъ фактовъ между собою и что поэтому о законѣ основанія и слѣдствія, какъ и о законѣ тожества, можно сказать, что онъ, съ одной стороны, лежитъ implicite въ самыхъ простѣйшихъ актахъ соединенія и раздѣленія представленій и, съ другой, что въ логической своей формѣ онъ есть спеціальное выраженіе психической зависимости другъ отъ друга понятій и сужденій.

Въ виду этихъ соображеній естественно возникаетъ слѣдующій вопросъ:

Если логическіе законы тожества и достаточнаго основанія суть только высшія формы и формулы отожествленія и различенія, соеди-

---

[1]) Lex rationis sufficientis, а не просто determinantis. Мы эти понятія считаемъ необходимымъ различать, хотя обыкновенно они отожествляются.

[2]) Die Zeit,—говоритъ онъ,—ist das einfache, nur das Wesentliche enthaltende Schema aller übrigen Gestaltungen des Satzes vom zureichenden Grunde, ja der Urtypus aller Endlichkeit (Vierfache Wurzel des Satzes v. zur. Grunde, стр. 150, 158).

ненія и раздѣленія психическихъ фактовъ, а именно идей, и если психическія дѣйствія различенія и отожествленія, соединенія и раздѣленія не могутъ быть нами представлены какъ процессы во времени и пространствѣ, а, напротивъ, сами составляютъ основу образованія представленій о пространствѣ и времени, то не становится ли для насъ совершенно понятнымъ, почему логическіе акты мысли въ процессѣ сужденія и умозаключенія тоже не могутъ быть укладываемы въ форму времени, какъ мы это показали выше?

Очевидно, что тѣ свойства, которыя принадлежатъ процессамъ самосознанія на низшихъ его ступеняхъ, должны остаться въ силѣ и на высшихъ ступеняхъ (логической интуиціи), и что пространство и время, которыя суть частные продукты этихъ процессовъ самосознанія въ области чувственнаго опыта, не могутъ быть «общими» формами этихъ процессовъ внѣ или помимо чувственнаго опыта.

Мы разсматривали выше (глава VI) пространство и время какъ формы сознанія психическихъ усилій въ процессѣ чувственнаго опыта и воспріятія. Мы не отрицаемъ, что и всѣ логическія операціи мышленія, какъ и нравственные акты опредѣленія хотѣній и эстетическіе акты гармонизаціи чувствъ, требуютъ тоже усилій, но лишь настолько, насколько они направлены на преодолѣваніе сопротивленій среды въ выраженіи или осуществленіи этихъ психическихъ актовъ въ области чувственности, въ области внѣшняго опыта, а какъ «дѣйствія психическаго дѣятеля», эти акты познаются нами не въ формахъ пространства и времени, а въ безпространственныхъ и безвременныхъ логическихъ формахъ—зависимости понятій, въ таковыхъ же этическихъ формахъ взаимодѣйствія хотѣній, и эстетическихъ формахъ—соотношенія эмоцій. Оттого мы и въ сферѣ этической и эстетической, какъ и въ логической, представляемъ себѣ акты психическихъ опредѣленій не во времени, а совсѣмъ иначе. Такъ, въ области воли мы сознаемъ связь рѣшенія съ мотивомъ,—не какъ послѣдовательную (эмпирическую) связь во времени стремленій, страстей, желаній, а какъ нравственно-необходимую связь хотѣнія съ глубокимъ и вѣчно присущимъ мотивомъ нравственнаго долга (Кантовскій категорическій императивъ долга открывается намъ тоже трансцендентально, а не эмпирически, т. е. не изъ случайной смѣны во времени влеченій и желаній, а потому независимъ отъ нея). Точно такъ-же въ области эстетическаго самосознанія мы сочетаемъ извѣстныя чувства и волненія въ общее чувство прекраснаго или высокаго, независимо отъ временной и случайной эмпирической смѣны чувственныхъ впечатлѣній и

эмоцій, сопровождающихъ воспріятіе этихъ впечатлѣній, а именно единовременно и сверхвременно группируемъ въ самосознаніи извѣстную сумму эмоцій по ихъ внутренней зависимости, внѣ всякаго отношенія къ естественной послѣдовательности этихъ чувствъ. Отсюда—«эстетическій критерій красоты», столь же отличный отъ послѣдовательности эмоцій во времени, т. е. въ связи съ чувственнымъ опытомъ,—какъ «этическій критерій долга» отличенъ отъ эмпирической связи стремленій въ связи съ чувственностью,—какъ «логическій критерій истины», выражающійся въ законахъ тожества и достаточнаго основанія, отличенъ отъ эмпирической послѣдовательности представленій по случайной ассоціаціи ихъ въ пространственно-временномъ опытѣ.

И оттого мыслители, становящіеся на ту точку зрѣнія, что время «есть форма внутренней интуиціи» не понимаютъ и не въ состояніи объяснить несомнѣнныхъ фактовъ самосознанія, выражающихся въ сознаніи нами: 1) творческихъ силъ нашей мысли, созидающей само время, какъ извѣстный психическій распорядокъ явленій въ чувственномъ воображеніи, 2) свободы нашей воли и нравственной отвѣтственности, какъ сверхчувственныхъ основъ нашей дѣятельности въ чувственномъ мірѣ, и 3) вѣчности и абсолютности безкорыстнаго духовнаго идеала красоты, какъ сверхчувственной нормы въ оцѣнкѣ отношеній между впечатлѣніями чувственнаго порядка. Они эти факты самосознанія безъ всякаго достаточнаго основанія отрицаютъ или считаютъ «иллюзіями», а мы считаемъ, съ бо́льшимъ основаніемъ, «иллюзіей»—время, какъ форму представленія фактовъ нашего внутренняго бытія.

Конечно, Шопенгауэръ, признавъ время формою внутренняго бытія воли, неизбѣжно долженъ былъ отвергнуть эмпирическую свободу воли и притти къ полному детерминизму въ истолкованіи закона мотиваціи. Но стоитъ только предположить, что время не есть необходимая форма отношенія основаній и слѣдствій, какъ «психическаго» отношенія,—и все дѣло представится иначе: детерминизмъ окажется нелѣпостью. Между мотивами, какъ и между понятіями, нѣтъ прошедшихъ и настоящихъ, болѣе сильныхъ и слабыхъ (физически), нѣтъ физической борьбы и побѣды физически сильныхъ надъ физически слабыми, нѣтъ и равнодѣйствующей въ этомъ состязаніи. Всѣ мотивы психически одинаково сильны, ибо мотиву въ дѣйствіи даетъ силу именно свободный творческій актъ воли, актъ духовнаго самоопредѣленія, и этотъ внѣвременный и сверхвременный актъ рождаетъ само время, какъ форму дѣйствія и обнаруженія воли въ чувственномъ

мірѣ [1]). Точно такое же внутреннее опредѣленіе «внѣ времени» совершается въ сферѣ эстетической оцѣнки и логическаго распорядка понятій, и оттого въ процессахъ эстетическаго созерцанія и творчества, логическаго созиданія понятій и въ сферѣ нравственной оцѣнки мы не сознаемъ времени, не представляемъ его себѣ и забываемъ о немъ (объ этомъ выше въ гл. IV), а гдѣ «нѣтъ представленія времени, тамъ нѣтъ и времени».

Шопенгауэръ и Кантъ, подчиняя самосознаніе формѣ времени и не будучи въ состояніи отказаться вполнѣ отъ идей свободы воли и безкорыстнаго созерцанія красоты, принуждены были отнести эти факты въ сферу трансцендентальныхъ отношеній. Но, признавая трансцендентальную свободу, они не объяснили намъ, какъ можемъ мы ее себѣ

---

[1]) Мы не имѣемъ возможности въ настоящей статьѣ изложить подробно свое ученіе о сверхвременной природѣ нравственной дѣятельности человѣка и эмпирически-сверхвременной свободѣ его воли. Но въ главныхъ чертахъ наше ученіе слѣдующее: въ каждомъ актѣ нравственной борьбы противостоятъ другъ другу не отдѣльные, во времени данные и съ чувственнымъ опытомъ связанные, мотивы (будь это чувства или идеи), а двѣ безконечныя, внѣ времени данныя, потенціи: свободной творческой воли (дѣятельнаго нравственнаго субъекта) и закрѣпленной организаціей и наслѣдственностью безчисленныхъ поколѣній, и потому уже пассивной, чувственной воли (животной индивидуальности). Каждая потенція представляетъ аналогію съ половиною безконечной въ оба конца линіей, раздѣленной на двѣ части точкою. Съ одной стороны, безконечность творчества и свободы, т.-е. активности, съ другой стороны, безконечность подчиненія и рабства чувственной организаціи. Если свободная воля дѣйствуетъ, то она творитъ добро и побѣждаетъ всякія противодѣйствія организаціи (т.-е. всѣ мотивы чувственности), а если бездѣйствуетъ, то торжествуетъ чувственно-животное существо въ проявленіи безконечныхъ потенцій рабской, закрѣпощенной плотью воли. Оба существа—«нравственный субъектъ» и «чувственно-животная индивидуальность», какъ двѣ безконечныя потенціи, равносильны, даны психически внѣ всякаго времени и постоянно при насъ. Игра наличныхъ (во времени, т.-е. съ точки зрѣнія чувственности) мотивовъ—только поводъ къ психической реализаціи этихъ потенцій, не имѣющей, однако, никакого отношенія ко времени, ибо потенціи, какъ безконечности, неизмѣнны, да и въ самосознаніи при ихъ борьбѣ нѣтъ сознанія (представленія) времени, а слѣдовательно, нѣтъ и времени. Самоопредѣленіе воли есть постоянный, сверхвременный актъ, а не два во времени лежащіе «момента», какъ это думалъ Шопенгауэръ (моментъ самоопредѣленія умопостигаемаго характера къ данному «эмпирическому», и моментъ возможнаго высвобожденія или самоискупленія воли изъ-подъ ярма организаціи). Тѣ же мысли, независимо отъ излагаемаго здѣсь ученія о времени, мы проводили и въ статьѣ своей «Критика понятія свободы воли» (1889), но здѣсь онѣ могли бы получить новое, болѣе глубокое выраженіе.

представлять, если нѣтъ теоретическихъ основаній для этого представленія во внутренней интуиціи. Если же они есть—въ «трансцендентальномъ разсмотрѣніи бытія субъекта внѣ времени», то это трансцендентальное разсмотрѣніе и есть именно совокупность безвременныхъ актовъ самосознанія, по законамъ тожества и основанія, а не пространственно-временнаго распорядка воспріятій.

Чтобы дать своему ученію объ особыхъ формахъ и законахъ самосознанія болѣе полное выраженіе, мы попытаемся сдѣлать теперь дедукцію спеціальныхъ формъ законовъ тожества и основанія изъ элементарныхъ и основныхъ процессовъ отожествленія и различія, соединенія и раздѣленія психическихъ фактовъ.

Сначала разсмотримъ всѣ формы дѣйствія раздѣленія и соединенія, связанныя съ закономъ основанія и слѣдствія. При этомъ мы дадимъ и обѣщанную критику Шопенгауэровскаго ученія о формахъ закона «достаточнаго основанія», или точнѣе—«опредѣляющаго основанія» [1]). Законъ этотъ есть прирожденная и необходимая форма усмотрѣнія связей и зависимостей душевныхъ состояній въ самосознаніи. Шопенгауэръ различалъ двѣ объективныя и двѣ субъективныя его формы. Законы основанія бытія и основанія бывания (причинности) суть формы объективнаго сознанія, законы достаточнаго основанія идей и достаточнаго основанія поступковъ (мотивизаціи) субъективныя формы самосознанія. Но что такое «законъ основанія бытія»? Если мы знаемъ въ мірѣ только «явленія», чрезъ наши «представленія», то, очевидно, опредѣленіе основанія бытія «внѣ насъ» для нашего сознанія невозможно, и Шопенгауэръ самъ признаетъ, что основаніе бытія мы находимъ только въ самосознаніи (въ самооткровеніи воли). Такимъ образомъ, и законъ «основанія бытія» имѣетъ смыслъ только какъ форма самосознанія. Законъ «основанія бывания», по Шопенгауэру, есть законъ причинности. Но въ одномъ мѣстѣ «Міра какъ воли и представленія» онъ признаетъ, что законъ основанія въ этомъ смыслѣ, т.-е. въ сферѣ опыта, есть «общее выраженіе сознаваемыхъ нами a priori формъ объекта—пространства, времени и причинности» (der gemeinschaftliche Ausdruck für alle diese uns a priori bewussten Formen des Objects, т.-е. Zeit, Raum und Causalität, I, стр. 6). Въ другомъ мѣстѣ онъ разсматриваетъ законъ основанія «явленій», какъ общій законъ эмпирическаго созерцанія и представленія «въ области конкретныхъ предме-

[1]) Lex rationis determinantis, какъ болѣе общая формула закона «основанія».

товъ эмпирически-реальнаго міра, какъ форму воспріятія всякаго измѣненія, причемъ усмотрѣніе причинной связи есть усмотрѣніе извѣстной связи или зависимости воспріятій во времени (Salz v. Gr., стр. 28 и слѣд., Welt als W. u. V. II, стр. 46 — 50), и притомъ усмотрѣніе, данное a priori[1]). Ясно, что самъ Шопенгауэръ не прочь видѣть въ распорядкѣ чувственныхъ впечатлѣній во времени и пространствѣ только частную форму усмотрѣнія зависимости нашихъ душевныхъ состояній или представленій—въ сферѣ внѣшняго опыта, и готовъ разсматривать время, какъ единственную, общую отличительную форму закона основанія въ области чувственнаго опыта, ибо причинность въ этой области есть только форма усмотрѣнія «послѣдовательности». Но тогда какимъ образомъ время, будучи частною и спеціальною формой усмотрѣнія зависимостей ощущеній, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ, съ точки зрѣнія того же Шопенгауэра, общею формою усмотрѣнія всякихъ зависимостей? А затѣмъ: можно ли разсматривать идею причинности какъ неразрывно связанную только съ воспріятіемъ времени? Во внѣшнемъ опытѣ усмотрѣніе причинныхъ отношеній, какъ справедливо признавали эмпирики со времени Юма, есть дѣйствительно только спеціальная форма усмотрѣнія отношеній явленій во времени, а именно постоянной, повторяющейся ихъ смѣны. Все же то, что лежитъ еще въ идеѣ причинности,—сознаніе необходимости и творческаго характера связи, какъ это достаточно ясно было показано нами и гг. Лопатинымъ и Астафьевымъ въ статьяхъ «О свободѣ воли»[2]), почерпается нами изъ внутренняго опыта, а именно изъ самосознанія воли, какъ «дѣятеля и творческой причины» поступковъ. Можно сказать, что законъ причинности есть постоянно переносимое на истолкованіе зависимости внѣшнихъ явленій обобщеніе изъ внутренняго опыта и сочетаніе идей двоякихъ отношеній: между волею, какъ свободною творческою силою, и ея проявленіями въ хотѣніяхъ—съ одной стороны, и хотѣніями и дѣйствіями (или поступками) съ другой. Отсюда въ идеѣ причинности—соединеніе идеи творческой свободы (въ хотѣніи) и необходимости (въ дѣйствіи). Но тогда законъ причинности есть лишь сложный продуктъ сочетанія законовъ «основанія бытія» и «основанія дѣйствія» (legis rationis determinantis essendi и l. r. d. agendi).

---

[1]) Also ist uns nicht bloss das Gesetz der Causalitität, sondern auch dessen Beziehung auf die Zeit, und die Nothwendigkeit der Succession von Ursache u. Wirkung a priori bekannt. W. a. W., II, стр. 45.

[2]) См. III. вып. «Трудовъ Психологич. Общества—О свободѣ воли». М. 1889.

Такимъ образомъ, во внѣшнемъ опытѣ законъ основанія и слѣдствія весь сводится только къ усмотрѣнію связей и зависимостей чувственныхъ воспріятій въ пространствѣ и во времени. Ничего иного внѣшній опытъ самъ по себѣ не даетъ. Слѣдовательно, «lex rationis determinantis fiendi», какъ «законъ основанія бывания или явленій», всецѣло сводится къ закону основанія воспріятій въ пространственно-временной ихъ зависимости, но это не есть законъ причинности, а только законъ смежности и послѣдовательности; это первое существенное дополненіе къ ученію Шопенгауэра. Во-вторыхъ, кромѣ законовъ основанія познанія (логическаго), хотѣнія и дѣйствованія долженъ быть также допущенъ и выдѣленъ особо законъ основанія чувства (эстетическій законъ) [1]). Далѣе, надъ всѣми этими пятью спеціальными законами основанія царитъ несомнѣнно общій и основной психологическій законъ—законъ основанія самосознанія или сознанія вообще, къ которому всѣ прочія формулы относятся какъ частныя его выраженія.

Изъ этого анализа ясно, что «законъ основанія бывания», т. е. законъ воспріятія явленій въ пространствѣ и времени, должно разсматривать только какъ одну изъ частныхъ формъ «психологическаго» закона распорядка душевныхъ фактовъ въ самосознаніи, а именно въ области чувственнаго опыта. Общій же психологическій законъ объединенія и раздѣленія—съ одной стороны, объединяетъ и раздѣляетъ всѣ факты чувственнаго опыта въ образахъ пространства и времени, съ другой—всѣ факты внутренняго опыта въ образахъ логической, эстетической, этической и практической зависимости—мыслей, чувствъ, хотѣній и поступковъ, причемъ эти формы объединенія и раздѣленія ничего общаго съ пространственнымъ и временнымъ распорядкомъ чувственныхъ впечатлѣній не имѣютъ.

Этими замѣчаніями мы далеко не думали исчерпать всѣхъ формъ усмотрѣнія зависимостей душевныхъ фактовъ въ самосознаніи, а показали только главныя формы и нѣсколько исправили и расширили классификацію Шопенгауэра. Можетъ быть, напр., въ религіозномъ самосознаніи мы имѣемъ особое проявленіе «закона основанія»: но такъ какъ мы до сихъ поръ не занимались этимъ вопросомъ спеціально, то

---

[1]) Формулу этого важнаго закона мы попытаемся точнѣе опредѣлить въ особой статьѣ. Мы полагаемъ, что эта форма закона основанія сводится къ идеѣ цѣлесообразности—связи средствъ съ цѣлью, проявленій—съ ихъ смысломъ или идеею. Въ такомъ видѣ законъ основанія и лежитъ въ корнѣ всякой эстетической оцѣнки и художественнаго творчества, т.-е. того чувства красоты и гармоніи, которое руководитъ ими.

боимся рѣшать теперь проблему: есть ли религіозное самосознаніе совершенно самостоятельная форма внутренней интуиціи, или сложный синтезъ всѣхъ остальныхъ.

Во всякомъ случаѣ, съ изложенной нами точки зрѣнія, процессъ воспріятія «явленій во времени» есть частная форма воспріятія спеціальной связи фактовъ сознанія, и процессы самосознанія, въ тѣсномъ смыслѣ, очевидно къ этой формѣ взаимной зависимости воспріятій и представленій несводимы.

Въ заключеніе анализа основныхъ формъ самосознанія скажемъ, что и законъ тожества или, общѣе, законъ отожествленія и различенія имѣетъ параллельно совершенно тѣ же формы, какъ и законъ основанія. Мы уже показали выше значеніе его: 1) въ области чувственнаго опыта, т. е. при построеніи представленій пространства и времени; 2) въ области внутренняго психологическаго опыта вообще, при построеніи идей души, сознанія или субъекта, какъ среды разнообразныхъ группъ душевныхъ фактовъ; 3) въ области логической дѣятельности при установленіи отношеній понятій въ сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Остается указать на его прочія существенныя формы: 4) въ области самосознанія воли или нравственной, гдѣ на основаніи его совершается группировка и классификація этическихъ понятій—добра, зла, нравственныхъ чувствъ, въ отличіе отъ другихъ и пр. 5) въ области эстетическаго самосознанія (идеи прекраснаго, высокаго, уродливаго и т. д.); 6) въ области практическаго дѣйствованія (юридическія формы и нормы). Въ настоящей статьѣ, уже достаточно растянувшейся, мы не будемъ подробно разбирать формъ и продуктовъ отожествляющей и различающей работы самосознанія во всѣхъ этихъ областяхъ. Мы думаемъ, что наша основная мысль о безвременности формъ самосознанія достаточно выяснена, и потому перейдемъ теперь къ послѣднему вопросу: что мы собственно воспринимаемъ въ самосознаніи, — явленія и символы духовнаго существованія, или нѣчто больше символовъ, т. е. самое это существованіе въ его подлинной природѣ и свойствахъ?

XII.

Подъ терминами бытіе, субстанція, сущность философы никогда не подразумѣвали ничего другого, кромѣ постоянной, неизмѣнной основы міровыхъ «явленій» или «феноменовъ», которые воспринимаются нами субъективно во времени и пространствѣ, т. е. въ нашихъ

представленіяхъ о пространствѣ и времени. Если мы что-либо можемъ познавать внѣ этихъ представленій, независимо отъ нихъ, то eo ipso можемъ познавать истинное бытіе или субстанцію. Но духовную дѣятельность свою мы познаемъ внѣ или помимо этихъ формъ «являемости»; слѣдовательно, мы познаемъ ее, какъ она есть, въ субстанціи.

Основу духовной дѣятельности своей мы познаемъ въ самосознаніи: 1) какъ непространственное и потому безконечное [1]) вмѣстилище или среду различныхъ душевныхъ потенцій и состояній,—среду единую во множествѣ этихъ своихъ состояній, которую и называемъ душою,—это «мнимое пространство» психическихъ смежностей, 2) какъ неизмѣримый во времени, вѣчный и сверхвременный процессъ, называемый сознаваніемъ—это «мнимое время» психическихъ зависимостей, т. е. безконечнаго разнообразія и богатства душевныхъ актовъ, дѣйствій, созиданій. Идея единаго «субъекта» слагается какъ изъ идеи «психическаго псевдопространства или среды», такъ и изъ идеи «психическаго псевдовременнаго процесса», и притомъ такъ, что объ эти идеи таинственно сливаются въ лабораторіи нашего духа, такъ что «различное въ процессѣ» представляется «тожественнымъ въ средѣ» субъекта, какъ напр., при психологическомъ отожествленіи различныхъ состояній, а «различное въ средѣ» является часто «тожественнымъ въ процессѣ», какъ это бываетъ, напр., при логическомъ уравненіи понятій,—такъ что субъектъ оказывается идеею, обнимающею все настоящее, прошедшее и будущее опыта, все возможное, необходимое и дѣйствительное въ самосознаніи,—словомъ, всю вселенную, какъ единовременное наше представленіе, какъ цѣльный и связный микрокосмъ. Духъ нашъ есть солнце, непрерывно освѣщающее для насъ міръ какъ свое же созданіе. Этотъ міръ движется, но солнце стоитъ—субъектъ остается неизмѣннымъ, единымъ, цѣльнымъ, и это единое цѣлое называется «личностью». Всѣ превращенія эмпирической, животной индивидуальности не способны измѣнить эту единую личность, и даже патологическія измѣненія нашего «я» въ психическихъ болѣзняхъ не способны устранить того факта, что они совершаются на почвѣ и въ нѣдрахъ «единой» личности, часто возвращающейся и всегда теоретически могущей вернуться въ прежнія состоянія, къ прежнимъ потенціально не исчезнувшимъ формамъ самочувствія и самосознанія. Мы чувствуемъ инстинктивно, что эта личность не погибла абсолютно, а только дремлетъ, спитъ и можетъ проснуться, какъ послѣ болѣзни тѣла, такъ и послѣ

[1]) Ибо «конечность» есть чувственно-пространственное опредѣленіе.

смерти его,—точно такъ, какъ и тогда, когда человѣкъ нормально крѣпко спитъ и ничего не сознаетъ и не дѣлаетъ, мы все-таки убѣждены, что личность его цѣликомъ продолжаетъ быть, какъ неизмѣнная потенція всевозможныхъ психическихъ актовъ, ей свойственныхъ.

Что же? Неужели въ этомъ самосознаніи субъекта, какъ «непространственной среды» и «сверхвременнаго процесса», мы сознаемъ тоже одни только «явленія, феномены, призраки душевнаго бытія», какъ и при воспріятіи явленій внѣшняго бытія міра? Но: 1) гдѣ призма, преломляющая лучи этого бытія, пока они не дошли до самосознанія, 2) гдѣ среда, въ которой эти лучи движутся въ пространствѣ и во времени, и 3) что же такое представленія о явленіяхъ міра, если они сами только призматическія преломленія нашего духа въ средѣ нашихъ собственныхъ представленій? Въ этомъ абсолютномъ «феноменизмѣ» мы доходимъ до точки, гдѣ разумъ готовъ превратиться въ безуміе, ибо если мы въ самосознаніи своихъ представленій о мірѣ имѣемъ дѣло не съ подлинными своими представленіями, а съ символами символовъ, то гдѣ же кончается, наконецъ, символика и начинается настоящее знаніе и сознаніе? «Абсолютный скептицизмъ—вотъ естественный и необходимый продуктъ абсолютнаго феноменизма».

Если «представленія» наши—не сама мысль, а только «символическіе образы мысли», то что же есть мысль? А если они—наша подлинная мысль, то, значитъ, въ хотѣніяхъ своихъ мы познаемъ и подлинную свою волю, а въ мысляхъ, хотѣніяхъ, чувствахъ и ощущеніяхъ подлинную душевную среду или душу и истинный душевный процессъ—процессъ сознаванія. «Между сознаніемъ и активными состояніями (скажемъ—вообще состояніями) нашей души не лежитъ ничего третьяго, никакихъ передаточныхъ ощущеній, никакой преломляющей призмы, безъ которой нельзя обойтись при воспріятіи вещей внѣшняго міра», говоритъ нашъ почтенный товарищъ Л. М. Лопатинъ [1]), и въ этомъ мы вполнѣ съ нимъ согласны. «Въ духовномъ бытіи непосредственно данъ не только субъектъ съ внутренними его состояніями и дѣйствіями, но реально дано и отношеніе субъекта къ тому, что совсѣмъ не этотъ субъектъ, но обладаетъ своею обособленною отъ него дѣйствительностью», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [2]), и мы безусловно подписываемся и подъ этимъ положеніемъ. Но если такъ, то почему, признавая, что «всякая дѣятельность есть процессъ, т. е. нѣко-

[1]) «Положительныя задачи философіи», ч. II, стр. 158.
[2]) Тамъ же, стр. 152.

торое движеніе внутреннихъ моментовъ ея реализаціи» [1]), онъ не отличаетъ «пространственно-временнаго процесса и движеній въ мірѣ внѣшнихъ физическихъ явленій» отъ открывающагося намъ въ самосознаніи сверхвременнаго процесса «психическихъ реализацій», логическихъ, нравственныхъ, эстетическихъ? Онъ признаетъ, что «единство нашего я есть его сверхвременность» и что «субстанціальное въ насъ есть предметъ нашего непосредственнаго усмотрѣнія» [2]), а такъ какъ это значитъ, что субстанціальное сверхвременное единство субъекта — предметъ нашего непосредственнаго усматриванія, то очевидно, что мы непосредственно усматриваемъ и нашу сверхвременность. Но гдѣ же и какъ, — если не въ самосознаніи, во внутреннемъ «сверхвременномъ» опытѣ? А если въ немъ, то самосознаніе есть именно «сверхвременная форма познанія сверхвременнаго и сверхфеноменальнаго субъекта».

Признать эти послѣднія истины г. Лопатину, какъ и прочимъ метафизикамъ нынѣшняго вѣка, помѣшалъ предразсудокъ Канта о «времени, какъ формѣ внутренней интуиціи», и мы надѣемся, что этотъ предразсудокъ мы достаточно поколебали, если не вполнѣ разсѣяли, своей статьей о времени. А если онъ падаетъ, то и метафизика, и психологія вступятъ на совершенно новый и чрезвычайно плодотворный путь дѣйствительнаго уразумѣнія «безвременной природы духа» и чрезъ нее — единой субстанціи міра, которая въ немъ выражается, и которую мы называемъ «Богомъ». Не поймемъ ли мы идею «сверхвременной личности вселенной» только тогда, когда вполнѣ уразумѣемъ безвременную природу своей собственной духовной личности? Къ этому уразумѣнію и должна стремиться современная психологія, какъ основа будущей, новой метафизики.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО КРУЖКА БИБЛІОТЕКА

[1]) Тамъ же, стр. 307.
[2]) Тамъ же, стр. 304.